

**ИНТЕГРАЦИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Том 1

**INTEGRATING
ARCHAEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHIC
RESEARCH**

Volume 1

2013

Институт археологии и этнографии СО РАН
(Россия, Новосибирск)

Иркутский государственный технический
университет (Россия, Иркутск)

Омский филиал Института археологии и
этнографии СО РАН (Россия, Омск)

Иркутский филиал Института археологии и
этнографии СО РАН (Россия, Иркутск)

Университет Абердина (Великобритания,
Абердин)

Восточно-Сибирская государственная
академия образования (Россия, Иркутск)

Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)

Омский государственный университет им.
Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Сибирский филиал Российского института
культурологии (Россия, Омск)

Institute of Archaeology and Ethnography of
the SB of the RAS (Russia, Novosibirsk)

Irkutsk State Technical University (Russia,
Irkutsk)

Omsk Division of Institute of Archaeology and
Ethnography of the SB of the RAS (Russia,
Omsk)

Irkutsk Division of Archaeology and
Ethnography of the SB of the RAS (Russia,
Irkutsk)

University of Aberdeen (Great Britain,
Aberdeen)

East Siberian State Academy of Education
(Russia, Irkutsk)

Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

Omsk State University of F.M. Dostoevsky
(Russia, Omsk)

Siberian division of Russian institute of
culturologia (Russia, Omsk)

Интеграция археологических и этнографических исследований

Том 1

Сборник научных трудов

Иркутск, Омск

Integrating archaeological and ethnographic research

Volume 1

Conference Proceedings

Irkutsk, Omsk

2013

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ИрГТУ

Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов: в 2 т. / гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – 332 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основании материалов исследователей - участников XX международного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Иркутск, 26-30 мая 2013 г.). Симпозиум был посвящен 200-летию со дня рождения М.А. Кастрена и 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева.

В сборнике представлены работы ученых: археологов, этнологов, антропологов, экологов и других специалистов из Азии, Европы, Северной и Центральной Америки. Статьи посвящены изучению проблем интеграции археологических и этнографических исследований по следующему кругу проблем: «Этноархеологические исследования: теория, методика, историография, источники», «Археология окружающей среды: человек, животные, окружающий ландшафт; влияние человека, животных на окружающий ландшафт, приспособление к нему», «Взаимодействие человека и животных по данным археологии и этнографии», «Сакральные территории по данным археологии и этнографии», «Мир инобытия: мировоззрение и практики древних и традиционных обществ по данным археологии, этнографии и смежных наук», «Исторические реконструкции по данным археологии и этнографии».

Книга рассчитана на специалистов в области археологии, этнологии, этноархеологии, истории, культурологии и других наук.

These conference proceedings were assembled from the original scientific papers of the participants of the 20th international symposium «Integrating archaeological and ethnographic research», which took place in Irkutsk on May 26-30, 2013. The symposium was devoted to the 200th anniversary of the birth of M.A. Kastren and to the 85th anniversary of the birth of R.G. Kuzeev.

The proceedings collect the work of: archaeologists, ethnologists, anthropologists, ecologists and other experts from Asia, Europe, North and Central America. It is devoted to studying the problems of how to integrate archaeological and ethnographic research. The following themes are addressed: “Ethnoarchaeological researchs: theory, technique, historiography, and sources”, “Environmental archaeology: (humans, animals, the surrounding landscape; the influence of people and animals on the surrounding landscape, their adaptation to it)”, “Biosociality: New conceptions of human and or animal agency as documented by archaeological and ethnographic research”, “Sacred Landscapes: Sacred territories as documented by archaeological and ethnographic research”, “Alternative Worlds and Worldviews (инобытия): The Worldview and practices of ancient and traditional societies as documented by archeologists, ethnographers and interdisciplinary researchers”, “Historical reconstruction by archeological and ethnographic research”.

The book will be of interest to experts in the field of archeology, ethnology, ethnoarchaeology, history, cultural science and other sciences.

Рецензенты: канд. ист. наук **Н.А. Савельев**, Иркутск;
канд. ист. наук **Б.А. Конилов**, Омск

Редакционная коллегия: Д. Дж. Андерсон (отв. ред.); канд. ист. наук М.А. Корусенко (отв. ред.); академик, д-р. ист. наук В.И. Молодин; канд. ист. наук А.В. Тетенькин; канд. ист. наук М.Н. Тихомирова; канд. ист. наук С.С. Тихонов (отв. ред.); д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.); д-р ист. наук А.В. Харинский (отв. ред.); Н.С. Баранова (уч. секретарь)

*Симпозиум проходил при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 13-06-06-045*

ISBN 978-58038-0835-0 (т. 1)
ISBN 978-5-8038-0834-3

© Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, 2013
© Иркутский государственный технический университет, 2013

IN MEMORIAM

ПОЧУВСТВОВАТЬ ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ, ДЫХАНИЕ НАРОДОВ...¹

Рис. 1. Уфа (1988 г?), Р.Г. Кузеев – заведующий сектором народов Южного Урала Института истории, языка, литературы

- Раиль Гумерович, как вы пришли в этнологическую науку? Увлечение этнографией для вас было осознанным или случайным?

- Этнографией я, наверно, увлекся тогда, когда еще не знал этого слова. И это было связано с одним эпизодом. Когда началась война, я учился в 5 классе. 1 сентября 1941 г. в нашу школу пришли совершенно новые учителя, в основном эвакуированные из Киева ученые из АН Украинской ССР и преподаватели вузов. Литературу преподавала Богомолец Виктория Константиновна, и как-то она нам дала задание - написать сочинение «Как я провел каникулы». Я уехал в деревню Салихово (деревня моей матери) недалеко от Уфы, и там мне пришлось участвовать в настоящей охоте на зайцев. Зайца мы так и не подстрелили, но охота на меня произвела глубочайшее впечатление. Мы вернулись домой, и я взахлеб стал рассказывать о своих впечатлениях бабушке с дедушкой. А они, в свою очередь, рассказали мне про свои былые времена. И, видимо, этим я сильно проникся. Вернувшись в Уфу, я написал сочинение, в котором очень подробно описал свои впечатления о пребывании в деревне. Короче

говоря, получилось так, что мое сочинение впоследствии читали не только в нашей школе, но и других школах города как образец «творческого отношения к школьному заданию». И вот уже тогда я, наверно, ощутил некий интерес к селу, к сельскому образу жизни, быту, будем говорить, к этнографической действительности.

В 1943 г., когда я закончил 7 классов, многих выпускников, в том числе и меня, направили в ФЗУ. Это было обычным делом в военные годы. Я попал на моторостроительный завод. И, как помню, я не только не хотел, но просто боялся завода. Эта боязнь, наверно, у меня была генетической, поскольку все мои родственники - отец, мать, бабушка, дедушка - были выходцами из крестьян. В течение 2-3 месяцев я на поезде ездил на моторостроительный завод. Поезда в то время ходили медленно. Бывало, что рабочий поезд, на котором мы добирались до завода, на небольшом подъеме около полустанка «Воронки» стоял по 2-3 часа, особенно в непогоду. Я был учеником токаря. Время было тяжелое, дисциплина суровая, но я очень гордился тем, что сразу получил рабочую карточку на хлеб. Однажды совершенно случайно на одной из улиц я встретился с Викторией Константиновной, которой я рассказал о своей работе на заводе. И она, без моей

просьбы, поехала на завод, встретила с заводским начальством и сказала: «Этот мальчик очень способный. Вы его тут не держите, пусть он учится дальше». Благодаря ей мне вернули документы, но в школу обратно не взяли. Видимо, считая меня почти мобилизованным, опасались создать нежелательный прецедент. Тогда я поступил в геолого-разведочный техникум, с головой окунулся в математику, начертательную геометрию, геологию... После окончания техникума я вовсе не помышлял о гуманитарном образовании и поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта на факультет мостов и тоннелей. Время было тяжелое - послевоенная разруха голод и мы, естественно, жили очень трудно. Там я заболел крупозным воспалением легких и был вынужден вернуться в Уфу.

А вот дальше судьба распорядилась очень интересно. Я еще болел, когда ко мне пришли мои братья. Двое из них, вернувшись с фронта, учились на историческом факультете Педагогического института им. К.А. Тимирязева. Обеспокоенные моей дальнейшей судьбой, они предложили мне вместе с ними учиться в Педагогическом институте. Вскоре я поправился, выписался из больницы, сдал экзамены и поступил на исторический факультет. Мне пришлось держать экзамены за первый семестр по полной программе. К своему удивлению, я единственный на курсе, все экзамены сдал на одни пятерки. Это меня окрылило, я охладил к математике и стал историком.

Лекции у нас читали блестящие преподаватели, в основном из числа эвакуированных в Уфу профессоров, например, Ласунский, Пезов, Семенова, Миклашевская... Это была плеяда блестящих ученых и высокообразованных людей. Из местных историю нам читал А.Н. Усманов. Он был также очень высокообразованным человеком и блестящим ученым. У него на нашем курсе был спецкурс по истории Башкирии.

После окончания вуза я стал младшим научным сотрудником в Институте истории, языка и литературы. Тогда еще институт был при Совете Министров Башкирской АССР. Там я познакомился с Петром Федоровичем Ищериковым. Это была яркая фигура. Именно он как-то мне сказал: «Раиль Гумерович, вы же прирожденный этнограф». И тут я снова вспомнил свое школьное сочинение, Викторину Константинову и всю эту историю. Осенью 1951 г. я решил поступить в аспирантуру Института этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Кстати, я был первым целевым аспирантом Башкирского филиала Академии наук и по поручению тогдашнего директора ИИЯЛ М.Я. Янгирова сформировал первую команду аспирантов, поскольку нам тогда дали четыре вакансии. В эту команду вошли нынешний академик АН РБ Г.Б. Хусаинов, бывший проректор БГУ М.Ф. Гайнуллин, впоследствии известный археолог, ныне покойная М.Х. Садыкова и я. Вступительные экзамены у меня принимал Михаил Григорьевич Левин, тогда знаменитый и очень известный антрополог. Экзамены я выдержал успешно и стал аспирантом Института этнографии, а потом всю свою жизнь занимался только этой наукой.

- Какое место, на ваш взгляд, должна занимать полевая этнография сегодня? Согласитесь, в разное время в нашей науке экспедициям придавали неодинаковое значение.

- Ну, во-первых, давайте разберемся в понятиях «этнология» и «этнография». В нашей стране эта наука все время называлась этнографией и лишь в последнее десятилетие, с появлением новой проблематики, по примеру западных стран, мы свою науку в одночасье переименовали в этнологию. Но во многих странах эти понятия существуют параллельно. Этнология - это исследовательская часть науки, а этнография - это полевая работа, сбор материалов. Я считаю, что сама наука первоначально родилась из сбора материалов, т.е. из экспедиций. Вспомним, например,

Великие географические открытия. В мировом аспекте это - колоссальные знания, новые источники в процессе человеческого познания.

Не составляет исключения и Россия. Яркий тому пример - знаменитые академические экспедиции 1733-1743 и 1768-1774 гг. с участием таких известных исследователей, как Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Г. Георги, И.Г. Готлиб, П.С. и Н.П. Рычковы и др. Если взять более поздний период, это ссыльные исследователи, такие как Л.Я. Штернберг, В.Л. Серошевский, В.Г. Богораз и др. Таким образом, полевая работа, экспедиции были в основе познания народов России всегда. А вот когда материал был накоплен и исследователи перешли к его обобщению, вероятно, акценты несколько поменялись и на первое место стали выходить теоретические, обобщающие проблемы. Но опять-таки это не было прямым развитием, потому что этнография всегда развивалась «волнообразно», в том смысле, что повышение активности экспедиционных работ сменялось повышением активности работ теоретического плана. Возьмем, к примеру, историю развития российской этнографии. И мы с вами увидим, что XVIII и XIX вв. сопряжены с очень активной экспедиционной работой. В нашем регионе - это исследования В.М. Черемшанского, С.И. Руденко, П.И. Небольсина и др. А с начала XX в. появляются обобщающие работы, которые тянутся вплоть до 20-30-х годов. Наиболее крупными, применительно к башкирам, являются работы тех же С.И. Руденко, Н. Попова, В.М. Флоринского, в том числе местных исследователей - Б.Г. Юлуева, М. Уметбаева и др.

Экспедиционный бум в России восстановился в послереволюционное время, когда при Академии наук была образована так называемая Комиссия по изучению племенного состава России. В составе экспедиций, учрежденных этой комиссией, работали такие выдающиеся этнографы, как С.И. Руденко, С.А. Бежкович, В.Н. Белицер, Л. Берхгольц и др. Кстати, В.Н. Белицер мне передала несколько шежере башкир, которые потом я включил в свою книгу. И сегодня было бы крайне важно побольше узнать об этих экспедициях.

Начиная с конца 20 - начала 30-х гг. этнография попадает в число наук, которые с точки зрения большевистской идеологии не были актуальными. И такое преследование этнографии продолжалось очень долго. В 1934 г. Институт этнографии в Москве практически был закрыт. После этого он частично переехал в Ленинград. Примерно к этому же времени в Москве были выполнены колоссальные работы по созданию Музея народов СССР, однако в конечном итоге он так и не был открыт. И таких примеров можно привести бесконечное множество. Естественно, отдельного разговора заслуживает тема репрессий против российских этнографов. По этой теме в последнее время очень плодотворно трудится А.М. Решетов из Санкт-Петербурга.

Когда я впервые оказался в Москве в Институте этнографии, этот институт имел сравнительно небольшую историю. Из Ленинграда обратно в Москву институт был переведен в 1944 г. Тогда в его стенах работала замечательная плеяда ученых, которые чудом уцелели во время сталинских репрессий: С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Левин, М.О. Косвен, С.А. Токарев, И.И. Потехин, Л.Н. Терентьева, Т.А. Жданко, П.И. Кушнер, Б.К. Терлецкий и многие - многие другие. Еще в те годы на страницах периодической печати то и дело публиковались статьи с ужасными и откровенно издевательскими насмешками над этнографической наукой. Помнится, в газете «Правда» в начале 50-х годов была напечатана печально известная статья «Лапотная наука». Идеологическое давление приводит к тому, что этнография постепенно переходит на изучение современности. В те годы чрезвычайно модным стало изучение культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса. Кстати, первым, кто создал программу по изучению культуры и быта колхозного

крестьянства, был известный ученый и этнограф Н.И. Воробьев. Такую же программу по изучению культуры и быта рабочего класса создала В.Ю. Крупянская. И это продолжалось довольно долго. Мне самому пришлось участвовать в подобной экспедиции, когда мы изучали культуру и быт населения села Дархан Пржевальского района в Киргизии. Вследствие такого смещения акцентов в проблематике этнографической науки существенным образом изменились направления экспедиционных исследований. Конечно, некоторые традиционные элементы сохранились, но экспедиции приобрели совершенно отчетливые идеологические направления, постоянно необходимо было подчеркивать расцвет наций и их культур.

А затем, начиная с 60-х гг., наступает некоторая оттепель, и Россия постепенно открывается для всего мира. В отечественной этнографии это проявляется в том, что, из западной этнологии в нее хлынула лавина всяких новых терминов. И эти понятия наша этнография вынуждена была освоить, в особенности понятия в области культурной и этнической терминологии. Этот процесс еще более активизировался с приходом в Институт этнографии нового директора - Ю.В. Бромлея, который усиленно стал изучать западную терминологию и попытался переломить ее к условиям России и отечественной этнографии. В итоге вышли его классические монографии: «Этнос и этнография», «Очерки теории этноса» и др. Все это направило нашу этнографию в русло некоторой интеграции и сближения со стандартами западной этнологии. В конечном итоге это же обстоятельство, на мой взгляд, ослабило позиции полевой этнографии и значение экспедиций в целом. Многие этнографы практически перешли на этносоциологические исследования, т.е. все обратилось к современным процессам: этническим, социальным, культурным, языковым и т.д. Получилось так, что буквально все преломлялось с точки зрения современности. И в общем экспедиции практически стали не нужны. Хотя на местах экспедиционные исследования еще продолжались. У нас в Башкирии взлет таких исследований относится к концу 50-х - началу 60-х гг. Потом они вновь пошли на убыль.

В наше время складывается очень интересная ситуация. Нынешнее состояние этнологии настоятельно требует изучения универсальных проблем. К таковой я отношу проблему соотношения этноса, общества и человека.

Во-первых, необходимо решить, что является главной предметной областью этнографии. Этнос? Само название нашей науки - «этнография», «этнология», на мой взгляд, продолжает действовать на сознание наших ученых. Сам Ю.В. Бромлей считал, что этнос и есть главный объект исследования. А вслед за ним некоторые ученые стали считать, что этнос является не только главным объектом, но и главным субъектом истории. Но ведь за рубежом этнологию называют социальной этнологией или социальной антропологией. Тогда главным субъектом истории являются общество или отдельный человек. Другим названием этнологии является культурная антропология. Когда считают главным субъектом этнографии только этнос, мне представляется, что вопрос поставлен некорректно. Потому что этнос - это только термин и больше ничего. И я думаю, что этнос сам по себе не является главным субъектом истории. Сегодня, когда права человека являются доминирующим элементом международной политики, главным объектом этнографии должен стать человек и те институты, которые он создает. Наша страна пока находится на промежуточном этапе. Мы только приближаемся к пониманию этих терминов и этой ситуации. Есть масса ученых, которые в современных народах видят только этническое содержание. Мы же утверждаем иное понимание - гражданское общество при сохранении этничности. В моем понимании, сейчас мы вступаем в период, когда наша наука должна уделять больше внимания социальным и культурным

аспектам развития этноса. Это значит, что мы вновь стоим перед необходимостью активизировать экспедиционные исследования. Согласитесь, ведь это бесконечный процесс. Например, то, что мы изучали в 30-50-х гг., сегодня представляет совершенно другую реальность. Вообще, Евразия в этнографическом отношении до конца еще не изучена. Например, до сих пор белыми пятнами в нашей науке остаются проблемы ментальности, детской этнографии, народной медицины и т.д. Следовательно, экспедиционные исследования сегодня нужно не только восстановить, но и думать об их обновленных формах.

- Раиль Гумерович, кто были ваши учителя, кто оказал наибольшее влияние на вас, как на ученого?

- Я очень горжусь тем, что как этнограф я сформировался, если можно выразиться, в «густом соусе» наших великих этнологов. Я их уже называл. Это - С.П. Толстов, С.А. Токарев, М.Г. Левин, М.О. Косвен, И.И. Потехин, Л.Н. Терентьева, Т.А. Жданко, П.И. Кушнер и др.

Как на ученого, большое влияние на меня оказал мой научный руководитель Н.Н. Чебоксаров. Это был крупный ученый – и антрополог, и этнограф, и географ. Чрезвычайно широка была география его научных интересов, потому что он одинаково успешно занимался Китаем, Поволжьем, народами Севера.

А в экспедициях моим учителем был С.М. Абрамзон. Я считаю, что мне очень повезло: в 1952 г. меня включили в состав Тянь-Шанской экспедиции и в течение 3,5 месяцев я собирал полевые материалы среди киргизов и дунган.

- Не могли бы Вы рассказать об этой экспедиции подробнее?

- Да, конечно. Начальником этой экспедиции был А.Н. Бернштам, а С.М. Абрамзон возглавлял этнографический отряд экспедиции. С.М. Абрамзон, безусловно, очень сильно на меня повлиял. Это был блестящий полевик, написал ряд фундаментальных работ по этнографии, в том числе фундаментальную монографию «Киргизы». Кроме того, он был специалистом по киргизской родоплеменной номенклатуре, хорошо знал этнографию народов Центральной и Средней Азии, генеалогию, исторические предания, в общем, все то, что сейчас называется этногонией. Именно он терпеливо учил меня собирать материалы по социальной организации кочевнических культур и родоплеменным структурам. С.М. Абрамзон был педант, он учил меня аккуратно все записывать и непременно карандашом, чтобы в случае чего записи не пострадали от дождя и влаги. Потом он строго требовал, чтобы в полевой сумке были карты, миллиметровки, набор карандашей, линейка, компас, запас фотопленок и т.д.

В составе экспедиции работали и другие опытные полевики, например Е.И. Маслова. Под ее руководством я занимался материальной культурой. Е.И. Маслова учила меня снимать планы жилища, усадьбы, поселения. Чертежи, которые я составлял, до сих пор у меня перед глазами. Помнится, что один только план усадьбы я снимал два, а то и три дня, при этом записывая все термины и названия на киргизском языке. Переводчик мне не требовался, потому что я довольно сносно понимал этот язык. Бывало, что у хороших информаторов я сидел целыми днями. Безусловно, все эти работы требовали огромного терпения. Некоторыми моими материалами С.М. Абрамзон воспользовался, так как в книге есть ссылка на мои полевые источники.

Другим асом полевой работы, была работавшая вместе с нами Г.П. Васильева - автор десятков работ и книг. Она была прекрасным собирателем, и я помогал ей как переводчик. В целом экспедиция поработала достаточно успешно. Результатом полевых исследований в итоге стала монография «Быт и культура села Дархан Пржевальского района Киргизии».

- А с какого года вы начали свои собственные полевые исследования?

- С 1951 года. А после защиты кандидатской диссертации, в 1958-1960-е гг. я организовал две большие экспедиции, в которых принимали участие С.А. Авижанская и Т.А. Крюкова - видные этнографы и специалисты по материальной культуре и декоративно-прикладному искусству народов Урало-Поволжья. В первый раз мы с ними путешествовали по северо-востоку, по долине реки Ай. Кроме научных результатов мы там собрали сотни превосходных экспонатов по народному искусству, которые потом попали в фонды Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде (ныне Российский Этнографический музей). Во вторую поездку мы обследовали бакирские селения по реке Дема.

- Это после этих экспедиций вышла ставшая почти классической книга «Декоративно-прикладное искусство бакир», которую вы написали в соавторстве с С.А. Авижанской и Н.В. Бикбулатовым?

- Нет. Тогда эта идея только зародилась. Основной материал для книги мы собрали в экспедиции 1958-1959 гг. В 1958 г. экспедиционными исследованиями были охвачены юг и юго-восток, включая горную область Башкирии, а в 1959 г. - север и северо-восток Башкортостана, в том числе бакирские селения в Челябинской и Курганской областях. И вообще, проспект будущей книги был написан прямо на поле. А основные контуры книги были разработаны на базе обстоятельных научных отчетов, которые нами всеми были подготовлены. В 1960-1961 гг. мы поработали над иллюстрациями. Книга была издана в 1964 г. Кроме нее на основе собранных материалов вышли десятки содержательных очерков и статей. Все они опубликованы в серии «Археология и этнография Башкирии».

- Кто еще участвовал в этих экспедициях?

- В 1958 г. в состав экспедиции входили Т.М. Гарипов, С.Ф. Миржанова, М.В. Сурина, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова и др. В течение полутора месяцев нам удалось собрать внушительный по объему материал. Например, фотоархив, который ныне находится в ИИЯЛ, создан в основном за счет материалов именно экспедиций 1958-1959 гг. А потом, когда в 1959 г. я стал заместителем председателя Президиума БФАН СССР, такие экспедиции постепенно пошли на убыль. Тем не менее, несмотря на большую загруженность, я в эти годы изредка, но выезжал в экспедиции и старался это дело не забрасывать.

- Кроме больших экспедиций вы вдоль и поперек исходили территорию нашей республики, побывали во всех уголках, где проживают бакиры. Какую роль сыграли ваши индивидуальные экспедиции в формировании или уточнении научных гипотез, связанных с вашей научной проблематикой?

- Иногда индивидуальные экспедиционные выезды (без машины, вне большого отряда и т.д.) для исследователя даже благо. Потому что для ученого открывается широкий простор для неторопливого и обстоятельного наблюдения и обобщений. С другой стороны, когда ты один, тебе никто особо не мешает. Вообще, я с большим удовольствием повторил бы маршруты своих первых экспедиций. Это - моя давняя мечта.

- Раиль Гумерович, полевую этнографию принято считать «альфой и омегой» формирования профессионального этнографа. Что бы Вы могли сказать о перспективах полевой этнографии?

- На этот вопрос я хочу ответить в контексте нашего будущего развития. После распада СССР и мучительных лет поисков путей дальнейшего развития мы снова и снова осмысливаем вопросы: «кто мы такие, как нам жить дальше, почему у России сложилась такая, а не другая судьба? и т.д. Я считаю, что мы должны осмысливать эти вопросы с точки зрения Евразийской истории. Я не большой

поклонник Грубецкого и Савицкого, но глубоко убежден в том, что Евразия в этнологическом плане - это некое единство. И я снова возвращаюсь к тому, что в Евразии этнографические исследования на поле должны быть. Они в прошлом носили, как правило, локальный характер. Кто-то изучал палеоазиатские народы Сибири и Дальнего Востока, кто-то - адыгейцев, кто-то - башкир и татар. Сейчас, на мой взгляд, нужны экспедиции, которые делают акцент на изучении многоэтнических сообществ. Башкирия в этом плане очень плодотворный регион. Такова, впрочем, и вся Евразия. Возьмем, к примеру, место и значение племенных групп меря, мурома и мещера в русском этносе. Это ведь явно уральские корни! Так вот, Евразия стала единой, остается единой и будет единой. Только политические формы самоорганизации могут быть разными: федерация, конфедерация, союз и т.д. Только не надо растаскивать вот это единство по отдельным национальным квартирам. Ведь для того, чтобы излечить опухоль, не надо уничтожать целый организм, надо излечить эту болезнь, вот и все. Поэтому я с очень большим опасением отношусь к призывам строить свое будущее вне России. Какое там благо, какое светлое будущее может быть? Сразу же начнутся конфликты: этнические, конфессиональные, социальные, групповые, элитарные, и т.д. Поэтому полевую этнографию надо восстановить. Причем не только собирать материал, но стараться почувствовать дыхание времени, дыхание народов. И, конечно же, надо дать новую жизнь всем лучшим традициям российской полевой этнографии...

Примечания

1. Публикуемый материал – часть интервью, которое дал Р.Г. Кузеев в 1999 г., накануне своего 70-летия, сотруднику Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (раннее - Центр этнологических исследований Уфимского научного центра РАН) И.Г. Петрову.

Полный текст беседы был опубликован в журнале Вестник Академии наук Республики Башкортостан (1999. - Т. 4. - № 3) и в сборнике «Этносы и культуры на стыке Азии и Европы» (Уфа, 2000).

Е.Е. Нечвалода

*Россия, Уфа, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского
научного центра РАН*

**РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ:
ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСПОМИНАНИЯХ**

Abstract

This article is devoted to the memory of Rail Gumerovich Kuzeev, an ethnographer. The author shares memories of his supervisor, tells the story of his life as a chain of crucial events. The article documents several memories reflecting the character of R.G. Kuseev, his life philosophy, an his attitude to his country and people.

«Он весь дитя добра и света...»

«О память сердца!
Ты сильней рассудка
памяти печальной...».
Собираясь писать
воспоминания,
столкнулась с тем, что
память хранит какие-то
эпизоды, которые очень
трудно пересказать, т.к. в
них мало событийности.
Стерлись некоторые
фамилии, имена и даты –
осталась память о том,
как человек проявлял
себя в различных
ситуациях. Память
хранит отдельные
мгновения, освященные
яркими эмоциями,
интонации, выражения
глаз. Образ ушедшего
человека как мозаика
воссоздается из этих

Рис. 1. Уфа, 1999 г. Раилю Гумеровичу - 70 лет

крупниц, мгновений, эмоций, каждая из которых имеет свой оттенок и в каждой человек преломлялся какой-то своей гранью. Трудно выстроить какую-либо логику повествования. Воспоминания всплывают сами – отдельными эпизодами, идут своей чередой вне всякой логики и хронологии... Нередко это чужие воспоминания, свои и чужие, его собственные... Наша память в какой-то мере искажает прошлое, и, возможно, в рассказанные и пересказанные истории вкрались какие-то неточности, но таково свойство наших воспоминаний...

«В нем было столько изобилий, что и не знаю, как начну...» В нем было столько изобилий – умен, талантлив, озарен искрой Божией, бесконечно обаятелен, деликатен, добр и участлив, порою непосредственен как ребенок с абсолютно детской жадью познания и интереса к жизни и, при этом, в нем было чувство полной ответственности за каждое дело, слово, за людей, за свою страну.

На один из его юбилеев мы, позаимствовав строчки у А.С. Пушкина, признавались ему:

Вы избалованы природой –

Она пристрастна к Вам была
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что Вас любить немудрено,
Что мудрым словом Вы – учитель,
Улыбкой нежной – обольститель,
Что Ваши лучшие труды –
Как увлекательная проза...
И наши рифмы, наша проза –
Пред Вами шум и суета...

Судьба

Вспоминая рассказы о его детстве, не перестаю удивляться – как много событий, казавшихся случайными, выстраивали линию его судьбы. Казалось, его еще ребенка за руку взяла Судьба и бережно вела к становлению и расцвету, а все «случайности» были не случайны... Его Судьба не слепой рок, фатум («от судеб спасенья нет...»), его Судьба – наставница и путеводительница, она хранила своего избранника и направляла

Родился Раиль Гумерович в с. Аминево Чишминского р-на РБ в 1929 г. в крестьянской семье. У него было 4 старших брата и сестра. В скором времени семья перебралась в Уфу, точнее бежала от смертельной опасности. Семейным преданием стала история об «раскулачивании», когда их: всех старших детей и мать с младшим Раилем на руках вывели из дома, хотели расстрелять, но в последний момент помиловали... В ту же ночь семья покинула село и отправилась в Уфу. Это был ключевой, поворотный момент в жизни всей семьи и каждого ее члена в отдельности. Джавид Гумерович (старший из братьев) рассказывал, что просматривая в архиве дела о раскулачивании, выяснил, что их семьи в списке на «раскулачивание» не было. Очевидно, кто-то из местных деятелей решил «под шумок» поживится чем-либо из их крестьянского хозяйства. По семейному преданию, таким объектом завистливых вождедений были часы-ходики в их доме...

Дети подросли и стали учиться. По их воспоминаниям мама строго следила за их учебой, хотя сама (в силу понятных причин) не смогла получить образование. Раиль Гумерович учился в 45 школе (в жизни все переплетается удивительно и замысловато: сейчас в этой школе учится моя дочь-третьеклассница; рядом с кабинетом, в котором занимается их класс, на стене висит большой стенд «Кузеевы» с их семейными фотографиями) Юность Раиля Гумеровича совпала с трудными военными годами. Его старшие братья были на фронте, а он учился и впитывал как губка все новое. По его воспоминаниям, у них в школе в то время преподавали прекрасные педагоги - ученые, находившиеся в Уфе в эвакуации, оказавшие на его личность и судьбу огромное влияние.

В военные годы в Уфе в эвакуации оказался и Киевский театр оперы и балета. На уфимской сцене можно было увидеть и услышать великолепных артистов и музыкантов. Как вспоминал Раиль Гумерович, они вдвоем с другом не пропускали ни одного спектакля, (если у них не было билетов, то они проходили после первого акта без билета), они помнили арии наизусть и распевали их. Юный Раиль любил музыку П.И. Чайковского. Эту любовь он сохранил на всю жизнь. Однажды мне посчастливилось увидеть, как расправилось и озарилось его лицо, когда он слушал произведения любимого композитора. Раиль Гумерович всю жизнь хранил небольшой белый бюст П.И. Чайковского, который всегда стоял в его доме на видном месте. Скульптурный портрет композитора подарил ему ближайший друг, приобретший этот бюст в те военные годы на городской «барахолке». Рассказывая о своей юности, Раиль

Гумерович однажды достал Петра Ильича со шкафа и показал дружескую дарственную надпись на английском языке, сделанную на основании этого бюста. Они с другом не только посещали все спектакли, но и учили английский язык, что в те годы, когда страна жила за «железным занавесом», посторонним людям, наверняка, казалось занятием как минимум бесполезным и как максимум – подозрительным. Но жажда знаний, жажда движения вперед, желание следовать за своей судьбой были сильнее страхов.

После школы Р.Г. Кузеев поступает в технический ВУЗ в г. Ленинград, но из-за болезни он вынужден вернуться в Уфу, где на следующий год вместе с демобилизовавшимися братьями поступает в университет (ныне БГУ) на исторический факультет. Как-то в экспедиции одна из наших информаторов, неожиданно сообщившая, что обучалась в университете на одном потоке с Раиль Гумеровичем, вспоминала как на переключке студентов, педагог всякий раз произносил «Кузеевы» - и вставали разом все братья.

Судьба дала очередной шанс – обучение в аспирантуре в Москве. Вспоминая свои аспирантские годы, он однажды бросил: «Я в библиотеках жил ...» - и это стало главным напутствием в моем аспиранстве. Может показаться, что его жизнь – цепь везений, а он счастливый баловень судьбы. В действительности, судьба его направляла – а он одержимо работал, работал, работал... Казалось у него все складывается само собой, все получается: успех в большом и везение в малом...

Гости нашего музея любили говаривать, что здесь работают самые красивые женщины... (самые или не самые – не суть важно, но в коллективе, действительно, всегда было много красивых женщин). И это тоже складывалось как-то само собою (кастингов не проводили). Почти все могли рассказать историю о том, как почти случайно, буквально «с улицы» пришли в музей, чтобы остаться связанными с ним навсегда (если не работой, то душой). Раиль Гумерович, беседуя с человеком, которого принимал в коллектив, спрашивал откуда он, какие языки кроме русского и английского знает и тому подобное, т.е. оценивал пригодность кандидата для этнографической работы и научной стези. Но волею Судьбы в музей приходили устраиваться и работать умницы-красавицы. Вероятно, подобное притягивает подобное...

Раиль Гумерович был завораживающе красив. Я помню его уже абсолютно седым, с роскошной белоснежной шапкой густых, непослушных волос. Живые, умные, порой озорные и веселые глаза. Вспоминаю такой эпизод: Конгресс этнологов и антропологов в Уфе (1997 г.) завершает работу, банкет, танцы... кто-то пьет чай, кто-то танцует... за одним из чайных столов среди участников конгресса В.Н. Басилов ... В зал зашел Раиль Гумерович – спокойный, и буквально светящийся, в ослепительно белой рубашке и с белым облаком волос... В.Н. Басилов, восхищенно глядя на него, от всего сердца, полным выдохом, всей грудью: «Я даже в молодости не был таким красивым!» Прочла в воспоминаниях Т.С. Гузенковой (г. Москва), как «сотрудницы сектора Прибалтики и Поволжья Института этнографии хватались за расчески и губные помады при словах: «Кузеев приехал!». Похожую историю я слышала и от нашего сотрудника А. Гафурова, находившегося в ИЭА РАН в Москве в аспирантуре. Нечто подобное рассказывали И.Г. Петрову и сотрудницы Российского этнографического музея о приездах Кузеева в их музей.

Раиль Гумерович был человеком остроумным и веселым. В те годы праздники в музее напоминали театрализованные капустники с розыгрышами, конкурсами, забавными лотереями, в которых Раиль Гумерович с удовольствием принимал участие, заразительно смеялся, рассказывал анекдоты. Вспоминаю в связи с этим эпизод, произошедший на первых после его кончины Кузеевских чтениях: Е.С. Данилко, начав

говорить о Раиле Гумеровиче внезапно пресеклась – речь была задушена слезами, я попыталась выправить ситуацию, поддержать и продолжить разговор, но после первых же слов голос дрогнул и прервался.. К нам подошла Г.Р. Столярова из Казани и рассказала историю - одну из тех, в которой Кузеев на обращенную к нему реплику отвечает молниеносной и сногшибательно смешной шуткой... И вот мы с Еленой, не видя сквозь пелену слез ничего вокруг, взрываемся дружным смехом, узнавая его - такого живого! Не рассмеяться было невозможно!

Читая чужие воспоминания о Кузееве смеялась не единожды, узнавая во многих его фразах знакомую интонацию, манеру шутить: метко, легко, ненавязчиво, произнося фразу иронично-серьезно. В этой связи вспоминаются рассказы моего коллеги И.М. Габдрафикова о поездке Р.Г. Кузеева с иностранными гостями в Дюртюлинский и Чекмагушевский район в уже далеком 1991 г., где их изобильно, хлебосольно угощали и показывали всевозможное процветание. Джанин Девис-Кимбелл (американка) с удивлением отмечает, что «жизнь в Башкортостане почти как в Америке» (т.е. благополучная). Раиль Гумерович непринужденно согласился: «Здесь все свои и будем откровенны: надо признать, что... - тут он щепотью двух пальцев показал в воздухе миллиметра два - ... что чуточку лучше...». Дивясь застольям с разнообразными спиртными напитками, Джанин, проработавшая несколько лет в Иране, под конец не выдержала и спросила Кузеева: «Татары и башкиры – мусульмане, почему же они пьют?» - «Не обращайте внимания... - это прогрессивное русское влияние...». Раиль Гумерович ценил хорошие крепкие напитки, особенно в обстановке душевного и интеллектуального общения.

На память приходит еще одна, связанная с вином история, рассказанная Кузеевым. Раиль Гумерович вспоминал, как они с Т.М. Гариповым в Венгрии в связи с существовавшей «мадьярской» теорией происхождения башкир и проблемой «мадьяро-башкирских» связей работали с информаторами в венгерском селе. Их привезли на машине. После беседы с первым информатором, они собирались покинуть дом и продолжить работу, но хозяин предложил ознакомиться и с его погребом, на что естественно, получил согласие. В погребе было много огромных винных бочек с краниками... Хозяином было предложено продегустировать... Ученые выдержали это испытание с честью и поднялись в дом. Венгр из соседнего дома, рассказав все, что интересовало исследователей, также желал, чтобы они непременно попробовали и его вина... И эта история повторялась вновь и вновь... К машине ученые шли уже ранним утром и, каждый шаг давался уже с трудом. Гостеприимные венгры радостно хлопывали их по плечу: «Вы, русские ребята, молодцы! Недавно приезжали югославы, так мы их до машины несли на руках»... «Приехав в гостиницу, - вспоминал Р.Г. - я встал под холодный душ и простоял там час или два...» Этим же утром у него по плану должна была быть лекция. Он прочитал ее. Я нисколько не сомневаюсь, что к назначенному часу он пришел свежим и как всегда блистал эрудицией, красноречием, остроумием.

Раиль Гумерович был превосходным лектором. Много слышала об этом от тех, кто учился у него в институте. Мне не посчастливилось быть среди его студентов и прослушать его курс, но довелось видеть его в качестве лектора уже после завершения института. Фотографии Раиля Гумеровича, сделанные во время его лекции, завораживают. На них он эмоционален, артистичен, импульсивен... Казалось, что свою мысль, свое знание, свое слово он стремится донести всей пластикой своего тела, каждым жестом. Он мог рассказать бесконечно многое. Но как он умел слушать! Он с интересом и вниманием слушал и докторов, и аспирантов, и школьников-краеведов. Ему было все интересно. Он любил проговаривать или зачитывать свои мысли.«Что ты об этом думаешь?...» - он спрашивал и «мэнээса» и «гэнээса». Ему были интересны

чужие взгляды и мысли. Мне, кажется, он всегда надеялся, что в услышанных в ответ словах мелькнет искра – плодотворная идея, ее зачаток, намек на нее... Его вопросы были своего рода тестом. Он моментально понимал по ответам кто перед ним. Не давил интеллектом, был тактичен, извинял молодым коллегам их неопытность, веря, что они все наверстают. Ему были интересны люди. «Интересно наблюдать людей – все они разные, по-разному принимают, по-разному и к нам относятся. И все-таки жизнь самих людей куда интересней, чем то, что они создали. Человек – это самое интересное существо» - записал Раиль Гумерович в экспедиционном дневнике 1952 г. Читая дневник, наслаждаясь слогом, понимаешь, что у него был очевидный литературный талант и если бы не наука, то он мог бы реализовать себя в художественной прозе. Ему бы помогли его природная наблюдательность, интерес к людям и характерам, художественное восприятие мира. Там же в дневнике - любование красотами пейзажей, закатов, постижение этой красоты и погружение в рождаемые ею образы. Мне кажется, что Раиль Гумерович не был стопроцентным ученым. Яркие образы его записей выдают в нем художественное, образное мышление. Вероятно, это помогало ему – он интуитивно угадывал кратчайший путь для научного поиска, видел проблему – объемно, ярко, образно, трехмерно, глядя на ландшафт, любил представлять себе в степи кочевья исчезнувших племен. Его природный артистизм и безукоризненный вкус в одежде, очевидно, коренились в художественном начале его натуры.

Раиль Гумерович «мерил людей по себе»..., т.е. он предполагал в каждом новом молодом человеке, который приходил в наш Отдел народов Урала, талант и большой потенциал. Встречая человека, он давал ему большой аванс – свою веру в его способности и тем самым ставил планку высоко и не взять ее, работать спустя рукава, не соответствовать его ожиданиям – было невозможно. Стали уже легендами воспоминания Ф.Г. Сафина, о том, как его, недавно поступившего к нам на работу, удивил Раиль Гумерович, планировавший защиту в ближайшем будущем докторских диссертаций нашими сотрудниками и добавлявший при этом: «правда, сначала они должны кандидатские защитить...». Раиль Гумерович умел мечтать, смотреть в будущее, стремиться к нему, приближать его и воплощать свои мечты. Любил молодежь, сам был молод. Он был нашим Учителем, но он не учил нас как-то специально... В те годы он был загружен просто «на разрыв». Он как бы невзначай бросал фразы, которые становились программными для молодых умов и определяли векторы движения. Он периодически повторял: «этнограф, знающий один народ – не знает ни одного...», а еще он приговаривал по поводу любых фантазий: «Все может быть... доказывать надо!». Ожидая от нас полного и свободного владения темой, полушутя–полусерьезно наставлял: «Вы должны защищаться, засунув руки в карманы!»

Кузеев обладал силой воздействия на других людей. В нем был какой-то магнетизм. Он напоминал огромный космический объект – светило с мощным гравитационным полем... другие люди, как планеты, попадая в его поле меняли свои орбиты, навсегда оставаясь в зоне его притяжения, то удаляясь, то приближаясь, становились частью его «системы». Написала «светило» и поймала себя на мысли, что он светел и внешне и внутренне, а «светило» – точнейшее определение его научного статуса. Магнетизм его личности ощущали все. В каком бы собрании он не появлялся, все головы оборачивались в его сторону. Вспоминаю эпизод: он, уже будучи больным, приехал на общее собрание Уфимского научного центра РАН, зашел в зал –и тут, словно неведомая сила развернула головы всех присутствующих в одну сторону, словно солнце взошло над полем подсолнухов. Думаю, что в древности люди столь щедро одаренные умом, красотой, мудростью, выносливые, трудоспособные и ощущавшие свою ответственность за людей, становились вождями, воспоминания о

которых еще долго передавались из уст в уста и приобретали со временем все более легендарные черты.

Кузеева любили ученики, любили друзья, мужчины и женщины, но были и те, кто не мог ему простить его успехов, его таланта, его признания в научном мире. Им было до него, что «пешком до солнца» и они не пытались вести научную дискуссию – слишком разные «весовые категории», они действовали как правило исподтишка. Раиль Гумерович никогда не реагировал на эти мелкие подлости, а иногда и откровенные провокации, он никогда не позволял себе опускаться и быть втянутым в дразги... он всегда оставался «над...» Возможно этот рисунок поведения он выработал еще в молодости. В его дневниковых записях Памиро-Ферганской экспедиции 1952 г. В комментарии к анекдотичному эпизоду (неудачной попытки укрощения осла), читаем: «Я опозорен...и кем...ослом. Такова судьба всякого, кто попытается иметь дело с таким глупым животным». В дальнейшем он работал и не пытался «укрощать ослов», служа только Истине, исполняя долг ученого и гражданина. Казалось, он игнорировал, просто не обращал внимания на хулу и клевету. Меня удивляла его ровность и почтительность в общении с людьми, которые позволяли по отношению к нему много непростительного. Они обращались к нему, хлопотали за «своих» - за аспирантов и других, приходили, как ни в чем ни бывало, улыбались без тени смущения... и он помогал, как всегда помогал молодым, не деля их на своих и чужих. Он не был мелочен и злопамятен.

Гражданин

В Республике всегда есть часть гуманитариев, которые любят эксплуатировать тему особых прав титульной нации, всевозможными способами стараются удревить, укоренить и мифологизировать ее историю. Они не любили Р.Г. Кузеева за то, что его фундаментальные исследования в области этногенеза и этнической истории башкир оставляли мало возможностей для спекуляций. Его обвиняли в том, что он недостаточно любит титульный этнос Республики, что он чуть ли не сознательно, умышленно искажает его историю – «и небылицу догоняет небылица...» Г.А. Комарова записала в воспоминаниях как Р.Г. Кузеев в подобной ситуации «слегка взмахнув кистью руки, устало проговорил: «А-а, Аллах им судья! Они не ведают, что творят». Много сил отняла у Раиля Гумеровича подготовка проекта госпрограммы «Народы Башкортостана». Он понимал огромную важность проведения в многоэтничной Республике осознанной, целенаправленной политики, направленной на гармонизацию межэтнических отношений, конечной целью которой должно было стать свободное развитие граждан. Тема эта его волновала. Он написал и опубликовал работу «Демократия, Гражданственность. Этничность». Постулировав в программе равные права всех больших и малых этносов он вызвал огонь на себя. Как-то мне довелось присутствовать на обсуждении проекта госпрограммы «Народы Башкортостана» на одном междусобойчике гуманитариев – оппонентов Кузеева. Видя его отсутствие, чувствуя себя в кругу единомышленников, они не подбирали слов, говорили как думали. Привыкшая в кузеевском окружении к деликатной, доброжелательной, академичной манере обсуждения и полемике по существу, я испытала культурный шок. Там царила иная тональность и стилистика – громогласные, почти театральные выступления, лозунги, призывы – которые больше походили на митинг. Общий смысл – ущемляются интересы башкирского народа, титульный этнос обижен и обойден...: «Кому это нужно?! Может это нужно господину Кузееву?! ...» - громыхал оратор... и т.д., и т.п. - и обличали, и распинали, и клеймили. Холодок пробежал по спине - весь спектакль и все интонации из 37 года... А он один «перекрывал» и «перевешивал» этот хор. И он, не уставая, доказывал властям свою правоту. Организовывал самое широкое обсуждение проекта госпрограммы среди ученых и общественных деятелей

Башкортостана. Почему же ему верили? Не только потому, что он крупнейший в Республике ученый – историк, этнограф и авторитет его неоспорим, еще, я думаю, потому что он был честен. То, что он писал - было его убеждением. Для чего же он столько сил, здоровья, бесценных минут, часов, дней, месяцев отнял у науки и отдал госпрограмме?! Потому что он был Гражданин и ощущал свою ответственность за судьбы Родины.

Болезнь

Мы привыкли видеть Раиля Гумеровича энергичным, оптимистичным, заряжающим и вдохновляющим, ведущим за собою. Но последние годы оказались чрезмерно напряженными, наполненными невыносимо тяжелой организационной суетой (создание на базе Отдела народов Урала Центра этнологических исследований УНЦ РАН) и борьбой за принятие проекта госпрограммы «Народы Башкортостана». Но самым тяжелым ударом стала смерть сына Нияза. Помню, как однажды он пришел на работу, зашел в отдел (на тот момент кроме меня там никого не было) и начался спокойный, чуть замедленный разговор... Раиль Гумерович выглядел усталым. Меня поразили произнесенные им слова: «Остановите планету, я с нее сойду...». Это было так не похоже на него... Конечно, пережитое в те годы подкосило и надломило его. Но оказалось, что самые трудные жизненные испытания у него впереди. Инсульт. Раиль Гумерович держит удар, борется за себя, терпеливо, упорно, ежедневно занимается, чтобы восстановить работоспособность. К сожалению, писать он не мог. А остались незавершенные рукописи и ненаписанные книги, о которых он говорил, которые мечтал написать... Но Раиль Гумерович работал – разбирал архив, читал (читал не только на русском, но и отписки статей на английском языке), планировал издание своих трудов в нескольких томах, раскладывал материалы по томам, показывал рукопись практически готовой книги по башкирским тамгам.

В то знойное лето был конгресс этнографов и антропологов в С.-Петербурге. Раиль Гумерович буквально рвался туда. Очень хотел пообщаться с друзьями и коллегами. Никто не решился организовать такую поездку – очевидно, боялись, что в жару его организм может не выдержать дороги, вероятно, боялись и пересудов на тему его недуга (хотелось оградить его от этого). Я в тот год тоже не поехала на конгресс – на руках была маленькая дочь. Он пришел в музей, здание летом было почти пустое, мы пили чай, разговаривали, я пыталась говорить о позитивном – о возможной поездке на следующий конгресс. Эта была наша последняя встреча. 2 августа его не стало...

«Природа-мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру – заглохла б нива жизни...»

И.Г. Петров

*Россия, Уфа, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН*

РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ

И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БАШКОРТОСТАНЕ

Abstract

The article is devoted to the memory of an outstanding ethnographer, Raiel Gumerovich Kuzeev. The academic activity of Raiel Gumerovich occupies a prominent place in the development of arts and humanities in Bashkortostan. He has made a great contribution to the research of the problems of ethnogenesis and ethnocultural history of the Bashkirs and other peoples of the Urals and the Volga region. The author of the article describes the research activity of R.G. Kuzeev as well as his creative legacy.

Одним из отличительных признаков послевоенной науки Башкортостана является стремительное и качественно новое развитие гуманитарных дисциплин. По ряду отраслей обществоведческих, исторических, филологических и других наук в республике появляется много ярких имен, которые своими исследованиями способствовали их стремительному и качественно новому развитию. К числу таких ученых по праву относится Раиль Гумерович Кузеев.

Биография и научное творчество Р.Г. Кузеева, оценка его вклада в отечественную и региональную этнологию еще не стали объектом специального исследования. Но одно бесспорно, что научная деятельность Р.Г. Кузеева является знаменательным и ярким этапом в развитии исторической и этнологической наук Башкортостана. За полвека самоотверженного служения науке он внес огромный вклад в разработку сложнейших проблем этногенеза и этнокультурной истории башкир и народов Урало-Поволжья, основал башкирскую этнографическую школу, подготовил и дал путевку в большую науку не одному поколению высококвалифицированных кадров этнологов, историков, востоковедов, музеологов и других специалистов.

С его именем связано развертывание в республике таких научных дисциплин и исследовательских направлений, как этнология, источниковедение, ономастика, этногония, востоковедение, этническая антропология, ареальная лингвистика и этнография, популяционная генетика, археологическое и этнографическое музееведение, этносоциология и этнополитология. Результаты его исследований широко известны в нашей стране и за рубежом.

Раиля Гумеровича к этнографической науке жизнь вела весьма причудливым путем. На вопрос «Как вы пришли в этнографическую науку?» Кузеев отвечал, что этнографией он начал заниматься ещё в детстве. В связи с этим он с удовольствием вспоминал, что всё началось с сочинения на тему «Как я провел зимние каникулы», которое он написал, будучи учеником 5-го класса. В нем он изложил свои детские впечатления о пребывании в деревне у родственников: описал деревенский быт, рассказал о воспоминаниях бабушки с дедушкой, поведал о настоящей охоте на зайцев, которая на него произвела неизгладимое впечатление. Как он говорил, сочинение оказалось написанным так живо и правдиво, что его потом читали в других классах как образец «творческого подхода к школьному заданию».

Затем годы обучения в ФЗУ, геологическом техникуме в Уфе, потом - в Ленинградском государственном институте инженеров железнодорожного транспорта на факультете мостов и тоннелей, болезнь и возвращение в Уфу, и наконец – поступление на исторический факультет Башкирского государственного педагогического института им. К.А. Тимирязева.

Необходимо отметить, что в вузах Уфы в то время трудились блестящие специалисты - в основном из числа московских, ленинградских, киевских преподавателей и профессоров, которые в годы войны были эвакуированы в г. Уфу. В числе местных ученых большое влияние на Раиля Гумеровича оказал профессор Абубакир Нурианович Усманов, который читал спецкурсы по истории Башкирии. Именно он привил студенту Кузееву неистощимый интерес к истории и этнографии башкирского народа. Именно здесь Раиль Гумерович достаточно серьезно занялся этими науками и проникся интересом к самостоятельной исследовательской работе. Поэтому неудивительно, что после успешного окончания вуза Р.Г. Кузеев получил распределение в Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы им. Мажита Гафури (ныне - Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН).

В начале 50-х годов в жизнь Раиля Гумеровича, тогда еще младшего научного сотрудника ИИЯЛ снова вмешалась сама судьба. После образования в Уфе

Башкирского филиала академии наук республике остро оказались нужны свои кадры и Р.Г. Кузеев в числе первых молодых ученых был направлен в Москву для поступления в аспирантуру. В этот момент он, пожалуй, и сделал свой важный жизненный выбор. Дело в том, что Институту истории, языка и литературы оказались нужны специалисты самых разных специализаций. И именно этнографию выбрал Раиль Гумерович в качестве будущей специальности и в 1951 г., успешно сдав вступительные экзамены, стал аспирантом головного Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В институте в то время работала плеяда очень известных ученых, таких как С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Левин, М.О. Косвен, С.А. Токарев, Н.А. Кисляков, Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева, П.И. Кушнер, В.В. Бунак, Г.Ф. Дебец и другие. Общение с ними, безусловно, сыграло свою роль в становлении Р.Г. Кузеева как профессионального ученого-этнолога. Так, научным руководителем аспиранта Кузеева был выдающийся ученый-энциклопедист, профессор Московского государственного университета и опытный наставник Н.Н. Чебоксаров. В плане науки и опыта организации полевой работы очень большую роль на Раиля Гумеровича оказал крупный специалист по кочевым народам Средней Азии Саул Матвеевич Абрамзон. Именно под его руководством в 1952 г. Раиль Гумерович совершил свою первую этнографическую экспедицию на Тянь-Шань в составе Среднеазиатской экспедиции АН СССР и в течение трех с половиной месяцев изучал этнографию киргизов, уйгуров и дунган.

В 1954 г. Раиль Гумерович под руководством Н.Н. Чебоксарова до окончания срока аспирантуры досрочно защищает кандидатскую диссертацию «Родоплеменной состав башкир в XVIII в.», возвращается в г. Уфу и в полную силу включается в научную жизнь ИИЯЛ. С этого момента начинается период самой активной и творчески плодотворной научной деятельности Кузеева, который достаточно благотворно сказался на становлении и развитии этнологической науки в республике послевоенного времени.

Теперь несколько слов **о научно-исследовательской деятельности и творческом наследии Раиля Гумеровича Кузеева**. Выступая на юбилее профессора С.А. Токарева в Москве в Институте этнографии АН СССР, академик Б.А. Рыбаков как то сказал: «Я знаю в Москве три этнографических центра: кафедра этнографии в МГУ, Институт этнографии в АН СССР и Сергея Александровича Токарева». В Уфе и в Башкирии таким самостоятельным этнографическим центром был Раиль Гумерович Кузеев. Диапазон его научных интересов чрезвычайно обширен и многообразен. Это – этногенез и этническая история башкир, историческая география и демография, декоративно-прикладное искусство, социальная история и социальные институты, история развития хозяйства, археография и источниковедение, ономастика, типы этнических общностей, кочевничество, евразийство, теория этноса и этнических процессов, государственное строительство и. т.д. И что важно, почти во всех названных научных направлениях Р.Г. Кузеев показал себя неординарно мыслящим и очень продуктивным и ученым. В связи с этим достаточно сказать, что он – автор и соавтор около 400 публикаций, 20 монографий, более 200 научных очерков и статей.

В целом, научно-исследовательская деятельность Р.Г. Кузеева условно может быть разделена на три этапа.

На первом этапе (1950-1970-е годы) он сконцентрировал свое внимание на сложнейших проблемах этногенеза, этнической истории и культуры башкирского народа, что нашло выражение в крупных его монографиях. Среди них такие классические труды, как «400 лет вместе с русским народом: присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение» (1957, совместно с Б.Х. Юлдашбаевым), «Очерки исторической этнографии башкир» (1957),

«Башкирские шежере» (1960), «Народное искусство башкир» (1968, совместно с С.А. Авижанской и Н.В. Бикбулатовым), «Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения» (1974), «Историческая этнография башкирского народа» (1978), «Декоративное творчество башкирского народа» (1979, совместно с Н.В. Бикбулатовым и С.Н. Шитовой) и др. Давая оценку этим трудам нужно отметить, что они стали заметным явлением не только региональной, и отечественной этнологии.

На втором этапе (1980-1990-е гг.) Раиль Гумерович вместе со своими коллегами в созданном по его инициативе Секторе народов Южного Урала приступает к разработке комплексных проблем по изучению истории формирования и становления этнической структуры Волго-Уральского региона. Этому посвящены коллективные монографии и многочисленные статьи, в которых Р.Г. Кузеев выступает автором, научным руководителем или ответственным редактором. В их числе коллективная монография «Народы Поволжья и Приуралья» (1985), серия препринтов докладов, посвященных различным этапам развития Волго-Уральской историко-этнографической области, и, конечно же, его фундаментальная монография «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю» (1993). И что важно, подчеркнуть, благодаря работам Р.Г. Кузеева, понятие «Волго-Уральская историко-этнографическая область» постепенно стало овладевать умами ученых-гуманитариев, вошло в научный оборот и прочно утвердилось в отечественной и мировой этнологии. До Раиля Гумеровича никем другим такие фундаментальные теоретические и конкретно исторические исследования Волго-Уральской ИЭО в этнологической науке не предпринимались.

В эти же годы Раиль Гумерович предпринимает успешные исследования по упорядочиванию и детализации этнической структуры населения Урало-Поволжья, в частности, по обоснованию т.н. малых этнических групп, а позже – разновидностей этнических и этнографических групп. Вместе со своими единомышленниками - В.Я. Бабенко, Н.Н. Моисеевой, Ш.Ф. Мухамедьяровым и др. им было опубликовано целая серия работ, в том числе коллективная монография «Этнос и его подразделения» (1992).

На следующем этапе (1990-2000-е гг.) Раиль Гумерович занимался в основном проблемами современности. В поле его зрения находятся такие проблемы, как этнос и этничность, этнос и государство, гражданское общество, государственная политика в области национальных и межнациональных отношений и т.д. В это десятилетие выходят такие труды, как «Ресурсы мобилизованной этничности» (1997), «Концепция Государственной программы «Народы Башкортостана» (1998), монография «Демократия. Гражданственность. Этничность» (1999) и коллективная монография «Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки» (2001).

Говоря о вкладе Раиля Гумеровича в развитие этнологической науки, нельзя не упомянуть **о его этнологической школе и учениках**. По нашим подсчетам, через этнологическую школу Р.Г. Кузеева прошли три поколения его учеников, около 50 человек.

В первую генерацию вошли ученые, которые в 50-60-ые гг. XX в. заложили основу этнографической науки республики. В первую очередь, это такие замечательные ученые, как Н.В. Бикбулатов (1931-1996), С.Н. Шитова, Л.И. Нагаева, М.Г. Муллагулов, Р.М. Юсупов и др. В настоящее время их имена хорошо знакомы не только в отечественной, но и в мировой науке. Они сделали очень много для развития башкирской этнографии и их труды широко известны общественности.

Вторая генерация его учеников начала складываться в начале 80-х гг., когда по инициативе Р.Г. Кузеева в структуре Института истории, языка и литературы была образован Сектор народов Южного Урала с Музеем археологии и этнографии, в 1993 г.

преобразованный в Отдел народов Урала. В это время Раиль Гумерович выступает научным руководителем и соруководителем Н.Х. Юмагужиной, Н.Н. Моисеевой, В.Я. Бабенко, Н.А. Халикова (г. Казань), Ф.А. Шакуровой, М.Дж. Киекбаева, И.Г. Петрова, Р.И. Якупова, Ф.Г. Ахатовой, И.М. Габдрафикова, Т.Г. Миннихметовой.

И, наконец, третья генерация его учеников, которая имеет отношение к Отделу народов Урала, созданному им в качестве самостоятельного научного подразделения в структуре Уфимского научного центра РАН (1993-1999) и превращением его в один из успешно работающих региональных этнографических центров. Это: А.В. Псянчин, А.С. Халфин, Е.Е. Никонорова, Е.С. Данилко, Г.Ф. Ахметова, Ф.Ш. Абсаликова, Р.Р. Садилов, Г.Р. Кутушева, А.М. Гафуров и т. д.). Всего среди учеников Раиля Гумеровича – свыше 10 докторов и 30 кандидатов наук.

Признанием зрелости, жизнеспособности и высокого научного авторитета этнологической школы Р.Г. Кузеева стало учреждение в системе РАН в 1999 г. Центра этнологических исследований УНЦ РАН, который в настоящее время переведен в ранг Института этнологических исследований.

Значительным вкладом Раиля Гумеровича Кузеева в развитие региональной этнологии и археологии, безусловно, является **Музей археологии и этнографии**. Музей, созданный по его инициативе 35 лет назад (1976), по праву можно назвать памятником его научному подвижничеству. Его создание стало возможным благодаря энтузиазму и усилиям большого коллектива исполнителей – археологов и этнографов ИИЯЛ, ученых Института геологии, вузов и музеев г. Уфы, инженерно-хозяйственных служб БФ АН СССР и т.д. В настоящее время в музее хранятся 983 археологических и 186 этнографических коллекций, представляющих значительную ценность для исследований по истории, археологии и этнографии культур и народов Южного Урала. Здесь же хранится уникальная антропологическая коллекция древнего населения Южного Урала, представляющая значительную ценность для реконструкции истории Южного Урала и его этнического состава.

Особо необходимо отметить о вкладе Раиля Гумеровича в развитие **башкирской этнографии**. Именно с приходом Кузеева в Институт истории, языка и литературы этнологическая наука в его стенах получила мощный импульс развития.

Во-первых, в институте с 1955 г. стал полноценно функционировать самостоятельный сектор истории, археологии и этнографии. То есть за этнографией в институте было признано право на существование и самостоятельное развитие в качестве перспективного научного направления.

Рис 1. Р. Г. Кузеев - ученый-лапотник, представитель «лапотной науки»

Рис 2. В экспедиции по Южному Уралу (1975 г.)

Рис. 3. Беседа с информатором. Бардымский р-н Пермской обл., 1965 г.

Во-вторых, в названном секторе был начат подбор кадров для этнографических исследований. С конца 50-х гг. XX в. в составе этнографического подразделения стали работать Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова, Б.Г. Калимуллин, с 70-80-х гг. – М.Г. Муллагулов, В.Я. Бабенко, М.В. Мурзабулатов, Ф.Ф. Фатыхова, Ю.Х. Юлдашбаев, З.М. Давлетшина, с 90-х гг. – Э.В. Мигранова, А.Ф. Илимбетова и др.

В-третьих, с образованием самостоятельного сектора археологии, этнографии и искусства (с 1978 г. – отдела этнографии) существенным образом расширилась тематика этнографических исследований. По традиционной башкирской этнографии стали разрабатываться такие новые темы, как хозяйство и материальная культура, декоративно-прикладное искусство, семейные обычаи и обряды, общественные праздники и народная хореография, башкирский народный костюм, современный быт башкирской деревни и т.д. Результаты этих исследований увидели свет во многих монографиях и коллективных сборниках, в том числе, вышедших в издательстве «Наука» и получили у специалистов заслуженное признание.

В-четвертых, с приходом Раиля Гумеровича в институт на качественно новый уровень было поставлено дело по организации этнографических экспедиций. Поездки по районам и селениям, получение информации в беседах информаторами, фотографирование, зарисовки стали обычными методами в организации так называемой полевой работы этнографов. С созданием в ИИЯЛ этнографической группы началось планомерное исследование всей территории расселения башкир, включая не только Башкортостан, но и соседние с ним регионы. Сбор материалов по этнической истории и традиционной культуре башкир стал проводиться регулярно, почти из года в год. Многие экспедиции, наряду с башкирскими, охватывали татарские, чувашские, марийские, удмуртские, мордовские, русские и другие поселения. Всего, по нашим подсчетам, с 1956 по 1990 гг. этнографами ИИЯЛ было организовано около 35 полномасштабных научных экспедиций. Результатом экспедиций стал исключительно богатый по своей ценности архивный фонд, включающий в себя полевые дневники, зарисовки, чертежи, слайды. Особую ценность среди них представляет фототека, вобравшая в себя около 13 тысяч фотографий и фотонегативов по самым различным темам башкирской этнографии, а также по этнографии других народов республики.

Велик вклад и самого Раиля Гумеровича в башкирскую этнографию. Раиль Гумерович впервые представил миру цельную и научно обоснованную концепцию этногенеза и этнической истории башкир, произвел историческую реконструкцию родоплеменного состава башкирского общества, впервые применил в этнографических исследованиях башкирские шежере, положив начало новому направлению как этногония, вместе со своими коллегами (С.А. Авижанской, Н.В. Бикбулатовым, С.Н. Шитовой) осуществил комплексное исследование эволюции и современного состояния декоративно-прикладного искусства башкир.

Крупным вкладом в развитие региональной этнологии стало издание по инициативе Раиля Гумеровича Кузеева серии научных трудов «Археология и этнография Башкирии» в 5 томах. В этих изданиях Раиль Гумерович выступал, и как автор, и как ответственный редактор. Благодаря этим книгам труды уфимских археологов и этнографов вышли не только на всесоюзный, но и на международный уровень.

Будучи одним из авторитетных ученых и крупных организаторов науки, Р.Г. Кузеев много сделал для развития кадрового потенциала. Особую роль в подготовке квалифицированных кадров этнографов сыграл открытый по его инициативе в 1994 г. Специализированный Совет по специальности «этнология, этнография, антропология» при Отделе народов Урала. За семь лет работы Совета

состоялось более 40 диссертационных защит. Среди соискателей - аспиранты, научные сотрудники научных институтов и вузов Башкортостана, а также соседних регионов - Татарстана, Чувашской Республики, Республики Марий Эл, Пермской, Челябинской, Оренбургской, Ульяновской, Волгоградской областей. Благоприятное воздействие личности Р.Г. Кузеева, его идей, направлений, которые он давал, испытали на себе представители не одного поколения ученых-гуманитариев в республике и далеко за ее пределами.

Чрезвычайно много Раиль Гумерович сделал по линии организации в г. Уфе различного рода **научных конференций и симпозиумов по этнографической тематике**. Не будет преувеличением сказать, что в Урало-Поволжском регионе не проходило ни одной конференции, инициатором и непосредственным организатором которой не был бы Р.Г. Кузеев. Назовем лишь наиболее значимые из них. В 1969 г. в Уфе он организовал выездную сессию Отделения истории АН СССР по проблемам этногенеза башкир, в 1980 г. – Всесоюзную сессию по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг., в 1989 г. - Всесоюзную научную конференцию «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах». В 1993 г. он поддержал идею проведения в Уфе Всероссийской научной конференции «Россия-Восток: проблемы взаимодействия», и наконец, в 1997 г. в г. Уфе он собрал II Конгресс этнографов и антропологов России, ставший не только большим праздником отечественной этнологии, но и настоящим экзаменом для башкирских этнографов на творческую зрелость и компетентность.

Ученый внес огромный вклад **в развитие академической науки в Башкортостане**. С 1960 по 1987 гг. он был заместителем Председателя Президиума Башкирского филиала АН СССР по научной работе. За эти годы он проделал огромную работу, направленную на развитие Академии наук, активно участвовал в разработке и реализации мероприятий, способствовавших превращению филиала в крупный региональный научный центр. Много энергии Р.Г. Кузеев вложил в формирование инфраструктуры академии, занимаясь расширением и надлежащим обустройством институтов. Он – инициатор создания Научной библиотеки, Научного архива, хранилища старопечатных книг и рукописей, строительства объектов научно-производственной и социальной сферы.

Таким образом, деятельность, научное творчество и вклад в этнологическую науку Раиля Гумеровича исключительно многообразное. Без преувеличения своими трудами он являл собой целый научно-исследовательский институт. Его вклад в региональную и этнологическую науку чрезвычайно огромное. Нам еще только предстоит по достоинству оценить вклад этого человека в российскую этнологическую науку. Но сегодня не подвергается сомнению одно – творческое наследие Раиля Гумеровича Кузеева еще долго будет служить нам надежным маяком в познании этнографической действительности, вдохновлять на постановку новых задач и их успешное решение.

Ф.Г. Сафин¹, А.И. Фатхутдинова²

Россия, Уфа, ^{1,2}Институт этнологических исследований

УНЦ РАН им. Р.Г. Кузеева

Р.Г. КУЗЕЕВ ОБ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Abstract

The scientific work of R.G. Kuzeev was characterized by his theory of ethnic processes and his research on ethnolinguistics. According to R.G. Kuzeev, ethnic processes take their meaning not from the current linguistic situation but, on one hand, from deep in the historical events, and on the other hand, the politics of language use. In particular, to solve the problems of the 1990s, R.G. Kuzeev advocates a more thorough study of ethnolinguistic processes over the *longue durée* and the study of diachronic and synchronic approaches to the study of a polyethnic region.

В научном наследии Р.Г. Кузеева наряду с теоретическими разработками этнических процессов особое место занимает проблема этноязыковой ситуации.

По мнению Р.Г. Кузеева, специфика данного вопроса определяется не реалиями сегодняшней языковой ситуации, а тем, что, во-первых, многие предпосылки его возникновения таятся в глубине исторических событий, а, во-вторых, тем, что язык и языковые проблемы заняли видное место в современной политической борьбе (Кузеев, 1994: 14).

В связи с этим требуется систематическое изучение этноязыковых процессов, имевших место не только во времена образования автономных республик Урало-Поволжья, но и ранее, причем с исследованием ряда особенностей социально-экономического развития региона, влиявших на формирование этнических и этноязыковых особенностей населения в XVI – XX веках.

Изучая данную проблему Р.Г. Кузеев отмечал, что еще в эпоху Казанского царства (конец XIV – середина XVI вв.) татарский язык в Среднем Поволжье, Прикамье, на других соседних территориях становится языком межнационального общения. Это был язык торговли (ярмарок, базаров), дипломатии, политики. Традиция эта восходила еще к болгарскому периоду. К XII в., сложившийся в городах Волжской Булгарии «булгаро-кыпчакский» язык был известен и в Киеве, и в Москве, тем более во всем Волго-Уральском регионе. В эпоху Золотой Орды роль булгаро-кыпчакского возросла; в русских источниках (летописных) этот язык назывался «татарским». Уже тогда, вовлеченные в торговлю и политику социальные верхи Волго-Камских народов становились двуязычными. В Казанскую эпоху билингвизм среди финно-угорских народов края стал распространяться широко, охватывая как массы населения, так и большие пространства. Татарским языком овладевали и значительные круги русского населения (политики, дипломаты, купцы, служилые люди), так или иначе вовлеченные в контакты и взаимодействия с Казанским ханством (Кузеев, 1994: 6).

Татарский язык в Волго-Уральском регионе сохраняет функцию языка межнационального общения и после присоединения этих территорий к Русскому государству. Татарско-чувашское, татарско-марийское, татарско-удмуртское, татарско-мордовское двуязычие сохраняется и по настоящее время. Например, среди башкир доля свободно владеющих татарским языком превышает более 30 процентов. Около 15 % удмуртов, 10 % чувашей, 14 % марийцев в Республике Башкортостан в качестве родного отмечают татарский язык (Сафин, 2004: 286–307).

Следует подчеркнуть, что функционирование татарского в качестве языка межнационального общения оставило глубокий след в культуре финно-угорских и других народов региона.

Другим, наиболее значимым процессом в этноязыковом развитии региона

является переход татар и других народов к национально-русскому двуязычию.

Как отмечал Р.Г. Кузеев, со второй половины XVI в. процесс несколько ускоряется, вовлекая в двуязычие опять же наиболее активную часть татарского общества – торговцев, служилых людей. Русский обретает в Волго-Уральском регионе (*да и восточнее, например, в Западной Сибири – курсив Ф.С., А.Ф.*) первые признаки языка межнационального общения, постепенно вытесняя и заменяя татарский язык (Кузеев, 1994: 7).

В дальнейшем роль русского языка все большее усиливается и к началу XX в. постепенно начинает играть заметную роль в жизни общества.

Итоги Всесоюзных переписей из года в год подтверждают увеличение доли нерусского населения, свободно владеющего русским языком. По данным последней Всероссийской переписи населения 2020 г. видно, что абсолютное число нерусского населения в полиэтничных регионах свободно владеет русским языком. Например, в Республике Башкортостан по переписи 2010 г. 96,4 % башкир, 97,6 % марийцев, 99,9 % мордва, 95,9 % удмуртов, 99,0 % чувашей, 98,3 % татар отметили свое владение русским языком.

На характер изменения этноязыковой ситуации, несомненно, влияет «языковая политика», смысл и содержание которой в социолингвистической литературе определяется далеко не однозначно. В 1970–1980-е годы в отечественной литературе одни авторы «языковую политику» определяли как часть партийно-государственной политики по национальному вопросу. Другие видели в языковой политике «регулирование как функциональной, так и структурной сторон языка» (Аврорин, 1975: 176). Анализ языковой политики, проводившейся с начала 1920-х годов в таком полиэтничном регионе, как Башкирия, а именно – определения языка обучения в школах республики, показал, что она основывалась на реалиях сложившейся этноязыковой ситуации. В течение более полувека конфликтов на языковой почве в республике не наблюдалось. Изучение языковой ситуации в 1930-е годы в районах, где проживали татароязычные башкиры, позволило избежать конфликта в весьма щепетильном вопросе национальной политики. Появление в середине 1950-х годов нового «западного диалекта» башкирского литературного языка особых коллизий в межнациональные отношения также не вызвало, поскольку школьное обучение основывалось на тех принципах, которые были определены еще в 1930-е годы.

Рассматривая перспективу внедрения языка титульного этноса (т.е. башкирского) в школах западных и северо- западных районов республики с татароязычным населением ряд авторов предлагал не отказываться от введения башкирского литературного языка. По их мнению, можно было «уговорить» руководство республики, Верховного Совета и т. д., приспособить литературный башкирский язык к местным условиям, расширив лексику и используя синонимы. Другой путь – это создание своего северо-западного башкирского литературного языка: под видом «родного языка» использовать язык местного населения (Миржанова, 1990: 72–73).

Обсуждая данную проблему, академик Р.Г. Кузеев отметил возможность двух вариантов решения. Первый, по его мнению, заключается в том, чтобы признать факт существования этнографической группы северо-западных башкир с родным татарским языком. В этом случае долг государства и общества обеспечить в полном объеме культурное обслуживание группы на татарском языке (Кузеев, 1990: 47). При втором варианте можно было бы вслед за упомянутыми лингвистами считать разговорный язык западных башкир диалектом башкирского языка. Тогда, как отмечал Р.Г. Кузеев, встал бы вопрос о разработке соответствующего алфавита и формирования второго башкирского литературного языка. Следовательно, башкирский этнос функционировал бы на основе двух литературных языков. Это не стало бы каким-то исключительно

необычным явлением, так как бинарность характерна в Волго-Уральском регионе для мордвы (эрзянский и мокшанский языки), марийцев (горно-марийский и лугово-марийский языки) (Кузеев, 1990: 47).

С этим подходом не согласился академик АН РБ З.Г. Ураксин (Ураксин, 1992). По его мнению, «создание на основе западного диалекта башкирского литературного языка также ничего не даст. Наоборот, этот язык своими фонетическими, морфологическими особенностями будет близок современному татарскому литературному языку и лишь усилит процесс татаризации» (Ураксин, 1992). В то же время он отмечал, что некоторые морфологические, лексические элементы северо-западного диалекта можно включить в нормативную систему башкирского литературного языка и хотя бы немного приблизить литературный язык к языку местного населения. Таким образом, можно будет попытаться вести обучение на родном языке местного населения, близком к татарскому, а не вводить вместо него другой язык.

В то же время в начале 1990-х годов башкирскими учеными и общественными деятелями широко обсуждался вопрос о необходимости организации обучения в западных и северо-западных районах на западном диалекте башкирского языка.

На состоявшейся 23 мая 1990 г. в Уфе республиканской научно-практической конференции «Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БССР» (Проблемы изучения..., 1990) (Министерство народного образования, ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР) были приняты рекомендации по данному вопросу. В них говорилось о необходимости создать правительственную комиссию для проведения обследования башкирских населенных пунктов северо-западных районов и опроса населения на предмет введения изучения в школах башкирского языка и постепенного перехода к обучению на башкирском языке. В документе также констатировалось, что вмешательство представителей других народов в решение этноязыковых проблем башкир – безнравственно. Участники конференции потребовали, чтобы в общеобразовательных школах в качестве языка республикообразующей нации изучался башкирский язык.

Общественное обсуждение проблемы (на проходившем 25 апреля 1991 г. собрании башкирских ученых и представителей башкирских национальных движений, совещании в Министерстве народного образования республики с участием ученых, работников министерства и общественных деятелей, во время работы I Всемирного Курултая башкир, а также при обсуждении проекта концепции Государственной программы «Возрождение и развитие башкирского народа») показало всю сложность проблемы. Подчеркивалось, что принятые нормы башкирского языка являются едиными для всех его носителей, что предложения о создании особого литературного языка и говоров северо-западного диалекта, необходимо изменить его в определенной степени за счет введения отдельных элементов этого диалекта в нормы литературного языка и лишь этим путем добиваться их сближения (Государственная программа..., 1997).

Опыт 1990-х годов, сегодняшние реалии языковой политики, мнение Р.Г. Кузеева – все говорит о том, что решение проблемы – в более глубоком изучении этноязыковых процессов в длительной исторической динамике с учетом диахронного и синхронного подходов к этноязыковой ситуации в республике, как одного из сложных полиэтничных регионов страны.

Список источников и литературы

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). – Л., 1975. – 276 с.

Государственная программа «Возрождение и развитие башкирского народа» // Ватандаш. – Уфа, 1997. - № 4. – С. 3-27.

Кузеев Р.Г. История и социология в понимании современной этнокультурной ситуации (пример Башкортостана). Доклад на конференции по бывшим социалистическим мусульманским обществам (Турция, Анкара, 15–18 сентября 1994 г.). - Уфа. 1994. – С. 21-22.

Кузеев Р.Г. Межнациональные отношения: история, теория, пути демократического обновления. – Уфа, 1990. – 58 с.

Миржанова С.Ф. К вопросу обучения на башкирском языке детей северо-западных башкир // Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БАССР (материалы республиканской научно-практической конференции). – Уфа, 1990. – С. 72–75.

Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БАССР (материалы республиканской научно-практической конференции). – Уфа, 1990.

Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. – Казань: Магариф, 2004. – 543 с.

Ураксин З.Г. Цена языка. При подготовке закона о языках в Башкортостане необходимо изучать опыт 20-х годов // Башкортостан. – 1992 (21 марта) (на башкир. яз.).

Н.А. Томилов

*Россия, Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
государственный университет им. Ф.М. Достоевского,*

Сибирский филиал Российского института культурологии

**РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
НАРОДОВ ЕВРАЗИИ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ**

Abstract

The article outlines the role of R.G. Kuzeev as the founder of ethnographic studies in the Urals region of Russia on the basis of memoirs, personal correspondence, and academic publications.

Раиль Гумерович Кузеев на протяжении второй половины XX – начала XXI в. играл значительную роль как в развитии этнографического сообщества СССР и затем России, так и в становлении и успешной деятельности многих российских ученых-гуманитариев. В помещенном в журнале «Этнографическое обозрение» некрологе о нем было сказано так: «За свои незаурядные труды, заслуги перед отечеством, добрые качества руководителя, коллеги, друга, учителя, за свой значительный вклад в развитие наук Р.Г. Кузеев был удостоен многих высоких наград... Но главное, он снискал любовь и уважение многих сотен людей, с которыми встречался и работал. О нем с особой теплотой и любовью вспомнят и в Москве, и в Санкт-Петербурге, в других научных центрах России, а также в Грузии, Казахстане, Узбекистане, Туркменистане, Кыргызстане. Весть о его кончине несомненно огорчит друзей в Венгрии, Финляндии, Голландии, США, Индии, Турции»(Раиль Гумерович Кузеев, 2006: 190).

Такая высокая оценка консолидирующей ученых - этнографов, археологов, историков деятельности Раиля Гумеровича соответствует действительности. Он был в деловых и дружеских отношениях и с рядом этнографов Сибири. Со мной он установил научные контакты в конце 1970-х гг., когда мне в Омске удалось создать в государственном университете Музей археологии и этнографии (а Р.Г. Кузеев сам очень трепетно относился к музейному делу и создал в Уфе Музей археологии и этнографии), осуществлять работу по формированию здесь коллектива этнографов, провести в ноябре 1979 г. в Омске же Всесоюзную научную конференцию «Этногенез и этническая история тюркского населения Сибири и сопредельных территорий»(о конфер. см. Томилов, 2011: 11-15). Раиль Гумерович заинтересовался этой конференцией и написал мне, что если такие научные форумы у нас будут проходить и дальше, то он хотел бы тоже в них поучаствовать. С тех пор у меня с ним завязалась более менее постоянная переписка, перешедшая позднее в дружеские отношения.

Когда есть коллеги, которые тебе помогали в жизни, поддерживали твои исследования, сотрудничали с тобой и стали тебе очень дорогими учителями или соратниками, а то и личными друзьями, то надо о них писать добрые слова, оценивать их заслуги, отмечать их вклад в науку и общественную жизнь нашей страны. Хорошо это делать, когда речь идет о здравствующих товарищах – они хотят и должны знать существующее о них мнение в нашей научной среде. Хуже, когда приходится писать об ушедших в иной мир коллегах и учителях, но и это нужно делать, так как это история нашей исторической науки. Мне лично очень импонирует деятельность директора Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая академика РАН Валерия Александровича Тишкова по публикации его бесед с выдающимися этнологами 1990-х гг. – начала XXI в., в результате чего появилась его отдельная книга «Наука и жизнь» с записями этих интервью (2008). Относительно недавно увидела свет еще одна книга об ученых наших дисциплин – сборник о выдающихся отечественных этнографах и антропологах XX в.(Выдающиеся..., 2004). Такого рода работы нужно только приветствовать. Мне не приходило в голову записывать беседы с учеными, хотя с некоторыми из них пришлось иметь многочасовые собеседования (скажем с Р.Ф. Итсом (Ленинград), Л.П. Лашуком (Москва), В.М. Кулемзиным (Томск) и др.) И все же о целой группе ученых мне пришлось писать статьи – в их числе очерки о З.Я. Бояршиновой (томский историк и археолог), Ф.Т. Валееве (казанский этнограф), В.И. Васильеве, И.С. Гурвиче, З.П. Соколовой (московские этнографы), И.Н. Гемуеве (новосибирский этнограф), И.В. Захаровой и Л.Т. Шаргородском (омские этнографы), А.П. Окладникове (новосибирский археолог, историк, этнограф), Г.И. Пелих (томский этнограф), В.И. Соболеве (новосибирский археолог), А.П. Толочко (омский историк) и др. Они опубликованы в разных журналах и в том числе в моей с Ириной Витальевной Захаровой книге о научных этнографических центрах Сибири в виде приложений(Захарова, Томилов, 2007: 291-327).

И, конечно же, в моих намерениях было написание статьи о Р.Г. Кузееве и о его сотрудничестве и общении с омскими этнографами. В 1992 г. вышел в печати фундаментальный труд Р.Г. Кузеева «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю». В этой монографии освещалась этническая история большой группы этносов и этнических групп в рамках Волго-Уральской историко-этнографической области. А меня как раз интересовала в научном плане разработка теории историко-этнографических общностей. Поэтому и была мною написана и опубликована рецензия на эту книгу Раиля Гумеровича (Томилов, 1996: 208-212).

А в 2000 г. вышел в свет, посвященный 50-летию научной деятельности Р.Г. Кузеева сборник статей, в котором на втором месте (после статьи самого Р.Г. Кузеева)

была размещена моя статья об историко-этнографических общностях в связи с работами Раиля Гумеровича (Томилов, 2000: 63-70). В завершение статьи речь шла о научной значимости и перспективности изучения историко-этнографических общностей и заканчивалась она так: «Изучение такого рода общностей фактически может вывести этнологию на создание историко-этнографической классификации, которая с учетом состава этнических общностей по хозяйственно-культурным типам может способствовать созданию собственно этнографической классификации народов мира и отдельных регионов. А это с объективной необходимостью должно переориентировать науку с изучения народов в зависимости лишь от лингвистической группировки на новые решения этнологических проблем, если исходить из этнографической классификации. Наш небольшой опыт, а также многомерное и существенно объемное по проблематике и материалам исследование Р.Г. Кузеева показывают, что пока отечественная этнологическая наука делает только первые шаги в направлении изучения историко-этнографических общностей и создания этнографической классификации народов России и в целом всего мира. Р.Г. Кузееву представляется, что такого рода исследования должны стать приоритетными в отечественной этнологии. И с этим мнением одного из ведущих этнографов Российской Федерации невозможно не согласиться» (Томилов, 2000: 68-69).

В моем личном архиве сохранилось несколько писем Раиля Гумеровича. Одни из них были связаны с тем, что он согласился быть оппонентом на защите мною 29 ноября 1983 г. в диссертационном совете при Институте этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР докторской диссертации на тему «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в.» Вот текст одного такого письма:

« 18 января 1983 г. (Уфа)

Глубокоуважаемый Николай Аркадьевич!

Спасибо за посылку книг: Сибирские татары (и все тюрки региона) и, соответственно, Ваши работы меня очень интересуют. Так что быть оппонентом согласен (несмотря на крайне напряженный бюджет времени в 1983 г.).

Очевидно, в свое время получу рукопись диссертации?

Привет В.Б. Богомолову, о встрече с которым в Томске у меня остались самые приятные воспоминания.

С приветом, Р. Кузеев

Р.С. Не стоит ли несколько уменьшить список работ, опубликованных по теме диссертации?»

В письме речь идет о Владимире Борисовиче Богомолоче – крупном исследователе культуры народов Западной Сибири и специалисте в области костюмоведения. Сегодня он работает профессором на кафедре художественного моделирования Омского государственного института сервиса. И в свое время он также поддерживал научные связи с Р.Г. Кузеевым.

В связи с моей защитой вспоминаю один эпизод. Когда мне пришлось вступить в переговоры с Наилей Ермухановой Бекмахановой (работала тогда в Институте истории СССР АН СССР) по вопросу о ее возможном оппонировании моей диссертации на защите, то она заинтересовалась, кто будет еще оппонентом. И когда я назвал Раиля Гумеровича, то она сразу же сказала, что в компании с этим ученым она считает за честь принять участие в этом мероприятии. Еще одним оппонентом была Татьяна Александровна Жданко – крупнейший специалист, работавшая в Институте этнографии АН СССР.

Свое ответное слово на выступление Р.Г. Кузеева на моей защите докторской диссертации я начал фактически с оценки самого оппонента как ученого. Вот фрагмент этого выступления: «Раиль Гумерович, как известно, является крупным специалистом в области проблемы этногенеза и в целом этнической истории народов Урала, Приуралья и Поволжья. Его оценки и замечания исходят прежде всего из глубокого знания им и проблем этнического развития тюркских групп и народов изучаемого мною западносибирского региона. Поэтому они очень важны для моей работы, и я бы сказал, перспективны с научной точки зрения. Сделанные Раилем Гумеровичем замечания попадают как бы в самые горячие спорные точки этнографии западносибирского и поволжско-приуральского регионов. Совершенно справедливым является его замечание по поводу необходимости более обстоятельного изучения средневекового этапа этнической истории сибирских татар. Мне представляется, что не только ногайский период, но и кимакский и раннекыпчакский периоды требуют не менее пристального внимания и ждут своих исследователей... В выступлении Раиля Гумеровича мне понравилась мысль, что при верно избранном методическом подходе исследование ранних этапов этнической истории помогает глубже раскрыть содержание более поздних этапов, и наоборот. Именно этим объясняется то, что при изучении ряда вопросов в своей работе мне пришлось обращаться и к материалам по исследованию современных этнических процессов у сибирских татар».

И еще одно письмо от Р.Г. Кузева, датированное началом января 1984 г.

В этом письме речь идет о второй Всесоюзной научной конференции «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий», которая прошла в Омске 26 – 29 ноября 1984 г. Раиль Гумерович вошел в состав организационного комитета этого форума, а сам оргкомитет возглавили его председатели Анатолий Пантелеевич Деревянко (тогда директор Института истории, филологии и философии СО РАН) и Владимир Иванович Матющенко (тогда заведующий кафедрой всеобщей истории Омского государственного университета), а также заместители председателей оргкомитета Руслан Сергеевич Васильевский (заместитель А.П. Деревянко по Институту в Новосибирске) и я, работавший тогда на кафедре у В.И. Матющенко. Р.Г. Кузеев заявил доклад вместе с Н.Н. Моисеевой на тему «Об этнических связях тюркских народов севера евразийских степей в эпоху средневековья и новое время», но сам приехать на конференцию он так и не сумел.

Позднее у меня были достаточно регулярные встречи с Раилем Гумеровичем во время различных конференций и конгрессов в разных городах СССР и позднее России. В середине 1990-х гг. он стал президентом Ассоциации этнографов и антропологов России и провел 1 – 5 июня 1997 г. в Уфе в качестве председателя оргкомитета Второй конгресс этнографов и антропологов России (Губогло, 1998: 129-47). Омская делегация на таких конгрессах всегда была достаточно представительной. А на конгрессе в Уфе в его рамках с согласия Р.Г. Кузеева мы провели свой научный форум – V всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Корусенко, Томилов, 1999: 151-55). Раиль Гумерович согласился тогда войти и в состав оргкомитета этого семинара, который вместе со мной возглавил заведующий кафедрой археологии Башкирского государственного университета Нияз Абдулхакович Мажитов.

А 9–12 июня 2003 г. Конгресс этнографов и антропологов переселился к нам в Омск и прошел уже в пятый раз (Селезнев, 2004: 1-13). Председателями его оргкомитета кроме меня были губернатор Омской области Леонид Константинович Полежаев и директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Александрович Тишков. Последний играл и продолжает играть ведущую роль в организации и проведении

таких конгрессов. И Валерий Александрович Тишков кстати всегда проявлял к Раиллю Гумеровичу самые добрые отношения и искренне уважал этого выдающегося ученого.

В 1997 г. в Омске прошло еще одно важное событие. По инициативе Р.Г. Кузеева здесь 26 – 29 мая состоялась IV международная научная конференция «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» (Бережнова, Корусенко..., 1998: 129-132). А произошло это следующим образом. Сначала Раиль Гумерович запросил меня о возможности проведения четвертой конференции в Омске. Мы ответили согласием, и затем я получил более подробное письмо от него, датированное 31 октября 1994 г. Вот его текст:

«Дорогой Николай Аркадьевич! Получил Ваше письмо. Очень Вам благодарен, чувствую себя обязанным и немножко перед Вами должником. По поводу Ваших вопросов в письме я хочу сообщить следующее. В конце мая – начале июня 1995 г. в Челябинске состоится III Международная конференция по теме «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Первая конференция прошла в Москве не очень заметно, хотя на этой конференции были выставлены интересные доклады. Я в ней участвовал. Вторую конференцию по договоренности с Институтом востоковедения мы провели в Уфе. Здесь мы ее провели на очень хорошем уровне, так я смею думать. Приезжали из разных республик. Мы оплатили командировки 12 ученым из Москвы, С.-Петербурга и республик, где финансовое положение нелегкое. Теперь в Москве ситуация меняется, там директором Института востоковедения стал Рыбаков, сын академика Бориса Александровича Рыбакова. Я встречался там с Панариным Сергеем Алексеевичем, который сейчас отвечает за научную разработку проблем взаимоотношений Российской Федерации с СНГ и т.д. Я думаю, что было бы очень полезно и ценно, если бы Вы приехали в Челябинск. Я, опираясь на Ваше письмо, внесу предложение, чтобы IV конференция проходила в Омске. Мне представляется, что это очень ценное предложение. Имея ввиду историческое положение и роль Омск в истории России.

Ваш Р. Кузеев.

P.S. Заявку на участие шлите прямоком в Челябинск, Наталье Николаевне Алеврас».

IV Международная научная конференция «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» оставила свой определенный след в научном сообществе. Её оргкомитет возглавили председатель оргкомитета Ростислав Борисович Рыбаков, сопредседатель в моем лице, заместители председателя Раиль Гумерович Кузеев, Сергей Алексеевич Панарин и проректор по научной работе Омского госуниверситета историк Анатолий Викторович Ремнев. Следующую пятую конференцию омичи вместе с Новосибирским государственным педагогическим университетом и другими учреждениями России, Китая и Японии провели 23 – 25 июня 1999 г. в г. Новосибирске.

В этой переписке с Р.Г. Кузеевым по поводу конференции мне была дорога его достаточно высокая оценка моей деятельности. Так в одном из писем С.А. Панарину он писал: «Дорогой Сергей Алексеевич! Посылаю Вам мое письмо проф. Н.А. Томилову и его ответ ... Я ему напишу благодарственное письмо и сообщу, что Вы с ним установите контакт. Н.А. Томилов очень образованный и энергичный человек. Я думаю, что он будет работать также хорошо, как Алеврас».

Известно, что в последние годы жизни Раиль Гумерович испытывал проблемы со своим здоровьем. Тем не менее, переписка у меня с ним продолжалась. Чаще всего это были обоюдные поздравления с праздниками. Но были и письма. Одно такое письмо Раиля Гумеровича, датированное 30 июня 2000 г. и повествующее о том, в каких непростых условиях ему приходилось тогда жить и работать, я приведу полностью. Вот его текст:

«Дорогой Николай Аркадьевич !

Получил Ваше письмо в больнице. Судьба сложилась таким образом, что 1999-2000 гг. стали для меня годами очень тяжелыми. Пролежал в больнице 3 месяца. Хотя я сейчас приступил к работе, проблемы пока остаются. Ваша статья «Еще раз к вопросу о понятиях «историко-этнографическая общность» и «историко-этнографическая область» помещена в сборник, посвященный моему 70-летию, который назван «На стыке Европы и Азии». Сборник не сдан в издательство из-за моей болезни. Сборник объемом около 30 а.л. будет сдан в июле и мы надеемся, что где-то в октябре-ноябре выйдет в свет. Деньги на издание есть. На мой взгляд, Ваша статья одна из самых интересных и высокопрофессиональных. Поэтому, потерпите немножко, и статья будет опубликована здесь.

В сентябре (14-16) в Уфе пройдет конференция «Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития», организует ВЭГУ (Коммерческий Восточный экстерный гуманитарный университет). К сожалению, из-за болезни я слабо участвовал в организации этой конференции. Из наших общих знакомых и видных ученых приедут Кляшторный, Панарин, Решетов и другие. Если у Вас появится желание участвовать, я буду рад приветствовать Вас в Уфе. На всякий случай я Вам высылаю извещение. В случае участия пришлите телеграмму или факс прямо на мой адрес.

Как я живу? С 1996 г. жизнь была очень сложной. В нашей многонациональной республике возникали самые различные и очень радикальные движения. Если Вы помните, даже Международный Конгресс этнографов и антропологов сопровождался неприятными эксцессами. Может быть, это было незаметным для участников конференции, но в связи с изданием некоторых наших книг группа радикально настроенных профессоров попыталась испортить настроение всем ее участникам. В очень сложной ситуации мы в 1997- 1998 гг. сделали программу развития народов Башкортостана. Во время обсуждения этничности пассионарии власть над нами поиздевались. Различие позиции было очень простым. В Башкирии главная национальность одна, гражданское общество - миф, должны сохраняться права и привилегии на основе этнической принадлежности. Мы пытались говорить о гражданском обществе. Сейчас ситуация медленно меняется под воздействием вновь возникших политических обстоятельств. Даже наша программа оказалась хорошей.

Все это сопровождалось резким уменьшением финансирования, сокращением штата до 50 % и т.д. Я человек стойкий, но в конце концов стрессы привели к неприятной болезни с экзотическим названием «псориаз». Из него еле-еле вылезая.

В 2002 г. обязательно приеду в Омск. Я перед Вами в долгу и постараюсь им не оставаться.

Привет от наших коллег. Желаю всего хорошего. Ваш Р.Кузеев».

Конечно, мы все стремились поддержать Раиля Гумеровича в те нелегкие для него годы. В ответ на его послание я отписал ему следующее письмо:

« Глубокоуважаемый и дорогой Раиль Гумерович !

Получил Ваше письмо еще в начале августа. Из него узнал, что сборник, посвященный Вашему 70-летию, все-таки увидит свет, и то, что этот сборник посвящен Вам, вполне закономерно - мы считаем Вас крупным ученым нашей России. Узнал и о Ваших болячках. Надеюсь, что здоровье Ваше стабилизируется. Поддерживаю Ваши позиции в схватке с радикальными движениями в Вашей республике: Мы, омичи, гордимся Вашими деяниями и надеемся, что все Ваши неприятности имеют временный характер...

Все омские археологи, этнографы, историки передают Вам горячие приветы, пожелания здоровья и успехов. С самыми добрыми чувствами и вечной

признательностью за поддержку омских этнографов.

Ваш Н.А.Томилов, 1.09.2000 г.».

Сборник в честь 50-летия научной деятельности Р.Г. Кузеева увидел свет в этом же 2000 г.(Этносы и культуры..., 2000). Но Раилью Гумерловичу, к нашему сожалению, так и не удалось побывать у нас в Омске. Но мы всегда были рядом с ним. А он рядом с нами. Многие и многие позитивные определения подходят к нему как к личности – он и выдающийся, и незаурядный, и неугомонный, и блестящий, и беспокойный, и т.д. Но мне больше нравится называть его заботливым человеком. И не только потому, что он, действительно, заботился о нас, ученых разных регионов СССР и позднее России, в том числе поддерживал ученых Сибири и даже опекал нас, но и потому, что он, прежде всего, беспокоился за судьбы науки и нашей страны и многое сделал как для своей малой Родины – Башкортостана, так и для нашей великой России.

Список источников и литературы

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Селезнев А.Г., Томилов Н.А. IV международная научная конференция «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 129-132.

Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. – 716 с.

Губогло М.Н. Этнология и современность. К итогам работы Второго конгресса этнографов и антропологов России (Уфа, 1 – 5 июня 1997 г.) // Этнографическое обозрение. - 1998. - № 4. – С. 129-147.

Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. – Омск: Издательский дом «Наука», 2007. – 400 с.

Корусенко М.А., Томилов Н.А. Об этнографических семинарах в Уфе и Санкт-Петербурге // Этнографическое обозрение. – 1999. - № 4. – С. 151-155.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этнографический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 348 с.

Раиль Гумерович Кузеев (1929 – 2005) // Этнографическое обозрение. – 2006. - № 1. – С. 187-190.

Селезнев А.Г. О конгрессе // Этнографическое обозрение. – 2004. - № 1. – С. 1-13.

Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. – СПб: Алетейя, 2008. – 176 с.

Томилов Н.А. Еще раз к вопросу о понятиях «историко-этнографическая общность» и «историко-этнографическая область» // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа, 2000. – С. 63-70.

Томилов Н.А. Интеграционная ориентация омских конференций по этнической истории тюркских народов // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. – Омск, 2011. – С. 11-15.

Томилов Н.А. Проблемы прошлого историко-этнографических общностей в монографии Р.Г. Кузеева «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. – С. 208-212.

Этносы и культуры на стыке Азии и Европы: сб. статей к 50-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Р.Г. Кузеева. – Уфа: Гилем, 2000. – 182 с.

Г.А. Аксянова

*Россия, Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

НЕЗАРАСТАЮЩИЕ МАРШРУТЫ М.А. КАСТРЕНА: АНТРОПОЛОГИЯ САМОДИЙСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Abstract

Samoyedic populations are heterogeneous anthropologically. Nenetses and Selkups represent an intermediate Ural-Altaic type while Enetses and Nganasans a Mongoloid-Baikal group of types. This complex anthropological picture does not contradict the theory that modern Samoyedic peoples originated on the Middle Ob.

Территорию формирования единой самодийской (протосамодийской) общности лингвисты, этнографы, археологи связывают либо с разными районами Алтае-Саянского нагорья, чаще всего северными, либо со Средним – Томско-Нарымским Приобьем. Признаются разнонаправленные миграции и культурные контакты населения этих двух территорий, по крайней мере, с периода раннего железа.

Палеоантропологические материалы с территории самодийской Арктики отсутствуют. **Удачным итогом прошедшего XX в.** надо признать два обстоятельства: **1) наличие надежно сопоставимых материалов классической расоведческой программы,** дающей описание внешности всех четырех современных самодийских народов и одновременно народов южной части Сибири, прежде всего Алтае-Саянского нагорья; **2) возможность сравнения популяций по нескольким системам признаков,** для которых предполагаются разные темпы эпохальных изменений.

По расоводиагностической программе, включающей описание физической внешности взрослого населения по измерительным и описательным признакам головы и лица, каждый из самодийских народов, кроме энцев, антропологи обследовали дважды. За исторический период 1937-1993 гг. эти работы были проведены и опубликованы Н.Н. Чебоксаровым и С.А. Шлугером, Г.Ф. Дебецом, Н.С. Розовым, И.М. Золотаревой, Г.А. Аксяновой, В.П. Алексеевым, А.И. Дубовым. В антропологическом отношении самодийцы, без сомнения, неоднородны: среди них есть территориальные группы, которые характеризуются чертами промежуточной европеоидно-монголоидной уральской расы (уральско-алтайской группы типов) и монголоидной байкальской расы (то же: типа в составе североазиатской расы). Оба комплекса в классическом выражении, например, у обских угров и тунгусо-маньчжурских народов соответственно, имеют большие различия. Ареалы этих таксонов в то же время смыкаются, совпадая примерно с естественной границей по среднему и нижнему течению Енисея. Западный вариант байкальской группы, названный Дебецом катангским типом, в локальном – таймырском варианте представлен у нганасан и энцев. Его характеризуют низкий рост (156-159 см в среднем у мужчин), крупная и очень широкая мозговая коробка, лицо невысокое по сибирскому масштабу, но очень широкое, очень темная пигментация волос и глаз, пониженная частота тугих волос, некоторое ослабление уплощенности лица, среднепрофилированный нос с низким переносьем, прямой или выпуклой костной его частью, немного повышенная частота выпуклой спинки носа (общий профиль) при резком преобладании вогнутой ее формы, очень слабый рост бороды и очень высокий процент монгольской складки века – эпикантуса (примерно 50%). Энцы обнаруживают западный антропологический сдвиг ослаблением монголоидности по всему описательному комплексу признаков, и, кроме того, у них увеличена высота лица. Очевидно, что современное сближение характеристик двух аборигенных народов Таймыра усилено практикой обменных браков. Потомки таких нганасано-энецких

браков слабо отличаются по физическим особенностям от нганасан. Различные территориальные варианты катангского типа были, по-видимому, широко представлены в автохтонном дотунгусском населении бассейна Енисея.

«Американоидность» физического облика нганасан, о которой писали этнографы на основе визуальных впечатлений, в результате научного изучения народа не выявлена. О ней можно говорить лишь как об индивидуальной комбинации черт, встречающейся в качестве исключения. Применительно к энцам больше оснований говорить об «американоидности», т.к. выраженность монголоидных черт у них слабее, лицо выше, спинка носа более выпуклая, цвет кожи более смуглый. Нганасаны существенно отличаются от всех ныне проживающих в Западной Сибири этнотерриториальных групп, в том числе самодийских (ненцев и селькупов).

Ненцы по всему этническому ареалу от Белого моря до Таймыра характеризуются, в сравнении с энцами и особенно с нганасанами, значительным ослаблением монголоидных особенностей и уменьшением многих размеров головы и лица, прежде всего широтных; длина тела у них малая – до 160 см в среднем у мужчин. Несмотря на высокий по западносибирскому масштабу уровень монголоидности, физический тип ненцев включает очень характерные уральские черты, а именно, мягкие волосы, ослабление пигментации волос и глаз, менее уплощенное лицо, высокий процент вогнутой формы спинки носа при крайней редкости выпуклой формы, относительно широкий в крыльях нос. Это позволяет включать данный комплекс в состав контактной уральской, или западносибирской по Багашеву, расы в качестве одного из самых монголоидных и, очевидно, автохтонных на Крайнем Севере вариантов. Я предложила назвать его «североуральским» типом уральской расы. Полагаю, что он имеет общие генетические корни с катангским типом, но включил в свой состав и географически более западный древнеуральский тип, а также определенную долю смешанного европеоидно-монголоидного варианта с южносибирскими чертами (обь-иртышский тип). Это автохтонный субарктический западносибирский комплекс.

В целом, современные ненцы по расово-морфологической характеристике занимают промежуточное положение между энцами и селькупами. Они являются носителями ослабленного по описательным характеристикам монголоидного комплекса внешних особенностей, включение которого в состав уральской группы типов (расы) на сегодняшний день остается дискуссионным вопросом.

Завершая характеристику ненцев необходимо отдельно сказать о колвинцах. Это гетерогенная группа коми-русско-ненецких метисов, по самоидентификации ненецкая, в которой преобладает европейский компонент. Антропологически колвинские ненцы в среднем объединяются больше не с родительскими популяциями, а с географически удаленными селькупо-русскими метисами Среднего Приобья, а по некоторым признакам и с селькупами. При общем промежуточном статусе метисной группы у колвинцев сохраняются некоторые особенности внешнего облика характерные в данном регионе именно для ненцев (широкий рот, высокая верхняя губа, наклонный лоб и развитое надбровье). По длине тела мужчины-колвинцы сейчас не отличаются от местных коми-ижемцев (167 см), однако ненки колвинские в среднем заметно ниже ростом, чем ижемки (153 и 156 см).

Расовый тип ненцев (которым очерчивается северная периферия уральской расы) включается антропологами в ее состав с середины XX в.: Шлугером и Чебоксаровым по отношению к европейским тундровым ненцам Малой и Большой Земли как лапоноидный тип уральской расы, а Дебецом и Левиным как уральский тип (или раса), в отношении прежде всего азиатских тундровых групп, включая и енисейский вариант

(или тип) ненцев Северного Ямала. Сам же С.А. Шлугер рассматривал енисейский вариант в составе южносибирской расы.

В настоящее время, когда убедительно доказаны значимые антропологические различия между финноязычными и угро-самодийскими популяциями, целесообразно поддержать вторую концепцию ареала современной уральской расы, ограничивая его только Западной Сибирью с прилегающей частью европейского (ненецкого) заполярья. По-существу, уральская раса в настоящее время выступает как буферная уральско-алтайская группа типов («раса») – промежуточных между большими расовыми стволами в Евразии (западным - европейским и восточным – азиатским монголоидным) и промежуточными комплексами сложного генезиса в Алтае-Саянах. В ее состав логично включать несколько известных комплексов (антропологически своеобразных, географически смежных, расогенетически смешанных по основному механизму образования, исторически родственных). По мировому масштабу они представляют единый переходный массив, занимающий большую часть Западной Сибири:

- 1) собственно уральский тип (представлен хантами и манси),
- 2) обь-иртышский тип (селькупы, чулымцы, часть сибирских татар, компонентом - у хакасов-кызыльцев и в ряде групп сибирских татар),
- 3) североуральский тип (ненцы, кроме колвинских),
- 4) енисейский тип (кеты),
- 5) переходный к южносибирскому типу («расе») – североалтайский тип по А.Р. Киму, он же урало-алтайский тип А.И. Ярхо (шорцы, компонентом в составе телеутов, северных алтайцев и части хакасов). В классификации правомерно рассматривать положение этого типа и как северную периферию ареала южносибирской расы в качестве алтае-саянского типа по терминологии В.П. Алексеева.

Антропологические особенности селькупов всеми исследователями классифицируются как уральская раса (западносибирская, в классификации А.Н. Багашева, в составе ее обь-иртышского типа). Ослабление монголоидности по описательному комплексу здесь еще более значительное, чем у ненцев, и в общем близкое к хантыйскому уровню. Характерными особенностями, по сравнению с большинством северосамодийских групп, является депигментация волос и особенно глаз, усиление роста бороды, уменьшение уплощенности лица и выступления скул, уменьшение частоты эпикантуса и пр. У селькупов, прежде всего южных, совершенно отчетливо по нашим данным проявляется южносибирский, а точнее – североалтайский антропологический градиент в направлении изменчивости расового комплекса. Это выражается в увеличении длины тела и длины головы, уменьшении головного указателя, увеличении ширины лба и относительном удлинении лица, повышенном проценте тугих волос при одновременном наличии волнистых жестких волос, усилении роста бороды и сохранении на высоком уровне частоты эпикантуса, в характеристиках выступления носа. О сближении с хантыйскими этническими группами свидетельствует не только ослабление окраски волос и глаз у селькупов, но и высокий процент вогнутой спинки носа при полном отсутствии выпуклых профилей, в том числе и в костной части носа.

Самодийские этносы различаются по степени морфологического разнообразия входящих в их состав территориальных групп. Как обычно, характерна положительная корреляционная зависимость: чем больше ареал этнической группы, тем больше ее внутреннее разнообразие. Энци представлены в антропологии только одной, тундровой группой. Нганасаны демонстрируют низкий уровень различий между авамской и вадеевской группами. В последней слабо намечается отклонение популяционной характеристики в сторону байкальского типа, распространенного в соседних этнических группах эвенков и юкагиров. Селькупы довольно разнородны, особенно по

довоенным данным Дебеца, где нарымские селькупы представлены выборкой с реки Тым, включившей переселенцев с Парабели и Васюгана. Тазовские селькупы имеют более крупные размеры головы и лица, описательные же характеристики в двух группах поразительно сходны. В целом реконструируется ситуация наложения уральского расового комплекса, привнесенного мигрантами-селькупам с юга, на монголоидный, вероятно, катангский массив, который логично связать с северосамодийскими (ненецкими и энецкими популяциями). Можно предположить, что селькупы, прежде всего северные, к началу XX в. были в антропологическом отношении одной из самых гетерогенных самодийских популяций. А к началу XXI в. тот же тезис, справедлив и к нарымским селькупам из-за широкого масштаба селькупско-русских брачных контактов. Современные южные селькупы вследствие этого процесса представляют уже этническое сообщество русскоязычных метисов. В антропологическом материале находят отражение контакты южных самодийцев с их соседями, а именно, с хантами, кетами, эвенками (единичные контакты), чулымцами, сибирскими татарами, с энцами на севере.

Самые разнообразные между собой – это ненецкие группы, даже без учета колвинцев. Метисная группа колвинских ненцев характеризуется преобладанием европеоидного компонента в своем составе, этнически представленного коми и русскими. Среди тундровых ненцев ясно выделяются три локальных варианта: канинский (канинские и, вероятно, колгуевские ненцы), нижнепечорский (малоземельские и большеземельские ненцы) и нижнеобский (ямальские и надымские ненцы). Канинский вариант наиболее своеобразен и вносит основную долю в размах внутриэтнической дифференциации. Он отклоняется, наиболее вероятно, в сторону географически соседнего лапоноидного типа кольских саамов, что проявляется заметным уменьшением многих размеров головы и лица в сочетании с ослаблением монголоидности. Однако и этот вариант следует отнести к североуральскому типу. Нижнепечорский вариант гораздо ближе к нижнеобскому, чем к канинскому. Азиатские ненцы – самые крупные по размерам головы и лица и самые монголоидные по большинству признаков. Обобщая материалы разных авторов, можно считать, что все изученные группы азиатских ненцев, включая лесную группу, представляют единый нижнеобский вариант. Ямальские и лесные ненцы характеризуются непропорциональным остальному комплексу осветлением радужной оболочки: здесь резко, примерно до 30% снижена частота темных глаз и увеличена частота смешанных оттенков. Этот феномен может говорить о древней и современной метисации ненцев с представителями более депигментированных групп населения (древнеуральский тип, незарегистрированная примесь хантов, коми). Лесные азиатские ненцы по данной программе сближаются с тазовскими ненцами.

В результатах проведенного кластерного анализа по сумме признаков, с привлечением к сравнению территориально удаленных этнических групп, обращает внимание значительное сближение ямальских ненцев и энцев с алтай-кижи, а селькупов с обскими уграми. В совокупность наиболее близких к северным самодийцам групп, кроме того, входят западные эвенки, кеты елогуйские, чулымцы, шорцы и тубалары. Однако, если сравнивать не локальные, а суммарную выборку ненцев, исключив при этом существенно различающуюся с ними группу алтайцев, то ненцы отчетливо объединяются только с энцами – более восточным родственным этносом. Нганасаны в этом случае объединились с западными эвенками и юкагирами, а селькупы с северными хантами и манси (Рис. 1, 2).

Вопрос о прародине самодийцев на комплексном антропологическом материале достаточно убедительно решается сейчас в пользу среднеобской гипотезы (район компактного проживания южных селькупов в Томско-Нарымском Приобье: кулайская

культурная общность раннего железного века). Отсюда предки самодийцев в первой половине I тыс. н.э. расселились в южном, западном и северном направлениях. Не вызывают сомнений биологические контакты ранних самодийцев с уграми и тюрками в Обь-Иртышском бассейне, с енисейцами в Обь-Енисейском бассейне, с тюрками в Верхнем Приобье.

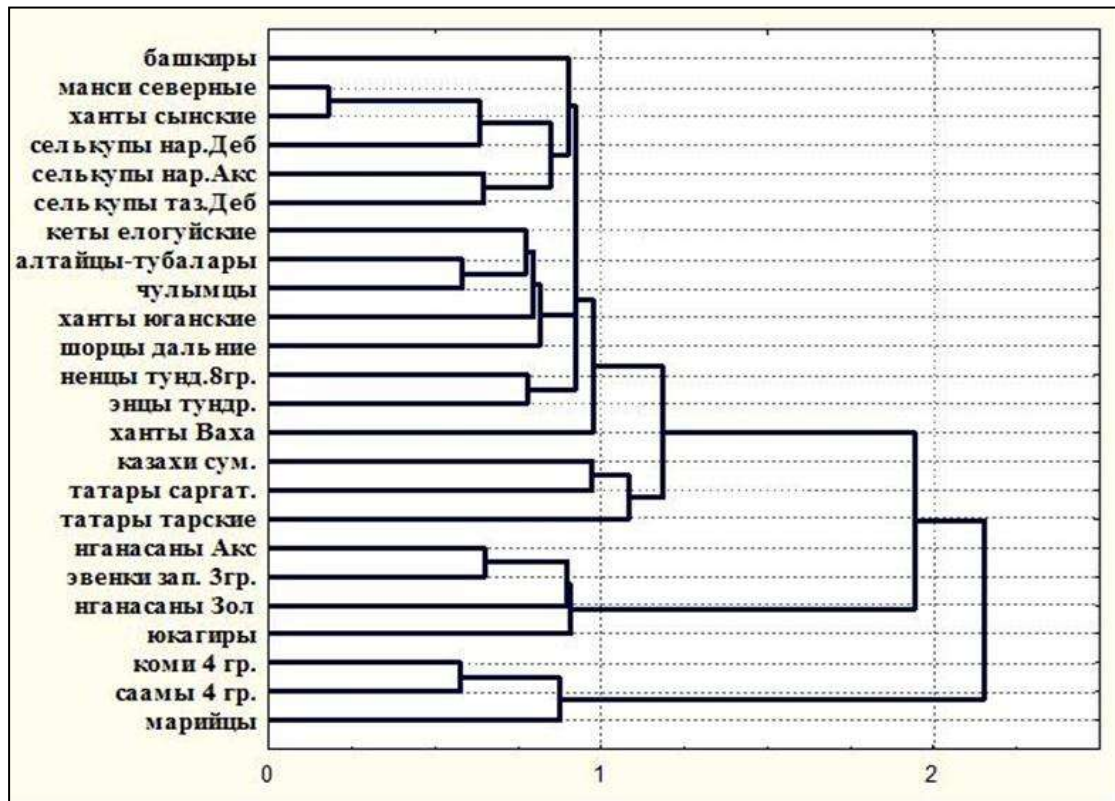

Рис. 1. Положение самодийских народов в таксономическом пространстве евразийских популяций (мужские выборки; признаки расовой морфологии).[Сокращенные фамилии авторов материалов: Деб – Дебец, Зол – Золотарева, Акс – Аксянова]

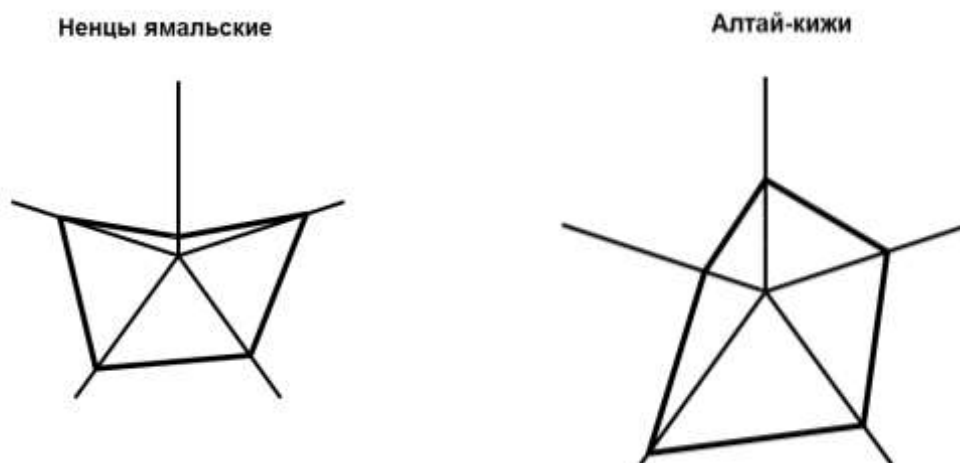

Рис. 2. Комбинационные полигоны по расово-диагностическим признакам внешности.Оси по часовой стрелке: 1 – длина тела, 2 – расширение головы, лица и носа, 3 – цвет волос и глаз, борода, эпикантус, 4 – профиль лица, скулы, выступание носа, 5 – профиль спинки носа, форма волос.
Фактор 1 увеличивается в европеоидном направлении, 2-5 в монголоидном

А.Ю. Борисенко², Ю.С. Худяков¹

Россия, Новосибирск, ¹Институт археологии и этнографии СО РАН,

²государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ М.А. КАСТРЕНА ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ³

Abstract

This article analyses the archaeological sites documented by M. A. Castren in traveling reports and letters in the Minusinsk Basin in 1847. The sites are primarily ancient and medieval burial mounds and rock art. His interpretations played an important role in associating these sites with Turkic speaking peoples of Siberia.

В 1845-1849 гг. путешествие в Сибирь совершила экспедиция ученого из Финляндии М.А. Кастрена. Среди целей научного поиска было изучение археологических памятников и рунических надписей, которые по научной традиции XVIII – XIX вв., приписывались мифическому древнему финскому народу «Чуди». Эти представления опирались на легенды сибирских народов и русских старожилов, согласно которым этот народ сам похоронил себя в древних курганах накануне прихода русских в Сибирь.

Маттиас Александр Кастрен (1813 – 1852) – известный финский ученый, исследователь языков и культур финно-угорских народов. В 1836 г. он окончил Хельсингфорский университет и стал преподавать финский язык. В этот период своей научной деятельности он совершил ряд поездок по Финляндии и Лапландии для сбора лингвистических материалов. Во время этих поездок у него появились планы изучения языков народов Севера и Сибири. Вероятно, в 1832 г. он познакомился с российским академиком Андреасом Иаханнесом Шегреном, когда этот ученый приезжал в Финляндию. М.А. Кастрен стал использовать, разработанную А.И. Шегреном методологию обобщения лингвистических материалов, в ходе экспедиций в 1841- 1844 гг. в Лапландию, Карелию и Архангельск. В 1844 г. А.И. Шегрен рекомендовал магистра М.А. Кастрена возглавить «этнографическую миссию в Сибири». Он разработал для этой поездки инструкцию, с которой ознакомил членов Академии наук. Это предложение поддержал Президент Академии наук С.С. Уваров. Для работы в экспедиции М. А. Кастрена взяли на службу в академию. По замыслу А.И. Шегрена основной задачей экспедиции должно было стать изучение «самоедов» и «остяков». Ему было известно, что кетские племена «асаны» и «каты», были ассимилированы, разделили «участь аринов и таким образом невозвратно потеряны для науки». М.А. Кастрен должен был собрать как можно больше сведений об этих народах (Хартанович, 2007: 65-66).

Экспедиция М. А. Кастрена по Сибири продолжалась с 1845 по 1849 гг. Она финансировалась Российской Академией наук и Хельсингфорским университетом. По территории Минусинской котловины М.А. Кастрен путешествовал в 1847 г. в сопровождении филолога Ю.Р. Бергстади, который тщательно изучал наречия сибирских «остяков». По мнению Э.Б. Вадецкой, маршрут экспедиции М.А. Кастрена, в основном, повторил маршрут П.С. Палласа (Вадецкая, 1973: 104). Результаты работы М.А. Кастрена были опубликованы в российских и финских изданиях, в его сочинении «Путешествие в Сибирь», в котором маршруты и ход исследований изложены в виде писем М.А. Кастрена академику А.И. Шегрену (Кастрен, 1999: 202-269). Представленные в «Путешествии в Сибирь» письма, представляют собой настоящие произведения эпистолярного жанра. В них путешественник описывает свои личные впечатления об увиденном, часто жалуется на состояние своего здоровья и разные невзгоды. Важная для характеристики археологических памятников информация упоминается мимоходом, без важных деталей.

Во время поездки из Ужура к «Кизилской управе», по Белому Июсу, к «качинским форпостам», М.А. Кастрен неоднократно слышал от коренных жителей и записал много «противоречащих преданий» о древней «чуди». Согласно одному, широко распространенному среди местных «татар», преданию, этот «мифический народ, называемый многими стариками акараком (белоглазым)», был древним обитателем этой страны, но оставил ее, задолго до «прибытия» енисейских кыргызов. «Чуди» принадлежат «все древнейшие, повсюду рассеянные по степи могильные курганы». Однако, по другому преданию когда стал появляться березовый «белый лес», чудь догадалась, что «страной этой завладеет «Белый царь» и, убоясь его, убралась вся в курганы» (Кастрен, 1999: 203). По мнению М.А. Кастрена, первый вариант этой легенды «смешивает чудь с киргизами». Сам он согласен с тем, что есть «много такого, что говорит в пользу их киргизского происхождения». В подтверждение этому он описал раскопанный казаками курган, в котором был найден скелет и каменная кружка с нюхательным табаком и «разные другие вещи весьма позднего происхождения». Ученый отметил, что находящиеся в Минусинской котловине «четырёхугольной формы могилы» с каменными стенами и «колоссальные, кверху заостренные могильные камни» не встречаются ни в Финляндии, ни в Лапландии, ни в северных областях европейской части России, где живут финские народы. Поэтому он решил, что «чудские могилы» Минусинской котловины являются захоронениями «позднейшего монгольского или киргизского происхождения» (Кастрен, 1999: 203-204). С современных научных позиций «четырёхугольные могилы» являются курганами тагарской культуры раннего железного века, а впускное погребение по обряду ингумации с поздними вещами относится к кыштымам (Худяков, 1989: 29-40). В этом же письме исследователь сообщает, что не может приобрести древности для музея Академии из-за нехватки средств и потому, что «всякая, хотя бы самая незначительная вещь, найденная в земле, отбирается начальством и отсылается губернатору» (Кастрен, 1999: 206). Дальнейший маршрут М.А. Кастрена по Минусинской котловине проходил через Уйбатскую и Койбальскую степь к Саянскому острогу и Минусинску (Кастрен, 1999: 241). Далее он проехал по р. Тубе до Форпоста Шадатск, чтобы попасть в Туву и изучать «сойотов» - тувинцев. Однако «Сойотский дарга» стал вымогать у него подарки и не пустил в Туву. Из Минусинска он совершил несколько маршрутов в поисках рунических надписей (Кастрен, 1999: 209, 216, 222 – 226, 244; Вадецкая, 1973: 104-107). В его «Путевом отчете» мало говорится об археологических памятниках. По дороге вдоль Абакана он увидел «группу старых могил, обнесенных со всех сторон высокими каменными стенами» (Кастрен, 1999: 211). В землях «Сагайского управления», на левобережье Абакана, М.А. Кастрен «употребил целую неделю на раскапывание древних могильных курганов, которых здесь множество» (Кастрен, 1999: 224). По оценке Э. Б. Вадецкой, у с. Аскиз и Усть-Есь он раскопал несколько тагарских курганов, могилу с сожжением, оградку с пристройкой, осмотрел каменные бабы и плиту с «иероглифами» (Вадецкая, 1973: 104). На Енисее, от с. Означенного до Абаканска, М.А. Кастрен осмотрел наскальные рисунки. «Человеческие фигуры на скалах – иногда одинокие, иногда по две вместе, иногда соединенные в большие группы – представлены стоящими, или идущими, или верхом на лошади, или стреляющими из лука в спасающегося зверя», отметил изображения животных и деревьев. Из орудий он выделил «только луки и стрелы, меч и нагайку». Знаки, «похожие на буквы», по его мнению, «на скалах весьма редки, гораздо чаще находят их на могильных камнях или разбросанными по всему камню, или в непрерывном порядке. Многие из них татары почитают древними письменами, что весьма вероятно». По мнению М.А. Кастрена, одним из народов, кому принадлежат эти рисунки, «были киргизы». Он назвал эти знаки «киргизскими надписями» и отметил, что ниже

Абаканска «на енисейских скалах начинают попадаться фигуры, нарисованные красной краской». Среди них есть рисунки лошадей, коз и людей, едущих на оленях. На одной скале, неподалеку от Абаканска имеются фигуры, нанесенные черной краской. Ко времени его работы много рисунков «уничтожило время», а часть была вырублена и увезена по приказу енисейского губернатора А.П. Степанова (Кастрен, 1999: 228-229).

В письме А.И. Шегрену, от 15.06.1847 г., А.М. Кастрен указал, что к этому времени раскопал 10 «древнейших» и 4 «позднейших» кургана. В древних курганах он находил «множество остовов людей и животных, более или менее истлевших, различные медные вещи и разбитые глиняные сосуды». Он отметил, что погребенные лежали «на спине или на боку в деревянных или каменных гробах». Согласно его гипотезе, когда в могиле было по два скелета, это было захоронение мужа и жены. Он отметил находки в насыпях курганов скелетов «весьма недавнего происхождения», поскольку «у татар есть обычай хоронить мертвых в старых курганах». По определению ученого, «позднейшие курганы принадлежат теперешним татарам». В Сагайской степи было зарисовано «несколько человеческих лиц, высеченных на камне». В «разных местах» им были осмотрены рисунки на скалах с изображением людей, зверей и различных предметов (Кастрен, 1999: 238-239). Ученый довольно четко описал древние курганы тагарской культуры, впускные захоронения и «позднейшие курганы» этнографической современности. От сойотов он узнал, что ламы до сих пор «делают на камнях надписи» (Кастрен, 1999: 246). В одном из писем исследователь перечислил находки, отправленные в Академию наук. Среди них были черепа, «несколько седельных украшений из латуни», обнаруженные в «огромном кургане» на правом берегу Енисея, три ножа, топор и седельные украшения из небольшого кургана в Сагайской степи, двадцать два железных наконечника стрел «десяти разных родов», принадлежности узды, стремяна, железная лопата, орудие для добычи кандыка, латунная человеческая фигурка, остатки кольчуги, которые могут относиться к эпохе средневековья. Находки бронзовых ножей, кинжалов, копий, секиры, круглые медные пластинки и обломок медного зеркала, вероятно, относятся к тагарской культуре. Все эти предметы были найдены при распашке земли на Енисее (Кастрен, 1999: 247-248).

Во время пребывания в Минусинской котловине в работе экспедиции принял участие декабрист, сосланный в с. Шушенское, полковник Петр Иванович Фаленберг, которого М.А. Кастрен в одном из писем назвал «ссылным инженерным офицером» (Кастрен, 1999: 239). Известно, что во время пребывания в ссылке он скопировал три рунические надписи с берегов Енисея (Матханова, 2000: 86, 97-98). М.А. Кастрен отметил в одном из писем, что отправил фон Френу снимки двух надписей, одна из которых была снята «бывшим инженерным офицером с знаменитой скалы близ Абаканска» (Кастрен, 1999: 253).

Собранные М.А. Кастреном археологические материалы и их интерпретация были определенным шагом вперед в изучении сибирских древностей. Он выразил сомнение в принадлежности древних курганов Минусинской котловины легендарной «чуди», отметил их конструктивные отличия от древних памятников европейских финнов, отнес енисейские надписи, петроглифы и курганы к «киргизам и монголам». Его догадки на полвека предвосхитили последующую расшифровку и определение енисейской руники в качестве письменности тюркских народов.

Примечание

³Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры Инновационной России» (Соглашение № 14. В 37.21.0007).

Список источников и литературы

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. – Кемерово: КемГПУ, 1973. – Вып. VI. – С. 91-159.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845 - 1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.

Матханова Е. И. Немцы – декабристы в Сибири // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000. – Вып. 2. – С. 85-99.

Хартанович М.Ф. М.А. Кастрен – ученик А.М. Шегрена // Памяти академика А.И. Шегрена (1794 – 1855). – СПб: Изд-во «Европейский Дом», 2007. – С. 64-68.

Худяков Ю.С. Средневековые захоронения кыргызских кыштымов как памятник этнической истории // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 29-42.

А.В. Жук

Россия, Омск, государственный университет

М.А. КАСТРЕН В РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Abstract

The article is dedicated to the 200th anniversary of the birth of Mathias-Alexander Castren (1813-1852) - a remarkable archaeologist, anthropologist, linguist, and researcher of Finland, the Russian North and Siberia. In the 1840s he made an invaluable contribution to the development of Russian science.

В истории отечественной археологии и этнографии Матвей-Александр (Матвей Христианович) Кастрен занимает особое место. Случилось так, что его постигла ранняя кончина, и начатые им работы не были завершены. Однако, М.-А. Кастрен успел-таки «застолбить» направление, которое вскоре развили Ч.Ч. Валиханов и В.В. Радлов. Суть этого направления, которое сам М.-А. Кастрен определил как «древнейшая этнография» – интеграция данных антропологии, материальной культуры и языка в деле воссоздания древнего этноса.

Люди по-разному приходят в науку. М.-А. Кастрен пришел в нее самым, пожалуй, симпатичным образом – через страсть к путешествиям. Детство его прошло в северной Финляндии, на берегах р. Кемь; это не та Кемь, что впадает в Белое море, но та – что в Ботнический залив. Дата рождения М.-А. Кастрена, как ни странно, проблемна, с «вилкой» практически в год: из его биографов К. Тиандер называет 2 (14) февраля, а А. Шифнер – 20 ноября (2 декабря) 1813 г.

Отец Матвея, Христиан Кастрен, служил капелланом на лютеранском приходе Тервола, Кемского у. Улеоборгской губ. (т.е., как сказали бы у нас, М.-А. Кастрен был *из поповичей*). В 1821 г. Х. Кастрен переходит пастором, но зато гораздо выше по Кеми, на приход Рованиеми, у самого Полярного круга; здесь он и скончался в 1825 г. Вдову и восьмерых детей приютил его брат, пастор Усть-Кемского прихода Матвей Кастрен; дядя-то и привил племяннику вкус к охоте, путешествиям и научным изысканиям. Вскоре Матвея-младшего отдадут в Улеоборгское училище (это здешний юг – 65°, широта Соловецких островов), а в 1830 г., 16-ти лет от роду, он уезжает в Гельсингфорс, где определяется в Александровский университет.

По примеру отца и дяди, М.-А. Кастрен думал сначала о духовной стезе, но вскоре его увлекли языки – классические, затем восточные и, наконец, родной; в 1836 г. он получает степень магистра. С детства М.-А. Кастрен был страстный охотник, не раз сплавлялся по бурной, порожистой Кеми. Теперь у этой страсти появилось ученое оправдание, и остаток жизни, 1838-1849 гг., он провел в странствиях, «с винтовкой и карандашом», от Лапландии до Нерчинска.

После первых же маршрутов по Заполярью, М.-А. Кастрена заприметил академик, член «ученой дружины» графа Н.П. Румянцева Андрей-Иоанн (Андрей Михайлович) Шёгрэн (1792-1855), которого современники справедливо называли «первым лингвистом по специальности, изучившим финские говоры российских инородцев на месте их жительства». По рекомендации А.-И. Шёгрена, М.-А. Кастрен определяется на должность «лингвистического этнографа» в комплексную Сибирскую Экспедицию Императорской Академии Наук, которой руководил А.Ф. фон Миддендорф.

Путешествие, в рамках этой экспедиции, М.-А. Кастрен совершил в два этапа. Приглашение застало его в разгар очередной заполярной экскурсии – в феврале 1842 г., на берегах озера Энаре. Скорректировав первоначальные планы, он двинулся в Колу, а оттуда, через Кандалакшу, Кемь и Соловки, в Архангельск. Работая здесь, он посетил Терский берег, а осенью выехал из Архангельска через Холмогоры и Пинегу на Мезень. Далее, обойдя Канинскую землю, М.-А. Кастрен прибыл Мало-Земельскую тундру в Пустозерск.

Отсюда, поднявшись к Усть-Цильме и посетив Ижемск, он двинулся вверх по Печоре, а затем по Усе в Усть-Колву. Продолжив путь вверх по Усе, он дошел до избы (на позднейших, с конца XIX в. картах она надписывалась как «изба Терентьева»). Здесь, дождавшись санного пути, перевалил Урал и вышел на р. Сось; переправившись через Обь по ледоставу, М.-А. Кастрен прибыл в Обдорск. Отсюда он поднялся в Березов, Тобольск и уже 3 мая 1844 г. возвратился на почтовых в Гельсингфорс.

Наградой отважному путешественнику стала половинная Демидовская премия 1844 г. по филологии, а также степень доктора философии.

В феврале 1845 г. начинается второй, уже собственно сибирский этап экспедиции. М.-А. Кастрен покидает Гельсингфорс и к маю прибывает на почтовых в Тобольск. Отсюда он спускается к Самарову, из которого выполняет несколько коротких поездок, а затем поднимается по Оби в Сургут, Нарым и, наконец, в Томск. Отсюда он переехал в Енисейск и, дождавшись ледохода, спустился в Туруханск, Дудинку, откуда совершил ряд поездок – вплоть до Толстого Носа. В Енисейск он возвратился лишь по весне. Переехав в Минусинск, М.-А. Кастрен обследует Качинскую, Сагайскую и Койбальскую степи, а затем поднимается по Тубе до Шадатского форпоста, посещает Николаевский прииск и, нелегально – сойотов за Китайскую границу.

По возвращении в Минусинск он отправляется через Агульск и Нижнеудинск в Иркутск, откуда посещает Тунку. Затем, одолев по льду Ангару и Байкал, через Верхнеудинск, Селенгинск и «чайный треугольник» (Троицко-Савск – Усть-Кяхта – Маймачин), прибывает в Читу, откуда разъезжает по разным направлениям, добираясь вплоть до Нерчинска.

К этому времени здоровье М.-А. Кастрена было уже серьезно подорвано. Не падая духом, он пишет в отчете: «При разрытии одного из курганов я промочил ноги и добыл через то кашель, насморк и зубную боль, результатом которой была утрата одного из лучших зубов моих» (Кастрен, 1860: 407). В конце концов, М.-А. Кастрен был вынужден прервать экспедицию; через Красноярск, Омск, Петропавловск, Курган, Златоуст и Уфу он возвратился к исходу февраля 1849 г. в Гельсингфорс.

Путешественник ехал через С.-Петербург, где был принят очень тепло; домой он прибыл уже адъютантом Императорской Академии Наук. На следующий год М.-А.

Кастрен получает от Академии золотую медаль второго достоинства, специально под него в Александровском университете открывают кафедру финского языка и словесности; 13 октября 1850 г. М.-А. Кастрен становится членом Императорского Русского Географического Общества. Однако, здоровье его было уже окончательно расшатано и, после долгой, изнурительной болезни М.-А. Кастрен скончался в Гельсингфорсе 25 апреля (7 мая) 1852 г.

Интерес М.-А. Кастрена к археологии и этнографии был, в духе времени, романтичен. В отчете об экскурсии 1838 г. он писал: «Самая красивая природа является мертвым трупом, если не видно на ней человеческого следа; но малейший признак: какой-нибудь дорожный знак, сломанное весло, обгорелый костер, одним словом, малейший признак обладателя вселенной – и самая мрачная пустыня наполняется жизнью» (Там же: 22). Впрочем, вывод следовал уже вполне научный: «решился я посвятить всю деятельность жизни моей исследованию языка, нравов, религии, обычаев, образа жизни и прочих этнографических отношений Финского народа» (Там же: 3).

Показательно, что совокупность сфер человеческой деятельности М.-А. Кастрен именует «этнографией». Это – отличительная черта предыдущего этапа развития археологической мысли, когда в качестве основного источника выступал отдельно взятый предмет, и понятия «археология» и «этнография» часто оказывались синонимами. А вот то, что культурная пентада (язык, нравы, религия, обычаи, образ жизни) четко декларируется М.-А. Кастреном как объект исследования – это уже нечто новое.

Следующий шаг заключается в осознании того, что пентадою сфер человеческой деятельности ведают *несколько* наук: «язык» – это одна наука, «нравы, религия и обычаи» – другая, а вот «образ жизни» (или, как еще говорили тогда, «изящные и механические искусства») – третья. Правда, как будет выстроена иерархия этих наук и, соответственно, какой облик получит их синтез – разные ученые видели по-разному. Следует подчеркнуть: М.-А. Кастрен *одним из первых в России* дал свой вариант решения этой проблемы.

«Главной моей целью будет древнейшая этнография» (Кастрен, 1860: 425), - пишет он в 1847 г. А.-И. Шёгрену, и чуть ниже добавляет: «для этого было бы весьма не лишним разрыть все чудские могилы» (Там же). И – ему же, в другом письме: «не покидая филологических исследований, примусь осматривать чудские могилы и другие памятники древности, собирать предания и все возможные материалы, необходимые для того, чтобы добраться до древнейших обитателей» (Там же: 376).

Соотношение наук, на которое опирался М.-А. Кастрен, давало ему целостный, гносеологически сопоставимый материал. «Я, - писал он, - отыскивал, как в России, так и в Сибири, древние памятники, собирал предания, названия местностей и все то, что могло служить к объяснению истории переселений финских племен» (Там же: 437).

Фактически, М.-А. Кастрен уже вышел на уровень нового основного источника – археологического комплекса. И если поначалу он был невысокого мнения о познавательных возможностях памятников древности, то под конец они стали важной составляющей его научной лаборатории. Не случайно в последнем своем обращении к Императорскому Русскому Географическому Обществу, незадолго до смерти, он «изъявлял желание приступить к новой и продолжительной работе, предлагая Обществу предпринять для него **раскопку курганов в Финляндии с этнографической целью** (выделено мною. – А.Ж.)» (Милютин, 1853: 19). Отпусти Господь ему еще несколько лет – и быть бы М.-А. Кастрену отцом финской археологии...

Не случайно, однако, что именно археологический материал, собранный на Севере и в Сибири, остался у М.-А. Кастрена практически не обработанным.

Предварительные же опыты демонстрируют, мягко говоря, архаичный уровень аргументации. К примеру, на скалах чуть ниже Абаканска М.-А. Кастрен встретил рисованных красною краской всадников на оленях. А «так как этот способ езды и доселе в употреблении у Сойотов, Камассинцев, Карагассов и соплеменников их, и так как эти племена жили и в тех местах, где встречаются эти изображения, то происхождение сих последних и не подлежит никакому почти сомнению (sic! - А.Ж.)» (Кастрен, 1860: 396). Если бы так рассуждал С.Ю. Ремезов, или же Г.-Ф. Миллер – это понятно; но М.-А. Кастрен, в середине XIX-го века...

Что же стоит за столь колоритным интерпретационным примитивом? А стоит за ним ситуация, когда, с одной стороны, уже сформировались представления о новом типе основного источника, т.е. археологическом комплексе. А следовательно – и представления о том, что можно изучать посредством такого источника. Но, с другой стороны, эти представления упирались в практическое отсутствие источника нового типа; этот источник еще нужно было создавать. *Каким* должен быть новый источник – многие уже поняли; но вот самого-то источника еще не было.

В результате, как я уже писал ранее, теория в нашей науке 1840-х гг. заметно опередила практику (Жук, 2003: 12). Археологи и этнографы той эпохи оказались, если можно так выразиться, значительно «умнее», нежели это позволяла им источниковая база; в истории науки такое бывает. Фактический материал археологии и этнографии необходимо было подтягивать к уровню уже созревших теоретических построений, нужно было создавать новую источниковую базу.

Кстати, сам М.-А. Кастрен хорошо понимал это. В одном из писем А.-И. Шёгрёну из Туруханского края он подчеркивает: «В особенности желал бы я знать способы точнейшего исследования и описания курганов. Они весьма интересуют меня» (Кастрен, 1860: 366). Этот интерес понятен, ведь без качественной полевой методики полноценная «древнейшая этнография» – как дисциплинарный синтез археологии и этнографии под эгидой лингвистики – невозможна.

И работу в этом направлении М.-А. Кастрен начал. Сидя в июне 1847 г. «в Шуше, у подножия Саяна», он докладывал А.-И. Шёгрёну: «Что же касается до моих антикварных занятий, то я доселе обращал особенное внимание на курганы, и из них раскопал 10 древнейших и 4 позднейших» (Там же: 404). Изыскания этого рода он продолжил и восточнее, ибо «Забайкальская страна в особенности богата курганами и другими остатками древности» (Там же: 454). Но, к сожалению, вплотную приступить к выработке и освоению *способов точнейшего исследования и описания курганов* М.-А. Кастрену уже не пришлось...

Список источников и литературы

Жук А.В. «Древнейшая этнография» М.А. Кастрена: идея и метод //Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск: Изд-во«Наука-Омск», 2003. - С.10-12.

Кастрен М.-А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844, 1845-1849) //Магазин земледения и путешествий. М., 1860. - Т.VI. - Ч.2. 495 с.

Милютин В.А. Отчет Императорского Русского Географического Общества за 1852 г. //ВестникИРГО. - Ч. VII. - СПб, 1853. - С. 11-100.

Ф.Г. Галиева

*Россия, Уфа, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Abstract

The article applied the theory of the prominent ethnologist Rail Gumerovich Kuzeev that small ethnic groups represent ethnic divisions. The article uses the theory to analyze ethnic interactions in the Southern Urals using folk songs ad data. The chronological scope of the study covers the period from the second half of the 16th century to today.

Историческая реконструкция – важнейшая тема исследований выдающегося этнолога Раиля Гумеровича Кузеева. Ее он осуществлял, аккумулируя факты смежных наук, и, в свою очередь, предвосхищая открытия в области истории, политологии, физической антропологии, археологии, лингвистики, социологии, культурологии, демографии. В трудах и выступлениях он с легкостью и изяществом апеллировал разными историческими эпохами и культурами. Его реконструкция вызревала благодаря знаниям научной литературы, от информаторов в процессе сбора полевого материала, который не прекращал до последних лет жизни, шлифовалась благодаря широкому кругу общения, с коллегами из США, Европы, Средней Азии, Казахстана, конечно, регионов России. Многие моменты он обсуждал со своими учениками. На регулярных научных семинарах созданного им института самым заинтересованным участником был он, допытываясь каждый раз у молодых или приглашенных корифеев, как же они думают по тому или иному поводу? При этом внимательно выслушивал мнение начинающих исследователей, а ими были не только выпускники-историки, но и художник (Е.Е. Нечвалода), и музыковед (автор этих строк), пришедшие в историческую науку «с чистого листа». К нему, как к мощному магниту, люди тянулись, и окружение он сражал природной любознательностью, полетом мысли, пронизательностью, искрящим чувством юмора. А еще титанической работоспособностью. Вспоминается случай, отнюдь не единичный, как однажды утром он принес и передал для печатания полтора десятка страниц рукописи новой статьи, которой не было еще и в помине накануне вечером. На удивление во взгляде ответил: «В отличие от вас, молодежи, я уже в 5 утра за рабочим столом, а завершаю работать далеко за полночь».

В своей творческой лаборатории он объединил исследователей разных народов (башкиры, русские, украинцы, белорусы, татары, чувашы, удмурты и многие другие). Он призывал рассматривать любую область культуры, и малочисленного, и крупного народа, в общем этнокультурном ландшафте, разнообразии этнических взаимодействий и временных контаминаций. Под его руководством темы разрабатывались самые разные – этногенез, поселения и жилища, хозяйственные занятия, обрядовая культура, народный костюм, песенный фольклор и т.д. В творческом котле, работающем в режиме современных передовых зарубежных и отечественных методологий, вызревали разнообразные идеи. Творческий азарт подогревался оптимизмом Учителя. На одном из ученых советов он как-то планировал: «Петрову предстоит защитить докторскую по чувашам, Якупову – по татарам, Киекбаеву – по башкирам... Правда, надо защитить сначала кандидатские диссертации...».

Настоящая статья – дань уважения к Учителю. Она подготовлена как развитие его теории о малых этнических группах (МЭГ) как подразделениях этноса (Кузеев, 1992; Кузеев, Бабенко, 1989; Бабенко, 1992) и ставит целью сделать реконструкцию этнических тюрко-славяно-финно-угорских взаимодействий на Южном Урале на примере песенного фольклора. Хронологические рамки исследования охватывают

период со второй половины XVI в. (присоединение края к Русскому государству и массовое переселение народов, прежде всего, русских) и до наших дней. Нижняя граница стала отправной точкой для начала формирования современной региональной культуры.

Для понимания проблемы, аналогично термину «этнические процессы», нами вводится понятие «фольклорные процессы», характеризующее развитие народной культуры в многоэтнической среде и отражающее взаимодействия традиций разных народов. В целом выделено четыре таких этапа, но лишь условно. В реальной жизни фольклорные явления проявляются в разных временных комбинациях.

Первый этап – начальный период расселения этносов на территории Южного Урала – характеризуется их обособленным функционированием фольклорных традиций в ареалах расселения и процессами внутренней консолидации, возрастанием этнического самосознания. Происходит совпадение этнических и культурных, песенно-фольклорных границ. Имеет место множество фольклорных диалектов переселенцев из различных губерний, областей, районов и т.п. В середине прошлого столетия песенно-фольклорные диалекты русских – выходцев из Вятской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской и других губерний – еще сохранялись, но активными темпами проходило их нивелирование (Русское народное творчество в Башкирии, 1957). К концу столетия диффузия песенных традиций усилилась вместе с активизировавшимися процессами этнической аккультурации, внутриэтнической консолидации (Брянцева, 1980; 1986), произошла выработка усредненного фольклорного стиля (Карпухин, 2009). По З.П. Здобновой (1998–2000; 2001) и исследованиям автора последних лет (Галиева, 2012), этнокультурные диалекты в республике сохраняются вплоть до наших дней.

На втором этапе активизировалось взаимодействие фольклорных традиций народов внутри языковых групп: русских, украинцев, белорусов (а также башкир и татар и др.). Усиливается этническое самосознание принадлежности этносов к восточнославянской, тюркской или иной культуре. Указанным процессам способствует общность историко-культурных традиций, веры, близость языков, жанров и форм, сюжетов, образов, средств выразительности. В результате этих взаимодействий в песенном фольклоре имеют место контаминации песен, например, русских с украинскими и белорусскими; появление переводов (калька) – белорусских на украинский и русский, украинских – на русский и белорусский; татарских песен на башкирский и наоборот; использование лексики родственного народа в песенных образцах; исполнение песен родственных народов, внедрение их в новую этническую культуру (Ахатова (Галиева), 2006; 2007; 2010).

Третий этап характеризуется наличием этнических взаимосвязей песенных культур языковых групп и формированием этнического самосознания принадлежности к культуре региона. Сегодня белорусы Башкортостана говорят: «Мы уже не белорусы, мы – башкирские белорусы». Местные украинцы отмечают, что настоящие украинцы живут на Украине. Латыши сообщают о разнице с их предками из Латвии. В этой связи очевидно появление местной тематики в песнях переселенцев, переосмысление в ряде случаев сюжетов и образов; использование лексики и лексических оборотов этих народов; включение в исполнительский репертуар популярных песен своих соседей. Взаимодействие песенных традиций разных народов привело к проникновению иноязычных слов и выражений в тексты песен, прежде всего русских. Изменение формы и содержания песен происходило по нескольким направлениям: сокращение текстов; расширение, в том числе путем объединения отрывков нескольких песен; переосмысление прежнего содержания.

На современном (четвертом) этапе продолжают ассимиляционные процессы, но

одновременно происходит оживление интереса к народным песенным традициям со стороны представителей различных социальных слоев, реанимация некоторых жанров (обрядовый фольклор), творческая активизация молодежи как носителя фольклора, возрождение многообразия форм народного творчества через художественную самодеятельность. Этот период в некотором смысле можно сравнить с первым этапом этнической консолидации на более высоком и территориально более широком уровне. Можно также прогнозировать следующие этапы развития песенных культур Южного Урала на новом витке спирали, во взаимодействии с культурами народов других регионов. Этот этап отличается тем, что проблема развития этносов и их культур (в том числе фольклорных) ставится как государственная проблема. Во главе с Р.Г. Кузеевым разработана Государственная программа «Народы Башкортостана: возрождение и развитие». Под его же руководством издан капитальный энциклопедический труд «Народы Башкортостана» (2002). Начата реализация Государственной программы по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Республики Башкортостан. Однако это лишь первые шаги в деле возрождения многообразия традиционных культур.

Итак, фольклор народов Южного Урала представляет результат взаимодействия культурных традиций тюркских, восточнославянских, финно-угорских и других народов. В регионе имеется немало примеров обмена репертуаром представителей разных этносов, исполнения песен на языках народов республики, переводов восточнославянских песен на тюркские языки, смешения родственных языков при пении, использования русской лексики и фонетики в песенном фольклоре других народов и т.д. С другой стороны, наряду с процессами взаимодействия, в песенной культуре восточнославянских и других народов на протяжении нескольких столетий основной вектор был направлен на сохранение общезтнических традиций – традиционной жанровой системы, композиционных особенностей жанров и жанровых разновидностей, устойчивых речевых конструкций, поэтических образов, художественных средств и приемов. Вплоть до наших дней можно записать удивительные по своей красоте и поэтическому совершенству обрядовые и необрядовые песни; некоторые из них на основной этнической территории давно забыты. В условиях Южного Урала произошло стирание песенно-фольклорных диалектов переселенцев и формирование русского культурного суперстрата.

Подводя итоги исследования, подчеркнем, что теория Р.Г. Кузеева о малых этнических группах как подразделениях этноса помогла осмыслить фольклорные процессы на Южном Урале, сделать вывод о взаимодействии фольклорных и этнических процессов, изменении песенного фольклора вслед за этническими процессами (этнической консолидации, этнической адаптации и т.д.), менталитетом исполнителей. Состояние этничности влияет на сохранение (несохранение) традиционных фольклорных жанров и форм. В свою очередь, фольклор поддерживает этничность, влияет на этническое самосознание его носителей.

Список источников и литературы

Ахатова (Галиева) Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане (фольклорные процессы в многоэтничном регионе). – М.: Наука, 2006. – 286 с.

Ахатова (Галиева) Ф.Г. Народная музыкальная культура башкир. – Уфа: Гилем, 2007. – 91 с.

Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтнической среде. – Уфа, 1992. – 260 с.

Брянцева Л.И. Русская балладная традиция в Башкирии // Фольклор народов

РСФСР. – Уфа, 1986. – С. 103–112.

Брянцева Л.И. Украинские песни в Башкирии // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1980. – С. 28–36.

Галиева Ф.Г. Адаптация восточнославянского фольклора в творчестве народов Башкортостана. – Уфа: Гилем, 2010. – 84 с.

Здобнова З.П. Словарь русских говоров Башкирии: в 2 т. – Уфа, 1998–2000.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. – Уфа, 2001. – 155 с.

Карпухин Е.И. Свадьбы в Башкортостане на стыке тысячелетий. – Уфа: Гилем, 2009. – 480 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 345 с.

Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР. – Уфа, 1989. – 26 с.

Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. – Уфа, 2002. – 503 с.

Русское народное творчество в Башкирии. – Уфа, 1957. – 234 с.

Л.А. Чвырь

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ТУРКЕСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ

Б.А. ЛИТВИНСКОГО: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Abstract

The paper presents an overview of the scientific creativity of B.A. Litvinskiy (1923 -2010), a famous researcher of the cultural history of the peoples of Central and Middle Asia. His name is connected with major archaeological discoveries in Tajikistan, in the Pamir mountains, and in the Ferghana region, over the time range of 1000 BC to 1000 AD. His scientific heritage is extensive and multi-faceted, but his basic analytistic strategy was to integrate data from different sciences, and especially that of archeology and ethnography. The report examines in detail the various ethnographic subjects in the works of Litvinskiy and the way he compared historical, linguistic, ethnographic, anthropological and archeological sources. Though interdisciplinary approach is widely proclaimed now, but its efficiency directly depends on the personal qualities of a particular scientist, his scientific and cultural competence. The colossal scientific erudition and innate ability of Litvinskiy always lay behind his creativity, and it is this circumstance, that gave him the opportunity to pursue this synthesis of historical knowledge in numerous articles and books.

В последние десятилетия среди археологов и востоковедов стали возникать сомнения в эффективности, убедительности и даже целесообразности использования этнографических данных в разного рода историко-культурных интерпретациях. Это - тема специального обсуждения, не столько ради утверждения правомочности самого археолого-этнографического подхода (что, несомненно), сколько для уяснения того, каким конкретно должно быть подобное сопоставление на современном уровне наших знаний об археологии и этнографии изучаемого региона.

Многое в подобных междисциплинарных работах зависит от личности конкретного ученого, его научной и общекультурной компетентности. В этом убеждаешься, обратившись к опыту наших предшественников. Доклад посвящен одному из тех, кто сделал археолого-этнографический подход опорным принципом своих изысканий, - Борису Анатольевичу Литвинскому (1923-2010), известному исследователю истории культуры Центральной Азии. Его научное наследие внушительно по объему и чрезвычайно многогранно, связано с решением множества проблем истории культуры, однако основой его научной идентификации, конечно,

была профессия археолога. Изучение им крупнейших памятников Таджикистана, Памира и Ферганы никогда не ограничивалось обычными публикациями обнаруженных материалов, за ними всегда следовали дальнейшие поиски аналогий и их детальный историко-культурный комментарий, извлечение новых смыслов из каждой найденной вещи, из всего археологического объекта в целом или из характеристики окружающей памятник этнокультурной среды. Подобные задачи, естественно, требовали привлечения данных смежных наук – востоковедения, антропологии, лингвистики, фольклористики, но этнография в этом ряду часто занимала первое место.

Некоторые своеобразные черты его работы с этнографическим материалом заметно отличали его от большинства коллег. Он досконально знал всю дореволюционную и современную литературу по этнографии оседлых обитателей Средней Азии (вплоть до крошечных этнографических заметок в туркестанской местной прессе XIX в.), но главным источником его обширных знаний были личные знакомства и постоянные консультации со многими ведущими этнографами Москвы, Петербурга, Душанбе, Ташкента. Он был в курсе новейших полевых этнографических изысканий, которые в 50-70-х годах в Средней Азии были исключительно интенсивны и плодотворны. Прежде всего Б.А. старался в каждом конкретном случае проникнуть в уникальный историко-культурный контекст бытования того или иного этнографического изделия, традиционного действия, этикетного обыкновения или суеверия. Подобными сведениями он владел наравне с самими этнографами, что встречается чрезвычайно редко.

В 50-70-е годы в среднеазиатской археологии узловой проблемой считалось доказательство этнокультурной связи между древними племенами и народами и современным, «традиционно-этнографическим» населением того же региона XIX – XX в. Сейчас это уже трюизм, а тогда задача была актуальной и требовала тщательной аргументации. Именно поэтому основные усилия Литвинского поначалу были направлены на её решение, и обойтись без этнографических сведений было невозможно (Литвинский, 1972; 1972а; 1981; 1984). Но Б.А. не просто использовал уже существовавшие в литературе схемы этногенеза среднеазиатских народов, но уже начал включать в свою археологическую интерпретацию заимствованные из этнографии народные объяснения того или иного обряда или атрибута. Уже тогда его явно не удовлетворяло использование этнографических фактов только как иллюстрации к археолого-историческим построениям, он пытался найти, докопаться, нащупать глубинный (домусульманский) *контекст* существования занимающих его этнографических реалий, и уже из него черпать возможные смыслы и значения материальных остатков древних культур. Ради этого он прибегал к трудоемкому и малодоступному многим коллегам приему – погружению в этнографию среднеазиатского населения XIX-XX в. Так постепенно в статьях Литвинского стали появляться вместо простых ссылок на работы этнографов сначала отдельные комментарии, заметки, потом целые статьи и даже части монографии, посвященные уже целиком этнографическим сюжетам; Б.А. пытался расширить понимание общеисторической картины, совершая серьезные экскурсы в этнографическую сторону (Литвинский, 1958; 1972; 1981; 1989). Больше того, есть несколько работ, в которых Б.А. исследовал собственно этнографический материал, т.е. выступил как *этнограф*, правда, не обычный.

Такова его ранняя статья об обычае закапывания послета в родильном обряде таджиков, где он включился в изучение актуальной тогда этнографической проблематики, но, преследуя свою цель, выявил основные хронологические пласты в связанных с этим обычаем традиционных представлениях и верованиях (Литвинский,

1958). Иными словами в подобных случаях он обращался к уже выстроенному в науке и общепризнанному культурно-этнографическому контексту и, сообразуясь с заинтересовавшими его после археологического анализа проблемами, легко сам находил в местной этнографии похожие и адекватные археологическому контексту фрагменты (обычаи, обряды, верования) (Литвинский, 1958; 1975; 1981; 1982; 1989; <http://www.mifinarodov.com/p/pagi.html>). Личная дружба и тесные научные контакты с ведущими этнографами, работавшими в Средней Азии и Синьцзяне, позволяли Б.А. избегать естественной ограниченности и узости взгляда неспециалиста на «чужую» науку.

В своих работах по истории культуры Туркестана Литвинский часто и довольно широко привлекал не только этнографические, но и востоковедческие (письменные) материалы. Он действовал поочередно в трех направлениях: то сопоставлял археологический материал с данными древних письменных источников, то подтверждал или разъяснял полученные выводы фактами этнографии, то, наоборот, брался за тщательное изучение собственно этнографических свидетельств в их исторической и археологической перспективе. После такого многогранного анализа (и отдельных единичных фактов, и массовых или многократно повторенных тезисов, превратившихся в постулаты) становилось окончательно ясно, что содержательное ядро большинства т.н. домусульманских этнографических верований и обычаев современных памирцев, таджиков или оседлых узбеков теперь уже бесспорно восходит к древнейшему периоду их истории (некоторые, возможно, даже ко времени индоиранской общностей). И хотя из-за длительного временного разрыва и изменений вследствие инокультурного (особенно мусульманского) влияния древние (по происхождению) верования сохранились до наших дней лишь фрагментами и в весьма трансформированном, едва узнаваемом виде, и тем не менее их тщательное сопоставление с древними аналогами даёт «густую сеть изопрагм, соединяющую современные верования и обычаи с индоиранскими...» (Литвинский, 1981:116), так что у читателя места для сомнений почти не остается. Подобным приемом - компиляцией научных фактов, добытых предшественниками, - широко пользуются все, правда, результаты получаются разные, ибо степень убедительности таких сопоставительных текстов напрямую зависит от уровня эрудиции автора.

Научная эрудиция Б.А. Литвинского поражала знанием колоссальной по объему мировой научной литературы, касающейся очень широкого круга востоковедческих историко-культурных проблем. И при этом сопоставления любой широты всегда сопровождалась скрупулезностью анализа конкретных исторических материалов. Б.А. Литвинский рассматривает каждый изучаемый объект (артефакт, художественный образ или обрядовое обыкновение) как бы с разных сторон, причем глазами разных *специалистов*, чьи точки зрения могли противоречить или, напротив, дополнять друг друга. Но Литвинский умел так построить своё изложение, что разные, даже противоположные толкования и мнения не мешали созданию общей, цельной картины, и даже, напротив, делали её объёмнее и проблематичнее. Таким способом вокруг каждого изучаемого им объекта или явления (будь то памирские верования или нуристанская мифология, повседневная жизнь буддийских монахов Туркестана или использование масок и гробов в похоронно-погребальной обрядности предков таджиков), буквально на наших глазах он создавал особое *семантическое поле*, к которому действительно оказывались причастны и древние индоиранцы, и современные памирцы, таджики, кафиры. Только на таком уровне «эрудированного» сопоставления становится возможен настоящий *синтез* научного знания и иногда «проявляется» убедительная картина культурной преемственности двух разведенных во времени групп населения (Литвинский, 1975; 1981; 1982; 1989).

Таким образом, цель, поставленная самим ходом развития науки полвека назад, в работах Литвинского и его коллег была полностью достигнута, этнокультурная преемственность между древним и современным населением на юго-востоке Средней Азии – доказана, и это для своего времени было несомненно большим и важным шагом вперед. Но этим значение его работ не исчерпывается: пример «ферганской» монографии (Литвинский, 1972) убеждает, что помимо выводов автора (к которым он пришел после обращения к этнографическим материалам), у внимательного читателя по-прежнему остаётся возможность самому сделать некоторые актуальные сейчас и существенные выводы, прямо вытекающие из материалов монографии (например, о шаткости и сомнительности всё ещё распространенного убеждения относительно похоронно-поминальной обрядности как важного и неперемennого этнического признака). Многие последующие работы Литвинского остаются для нас богатым источником для методологических наблюдений, то есть содержат материал и тем самым как бы подталкивают к размышлениям над ныне актуальными вопросами, например: в каких случаях исторически трансформированная форма изделия или явления (обряда, верования) всё же сохраняет ещё связь со своим исходным, архаичным содержанием, а когда изменившееся, но ещё узнаваемое явление уже несёт в себе принципиально новый смысл? Обращение к подобным вопросам, как кажется, поможет нам преодолеть заштампованность *междисциплинарного подхода* в том виде и понимании, в котором он пребывает сейчас в нашем научном обиходе.

Вклад Б.А. Литвинского в среднеазиатскую этнографию можно охарактеризовать как довольно разнообразный и по содержанию, и по форме: от интерпретации отдельных, разрозненных фактов до широких этногенетических выводов (например, об этнокультурном единстве населения всего Туркестана, т.е. Средней Азии и основной части Синьцзяна) (Литвинский, 1984). Но в любом случае координатами его творчества всегда служили *врожденные способности* (неуёмная исследовательская энергия, любознательность, редкая целеустремленность) и благоприобретенная колоссальная *эрудиция*. В этих пределах ему удавалось успешно действовать одному там, где обычно требуются совместные усилия двух-трех специалистов. Б.А. Литвинский был одним из тех немногих ученых, кто действительно, без профанации владел «комплексным, междисциплинарным подходом». Более того он сумел превратить его в плодотворный и аргументированный *междисциплинарный анализ*, единственно способствующий синтезу исторического знания.

Список источников и литературы

- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». - М.: ГРВЛ, 1972. - 270с.
- Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. - М.: Наука, ГРВЛ, 1984. - С. 67-81.
- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). - М.: Наука, ГРВЛ, 1972а. - 258 с.
- Литвинский Б.А. Монастырская жизнь восточнотуркестанской сангхи. Буддийские церемонии // Буддизм, история и культура. - М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С. 169-189.
- Литвинский Б.А. Нуристанская мифология // Мифы народов мира. - М.: Изд. Советская энциклопедия, 1982. - Т.2. – С. 228-230.
- Литвинский Б.А. О древности одного среднеазиатского обычая // КСИЭ. – М.: Наука, 1958. - Вып. XXX. – С. 32-33.

Литвинский Б.А. Памирская космология (опыт реконструкции) // Страны и народы Востока. - М.: Наука, ГРВЛ, 1975. - Вып. 16. - С. 251-261.

Литвинский Б.А. Пари [Электронный ресурс] // Мифы народов мира: Онлайн энциклопедия [сайт]. URL: <http://www.mifinarodov.com/p/pari.html> (дата обращения: 12 апреля 2013 г.).

Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. - М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 90-121.

М.В. Константинов¹, Т.А. Константинова²
Россия, Чита, ¹Забайкальский госуниверситет, ²Госархив Забайкальского края
СИБИРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИВАНА ПОЛЯКОВА

Abstract

Article is devoted to the Siberian research of Ivan Semenovish Polyakov. I.S. Polyakov was born on June 12, 1845 in the village Tsurukhayta of the Nerchinsk district of Irkutsk province. Since youth he cooperated with the regional geographical society. During the many years that he was the employee of Academy of Sciences. I.S. Polyakov made a big contribution to formation of Siberian archeology and ethnography.

Несмотря на предпринятые усилия, выразившиеся в серии публикаций (Константинов, 1992; 1997; 2002; 2008), археологическая и этнографическая деятельность Ивана Семеновича Полякова остается вне основного информационного поля сибирской историографии. Возможно, вниманию к его исследованиям препятствует то обстоятельство, что раритетные публикации Полякова, изданные в 1860-80-х годах, забыты или не прочитаны. В связи с этим некоторыми исследователями И.С. Поляков до сих пор воспринимается как рядовой собиратель древностей, своего рода любитель-одиночка. В других случаях его имя соотносится только с исследованиями в западных областях России. Нередко И.С. Полякова причисляют к «чистым» зоологам, чьи интересы были связаны с изучением сибирских полевков и лошади Пржевальского. В связи с этим представляется правомерным еще раз обобщенно изложить результаты его сибирских исследований.

Для начала отметим, что в результате специального архивного поиска (ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 869. Л. 17-18) окончательно установлена дата рождения И.С. Полякова – 12 июня 1845 год. Ранее в публикациях фигурировали три даты - 1845, 1846, 1847. Уточнено место рождения – Цурухайтуевская слобода (сокращенно – Цурухайту или Цурухайтуй), Нерчинский округ, Иркутская губерния (ныне Староцурухайтуй, Приаргунский район, Забайкальский край). При крещении он внесен в метрическую книгу Цурухайтуйской Николаевской церкви под именем Иоанн, в миру его стали звать Иваном. Его отец Семен Григорьевич был русским казаком 1-ой сотни Цурухайтуевского отделения, охранявшей границу по Аргуни, мать – Зеновья Ивановна, крещеная бурятка. Ранее считалось, что И.С. Поляков родился в Новоцурухайтуйской станице, расположенной, примерно, в 27 верстах от Цурухайтуя вниз по течению реки Аргунь. Ошибка в определении населенного пункта могла произойти потому, что церковь в Цурухайтуе в 1895 году сгорела, а метрические книги из нее передали в Новоцурухайтуйскую церковь.

В 1859 году, 14 лет от роду, Иван Поляков отправился на учебу в Иркутское военное училище, которое готовило писарей для войсковых частей (Петряев, 1954: 179). Определяющим для его приобщения к науке стало знакомство с Петром Алексеевичем Кропоткиным, молодым офицером, служившим сначала в Чите, а затем в Иркутске. Кропоткин обратил внимание на Полякова и пригласил его собой в 1866 году

в Витимо-Олекминскую экспедицию. В экспедиции, продолжавшейся больше 3-х месяцев и прошедшей маршрут от Бодайбо до Читы, Поляков собирал гербарий и изучал птиц. В его отчете содержатся заметки о промысловой охоте, имеющие этнографическую ценность (Поляков, 1868). Судя по отзывам Кропоткина, Иван Поляков успешно занимался археологическим поиском. В статье «Высыхание Азии», опубликованной в 1904 году, Кропоткин сделал важное примечание: «Мой друг Иван Поляков, известный своим особенным даром отыскивать повсюду в Сибири каменные орудия в огромных количествах, обычно находил следы стоянок неолитического человека по берегам таких древних, давно исчезнувших озер. «Там, - говорил он обычно, глядя на какую-нибудь речную долину в Сибири, - был берег озера, которое наполняло когда-то долину. Должно быть, они жили вдоль этого берега. Вот хорошее защищенное место; я уверен, им оно должно понравиться. Давайте копать здесь». И непременно через несколько часов мы находили каменные топоры и другие орудия, иногда в огромном количестве» (Кропоткин, 1998: 216). Поскольку Кропоткин и Поляков только в одном путешествии были вместе, то открытие древних стоянок могло происходить в указанном 1866 году на Лене, Витиме и Олекме. К сожалению, других данных об этих открытиях в публикациях не представлено. Зато более полную картину можно получить по результатам исследований Полякова в 1867 году в Восточном Саяне. Молодой исследователь (ему тогда было 22 года) открыл дюнные стоянки в Тунке с каменными орудиями, в т.ч. наконечниками стрел, и весьма квалифицировано описал их, обращая внимание на форму предмета и характер обработки. Для того времени это было бесспорным новаторством. В тех же местах Поляков нашел древние человеческие черепа и включил их в состав коллекций. Он произвел также стратиграфические наблюдения (Поляков, 1869). Можно уверенно утверждать, что Поляков фактически открыл новокаменный век Восточной Сибири. Там же, в Тунке, Поляков составил выразительные этнографические зарисовки местных жителей, а также практикуемых ими способах охоты. За экспедиции 1866 и 1867 года Поляков был удостоен серебряной медали ИРГО. Его исследования получили высокую оценку крупного археолога графа А.С. Уварова; он отразил их в своей монографии «Археология России. Каменный период» (Уваров, 1881).

В 1868 году Поляков переехал из Сибири в европейскую часть России, где, стремясь к глубоким знаниям, специально готовился и сдал экзамены за гимназию в Харькове, а затем со степенью кандидата закончил обучение в Петербургском университете. Он работал хранителем Зоологического музея Академии наук и защитил магистерскую диссертацию по зоологии. Поляков активно сотрудничал с ИРГО, совершая одно за другим научные путешествия по Восточной Европе. Им открыты следы каменного века в Олонецкой губернии, в верховьях Волги и других местах. В эти годы он продолжает работать над сибирскими материалами, готовя к изданию труды Олекминско-Витимской экспедиции, а также редактировал труд Кропоткина «Исследование о ледниковом периоде», первые наблюдения для которого составил во время амурских и забайкальских экспедиций.

Спустя 8 лет (в 1876 году), Поляков, теперь уже маститый исследователь, направляется в Сибирь, но только не в Восточную, для него родную, а в Западную, где совершает длительное путешествие на лодке по Оби (Поляков, 1887). На следующее лето он посещает Кузнецкий кряж, Алтай, озера Ала-Куль и Балхаш, а затем в долину Иртыша и Курганский округ. На всех маршрутах он вел зоогеографические, этнографические и археологические исследования, обращая особое внимание на поиски орудий каменного века (Анучин, 1950: 96-104).

Обогащенный опытом работы в Сибири, Поляков возвращается к исследованию восточноевропейских древностей. В 1978 году он изучает могильник у деревни

Фатьяново и стоянки каменного века в долине Оки. Особо счастливым в плане научной деятельности стал для Полякова 1879 год: он открыл палеолитическое поселение на Дону, вписав свое имя в историю мирового палеолитоведения. Это поселение вошло в археологию под названием Костенки I (стоянка Полякова) (Палеолит СССР, 1984: 12).

В начале 1880-х годов Поляков выпустил две книги о каменном веке на территории России (Поляков, 1880; 1881; 1882; 1884; см. также: Формозов, 1983: 47-57).

Полякову довелось побывать и к востоку от его забайкальской родины. В течение трех лет, с 1881 года, он совершал путешествие на корабле Добровольного флота, проплыв по южным морям, а затем проведя исследования в Приморье и на Сахалине. В Японии он открыл древние поселения Омори и Синачава (Поляков, 1884). Из этой экспедиции он привез сорок ящиков разнообразных коллекций, в т.ч. антропологических, археологических и этнографических. Эти коллекции Поляков обработать не успел, поскольку тяжело заболел. Умер Иван Семенович Поляков в Петербурге 5 апреля 1887 года, не дожив до 42 лет.

Подводя итоги, можно отметить, что судьба Полякова сродни ломоносовской. Он пришел в науку из низших слоев общества, к тому же с одной из самых отдаленных территорий России. Сибиряк по рождению, он многое сделал для изучения Сибири. Его первым университетом стала полевая школа Кропоткина, а в дальнейшем он получил петербургское университетское образование. С 20-летнего возраста и всю жизнь он активно сотрудничал с ИРГО, а треть жизни был сотрудником Академии наук. Он был одним из первых отечественных специалистов в области первобытной археологии и сибирской этнографии, а вместе с тем палеонтологом, зоологом, ботаником и географом. Наверное, наступит время, когда будет издано полное собрание сочинений И.С. Полякова – в память о нем и с пользой для современной науки!

Список источников и литературы

Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). – М: Госиздат географической литературы, 1950. – 335 с.

Константинов М.В. Исследователи древнего Забайкалья. – Чита: Читинский пединститут, 1992. – 52 с.

Константинов М.В. Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. – Чита: Заб. пед. ун-т, 1997. – 70 с.; 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – 105 с.

Константинов М.В. Провинциальная археология. – Чита: Заб. гос. гум.-пед. ун-т, 2008. – 296 с.

Кропоткин П.А. Высыхание Азии // Естественно-научные работы. - М.: Наука. 1998. – 270 с. – (Научное наследство; т. 25).

Палеолит СССР. Археология СССР в 20 томах. – М: Наука, 1984. – 382 с.

Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки по истории культуры края. – Чита: Читинское книжн. изд-во, 1954.- 257 с.

Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. – Чита: Чит. кн. изд-во, 1954. – 260 с.

Поляков И.С. Отчет // Изв. ИРГО. - СПб, 1868. – Т. 4. - №1. – С. 127-139.

Поляков И.С. Отчет о поездке в Восточный Саян // Отчет о действиях СО ИРГО за 1868 г. – СПб, 1869. - С. 109-198.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // Приложение к 30 т. Записок Императорской Академии наук.– СПб, 1877.- №2. - 187 с.

Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию // Приложение к 37 т. Записок Императорской Академии наук. - СПб, 1880. - №1. – 97 с.

Поляков И.С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги. - СПб, 1881. – 167 с.

Поляков И.С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // Записки ИРГО по отделению этнографии. - СПб, 1882. - Т.9. – С. 1-164.

Поляков И.С. Отчет об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии // Приложение к 48 т. Записки Императорской Академии наук. - СПб, 1884.- №6. – С. 19-20.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. - М: Синодальная типография на Никольской улице, 1881. - Ч. 1.(439 с.) -Ч. 2 (151 с.).

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. – М. Наука, 1883. – 128 с.

Seija A. Niemi

Finland, University of Turku, Department of Finnish History

**SOME EARLY OBSERVATIONS ON THE CHUKCHI PEOPLE MADE BY ADOLF
ERIK NORDENSKIÖLD IN 1878-1879**

Аннотация

Адольф Эрик Норденшёльд (1832–1901) был первым человеком, прошедшим Северо-восточным Проходом в 1878–1879 гг. Его корабль «Вега» оказался затерт льдами на десять месяцев, что дало ему возможность для изучения чукчей в полевых условиях. В докладе будут рассмотрены знакомство Норденшёльда с туземцами, его наблюдения и донесения.

Adolf Erik Nordenskiöld (1832–1901), Finnish-Swedish explorer and scientist, made ten expeditions to the Arctic regions in 1858–1883. During these explorations he conducted scientific fieldworks concerning natural sciences like mineralogy, geology, zoology, botany, hydrology, meteorology etc. Whenever he met indigenous people he also conducted fieldwork amongst them.

Nordenskiöld was the first man to sail through the North-east Passage, in 1878–1879. While doing that, he was forced to stay at the Chukotka Peninsula quite near the Bering Strait for ten more months since his steam/sailing ship “Vega” was bound by ice. Thus, a splendid opportunity to learn facts about the Chukchi people, their history and way of life opened up for Nordenskiöld and scientists who sailed with him.

In my paper I will discuss the fieldworks conducted by Nordenskiöld on the Chukotka Peninsula; how a “white man of the 19th century” met indigenous people, how he made observations, and how he reported the results. I have used his texts in the book about the Vega-expedition as my source material.

Nordenskiöld was among the very first scientists who conducted fieldwork in the Arctic. I consider it will be interesting to learn some facts about this early stage of ethnological research of this area.

Adolf Erik Nordenskiöld (1832–1901), a Finnish born Swedish scientist and explorer, made ten expeditions to the Arctic regions, Spitsbergen, Greenland, and North coast of Asia, in 1858–1883. The most famous of his expeditions was the sail through the Northeast Passage and around Eurasia in 1878–1880. During this voyage the steam/sailing ship Vega was frozen in the ice at the Chukotka Peninsula very near Bering Strait for ten months. At the time being, Nordenskiöld and scientists on board built close contacts with the Chukchi people living in the surrounding area. In my paper I shall discuss some ethnological observations Nordenskiöld and his colleagues made during their stay. My only sources have been his book about the Vega-expedition *Vegas färd kring Asien och Europa I and II* (available in several translations, including English), and *North-east passage* by George Kish.

The scientists on board Vega represented different branches of science. Nordenskiöld was a mineralogist, geologist and geographer who made observations on other disciplines as well. There were also zoologist, botanist, ichthyologist, hydrologist, meteorologist and interpreter (Nordenskiöld, 1881a: 38). Captain Louis Palander, the commander of Vega, was a keen photographer. Many of his photographs are now drawings in the Vega book. In order to make magnetic, meteorological and climatic observations they built an observation station on the shore, about 1½ away from the ship. They also made short expeditions in the nearby regions (Nordenskiöld, 1881a: 457, 496; Nordenskiöld, 1881b: 16-37).

The fieldwork among the Chukchi people was not the main purpose of the Vega expedition. It was done only because the ship happened to have been beset in ice on that particular point. In retrospect, their observations turned to be most interesting and valuable to science (Kish, 1973:174). On the nearby region, there were several small Chukchi villages of around 300 inhabitants. But, during the winter, many more of passed by and visited the Vega when they were on their way from east to west or vice versa. Nordenskiöld estimated that the total number of Chukchies living in the north-eastern part of Asia was around 4000–5000. He divided them in two different groups: the Reindeer-Chukchies and the Seaside-Chukchies. Both groups were about 2000–2500 in numbers (Nordenskiöld, 1881b: 85-86).

The first meeting with the Chukchies was a joyful moment for Nordenskiöld. The sailing along the North coast of Asia had been rather dull; day after day there was only fog, ice, and swallow water – and more fog, ice, and swallow water. So a happy interruption in the form of meeting the Chukchies was more than welcomed. Nobody knew then that their meeting should last for ten months. Fortunately, the good relationship between them held through the whole period when Vega was bound in ice (Nordenskiöld, 1881a: 414-417, Nordenskiöld, 1881b: 159).

Nordenskiöld met the indigenous people as a European “white man of the nineteenth century”: with western attitudes and values which are clearly visible in his texts. He, for instance, called the native inhabitants either Chukchies, indigenous people, inhabitants of the country, men, women, wife, wives, children, girls and boys or creatures, folk, or savages. However, the history, physiology, culture, language and artefacts of the Chukchies interested Nordenskiöld and his colleagues. They made observations, for instance, about their dresses, way of life, their appearance, equipment, and weapons (Nordenskiöld, 1881b: 75-150).

Nordenskiöld, as the supervisor of the fieldwork, made some rules for the interactions. He found it most important that nobody was allowed to collect objects of natural historical or ethnographical value for his own private use. Everything had to be under scientific control (Nordenskiöld, 1881a: 472). Nordenskiöld succeeded to gather a comprehensive collection of arms, dresses and equipment mostly by bartering. The design of the Chukchi artefacts used for hunting and fishing, preparing food, and scarping skins used for clothing was admirable, simple and ingenious. The lines of the bone carvings were strong and impressionistic representing both animals, such as walruses, seals, bears, foxes, fishes, and birds as well as the faces and bodies of human beings. The collection is kept in the Stockholm Museum of Ethnography (Kish, 1973:176). However, in the end, the scientific fieldwork was not performed in a best ethical way because the scientists, for instance, shamelessly took the skull of a buried body for their further scientific research back home in Sweden (Nordenskiöld, 1881a:490).

In the end, Nordenskiöld considered that no big problems had occurred during their fieldwork. At first, there were some minor problems in the communication because no one could understand the language of the other party. Quite soon, Oscar Nordqvist, the interpreter, a Finnish-born lieutenant at a Russian regiment, learned some Chukchi language (Nordenskiöld, 1881a: 473-474). Naturally, since the habits, values, and attitudes diverged from each other, some problematic situations did arise now and then. An astonishing finding

for Nordenskiöld was that the Chukchies did not know Russian language; only one young boy knew some English words. The reason for that was that the whalers who visited their shores were from Britain and America. They had had no possibilities to get acquainted with the Russian language since no Russians had ever reached those remote regions.

The results of the observations were published in two-volume book which was translated into several languages. Also a detailed scientific report in five volumes was published. In his Vega book, Nordenskiöld also described some other indigenous people, such as Samoyeds (Nenets), Lapps (Sami people), Eskimos (Inuits), and other tribes of Northeast Asia and Japan.

From the fieldwork conducted by Nordenskiöld, I, as an environmental historian, have had and will have a possibility to learn facts about indigenous knowledge, environmental knowledge and, most of all, about 'environmental literacy'. I am writing my doctoral thesis on Nordenskiöld and his position in the history of Finnish conservation. The notion of environmental literacy is one of my central concepts. Environmental literacy can be defined as a person's perception of the physical environment. It is a result of the interaction with other people and the physical environment. Environmental literacy is a combination of personal knowledge, observations, experiences, attitudes, and values which together result in a holistic understanding of nature. The capability to perceive environment is always interlinked with historical, cultural, societal and communal factors. It requires the ability to 'read' the environment as well as to 'write' in it, that is, to react to one's perceptions and end up to active involvement. For instance, Nordenskiöld perceived and reported how fragile arctic nature was. He noticed that the human impact in nature stays for centuries at places, for instance at the Chukchies' burial places. Nobody could date them accurately because of the very slow recovery of nature (Nordenskiöld, 1881a:428-430).

Adolf Erik Nordenskiöld is one of the first scientists who conducted ethnological fieldwork in the Arctic regions. He studied several indigenous groups. Of the Chukchi people Nordenskiöld pondered whether the progress among them was good or bad. He considered that there was some progress in integrity, docility and innocent friendship – but – unfortunately decline in number and manners (Nordenskiöld, 1881b: 150). He also found the Chukchi people quite cunning and clever; they had learnt to look after their own interests while bartering with the American and Siberian traders. They exchanged their products on a small island in the middle of Bering Strait. Many otter furs originated from the American side and passed through many hands before they were sold on the famous markets of Irbit, in Siberia (Nordenskiöld 1881a:424-425). Peculiar was, though, according to Nordenskiöld, that the Chukchies had no understanding of money. He changed, with a bunch of *Ukraine* tobacco, many interesting ethnological artefacts which he could not have bought with money. Beside tobacco, matches were useful in exchange. The Chukchies were ready to change rather valuable objects to a box of matches. Before the nineteenth century, foreign boats were quite exceptional in the area north from the Bering Strait. Nordenskiöld noticed that contacts with the seamen had not yet influenced the Chukchies. Their great complain, though, was that the whalers harmed their catch of the seals but they welcomed the commercial vessels with pleasure nevertheless (Nordenskiöld, 1881b: 120-122, 128).

As to the indigenous people, Nordenskiöld never discussed how the Chukchies perceived their environment. However, there are remarks here and there of the destruction of the pray, about the extinction of whales, walruses, seals, and various kind of birds. These remarks are valuable signs for me. They tell me about the anxiety Nordenskiöld felt about the destruction in nature. In the end, he wrote a proposal for establishing national parks in the Nordic countries. He wanted to preserve pristine nature for future generations. He saw some environmental problems and suggested solutions to amend the situation.

References

Nordenskiöld, A.E. Vegas färd kring Asien och Europa jemte en historisk återblick på föregående resor längs Gamla världens nordkust. Förra delen. – Stockholm: F. & G. Beijers Förlag, 1881a. – 511 p.

Nordenskiöld, A.E. Vegas färd kring Asien och Europa jemte en historisk återblick på föregående resor längs Gamla världens nordkust. Seanre delen. – Stockholm: F. & G. Beijers Förlag, 1881b. – 486 p.

K. Kish, George. *North-east Passage. Adolf Erik Nordenskiöld, his Life and Times.* – Amsterdam: Nico Israel, 1973. – 283 p.

Е.Ш. Соломон

Россия, Иркутск, государственный технический университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЗОСТРУКТУРЫ ЭТНОСОВ В ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИИ СИБИРИ ИГУ

Abstract

A. A. Susokolov's theory of local subcultures is applied in this paper to the study of the predominately Buryat ethnic communities in several parts of the Irkutsk region. The author demonstrates several specific advantages of the theory to predict the behavior of ethnic groups.

Посвящается
памяти А.А. Сусоколова

В период работы в лаборатории истории Сибири ИГУ (1987-1992 гг.) автор инициировал этносоциологическое направление и работал в Усть-Ордынском автономном округе и Ольхонском районе Иркутской области под руководством (методологическими и методическим) А.А. Сусоколова, тогда с.н.с. отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР. Он разрабатывал концепцию самоорганизации этноса в условиях системного кризиса (теорию локальных субкультур). Решающую роль в этих процессах он отводил мезоструктуре этноса (Сусоколов, 1990: 21-27).

Ее образуют этнические общины, в нашем случае, сельских поселений. Интерес для нас представляли сельские общины, состоявшие из двух этнических общин: бурятской и русской.

В то же время неизвестно было, что представляют собой этнические общины по социально-демографическому составу, культуре и сплоченности. Миграции, затронувшие практически каждое село за период власти КПСС, никем систематически не изучались, равно как изменчивость или устойчивость местных традиций. Поэтому термин «община» в нашей работе использовался в целом условно.

С учетом всего этого, а также следствий цензуры, исследователю неясно было, на какие группы населения опираться при изучении социальной ситуации в селе, неясны критерии отбора информаторов.

Так, приступая в 80-х г. к выбору сел в округе и Ольхонском районе для исследований автор столкнулся с полным отсутствием объективных сведений о социальной ситуации в селах и работ по их истории. Такое «внимание» КПСС к сельским общинам нельзя назвать случайным.

В дальнейшем, в процессе изучения в селах проблемных ситуаций, автор убедился в том, что теории этноса Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева практически невозможно

использовать.

Как известно, эти теории объединены «встроенностью» в большей или меньшей степени в теорию макроуровня - марксизма – ленинизма. В рамках теорий макроуровня уровень общин сельских, городских поселений не рассматривался как относительно самостоятельное целое, чтобы изучать его комплексно в виде микромоделей государства. Этот подход нельзя назвать ошибкой создателей теорий. С точки зрения этнопсихологии он - объективный показатель ценностных приоритетов исторического самосознания масс, точнее, внутриличностных конфликтов исторической социализации, которые за ними скрывались.

Автор на основе опросов населения (экспертов) Ольхонского района и изучения других источников пришел к выводу, что в особенностях размещения производительных сил и масштабах оттеснения населения от какой-либо самостоятельности отразились приоритеты имперского самосознания. Они не изменились в своей основе с середины 16-го века, с эпохи Ивана Грозного.

На них указывала динамика размещения производительных сил за последние 60 лет: концентрация основной массы населения в трех крупных поселениях при упадке либо исчезновении многих «неперспективных»; создание нескольких крупных предприятий – монополистов; назначение мигрантов на ключевые должности в местной хозяйственной и политической элите; кризис экологических ниш; отток за последние 20 лет бурятского (23%) и русского (8%) населения (Соломон, 1996: 381-382).

Для историка зримое воплощение этой картины мира в районе, контролирующем Байкал – это соприкосновение с 16 - 17 веками. Самоощущение отдельного человека перед потоком подобных трансформаций можно представить образно, в виде картины, возникшей тогда перед автором: начало 17-го века, степь, западная граница. Несется конница, и оказавшийся на ее пути человек остановился и смотрит на стремительно мчащихся всадников. Неизвестно, собьет его конница или пролетит мимо.

Таким образом, в теории локальных субкультур А.А. Сусоколова была историческая необходимость. Эта теория отражает потребность в смене приоритетов исторического самосознания, методологии и методики исследований. А.А. Сусоколов предложил иной подход к изучению структуры общин и их локальных субкультур.

Работа проводится в два этапа. На первом - работа исследователя заключается в этнодемографическом по преимуществу описании брачной структуры (совокупности семей и родов) территориальных групп этносов, последующем анализе брачных предпочтений с учетом национальности, пола, образования, профессии и ряда других признаков брачных партнеров. Основное внимание уделяется в связи с ролью миграций населения сравнительному изучению доли мигрантов и местных уроженцев в формировании брачных структур. Эту методику автор реализовал в наиболее полном виде позже, к середине 90-х гг. (Соломон, Сосинская, 1998: 96-115).

Изучению национально-смешанных семей в концепции А.А. Сусоколова придается особое значение. Приведем пример результатов статистического изучения автором в 1988 г. по данным хозяйственных книг сельсоветов за 1979 г. совокупности смешанных семей территориальных групп бурят в ряде районов округа. Цель заключалась в том, чтобы показать особенности родового и этнотерриториального самосознания, функции неформального контроля общин за подбором брачных партнеров, причины устойчивости самосознания.

Наиболее точным индикатором, указавшим на особенности родового и этнотерриториального самосознания бурят, являлись характерные отличия при

определении национальности детей в смешанных семьях. У эхирит-булагатских и баяндаевских бурят дети в таких семьях - или только русские, или только буряты, в то время как у боханских и осинских – компромисс: часть детей в семье русские, а часть - буряты. Однако отчетливо эти различия проявлялись в сельских поселениях с большей долей инонационального (в данном случае, русского) населения. В таких поселениях очевиден более жесткий неформальный контроль.

Эти различия свидетельствовали о более развитом индивидуальном начале в этническом самосознании боханских и осинских бурят, сохранивших следы политики христианизации начала 20-го века. Общины эхирит-булагатских и баяндаевских бурят отличала большая слитность семьи с родовой общиной, более развитое родовое самосознание и более строгое следование патриархальным традициям. Анализ браков между бурятами и русскими указывает на оппозицию «мы-они» между территориальными группами бурят (Соломон, 2011: 62).

Брачная структура территориальной группы (за основу бралась территория административного района) дает представление о тенденциях брачной структуры каждой общины этой группы.

Второй этап работы заключается в этносоциологическом (главным образом) изучении собственно общины на основе информационной теории этноса Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова.

В этой связи можно понять информационные функции кругов внутриэтнического общения (КВО) - неформальных общностей, образующих мезоструктуру этноса, в которых протекают воспитание и социализация индивидов. Благодаря ориентации семей и индивидов, входящих в эти круги, на их нормы и ценности, с другой стороны - через систему неформального социального контроля КВО оказывают решающее влияние на формирование этнического самосознания индивидов, усвоение норм и реалий этнической культуры. КВО вместе с присущей им культурой образуют локальные субкультуры (ЛС). (Сусоколов, 1990: 22-287).

Задача исследователя, таким образом, - выявить в ЛС проблемы, а в этих проблемах - приоритетные нормы и ценности КВО. Критериями для отбора информаторов являются ценности определенных кругов общения, на которые они, их семьи ориентируются.

Комплексное изучение ЛС требует использования методов разных наук. А.А. Сусоколов опирался, главным образом, на методы экономической социологии. Автор предпочитал историко-этнопсихологический подход к информаторам, в основном, представителям кругов общения мигрантов, местных уроженцев, национально-смешанных семей. Этот подход позволяет получать ценные сведения о конфликтных ситуациях, коренящихся в истории локальных субкультур страны. Критерий ценности сведений в том, насколько они помогают понять глубинную суть конфликтов. На нее указывает противостояние ценностей по линии индивидуализация – деиндивидуализация (этническая и социальная).

Цель исследователя в общем виде видится в определении тенденций перестройки структуры кругов общения, их локальной субкультуры с учетом динамики брачных предпочтений и перспектив ценностей индивидуализации и деиндивидуации.

Приведем в качестве примера изучение автором в смешанном селе Новониколаевск Эхирит-Булагатского района в 1989 г. конфликта эвенкийско-бурятской семьи Петровых (Соломон, 2004: 185) со всей системой власти, включавшей организованную преступность. В факте возвращения Л.Б. Петровой, в детстве высланной из села в составе семьи раскулаченных, эта власть увидела опасность имущественных исков, вызов системе.

Стратегические цели Петровых обнаружили при защите своих детей-

инвалидов от судьбы, их ожидавшей, в случае поражения. Г.Н. Петров, используя статус лучшего механизатора Иркутской области, смог добиться через Москву для многодетной семьи своего русского напарника квартиры в доме, предназначенном для детей элиты. Таким образом, семья раскулаченной (в Л.Б. Петровой видели главную силу сопротивления) добилась квартиры для сельского пролетария от потомков тех, кто ее раскулачивал, прорвав социальные барьеры. Так столкновение ценностей, проявившиеся в конфликте, иллюстрирует эволюцию (за период 30-80 гг.) всей системы отношений в этом селе, основанной на идеологии правящей партии. Этот же вопрос может относиться ко всей стране.

Г.Н. Петров был потомком великих эвенкийских шаманов, и семья черпала силы в сакральной связи с духами его предков. Степень доверия к автору проявилась в приобщении к этой связи - ему рассказали о том, как предки на пределе возможностей, на грани жизни и смерти побеждали сильных врагов – великого шамана, исповедующего зло, и злых духов, несущих болезни и смерть людям (Соломон, 2011: 62-64). В подобном состоянии находились и Петровы.

В данном примере из практики автор шел от изучения цепи событий в кругах межэтнического и этнического общения села (мезоструктура), к изучению вписанной в эту цепь истории смешанной семьи (микроструктура), и к постановке проблем на уровне макроструктуры.

При немалых сложностях, предложенная А. А. Сусоколовым методология дает толчок развитию новых научных направлений на основе этносоциологии, этнопсихологии, экономической социологии, устной истории, способствуя прорыву в прогнозировании исторического поведения этносов.

Список источников и литературы

Соломон Е.Ш. Изучение конфликтных ситуаций в смешанном селе в канун системного кризиса. (Из полевого дневника этносоциолога) // Изв. Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2004. – Вып 3. - С. 182-212.

Соломон Е.Ш. К вопросу об эволюции локальной субкультуры г. Иркутска // Восток и Россия: взгляд из Сибири: матер. и тез. докл. к науч.-практич. конф. – Иркутск, 1996. – С. 380-384.

Соломон Е.Ш. Этническое и социальное: от мезоуровня к макроуровню через историю семьи // Восток - Запад в контексте мировой истории: взгляд из Сибири: матер. Всерос. науч. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – С. 60-67.

Соломон Е.Ш., Сосинская С.С. Брачная структура еврейского населения г. Иркутска (1980-1989 гг.): методика и анализ // Сибирь. Евреи. Россия. - Иркутск: «Арком», 1998. – С. 96-116.

Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. - М.: Наука, 1990. - Вып. 20. – С. 3-39.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH: THEORY, TECHNIQUES, HISTORIOGRAPHY, SOURCES

М.Л. Бережнова¹, К.Ю. Гизиева²

Россия, Омск, ¹государственный университет,

^{1,2}Сибирский филиал Российского института культурологии

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В РУССКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

Abstract

The article surveys various classification schemes for analyzing grave markers Russian burial rituals.

При изучении погребального обряда в рамках концепции этноархеологических комплексов наиболее сложной задачей является реконструкция намогильных сооружений. Они, разрушаясь, часто не оставляют следов, которые можно было бы зафиксировать археологически. Возможным путем реконструкции в таких условиях является сравнительно-исторический метод с такой последовательностью действий:

- сбор информации о существующих сейчас и ранее намогильных сооружениях;
- типология собранного материала по форме и материалу сооружения;
- анализ собранного материала с учетом времени постройки (установки) сооружения;
- выявление типичных и особенных черт намогильных сооружений с учетом времени и региона их распространения, социальной среды, в которой приняты те или иные нормы.

Предложенный вариант работы фактически ставит вопрос о том, что исследователь может проводить реконструкцию, опираясь на разработанную классификацию намогильных сооружений, которая бы охватывала максимально широкий временной и территориальный диапазон известных сооружений.

Разработка такой классификации затруднена тем, что материалы о намогильных сооружениях русских, опубликованные в научной литературе, относительно редки и в настоящее время активно используются в научных исследованиях. Опубликованные материалы описывают старинные памятники, сохранившиеся до начала XX века, разнообразные типы крестов, в том числе намогильные, существующие в наши дни, памятники, сооруженные на местах погребения, изучаемые в рамках археологических исследований. При исследовании русской сибирской культуры этнографо-археологическими методами был собран значительный, но поздний материал (Бережнова, 1997; Бережнова, Минин, 2005; Бережнова, Назаров, 2007; Гизиева, 2009; Сорокоумов, 2005).

Принципы типологии намогильных сооружений в русском погребальном обряде разработаны недостаточно. Попытка классификации каменных крестов предпринята в ставших уже классическими статьях А.А. Спицына и И.А. Шляпкина. Отметим, что эти авторы исследовали старинные кресты, относящиеся к средневековью. А.А. Спицын выделил три группы каменных крестов по их функциональному назначению, одна из которых – намогильные кресты. Эти кресты были типологизированы по форме (Спицын, 1903). И.А. Шляпкин выделял девять типов крестов, имеющих свою смысловую нагрузку. Один из видов – намогильные кресты, которые, по мнению автора, не отличаются от крестов других типов, но связаны с захоронением. Продолжая анализ намогильных сооружений, И.А. Шляпкин указал и на другие типы намогильных памятников: голбцы и саркофаги (1906).

В современных исследованиях русского средневекового погребального обряда разработана типология погребальных сооружений и намогильных памятников, использовавшихся на городских кладбищах. Так, Т.Д. Панова выделяет намогильные плиты, как самый распространенный в средневековой Руси тип памятника, отмечавший место захоронения человека. Она же предложила типологию намогильных плит, которые делила на четыре типа с видами и подвидами (Панова, 2004: 115). Кресты Т.Д. Панова считает распространенным намогильным памятником, но позднего, не ранее XIV–XV вв., времени, и делит их по материалу изготовления на деревянные и каменные.

В литературе, посвященной вопросам архитектуры, намогильные сооружения рассматриваются как малые архитектурные формы. А.В. Ополовников рассматривает два вида намогильных памятников – памятные кресты и надгробия. При этом он считает, что кресты, которые обычно защищали своеобразными двухскатными крышами от дождя и снега, могли эволюционировать в небольшие открытые часовенки. Надгробие обычно включало два элемента – домовину и столбец. Домовина – это, фактически, прямоугольный ящик, устанавливаемый на могиле и крытый двухскатной кровлей. Кроме утилитарной функции – защиты могильного холма от разрушения – домовина выполняет также идейно-символическую функцию, олицетворяя дом умершего. Символический смысл столбца еще более значителен, чем домовины. По самой идее, заложенной в нем, он заменял надмогильный крест (Ополовников, 1989: 138–140).

Среди сибирских публикаций можно выделить работу Г.С. Виноградова, который, анализируя современный ему погребальный обряд русского населения Восточной Сибири, делит всю совокупность намогильных памятников на разные типы (1923: 330–331, 338–340). Он, как и многие другие авторы, основным видом намогильного сооружения считал деревянный крест и перечислял его формы: четырехконечный крест, восьмиконечный (наиболее распространенный) и шестиконечный. Наряду с крестами Г.С. Виноградов выделяет также такие виды намогильных сооружений, как «лежачий» и «стоячий» памятник – надгробные камни-плиты, «гобец» – кирпичное сооружение на могильном холме, прямоугольные в плане, крытые плитой с надписью.

Предлагаемая далее классификация основана на материалах, собранных в рамках этнографо-археологических исследований, проведенных в Омской, Новосибирской, Тюменской областях в 1994–2010 гг. При этом собирались материалы среди всех групп русского населения, включая потомков поздних переселенцев украинского и белорусского происхождения, в сельской местности и в городах (Омск, Тара, Тобольск). При проведении классификации предполагалось, что намогильные сооружения русских сибиряков складывались в течение длительного времени под влиянием традиций разных групп русских Сибири. На намогильные сооружения на сельских кладбищах как минимум с конца XIX в. оказывали влияние городские

традиции и мода. Горожане, имеющие сельские корни, напротив, транслировали свой опыт в городской обряд погребения, что влияло на формы городских намогильных сооружений. В XX в. несомненно влияние на выбор памятника существующего рынка погребальных услуг.

Предлагаемая классификация включает все виды памятников, вплоть до современных. Основным критерием классификации является форма памятника. По форме можно выделить следующие виды намогильных памятников.

Крест – основной символ христианства. В наши дни намогильные сооружения в форме креста или его изображение на памятнике широко распространены в русском погребальном обряде.

Стела – каменная, мраморная или гранитная плита с высеченными на ней текстами или изображениями.

Обелиск – сужающийся кверху монумент, в большинстве случаев квадратный в сечении.

Поминальные камни – валуны, закрепленные на могильном холме. Сейчас обычно имеют нанесенные на них тексты или изображения.

Сооружения сложных архитектурных форм – вид памятника, структура которого включает ряд архитектурных элементов (например, трехчастный обелиск).

Головной портрет – фрагмент лица человека, высеченный в камне или литый из металла.

Бюст – скульптурное изображение, из которого фигуры выступают не более чем наполовину своего объема.

Монумент – скульптура крупных форм, обычно в полный рост, создающая ощущение величественности и значительности.

Мемориальные комплексы – комплекс, установленный на могиле в память умершего, совокупность связанных между собой объектов, которые составляют единое целое. В традиционной форме (ряд могил за единой оградой и с поминальным местом) был широко распространен в прошлом. В наши дни наблюдается тенденция к созданию мемориальных комплексов как места захоронения всей семьи, в ансамбль которого включают декоративные, по сути, элементы.

Критерием типологизации выступает материал памятника. При этом не определяется порода дерева, характер металла (железный, стальной и пр.) и технология изготовления (кованый, сварной и т.д.). В разряд каменных памятников включаются те, для изготовления которых были использованы материалы, имитирующие камень (бетон, мраморная крошка и пр.).

Типология намогильных сооружений на городских кладбищах

1. Кресты

1.1. Кресты деревянные

1.1.1. Восьмиконечный (с тремя перекладинами) крест (канонический, рекомендован Русской православной церковью).

1.1.2. Восьмиконечный крест с двускатным покрытием («крышей») сверху

1.1.3. Восьмиконечный крест с наклонной средней перекладиной (неканонический)

1.1.4. Шестиконечный крест

1.1.5. Шестиконечный крест с двускатным покрытием («крышей») сверху

1.1.6. Четырехконечный крест с двускатным покрытием («крышей») сверху

1.2. Кресты металлические

- 1.2.1. Крест, сваренный из металлических труб
 - 1.2.1.1. Восьмиконечный (с тремя перекладинами) крест (канонический, рекомендован Русской православной церковью).
 - 1.2.1.2. Восьмиконечный крест с наклонной средней перекладиной (неканонический)
 - 1.2.1.3. Шестиконечный крест
- 1.2.2. Крест, сваренный из металлических полос
 - 1.2.2.1. Восьмиконечный (с тремя перекладинами) крест (канонический, рекомендован Русской православной церковью).
 - 1.2.2.2. Восьмиконечный крест с наклонной средней перекладиной (неканонический)
 - 1.2.2.3. Шестиконечный крест
- 1.3. Кресты каменные
- 2. Голбцы («домики»)
- 3. Стелы
 - 3.1. Деревянные стелы
 - 3.1.1. Вертикальные стелы прямоугольной формы (ширина меньше высоты)
 - 3.1.2. Горизонтальные стелы прямоугольной формы (ширина больше высоты)
 - 3.2. Металлические стелы
 - 3.2.1. Металлические стелы подтреугольной формы
 - 3.2.2. Металлические стелы пятигранной формы
 - 3.3. Каменные стелы
 - 3.3.1. Вертикальные стелы прямоугольной формы (ширина меньше высоты)
 - 3.3.3. Вертикальные стелы подтреугольной формы
 - 3.3.4. Вертикальные стелы пятигранной формы
 - 3.3.5. Горизонтальные стелы прямоугольной формы (ширина больше высоты)
 - 3.3.6. Горизонтальные стелы подпрямоугольной формы
- 4. Обелиски
 - 4.1. Деревянные обелиски
 - 4.2. Металлические обелиски
 - 4.2.1. Обелиски, сваренные из металлических прутьев
 - 4.2.2. Обелиски, сваренные из металлических полос
 - 4.2.3. Обелиски, сваренные из металлических листов в виде ломаной пирамиды
 - 4.2.4. Обелиски, сваренные из металлических листов в виде усеченной пирамиды
 - 4.3. Каменные обелиски
- 5. Поминальные камни
- 6. Намогильные плиты
- 7. Головные портреты
 - 7.1. На основе обелиска
- 8. Бюсты
- 9. Монументы
- 10. Сооружения сложных архитектурных форм
 - 10.1. Деревянные сооружения сложной архитектурной формы
 - 10.1.1. Сложная конструкция на основе обелиска

- 10.1.2. Сложная трехчастная конструкция
- 10.2. Металлические сооружения сложных архитектурных форм
 - 10.2.1. Сложная конструкция на основе обелиска
 - 10.2.2. Сложная трехчастная конструкция
- 10.3. Каменные сооружения сложной архитектурной формы
 - 10.3.1. Сложная конструкция на основе обелиска
 - 10.3.2. Сложная трехчастная конструкция
- 11. Мемориальные комплексы
 - 11.1. «Традиционные» комплексы – группа погребений за единой оградой с поминальным местом (стол, скамья)
 - 11.2. Погребальный комплекс как совокупность могилы и архитектурных сооружений малых форм
 - 11.3. Погребальный комплекс как совокупность ряда могил и архитектурных сооружений малых форм

Данная классификация, по мнению авторов, может быть использована при исследовании вопроса о генезисе современных намогильных сооружений, для датировки намогильных сооружений и как основа полного описания намогильных сооружений отдельного кладбища или региональной традиции.

Список источников и литературы

Бережнова М.Л. Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 163–177.

Бережнова М.Л., Минин А.В. «Домик» – последний приют (К вопросу о генезисе намогильных сооружений русских) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005. – С. 195–198.

Бережнова М.Л., Назаров И.И. Восточнославянские элементы в погребальном обряде русских сибиряков // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск: Изд-во ОмГПУ; Издательский дом «Наука», 2007. – С. 266–270.

Виноградов Г.С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркутского ун-та. – Иркутск, 1923. – Вып. 5. – С. 261–345.

Гизиева К.Ю. Современный городской погребальный обряд у русских Омска и Омской области // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Материалы XLIX региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Кемерово, 2009. – С. 158–159.

Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. – М.: Стройиздат, 1989. – 366 с.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. – М.: Радуница, 2004. – 180 с.

Сорокоумов Д.В. Методика этноархеологических исследований русских кладбищ // Методика археологических исследований Западной Сибири: сб. ст. и методол. рекомендаций. – Омск, 2005. – С. 143–147.

Спицын А.А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – Т. 5. – Вып. 1. – СПб, 1903. – С. 203–234.

Шляпкин И.А. Древние русские кресты. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отделения русской и славянской

Н.А. Берсенева

*Россия, Челябинск, Южно-Уральский филиал
Института истории и археологии УрО РАН*

**МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ КАК СИМВОЛ СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
(БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ)¹**

Abstract

This study analyses the burials of the Sintashta cultural groups (South Trans-Urals) that are currently dated from the 21st to the 18th centuries BC. The main purpose of my paper is to try to define the relation between social identity of the buried and associated bronze objects.

В последнее время в мировой социальной археологии фокус исследований постепенно сдвигается от изучения обществ как целостных функционирующих систем к изучению различных общественных групп, и даже, если источник это позволяет, отдельных индивидов. В 2000-е социальная археология заинтересовалась проблемами *идентичности* в древности, как индивидуальной, так и групповой. Самоидентификация личности (или коллектива) заключается в осознании своего отличия от других людей и, одновременно, сходства с ними. Каждый человек обладает несколькими «идентичностями» (характеристиками), позволяющими ему идентифицировать себя с различными общественными группами. Это, прежде всего, такие характеристики, как возраст, гендерная принадлежность, этничность и культура, социальный статус и религия (Diaz-Andreu et al., 2005). Археология, как правило, вынужденно, интересуется не личной, а групповой идентичностью.

Синташтинские древности, датированные, согласно калиброванной радиоуглеродной шкале первыми веками II тыс. до н.э. (Епимахов, 2007), ныне являются наиболее изученными среди культур бронзового века Южного Урала. Погребальные памятники за малым исключением опубликованы; их характерные черты хорошо описаны в литературе. Синташтинский «курган» представлял собой небольшое кладбище (от 1-2 до 35 могил), обычно околнуренное ровом. Погребения устраивались в простых ямах, углубленных в материк и перекрытых и/или облицованных деревянными конструкциями. Умерших хоронили в скорченном состоянии на боку, чаще – на левом. Сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения, конскую упряжь, детали одежды, украшения, предметы быта и орудия труда. Иногда в могильную яму устанавливалась колесница или ее детали. Погребенные часто сопровождалась обильными жертвоприношениями домашних животных. В составе инвентаря обязательно присутствовала посуда.

Предметы из металла происходят из материалов поселений и погребений и представлены несколькими основными категориями: оружие, орудия труда, украшения и мелкие изделия, например, скобки (Дегтярева, 2010: рис. 31). По химическому составу они делятся на «медь и сплавы на ее основе (88,1%), биллоны и серебро (7,8%), золото (4,1%)» (Там же: 83). Находки предметов связанных с металлопроизводством (литейные формы, фрагменты литейных чаш, каменные молоты, керамические сопла, технологическая керамика, шлаки и т.д.) достаточно часты, однако большая их часть обнаружена на поселениях.

Кросс-культурно, металлургия была очень важной, и, возможно, сакральной сферой деятельности в древних и средневековых обществах. Бронзовые предметы, без сомнения, высоко ценились в соответствующую эпоху на данной территории и имели, безусловно, не только утилитарное, но и символическое значение.

Главная цель предлагаемого исследования – попытаться установить, насколько металлические предметы могли отражать социальную идентичность синташтинского населения как определенного культурного сообщества, и, по возможности, персональную идентичность, связанную с возрастом, гендером и социальным статусом.

Гендерная идентичность (мужчины/женщины). Металлические изделия были найдены и в мужских, и в женских погребениях. Эксклюзивно мужским артефактом оказались бронзовые тесла. Оружие, изготовленное из бронзы, к сожалению, не слишком многочисленно. Бронзовые вислообушные топоры представлены шестью экземплярами, но только один из них уверенно ассоциируется с индивидуальным мужским погребением (Логвин, Шевнина, 2008).

Из бронзовых наконечников копий (шесть предметов), два находились в мужских захоронениях. Еще один был зафиксирован в детском погребении, однако это миниатюрный экземпляр (Шевнина, Ворошилова, 2009: рис. 1). Остальные происходят из разграбленных погребений или могильных ям без антропологической идентификации.

К эксклюзивно женским металлическим предметам, безусловно, можно отнести так называемые подвески в полтора оборота и наконечники, состоящие из бусин и бронзовых подвесок. Однако они достаточно редки в синташтинских погребениях (Куприянова, 2008: 55). Бронзовые браслеты и кольца в своем большинстве также ассоциируются с женщинами, но есть единичные примеры, когда они украшали мужчин. Из орудий труда только в женских могилах были найдены серпы и швейные иглы.

Достаточно многочисленны гендерно-нейтральные металлические изделия, в первую очередь это ножи с листовидным клинком, шилья, рыболовные крючки и разные мелкие украшения и скобки.

Возрастная идентичность (взрослые/дети). Бронзовые артефакты редки в детских погребениях (Табл. 1). Наиболее распространенными являются бронзовые ножи, кроме них, в небольшом количестве найдены тесла и шилья.

Таблица 1

Корреляция между бронзовым сопроводительным инвентарем и возрастом погребенных детей

Категория инвентаря	Количество детей	Возраст детей (в годах)
Бронзовый нож	10	3–17
Бронзовое шило	6	3–7
Бронзовое тесло	6	3–15
Наконечник копья, бронзовый наконечник	1	4-5

Какие предметы из детских захоронений можно посчитать маркерами возраста и/или гендера? Ножи и шилья, очевидно, не связаны напрямую ни с возрастом, ни с гендером умершего. Бронзовый наконечник, вероятно, принадлежал девочке. Однако необычно то, что в этом же погребении был зафиксирован небольшой бронзовый наконечник копья (Шевнина, Ворошилова, 2009). Из украшений, в детских погребениях не встречаются браслеты и кольца, лишь мелкие бронзовые бусины. Бронзовые тесла, являясь «мужским» артефактом, могли символизировать мальчиков.

Вертикальный статус. Синташтинские погребальные памятники не демонстрируют очевидных признаков социальной иерархии. Тем не менее, мы можем

предположить, что редкие категории бронзового оружия, подобно топорам и наконечникам копий и дротиков, вкупе с остатками колесниц и жертвоприношениями животных, могут символизировать персон высокого статуса. Как известно, металлическое оружие с незапамятных времен и до XIX в. включительно было статусным символом у многих народов. Возможно, общее количество бронзовых предметов, и в мужских, и в женских погребениях, могло служить свидетельством определенного социального и/или имущественного неравенства.

Синташтинская культурная идентичность. Бронзовые предметы, претендующие на роль отличительного знака синташтинского населения, немногочисленны. Это все те же две основные категории: оружие и украшения. Бронзовые топоры специфического типа и черешковые наконечники стрел с литым орнаментом в виде «елочки» найдены только на синташтинских памятниках (Дегтярева, 2010: 90, 125). Однако это редкие артефакты. Характерные женские подвески, кольца и браслеты со спиралевидными щитками встречаются чаще (Там же: 132), из чего можно заключить, что синташтинские женщины были более узнаваемы для инокультурного населения, нежели мужчины.

Таким образом, синташтинская идентичность, как групповая, так и персональная, была маркирована с помощью бронзовых предметов. Однако это носило массовый характер. Некоторые артефакты строго ассоциировались с концепцией «женственности» или «мужественности», и могли отражать социальные роли, выполняемые индивидами различного пола, например: «воин», «колесничий», «хозяйка дома» и т.д. Металлические предметы символизировали и возраст: как правило, бронзовый инвентарь сопровождал взрослых умерших.

Трудно с уверенностью сказать о бронзовых артефактах как о знаках вертикального статуса или этнической идентичности. Вертикальный статус был скорее отражен комплексом признаков, но бронзовый инвентарь несомненно входил в их число. Среди культурно-дифференцирующих предметов лучше всего представлены женские украшения.

Примечания

¹Работа выполнена в рамках программы научно-исследовательской работы «Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла» и междисциплинарного проекта УрО РАН.

Список источников и литературы

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 2010. – 162 с.

Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – Вып. XVII. – С. 402–421.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). – Челябинск: Авто Граф, 2008. – 244 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. – С. 190–197.

Шевнина И.В., Ворошилова С.А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. – С. 59–63.

Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S. and D. Edwards. The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. – London and New York: Routledge, 2005. – 171 p.

А.Ю. Борисенко

Россия, Новосибирск, государственный университет

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И СТЕЛЫ С ТАМГАМИ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИЕЙ И.Г. ГРАНЭ В 1909 г.¹

Abstract

The paper analyzes the tamga signs recorded on rock paintings and stone steles as recorded by the Finnish explorer IG Grane in the Tsagaan gol valley in the Mongolian Altai in 1909. The paper examines analogies with neighboring areas and the history and cultural background of the investigated sites.

В течение XIX – первых десятилетий XX вв. значительное внимание изучению археологических и эпиграфических памятников Южной Сибири и Центральной Азии уделяли исследователи из Финляндии. Научные поиски финляндских ученых стимулировались сложившимися в европейской и российской науке XVIII – первой половине XIX вв. представлениями о происхождении финно-угорских народов с Алтая (Салминен, 2011: 130). Согласно этим представлениям в древности в Сибири жил легендарный древний народ «белоглазая чудь», которому приписывались многие древние памятники, в том числе петроглифы, каменные изваяния, курганы. Особенно интересовали ученых древние надписи, которые были впервые обнаружены на территории Минусинской котловины в 1722 г. Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом. Позднее Д.Г. Мессершмидт назвал эти письмена «руническими» по сходству начертания с древними германскими рунами (Messerschmidt, 1962). В последующие десятилетия ученые соотнесли сибирские древности с легендами о «чуди» и стали приписывать этому древнему финскому народу разные археологические памятники (Борисенко, Худяков, 2005:130).

Первой научной экспедицией, направленной в Сибирь для изучения «чудских» древностей, в том числе, памятников рунической письменности, а также языков и традиционных культур угорских и самодийских народов, была поездка М. А. Кастрена, побывавшего в Минусинской котловине в 1847 г. (Вадецкая, 1973: 103-107; Салминен, 2007: 105). Среди изученных им памятников были рунические надписи (Бернштам, 1946: 14). В ходе работы этой экспедиции были собраны ценные этнографические и лингвистические материалы среди этнических групп самодийского происхождения (Салминен, 2004: 222-223).

Позднее наиболее значительные научные результаты были получены учеными из Финляндии в ходе работы экспедиции в Саяно-Алтай в 1877 – 1889 гг., под руководством профессора И.Р. Аспелина (Aspelin, 1890: 8). Среди описанных, зарисованных и полученных в ходе раскопок и сборов археологических материалов были копии наскальных рисунков, каменных изваяний, курганов и предметов древних и средневековых культур. Они были опубликованы через несколько десятилетий Я. Аппелгрэн-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1931: 27-29). Особую ценность представляют копии знаменитой Сулекской писаницы, каменного изваяния с Черного Ююса и других памятников, которые в последующие десятилетия были сильно повреждены или полностью уничтожены. Эти ценные археологические материалы сохранены для науки, благодаря научной и собирательской деятельности ученых из Финляндии. В ходе экспедиций финскими учеными были приобретены ценные коллекции бронзовых

предметов из раскопок и сборов (Тишкин, 2000: 69; Тишкин, 2002: 126-127). После обнаружения Н.М. Ядринцевым в 1890 г. памятников на р. Орхон, Финно-угорское общество направило в Монголию экспедицию А.О. Гейкеля, которая скопировала эти надписи (Кляшторный, Лившиц, 1978: 42-43). Несмотря на то, что в конце XIX в. была расшифрована орхонская руническая письменность и установлена ее тюркская принадлежность, ученые из Финляндии продолжали в этот период проводить экспедиционные исследования в Западной Сибири, Саяно-Алтае, Монголии и на Тянь-Шане.

Среди финских ученых, внесших определенный вклад в изучение археологических памятников на территории Алтая, Тувы и Монголии в начале XX в., был Иоганнес Габриэль Гранэ (Johannes Gabriel Grano, 1882-1956 гг.). В 1909 г. он совершил экспедиционную поездку по южным районам Саяно-Алтая, Монгольского Алтая и Хангая, в ходе которой обнаружил и зафиксировал большое количество разнообразных археологических памятников (Борисенко, 2010: 65). В период, когда совершал

свое путешествие И.Г. Гранэ, Монголия входила в состав Китайской империи, во главе которой находилась маньчжурская династия Цин, поэтому он называет горный хребет Монгольский Алтай - «Китайским Алтаем» (Grano, 1910:17). В ходе путешествия по западной части Монголии он совершил поездку по долине р. Цаган-гол, где обнаружил значительное количество разнообразных археологических памятников. В данном сообщении проанализированы отмеченное им местонахождение наскальных рисунков и каменные стелы с выбитыми тамгами.

Петроглифы были обнаружены им на поверхности отвесной скалы, расположенной в восточной части возвышенности в долине р.

Цаган-гол. Рисунки располагаются на восточной части скального массива. Среди них исследователь выделил изображения лошадей, оленей, козлов, собак и фигур людей. Всего насчитывается около 200 рисунков. По оценке ученого, некоторые изображения выполнены довольно четко, другие рисунки он оценил как смазанные. Большинство

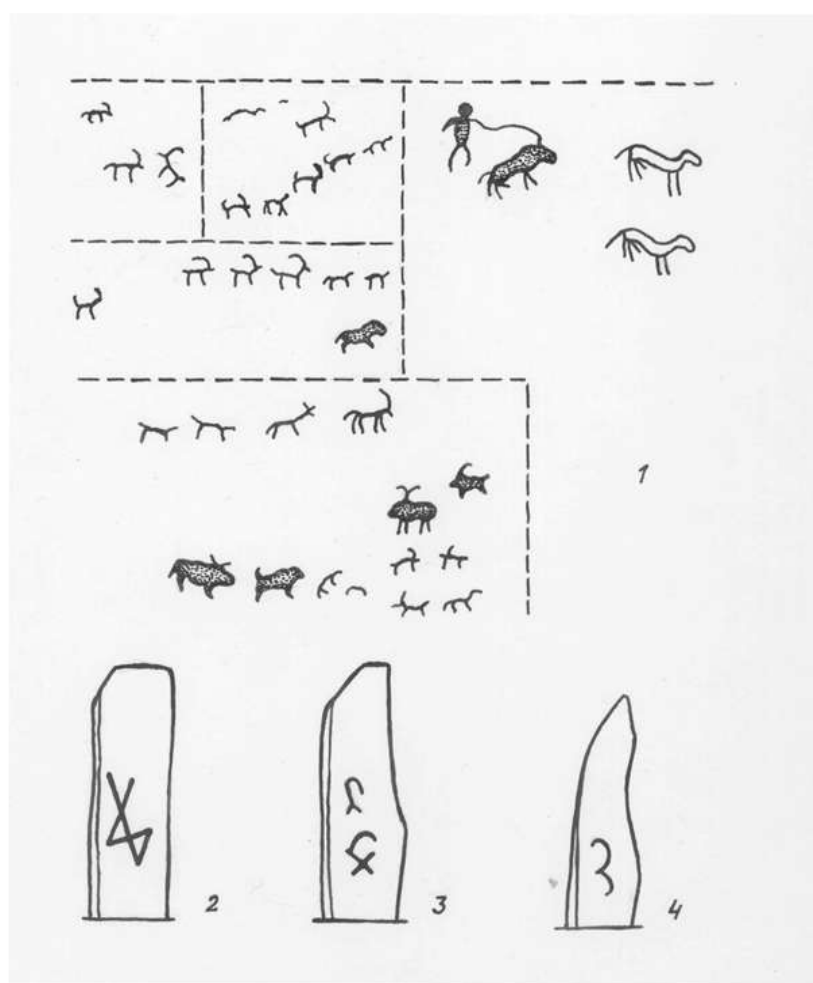

Рис. 1. Наскальные рисунки и стелы с тамгами, обнаруженные И.Г. Гранэ в Монгольском Алтае: 1 - наскальные рисунки с петроглифического местонахождения в долине Цаган-гола, 2-4 – стелы с тамгами в долине Цаган-гола

изображенных фигур, по его наблюдениям, не превышает по своим размерам - 10 см. Он отметил, что техника исполнения рисунков довольно примитивная (Grano, 1910: 23). В непосредственной близости от скалы с рисунками И.Г. Гранэ была зафиксирована вертикально установленная каменная стела, высотой около 1 м, на северной поверхности которой выбита тамга (Grano, 1910: 10). Еще две стелы с тамгами были выявлены внутри прямоугольной оградки из вертикально врытых в землю каменных плит. Эта оградка находилась в составе группы из 8 курганов, сооруженных в приустьевой части долины Цаган-гола. Оградка, площадью 3 x 1 м, была ориентирована длинной стороной по линии север-юг. Она разделена каменной плитой перегородкой на две неравные части. В центре южного отсека квадратной формы была установлена каменная стела, высотой 1 м. На узкой, северной стороне этой стелы была обнаружена «простая тамга». Внутри северного, прямоугольного отсека находилось три вертикальных каменных стелы. На самой южной стеле из этого ряда также нанесена тамга (Grano, 1910: 7, 8).

Описанные и зарисованные И.Г. Гранэ, рисунки на памятнике Цаган-гол входят в круг очень широко распространенных в Центральной Азии наскальных изображений (Рис. 1, 1).

Среди рисунков Цаган-гола преобладают схематичные профильные изображения горных козлов. Похожие по стилю исполнения фигуры сибирских козерогов выбиты на многих петроглифах в Монгольском Алтае, исследованных в 1960-1980-х гг. российскими и монгольскими археологами. На памятниках Харгантай-ам, Халзан-Булаг, Баян-Энгер, Цаган-Чулун, изученных в этом районе А.П. Окладниковым, имеются подобные схематичные фигуры горных козлов, силуэтные изображения быков, оленей, лошадей и собак, которые отнесены к позднему бронзовому - раннему железному веку (Окладников, 1981: 60-62, 74). На скале с рисунками в долине Цаган-гола И.Г. Гранэ зафиксировано только одно силуэтное изображение человека, заарканившего быка (Grano, 1910: XI, 2). На многих других петроглифах Монголии изображены охотники с луками и стрелами, охотящиеся на диких копытных животных (Новгородова, 1984: 39, 41, 47). Говоря о семантике наскальных изображений «скифских оленей», А.П. Окладников поддержал мысль И.Г. Гранэ об их возможной связи с астральной мифологией (Окладников, 1981: 73). На стелах установленных подле скалы с рисунками и в прямоугольной двойной оградке выбиты тамги (Рис. 1, 2-4). В сочинении И.Г. Гранэ не высказано каких-либо суждений о хронологии, культурной принадлежности и семантики стел с тамгами. Археологи, работавшие в Монголии в 1970-1980-х гг. отнесли подобные памятники к бронзовому веку (Худяков, 1987: 157). В Туве плиты с тамгами были отнесены к раннему железному веку (Кызласов, 1979: 77). Близкая по начертанию тамга в виде двух, соединенных вершинами треугольников и отходящей от места соединения перпендикулярной линией, была зафиксирована в сочетании с рисунком оленя с ветвистыми рогами и горных козлов на петроглифах Халзан-Булаг в Монгольском Алтае (Окладников, 1981: 195). Это может быть основанием для синхронизации стелы с похожей тамгой с местонахождения Цаган-гол с рисунками на скале, поблизости от которой она установлена. В отношении других тамг, выбитых на стелах, установленных внутри двойной оградки, можно предположить, что они были нанесены, вероятнее всего, создателями этого памятника, поскольку у всех стел знаки были выбиты на одной и той же северной стороне.

Археологические материалы, собранные И.Г. Гранэ, в ходе экспедицию в Монголию в 1909 г., представляют несомненный интерес для изучения памятников бронзового и раннего железного веков в Центральной Азии. Они должны учитываться исследователями археологии Центральной Азии.

Примечания

¹Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры Инновационной России» (Соглашение № 14. В 37.21.0007).

Список источников и литературы

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI – VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы // Тр. Института востоковедения. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – Т. XLV. – 210 с.

Борисенко А. Ю. Экспедиция И. Г. Гранэ по Южному Алтаю в 1909 г. // Вестник Новосибирского университета. - Серия: История, филология. - 2010. – Т. 9. – Вып. 3. – С. 63-73.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII – XIX вв. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – 270 с.

Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Кем ГПУ, 1973. – Вып. VI. – С. 91-159.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 37-60.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 207 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Окладников А. П. Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.

Салминен Т. Маттиас Александр Кастрен // Виховайнен Т. 100 замечательных финнов. – Хельсинки: Об-во финской лит-ры, 2004. – С. 219-226.

Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870-1935 годы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. - № 1. – С. 100-110.

Салминен Т. И.-Р. Аспелин – А. М. Таллыгрэн и проблема урало-алтайского бронзового века // РА. – 2011. - № 4. – С. 130 – 139.

Тишкин А.А. И.-Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири (краткий библиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 66-72.

Тишкин А. А. О пребывании И.Р. Аспелина на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 124-130.

Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. - С. 136 – 162.

Appelgren-Kivalo H. AIn-Fltaische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelin's Reisen in Sibirien und Mongolei 1887-1889. – Helsingfors, 1931. – 72 s.

Aspelin J.R. Types des peuples de l'Ancienne Asie Centrale. Souvenir de l'Ienissei de die a la Societe Imperiale d'Archeologie de Moscou. - Helsingfors, 1890. – S. 3-13.

Grano J.G. Archaeologische Beobachtungen von meiner Reise in Sudsibirien und Nord-West-Mongolien im Jahre 1909 von J.G. Grano. – Helsingfors, 1910. – 67 s.

Messerschmidt D. G. Forschungereise durch Sibirien 1720-1727. – Berlin: Akademie verlag, 1962. - Teil. I. - 379 s.

Д.Л. Бродянский
Россия, Владивосток, Дальневосточный федеральный университет
**ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ
ПРИМОРЬЯ**

Автор на одном из предыдущих археолого-этнографических симпозиумов (Бродянский, 1995: 40-45) обсуждал проблему идентификации двух приморских культур палеометалла – янковской и кроуновской с древнейшими сведениями письменного источника – Чэнь Шоу, 244 г., «Сань го чжи» (Бродянский, 1996: 134-143; Ли Цян, 1985: 2-10; Куян Юй, 1982). В янковской культуре (VIII – I вв. до н.э.) есть 6 специфических признаков из описания у Чэнь Шоу народа илоу. Китайские авторы соотносят с другим этносом – воцзюй – культуру туаньцзе (в Приморье – кроуновская, V в. до н.э. – III в. н.э.). В данном докладе делается попытка этнологические реконструкции расширить.

Современная археология Приморья располагает сколько-нибудь достаточной информацией начиная с устиновской культуры. Исследователи относят её к верхнему палеолиту (Крупянюк, Табарев, 2001: 85-87), автор, вслед за А.П.Окладниковым, завершающие этапы культуры – к мезолиту. А.А.Крупянюк, А.В.Табарев датируют завершающие этапы устиновской культуры 12000 – 9500 л.н. (Крупянюк, Табарев, 2001: 86). Сравнение позднеустиновской индустрии: клиновидных нуклеусов, микропластин, тонких бифасов, резцов типа арайя с индустриями от Хоккайдо до Аляски могут составить изрядную библиотеку. Есть основания сравнить позднеустиновскую индустрию (клиновидные нуклеусы, ножи-бифасы, резцы, наконечники) с индустрией VI слоя стоянок Ушки I, V на Камчатке (Диков, 1979: 61-63, рис. 16-18). Н.Н. Диков видел в ушковской поздней культуре (VI слой) корни эскимосско-алеутского заселения Америки (Диков, 1979: 74). Современные исследователи связывают с датами VI слоя ушковских поселений – 10860-10360 (Диков, 1979: 54) вторую волну заселения Америки – носителями языков на-дене и отмечают родство на-дене с енисейскими языками (кеты, юги) (Иванов, 2012).

Что же касается эскимосско-алеутской (третьей) волны заселения Америки, то больше оснований видеть её истоки в вытеснении на Северо-Восток Азии древнего неолитического населения, в частности, носителей бойсманской культуры (Попов, Чикишева, Шпакова, 1997).

В 1987 г. автор открыл Бойсмана II. В 1991-2003 гг. археологи ДВГУ под руководством А.Н. Попова за 12 сезонов открыли и раскопали 2 могильника – первые неолитические могильники на российском Дальнем Востоке. Исследования серии черепов привели антропологов к выводу, что «В неолитическое время в Приморье население как минимум двух культур – руднинской и бойсманской – было антропологически однотипным... признаки черепов из Бойсмана-2 образуют комбинацию, наиболее близкую к древним и современным сериям арктической расы. Минимальное сходство обнаруживается с оленными чукчами» (Попов, Чикишева, Шпакова, 1997: 79). Кроме антропологии бойсманцев в их культуре открыта серия изображений и сюжетов мифологического цикла о Вороне, распространённого по обе стороны Берингова пролива: Ворон, гагары, рассечённый волк, тюлень, приводящий кита. Бойсманцы были морскими охотниками, у них появляются простейшие поворотные гарпуны.

Вытеснили носителей бойсманской и других культур люди культур гребенчатой керамики: в Приморье – зайсановцы, принесли в Приморье земледелие и свиноводство,

истоки – в долине Ляохэ, на юге Маньчжурии, в Приморье появляются не позднее 5300 л.н.

В VI в. до н.э. на Среднем Амуре расселяются польцевцы (Деревянко, 1976), в III в. до н.э. – в V в. н.э. польцевцы расселяются в Приморье, на северо-востоке Маньчжурии – огромная культурная общность. А.П.Деревянко на обложку книги о польцевцах (1976) вынес рисунок узкогорлой вазы с блюдовидным венчиком и сравнил этот тип сосудов с вазами культуры яёй – появившейся на островах Японского архипелага в V в. до н.э. – культуры предков японцев. Откуда яёйцы переселились в Японию, мы до сих пор не знаем, но очевидно, что какой-то контакт яёй и польцевцев был.

На смену польцевцам приходят племена мохэ – предки бохайцев и чжурчжэней. Есть некоторые элементы польцевской материальной культуры в культуре бохайцев: вафельные отпечатки на стенках сосудов, жилища с канами. Оставим разбираться в этих контактах археологам-медиевистам.

Список источников и литературы

Бродянский Д.Л. Загадка илоу и воцзюй // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1995. – С.40-45.

Бродянский Д.Л. Илоу и воцзюй: новый взгляд на старую загадку // Изв. Восточного института ДВГУ. – Владивосток, 1996. – С.134-143.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Иванов В.В. Целесообразность человека (Интервью с Ю.Латыниной) // Новая газета. - 2012. – №93.

Крупянюк А.А., Табарев А.В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. Исследования 1996 – 2000 гг. – Новосибирск: Сибирск. университет. изд-во, 2001. – 104 с.

Куян Юй. Культура северных воцзюй в период Чжаньго – обеих Хань // Хэйлуцзян вэньу цзихань. - 1982. - №1 (на кит. яз.).

Ли Цян. Краткое исследование воцзюй и восточных воцзюй // Бэйфан вэньу. - 1985. - №1. – С.2-10 (на кит. яз.).

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1997. – 96 с.

П.К. Дашковский, Н.С. Гончарова

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА¹

Abstract

Recently, there have been a variety of new approaches to the study of the worldview of the South and East Siberian peoples population in the paleometal era. The traditional approach has been supplemented by the structural-semiotic approach and the theory of the graphic invariants. This has made possible the complex study of religious-mythological systems of ancient populations.

В изучении мировоззрения населения Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла можно выделить несколько методологических подходов, разработанных учеными в разные периоды. Первое направление можно обозначить как археолого-этнографическое или «традиционное». Основной особенностью данного подхода является проецирование данных этнографии на археологические источники в процессе изучения древних верований и обрядов. Формирование такого подхода связано со становлением и развитием этнографической науки в конце XIX – первой половины XX в. В этот период в зарубежной и отечественной науке активное распространение получало эволюционистское направление изучения истории человечества. Проявила себя эта тенденция и в отношении исследования ранних форм религии (см. обзор: Эванс-Причард, 2003). В этой связи не случайно большой популярностью у отечественных ученых пользовались работы Д. Мак-Ленана, Р. Смита, Э. Тайлора, Л. Леви-Брюля, Дж. Фрэзера и других крупнейших европейских этнографов, антропологов и религиоведов. Однако это не означало, что российские исследователи находились целиком под влиянием концепций своих зарубежных коллег. В данном случае уместно заметить, что многие вопросы, связанные с изучением религии и мифологии, часто поднимались учеными разных стран независимо друг от друга, но иногда в сходном направлении исследований. В этом отношении показательны взгляды Д.Н. Анучина, Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораза и других отечественных этнографов, которые рассматривали возможность экстраполяции этнографических материалов при изучении ранних форм религии, а также использование этно-археологического метода. Последний метод в сочетании со сравнительно-религиоведческим приемом был особенно популярен в творчестве Д.А. Анучина, уделявшего важное внимание семантике археологических предметов и реконструкции соответствующих религиозных представлений (Алымов, 2004: 37). В отечественной науке заслуженной популярностью пользуются также работы С.А. Токарева, в которых в емкой форме излагались основные особенности ранних форм религии. Важно подчеркнуть, что С.А. Токарев делал особый упор на социальный аспект сущности религии, а не на догматический принципы, вероучение и т.п. Несмотря на то, что в религиоведческих разработках С.А. Токарева были дискуссионные моменты, тем не менее, его концепция, увязывающая социальный и религиозный аспекты развития, была особенно популярна у отечественных историков и археологов.

Указанные теоретические разработки и выводы этнографов относительно ранних форм религии, безусловно, стимулировали изучение религиоведческой проблематики и на археологическом материале. Исследователи полагали, что универсальные особенности мифологического мышления, отраженного в древнем искусстве, позволяют экстраполировать данные о верованиях одних народов на религиозные системы других. Особенно это оправданно, если сопоставляемые народы проживали в сходных природных условиях и у них был близкий образ жизни и соответственно хозяйственно-культурный тип. Данное традиционное направление вполне успешно реализовано при изучении мировоззрения населения Сибири эпохи палеометалла в творчестве А.П. Окладникова, М.П. Грязнова, М.Ф. Косарева, Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет, В.И. Молодина, В.Д. Кубарева и других ученых.

Второй подход связан с проецированием индо-иранского религиозного комплекса на мировоззрения древнего населения. Развитие этого направления связано с тем, что во второй половине XX в. особую значимость приобретали исследования в области индоевропейской мифологии и языка, проводимые В. Н. Топоровым, М. М. Маковским, В. И. Абаевым, Л. А. Лелековым, И. В. Раком, Т. Я. Елизаренковой, Б. И. Кузнецовым, Г. М. Бонгард-Левиным и Э. А. Грантовским, И. М. Дьяконовым и другими учеными. В контексте изучения мировоззрения населения Сибири эпохи бронзы необходимо

подчеркнуть, что важным открытием явилось формирование концепции индоиранской атрибуции памятников андроновской культурно-исторической общности (Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1994; и др.). Особенно данная концепция стала приобретать более широкий размах после открытия и исследования знаменитого комплекса памятников Синташта и городища Аркаим на территории Южного Приуралья (Генинг, 1977; Аркаим..., 1995; Епимахов, 2002; и др.). Сделанные открытия дали основания многим исследователям для привлечения текстов Ригvedы при интерпретации археологических древностей эпохи развитой бронзы степной полосы Евразии (Кирюшин, 1992; Михайлов, 2001; Шилов, 1995; и др.).

В 60-е годы XX в. отмечается всплеск интереса к зарубежному научному опыту в области гуманитарных исследований, в т.ч. и в изучении духовной культуры. Во многом такая ситуация обусловлена спецификой социально-политических процессов в СССР в тот период, приоткрывших завесу для интеграции, хотя и подконтрольной, отечественных и зарубежных ученых. При этом нельзя не учесть, что в западной исторической науке происходило формирование новых методологических парадигм, что неизменно отражалось и на изучении древней истории, в т.ч. по археологическим данным (Дашковский, 2011; Клейн, 2011). Кроме того, господствовавшие в первую половину XX в. тотемическая, а затем и магическая концепции, постепенно сменяется с 60-х годов XX в. мифологической, представленной в работах А. Ламинь-Эмперер, А. Леруа-Гурана и многих других ученых. Последнее обстоятельство явилось важным фактором, открывшем новые горизонты в изучении и интерпретации наскального искусства Северной Азии, хотя ученые, кроме мифологической составляющей древнего искусства, указывали и на наличие в нем отдельных реалистических мотивов (Савинов, 2009). Учитывая отмеченные обстоятельства, вполне закономерным является появление в последующие десятилетия новых методологических подходов к изучению мировоззрения древнего населения, особенно с акцентом на интерпретацию произведения искусства. В последнем случае следует особо остановиться на концепции изобразительных инвариантов Я.А. Шера. Ученый предложил производить стилистический анализ первобытного искусства, заключающийся в анализе плана выражения. Особенностью такого анализа является расчленение образа на составляющие элементы, выделение элементов плана выражения и их сравнение с элементами плана выражения других памятников. При этом исследователь подчеркивает неизбежную индивидуальность восприятия при словесном описании петроглифов, неадекватность образного языка наскальных изображений и метаязыка (языка словесного описания) и невозможность точного «перевода». Основными «терминами» метаязыка должны быть сами графические элементы изображения или такие их словесные эквиваленты, которые позволяют давать эксплицитное описание. Составление метаязыка по таким правилам позволяет сегментировать рисунки на планы выражения и планы содержания и реализовать процедуру типологической классификации на ЭВМ, что дает возможность сравнивать рисунки по единому перечню качественных и количественных признаков (Шер, 1980: 50-51). Характеризуя сравнительно-исторический и семиотический подходы, ученый, указывает, что их необходимо объединить как подход к вещам и подход к текстам, акцентируя внимание не на механическом соединении, а на попытке выйти на иной качественный уровень. По его мнению, каждое изображение содержит как содержательные (семантические), так и выразительные (стилистические) элементы. Первые имеют меньшую изменчивость в пространстве и времени, поэтому следовательно, не могут служить надежным основанием для классификации изображений по культурам и периодам, тогда как вторые должны выступать основными индикаторами этнокультурных и хронологических привязок. Кроме того, в связи с возникающими сложностями

выделения указанных типов, определяются иконографические изобразительные элементы, устойчивые и повторяющиеся от одного изображения к другому (Шер, 1980: 4-5, 11, 42). Ученый подчеркивает, что один и тот же по своему содержанию образ может быть передан разными изобразительными средствами. Это в свою очередь допускает аналогию с языками, которые одно и то же понятие передают разными звуками, словами и словосочетаниями. Иначе говоря различные «изобразительные языки» пользуются разными изобразительными средствами для передачи одного и того же понятия. Для того же, чтобы показать различные образы средствами одного изобразительного языка используются похожие или одинаковые художественные средства, т.е. стандартные элементы, неменяющиеся при переходе от одного рисунка к другому в т.ч. и для разных по содержанию изображений. Те элементы образов, которые при преобразовании других частей остаются неизменными и устойчиво повторяются на разных по содержанию изображениях, автор называет изобразительными инвариантами. Таким образом, сущность иконографического инварианта заключается в неизменности при одновременной трансформации содержания образа (Шер, 1980: 28-30; 32). Следует отметить, что теория изобразительных инвариантов получила высокую оценку и широкое применение в трудах И.В. Ковтуна, Ю.Н. Есина, Н.В. Леонтьева, В.Ф. Капелько и других исследователей.

В последней четверти XX в. значительное распространение в отечественной науке получил структурализм. Влияние данного направления на отечественную археологию уже рассматривалось исследователями (Антонова, Раевский, 2001; Клейн, 2011; Дашковский, 2011; и др.). В этой связи отметим позицию К. Леви-Стросса (2008: 152), который указывал на то, что довольно часто имеют место быть случаи, когда искусство отдаленных районов так или иначе имеет общие черты или является практически идентичным. Схожесть типов искусства приводит к мысли о их близости, которая в свою очередь является, несомненно, противоречивой ввиду географических (отдаленность территории, естественные природные препятствия для проникновения) и исторических условий (временной фактор). Однако если взглянуть на такие совпадения с точки зрения структурно-семиотического подхода, противоречия снимаются, поскольку аналогии объясняются наличием общих структур, генетически заложенных в сознании, а не культурными контактами населения. Таким образом, подход предполагает реконструкцию правил семантического отождествления на базе исследования закономерностей самих изображений. Последнее предполагает проведение сравнительного анализа изображений в рамках традиции с целью выявления основных типов изобразительных текстов, набора изобразительных элементов и правил их сочетания, т.е. изучение изобразительного языка (Леонтьев, Капелько, Есин, 2006: 25). В изучении мировоззрения населения Сибири эпохи палеометалла структурно-семиотический подход в определенной степени использовали такие исследователи, как Ю.Н. Есин, И.В. Ковтун, Н.В. Леонтьев, В.Ф. Капелько и другие ученые. Характеризуя теоретические основания для реконструкции мировоззрения древнего населения необходимо отметить, что в последнее годы наметилась тенденция к синтезу методологических подходов. Достаточно показательной в этом отношении является концепция И.В. Ковтуна. Методологической базой его исследования стал синтез отдельных положений структурализма, концепции иконографических инвариантов, формально-типологического и структурно-генетического методов исследования. По мнению ученого, попытка методологического синтеза различных подходов позволяет избежать серьезных минусов отдельных научных школ, использующих так называемые «чистые методологические принципы» (Ковтун, 1995; 2001).

Особый интерес представляют отдельные разработки ученого в теории иконографических инвариантов, предложенной Я. А. Шером. И. В. Ковтун поднимает вопрос о необходимости структурирования понятия «инвариант» применительно к предметам изобразительного искусства. Он предлагает трехуровневую иерархию номенклатуры термина, выделяя иконографический инвариант, собственно изобразительный инвариант и инвариант стилистический. Данная иерархия отражает способы анаграммирования в изобразительном искусстве и означает, что формальные элементы стиля изображений следует анализировать в общем контексте. Когда предметом анаграммы являлся целый сюжет, следует говорить об анаграммах на уровне стилистического инварианта, отличающимся тождеством способа сочетания стандартного набора иконографических инвариантов, что подтверждают сюжеты с высокой степенью сходства. Кроме того, ученый рассматривает вопросы понимания изобразительной традиции и культурно-исторического ландшафта, акцентируя внимание на репродуктивном механизме как на основном признаке любой традиции. Это в свою очередь позволило выявить транскультурный изоморфизм и преемственность ряда изобразительных традиций в искусстве древнего населения (Ковтун, 2001).

Таким образом, на протяжении второй половины XX - начале XXI вв. происходило формирование различных парадигм к изучению мировоззрения населения Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла. Сложившийся первоначально традиционный подход, основанный на экстраполяции данных этнографии на археологические материалы, в современных исследованиях дополняется структурно-семиотическим направлением и теорией изобразительных инвариантов. Более того, в последние годы наблюдается синтез методологических оснований, который позволяет комплексно рассматривать особенности религиозно-мифологических систем древнего населения в контексте культурно-исторических процессов.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»).

Список источников и литературы

Алымов С.С. Дмитрий Николаевич Анучин: «естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. – С. 7–48.

Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: ДНУ, 2001. – Т. I. – С. 11–26.

Аркаим: Исследования, поиски, открытия. – Челябинск: Твор. объедин. «Каменный век», 1995. – 224 с.

Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племён // СА. – 1977. – №4. – С.53–73.

Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 244 с.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: ЮурГУ, 2002. – 170 с.

Кирюшин Ю.Ф. Культ коня у народов Казахстана и Западной Сибири в древности // Валихановские чтения. – Кокшетау, 1992. – С. 156–158.

Клейн Л.С. История археологической мысли. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. – Т. II. – 624 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири (Нижнее Притомье и сопредельные регионы): автореф. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1995. – 21 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Проблемы Генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 184 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии?: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М: Восточная лит-ра, 1994. – 464 с.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Академический проект, 2008. – 512 с.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 345 с.

Савинов Д.Г. Некоторые аспекты теоретического осмысления петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. - №2(38). - С. 92-103.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических открытий. – М: Наука, 1977. – 136 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М: Наука, 1980. – 328 с.

Шилов Ю.А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. – Киев, 1995. – 744 с.

Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. – М., 2003. – 358 с.

В.А. Демкин, Т.С. Демкина, С.Н. Удальцов, Т.Э. Хомутова

*Россия, Пушино, Институт физико-химических
и биологических проблем почвоведения РАН*

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ¹

Abstract

Using the methods and the data of archeological soil science, this article reveals several new stratigraphic peculiarities of burials in the southern Russia steppes such as their architecture, construction techniques, and the season of their construction. Based on the comparative analysis of the properties of kurgan paleosoils, the article treats questions of relative and absolute chronology. Phosphate analysis was used to reconstruct the food held in burial pottery.

Изучение древних курганов южнорусских степей в последние десятилетия примечательно все возрастающей волной интеграции археологии и естественных наук. Эти комплексные исследования вовлекли в сферу общих интересов, с одной стороны, специалистов в области археологии, этнографии, истории, а с другой - почвоведения, палеоэкологии, микробиологии, минералогии, ботаники, зоологии и многих других дисциплин. Столь тесная интеграция упомянутых наук имеет свои причины. Во-первых, уже не вызывает сомнений, что грунтовые погребальные памятники древней и

средневековой истории одновременно являются и памятниками природы. Под разновозрастными курганными насыпями до наших дней сохранились почвы прошлых эпох, по стратиграфии (строению) и различным свойствам которых можно реконструировать историю развития природной среды и ее отдельных компонентов. Во-вторых, в курганных захоронениях в качестве атрибутов погребального обряда нередко встречаются растительные и животные остатки (древесина, кора, семена, кости и др.), которые дают возможность судить об особенностях древней флоры и фауны. И, наконец, в-третьих, использование разнообразных методов естественных наук в исследовании стратиграфии курганов, погребального инвентаря, минеральных и органических веществ из могильных ям позволяет уточнить и расширить существующие представления об истории степных племен, а зачастую и получить принципиально новые данные для решения этнографических и археологических проблем.

Интеграция почвоведения и археологии привела к формированию нового междисциплинарного научного направления – археологического почвоведения (Демкин, 1993, 1997). Следует отметить, что почвенно-археологические работы в России в большей степени ориентированы на изучение курганов, тогда как за рубежом – стоянок, поселений, городищ. Вероятно, именно это определяет отечественную специфику археологических и этнографических аспектов интегративных исследований, в которых значительное место занимают вопросы, связанные с познанием духовной и материальной культуры древних народов. Остановимся на нескольких конкретных примерах реализации некоторых этноархеологических проблем с использованием методов и данных археологического почвоведения.

Абсолютная хронология археологических культур. В процессе наших исследований возникла дискуссионная проблема, решение которой имеет важное значение как для почвоведения, так и археологии. Она связана с хроноинтервалом существования полтавкинской культуры Нижнего Поволжья, который согласно новым представлениям относится к 1-й четверти III тыс. до н.э. (Археологическая энциклопедия..., 2009), то есть удревнен почти на тысячелетие по сравнению с прежней хронологией. В свете палеопочвенных данных такая точка зрения вызывает у нас определенные сомнения. Попытаемся их обосновать. Изучение многочисленных подкурганных педохронорядов, приуроченных к различным природным районам и включающих палеопочвы ямного, катакомбного, посткатакомбного, покровского, срубного времени, позволило нам разработать достаточно детальную и обоснованную репрезентативным фактическим материалом концепцию развития почв и климата Нижнего Поволжья в эпоху бронзы (IV-II тыс. до н.э.) (Демкин и др., 2010). В предложенной схеме истории почвообразования принципиально важным и новым является установление этапа формирования и развития «каштановидных» полупустынных палеопочв, аналогов современных бурых полупустынных почв бугров Бэра в низовьях Волги. Особо следует подчеркнуть следующее. Во-первых, во всех исследованных природных районах нижеволжских степей (юг Приволжской возвышенности, Северные и Южные Ергени, Сарпинская низменность, террасы Волги и Волго-Ахтубы, Эльтонская и Бессточная равнины Северного Прикаспия) «каштановидные» палеопочвы имели идентичные морфолого-стратиграфические и химические свойства и признаки. Во-вторых, они всегда обнаруживались нами только под курганами, сооружение которых датируется последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. (поздне- и посткатакомбные культурные образования), а также под курганами полтавкинской культуры. Как установлено (Демкин и др., 2010), главной причиной формирования «каштановидных» палеопочв явилась катастрофическая аридизация климата в конце III тыс. до н.э., имевшая глобальное распространение в

степях и пустынях Евразии и обусловившая возникновение палеоэкологического кризиса. На территории Нижнего Поволжья она выявлена не только по материалам наших палеопочвенных исследований, но и по данным палинологического изучения среднеголоценовых (около 4000 лет назад) болотных отложений (Кременецкий, 1997), анализа фитоцитов (аморфные образования в клетках растений, состоящие преимущественно из кремния SiO_2), выделенных из подкурганых палеопочв позднекатакомбного времени (Гольева, 2000; Бобров, 2002). Следовательно, если время существования полтавкинской культуры в 1-й четверти III тыс. до н.э. соответствует действительности, то следует признать, что в этот период также имели место резкая аридизация климата и палеоэкологический кризис. Однако наличие подобной природной ситуации в степях Восточной Европы в целом и в Нижнем Поволжье в частности не подтверждается данными как наших исследований, так и исследованиями других авторов. Напротив, климатические условия конца IV – 1-й четверти III тыс. до н.э. в рассматриваемом регионе были близки современным или даже несколько влажнее. Подкурганые палеопочвы памятников этого и более позднего времени (середина – 3-я четверть III до н.э.) на территории Нижнего Поволжья представляли собой аналоги современных зональных каштановых или бурых полупустынных почв различной степени солонцеватости и засоленности. Какова же хронологическая позиция полтавкинской культуры в свете почвенно-климатических реконструкций? С одной стороны ответ казался бы однозначным – не ранее последней четверти III тыс. до н.э. Однако здесь необходимо учесть следующее обстоятельство. Практически все исследованные нами полтавкинские памятники расположены в Заволжье, которое как в настоящее время, так и в прошлом было более засушливым по сравнению с Волго-Донским междуречьем. Поэтому можно полагать, что аридизация климата могла найти отражение в состоянии почв и ландшафтов полупустынного Заволжья быстрее и на 100-150 лет раньше, чем в Волго-Донском междуречье. Но и таком случае полтавкинская культура, на наш взгляд, должна была появиться не ранее XXIV в. до н.э. В заключение хотелось бы отметить, что основная цель наших рассуждений состояла в обосновании возможности более широкого использования данных о развитии природной среды в этноархеологических исследованиях, в частности, принимать их во внимание при решении культурно-хронологических проблем развития древних обществ.

Абсолютная и относительная датировка археологических памятников. На территории Северных Ергеней в составе могильника «Перегрузное» (Волгоградская область) нами исследована серия курганов ранне- (2-я половина II – I вв. до н.э.), средне- (I в. н.э.) и позднесарматского (2-я половина II - 1-я половина III вв. н.э.) времени. Данные о морфологических, химических, магнитных свойствах подкурганых палеопочв свидетельствуют о повышенной увлажненности климата в регионе в I в. до н.э. - I в. н.э., которая превышала современные показатели атмосферных осадков не менее чем на 30-50 мм/год. Вместе с тем, зафиксированное повышенное содержание хлоридов в верхних горизонтах среднесарматских палеопочв изученных трех курганов является свидетельством начальной стадии аридизации климата, которая в Прикаспийском регионе прежде всего проявляется в интенсификации эолового переноса легкорастворимых солей, главным образом хлоридов натрия, с акватории Каспийского моря и с поверхности многочисленных солончаков с последующей их аккумуляцией в верхних горизонтах почв. Более того, содержание солей в профиле палеопочв этих трех курганов одинаково и в несколько раз выше, по сравнению с раннесарматскими палеопочвами. Свойства подкурганых палеопочв позднесарматского времени свидетельствуют о том, что во 2-й половине II - 1-й половине III вв. н.э. климатические условия в регионе стали более засушливыми по

сравнению с предшествующей среднесарматской эпохой со снижением среднегодового количества атмосферных осадков примерно на 50 мм. Учитывая изложенные данные, мы имеем основания полагать, что сооружение среднесарматских курганов скорее всего имело место в конце I – начале II вв. н.э., то есть палеопочвенные данные позволили сузить хроноинтервал датировки этих памятников. Этот вывод подтверждается и данными радиоуглеродного датирования органического вещества (гумуса) гор.А1 палеопочвы одного из курганов. Согласно им, памятник был сооружен ~1900 лет назад. Весьма интересными оказались результаты микробиологических исследований палеопочв среднесарматских курганов. Определение численности микроорганизмов и эколого-трофической структуры микробных сообществ в профиле палеопочв позволили установить относительный возраст рассматриваемых курганов. Таким образом, в результате палеопочвенно-микробиологических исследований установлено, что курганы №№42, 44, 45 могильника «Перегрузное» сооружались в указанной последовательности, вероятно, на протяжении не более 20 лет в конце I – начале II вв. н.э.

Стратиграфия, технология и сезон сооружения археологических памятников.

При почвенно-археологических исследованиях нескольких могильников в Волгоградской области («Перекопка-3, 5», «Аксай-3», «Перегрузное») впервые установлено, что при сооружении насыпей нескольких курганов, как правило, катакомбного (середина III тыс. до н.э.) и среднесарматского (I в. н.э.) времени применялась «монолитно-блочная» технология с использованием в качестве строительного материала монолитов, вырезанных из верхнего слоя древней палеопочвы в форме куба или параллелепипеда. Эти монолиты представляют собой гор.А1 и В1 (белесого и коричнево-бурого цвета соответственно) палеосолонцов и солонцеватых каштановых палеопочв. По химическому составу и величине магнитной восприимчивости эти горизонты близки своим аналогам, залегающим *insitu*. Подобного рода строительный материал можно было получить лишь при достижении определенной влажности в верхнем слое почвы, которая в исследуемом регионе обычно характерна для поздневесеннего периода (вторая половина апреля – середина мая). Следовательно, можно полагать, что сооружение данных памятников происходило именно в это время.

Комплексный почвенно-археологический подход в изучении одного из курганов (№45, I в. н.э.) могильника «Перегрузное» позволил реконструировать не только технологию («монолитно-блочная») и сезон (конец апреля – начало мая) сооружения насыпи, но и выявить важную и, вероятно, новую особенность в погребальном обряде среднесарматских племен Нижнего Поволжья. На древней поверхности к востоку от основного погребения нами обнаружена площадка овальной или подпрямоугольной формы, примыкающая к краю могильной ямы и ориентированная по длинной оси запад - восток. Ее размер примерно 10×8 м, мощность в центральной части около 20 см, к периферии постепенно уменьшается до 5-10 см. Как показал полевой модельный эксперимент, слагающий площадку материал представляет собой гомогенную смесь серовато-желтого цвета гор.А1 и С палеосолонцов и сильно солонцеватых каштановых палеопочв. Использование именно этих «строительных» материалов, на наш взгляд, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, суглинистый гор.С являлся компонентом, «цементирующим» рыхлый и пылеватый материал гор.А1, обедненный илистой фракцией (почвенные частицы размером менее 0.001 мм). Во-вторых, подобное сочетание почвенных горизонтов могло иметь и ритуальное назначение, символизируя соединение мира живущих людей (корнеобитаемый «живой» слой гор.А1) и мира умерших («мертвый» слой глубже залегающей почвообразующей породы гор.С). Остановимся на источниках почвенно-грунтового материала,

использовавшегося для строительства площадки. Как показали палеопочвенные исследования курганных бровок, в пределах двух ареалов палеосолонцов и сильно солонцеватых каштановых палеопочв, расположенных к северо-западу и северо-востоку от могильной ямы, гор.А1 белесого цвета оказался срезанным вплоть до гор.В1 коричневого-бурого цвета. Другим источником оказался гор.С желтого цвета, извлеченный из могильной ямы, причем в полном объеме, так как в качестве выкида гор.С не зафиксирован ни в одной из курганных бровок. Обнаруженный же выкид к югу от могильной ямы представляет собой довольно равномерную смесь гор.А1, В и ВС древней почвы. На наш взгляд, данная площадка в погребальном обряде имела своего рода ритуальное назначение, на которой могла происходить церемония прощания с умершей, после чего по прошествии определенного времени было совершено ее захоронение.

Реконструкция пищи в сосудах из курганных захоронений. При раскопках курганов в Волгоградской области нами впервые был применен фосфатный метод (определение содержания подвижных соединений фосфора P_2O_5 в грунте) для реконструкции исходного содержимого погребальных глиняных сосудов, которые в настоящее время, как правило, заполнены грунтовым материалом (Демкин, Лукашов, Ковалевская, 1992; Демкин, Демкина, 2000). Этнографические источники дали основания предположить, что в них помещалась пища (растительная, мясная, молочная) или вода, предназначенные умершему «в дорогу» либо предкам. Перечисленные продукты имеют различное содержание фосфора, которое наиболее высоко в семенах конопли и мака. В зерне пшеницы, ячменя, овса и т.п. оно в 1.5-2 раза больше, чем в говядине и свинине и в 4-5 раз больше, чем в молоке. В грунтах и воде соединений фосфора обычно содержится на порядок меньше. Рассмотренные различия в составе исходных пищевых продуктов дают возможность провести дифференциацию грунта из придонной части различных сосудов по концентрации фосфатов, существующей в настоящее время. Если в них находилась органическая пища, то придонный грунт характеризуется более высоким содержанием фосфора по сравнению с фоновым грунтом из верхней части сосудов. В случаях же одинаковой или близкой его концентрации в этих слоях содержимое реконструируется как вода. В итоге на сегодняшний день шкала реконструкции заупокойной пищи из глиняных сосудов по концентрации фосфатов ($\Delta P_2O_5 = P_2O_{5\text{дно}} - P_2O_{5\text{фон}}$, в мг/100 г грунта) имеет следующий вид: менее 2 (преимущественно 0-0,5) - вода в горшках или кувшинах; 2-8 (преимущественно 4-7) - молочный продукт в кувшинах, мясной бульон в горшках; 8-15 (преимущественно 10-12) - каша в горшках; 15-25 (преимущественно около 20) - наркотическое вещество в кувшинах.

К настоящему времени нами изучено около 300 глиняных сосудов из курганных захоронений эпох бронзы и раннего железа на территории Предкавказья, Волго-Донского междуречья, Самарского и Волгоградского Заволжья, Северного и Западного Прикаспия, Предуралья, Зауралья. Анализ полученных данных показал ряд весьма интересных закономерностей. Обращает на себя внимание факт, что содержание фосфора в соответствующих реконструированных продуктах примерно одинаково, независимо от географического местоположения исследованных объектов (полупустыня Заволжья, сухие степи Поволжья, степи Предкавказья и Зауралья и др.). Как правило, около половины из общего числа сосудов катакомбного, срубного и раннесарматского времени было с водой. В позднесарматских же захоронениях резко возрастает доля молочного продукта, а встречаемость воды снижается. Для раннесарматской культуры установлена закономерность между содержимым сосудов и их местоположением в погребении. В подавляющем большинстве случаев в сосудах, расположенных у головы умершего была вода, тогда как в ногах - каша либо бульон.

Позднесарматские погребения зачастую характеризовались наличием у головы горшка и кувшина с бульоном и молочным продуктом соответственно. В срубных и раннесарматских захоронениях Нижнего Поволжья по сравнению с Южным Уралом встречаемость растительной пищи заметно выше. Это, вероятно, может свидетельствовать о некоторой специфике в хозяйствовании и внешних экономических контактах населения этих регионов.

Таким образом, методическая оснащенность археологического почвоведения позволила нам выявить новые стратиграфические особенности погребальных археологических памятников степей юга России, реконструировать технологические приемы их сооружения, исходную архитектуру, сезон строительства. Достаточно эффективно решались вопросы относительной и абсолютной хронологии конкретных объектов. Основными параметрами при этом служат различные почвенные свойства и признаки (засоленность, солонцеватость, величина магнитной восприимчивости, гумусовый профиль и многие другие), по степени развития, наличия или отсутствия которых устанавливается относительный возраст памятников в рамках одной культурно-исторической общности, а также время их сооружения в случаях антропогенного нарушения и отсутствия датирующих артефактов. Использование ряда минералогических и химико-аналитических методов, применяемых в почвоведении, дало возможность получить новую информацию или внести коррективы в существующие представления об отдельных атрибутах погребального обряда. Например, это касается идентификации заупокойной пищи в глиняных сосудах и встречающихся в захоронениях обломков минералов и горных пород, а также так называемых «меловых» посыпок и побелок, за которые ошибочно принимались аккумуляции легкорастворимых солей, сформировавшиеся естественным путем на дне и стенках могильных ям, на погребальном инвентаре.

Примечания

¹Исследования проводились при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Список источников и литературы

Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 336 с.

Бобров А.А. Фитолиты степных растений Ики-Бурульского района Калмыкии: первые результаты // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. – М.; Элиста, 2002. – С. 167-186.

Гольева А.А. Взаимодействие человека и природы в северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы //Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – М., 2000. – С.10-29. -(Тр.ГИМ; вып.120).

Демкин В.А. Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье: автореф. дисс. ... д-ра биол. наук. – М., 1993. – 48 с.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении природы и общества. – Пушкино:ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 213 с.

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. - 1992. - №4. - С.43-49.

Демкин В.А., Демкина Т.С. О возможности определения погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // ЭО. - 2000. - №4. – С.73-81.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). – Пушино: SYNCHROBOOK, 2010. – 120 с.

Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ.– М., 1997. – С.30-45. - (Тр. ГИМ; вып.97).

Г.Л. Иванов

Россия, Иркутск, областной краеведческий музей

**СЕНОГДИНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАЙОНА СЕЛА ОЕК
(ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРОВ П.П. ХОРОШИХ В ИРКУТСКОМ
ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ)**

Abstract

This revisits the collections of P. P. Khoroshikh from the village Oek in the valley Kuda river (Irkutsk region), in particular fragments «senogdinskaya pottery», common in the archaeological sites of the West coast of Lake Baikal.

Вступление

Имя Павла Павловича Хороших (1890 – 1977) широко известно как исследователям-профессионалам (археологам, этнографам и историкам), так и широкому кругу людей, интересующих прошлым Байкальского региона. В плане археологии после него осталось несколько десятков открытых археологических памятников, множество музейных коллекций и публикаций. Основные вехи биографии Павла Павловича восстановлены, и его место в системе археологической науки Предбайкалья установлено более-менее четко, однако большинство собранных им коллекций не были нормально опубликованы. (Савельев, Пержакова, 2009).

Исследования в районе села Оек в 1920-х годах.

Тип искателя-краеведа, видящего свое место в поиске памятников древности и публикации первичных сведений о них, имеет свое классическое выражение в лице такой фигуры как Михаил Павлович Овчинников. Павел Павлович Хороших был близок именно ему. Известно, что в университете он специализируется, в первую очередь по бурятской этнографии, дипломное сочинение напишет по творчеству Д. Банзарова (Савельев, Пержакова, 2009: 90-91).

Научный руководитель – профессор Бэрнгард Эдуардович Петри ценит его как этнографа, но не смотря на это обстоятельство он поручал Павлу Хороших археологические разведки в местах компактного проживания бурятского населения. Но археологией он в этот период он занимается попутно, просто производя сбор подъемного материала. Вероятно, здесь сказалась недостаточная подготовка в области естествознания, так необходимая археологу – отсюда его исследования – это никак не самостоятельные раскопки (Савельев, Пержакова, 2009: 90 – 92). Кроме того можно встретить утверждение, о том, что в области археологии направления и методы палеоэтнологической школы, к которой принадлежал его учитель – Б.Э. Петри, он не применял, то ли из-за нежелания, то ли из-за незнания (Медведев, 2005).

Вероятно поэтому, серьезных работ по археологической тематике, в этот период им не опубликовано. Как пример можно рассмотреть его статью «Древности Кудинских степей», опубликованную в сборнике «Бурятияведение» в 1929 -1930-х гг. Памятники разбиваются на ряд групп: городища, оросительные системы и стоянки. Последние П.П. Хороших делит на два типа – смешанные и с инвентарем каменного века, здесь же очень сжато рассматривается характер обработки предметов, материал каменных орудий и орнаментации керамики. Отдельно описывается наскальная живопись, приводятся связанные с ней легенды и предания. Никаких дат и культурных схем автор не приводил.

Данная публикация посвящена сборам П.П. Хороших из района села Оек, расположенного в долине р. Куды. Здесь им в 1921 – 1926 гг. были впервые документированы материалы с археологических памятников в устье р. Мурин, у пос. Усть-Орды и с. Оек и собраны многочисленные коллекции. Однако специальных раскопок не проводилось и П.П. Хороших делает только самую краткую сводку

находок, собранных им в долине р. Куды. Материалы данных исследований по-настоящему до сих пор не введены в научный оборот.

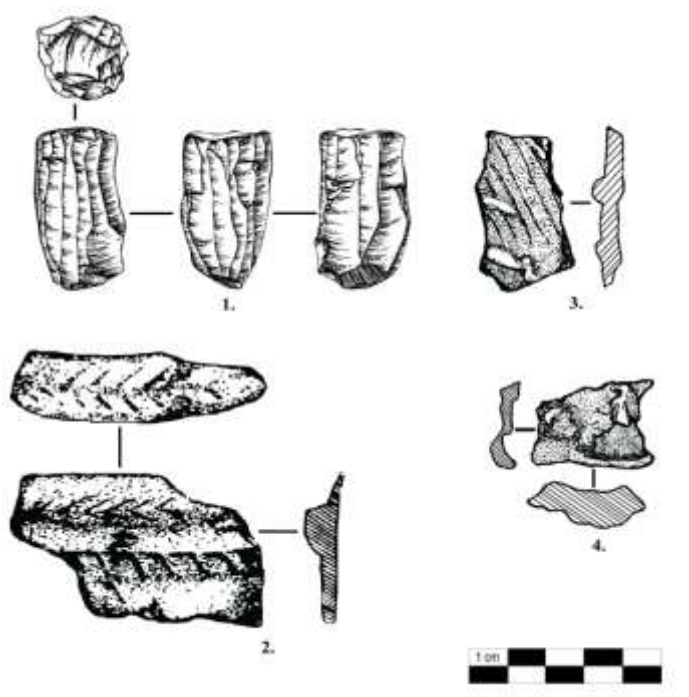

Рис. 1. Нуклеус и керамика из сборов П.П. Хороших в собраниях ИОКМ

Материал

На сегодняшний день в фондах Иркутского областного краеведческого музея хранятся следующие коллекции, собранные П.П. Хороших в районе села Оек.

№85 (12 предметов) стоянка «У старого татарского кладбища», поступление 26 июня 1925 г., регистрация 14 сентября 1937 г. Коллекция состоит из керамического материала, в основном это гладкостенная керамика, есть фрагмент тулова сосуда с неясным ромбическим рисунком, который, однако, орнаментом назвать нельзя, скорее это вариант технического декора (№85/11).

№7641(79 предметов), сборы 1923 года по Якутскому тракту. Коллекция состоит из фрагментов керамики, из которых 11 пр. – фрагменты венчиков от 10 сосудов, 6 пр. – фрагменты плоских днищ. Технический декор сосудов представлен шнуровыми оттисками и сеткой плетенкой, орнаментика - наlepными валиками, овальными вдавлениями и отступающей лопаткой.

№8111 (29 предметов), с. Оек, стоянка «Пески у старого татарского кладбища, дата поступления 20 июня 1925 года, регистрации 18 февраля 1938 г. Коллекция состоит из каменной индустрии и фрагментов керамики. Камень представлен призматическим монофоронтальными нуклеусом с площадкой оформленной рядом уплощающих снятий, произведенных от арьер-фаса, последний ожелвачен (Рис. 1-1). Кроме нуклеуса, в рассматриваемой коллекции присутствуют четыре пластины,

однокраевой скол и десять отщепов, Фрагменты керамики составляют двенадцать предметов – это шнур, наклепные валики и гладкостенная керамика).

№8112 (39 предметов), с. Оек, «Пески на пространстве между с. Оеком, Монастырской и прудом», дата поступления 1925 г., дата регистрации 8 февраля 1938 г. Фрагменты керамики составляют 36 единиц хранения, большей частью собранная керамика является гладкостенной, хотя представлен технический декор – шнур, а так же различные варианты наклепных валиков. В составе коллекции есть металлические предметы: две бронзовые пластины, бронза и фрагмент железного брусочка.

Обсуждение.

Как уже говорилось выше, описанный выше материал является подъемным и в силу данного обстоятельства обладает сжатой информативностью. В связи с этим проводить культурно-хронологическую дифференциацию материала следует на основании внешних признаков предметов.

Каменный инвентарь, представленный во всех трех коллекциях достаточно однороден и может быть отнесен к достаточно широкому хронологическому диапазону от неолита до эпохи бронзы.

Керамику следует анализировать в первую очередь на основании особенностей обработки внешней поверхности сосудов и некоторых иных характеристик. Наибольшее число составляют фрагменты гладкостенной керамики (56 ед. хр.).

К эпохе бронзы, предположительно можно отнести венчик (№7641/51, рис. 1-2) прямой формы с наклепным валиком, декорированным оттисками отступающей лопатки. Данный вариант орнамента находит аналогии в памятниках северо-западного побережья озера Байкал (Богучанская-ХII) и верховьев реки Лены (1 и 2 слои Макарово-I). Различия между данными предметами в декоре, а именно макаровский материал более изящен, в то время как фрагмент венчика из Оёка имеет более укрупненные и обобщенные формы. Здесь добавляется и важное технологическое различие - тесто оекской керамики является более отощенным (имеет солидную примесь песка), а такой материал как раз подходит для изготовления крупных предметов с общими и недетализированными подробностями, в то время как макаровские венчики отличаются значительным изяществом.

Присутствует значительное количество фрагментов керамики декорированной оттисками «шнура» (в качестве технического декора), среди которых можно выделить пять фрагментов комплекса сеногдинской керамики, распространенной в памятниках Западного побережья озера Байкал XIII – I вв. до н.э. (Кичигин, 2009: 161). На иллюстрации представлены фрагмент шнуровой керамики с наклепными валиками (7641/59, рис. 1-3) и фрагмент поддона сосуда (8111/21, рис 1-4), украшенного вертикальными наклепными валиками (Харинский, Карнышев, 2003: 139). Последний Поддон как составной элемент сеногдинской керамики археологам известен хорошо, но описанный способ декора – вертикальный наклепный валик, до настоящего времени не отмечался (Кичигин, 2010: 70). Однако надо сказать, что высокая степень замытости, рассмотренных артефактов придает изложенной выше интерпретации некоторую долю субъективизма.

Район распространение сеногдинской керамики в Предбайкалье, как уже говорилось выше, отмечается исследователями как территория Западного побережья озера Байкал (Харинский, Карнышев, 2003, Харинский, 2005, Кичигин, 2009, 2010). Обнаружение, пусть и очень небольшого количества предметов, позволяет хотя бы гипотетически расширить ареал распространения данного керамического типа. Малое число материалов и обстоятельства их находки, заставляют нас отнести все сказанное выше в разряд предположений, но дальнейшие исследования археологических

памятников Кудинской долины, вне всякого сомнения, позволят разрешить или подтвердить данную гипотезу.

Выводы

Смешанная коллекция археологического материала с дюн, всегда обладает неполной информацией, но необходимо учитывать весь объем наличного материала. Тем более, что просмотр и анализ старых коллекций с позиций современной науки часто позволяет нам существенно расширить знания о культурно-исторических процессах, протекавших в далеком прошлом.

Список источников и литературы

Ветров В.М., Зубков В.С. Верхний комплекс Макарово-I// Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: ИГУ, 1974. - Вып. 1. – С. 146 – 159.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Опыт разработки номенклатурных понятий для описания неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири// Проблемы терминологии и анализа археологических источников. - Иркутск, 1975. – С. 50 – 60.

Кичигин Д.Е. Кольцевой поддон как конструктивный элемент сенокдинской керамики// Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: матер. междунар.науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 69 – 72.

Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал// Социогенез. - Иркутск: ИрГТУ, 2009. – С. 158 – 165.

Лыхин Ю.П. Археологическое обследование трассы автодороги Тья – Байкальское летом 1983 года// Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. - Вып. 1. - С. 134 – 155.

Медведев Г.И. Об иркутской школе археологии // Российский гуманитарный журнал. - 2005.№ 3(7). - С. 83-88.

Савельев Н.А., Пержакова А.С. Иркутская школа палеоэтнологии: Павел Павлович Хороших (1890 - 1977). Жизненный путь// Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937 гг.: матер. всероссийского сем., посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри (Иркутск, 3-6 мая 2009). – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 89 – 98.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Изв. Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - Вып. 3. - С. 198 - 215.

Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции Северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III)// Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: матер. регион. науч.-практ. конф. (12-15 ноября 2003 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 137-141.

Хороших П.П. Древности Кудинских степей// Бурятияведение. – 1929.- Т. I-II. – С. 142 - 151.

Хороших П.П. Древности Кудинских степей// Бурятияведение. – 1930.- Т. III-IV. – С. 85 – 100.

С.А. Ковалевский

*Кемерово, Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачёва*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРИ
ИЗУЧЕНИИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Abstract

In this article, the author examines how archaeologists use ethnographic parallels. As demonstrated through the example of the Irmenskoj cultural-historical community (Late Bronze Age) archaeologists used historical and ethnographic data to describe the functions of artefacts, settlements, economic and funeral-memorial sites, as well as for the reconstruction of structure of everyday life, society and the ritual aspects of life. In general, the ethnographic parallels have been used rarely due to the skepticism of archaeologists themselves. The author argues that a wider use of ethnographic data can help move the field from an interpretation of objects to the interpretation of peoples.

Как известно, процесс реконструкции учёными различных аспектов древней истории бесписьменных народов Сибирского суперрегиона, известных исключительно по археологическим источникам, зачастую сопровождался привлечением этнографических параллелей. Этот подход вызвал критические замечания специалистов (см. например: Массон, 1990; Шнирельман, 1993 и др.), во многом обоснованно сомневавшихся в корректности выводов, полученных на основании сравнения элементов «живой» этнической общности и «мёртвой» археологической культуры. На наш взгляд корректное использование подобных сопоставлений в отдельных случаях всё же может быть оправдано. Так, например, благодаря исследованиям выдающихся учёных: М.Ф. Косарева (1981; 1984; 2003 и др.), Л.А. Чиндиной (1969 и др.) и В.И. Матюшенко (1974 и др.) было установлено, что в таёжной зоне Западной Сибири наблюдается длительное существование (начиная с эпохи бронзы) отдельных традиций, нашедших отражение в керамическом производстве.

Ирменская культурно-историческая общность (в традиционном понимании культура) являлась одним из грандиозных явлений позднего бронзового века на территории лесостепного юга Западной Сибири. Сегодня не вызывает сомнения, что ирменское население сыграло значительную роль в культурно-исторических и демографических процессах эпохи поздней бронзы, да и последующих эпох. Весьма вероятно, что отдельные традиции, существовавшие в ирменское время, нашли продолжение в последующие исторические периоды и, возможно, могли «дожить» и до этнографической современности. Это ещё предстоит выяснить специалистам. Однако в процессе изучения ирменских памятников учёные уже обращались к этнографическим материалам. В основном этнографические параллели использовались специалистами для реконструкции хозяйства, мировоззрения и половозрастной структуры ирменского общества.

Хозяйство. Достаточно активно этнографические параллели при изучении археологических материалов использовал М.П. Грязнов, который в 1920-х – первой половине 1950-х гг. исследовал ряд ирменских (карасукских, по его мнению) поселенческих и погребальных памятников. Это объясняется тем, что М.П. Грязнов во многом развивал идеи своего учителя С.А. Теплоухова, считавшего свои исследования палеоэтнологическими (Теплоухов, 1929: 41). В частности, важные наблюдения были сделаны М.П. Грязновым в начале 1950-х гг., при исследовании поселения Ирмень-1 и могильника Ордынское-1. Они отражены в научных отчётах (Грязнов, 1952; 1953; 1954) и, частично в последующих публикациях (Грязнов, 1956а; 1956б; 1960). Наряду с

важными археологическими наблюдениями, исследователем были сделаны и ценные этнографические выводы, связанные с хозяйственной деятельностью, религиозными и общемировоззренческими представлениями местного населения.

В частности, хозяйство «ирменцев» М.П. Грязнов интерпретировал как мотыжное земледелие, доказательством чему, по его мнению, являются находки зернотёрок и тупик из челюстей животных. Ирменскую зернотёрку М.П. Грязнов считал идентичной зернотёркам современных шорцев. Он указывал, что зернотёрки такого типа могли применяться только при мотыжном земледелии, доставлявшем небольшое количество зерна (2-2,5 кг в день) (Грязнов, 1953: 8). Изделия из нижних челюстей животных, которые ранее трактовались как тупики, исследователь, на основании результатов сработанности интерпретировал как трепала, употребляемые для обработки льна и конопли. То есть данные орудия, по его мнению, предназначались для трепания растительного волокна, являясь орудиями не скотоводческого, а земледельческого хозяйства. Из этого М.П. Грязнов сделал вывод о наличии у ирменцев ткачества, базирующегося не только на шерстяном волокне, но и на растительном (Грязнов, 1952: 14-15).

Е.А. Сидоров также привлекал этнографические аналоги при реконструкции ирменского хозяйства. Так анализируя функциональное назначение бронзовых секачей, известных из материалов поселения Милованово-3 и Еловского поселения, исследователь приводит им этнографические параллели, известные с территории Китая и используемые для сбора чумизы, гаоляна и проса. Этнографические параллели привлекаются Е.А. Сидоровым и для зернотёрок, широко известных из материалов ирменских поселений. В качестве аналогий приводятся шорские тёрочки, используемые для перетирания соли. Анализируя систему хранения зерна на ирменских поселениях, Е.А. Сидоров считал, что для этих целей ирменцы использовали хозяйственные ямы, известные на поселении Милованово-3. Кроме археологических параллелей исследователь приводит и этнографические примеры таких зерновых ям, известные у тувинцев, алтайцев, киргизов, казахов, таджиков (Сидоров, 1986: 57-62).

В.В. Бобров, описывая хозяйственную деятельность «ирменцев» Кузнецко-Салаирской горной области, отмечает заметную роль в хозяйственной жизни коневодства. При этом исследователь отмечает, что «...оптимальный скотоводческий комплекс, сформировавшийся у ирменцев существовал долго и отчасти наблюдается в настоящее время в ряде сельских хозяйств центральных районов Кузнецкой котловины» (Бобров, 1992: 32).

А.Б. Шамшин и А.В. Гальченко при изучении хозяйства ирменцев Барнаульско-Бийского Приобья также обращались к этнографическим аналогам. Характеризуя ирменское скотоводство как отгонное, исследователи считают, что районы Алтайского Приобья (особенно в предгорной части), богатые влагой и кормами использовались ирменцами как летние пастбища (Шамшин, Гальченко, 1997: 103).

Мировоззрение. Одним из первых к этнографическим параллелям при характеристике системы мировоззрения ирменского населения обратился М.П. Грязнов. Так исследовав зольник поселения Ирмень-1 М.П. Грязнов интерпретировал его как место, связанное с культом огня и очага, куда, возможно, ставились горшки с приношениями и клались культовые предметы. Среди них М.П. Грязнов выделил лошадиную бабку, на головке которой просверлена пара отверстий, куда были вставлены белокаменные аргилитовые цилиндрические бусы-глазки. По бокам головки, снизу, находилась пара сквозных отверстий, возможно для продевания серёг. М.П. Грязнов интерпретировал такие изделия как *эменгедеры* или *оренконеры*, используемые телеутами, шорцами и кумандинцами Северного Алтая (Грязнов, 1953: 5-6).

Исследователь считал, что антропоморфная лошадиная бабка является памятником домашнего семейного культа родовых предков.

Говоря об орнаментации ирменской посуды, исследователь сделал вывод о том, что узоры, которыми украшалась глиняная посуда, свойственны не только керамическим изделиям, а отражают собой общий стиль орнаментального искусства жителей посёлка. Исследователь предполагает, что подобного же стиля узорами украшали и другие изделия – кожаные и меховые, может быть берестяные и деревянные. В таком случае, по замечанию исследователя, орнаментация глиняной посуды представляет собой весьма важный этнографический признак (Грязнов, 1953: 9).

Палеодемография и палеосоциология. К этнографическим аналогам при реконструкции палеодемографических и палеосоциологических особенностей ирменского населения одним из первых обратился В.И. Матющенко. Исследователь при реконструкции характера семьи в обществе выделенной им еловско-ирменской культуры характеризовал её как большую патриархальную семью. Структуру такой семьи исследователь реконструировал опираясь на расчёты сделанные в своё время Б.О. Долгих для народов Севера (Матющенко, 1974: 109).

А.В. Матвеев также обращался к этнографическим аналогам при рассмотрении ирменской палеодемографии. На основании тщательного изучения поселенческих материалов Новосибирского Приобья, исследователь пришёл к выводу о сложном (многоядерном) составе ирменской семьи. В качестве этнографического аналога такому сложному объединению А.В. Матвеев видит «большесемейные общины» или «неразделённые семьи» (Матвеев, 1995: 38).

Н.Л. Членова характеризуя погребение женщины с «богатым» инвентарём из кургана № 67 могильника Камышенка, приводит этнографические параллели украшениям, найденным с погребённой. Так бронзовое гвоздевидное украшение, по мнению Н.Л. Членовой, по форме напоминает белуджское украшение «пулдук», вставлявшееся в правое крыло носа. По мнению Н.Л. Членовой это погребение принадлежит молодой женщине среднеазиатского происхождения в свадебном уборе. Подобным погребениям Н.Л. Членова приводит целый ряд этнографических параллелей в культуре нганасан, мордвы и других народов (Членова, 1981: 104-106).

Впоследствии В.В. Бобров и Ю.И. Михайлов на основании анализа распределения женских украшений из могильников ирменской культуры реконструировали женские возрастные группы ирменского населения. В качестве сравнения они достаточно аргументировано использовали данные тувинской этнографии (Бобров, Михайлов, 1992: 70-72; Бобров и др., 1993: 84).

Е.А. Сидоровым при анализе погребально-поминального обряда курганного могильника Милованово-1 были проведены некоторые весьма интересные параллели. Так, например исследователь пришёл к выводу о том, что после погребения умершие некоторое время (1-2 года) находились на открытом воздухе, а деревянное перекрытие возводилось уже после разложения связок. Это объяснялось тем, что душа умершего могла покинуть тело только после разложения мягких тканей. Этнографические параллели этому обычаю исследователь находит у самодийских народов Западной Сибири (селькупов) (Сидоров, 1983: 17-19).

Впоследствии изучением и реконструкцией религиозных, мировоззренческих и палеосоциологических аспектов древнего населения юга Западной Сибири эпохи бронзы занимался Ю.И. Михайлов. Привлекая археологические и палеоэтнографические параллели (преимущественно античные), а также данные мифологии Ю.И. Михайлов сделал вывод, что социальная структура «ирменцев», так же как и «андроновцев», определялась не родовыми, а общинными связями на основе

территориально-производственной структуры. В этой связи Ю.И. Михайлов предполагает трёхчастную структуру ирменского общества, находящую, по его мнению, соответствия в различных культурах Евразии (Михайлов, 1999: 12-15; 2001a: 334-341; 2001b: 157-224).

Таким образом, за более чем полувековую историю изучения ирменской культурно-исторической общности этнографические параллели привлекались специалистами достаточно редко. Этнографические параллели использовались для объяснения функционального назначения зафиксированных артефактов, поселенческих, хозяйственных и погребально-поминальных объектов, а также для реконструкции бытового уклада, общества и обрядовой стороны жизни. Специалистами преимущественно привлекались данные этнографии самодийских и тюркоязычных народов Северной и Центральной Азии. Реже привлекались этнографические материалы индоевропейских народов. На наш взгляд, привлечение данных этнографии для целей реконструкции отдельных аспектов жизни древних народов оправдано, так как наряду с данными других наук (древней истории, культурологии, лингвистики и т.п.) способствует переходу от изучения истории вещей к истории древних народов и культур.

Список источников и литературы

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дисс. докт. ист. наук в форме научного доклада. - Новосибирск, 1992. - 41 с.

Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Половозрастная структура ирменского общества (по материалам головного убора) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. - С. 70-72.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. - Новосибирск: Наука, 1993. - 157 с.

Грязнов М. П. Отчёт Новосибирской экспедиции об археологических работах в 1954 году в зоне затопления Новосибирской ГЭС // Архив ИА РАН. Р. I, № 1059. - Ленинград, 1954.

Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Обской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: подсекция археологии, этнографии и антропологии. -Иркутск, 1960. - С. 22-24.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. - М.; Л., 1956а. - 160 с. – (МИА; вып. 48).

Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. - М., 1956б. - № 64. - С. 27-42.

Грязнов М.П. Отчёт об археологических работах Новосибирской экспедиции института истории материальной культуры Академии наук СССР за 1952 год // Архив ИА РАН. Р. I, № 728. Ленинград, 1952.

Грязнов М.П. Отчёт об археологических работах Новосибирской экспедиции в зоне затопления Новосибирской ГЭС в 1953 году // Архив ИА РАН. Р. I, № 920. - Ленинград, 1953.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М.: Наука, 1981. -279 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. - М.: Наука, 1984. – 243с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. - М.: Ладога, 2003. - 352 с.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. – Фрунзе: Илим, 1990. – 96 с.

Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения (по материалам поселений) // Археология вчера, сегодня, завтра: межвуз. сб. науч. тр. - Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1995. - С. 25-41.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. - Томск, 1974. - Вып.12. - 196 с.

Михайлов Ю.И. К проблеме исследования коммуникативной символики каменных стел и изваяний в контексте палеосоциологического анализа комплексов эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Наука, 2001а. - Т. VII. - С. 334-341.

Михайлов Ю.И. Коллективные погребения и идеологические аспекты погребальной обрядности населения ирменской культуры // Краеведение Сибири: История и современные проблемы. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. - С. 12-15.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001б. - 363 с.

Сидоров Е.А. Некоторые самодийские параллели в ирменском погребальном обряде // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. - Омск, 1983. - С. 17-19.

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. - Новосибирск: Наука, 1986. - С. 54-66.

Теплоухов С.В. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. - Л., 1929. - Т. 4. - Вып. 2. - С. 41-61.

Чиндина Л.А. Молчановский могильник «Релка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. - Томск: Изд. Томского пединститута, 1969. - С. 183-184.

Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа // КСИА. - М., 1981. - № 167. - С. 100-108.

Шамшин, А.Б., Гальченко А.В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории республики Алтай. - Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. - С. 90-117.

Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). - Екатеринбург: УРО РАН. - 1993. - 38 с.

Е.В. Ковычев, А.А. Номоконов

Россия, Чита, Забайкальский государственный университет

МОГИЛЬНИК УНДУГУН: ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Abstract

The articles presents inventories of items from the Medieval burial Undugun which defines the culture of the forest-steppe tribes of Zabaikal'e. According to the author of the article, these inventories were used later to define the identities who came later to the region - «horse-riding evenks» and Eastern Buryats, - possible descendants of the Merkit tribes, defeated in the early XIII century.

Средневековый могильник Ундугун, включавший в свой состав 18 погребений, был открыт И.И. Кирилловым и Е.В.Ковычевым в 1974 г. Тогда же были раскопаны девять погребений и на основе полученных материалов выделена новая археологическая культура - ундугунская, датированная XII-XV вв. - временем

господства в Забайкалье древних монголов. В 2001 году памятник был повторно осмотрен Е.В. Ковычевым и выяснилось, что большая часть площади могильника разрушена загоном для скота и проведенной вокруг него противопожарной опашкой. Четыре сохранившихся погребения, в тот же год, были исследованы Е.В. Ковычевым. Ниже мы представляем обобщенную характеристику всех раскопанных погребений и материалов из них.

Могильник Ундугун располагается на северном берегу озера Ундугун, в 12 км к северо-западу от с.Беклемишево, Читинского района Забайкальского края. Общая площадь его около 1300 м². Он занимает высокую прибрежную террасу одного из склонов горы, выходящих к озеру. Высота террасы, на которой расположен могильник, равна 10 - 12 м.

На поверхности погребения были выражены каменными уплощенными выкладками овальной (7 погр.), округлой (4 погр.) и вытянуто-овальной (2 погр.) формы. Некоторые выкладки (погр. №№ 6, 8, 10, 13) имели в центре свободные от камней пространства, что придавало им кольцевидную форму. Они состояли из мелких, средних и крупных по размерам камней, уложенных, в один слой. При этом в трех случаях камни выкладок были уложены плотно по отношению друг к другу; в пяти случаях выкладки были разряжены; и в пяти случаях разряжены наполовину. Могильные ямы имели подпрямоугольную форму, с округленными краями и достигали глубины 60 - 125 см. В семи случаях они были вытянуты по линии ССВ-ЮЮЗ (погр. №№ 1-5, 9 и 10); в пяти по линии С-Ю (погр. №№ 6-8, 11 и 12); и только в одном случае по линии СВ-ЮЗ (погр. № 13). Во всех погребениях, в заполнении могильных ям встречались древесные угольки - остатки поминальных очажков.

Внутримогильные конструкции представлены лиственничными колодами, как правило, простой формы (погр. №№ 2-4, 6, 8-11); но были колоды, напоминающие внешне лодки-долбленки (погр. №№ 1, 5, 7 и 13). В погребение № 12 умерший был похоронен прямо в земле. По погребению №11 можно видеть, что колоды изготавливались из толстых лиственничных бревен, диаметром не менее 120 см, расколотых повдоль (размер колоды 60х260 см). Борта ее были дополнительно подработаны и имели почти прямые стенки, с округлением в нижней части. Дно колоды было уплощено. Глубина ее во внутренней части – 26-27см; толщина стенок и дна 4см. Концы колоды были округлены и имели утолщение до 25-27см, причем в нижней (южной) части, имелся фигурный вырез с обеих сторон, сделанный под прямым углом.

Размеры колод варьировали в пределах от 35х200 до 60х260 см. Колоды-лодки также изготавливались из половины ствола дерева. В погребении № 7 была найдена колода-лодка, длина которой составляла 235 см, а ширина 38-40 см. Она имела расширенную «корму» овальной формы, с коротким обрубленным выступом; чуть сужающиеся к носу невысокие борта (высота во внутренней части 30-35 см) и приостренный, задраный кверху нос. В носовой части изнутри, была выдолблена глубокая ниша (не менее 30 см). Поэтому, данная часть колоды напоминала нос современной байдарки, с внутренним отсеком и приострением к концу. Размеры других колод-лодок колебались в пределах от 30х185 до 40х255 см. На некоторых колодах и колодах-лодках фиксировались следы обжига, что, вероятно, свидетельствовало о способе их изготовления. Внутренняя поверхность таких колод, скорее всего, подвергалась не только обработке теслом или стругом, но и выжигалась, - особенно в местах расположения сучков (Кириллов, 1983: 125).

Анатомическое положение костяков в большинстве погребений было нарушено. Некоторые скелеты, очевидно, были смещены со своего первоначального места грабителями. Не правильную анатомию других, можно объяснить особенностями

погребального обряда, который предусматривал вторичные захоронения. Свидетельством этому могут служить кости, на которых зафиксированы следы зубов хищных животных, сделанные до их помещения в могилу. В погребении № 7 костяк отсутствовал полностью: погребение, скорее всего, являлось кенотафом. В хорошем состоянии оказался только костяк в погребении № 3. Умерший был похоронен на спине, в вытянутом положении; кисти рук помещены на таз, а ноги сведены в коленях. Головой он был ориентирован на ССВ, при этом лицевая часть обращена на запад. В погребении № 13 умерший также был погребен на спине в вытянутом положении, ноги были сведены в коленях, а кисти рук зафиксированы на тазовых костях. Такое положение ног, скорее всего, свидетельствовало о том, что они были связаны перед помещением тела в могилу. Подобный случай был зафиксирован нами в 2006 г. на могильнике Новотроицк-III, в погребении № 7, где ноги погребенного также были сведены в коленях (Ковычев и др., 2012: 372). Зато в погребении № 6 умерший располагался на спине с вытянутыми ногами, но положение кистей рук было нарушено, а голова отсутствовала вовсе (как и в погребении № 1). В погребении № 5, наоборот, - от умершего сохранился только раздавленный череп, выше которого располагались шесть небольших камней, заполнявших внутреннее пространство колоды-лодки.

В шести случаях в погребениях зафиксированы стоящие в вертикальном положении жертвенные берцовые кости молодых овец или коз (до 1,5 лет). Исследователи считают, что они использовались не только в качестве жертвенной пищи для умерших, но и служили посмертным вместилищем души покойного и местом концентрации его жизненной силы («сулдэ»). В погребениях №№ 1, 3 и 6 жертвенные кости располагались с правой стороны от умершего, в центральной части колоды, но за ее пределами. При этом, во всех трех погребениях они находились в берестяных туесках. Это свидетельствовало, видимо, о помещении в могилу не только стегна ноги животного, но и отвара мясного бульона. В погребениях №№ 4 и 9 жертвенные кости располагались также за пределами колоды, но уже с левой стороны. И только в погребении № 7 жертвенная кость была обнаружена в северной части колоды-лодки. Основные данные по погребальному обряду приведены нами в таблице №1.

Погребальный инвентарь могильника представлен изделиями из железа, бронзы и кости. При этом функциональное назначение находок разнообразно. Традиционно их можно поделить на четыре большие группы: предметы вооружения и охоты, принадлежности снаряжения коня, предметы быта и украшения.

К предметам вооружения и охоты относятся луки, наконечники стрел и колчаны. К сожалению, фрагменты накладок на сложносоставной лук зафиксированы только в погребении № 10. И.И.Кириллов предполагал, поэтому, что ундугунские луки конструктивно были близки лукам «тунгусского типа», которые обычно готовились из двух пластин ели и березы или лиственницы и кедра, а потому не сохранились в погребениях (1983: 126). Количество наконечников стрел в погребениях было разным и колебалось от четырех до девяти. Всего обнаружено 45 наконечников стрел, из которых 20 железных, а 25 костяных. Все они различаются по форме и сечению пера и имеют разное функциональное назначение. Среди них имеются черешковые и втульчатые, которые по сечению пера можно разделить на плоские, линзовидные ромбические и четырехгранные, а по форме пера - на ассиметрично-ромбические, листовидные, пламевидные и трапециевидные. Железные наконечники имеют костяные свистунки, размерами от 2,8 до 6,1 см, с четырьмя подтреугольными отверстиями. Один из втульчатых наконечников относится к типу комбинированных. У него удлиненное (6,3 см) перо, грани которого плавно переходят в свистунку, имеющую четыре подтреугольных отверстия и вставленный вовнутрь плоский костяной насад, размером 4,3 см. Многие типы наконечников аналогичны наконечникам, распространенным в

монгольское время на территории Центральной Азии и Южной Сибири. При этом, костяные наконечники в это время встречаются на территории Забайкалья, преимущественно в памятниках ундугунской культуры (Кириллов, 1983: 128).

Таблица 1

Следы погребальной практики по материалам могильника Ундугун

№ пп погр.	Формы кладки	Внутримог. конструкция			Жертвенная кость		Ориентация могильной ямы и умершего	Положение скелета	Глубина М/Я (см)
		колода	колода-лодка	без констр.	От умершего				
					справа	слева			
1	Овальная	-	+	-	По центру	-	По линии север-северо-восток – юг-юго-запад	Не в анатомическом положении, череп отсутствует	105
2	Округлая	+	-	-	-	-	По линии север-северо-восток – юг-юго-запад	Не в анатомическом положении	95
3	Овальная	+	-	-	По центру	-	Головой на север-северо-восток	В вытянутом положении на спине, ноги сведены вместе, кисти рук помещены на таз	75
4	Вытянуто-овальная	+	-	-	-	По центру	Головой на север-северо-восток	Большая часть костей перемешана	75
5	Вытянуто-овальная	-	+	-	-	-	По линии север-северо-восток – юг-юго-запад	Сохранился только раздавленный череп	60
6	Округлая кольцевидная	+	-	-	В верхней части	-	Ориентир. на север	Анатомия не нарушена, кроме костей рук и отсутствующего черепа	60
7	Овальная	-	+	-	В северной части		По линии север-юг	Кенотаф	?
8	Овальная кольцевидная	+	-	-	-	-	По линии север-юг	Не в анатомической последовательности	70
9	Овальная	+	-	-	-	По центру	По линии север-северо-восток – юг-юго-запад	Не в анатомической последовательности	60
10	Округлая кольцевидная	+	-	-	-	-	По линии север-северо-восток – юг-юго-запад	Не в анатомической последовательности	105
11	Овальная	+	-	-	-	-	По линии север-юг	Не в анатомической последовательности	105
12	Округлая	-	-	+	-	-	По линии север-юг	Не в анатомической последовательности	100
13	Округлая кольцевидная	-	+	-	-	-	Головой на северо-восток	Анатомия не нарушена, смещены только лучевые кости	125

Наконечники стрел хранились в берестяных колчанах, которые изготавливались из слоя бересты, закрученного рукавом. Некоторые колчаны были укреплены по краям накладными орнаментированными пластинами, изготовленными из кости. Колчаны носились на поясе при помощи железных крюков двух видов – щитковых и проволочных. Стрелы в колчанах хранились наконечниками вверх, а для заточки их использовались напильники, найденные в погребениях №№ 1, 2, 6 и 10.

Таблица 2

Погребальный инвентарь могильника Ундугун

№ п/п погреб.	Наконечники стрел		Изделия из железа	Изделия из бронзы	Изделия из кости
	железные	костяные			
1	3	4	Колчаный крюк, фрагмент напильника, удила, крючок	–	Острие из рога козули
2	–	–	Удила, фрагмент напильника, фрагменты железа	–	–
3	–	4	Фрагменты железа	–	Две поделки подпрямоугольной формы, костяной стержень с отверстием на ручке, шиловидное изделие
4	1	4	Удила, пластина	–	Подвеска
5	–	–	Кресало	–	–
6	4	2	Стремя, удила, пластинки с заклепками, колчаный крюк, скобы, фрагменты напильника, пластина с остатками золотой инкрустации	Две фигурные бляшки, изделия из тонкого листа бронзы (2 шт.), браслет	Орнаментированные накладные пластинки
7	–	–	Два пробоя, фрагмент ножа (?), фрагменты ножниц	Зеркало	–
8	4	2	Четыре пробоя, стремяна, скоба, накладная пластина	Орнаментированная пластина	Резные накладки, шиловидное изделие, плоское кольцо с отверстием, обоймицы, костяная язычковая пряжка, два орнаментированных тренчика, поделка
9	–	–	Крючок, фрагменты ножниц	Круглая орнаментированная бляшка	–
10	5	3	Удила, пряжка, фрагмент кольца, напильник, нож	Орнаментированная поделка из тонкого листа, три «шумящих» подвески	Пряжка, фрагменты накладок на лук
11	3	6	Удила, фрагменты ножа	Полоски бронзы и «шумящие» подвески	Две бляшки
12	–	–	Язычок от пряжки, фрагмент ножа	–	–
13	–	–	Ножницы	Фрагмент серьги	–

К предметам конского снаряжения относятся удила, стремяна, торока и пряжки от ремней. В шести погребениях (№№ 1, 2, 4, 6, 10 и 11) найдены удила. Они двусоставные, с равными грызлами и кольчатыми псалиями. В погребениях №№ 6 и 8 найдены железные стремяна с широкой подножкой, арочными дужками и прямоугольной петлей. В погребениях №№ 7 и 8 зафиксированы железные торока –

кольца округлой формы с продетыми через них пробоями, крепившиеся к седлу. Ременные пряжки и накладки, принадлежащие снаряжению коня, представлены разными формами и размерами и выполнены из кости, бронзы и железа.

Среди предметов быта и украшений следует отметить железные однолезвийные ножи, фрагменты ножниц, шиловидное изделие с отверстием, предназначенное для продергивания шнурков, а также острия из рога косули. Широко представлены костяные поясные бляхи различных форм и орнаментаций: квадратные и круглые, с овальной петелькой-дужкой, бляшки-обоймицы без петель, и т.д. Одна такая бляха была, очевидно, изготовлена из ребра крупного животного, имела прямоугольную форму с овальными ушками и подвижным язычком-замком. Бляха была орнаментирована квадратными розетками, в центре которых помещались узоры, похожие на цветки с четырьмя лепестками, а по краям шли треугольники с квадратной штриховкой внутри. В погребении №7 было найдено бронзовое зеркало диаметром 8 см, с шишечкой-петлей на обратной стороне. Орнамент зеркала не четкий и размытый. По мнению И.И. Кириллова, на нем изображены цветки водяного каштана и мальвы, а также слабо различимые фигурки сышен – божеств четырех стран света (1983: 135). В погребениях № 10 и № 11 обнаружены «шумящие» подвески; в погребении № 6 - бронзовый браслет, а в погребении № 13 фрагмент бронзовой серьги. Обобщенные данные по вещевому комплексу из ундугунских погребений показаны в таблице №2.

Материалы могильника Ундугун позволяют говорить о том, что население оставившее данный памятник, впитало в себя многие элементы предшествующих культур этого региона, заложив основу материальной и духовной культуры более поздних забайкальских народов, среди которых, несомненно, были племена «конных эвенков», а может быть и восточных бурят, - потомков, разгромленных Чингизханом меркитов.

Список источников и литературы

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 123-138.

Ковычев Е.В., Номоконов А.А. Могильник «лесных монголов» у села Новотроицк // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. - Вып. 3. - Т 2. – С. 368-374.

М.А. Корусенко¹, А.В. Полеводов²

Россия, Омск, ¹филиал Института археологии и этнографии СО РАН, государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Комплексный научно-исследовательский отдел региональных проблем Омского научного центра СО РАН;

²Национальный археологический и природный парк «Батаково»

НЕКРОСФЕРА РИТУАЛА: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ³

Abstract

This article introduces the notion “the ritual necrosphere”. The article discusses the research of burial rites and mounds in ethnography and the traces of burial practices in the studies of burial memorials in archeology. The following elements in the structure of the notion are singled out: action, rite, ritual, tradition. The article considers the heuristic possibilities of the notion “the ritual necrosphere” for building the conceptual framework of the integrated archeological – ethnographical studies.

Настоящая работа продолжает серию публикаций авторов, посвященную становлению понятийного аппарата археолого-этнографических реконструкций (см.

Корусенко, Полеводов 2010а, 2010б, 2011, 2012а, 2012б). На XV Западно-сибирском археолого-этнографическом совещании, в г. Томске, нами была высказана мысль о неправомерности использования понятия «погребальный обряд» применительно к археологическим исследованиям погребальных памятников. Авторы согласны с точкой зрения В.С. Ольховского в том, что в связи с использованием этого понятия применительно к археологии происходит опасная подмена исследуемых объектов и искажение реконструкций стоящих за ними явлений. Не редко исследователи вообще отождествляют погребальный обряд и погребальный памятник. По определению нашего коллеги «...обряд трактуется как процесс, а погребение (погребальный памятник) – как результат данного процесса». И далее «...погребальный обряд по определению не может полностью отразиться в своём результате – погребении, а тем более погребальном памятнике, повреждённом многовековым процессом естественного разрушения; изучение погребального памятника далеко не равнозначно изучению погребальной обрядности...» (Ольховский, 1993: 87-88). Как нам представляется, значительно уместнее при исследовании археологического контекста, по крайней мере, при первичном анализе материалов, употреблять термины «погребальная практика, следы погребальной практики». К сожалению, инерция традиции некорректного употребления термина «погребальный обряд» применительно к исследованиям погребальных памятников продолжается и в XXI веке

И если в рамках отдельных дисциплин возможна постепенная адаптация терминологии к задачам, решаемыми ими, то для комплексных археолого-этнографических исследований недифференцированность терминологии изначально недопустима. Что бы преодолеть обозначенную коллизию, нами предложено вместо понятия «погребальный обряд» использовать нейтральное по смыслу (не связанное с принятыми в обеих дисциплинах интерпретациями терминов) понятие «**некросфера**» (Корусенко, Полеводов, 2010а: 425).

Некросфера, в нашем понимании включает все проявления контактов мира живых с миром мёртвых. Новое понятие, с нашей точки зрения, позволяет уверенно манипулировать как вещественными комплексами и их остатками, так и ритуалами и элементами мировоззрения, и что самое главное, позволяет интегрировать источники базы обеих наук в единое исследовательское поле.

Некросфера совокупно с «витасферой» (витальным пространством, пространством живых, миром бытия) в рамках предлагаемой концепции рассматриваются как универсалии, отражающие актуальное состояние традиционной культуры в социокультурном контексте. Под последним мы понимаем конкретные хронологический и пространственный локус, в котором происходит/происходила жизнедеятельность некоего человеческого коллектива. В общем случае это социокультурная или историко-культурная общность, в частном, например, при работе с этнографическими материалами – этнокультурная общность.

Некросферу мы представляем в виде некой системы, частями, структурными элементами которой являются: *некросфера пространства, некросфера вещи, некросфера ритуала*

С нашей точки зрения и некросфера пространства, и некросфера вещи – структурные элементы одного таксономического уровня, связанные с объектной реальностью, а некросфера ритуала – структура, включающая и этот уровень и более высокий, за пределами объектного/материального мира, связанный с нематериальными элементами традиционной культуры в области контактов между реальным и потусторонним миром (Корусенко, Полеводов, 2010а: 425-426; 2012а: 141).

Дальнейшие размышления привели нас к мысли, что каждый из упомянутых элементов в свою очередь включает два уровня – мировоззренческий и практический.

Их мы описали в виде бинарной структуры типа «некротфера пространства-пространство некротферы», «некротфера вещи-вещи некротферы», «некротфера ритуала-ритуалы некротферы». Кроме того были даны определения субъекта/объекта некротферы, введено понятие их «движения», в первом приближении охарактеризованы понятия «некротфера пространства» и «некротфера вещи» (Корусенко, Полеводов, 2011а; 2011б, 2012а).

Обращаясь к системе «некротфера ритуала-ритуалы некротферы», отметим необходимость соотнесения их с уже существующим в отечественной этнографии и археологии понятийным аппаратом. Наиболее близким по содержанию (но не тождественным) представляется широко используемое в этнографии и религиоведении понятие «культ», в значениях «культ предков», «погребальный культ». В нём так же фигурируют такие категории как вещи («...ритуальные предметы...») и пространство («... места, где совершаются обряды...») (Басилов, Тульцева, 1993: 113). В нашем понимании «некротфера ритуала», не только понятие, характеризующее систему мировоззренческих установок и связанных с ними объектов и действий в обрядовой сфере, но и важная часть теоретического аппарата интегрированных археолого-этнографических исследований, направленного на оперирование источниковыми базами обеих наук.

В общем плане, равнозначном для вита- и некротферы, можно констатировать, что ритуал – это структура (система), основанная на представлениях (мире идей) в частности - традиционного мировоззрения, включающая в себя объекты (предметы, субстанции, явления) материального мира, размещающая их в пространстве, в процессе достижения некоей цели. Включение и размещение осуществляется в форме действий (обычаев, обрядов), осуществляемых людьми (субъектами витасферы/некротферы) при реализации мировоззренческих установок.

В таком случае, понятие «некротфера ритуала» характеризует ту часть традиционного мировоззрения, которая определяет порядок взаимоотношений живых и мёртвых, объектов и субъектов некротферы, и порождённые этим взаимодействием реальные действия, процедуры, ситуации. Фактически – это общая картина взаимодействия вита- и некротферы на уровне универсалий традиционного мировоззрения, а его конкретные формы воплощаются «ритуалами некротферы». Соответственно понятие «некротфера ритуала» более широкое, нежели «обряд» (и конкретно - погребальный обряд), в содержательном и семантическом плане. Термин «погребальный обряд» в нашем понимании близок к понятию «ритуалы некротферы».

Как мы уже заметили, ритуалы некротферы - это формы реализации (объективации) мировоззренческих установок, присущие конкретным социокультурным (и в, частности, этнокультурным) общностям, которые направлены на обеспечение взаимодействия, взаимоотношения живых-умершего, живых-вещей некротферы-умершего, умершего и вещей некротферы в пространстве некротферы.

Ритуалы некротферы являют собой совокупность действий, обычаев, обрядов. Детальные попытки представить иерархию последних в качестве структурных элементов «погребального обряда» в рамках археологических реконструкций предприняты В.И. Мельником (1990), В.С. Ольховским (1993). В предлагаемом нами контексте действие рассматривается как базовый структурный элемент ритуала, материализованная (чаще всего) форма реализации контактов с некротферой. Оно может быть так же ирреальным или символическим (самый простой пример - молитва). По пространственно-временным характеристикам действие - дискретное, разовое, но может быть повторяющимся. Действие является элементом обряда, обычая, а так же составляет в некоторых случаях обычай целиком.

В этой же связи обычай понимается нами как некая последовательность действий, ориентированных на достижение практического результата, смысл произведённых действий/действия, чаще всего не требует объяснений, как правило, ему/им присуща апелляция к традиции. Обряд, в таком случае, это система действий (включая обычаи), состав и последовательность которых задана и регламентируется мировоззрением, точнее - актуальной версией мировоззрения, проявляющейся в виде традиции, присущей конкретной социокультурной общности. Из-за этого он (обряд) – сложная структура, как следствие допускающая наличие вариантов, девиаций и модификаций.

Мы представляем, что главная цель *некросферы ритуала* – упорядочивание «хаоса» инобытия, поддержание его в стабильном, понятном, объяснимом для живых состоянии. Для того, что бы этот «хаос» не прорвался в мир витасферы (реальный, бытие), что бы он пребывал в управляемом состоянии и не угрожал благополучному существованию общины живых и её воспроизводству. Для сохранения «динамического равновесия» между вита- и некросферой, определены задачи, которые реализуются с помощью *ритуалов некросферы* - обеспечение благополучного, безопасного «перехода» умерших из витасферы в некросферу; наделение умершего новым статусом (в некросфере) и его оформление; нормализация «пространства живых» после контактов с некросферой и обеспечение дальнейшего эффективного взаимодействия с ней.

В рамках конкретной культурной традиции (например, на этнографических материалах, собранных среди тарских татар⁴, Корусенко, 2003: 49-83), систему мировоззренческих конструктов некросферы ритуала, определяющих, формулирующих задачи для ритуалов некросферы можно представить в виде следующей схемы:

1. Взаимодействие мира живых и мира мёртвых до факта появления умершего. Задача на уровне общности людей - эффективное взаимодействие с некросферой из пространства витасферы посредством поминальных и иных ритуалов в общине живых. Задача на уровне субъекта – подготовка к благополучному, безопасному переходу/перемещению в мир мёртвых, к размещению в постоянном пространстве некросферы. Деятельностные аспекты: различные обычаи, обряды в рамках подготовки к смерти (например, подготовка смертного облачения, выбор места погребения); участие в ритуалах погребального и поминального циклов в рамках семейной и календарной обрядности, обращённой к миру предков; обычаи, связанные с контактами живых и умерших, не регламентированные ритуалами;

2. Взаимодействие мира живых и мира мёртвых с момента смерти до завершения действий по погребению умершего представляется в виде более сложного поэтапного процесса. Его суть – обеспечение общиной живых благополучного перехода умершего в потусторонний мир, предотвращение с одной стороны негативного воздействия на живых самой некросферы и, с другой, - возможной трансформации умершего во вредоносную сущность в момент этого перехода.

2.1. Задача - исключение умершего из общины живых. Деятельностные аспекты: ритуальное изменение местоположения умершего, временная его изоляция, охранительные ритуалы в месте ситуативной локализации пространства некросферы (в доме умершего);

2.2. Задача - обеспечение пути и придание необходимых статусов для благополучного размещения в пространстве некросферы. Деятельностные аспекты: ритуальное «преобразование» умершего: обмывание, снабжение всем необходимым - погребальной одеждой, аксессуарами, в некоторых случаях - сопроводительным инвентарем; обеспечение «транспортным средством», приготовление «жилища» умершему в месте постоянной локализации пространства некросферы (кладбище);

2.3. Задача - завершение оформления нового статуса умершего с сохранением некоторых прижизненных. Деятельностные аспекты: ритуалы в ходе перемещения умершего и пересечения границ пространств витасферы и некротферы, размещение комплекса «умерший-вещь» (вещи некротферы) в постоянном пространстве некротферы (кладбище), в том числе завершение надмогильного сооружения и придание ему формы, контакты с умершим на месте упокоения, как с новым предком, сразу после совершения захоронения;

2.4. Задача – «нормализация» пространств витасферы и некротферы после удаления умершего из поселения живых и размещения его в месте постоянной локализации. Деятельностные аспекты: охранительные ритуалы во время подготовки «жилища» умершего, в момент ожидания умершего, в момент и после погребения; очистительные ритуалы в поселении живых (витасфере) после отправки умершего на кладбище, по возвращении с кладбища;

3 (1). Взаимодействие мира живых и мира мёртвых после исключения умершего из общины живых. Задача - эффективное взаимодействие с некротферой из пространства витасферы посредством поминальных и иных ритуалов в общине живых, для закрепления за умершим новоприобретённого статуса, благожелательного отношения умершего и предков в целом, к общине живых. Деятельностные аспекты: ритуалы в рамках поминального цикла, далее, в рамках календарной обрядности, обычаи, связанные с контактами живых и умерших, не регламентированные ритуалами.

Эта схема взаимодействия элементов мировоззрения, субъектов, объектов (вещей некротферы) во времени и пространстве в рамках ритуала некротферы, показывает сложность прямой трансляции реалий, фиксируемых в этнографии, на археологические материалы. Мысль достаточно тривиальная, и не единожды высказанная. Она очевидна для исследователей, выходящих на уровень исторических реконструкций.

Тем не менее, мы полагаем, что концепция некротферы, рассматривающая комплекс этнографических обрядов по переводу из мира реального в мир потусторонний как систему, объединяющую пространство, вещи, субъектов и их действия, вкупе с элементами мировоззренческого порядка, позволяет выявлять системные связи и отношения внутри этой структуры. Как известно, археология в рамках исследования погребальной практики оперирует сходным набором структурных элементов - предметами и объектами, включая останки умерших в рамках пространства погребального комплекса (погребения, могильника), то есть, по меньшей мере, частью элементов системы, рассматриваемой нами в рамках некротферы.

Априори мы предполагаем, что эти материалы представляют собой «обрывки», остатки, фрагменты тождественной системы, со сходной структурой и отношениями между элементами (объектами, вещами, пространством). Эта тождественность позволяет нам надеяться на возможность прямой экстраполяции устанавливаемых (в рамках некротферы) системных связей и отношений для интерпретации археологических материалов, с целью реконструкции (или же в исключительных случаях, конструирования недостающих элементов) в изучаемом фрагменте исторической действительности.

Ещё раз подчеркнём, что для получения достоверных результатов таких реконструкций нужен соответствующий понятийный аппарат, одинаково «понятный» для научного инструментария обеих наук.

Мы надеемся, что эта, как и наши предшествующие работы, дадут толчок, направление для таких разработок.

Примечания

³ Исследование подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» 2012-2014 гг., направление 3. «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект "Некротифа традиционной культуры: пространство, вещь, ритуал (по данным археологии и этнографии)".

⁴ Этническое подразделение тюркоязычной общности обобщенно именуемой западно-сибирскими (сибирскими) татарами. В настоящее время тарские татары расселены в Муромцевском, Большереченском, Тарском и, частично, в Знаменском и Колосовском районах Омской области.

Список источников и литературы

Басилов В.Н., Тульцева Л.А. Культ (религиозный) // Религиоведческий словарь: Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. - М., 1993. - Вып. 5. - С. 113-114.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII – XX вв. (опыт анализа структуры и содержания). - Новосибирск, 2003. – 197 с. - (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; т.7).

Корусенко М.А. Полеводов А.В. К структуре понятия «некротифа»: некротифа пространства // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научн. тр. – Казань. Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд.дом «Наука», 2010б. – Ч. 1. – С. 25-27.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. Заметки об этноархеологическом источнике: научном феномене или научном мифе? // VIII исторические чтения памяти М.П. Грязнова: сб. научн. тр. – Омск: Амфора, 2012б. – С. 122-129.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. К разработке понятийного аппарата археолого-этнографических реконструкций и сопоставлений // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа: матер. науч.-практич. конф. «Ямальские гуманитарные чтения». – Вып. № 1 (70). – Салехард, 2011. – С. 116-121.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. Некротифа вещи: к содержанию понятия // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2012а. – С. 140-143.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. Этноархеологический подход к исследованию погребального обряда: к вопросу создания адекватного понятийного аппарата (теоретический этюд) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: матер. XV Международ. Западно-Сибирск. арх.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2010а. – С. 425-426.

Мельник В.И. Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. - 1990. - Вып. 201. - С. 73-77.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. - 1993. - №1. - С. 78-93.

М.А. Корусенко¹, С.С. Тихонов²

*Россия, Омск, ^{1,2}филиал Института археологии и этнографии СО РАН, ¹Омский
Научный центр СО РАН*

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

Abstract

In this work, the authors discuss the state of the art of modern Russian ethnoarcheology. After analyzing ethnoarchaeological publications, the authors conclude that Russian scientists have several different interpretations of the field. Some see it as scientific research which use archaeological and ethnographic materials; others as a subdiscipline of archeology or that of ethnology. There are at least four main trajectories of research which can be called ethnoarcheology: ethno-archaeological comparisons, classical ethnoarcheology, the study of ethnoarchaeological complexes, and experimental archeology. It is shown that there is a similar diversity in methods among Russian scientists.

Сразу скажем, что этноархеологические исследования не стали приоритетными для большинства российских ученых. Наиболее интенсивно в России проблемами этноархеологии занимается группа ученых Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, руководимая профессором Н.А. Томиловым. В неё вошли как археологи, так и этнографы. С 1991 года они изучают целенаправленно этнографию сибирских татар и русских сибиряков и археологические памятники их возможных исторических предков. Группа ежегодно организует и проводит симпозиумы «Интеграция археологических и этнографических исследований» (всего с 1995 г. проведено 19 форумов в Омске, Новосибирске, Уфе, Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске, Нальчике, Владивостоке и других городах России, а также на Украине (Одесса), и в Казахстане (Алматы). Этот же исследовательский коллектив издает научную серию «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума». Всего в свет вышло 12 томов. Группа сотрудничает с коллегами из многих городов России, и некоторыми зарубежными учеными. Специалисты, входящие в эту группу, единственные, кто читает в России курс «Введение в этноархеологию» для студентов археологов и этнографов. К курсу подготовлено учебное пособие (Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А., 2003). В программах других высших учебных заведений чтение такой дисциплины не предусмотрено.

Полагаем, что в России вокруг этой группы складывается распределенный коллектив исследователей, которые все чаще обращают внимание на вопросы этноархеологии.

В России этноархеологию ученые понимают по-разному, что по нашему мнению, отражает процесс институционального становления направления:

- как особое направление научных исследований с использованием археологических и этнографических материалов;
- как субдисциплину археологии;
- как субдисциплину этнологии.

Время от времени в печати и на научных форумах появляются высказывания по этой проблеме. Мы же полагаем, что этноархеология — научная дисциплина складывающаяся на стыке археологии и этнографии, с помощью которой можно решать проблемы изучения истории и культуры общества, используя материалы, методы, методологии ряда наук. Объектом изучения этноархеологии в понимании группы омских исследователей, являются социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми и реконструируемыми путём интеграции археологических и этнографических данных и знаний. Предмет этноархеологии в связи с этим — свойства этих систем отражать историческую действительность и процессы,

свойства сопряжения этих явлений в одну систему, позволяющие конструировать и реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи, соотношения с другими системами (Томилов, 2002: 16). Если говорить о практических работах, то, вероятно, этноархеолог может изучать любой феномен прошлого, опираясь по преимуществу археологические данные, и используя интегрированные методики археологических и этнографических исследований.

Вероятно, в таком случае к этноархеологии надо относить разноплановые исследования, связанные как с изучением источников, так и с использованием методик этих двух наук. Практическое воплощение целого спектра подходов можно пояснить следующими примерами и отсылками к группам исследователей их использующих.

I. Сопоставления данных археологии и этнографии - самый простой и широко используемый метод, причем неважно, что для их получения использованы разные способы. Это делали и делают многие российские исследователи, сравнивая данные, полученные, например, на средневековых памятниках предполагаемых предков татар, манси, селькупов, хантов, эвенков и других народов Сибири и Дальнего Востока, с материалами по культуре этих же народов конца XIX — начала XX веков, когда они, и это принимается как бесспорная данность, еще в значительной части сохраняли свою традиционную культуру. Возможность такого сопоставления базируется на мнимой аксиоме, что культура рыболовов, охотников, скотоводов тайги Сибири и Дальнего Востока была традиционной, имела в основе стабильную экономику, существовала длительное время практически без изменений. Поэтому некоторые типы современных орудий труда, оружия, орнаменты практически полностью совпадают с материалами, известными по раскопкам.

Более сложный вариант этих сопоставлений — изучение феноменов, которые широко распространены во всем мире. Бесспорно установлено, что система путей сообщения, особенно в удаленных и труднодоступных районах, сохраняет свои основные черты в течение нескольких сотен лет, а современные трансрегиональные пути, региональные и местные дороги начинают формироваться, по крайней мере, в эпоху бронзы. К феноменам широкого, универсального характера отнесем демографические характеристики населения, проживавшего в нормальных (без войн и эпидемий) условиях, структуру питания народов, ведущих традиционное хозяйство, их социальную и экономическую структуры, а также системы расселения аборигенов бассейнах больших сибирских рек (Иртыша, Оби, Енисея, Лены). Такой подход используют многие российские ученые, которые, к сожалению, не всегда определяют возможность корректного сопоставления данных археологии и этнографии (допустим, по времени или месту существования феноменов), а также практически не рассматривают достоверность результатов проведенных ими работ.

II. Этноархеология в классическом, бинфордском, понимании. Наиболее активно в этом плане работала группа исследователей под руководством И.Г. Глушкова (Сургут). Среди работ этих ученых следует отметить монографию А.В. Кенига «Этноархеология как метод археологических реконструкций» (2010). В ней автор рассмотрел состояние российской и зарубежной этноархеологии, показал возможности экспериментального моделирования в археологии и создал этноархеологические модели, используя как материалы раскопок поселений, так и материалы этнографии селькупов р. Таз. К сожалению, так плодотворно в этой классической области этноархеологии в России больше никто не работает.

Несколько иной аспект взаимодействия археологических и этнографических данных демонстрирует диссертация С.В. Дудкиной (2005), ещё одного исследователя из группы И.Г. Глушкова. Автор успешно интерпретировала с позиций этноархеологии

феномен использования тканей в погребальных практиках таёжного населения Западной Сибири.

Обратим внимание на тот факт, что исследования в рамках классического подхода возможны там, где есть народы, сохранившие традиционную культуру и уклад жизни. В России эти народы живут в северных таежных и тундровых районах (ханты, манси, северные селькупы, энцы, ненцы, эвенки, коряки, ительмены, чукчи), то есть там, где организация экспедиций и выполнение исследовательских проектов сопряжены с большими трудностями (удаленность и труднодоступность районов, суровые климатические условия и короткий летний период, неразвитая сеть путей сообщения, а иногда и полное ее отсутствие и т.д.). Вероятно, именно поэтому ученые не могут разворачивать в этих районах крупномасштабные полноценные исследования.

III. Экспериментальная археология - направление исследований, объединяющее археологию и этнографию в практическом плане. Фактически это производство реплик инструментов или других предметов труда и быта, создание объектов, существовавших в древности (жилищ, мастерских) и совокупностей объектов (поселение или город), и работа с ними. Многие российские археологи, особенно исследователи каменного века, пробовали свои силы в освоении древних производств (изготовление каменных, бронзовых, железных, костяных орудий труда, предметов быта и работа с ними, лепка глиняной посуды и прочее). От необходимости подробной характеристики сюжета нас избавляет вышедшая в свет в 2008 году монография П.В. Волкова «Феномен Адама. Экспериментальная археология о человеке до Потопа». Ее автор отличный экспериментатор и весьма увлекательно изложил и историю экспериментальной археологии, и ее современное состояние. К его труду добавить можно немного.

В заповеднике Аркаим (Челябинская область) в области экспериментальной археологии много сделал Г.Б. Зданович. Под его руководством был воссоздан фрагмент городища Аркаим начала II тыс. до н.э., создан музей печей (экспериментальных, по материалам раскопок), служивших жителям этого городища. Была сделана в натуральную величину реконструкция кургана Темир раннего железного века, воссоздано культовое место эпохи средневековья, сооружена серия жилищ от эпохи неолита до средневековья.

Необходимо упомянуть блок по экспериментальной археологии в экспозиции под открытым небом в музее-заповеднике «Томская Писаница» (Кемерово). Этот экспозиционный комплекс состоит из серии моделей жилищ археологических культур различных эпох в натуральную величину, создан под руководством А.И. Мартынова.

Интересно работал в области эксперимента по изготовлению и использованию керамики И.Г. Глушков (Сургут) и его коллеги. Они лепили сосуды, вели наблюдения за их использованием и утилизацией, изучали, как керамика распространяется по поселению и т.д. Еще одно направление его исследований — строительство жилищ эпохи бронзы, начатое им в Омской области, и завершённое в Ханты-Мансийском округе. Есть и другие примеры работ наших коллег в этой области.

IV. Изучение этнографо-археологических комплексов народов Сибири — know how коллектива омских исследователей. Именно это направление развивается в России наиболее интенсивно. Полигоном исследования служат археологические комплексы XVI-XVIII веков, предположительно оставленные возможными предками современных аялыных татар (одна из групп сибирских татар), потомки которых живут в Омской области - в среднем течении реки Иртыш и по его притокам Тара, Уй, Оша.

Генеральный план исследований заключается в следующем: с помощью современных данных, собранных этнографами по широкому спектру тем среди

аялыньских татар, интерпретировать археологические материалы поселений и могильников, сконструировать этнографо-археологический комплекс (ЭАК) XVII-XX вв. После разработки теоретических аспектов, методов и методик в рамках ЭАК XVII-XX вв., возможен переход и изучению более ранних археологических комплексов, и так далее. К подобным работам мы постоянно приглашаем наших коллег, и охотно публикуем их теоретические и практические разработки в издаваемом нами научном альманахе, или включаем в работу некоторых секций симпозиума.

В ходе работ были разработаны новые, изначально учитывающие возможную интеграцию археологических и этнографических данных, инструменты сбора материалов - вопросники и программы исследований по многим темам: хозяйство, исторические предания, домостроение, погребальный обряд, религиозные представления, пища, предметы быта и много других. Для более детального изучения этнографических объектов были сняты инструментальные планы серии современных кладбищ и деревень (юрт). В ряде случаев были подробно описаны и изучены территории, окружающие эти населенные пункты. Словом, исследовано несколько «микрооюкмен», в которых проживают локальные группы – общины аялыньских татар.

Параллельно велись работы по археологическому исследованию поселений и могильников возможных исторических предков аялыньских татар.

При работе с археологическими и этнографическими материалами тарских татар возникли, а во время проведения постоянно действующего в Омске междисциплинарного семинара «Этнографо-археологические комплексы народов Сибири», на международных семинарах «Интеграция археологических и этнографических исследований были высказаны и обсуждены интересные мысли, касающиеся содержания ЭАК. Это, как нам кажется, позволяет несколько уточнить и расширить определение ЭАК, данное Н.А. Томиловым, существенно не меняя его сути, а лишь показывая и оттеняя отдельные черты ЭАК. Выделение маркированным списком и шрифтом частей фраз позволит читателю заострить внимание на ключевых словах.

Мы полагаем, что этнографо-археологический комплекс это:

- компактно расположенный в определенных природно-географических условиях комплекс археологических памятников и этнографических объектов,
- служащих для изучения и реконструкции элементов (этой группы и ее предков) культуры (материальной, духовной, социо-нормативной, природно-средовой, жизнеобеспечения),
- оставленный одной группой населения и ее прямыми предками, которые хозяйственно осваивали территорию обитания,
- на основании по преимуществу материалов археологических памятников означенного комплекса
- и дополненных этнографическими, а при необходимости историческими, географическими, биологическими и другими сведениями.

В настоящее время интенсивно исследуются следующие компоненты этнографо-археологических комплексов: погребальный обряд и погребальные комплексы (М.А. Корусенко), система расселения (С.С. Тихонов), домостроительство (С.Ф. Татауров, М.А. Гаркуша, К.Н. Тихомиров), система природопользования и землепользования (С.Ф. Татауров, М.А. Корусенко), пути сообщения (А.В. Матвеев), пища (М.Н. Тихомирова), этническая история и генеалогия (С.Н. Корусенко).

Второй народ, этнографо-археологические комплексы которого стали объектом изучения – русские сибиряки. Примерно по такой же программе и с такими же результатами их изучают М.Л. Бережнова (этнограф) и Л.В. Татаурова (археолог).

Логично, чтобы практические исследования сопровождались разработками в области теории, методологии, истории исследований. Они проводятся А.В. Жуком, Н.А. Томиловым, С.С. Тихоновым.

Что касается области методологии исследования, то мы видим, как минимум, три методологические основы проведения работ. Первое — это системный подход, известный в России по работам Людвиг фон Бергаланфи и его последователей как за рубежом, так и в России. Системный метод позволяет изучать элементы, внутренние связи и структуру как современной, так и древней культуры народов, и анализировать их соотношение и организацию.

Второе – это Концепция саморазвивающихся систем, разработку которой начали Герман Хакен, И.Р. Пригожин за рубежом и их российский коллега С.П. Курдюмов. Для этноархеологических исследований важны положения этой концепции об открытости, нелинейности, диссипативности сложных саморазвивающихся систем, а также наличие точек бифуркации и флуктуации, в которых система может претерпеть значительные изменения, причем воздействие на нее может быть минимальным.

Третье основание — теорема о неполноте Курта Гёделя - известного математика, логика, философа науки. Доказанная им теорема, практически неизвестная гуманитариям. Однако она объясняет возможность использования для доказательства каких-либо положений данных смежных наук, и обосновывает необходимость их применения, и может быть адаптирована к этноархеологии как сильное методологическое основание. Использование этой теоремы в исследованиях предполагает разработку научной аксиоматики и строгого алгоритма работ. В настоящее время эти работы не закончены.

Что касается изучения истории этноархеологических исследований в России, то она пока не написана. В многочисленных изданиях, опубликованных в разных городах, имеются сведения об отдельных эпизодах развития этой науки. Определённый вклад в разработку проблем истории, историографии интеграции археологических и этнографических исследований внесли Н.А. Томилов и возглавляемый им коллектив (Омск). Мы полагаем, что в истории этноархеологии должна состоять из четырех взаимосвязанных разделов, описывающих развитие метода аналогии, формирование экспериментальной археологии, появление и функционирование археологии процессуальной, создание концепции изучения этнографо-археологических комплексов.

Итак, в российской этноархеологии есть как минимум четыре направления исследований, идут разработки истории их появления и формирования. Ведутся работы в области теории и методологии этноархеологии.

Мы прекрасно понимаем, что российская этноархеология имеет свои особенности и несколько отличается от этноархеологии Европы, Америки, Африки или Австралии. Ее несомненным плюсом является наличие народов, сохраняющих традиционную культуру и быт, имеющих глубокую историческую память, не потерявших знания о своем происхождении, знающих места проживания предков. Учитывая то, что с конца XVI века формируется свод письменных и картографических источников, описывающих эти народы, то следует признать, что перспективы развития этноархеологии в России имеются. Однако, следует отметить, что российские исследования в силу разных обстоятельств практически не известны мировой научной общественности. Надеемся, что после выхода в свет данного издания ситуация изменится.

Список источников и литературы

Дудкина С.В. Методика реконструкции использования тканей в погребальной обрядности (по материалам археологических памятников XIII-XIX вв. Среднего Приобья). – Дисс. на соиск... к.и.н. – Сургут, 2005. – 195 с.

Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: учеб.пос. для студентов исторических факультетов высших учебных заведений. – Омск, 2003. – 72 с.

Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селюков). - Сургут, 2010. – 128 с.

Томилов Н.А. Этноархеология: понятие, объектно-предметная и проблемная сферы // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука: Сиб. предприятие РАН, 2002. – Т. 5. – С. 9-19.

С.Н. Корусенко

Омск, филиал института археологии и этнографии СО РАН

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ШИХОВЫХ: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Abstract

The present article aims at analyzing data on the history of the Siberian Bukhartsy collected during ethnographic field trips and comparing it with archive sources of the 18th to 19th Centuries. The article examines the case of the Shikhov family (one of the elite families settled in Tara Uezd (District) of Tobolsk Province). The article also raises the problem of the validity of the field data for further use in archeological-ethnographical research.

Данная статья имеет целью анализ собранных в этнографических экспедициях материалов по истории сибирских бухарцев и их сравнение с архивными источниками XVIII-XIX вв. на примере рода Шиховых – одного из элитарных родов, обосновавшегося в Тарском уезде Тобольской губернии. Здесь же ставится проблема достоверности собираемых в экспедициях материалов для использования их в археолого-этнографических исследованиях. До настоящего времени в деревнях, основанных и заселенных в XVII-XIX вв. бухарцами в Тарском уезде (современные Большереченский и Тарский районы Омской области), продолжают функционировать в коллективной памяти предания, связанные с появлением представителей этого рода в Сибири и теми событиями, которые являлись знаковыми для сибирских бухарцев. Глубина генеалогической памяти в данном случае определяется тем, что Шиховы длительное время сохраняли письменные родословия *шэжэре* (араб. шаджара/дерево), большая часть которых была уничтожена в первые десятилетия советской власти. Часть представителей этого рода в начале XX в. переехала в Турцию, основав там отдельное поселение, благодаря чему один из письменных вариантов шаджара был сохранен. В письменном варианте шаджара происхождение Авазбаки выводится от пророка Мухаммада, что подчеркивает высокий социальный статус Шиховых².

Материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета и Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, собранные в 1975 и 1999-2000 гг. – это исторические предания и генеалогии жителей татарских деревень Уленкуль, Яланкуль и др. (Большереченский район Омской области), Речапово (Тарский район Омской области). Предания повествуют о времени основания поселений, первых жителей, о поездке Алим-шайха (сына Авазбаки) к царю и других событиях. В генеалогиях, собранных по методике, разработанной омскими

этнографами (Бережнова, Корусенко, 2001), представлены сведения об этнической принадлежности, месте рождения, возрасте, образовании информаторов и их родственников. В тоже время в генеалогиях отражается этногенетическая память современных татар – потомков бухарцев. Сбор генеалогий в Уленкуле осуществлялся в 1975 и 2000 г., т.е. сменилось одно поколение. Существенная разница наблюдается в этническом самоопределении: в 1975 г. довольно большое количество информаторов определило себя «бухарскими татарами»; в 2000 г. большинство населения – сибирские татары, хотя встретилось и некоторое количество «бухарских татар».

Для выявления реальности событий, отраженных в народной памяти, используются архивные документы: Тарская дозорная книга 1701 г. по бухарцам (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1199); первичные материалы 5-10-й ревизий и переписи населения 1897 г.; различные делопроизводственные документы, в которых приводятся сведения о поселениях, жителях и землях бухарцев. Первичные материалы ревизий и переписи населения использованы для реконструкции генеалогической схемы рода Шиховых по авторской методике (Корусенко, 2005)³.

В материалах экспедиций зафиксированы несколько сюжетов, которые отражены в коллективной памяти потомков Шиховых (в настоящее время у них разные фамилии, т.к. до 1920-х гг. так называемые фамилии менялись в каждом поколении, т.е. в документах в качестве фамилий рассматривалось имя отца). Первый сюжет связан с переселением Авазбаки с сыновьями Алим-шайхом, Ашки-шайхом, Бабы-шайхом и Файзи-шайхом в Сибирь. В материалах экспедиций в частности фигурирует 1572 г. В беседе с М.Х. Шиховой (1929-2009 гг.) – учителем истории, краеведом, которая много сил отдала сбору различной информации по истории и генеалогии жителей татарских деревень, заселенных бухарцами, выявлено, что с переселением Авазбаки в Сибирь связывается основание села Уленкуль – современного центра сельской администрации, включающего несколько татарских и русских поселений. Информатор поведала две версии о времени происхождения Уленкуля. Первая, которой придерживается большинство населения: Уленкуль основан в 1651 г. (в 2001 г. село отмечало 350 лет со дня основания). По второй версии поселение основано в 1580 - гг. во время правления хана Кучума (МАЭ ОмГУ: п. 144-6, к. 380). Информатор поведала также версии о причинах возникновения поселения: 1) Авазбаки со своими 4 сыновьями был послан сюда для распространения ислама; 2) Авазбаки с семьей жил в Искере – становище Кучума, «бежали от кого-то, может быть Ермака». В пользу второй версии, как считает информатор, говорит тот факт, что поселение основано среди дремучих лесов в стороне от дорог. Таким образом, именно с приездом Авазбаки связывается основание Уленкуля (а также соседних деревень – Яланкуль, Аубаткан, Черналы и др., заселенные бухарцами). В то же время в материалах ревизий данный населенный пункт не зафиксирован, а сведения о нем появляются лишь в материалах переписи 1897 г. Из других источников, где имеются сведения об Уленкуле, самым ранним упоминанием являются материалы ясачной комиссии 1828 г. (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620: лл. 288-293), в которых, среди прочих населенных пунктов, указаны юрты Уленкульские.

Другая дата, которая фигурирует в различных исследованиях (Бахрушин, 1959: 208; Томилов, 1992: 84) - конец XVII – начало XVIII в. Авторы опираются на одну из работ Г.Н. Потанина, в которой автор пишет о местах выхода сибирских бухарцев и приводит пример о переселении из Бухарии в 1709 г. 41 чел. во главе с Журбаевым. Далее он писал: «Может быть, одновременно с Журбаевым вышел и Аваз-бачки Шейх из города Сейрама, положивший начало тарской фамилии Шиховых» (Потанин, 1868: 71). В данном случае более правдоподобным является факт появления в Сибири Авазбаки в начале XVIII в. Чем это можно подтвердить? Дело в том, что в Тарской дозорной книге 1701 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1199), где переписаны все бухарцы, нет

Шиховых. Данная дозорная книга являлась отражением очень важного события – постепенного втягивания пришлых бухарцев в фискальную систему российского государства, т.к. к этому времени сибирские бухарцы формируются как особая этнословесная группа в составе тюркоязычного населения Сибири. В этой книге, как и в других источниках подобного рода, переписано по поселениям (а внутри их – по дворам) все мужское население, принадлежавшие им пашни, сенокосные и другие угодья, указаны местонахождение поселений и угодий, формы владения ими, а также приводятся сведения о наличии или отсутствии документальных свидетельств на право владения землей. Поэтому государство в лице московского дворянина Ивана Родионовича Качанова максимально стремилось переписать всех бухарцев. Из 25 населенных пунктов тюркоязычного населения Тарского Прииртышья в начале XVIII в., сведения о которых имеются в двух дозорных книгах 1701 г. – Тарской и Дозорной книге Тарского уезда (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1199, 1182), только в семи переписаны бухарцы – от 1 семьи в юртах Байтугановых (современная д. Себеляково) и Айткуловых (деревня исчезла в начале XXI в.) до 23 семей в юртах Шиховых (они же Речаповы). Во всех этих поселениях проживали также служилые и захребетные татары. И только Шиховы юрты были заселены исключительно бухарцами (не считая 1 семьи служилых татар). При описании общей покотины в Тарской дозорной книге указано и другое название этой деревни – Речапово, которое фигурирует в последующих документах конца XVIII – XX вв. Деревню Речапово-прежнему местные жители называют шиклар (шейхлар). По преданию местных татар начало этому селению положили потомки шейхов, среднеазиатских проповедников ислама в Сибири. В качестве примера приведем часть одного из преданий: «Мы – сарт (сартлар) от узбеков, с юга. Во главе народа был шейх по фамилии Речапов. По-старому деревню называли Шаклар-аул» (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 113-2. К. 139).

По материалам ревизий проведена реконструкция генеалогической схемы Шиховых. В имеющихся у А.К. Бустанова рукописных шаджара представлены линии от двух сыновей Авазбаки – Бабы-шайха и Файзи-шайха. В реконструированной по архивным материалам генеалогической схеме представлены потомки всех четырех сыновей. Именно этногенеалогический метод позволил определиться и со временем появления этого семейства на территории Тарского Прииртышья, и с датой основания куста населенных бухарцами поселений в Большереченском районе Омской области (Аубаткан, Каракуль, Уленкуль, Яланкуль и т.д.), а также рассмотреть систему расселения Шиховых.

В материалах 5-й ревизии (1795 г.) по д. Речапово обнаружены два сына Авазбаки и их потомки: Шихов Ашка (1704-1791 гг.) и умершего Бабы Шихова жена Бахметева Асна 1728 г.р. со своими тремя сыновьями, один из которых – Зайнитдин Бабин, со всей своей семьей выбыл во вновь заведенную д. Аубатканскую, оставшиеся Нейрубик и Зилютдин Бабины со своими семьями приписаны к Речапово. Потомки Алим-шайха и Файзи-шайха обнаружили в д. Себеляково. В материалах 1811 г. (6-я ревизия населения) главой семьи записан Фейзуллин Идрис (1744-1808 гг.), умерший к этому времени, даны сведения о его сыновьях, брате Мурзе и его сыновьях. Здесь же записано, что Фейзуллин Идрис переселился в д. Аубатканскую для хлебопашества по указу 1799 г. (ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 306). В этих же материалах главами записаны Маметей Мурзалиев Шихов 1775 г.р. и Шихов Мурвалей (1757-1802 гг.) – внуки Алим-Шайха (их потомки так и прослеживаются по материалам последующих ревизий в Себеляково). Еще три его внука в 1811 г. переписаны со своими семьями в д. Аубатканской (Там же). Из 12 первых аубатканских семей 4 являются Шиховыми, еще 5 семей имеют непосредственное отношение к роду Шиховых, но записаны по именам отцов (например, Мулла Фейзулин – сын Файзи-шайха и т.п.). Таким образом, д.

Аубатканскую основали Шиховы из Речапово и Себеляково. Получается, что деревня была основана между 1782 и 1795 гг., а в дальнейшем в 1799 г. туда переселяются и другие Шиховы (хотя в Речапово и Себеляково частично остаются потомки Ашкишайха и Алим-шайха).

Подтверждением прибытия Авазбаки-шайха с сыновьями в Сибирь в первые десятилетия XVIII в. являются материалы обследования бухарских земель в Тарском Прииртышье в середине XIX в., в которых приведены сведения о том, когда, где и по каким документам приобретены Шиховыми земли (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3, 562). Здесь необходимо учитывать и тот факт, что прибывающие в Сибирь бухарцы, особенно со средствами, фактически сразу приобретали земли. Так, «отхожий Ибейский остров единственного владения юрт Аубатканских бухарцев» был закреплен за ними «по выписи бывшей Тарской воеводской канцелярии 1738 года 13 июня, выданной на имя ныне владеющих предкам Бабе да Файзе Шиховым на владение в Тарском уезде дачи, называемой Ибейским островом» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.-14). Из этих же документов выясняется, что земли приобретались Шиховыми в 1745, 1766, 1776 и 1832 гг. Земля, на которой находились ю. Себеляковские, а также и земли вокруг поселения принадлежали Шиховым по выписи бывшей Тарской воеводской канцелярии 1745 года 9 декабря, которая была дана «предку ныне владеющих бухарцев Алиму Авазбаки Шихову» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 16-17).

В другом документе, составленном в 1854 г., себеляковские Шиховы описываются следующим образом: «Владельцы юрт Себеляковых бухарцы Шиховы проживание имеют в г. Таре, хлебопашества, разведения огороднических овощей не имеют, приобретают для продовольствия своего покупкой в г. Таре, сенные покосы обрабатывают вольнонаемными людьми, а сами промышленность имеют торговлею во все времена года, производимой по Сибирским и Велико-Российским губерниям, зажитком очень достаточны, прочие же бухарцы... состояния они очень бедного». (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 562. Л. 64 об.-65).

Можно много еще приводить фактов подтверждения момента появления Шиховых в Сибири. Представители данного рода являлись торговой, землевладельческой и духовной элитой сибирско-татарского общества, выполняли определенные поручения правительства и выступали выразителями интересов татар и бухарцев Западной Сибири. Большинство Шиховых обучались в различных мусульманских образовательных учреждениях, что подтверждается первичными материалами переписи 1897 г.

Таким образом, при исследовании только одного сюжета – времени появления и расселения Шиховых, можно сделать вывод о том, что первоначально Шиховы поселились и стали приобретать земли на правобережье Иртыша вверх и вниз по течению от г. Тара, т.е. там, где находились основные земли и поселения местных татар. В то же время занятия земледелием вынуждало осваивать земли и на левобережье Иртыша, в результате чего и был основан куст бухарских поселений. Реконструкция генеалогических схем по материалам ревизий позволила выявить потомков всех четырех сыновей Авазбаки-шайха. В то же время только часть потомков Алим-шайха и Файзи-шайха носили уже вполне закрепленную фамилию Шиховы и имели трехсоставную именную основу. У остальных представителей рода Шиховых фамилия в каждом поколении была образована от имени отца, поэтому потомки Шиховых в результате стали носить разные фамилии, закрепленные уже в XX в. В последующих исследованиях предполагается рассмотрение других сюжетов, связанных с родом Шиховых, представители которого оказали огромное влияние на этническое развитие коренного тюркоязычного населения Среднего Прииртышья (включая северные территории современного Казахстана).

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-31-01011 «Сакральные семейства сибирских мусульман: конец XVI - начало XXI вв.».

² А.К. Бустановым обнаружено три варианта шаджара Шиховых на арабском, персидском и тюркском языках: 1) опубликованная в начале XX в. в Оренбурге; 2) в архиве Риза ад-Дина б. Фахр ад-Дина (хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН); 3) у жителя с. Богруделик вилайата Конья (Турция). Анализ этих рукописей будет представлен в совместной статье А.К.Бустанова и С.Н. Корусенко «Родословные сибирских бухарцев: Шиховы», являющейся продолжением изучения элитных родов сибирских бухарцев (Бустанов, Корусенко, 2010).

3. В связи с ограничением объема в данном сообщении не будет представлена реконструированная генеалогическая схема, ее публикация планируется в рамках совместной статьи А.К. Бустанова и С.Н.Корусенко.

Список источников и литературы

Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI-XVII вв. // Науч. Тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. IV. – С. 195-214.

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н. Вклад омских этнографов в этногенеалогические исследования народов Сибири // История и культура Сибири. – Омск: Изд-во Омск. гос. педаг. ун-та, 2001. - С.80-90.

Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. - № 2. – С. 97-105.

ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3.

ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 562.

ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620.

ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 306.

Корусенко С.Н. Генеалогический метод в этноисторических исследованиях // Вестник НГУ. Сер.:История, филология. - 2005. – Т.4. – Вып. 5: Археология и этнография. - С. 129 – 132.

Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в обществе истории и древностей российских. – М., 1868. – Кн. 2. Оттиск. – 93 с.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1199.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI– начале XX в. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 271 с.

Н.В. Лещенко

*Россия, Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА

Abstract

The culture of everyday life of the inhabitants of the walled town Kraskino in the Primorye region is the subject of this paper. The site is dated to the epoch of the Bohai state (698 – 926). The problems of everyday life are analyzed such as dwelling architecture, food, and dress.

Бытовая культура означает уклад повседневной жизни. Сама по себе бытовая культура достаточно обширное понятие, охватывающее всю социальную деятельность человека. Мы остановимся лишь на некоторых аспектах бытовой или повседневной культуры населения Краскинского городища: жилые и хозяйственные постройки, пища, одежда.

Жилища – к настоящему времени на Краскинском городище раскопано 16 жилищ. Они двух видов: полуземлянки и наземные жилища. Во многих жилищах сохранились остатки кановой отопительной системы. Кан имел П или Г-образную форму, был двух или трехканальный, с одним, двумя очагами. Стенки каналов были сооружены из вертикально поставленных каменных галек и перекрывались другими более крупными уплощенными камнями. Кан, как и стены жилища, обмазывались глинистым грунтом. Ориентированы жилища в основном по сторонам света, либо чуть отклонены в ту или иную сторону. Вокруг некоторых жилищ фиксируются ямки от опорных столбов, но не везде. Вход в жилища мог располагаться с разных сторон: юго-западной, северной, восточной. Перед жилищем мог располагаться небольшой тамбур, около 1 м. Площадь жилищ от 15 до 28,8 кв.м. Полуземлянки имели относительно небольшую площадь.

Рис.1. Тарные сосуды верхнего строительного горизонта Краскинского городища

Рис.2. «Фишки»

Рис.3. Плита с разметкой игрового поля

Интересной особенностью жилых и хозяйственных построек Краскинского городища является факт наличия перед входом в жилища, либо на территории дворов крупных тарных сосудов типа корчаг, а также более мелких горшков. Многие из этих корчаг

специально разрушены крупными камнями. Такие сосуды, преднамеренно разрушенные (Рис.1), были впервые нами найдены в 2002-2004 гг. на раскопках XXX-XXXI, на хозяйственном дворе (Болдин, 2002; 2004). Внутреннее убранство жилищ, очевидно, зависело от социального статуса владельца. Кановая лежанка могла сверху застилаться шкурами животных для сохранения тепла и удобства отдыха обитателей жилища. В районе очагов находим фрагменты чугунных котлов, в которых готовилась пища

Котлы могли вмазываться в топку, либо стояли на трех ножках. Они могли также подвешиваться на веревки, которые подкручивались при помощи специальных держателей (Болдин, Лещенко, 2011: 91-95). Приготовление пищи осуществлялось и в керамической посуде. На Краскинском городище не раз находились сосуды со следами нагара и остатками «каши». В жилищах и других хозяйственно-бытовых постройках находились самые различные предметы быта, инструментарий, принадлежности игр, глиняные скульптурки животных, украшения из бронзы и камня, атрибуты религиозных культов. Практически в каждом жилище, дворе встречаются так называемые «фишки» (Рис. 2)..

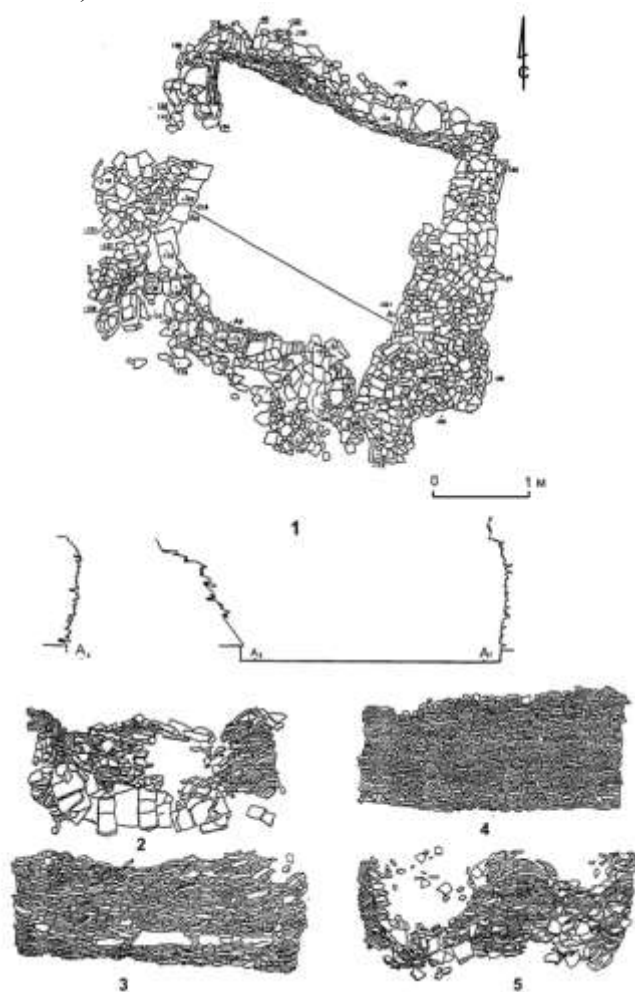

Рис.4. Черепичная камера

Краскинское городище единственный бохайский памятник, где они встречаются в таком массовом числе. За годы исследований их собрано более 900 экземпляров. Они могли быть принадлежностями игры. При раскопках черепичной камеры была обнаружена плита из песчаника (Рис. 3). На её гладкой поверхности выгравирован рисунок в виде двух вписанных один в другой квадратов, углы которых были соединены между собой косыми линиями. Судя по тому, что такой же рисунок изображен на кирпиче с чжурчжэньского городища Тахучэн в автономном

национальном монгольском уезде Цянь Горлос провинции Цзилинь, КНР¹, это устойчивая форма разметки, скорее всего, игрового поля настольной игры. В фондах института археологии провинции Цзилинь есть ещё один кирпич с аналогичной разметкой, с памятника, относящегося ко времени государства Бохай. При раскопках ранне-уйгурской столицы Хара-Балгасун была найдена так называемая доска из обожженной глины (BurkartDähne, 2010: 68, рис. 6) на которой прочерчен точно такой же рисунок, что на плите из песчаника с Краскинского городища. В жилых и хозяйственных объектах постоянно находятся различные органические остатки: кости животных, рыб, ракушки, остатки семян. Мясо животных, рыб, моллюсков использовалось для приготовления пищи. Некоторые крупные раковины нашли применение в качестве посуды и украшений. На Краскинском городище раскопаны объекты хозяйственно-бытового назначения, а также не совсем ясного или даже спорного характера. К ним принадлежит черепичная камера (Болдин и др., 2005: 66-83.). По конструкции камера напоминает собой землянку, т.е. откопанный в материковых отложениях супеси близкий по форме к квадрату котлован, борта которого изнутри были укреплены черепичными стенками (Рис.4).

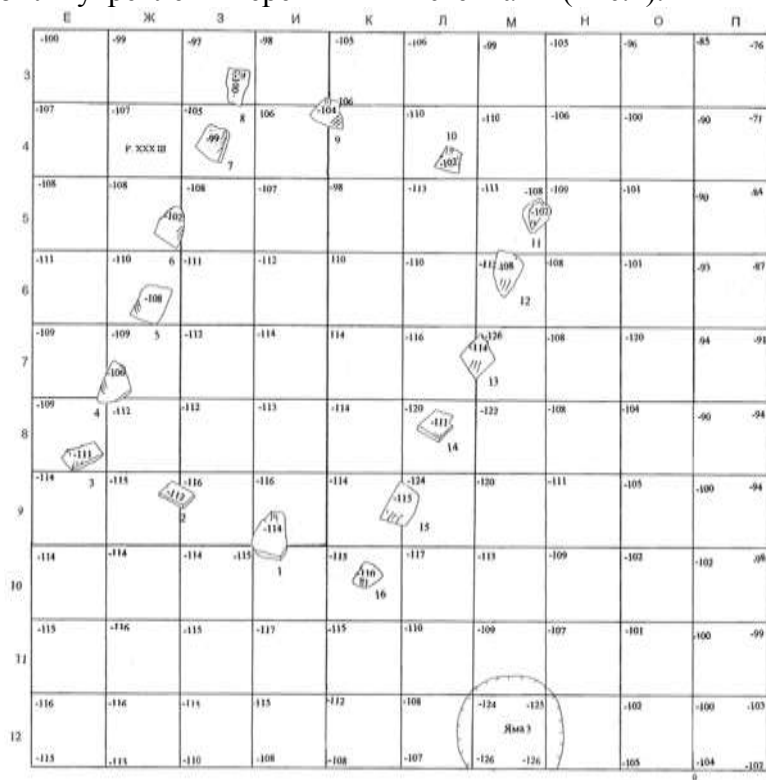

Рис.5. Фундамент прямоугольной конструкции

Черепица укладывалась горизонтально. Преимущественно использована плоская, нижняя черепица, хотя встречаются и черепицы желобчатые, верхние. Среди черепицы в кладке встречаются отдельные плитки камня и керамика. Над полом, у северо-восточной стены камеры располагалась деревянная конструкция. К самому верхнему строительному горизонту относится хозяйственный двор храма, расположенный выше камеры. На этом дворе были зафиксированы остатки сильно разрушенного жилища с каном, а также три тарных сосуда. Один из указанных сосудов был вкопан в стенку черепичной камеры, тем самым частично разрушив её. При исследованиях хозяйственного двора на другом участке была обнаружена каменная ступа и 4 больших корчаги, вкопанные в землю. Некоторые сосуды после вкапывания были разбиты камнями. Возможно, это был какой-то обряд. Следующий за ним строительный уровень связан с черепичной камерой. Это уникальное сооружение. Впервые на Дальнем

Востоке была обнаружена постройка полуподземного типа, стены которой сложены из черепицы. Камера могла использоваться как хранилище-погреб в хозяйственной части храмового комплекса, хотя хозяйственные постройки и связанные с ними тарные сосуды и относятся к несколько более позднему верхнему строительному горизонту. Хранилища погреба были раскопаны на селище Чернятино-2 (Никитин, Чжун Сук Бэ, 2009). В пользу этого предположения говорит сама конструкция камеры. Деревянная конструкция в камере использовалась как стеллаж-помост, на него могли ставиться керамические сосуды (два из которых были зафиксированы при раскопках), другая утварь. Другим объектом с не совсем ясным назначением была прямоугольная в плане конструкция (Рис.5), фундамент которой состоял из 16 баз (Лещенко, Болдин, 2008: 247-252). Длина стенок здания с внешней стороны: южная стенка – 460 см; западная – 580 см; северная – 490 см; восточная 580 см. Общая площадь здания 28,5 м. В ходе проведенных исследований были подтверждены наши выводы, о наличии на территории буддийского храма трех строительных горизонтов. Был восстановлена конструкция остатков постройки с каменным фундаментом, относящегося ко второму строительному горизонту, а также нам удалось полностью раскопать фундамент здания прихрамовой постройки, относящейся к третьему строительному горизонту. Подобные фундаменты из каменных баз раскапывались на Краскинском городище в 2008, 2010 годах (Отчет..., 2008: 174,175; Археологические..., 2010: 142-144). Но здесь была выявлена уже не вся конструкция. Удалось зафиксировать семь баз. Длина стены, которую они могли образовывать достигала 3,6 метров. Площадь постройки составляла не менее 14,5 кв.м. Эти постройки с фундаментом из каменных баз могли быть жилищами жилищных слоев населения. Хотя, мы не исключаем и административный характер этих построек. Хозяйственные дворы, часто ограждались каменными оградами, либо могли делиться такими оградами на части, различного производственного или бытового назначения. Это хорошо прослеживается на раскопках XXXVII (Результаты..., 2007: 133-141), XL (Отчет..., 2008: 173-180); XLIV (Археологические..., 2010: 142-144).

Пища. В рацион питания прежде всего входила сельскохозяйственная продукция. Сельское хозяйство составляло основу в системе жизнеобеспечения жителей городища. Население занималось пашенным земледелием. Памятник окружен равнинными землями, пригодными для выращивания зерновых культур. Обнаружены сельскохозяйственные орудия обработки почвы, сбора урожая и переработки зерна. Это обломки плужных чугунных лемехов, железные лопаты, серпы. На территории городища, в жилых и хозяйственных комплексах найдены каменные ступы. Они были выдолблены из глыб базальта, воронки имели конусообразную форму. Найдены также фрагменты жерновов. При помощи этих орудий производилось шелушение и переработка зерна в крупу и муку. Жители городища употребляли, а, возможно, и выращивали семь видов культурных растений. Среди них три вида просяных: просо итальянское (чумиза), просо обыкновенное, просо японское; а также такие зерновые культуры как ячмень голозерный и пленчатый, пшеница мягкая; из бобовых растений есть соя культурная, фасоль; из крупяных культур встречена гречиха, из масличных – перилла (Сергушева, 2010: 36-41). Вышеуказанные растения обладали устойчивостью к холодам, засухе и для них достаточен короткий вегетационный период. Конопля выращивалась повсеместно (Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун, 1984: 5). В пище она использовалась для производства растительного масла. Бобовые, главным образом соевые бобы применялись в том числе и для изготовления напитков. Животноводство позволяло бохайцам употреблять мясные и молочные продукты. На основе анализа письменных источников и остеологического материалы, мы знаем, что разводили свиней, коров, собак, лошадей. Разнообразили и витаминизировали пищу овощи и

фрукты. Из плодовых деревьев к настоящему времени определены остатки пород яблони, груши². Следующей составляющей в диете жителей Краскинского городища была продукция таежных, морских и речных промыслов. Важными по месту в хозяйстве и затратам труда были ловчие, охотодобывающие промыслы: добыча пушного зверя, копытных животных, дикой птицы. Хозяйственный уклад археологического памятника находился в прямой зависимости от ландшафтных зон, наличия охотничьих и рыболовных угодий. В зону хозяйственного использования жителей Краскинского городища входили участок речной поймы р.Цукановки, а также близлежащие морские бухты (б.Экспедиции, б.Рейд Паллада, находящиеся в 5-7 км от городища) и эстуарии. Археологические источники свидетельствуют о достаточно развитом техническом оснащении рыболовства у бохайцев. На Краскинском городище найдены как отдельные детали крючковых снастей, так и сетевых орудий лова рыбы. Для ловли более крупной рыбы пользовались острогой. Составная двузубая острога была обнаружена при раскопках первой раковинной кучи на городище. Весьма распространенной находкой являются грузила для рыболовных сетей. Грузила, изготовленные из глины и песчаника, представлены семью типами. Разнообразие размерных и весовых характеристик грузил указывают, по-видимому, на использование сетей, имеющих разные размеры ячей и предназначенных для разных видов рыбы. На Краскинском городище мы имеем убедительные свидетельства речного и морского собирательства. Очевидно, тут сказывается месторасположение памятника. Некоторая удаленность от лесных массивов и преимущественная близость водных. Обусловлено это было, прежде всего, доступностью данного вида деятельности, не требующего каких-то специальных сложных приспособлений, и разнообразными возможностями утилизации его продукции. Учитывался и такой фактор, как сезонность. В конце весны и летом происходил спад охотничьей деятельности. Мясо моллюсков, наоборот было наиболее питательно и доступно. Осенью значение морского собирательства падало, а возрастала роль речного рыболовства, лососевые шли на нерест и вылов их не требовал особых затрат труда. На Краскинском городище малакофауна представлена шестнадцатью видами моллюсков. На городище впервые для бохайских памятников была обнаружена раковинная куча с остатками морских моллюсков (Лещенко, Раков, Болдин, 2002: 45-49). Масса раковин мидии Грея, собранных на небольшом участке площадью 5x7 м, составила около 4 кг, что соответствует почти 2 кг мяса. Здесь же зафиксированы раковин ещё 9 видов двустворчатых моллюсков. Практиковались, очевидно, занятия морским промыслом. В жилище № 6 на раскопе XXXIV был найден позвонок кита. Определённую роль в хозяйственном укладе населения могли занимать подсобные промыслы: собирательство, бортничество.

Одежда. Непростые погодные условия южного Приморья: холодные продолжительные зимы, короткое влажное лето, влияние муссонов, циклонические особенности региона все это отразилось на продукции ткачества. Здесь произрастала конопля. Эта техническая культура являлась главным источником сырья для изготовления тканей для одежды. Производство конопляной ткани является одной из отраслей домашнего ремесла. При анализе остатков тканей и веревок с археологических памятников Приморья (Рощинский могильник, городище Известковая сопка, Ананьевское городище) было выявлено два типа сырья растительного происхождения: крапива и конопля³. Конопля шла не только на изготовление одежды, но и на различные технические нужды: изготовление веревок, грубых тканей типа мешковины. Отпечатки тканей можно проследить на черепице. Все ткани простого полотняного переплетения. Это простейший вид переплетения нитей в ткани. Полотняное переплетение характеризуется наименьшим количеством нитей утка и основы, соединенных в рапорте. Одежда могла изготавливаться из легкого полотна. Для

верхней одежды, обуви использовали кожу и меха. Пояса были составной частью костюма. Оконечниками поясов служили разнообразные пряжки. Их делали из бронзы, железа. К поясу часто подвешивались различные бытовые принадлежности или предметы необходимые для работы. Это могли быть и различные универсальные инструменты из рога и кости, палочки для подкопки женьшеня, детали огнива, брелоки. На саму одежду нашивались пуговицы, кольца из кости, нефрита, агата. Широко были распространены бронзовые серьги, кольца, браслеты. На основании данных китайских летописей Э.В. Шавкунов привел сведения о том, что мохэские женщины носили полотняные юбки, а мужчины - халаты, сшитые из свиной кожи (Шавкунов, 1968: 33). На какую сторону запахивались халаты, неизвестно. Л.Н.Гусева склоняется к мысли, что запах был левосторонним (Гусева, 2005: 99-103). Бохайцы могли носить халаты и с поясами так называемого «тюркского типа». Этот обычай был распространен в танском дворе. На фресках из могилы принцессы Чжэнь Сяо Там свита и музыканты одеты в свободные одежды, с глухим воротом. Платья рубашечного типа плавно ниспадают вниз, все подпоясаны. Пояса двух типов, есть прямые, по линии талии, а есть более широкие, завязывающиеся в большой узел. Рукава также расширяющиеся книзу. У всех гладкие высокие прически (Чжунго вэньу диту цзи..., 1993: 139). Фрагменты бронзовых, костяных шпилек и деревянного гребня обнаружены на городище. Население Краскинского городища жило в весьма непростых природных условиях, но выручали огромные запасы, которые хранила в себе тайга, а также морские и речные биоресурсы. Все основные потребности местного населения в пище, одежде, обуви, предметах быта удовлетворялись за счет местных возможностей.

Примечания

¹ Кирпич хранится в фондах Института археологии провинции Цзилинь.

² Определение произведено зав.кафедрой биологии и экологии растений ДВФУ, к.б.н. С.А.Снежковой.

³ Определение выполнено к.б.н. Н.В.Верховской.

Список источников и литературы

Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в российском Приморье в 2010 г. (коллектив авторов). - Сеул, 2012.

Болдин В.И., Лещенко Н.В. К вопросу о назначении глиняных и каменных изделий с взаимопересекающимися отверстиями из бохайских памятников Приморья // Дальний Восток России в древности и средневековье: Проблемы, поиски, решения. – Владивосток, 2011. - С. 91-95.

Болдин В.И. Результаты полевых исследований на Краскинском городище в Приморском крае в 2002 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. Д. № 531. 116 л.– 2002 г.

Болдин В.И. Результаты полевых исследований на Краскинском городище в Приморском крае в 2004 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. Д. № 564. 192 л.- 2004 г.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Гельман Е.И., Лещенко Н.В. Уникальная находка на Краскинском городище // Россия и АТР.- 2005.- № 3. - С.66-83.

Гусева Л.Н. Левосторонний запах одежды чжурчжэней // Россия и АТР.- 2005. - №2.- С.99-103.

Лещенко Н.В., Болдин В.И. Прихрамовые постройки буддийского комплекса на Краскинском городище в Приморье // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. - М., 2008. - Т. II. - С.247-252.

Лещенко Н.В., Раков В.А., Болдин В.И. Морское собирательство и рыболовство (по материалам археологических исследований Краскинского городища) //Россия и АТР. - 2002.. - №1.- С.45-49.

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. - Владивосток, 1922.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино 2 в Приморье в 2008 году. - Чуннам вуёкун, 2009.

Отчет об археологических раскопках Краскинского городища в российском Приморье в 2008 г.: Результаты исследований на Краскинском городище в 2008 г. (коллектив авторов). - Сеул, 2010.

Результаты полевых исследований российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в Приморском крае России в 2007 г.- Сеул, 2008.

Сергушева Е.А. Семена растений на археологических памятниках Приморья Бохайского времени // Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище): матер. международная науч. конф.(4-9 сентября 2010 г.). - Владивосток, 2010. - С.36-41.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. - Л., 1968.

Burkart Dähne Некоторые результаты исследования уйгурской столицы Хара-Балгасун в 2010 году // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. The Official Journal of the National University of Mongolia. -2010. - Vol. 6. - No.1 (365) (December). -P.64-71.

Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. Бохайшигао (Исторические наброски Бохае). - Харбин, 1984.

Чжунговэньу диту цзи. Цзилинь фэньцэ (Атлас карт памятников истории и культуры Китая. Том провинции Цзилинь). - Пекин: Изд-во Чжунго диту, 1993. -256 с. (на кит.яз.).

А.В.Матвеев¹, С.Ф.Татауров²

Россия, Омск, ¹областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, ^{1,2}государственный университет им. Ф.М. Достоевского, ²филиал Института археологии и этнографии СО РАН

«РАННИЕ ТАТАРЫ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. НАЧАЛО ДИСКУССИИ

Abstract

Work is devoted to a problem of studying of local Turkic groups in the forest-steppe zone of Western Siberia.

Во второй половине XX - начале XXI вв. одной из наиболее острых проблем сибирской археологии стало воссоздание исторических событий второй половины II тыс. н.э., периода, когда в южнотаежной и лесостепной полосе Западной Сибири в общих чертах формировалась система расселения аборигенного населения, весьма близкая современной этнической картине. В настоящее время практически всю эту зону занимают сибирские татары, которые оттеснили на север хантыйское население, но, в свою очередь, потеряли значительные территории вследствие смещения на север границы расселения казахов. Изучение культуры населения этого периода путем выделения археологических культур оказалось малоэффективным, хотя такие попытки исследователями на региональном уровне предпринимались. Для Тоболо-Иртышского региона и Барабы В.П. Левашева выделяла «культуру Сибирского юрта» (Левашева, 1950), для Северной Барабы и Среднего течения р. Тара В.И.Молодин, В.И. Соболев и

А.И. Соловьев– «кыштовскую культуру» (Молодини др., 1990: 193; Соловьев, 2006), для Томского Приобья М.П. Грязнов – «тояновскую культуру» (Татауров, 2012). Общая проблема этих археологических конструктов заключалась в том, что границы распространения каких-либо культурных явлений, выявленных археологическими методами, весьма затруднительно соотносились с реальными границами проживания определенных этнических групп. Наиболее показательную эту ситуацию иллюстрирует история хронологической и этнической атрибуции керамики населения лесостепной полосы Западной Сибири XIV-XVI вв. – так называемой «татарской керамики». Эта керамическая традиция оказалась культурно-хронологическим маркером обширной группы населения Западной Сибири времени позднего Средневековья. Однако этнодиагностическим маркером – пока нет. Поскольку вопрос об этнической атрибуции ее изготовителей и пользователей до настоящего времени не был решен. По этой причине некорректным являлся и сам термин – «татарская керамика» XIV-XVI вв. (Голдина, 1969; Могильников, 1994; Матвеев, Татауров, 2008а, 2008б; Матвеев, Трофимов, 2006; Татауров, 2010; Татауров, Татаурова, 1999; Татауров, Тихонов, 2002 и др.)³. Впрочем, некорректными являются и другие предложенные термины: «керамика культуры Сибирского юрта» (Левашева, 1950), «керамика западно-сибирских татар» (Молодин и др., 1990; Соболев, 2008), «керамика Сибирского юрта» (Михалев, Корусенко, 2007; 2011), «керамика татарского облика» (Матвеев, 2008).

С точки зрения археологии, основой для выработки корректной терминологии, отражающей специфику керамической традиции южно-таежного и лесостепного населения позднего средневековья Западной Сибири XIV-XVI вв., должен был стать феномен «процесс тюркизации». Этот устоявшийся в науке термин для большинства исследователей однозначно отражает реальный этнический процесс, проходивший на всем протяжении средневековья на территории Западной Сибири и подтверждающийся археологическими данными. Корректным термином для обозначения характерной керамической традиции мог стать термин «керамика тюркизируемого населения Западной Сибири XIV-XVI вв.». Его использование подразумевает, что в конце этого хронологического периода произошло формирование известных нам групп западно-сибирских татар со своим комплексом материальной и духовной культуры, в том числе и керамики. Однако термин звучит крайне неблагозвучно, а кроме того он всегда подразумевает необходимость понимания и обоснования степени и носителей этой «тюркизации». По этой причине авторы предлагают для обозначения керамической традиции южно-таежного и лесостепного населения позднего средневековья Западной Сибири XIV-XVI вв. использовать термин «керамика ранних татар Западной Сибири», либо «керамика раннетатарской культурно-исторической общности Западной Сибири» по аналогии с известными терминами «раннеславянская керамика», «раннескифская керамика» и т.д. Вместе с тем, требуется обосновать само использование термина «ранние татары Западной Сибири» или «раннетатарская культурно-историческая общность Западной Сибири».

Использование этих терминов обосновывается новыми данными по этнографии и истории татарского этноса, а точнее целой концепцией становления средневекового татарского этноса, предложенной казанскими учеными Д.М. Исхаковым и И.Л. Измайловым в начале 2000-х годов. Согласно ей историю становления татарского этноса можно разбить на три этапа: образование основных этнических компонентов (III – середина XIII вв.), формирование единой татарской этнополитической общности (середина XIII – первая четверть XV в.), деконсолидация татарского этноса и незавершенный этап становления самостоятельных общностей в составе татарских государств (XV – начало XVII в.) (2007: 21).

Эту концепцию отчасти можно применить и к территории Среднего Прииртышья. Так к концу XIII в. здесь только в южной тайге сохранялись городки мультиэтничного населения усть-ишимской археологической культуры. О присутствии тюркского компонента в материальной и духовной культуре этого населения говорят материалы курганный могильников Иванов мыс I, Кипы III (Конигов, 2007: 255, 258). В лесостепи и степи уже в X-XI вв. безраздельно господствовали родовые подразделения кимаков и кыпчаков. Их «тюркский» пласт материальной культуры, который, пока за неимением другого термина, археологи относят к сросткинской археологической культуре, отражается в материалах IX-XI вв. курганных могильников у сс. Изылбаш, хутора Романтеевка (Левашева, 1928: 159-160), Соляное (Мельников, Яшин, 1988; Овчинникова, 2005), поселения Батаково-20, курганного могильника Батаково-18 (Ахметова и др. 2001: 162), Алексеевка-I (Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001). Таким образом, к середине XIII в. здесь сформировались основные элементы будущего этноса.

В XIII в. все население долин рр. Иртыш, Ишим, Омь в пределах современных Омской, Курганской и южной части Тюменской областей вследствие монгольских завоеваний были интегрированы в золотоордынские клановые образования. При этом не играла никакой роли их прежняя родо-племенная система. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов пишут: «по сути дела, уже в период завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры и родовые культы и традиции, введен территориальный принцип военно-административного управления и расселения народа, а также были образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних кыпчако-кимакских племен... В условиях распада старой племенной структуры, крушения родовых связей и абберации сознания, значительная часть населения, особенно аристократия, стремилась включиться в новую социальную систему, активно перенимая новую этнополитическую идентичность» (2007: 176, 179). Таким образом, народы, проживавшие в Среднем Прииртышье, являясь разными по происхождению, стали идентифицировать себя с татарами (или тюрко-монголами). На этом основании их материальная культура должна быть согласно концепции Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова названа «татарской». Но, торопиться со столь смелой терминологией не следует, поскольку очевидно, что такой резкий культурный слом здесь произойти не мог по нескольким причинам.

Территория Среднего Прииртышья, Приишимья, Барабы относится к самой северо-восточной периферии Улуса Джучи. И, несмотря на то, что область Ибир-Сибир к XIV в. стала отдельной его административной единицей, этнополитические процессы здесь происходили с меньшей интенсивностью. Да, лесостепное и степное кыпчако-кимакское в своей основе население, близкое по материальной культуре кочевникам тюрко-монголам, быстро изменило свою этнополитическую идентичность, оставив по сути без изменений свою материальную культуру. Оседлое население южнотаежной и таежной по зоне расположения усть-ишимской археологической культуры, не только не изменило свою материальную культуру, поскольку основывалось на другом, отличном от кочевников типе хозяйствования, но и вряд ли могло быстро изменить свою этнополитическую идентичность. Это откровенное нежелание интегрироваться в золотоордынские клановые образования наглядно демонстрируют фортификационные сооружения населения усть-ишимской археологической культуры. Вместе с тем, противостояние это было неравным и постепенно привело к деградации усть-ишимской археологической культуры. Ее керамическая традиция в условиях постепенного уничтожения прежних родоплеменных структур, идеологии и родовых культов, по инерции какое-то время продолжала воспроизводить прежние орнаментальные мотивы. Однако с каждым поколением все хуже и небрежнее. По этой причине, являясь, по сути, продолжением лесной усть-ишимской керамики, керамические комплексы южно-

таежного и лесостепного населения позднего средневековья Западной Сибири с начала XIV в. могут быть названы «керамикой ранних татар Западной Сибири», либо «керамикой раннетатарской культурно-исторической общности Западной Сибири». Несомненно, что уже в конце XVI – XVII в. потомки носителей этой керамической традиции однозначно относились к той или иной группе западно-сибирских татар и воспроизводили характерную керамику. Б.А. Конилов, со ссылкой на результаты исследований А.Н. Багашева, пишет о том, что наблюдаемая по краниологическим материалам преемственность между средневековым населением и тоболо-иртышскими татарами свидетельствует о том, что смена культур не сопровождалась изменением физического типа местного населения. Усть-ишимская культура сыграла едва ли не определяющую роль в формировании общности тоболо-иртышских татар (Конилов, 2007: 255).

Таким образом, южно-таежное и лесостепное население Среднего Прииртышья, с середины XIII в. и по первую четверть XV в. не успело в полной мере интегрироваться в единую татарскую этнополитическую общность. А со второй четверти XV в. этой этнополитической общности не стало, и этногенез населения Среднего Прииртышья происходил в условиях деконсолидации татарского этноса и незавершенного этапа становления самостоятельных общностей в составе тюрко-татарских государственных образований (XV - начало XVII в.).

Таким образом, этап развития керамической традиции южно-таежного и лесостепного населения Среднего Прииртышья, датируемый XIV-XVI вв., может быть связан с термином «ранние татары», поскольку, на наш взгляд, именно этот термин полностью отражает существовавшую этнополитическую и культурную реалии. Она изменилась кардинально только в самом конце XVI - начале XVII века, когда здесь произошли существенные передвижения масс населения, были оставлены городища и поселения, в целом случилась смена парадигмы существования аборигенного населения в составе Московского царства, которая вскоре привела к изменению его этнополитической идентичности. С начала XVII в. мы предлагаем заменить термин «ранние татары» на термины, отражающие традиционные для сибирской этнографии локальные этнические группы западно-сибирских татар: «тарские татары», «барабинские татары» и т.д. (Томилов, 1992). Соответственно для керамики XVII-XIX вв. на наш взгляд было бы уместно использование терминов «керамический комплекс тарских татар», «керамический комплекс барабинских татар» и т.д., и более высокий в иерархическом плане «керамический комплекс западно-сибирских татар». Такой подход позволит не только более точно определить границы расселения этих этнических групп, но и приступить к созданию хронологической шкалы для XIV-XVI вв., что для лесостепной полосы Западной Сибири так и не сделано.

Примечания

³См. другую статью авторов в настоящем сборнике.

Список литературы и источников

Ахметова Ш.К., Погодин Л.И., Толпеко И.В. Процессы тюркизации южных территорий Среднего Прииртышья // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск, 2001. – С. 162-163.

Голдина Р.Д. Перечень работ уральской археологической экспедиции в 1963 г. // ВАУ. - Вып. 8. - Свердловск, 1969. – С. 7-29.

Исхаков Д.М. Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III - середина XVI вв.). - Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.

Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2007. – 466 с.

Корусенко М.А., Михалев В.В. К вопросу о влиянии степных традиций на развитие керамического производства в южнотаежном Прииртышье в IX-XVI веках нашей эры // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – С. 252-256.

Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // СА.- Т.ХІІІ.- 1950. - С. 341-349.

Левашова В.П.

Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея на 1920-1927 гг. // Изв. государственного Западно-Сибирского музея. – Омск, 1928. - № 1. - С. 157–162.

Матвеев А.В., Скандаков И.Е. Работа Омского музея просвещения по сохранению памятника археологии «городище и селище Крапивка II» XIV-XVI вв. // Культура и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. - Томск: Томский государственный университет, 2008. – Вып. 2. – С. 350-360.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Городище Екатерининское V (Ананьинское) в ряду памятников Сибирского ханства // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 358-362.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Коллекции фонда археологии Омского государственного историко-краеведческого музея – источник по истории Сибирских ханств // Музейные ценности в современном обществе: матер. Международной науч. конф., посвящ. 130-летию ОГИКМ (Омск, 14-17 мая 2008 г.). – Омск, 2008а. – С. 73-77.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV-XVI вв. в Среднем Прииртышье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: матер. ЗСАЭК. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008б. – С. 149-152.

Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследование городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003 - 2004 гг. // Тр. по археологии и этнографии ОГИК музея. – Омск: ОГИК-музей, 2006. – С. 69-86.

Мельников Б.В., Яшин В.Б. Новые материалы раннесредневекового времени из лесостепного Прииртышья // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. – Омск, 1988. – С. 34-36.

Михалев В.В. К вопросу о «татарской керамике» в Среднем Прииртышье // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 140-142.

Могильников В.А. К проблеме характеристики культуры Сибирских татар XIV-XVI вв. // Таре 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири. – Омск: Издательство ОмГТУ, 1994. - С. 120-128.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск: Наука, Сиб.отд-ние, 1990. – 262 с.

Овчинникова Б.Б. Соляновские курганы в Прииртышье // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 2005. – С. 231-237.

Соболев В.И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск: Наука, 2008. – 356 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 10).

Соловьев А.И. Кыштовская культура // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. - С. 191-193.

Татауров С.Ф. История археологических исследований сибирских татар и проблемы этнической интерпретации // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010. – С. 27-31.

Татауров С.Ф. Материалы исследований Тоянова городка М.П. Грязновым в архиве МАЭ ОмГУ // VIII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сб. науч. тр. – Омск: Амфора, 2012. - С. 193-196.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В. Раскопки поселения Бергамак III в Муромцевском районе Омской области // Новое в археологии среднего Прииртышья. – Омск: Омск.гос.ун-т, 1999. – С. 101-119.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тарское Прииртышье в XIV-XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука: Сиб.предприятие РАН, 2002. – С. 122-133. – (Т. 5).

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. - Сургут, 2001. - С.114-127.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. - 271 с.

А.В.Матвеев¹, С.Ф.Татауров²

Россия, Омск, ¹областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, ^{1,2}государственный университет им. Ф.М. Достоевского, ²филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**«ТАТАРСКАЯ КЕРАМИКА» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ПОЯВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА³**

Abstract

The article analyses the ceramics of the Siberian Tatars found in habitation sites from the 14th to 17th Centuries AD.

Цель работы – рассмотреть историю хронологической и этнической атрибуции керамики населения лесостепной полосы Западной Сибири XIV-XVI вв., за которой в ряде исследований закрепился термин «татарская керамика».

Археологические работы В.П. Левашевой 1920-х гг. по обследованию Вознесенского городища (Тон-Тура) в Барабинской лесостепи, позволили сибирской археологии сделать первый шаг в плане этнической интерпретации позднесредневековых археологических материалов. В.П. Левашева писала: «определить народность, которой принадлежал этот памятник, пока еще не представляется возможным, т.к. антропологического материала мы не имеем, сравнение с другими западно-сибирскими памятниками тоже мало может дать, т.к. они еще совершенно не изучены, но все же некоторый намек мы имеем – это сходство с татарскими памятниками, городищем Искер и могилами Тоянова городка» (Левашева, 1928: 97).

В публикации 1950 г. В.П. Левашева отнесла материалы городищ Вознесенского, Искер, Самарово, Тоянова городка, Чиняиха, Шеломок к «культуре Сибирского юрта». Уже тогда исследователь указала на одну важную особенность керамической традиции населения этих городищ: «орнаментированная керамика является характерной для данной культуры независимо от народности, так как в состав Сибирского юрта входили не одни татары» (Левашева, 1950: 349). Таким образом, во-первых, В.П. Левашева,

указав ряд опорных памятников, очертила границы новой археологической «культуры Сибирского юрта», включив в нее центральные и восточные территории Сибирского ханства Кучума (на период 1580-х гг.). Во-вторых, она четко развела по разные стороны керамическую традицию, единую по ее мнению, для всего населения «Сибирского юрта», и этническую характеристику носителей этой археологической культуры, все же признав численное преобладание среди них – татар.

В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская в 1951 г. по результатам работ на городище Большой Лог (Нижнее Приемье), верхний культурный слой которого они датировали XII-XVI вв., от этнических определений воздержались, отметив лишь близость материалов верхнего слоя городища Большой Лог материалам Вознесенского городища (Чернецов и др., 1951: 78).

В 1957 г. В.Н. Чернецов предположил, что появление на Безымянном городище керамики, аналогичной «описанной В.П. Левашевой по Вознесенскому городищу на Оми, относится к совершенно иной (по отношению к древнехантской), видимо татарской культуре» (Чернецов, 1957: 219-220). Таким образом, В.Н. Чернецов, находясь в парадигме «археологических культур» и являясь этнографом, предложил для носителей керамической традиции Безымянного городища (Среднее Прииртышье) и Вознесенского городища (Барабинская лесостепь) иное, в отличие от В.П. Левашевой, наименование. Он ушел от использования в качестве маркирующего признака керамической традиции – государственности, заменив его конкретным этническим наполнением – наименованием одного из народов - «татар».

В 1960-х гг. по результатам работ на многослойных Никольском IV и Екатерининском V (Ананьинском) городищах (южнотаежное Среднее Прииртышье) XIV-XVI вв. В.А. Могильников дал предварительную характеристику их керамическим комплексам. Отметив, «некоторую связь с посудой предыдущего хронологического этапа», ученый объяснил новую керамическую традицию региона появлением татар, которые, частично ассимилировав и частично оттеснив местное население, восприняли некоторые элементы культуры, в том числе гребенчатую орнаментацию керамики (Могильников, 1964: 247; 1965: 281). Позднее, в 1994 г., анализируя соотношение керамических комплексов XIV-XVIII вв. и керамических комплексов предыдущего хронологического периода, В.А. Могильников использовал термин «татарская керамика», отметив ее малочисленность и повторив, что керамический узор её заимствован от предыдущей эпохи (1994: 123).

Появлению же самого термина «татарская керамика» мы обязаны Р.Д. Голдиной, которая в 1969 г. использовала его в статье «Перечень работ уральской археологической экспедиции в 1963 г.», при описании полученного материала, в том числе и раскопок Кучумова городища на р. Ишим. В обоснование культурно-хронологической принадлежности комплекса артефактов Кучумова городища Р.Д. Голдина писала: «Что касается этнической принадлежности населения, обитавшего на городище Кучум Гора, то ее определение не представляет большой трудности. Местоположение городища на высоком мысу, сильная укрепленность поселения, столь необычные в ишимской лесостепи, указывают на связь с городищами Сибирского юрта, которые, как правило, располагались в удобных стратегических пунктах и были хорошо укреплены. Вещевой комплекс городища Кучум Гора очень схож с предметами, обнаруженными на тех же поселениях. Даже конструкции жилищ в основных чертах повторяются. Да и само название поселения, бытующее среди местного населения, говорит само за себя. Несомненно, что это городище принадлежало к числу опорных пунктов Сибирского юрта» (Голдина, 1969: 25).

Внимательное прочтение этого «обоснования» не дает нам понимания доказательной базы Р.Д. Голдиной в обосновании этнической принадлежности

населения городища Кучум Гора. Речь вновь шла о поиске аналогий в среде известных археологических памятников Западной Сибири. Отсутствие в конце 1960-х гг. в отечественной археологии отдельной, обоснованной и «защищенной» археологической «культуры Сибирского юрта», предложенной ещё В.П. Левашевой в 1950 г., не позволили Р.Д. Голдиной оперировать собственными полученными данными в поле парадигмы «археологическая культура». По этой причине, сообразуясь с публикациями В.Н. Чернецова, В.А. Могильникова она обратилась к следующей логической конструкции - «государственное образование Сибирский юрт» (по В.П. Левашевой) - «татарская культура» (по В.Н. Чернецову) - народ «татары» (по данным исторических и этнографических источников)- «керамическая традиция татар» (по В.А. Могильникову) - «татарская керамика». Для нас важным является тот факт, что под «татарской керамикой» Р.Д. Голдина понимала характерные керамические комплексы только XVI в., не распространяя этот термин на керамику более раннего периода.

Почти одновременно с термином Р.Д. Голдиной в науке появилась более осторожная атрибуция керамических комплексов Среднего Прииртышья XIV-XVI вв. В.Ф. Генинг, после работ на городище Большой Лог (Нижнее Приомье), в 1970 г. писал о том, керамический комплекс верхнего слоя, который он датировал XII-XVI вв., оставило местное население, подвергшееся тюркизации. Подчеркнув, что «это не означает, что все они были тюрками» (Генинг и др., 1970: 228).

В 1970-80-х гг. на территории Барабинской лесостепи плодотворно работали экспедиции В.И. Молодина, В.И. Соболева, А.И. Соловьева и др. В их обобщающей монографии «Бараба в эпоху позднего средневековья» (1990 г.) значительное место заняли археологическая характеристика и типологизация керамических комплексов XIV – XVI вв. Авторы изначально разбили эти комплексы по этническому признаку на «изделия барабинских татар», «изделия южных хантов», «изделия селькупов». В тексте разделов были использованы термины «керамические комплексы барабинцев», «керамика группы барабинских татар», «керамические комплексы тюменских татар», «керамика западно-сибирских татар» (Молодин и др., 1990: 16-32). Столь уверенное использование этнических терминов при наименовании, атрибуции и типологии керамических комплексов населения Барабинской лесостепи XIV – XVI вв. было основано на уверенности исследователей в том, что формирование упоминаемых ими этнических групп состоялось к XIV в. (Там же: 194). Аналогичная терминология была использована В.И. Соболевым и при подготовке им докторской диссертации (2008: 126-128, 130). В.И. Соболев считал, что в XIV в. завершился процесс сложения западно-сибирских татар (Там же: 272).

Таким образом, от конструкта «татарская керамика», предложенного Р.Д. Голдиной для обозначения керамических комплексов известных городищ Сибирского ханства второй половины XVI в., в 1980-90-х гг. сибирская археология перешла к оперированию терминами, отражающими, по мнению новосибирских исследователей, более стройные иерархические (прежде всего своим этническим наполнением) структуры более ранних исторических периодов - XIV – XVI вв. Выстроилась, по сути, этнографическая иерархия археологических комплексов керамики: «керамика западно-сибирских татар», в которую входили «керамические комплексы барабинцев», «керамические комплексы тюменских татар» и др.

Одновременно с археологическими исследованиями культуры населения Среднего Прииртышья и Барабы XIV-XVI вв. на протяжении второй половины XX в. происходило активное изучение вопросов этногенеза и этнической истории западно-сибирских татар. Уже к 1981 г. у ведущих отечественных этнографов-сибиристов сложилось обоснованное мнение о том, что сибирские татары начали консолидироваться в феодальную народность только в XV – XVI вв. (Валеев, 1980: 22,

44). По мнению же Н.А. Томилова, даже в начале XX в. единого этноса сибирских татар не существовало, и они представляли из себя не до конца консолидированную метаэтническую общность (1992: 212-213). По этой причине использование этнически-наполненных терминов «керамика группы барабинских татар», «керамические комплексы тюменских татар» при атрибуции керамических комплексов XIV-XVI вв. Среднего Прииртышья и Барабы выглядит, по меньшей мере, странно. Поскольку по данным сибирской этнографии ни барабинских, ни тюменских, никаких других групп западно-сибирских татар в это время еще не существовало.

С 1993 г. группа омских этноархеологов, в числе которых были В.Б. Богомолов, Б.В. Мельников, С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, приступила к изучению археологических памятников и этнографии тарских татар XVII-XX вв. При исследовании археологических памятников конца позднего средневековья – Нового времени здесь были получены представительные коллекции артефактов. При анализе, атрибуции и описании полученных керамических комплексов учеными был автономно от Р.Д. Голдиной вторично использован термин «татарская керамика». Обоснованием для такого применения стал факт того, что исследованию подвергались остатки населенных пунктов и могильники XVII-XVIII вв., однозначно оставленные проживавшими здесь тарскими (аялыньскими, туралинскими) татарами. Эти этнические термины были зафиксированы в многочисленных письменных и изобразительных источниках XVII-XX вв. Таким образом, в отличие от предыдущих исследователей, омские этноархеологи на самом деле придали термину «татарская керамика» не только культурно-хронологический, но и этнодиагностирующий характер (Татауров, 2010: 31).

Причем материалы XVII-XVIII вв. оказались еще более значимыми в том плане, что удалось выделить не просто татарскую посуду, а орнамент, так как именно он, на наш взгляд, является этнодиагностирующим признаком. Дело в том, что приход русского населения в Сибирь привел к кризису многие традиционные хозяйственные занятия сибирских татар, в том числе и гончарство. В этот период они стали изготавливать посуду по русским формам и технологиям, но какой-то период покрывали ее своим традиционным орнаментом. Такие горшки и сковородки были найдены нами во время раскопок поселения Бергамак III (Татауров, Татаурова, 1999).

При изучении средневековых комплексов Нижнетарского археологического микрорайона исследователям удалось зафиксировать ряд комплексов конца IX – XIV вв., которые они связали с периодическими миграциями тюркского населения (Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001; Татауров, Тихонов, 2002). Это дало возможность проследить адаптацию этого населения к новым условиям и сделать вывод о том, что они, не имея собственной керамической посуды, заимствовали ее у местного населения. Таким образом, по мнению авторов, появилась «татарская керамика» XVII-XIX вв. (Татауров и др., 2002: 132-133).

Термин «татарская керамика», появившийся первоначально в лексике означенных авторов как термин «технический», необходимый, прежде всего для полевого обозначения керамического комплекса, отличного от керамики русского населения региона XVII-XIX вв. прочно закрепился в публикациях 1990-х гг. омских исследователей. Вместе с тем уже сейчас нельзя признать его корректность, поскольку термин распространяется на все известные группы татарского народа: казанских, астраханских, крымских татар. Тем не менее, важнейшим достижением омских этноархеологов в 1990-е гг. стало не только выделение этого характерного керамического комплекса, присущего татарскому населению Тарского Прииртышья XVII-XIX вв., но и предположение об определенной схожести его с известными на тот момент опубликованными и неопубликованными (музейными) археологическими

керамическими коллекциями XIV – XVI вв. Среднего Прииртышья и Барабы (Татауров, Матвеев, 2008а).

Последующие археологические изыскания на памятниках XIV-XVI вв. в южно-таежной зоне Среднего Прииртышья, проведенные А.В. Матвеевым и С.Ф. Татауровым в 2004-2007 гг. позволили получить новые серии керамических изделий (Матвеев, Скандаков, 2008: 350-360; Матвеев, Татауров, 2008б: 149-152; Матвеев, Татауров, 2011; Матвеев, Трофимов, 2006: 69-86; Татауров, 2010). Их облик и орнаментация дали возможность авторам более чем смело использовать термин «татарская керамика» для их атрибуции и описания. Прежде всего, снова как технический термин, необходимый для отличия этой керамики от керамики предшествовавшей усть-ишимской археологической культуры X-XIII вв. Вместе с тем, исследователи предполагали и провозглашали генетическую связь между керамическими комплексами тарских татар XVII-XVIII вв. и керамикой исследуемых ими городищ и селищ XIV-XVI вв. (городище Надеждинка IV, могильник Надеждинка VII, городищ Кошкуль IV, Крапивка II, Екатерининское V (Ананьинское)). А.В. Матвеев для разделения полученных в культурном слое городищ Кошкуль IV, Крапивка II использовал термин «сосуды татарского облика», «сосуды усть-ишимского облика» (Матвеев, Скандаков, 2008: 356). Таким образом, появился еще один некорректный термин для обозначения керамических комплексов XIV-XVI вв. Среднего Прииртышья.

Активизация работ по изучению археологических комплексов населения сибирских тюрко-татарских государственных образований XV-XVI вв., в середине 2000-х гг., привел к возникновению научной дискуссии о корректности использования термина «татарская керамика» для обозначения керамических коллекций XIV – XVI вв. населения Среднего Прииртышья и Барабы. В.В. Михалев совместно с М.А. Корусенко (2006), а затем отдельно (2011) представил следующую аргументацию: «Керамическое производство усть-ишимской культуры, угорской в своей основе, явилось базой, на которой сформировалось керамическое производство XIV-XVII вв. аборигенного населения Среднего Прииртышья... говорить о смене населения для Среднего Прииртышья в позднем средневековье нет оснований... позднесредневековая керамика Среднего Прииртышья и Барабы имеет четкие аналогии в керамике предшествующих культур» (Михалев, 2011: 141). «Обозначение «татарская» по отношению к керамике, являющейся продолжением традиций, сформировавшихся в иной (вероятно, угорской) среде неприемлемо. ...керамику этого времени уместнее называть, вслед за В.П. Левашевой, «керамикой Сибирского юрта», или использовать другое обозначение, не несущее этнической окраски» (Михалев, 2011: 141). Вместе с тем, распространять предложенный В.В. Михалевым термин на посуду XIV – начало XV в. невозможно, поскольку Сибирского юрта в это время еще не существовало. Возникшие здесь в XV-XVI вв. тюрко-татарские государственные образования (искл. Сибирское ханство 1563-1598 гг.) располагались на очень локальной территории Тоболо-Иртышья и не могли влиять на керамическую традицию населения Омского Прииртышья, Барабы.

В 2004-2006 гг. А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров провели анализ многочисленных керамических комплексов XIV-XVI вв. Среднего Прииртышья, Приишимья, Притоболья, Притомья и Барабы, на основании чего подтвердили вывод В.П. Левашевой о схожести их орнаментальных мотивов (Матвеев, Татауров, 2008а). Этот результат был неожиданным, поскольку согласно ряду письменных и устных этнографических источников, население южнотаежной и лесостепной полосы Западной Сибири в конце XIV-XVI вв. было чрезвычайно пестрым по своему этническому составу, что не только было зафиксировано исследователями и фискалами в XVII-XX вв., но и до настоящего времени сохраняется в языке и самосознании представителей различных групп западно-сибирских татар.

Таким образом, получается, что, несмотря на то, что в XIV-XVI вв. население исследуемой территории имело различное происхождение, оно культивировало одну (с учетом наличия локальных вариантов) керамическую традицию. В.П. Левашева, а вслед за ней М.А. Корусенко и В.В. Михалев снимали это противоречие великой объединяющей ролью государства – Сибирского юрта. Мы же предлагаем решение, основанное на результатах современных исследований казанского ученого Д.М. Исхакова, который утверждает, что население тюрко-татарских государственных образований Западной Сибири XV-XVI вв. делилось по этносословному признаку на две неравные по численности их представителей, части.

Первой частью было ясачное население (чернь), генетически восходившее к дозолотоордынским этническим общностям, то есть к населению усть-ишимской археологической культуры, подвергавшемуся непрерывной тюркизации. Это ясачное население жило оседло по «волостям». К ясачному же населению относились кочевые и полукочевые представители кыпчако-кимакских родовых подразделений, проживавших в степи и лесостепи Западной Сибири.

Другой составляющей государств Западной Сибири XV-XVI вв. был слой феодалов из золотоордынских групп с четким клановым делением («татар»), которых Д.М. Исхаков делит на многочисленные племена тюркского или монгольского происхождения. «Татары» вели кочевой или полукочевой образ жизни и жили в «улусах» (Исхаков, 2011б: 172-173). Очевидно, что немногочисленные представители этого слоя феодалов не занимались изготовлением керамической посуды, и в большинстве своем использовали либо кожаную, либо металлическую (котлы) посуду. Либо посуду для них изготавливала «чернь» - зависимое население, представленное группами тюрков, тюркизированных угров, тюркизированных селькупов.

В соответствие с концепцией Д.М. Исхакова такое положение дел выглядит логичным для XV-XVI вв. Как нельзя, кстати, в 2007 г. в своей монографии, посвященной раннему и развитому средневековью Среднего Прииртышья, омский ученый Б.А. Конигов отошел от моноцентричной (угорской) концепции этнической принадлежности носителей усть-ишимской археологической культуры X-XIII вв. и говорит о ее мультиэтничности (южные ханты, тюрки, кеты) (2007: 255, 256).

Таким образом, единство керамической традиции населения южнотаежной и лесостепной полосы Западной Сибири XIV-XVI вв. формировала не позднезолотоордынская государственность, которая как явление появилось здесь лишь в XV в. да и не на всей исследуемой территории, а общие процессы деградации керамической традиции у населения развитого средневековья, которые произошли в том числе и под влиянием пришлого тюркского населения и последующей интеграции населения региона в Улус Джучи в XIII – первой четверти XV вв. С другой стороны, при всей мозаичности тюркских мигрантов, нельзя отрицать их общность происхождения, языка, основ культуры и хозяйства. Признавая многокомпонентность тюркского населения с одной стороны, нельзя исключать их высокую коммуникабельность с другой, вытекающей из их кочевого или полукочевого образа жизни, что вело к культурному взаимовлиянию. Поэтому новая керамическая традиция, родившаяся из сложения высококачественной северной посуды и ее антипода у южного населения, широко распространилась по всему лесостепному поясу Западной Сибири.

Итогом нашей публикации казалось бы должен стать термин, противоположный термину «татарская керамика» и в полной мере корректно отражающий суть описываемых явлений XIV-XVI вв. Однако для этого сначала необходимо ответить на вопрос: «кем было населения рассматриваемого региона?» Здесь мы выходим на более обширную проблему этнической истории и этногенеза сибирских татар. Для керамики XVII-XIX вв. на наш взгляд уместно использование терминов «керамический комплекс

тарских татар», «керамический комплекс барабинских татар» и т.д., и более высокий в иерархическом плане «керамический комплекс западно-сибирских татар».

Примечания

³ См. другую статью соавторов в настоящем сборнике.

Список литературы и источников

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. (Историко-этнографические очерки). – Казань: Татар.кн. изд-во, 1980 – 232 с.

Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы периодизации и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск.ун-та. – 1970. - С. 203-228.

Исхаков Д.М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Сибирский сборник. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011а. - С. 243-248.

Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследований проблемы становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирский сборник. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011б. - С. 170-179.

Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука» – 466 с.

Корусенко М.А., Михалев В.В. К вопросу о влиянии степных традиций на развитие керамического производства в южнотаежном Прииртышье в IX-XVI веках нашей эры // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Красноярск; Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – С. 252-256.

Левашева В.П. Вознесенское городище // Изв. Государственного Западно-Сибирского музея. – Омск: Изд. гос. Зап.-Сиб. музея, 1928. – № 1. – С. 87-97.

Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // СА.Т.ХIII. - 1950. - С. 341-349.

Левашова В.П.

Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея на 1920-1927 гг. // Изв. государственного Западно-Сибирского музея. - Омск: Изд. гос. Зап.-Сиб. музея, 1928. - № 1. - С. 157-162.

Матвеев А.В., Скандаков И.Е. Работа Омского музея просвещения по сохранению памятника археологии «городище и селище Крапивка II» XIV-XVI вв. // Культура и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. - Томск: Томск. гос. ун-т, 2008. – Вып. 2. – С. 350-360.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Городище Екатерининское V (Ананьинское) в ряду памятников Сибирского ханства // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 358-362.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Коллекции фонда археологии Омского государственного историко-краеведческого музея – источник по истории Сибирских ханств // Музейные ценности в современном обществе: матер. Международной науч. конф., посвящ. 130-летию ОГИКМ (Омск, 14-17 мая 2008 г.). – Омск, 2008а. – С. 73-77.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV-XVI вв. в Среднем Прииртышье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008б. – С. 149-152.

Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследование городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003 - 2004 гг. // Тр.по археологии и этнографии ОГИК-музея. – Омск: ОГИК-музей, 2006. – С. 69-86.

Михалев В.В. К вопросу о «татарской керамике» в Среднем Прииртышье // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 140-142.

Могильников В.А. Ананьинское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. - 1965. - № 1. - С. 275-282.

Могильников В.А. К проблеме характеристики культуры Сибирских татар XIV-XVI вв. // Таре 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири. – Омск: Издательство ОмГТУ, 1994. - С. 120-128.

Могильников В.А. Никольское IV городище (в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья // СА. - 1964. - № 1. - С. 242-247.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – 262 с.

Соболев В.И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск: Наука, 2008. – 356 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 10).

Татауров С.Ф. История археологических исследований сибирских татар и проблемы этнической интерпретации // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010. – С. 27-31.

Татауров С.Ф. Материалы исследований Тоянова городка М.П. Грязновым в архиве МАЭ ОмГУ // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сб. науч. тр. – Омск: Амфора, 2012. - С. 193-196.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В. Раскопки поселения Бергамак III в Муромцевском районе Омской области // Новое в археологии среднего Прииртышья. – Омск: Омск.гос.ун-т, 1999. – С. 101-119.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тарское Прииртышье в XIV-XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука: Сиб.предприятие РАН, 2002. – С. 122-133. – (Т. 5).

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. - Сургут, 2001. - С.114-127.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. - 271 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири // МИА. - № 58. – М., 1957. - С. 36-135.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // КСИИМК. - Вып. XXXVII. - М., 1951. - С. 78-87.

И.Р. Нигаматзянов

Россия, Казань, Институт Татарской энциклопедии АН РТ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

The article analyzes the views of Prof. G.A. Fedorov-Davydov on the ethnic history of the nomads of Eastern Europe in the X–XIV centuries.

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931–2000) являлся известным специалистом по археологии, истории и нумизматике Поволжья и Средней Азии. Диапазон научных интересов ученого был очень широк и главным направлением работ Г.А. Федорова-Давыдова и его учеников была разработка социально-экономических вопросов развития Поволжья в период средневековья. Вопросы этнической истории ученым рассматривались попутно, но, тем не менее, и в этом направлении им были получены значительные результаты. Среди поставленных задач по изучению Золотой Орды Г.А. Федоров-Давыдовым, ставилась необходимость рассмотрения вопросов культурного и этнического взаимодействия народов, создавших культуру Золотой Орды (Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959: 128–134).

Деятельность Г.А. Федорова-Давыдова по изучению вопросов этнической истории состояла из научно-организационной работы и теоретических разработок.

Г.А. Федоров-Давыдов являлся организатором и руководителем Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ), которая с 1959 г. ведет крупномасштабные планомерные археологические исследования памятников в Среднем (в Чувашии и Мордовии) и Нижнем Поволжье (золотоордынские городища и курганы в зоне новостроек в Астраханской и Волгоградской областях).

В 1970–1980-е гг. крупные новостройки заставили ПАЭ заняться изучением археологических памятников, оказавшихся в зоне строительства и подлежащих уничтожению. В Черноярском районе Астраханской области в ходе строительства первой очереди Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы возникла опасность затопления и исчезновения большого количества древних курганов. Новые задачи привели к резкому расширению фронта работ экспедиции (Федоров-Давыдов, 1983: 52).

За десять полевых сезонов на протяжении 60 км вдоль сухого русла балки «Кривая Лука» было раскопано около трех с половиной сотен курганов. К работе, которая носила комплексный характер, были привлечены антропологи, остеологи, почвоведы. В результате во многом стала яснее и картина освоения кочевниками сухих степей Северного Прикаспия на протяжении длительного времени, и динамика функционирования русел, подобных «Кривой Луке». Более отчетливо стала видна разница в развитии древних культур на территории Калмыкии и низовий Волги в эпоху средней бронзы. Была открыта группа погребений предскифского времени, неизвестных ранее в этих районах. Памятники савроматской культуры подтвердили факт ее появления на правом берегу Волги не позднее конца VI в. до н.э. (Дворниченко, Егоров, Яблонский, 2002: 6–14). По мнению Л. Т. Яблонского, во многом благодаря инициативе Г. А. Федорова-Давыдова Нижнее Поволжье в палеоантропологическом отношении стало одним из наиболее исследованных регионов России (Яблонский, 2002: 29).

В изучении истории кочевников Восточной Европы X–XIV вв., Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривая курганы и могилы кочевников, прежде всего, поставил вопрос о хронологической сменяемости одних другими и, пользуясь методом математической статистики, подсчитал, на каких территориях и в какое время преобладал тот или иной погребальный обряд. Затем при сопоставлении типов погребальных памятников с данными письменных источников автор получил данные для этнического осмысления каждого из типов и данные для изучения передвижений различных племен (печенегов, торков, половцев) в степях Восточной Европы в X–XIV вв.

Изучив данные письменных источников, подвергнув анализу методами математической статистики более 1000 погребальных комплексов кочевников Восточной Европы и более 200 каменных изваяний половцев, привлекая материалы из собственных раскопок золотоордынских городов, обильный нумизматический

материал Г.А. Федоров-Давыдов в хронологическом отношении выделил четыре периода: первый период (печенежско-торческий) – X–XI вв., второй период (половецкий) – конец XI–XII вв., третий период (половецкий предмонгольский) – конец XII – начало XIII вв., четвертый период (половецкий золотоордынский) – вторая половина XIII–XIV вв. (1966а; 1966б).

В первый период (X–XI вв.) в степях Восточной Европы господствовали печенеги. В середине XI в. появились на недолгий срок родственные печенегам гузы-торки. Печенеги входили в приаральский союз тюрков-огузов, откуда в IX в. начали свое движение на запад. В середине XI в., вследствие внутренней борьбы аристократии за власть, племена печенегов распались. Часть печенежских племен откочевывает на Дунай и в Византию, часть попадает под власть торков-гузов (Федоров-Давыдов, 1966а: 7). Однако, С.А. Плетнева считала, что торческого периода не было, так как этот народ недолго кочевал в восточноевропейских степях и их целью являлось завоевание Византии (1981: 213).

Во второй период (конец XI–XII вв.) в степях Восточной Европы господствовали половцы, а остатки разгромленных печенегов и торков сосредоточились около некоторых русских городов. Наибольшее количество печенежско-торческого населения было в Южной Киевщине, в Поросье, где сформировался союз «черных клобуков». В Поволжье следы пребывания печенежско-торческого населения не встречаются, и в целом, восточные районы степи в этот период были очень редко заселены.

В третий период (конец XII – начало XIII вв.) Г.А. Федоров-Давыдов отмечает тенденцию проникновения в Поросье половецких черт погребального обряда.

В IV период произошло перемещение некоторых домонгольских племен. Так, ученый четко прослеживает движение поросских черноклобуцких племен в Поволжские степи. В целом, часть племен меняет свои традиционные районы обитания, переселяются на новые места. Но значительная часть половецких и других кочевых племен сохраняют свои традиционные кочевья.

Г.А. Федоров-Давыдов ставит вопрос о переселении в Восточную Европу монголов, о численности монголов в золотоордынских степях и их значении в сложении этнической карты Дешт-и-Кыпчака.

Г.А. Федоров-Давыдов показал, что пришедшее в степи Дешт-и-Кыпчака монгольское население было сравнительно незначительным. Старое домонгольское население степей, вошедшее в состав Золотой Орды, население, главным образом состоявшее из половецких, кимакских, гузских племен, а также остатков печенежско-торческих (черноклобуцких) племен, подвергалось в течение золотоордынского периода своей истории коренным изменениям (1966б: 247).

Монгольское завоевание уничтожило ту оболочку племенных делений, которая была характерна для старого кочевого общества половецкой степи и поставило население Дешт-и-Кыпчак в рамки улусной системы – формы феодального развития общества в степи.

В связи с этим происходит резкое изменение некоторых черт культуры, например, исчезает существенный для этнографии половцев обычай – ставить каменные изваяния в честь предков.

Государство Золотой Орды было эпохой глубокого изменения как соотношения сил оседлых и кочевых зон Восточной Европы, так и внутренней социальной структуры населения степей (Федоров-Давыдов, 1973: 172).

Процессы перемещения масс кочевников, стирания старых традиционных границ между этническими массивами, раздробление их по новым улусам, сургалам и государствам – все это подготовило к XV в. трансформацию домонгольского

(половецкого) населения в «татар» на западе (Ак Орде) и «узбеков», «казахов» и «ногаев» – на востоке (Кок Орде).

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, этнические наименования в Дешт-и-Кыпчак были разными по своему происхождению. Наряду с древними наименованиями племен (найманы, кунграты, кыпчаки и др.), которые стали означать мелкие подразделения населения, утратили обобщающий характер, были старые племенные названия, ставшие в силу особых причин наименования новых объединений племен, возникших на основе государственного их объединения или объединения их в составе одного феодального владения. Таковы «татары» – этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию в Дешт-и-Кыпчак. При этом имя стало названием всех кочевников Золотой Орды. Новые объединения именовались часто также по прозвищам ханов. Таковы были «ногайцы-мангыты», названные так по прозвищу Едигея и по его племенной принадлежности (из племени Мангыт) (Федоров-Давыдов, 1973: 173–174).

Таким образом, заключает ученый, механизм изменения этнонимов был следующим: когда кочевая группа входила в состав нового объединения, она получила двойное наименование: старое имя племени и имя того объединения племен, которое оно включалось. Последнее чаще было не самоназванием, а прозвищем, которое давалось соседями. Впоследствии, приходя в соприкосновение с другими народностями, такие племена в конце концов утрачивали свое старое имя и за ними утверждалось название нового объединения.

Список источников и литературы

Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Тр. ГИМ. - Вып. 135: Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – М., 2002. – С. 6–14.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., Наука, 1981. – С. 213–222.

Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. - 1959. - № 4. – С. 128–134.

Федоров-Давыдов Г.А. В древней дельте Волги (Из работ Поволжской археологической экспедиции) // Путешествие в древность. – М., 1983. – С. 52–57.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках: автореф. дис. ... доктора ист. наук. – М.: МГУ, 1966а. – 38 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во МГУ, 1966б. – 275 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 177 с.

Яблонский Л.Т. Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья // Поволжье в средние века: тез. док. Всероссийской науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000). – Ниж. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 29–32.

А.В. Овчинников

*Россия, Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**СООТНОШЕНИЕ ЭТНОСА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В
ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ (СОВЕТСКИЙ ЭТАП
КОНСТРУИРОВАНИЯ МИФА)**

Abstract

The relation of ethnicity and culture in the archaeological discourse of national histories is analyzed. The article in particular examines the Soviet tradition of combining archaeology and ethnography and concludes by examining the importance of social practices in the process of constructing scientific myths.

Национальные истории, как известно, призваны консолидировать ими же определяемый круг людей через образы прошлого. Конструируемые мифы включают в себя представления о неких целостностях (народах, этносах, нациях и т.п.), которые развиваются во времени и пространстве. Образный ряд символов со страниц монографий и учебников незаметно для обывателя перетекает в его сознание и формирует «предпонимание» реальности. В свою очередь, создаваемые интеллектуалами конструкты не могут не отражать окружающие их социальные практики. Последние в бывшем СССР характеризовались корпоративностью, особенно в семье и трудовом коллективе. В объясняющем мифе тасовавшиеся в зависимости от ситуации образы рабочих, крестьян, врагов народа, национальностей и прочих отличались своей антииндивидуальностью и тенденцией удерживать человека в пределах одной единицы классификации (это, видимо, главная причина того, что в СССР «не прижилась» изучающая конкретного индивида социально-культурная антропология). Престижность и легитимность классификаций обуславливалась их «опрокидыванием» в прошлое, что должно было доказать научную необходимость заострять внимание на определённых социальных, политических, культурных, религиозных, даже физиологических различиях между людьми. Констатация устойчивости «коллективных организмов» позволяла использовать их образы для обоснования политических решений.

Специалисты отмечают, что в период с конца 1930-х до начала 1950-х гг. *«советская внутренняя политика стала переориентироваться с классовой парадигмы на этнонациональную»* (Шнирельман, 2011: 233). Официальная идеология на территории СССР стала видеть не антагонистические классы (в социальном отношении общество, якобы, стало однородным), а живущие «одной дружной семьёй народы». Директором Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромлеем в широкий научный и политический оборот был введён термин «этнос». Сегодня понятна ошибка учёного, считавшего, что *«этноты как определённые целостности существуют объективно, вне сознания»* (Бромлей, 1969: 84). «Этнос» – это сконструированный образ, составными элементами которого являются имеющиеся «под рукой» у исследователя данные: представления о языке, культуре, географических районах, особенностях психологии людей. При условии отсутствия настойчивого информационного «просвещения» обыватель вряд ли назовёт свою национальность (он даст сведения о семейной, родовой, территориальной идентичностях). Наблюдаемая у Ю.В. Бромлея и его сторонников онтологизация «этноса» делает эту концепцию мифом, в котором, как известно, *«не различаются объект и его образ в сознании субъекта, объект и мысль о нем; любые образы трактуются им «как сама объективность»»* (Найдыш, 2010: 383).

Иницируемая властями и поддерживаемая этнографами тотальная этнизация реальности сказалась и на археологической науке. Дело в том, что в материалах письменных источников можно найти много т.н. «этнонимов» (на поверку они

оказываются территориальными, социальными, политическими и религиозными терминами). От них, используя созвучия, можно провести линии к современным «этносам», но как быть с огромным периодом бесписьменной истории? Решить проблему должна была археология.

В начале 1950-х гг., когда слово «этнос» ещё официально не использовалось, в этой науке стал ощутим переход к изучению этнического. Не смотря на то, что к тому времени накопился большой объём вещественных источников, и объективно требовались теоретические основания их анализа, этот поворот не был результатом саморазвития научной мысли. Главная причина наделения материальной культуры этническими характеристиками заключалась в идеологической необходимости проиллюстрировать древнюю историю современных народов. В 1953 г. директор Института истории материальной культуры АН СССР А.Д. Удальцов на страницах сборника «Против вульгаризации марксизма в археологии» заявил о большой роли ретроспективного метода в воссоздании исторических судеб народов по археологическим данным. Указывалось, что *«этим методом в ряде случаев можно проследить генетическую непрерывность развития в области материальной культуры, вскрываемую археологией, что даёт возможность со значительной долей вероятия заключать о непрерывности развития данного народа, даже иногда его автохтонности на изучаемой территории»* (Удальцов, 1953: 16).

В археологических источниках необходимо было обнаружить группирующиеся на одной территории специфические признаки, совокупность которых рисовала в воображении нечто целое. Только при условии наличия этого целого можно было удревнить начала этногенеза, показав преемственность между древними вещами и ...ныне живущими людьми, предварительно разделив их на народы. Видимо, эта насущная потребность явилась причиной появления «археологической культуры» и соотнесения её с этнической общностью. Неожиданно немые черепки, украшения, погребения, орудия труда и т.д. обрели громкий политический голос.

В Советском Союзе, благодаря работам И.В. Сталина, нация мыслилась не многоязычным, многорелигиозным, многоэтническим согражданством, а высшей стадией развития одной этнической общности, совмещающей в себе единство *«языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»* (Сталин, 1946: 296). Учитывая, что в основу государственного устройства СССР был положен этнический фактор (что наряду с прочим подразумевало внимание к «сроку давности» пребывания народа и его предков на данной территории), археологическая культура стала важнейшей частью национальных, т.е. одновременно этнических и государственных, «историоидеологий». Хотя в советской научной литературе время от времени появлялись разумные замечания об археологической культуре только как инструменте классификации и не более (историографический обзор см.: Викторова, 1989: 18-22), переломить общую тенденцию они не могли. Причина заключалась не в слабости аргументов, а скорее всего, в понимании большинством археологов того, что в случае отсечения изучаемого ими материала от господствующей идеологии их могла ожидать участь маргиналов.

Бромлеевский «этнос» и «археологическая культура» создали теоретические основы лёгкого конструирования «древних и средневековых историй» народов. В этих нарративах государственная история совпадает с этапами т.н. этногенеза, начало которого реконструирует археология. В символьном поле (по П. Бурдьё), условно называемом западной наукой, союз археологов и социально-культурных антропологов не мог породить подобное странное создание. Западные исследователи рассматривают *«процесс этногенеза как вызревание чувства единства, независимо от того, на чем оно основано»* (Шнирельман, 2010: 70). Большую роль в нём играют

вариативные, постоянно и динамично меняющиеся эмоции и чувства. Этногенез происходит здесь и сейчас, или, по крайней мере, начался в недавнем прошлом (Шнирельман, 2010: 70), и для его изучения нет необходимости обращаться к древним временам и тем более к вещественным источникам. В советской практике, наоборот, следуя принципам мифического мышления, через изначально неверные установки просеивался огромный вещественный материал, в котором находили сконцентрированные на одной территории «этноопределяющие» признаки, затем прослеживали их трансформацию и преемственность до времени первых этнографических описаний. Манипулировать якобы значимыми признаками археологических источников можно было бесконечно, что видно на примере выделения многочисленных типов одних и тех же вещей. Такая неопределённость идеально подходила для подбора аргументации в этноисторических спорах, которые из-за усиления позиций руководства советских союзных и автономных республик, наличия между ними территориальных и политических противоречий, приобретали острую злободневность. С распадом СССР эти споры стали важной составляющей оправдания кровавых военных конфликтов.

Превращение, пусть и ошибочных, научных теорий в миф, нельзя объяснять только исходя из уровня профессионализма, степени доступности материала, знакомства (или отсутствия такового) с другими (как правило, зарубежными) точками зрения. Речь должна вестись о специфике всей советской гуманитарной науки. В её распоряжении имелся огромный эмпирический материал, но анализировался он, исходя из явно мифических принципов. С одной стороны, причиной этого являлось засилье идеологии, подменявшей собственно научную методологию, с другой – сама организация учёных в бюрократические государственные коллективы с их карьерными лестницами, совмещавшими научный и административный статусы. В таких условиях любая выдвигаемая «сверху» теория воспринималась не как требующая детального и критического разбора гипотеза, а как приказ «начальства». Результаты специальных исследований, проведённых силами целого академического института, волей власти имущих могли быть «втиснуты» в сюжеты мифа. Примечательны слова академика и одновременно директора Института археологии АН СССР Б.А. Рыбакова, сказанные им в 1978 г. во время посещения выставки казанского художника К.А. Васильева (его работы уже несколько десятилетий русскими националистами считаются эталонными): *«Я всю жизнь восстанавливал картину истории Древней Руси по отдельным фрагментам, а здесь увидел её целостный образ»* (фраза воспроизведена не дословно, записана со слов друга художника, директора картинной галереи К.А. Васильева в Казани).

Невозможность настоящей дискуссии приводила к своеобразной психологической защите: обладавший низким административным статусом учёный «запирался» в очень узкой специализации и намеренно работал только с источниками, не касаясь «опасной» теории. Распространилось негласное мнение, что настоящей наукой является только описание полученного в поле материала, и чем выше уровень обобщения, тем ниже степень научности. Это было видимостью решения проблемы, т.к. в итоге наработки учёных-эмпириков использовались как примеры для иллюстрации «разделяемой всеми» точки зрения. Сами того не желая, «практики» работали на своих оппонентов, и тем самым обесценивали результаты кропотливого труда. Подобная ситуация характерна и для современной России, особенно для национальных республик, в которых структура организации научных учреждений далека от принципов работы независимых от государства и финансируемых из различных источников западных научных ассоциаций.

Список источников и литературы

- Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // СЭ. – 1969. – № 6. – С. 84-91.
- Викторова В.Д. Научный поиск в археологии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 152 с.
- Найдыш В.М. Мифология: учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2010. — 432 с.
- Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. Сочинения. – Т. 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290-367.
- Удальцов А.Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И.В. Сталина о языке // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – С. 9-18.
- Шнирельман В.А. Расизм, этничность и демократия // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 66-85.
- Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. – Т. I. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 552 с.

Н.Л. Погодина

Россия, Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет
**РИТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ А. Г. ПЕТРЕНКО
(ПО ДАННЫ МОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Abstract

Archaeological research in the Middle Volga region is associated with the activities of AG Petrenko - Doctor of Biological Sciences and a pioneer in the study of archaeozoological material. She diagnosed with a large number of bone remains from burials in the Middle Volga region of the Bronze Age (Khvalynsky and Potapovsky and burial mounds, settlement Vilovatoe) and Iron Age (Ahmylovsky cemetery, Tetyushi, Morkvashi, Novomordovo Ohlebeninsky and burial). Petrenko demonstrated the robustness of this method to cast light on the burial rites of different ethnic groups and their subsistence strategies. Her research on Bronze Age and early Iron Age monuments proved the existence of small ruminants and pigs in the homes of the ancient population. The dominance of an animal in open graves reflects the existence of different ethnic groups in the Middle Volga region.

Обряд захоронения является одним из важнейших этнокультурных признаков. Даже незначительные изменения в ритуальном обряде показатель внедрения иноплеменных групп на исследуемую территорию или свидетельство о взаимовлиянии культур. Детальное исследование и анализ могильников дает важные материалы для решения проблем социального и экономического развития изучаемых этнических групп. Osteологический материал уникален в плане уточнения проблем, связанных с историей возникновения и развития некоторых форм производящего хозяйства у племен, оставивших могильники. Ведь известно, что образ жизни людей тесно связан с их обычаями и традициями. У древних народов языческая религия имела весомое значение. Соблюдение определенных ритуалов, обеспечивало успешную жизнь в загробном мире. В погребальные ямы помещали все необходимое для загробной жизни, в том числе и домашних животных, с которыми были тесно связаны по жизни.

Данная работа дает обзор могильников, оставленных древними людьми различных археологических культур в период с бронзового века по железный век на территории Среднего Поволжья. Анализ материала проводила археозоолог А.Г. Петренко – доктор биологических наук, ею были выявлены некоторые закономерности появления ритуальных остатков животных в могильниках края. Проанализированный

материал разделен на группы могильники эпохи бронзы и могильники эпохи раннего железа.

Могильники эпохи бронзы

К этим памятникам относятся Хвалынский и Потаповский курганные могильники. Ритуальные остатки Хвалынского могильника датируются второй половиной V тыс. до н.э. – концом IV тыс. до н.э. По результатам проведенных исследований Хвалынского могильника выявилось, что основная часть проанализированных остатков костей животных принадлежит к трем основным группам:

- а) кости из жертвенников;
- б) кости, сопровождающие костяки и погребения;
- в) кости с квадратов раскопа, не имеющие указания принадлежности к тому или иному погребению, но расположенные над захоронениями (Петренко, 2000: 79).

Исследователем были определены кости домашних животных, таких как бык домашний, овца, коза, лошадь. Кости лошадей встречаются в единичных экземплярах. Присутствуют в жертвенниках и погребениях черепа, нижние челюсти, конечности крупного и мелкого рогатого скота, что является свидетельством того, что эти виды животных прочно и давно вошли в быт людей, оставивших Хвалынский могильник. Возможно, что они были когда-то одомашнены и уже в одомашненном виде с пришлым населением попали на исследуемую территорию. Кости очень плохой сохранности, что не позволило сделать достоверное метрическое исследование (Петренко, 2000: 80).

Чтобы представить состав стада сельскохозяйственных видов данного населения, А.Г. Петренко было необходимо исследование такого же остеологического комплекса родственного по этническим и природным показателям. Как раз таким является поселение Виловатое. Из обнаруженных костей млекопитающих зафиксировано 12 различных видов: четыре домашних (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, собака) и восемь диких (зубр, лось, косуля, сайгак, медведь, заяц, выдра, бобр). Изучив соотношение между домашними и дикими животными, Аида Григорьевна сделала вывод о некотором преобладании численности особей диких охотничье-промысловых видов над домашними (Petrenko, 1997: 527). Этот факт свидетельствует о том, что вопросам охоты уделялось весьма серьезное внимание. И охотились в основном на таких животных как бобр, лось, так как такая добыча обеспечивала людей не только мясом, но и мехом. Если говорить о значимости того или иного сельскохозяйственного вида в экономической жизни людей, в их питании, то, несомненно, мясо лошадей по удельному потреблению играло первостепенную роль. Однако и здесь большинство костей представляет собой «кухонные остатки» и поэтому имеют так же чрезвычайную раздробленность, что не позволяет сделать морфологический анализ промеров. Исключение составляют только кости и метаподии лошадей. Взятые промеры дают право говорить о принадлежности исследуемых лошадей, согласно методике А.А. Браунера, к категории «тонконогих» с высотой в холке, по В. О. Витту, равной 139,0 - 144,0 см, что характерно для группы «средненогих» лошадей. Эти данные свидетельствуют о явном отличии вавиловатовских лошадей, как от тарпана, так и от лошади Пржевальского (Петренко, 2000: 14).

По данным возрастного анализа костей животных можно говорить о том, что крупный рогатый скот разводился с целью получения мясного продукта и забивался в возрасте до двух лет. Использование лошадей в хозяйстве как тяговых или верховых было несомненно. По обломкам нижних челюстей и трубчатых костей было определено, что возраст убитых на мясо лошадей составлял 5-10 лет. Особенностью этого памятника является то, что полностью отсутствуют какие-либо признаки домашней свиньи (Petrenko, 1997: 527).

В заключение следует отметить, что на основе изучения Хвалынского могильника и Вавиловатовской стоянки, история появления первой животноводческой деятельности в Среднем Поволжье представляется достаточно интересной. Исследованные остеологические комплексы костей свидетельствуют о том, что одним из основных занятий древнейшего населения южных районов Среднего Поволжья в неолите была охота и животноводство. Населению было известно четыре вида домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и собака. Отсутствие костей свиньи, как в Хвалынске, так и в Вавиловатовской стоянке, позволяет предполагать, что данный вид не был известен населению исследованных памятников (Petrenko, 1997: 527). А соотношение между видами сельскохозяйственными и охотничье-промысловыми животными по числу особей в «кухонных остатках» из раскопов стоянки позволяет сделать вывод о преобладании поголовья лошадей и овец, а так же огромной роли бобров и лосей в хозяйственной жизни населения стоянки. Жертвенные животные, по исследованным костям овец и лошадей, свидетельствуют о бытовании весьма крупных в породном отношении животных этого вида, сходного по аналогии с энеолитическими видами Южного Туркменистана и Среднего Поволжья.

Остеологические материалы из древнейших могильников эпохи бронзы Среднего Поволжья представляют большой интерес в плане изучения истоков появления захоронения животных:

- отдельных частей, как мясной пищи;
- как ритуальных комплексов;
- либо как игральные кости (астрагалы).

Но, к сожалению, таких могильников очень мало, а значимость их велика. Потаповский могильник, датированный II тыс. до н.э. (эпоха бронзы) представляет так же немалый интерес. В этом жертвеннике преобладает количество костей домашних животных – овец и коров. Костей лошадей, так же как и в Хвалынском могильнике, очень мало. Исследования показали, что население данного поселения имело традицию совершать ритуал, связанный с захоронением умерших людей, жертвоприношением овец, коров, коз (Петренко, 2000: 10).

Можно сделать вывод, что ритуальные остатки от животных Хвалынска и Потаповского могильника свидетельствуют о преобладании в ритуале крупного и мелкого рогатого скота, в виде комплексов-символов целых животных, либо в виде мясной пищи. Подобные остатки от лошадей не встречаются, что свидетельствует о том, что у населения, оставившего памятники, лошади появились в хозяйстве много позднее, чем козы, овцы и коровы.

Могильники эпохи раннего железа

Захоронения эпохи раннего железа позволяют делить культуры на Ананьинскую (I тыс. до н.э.) и последующую Кара-Абызскую (рубеж I тыс. до н.э.) К первой группе относятся находки Ахмыловского могильника, Тетюши, Измери, Моркваша и Новомордово. Вторая группа – это захоронения Охлебенинского могильника.

В Ахмылово по археологическим исследованиям захоронения расположены в могилах различно. Часть умерших ориентирована головой на север, другая – на запад. Это указывает на то, что в этой местности разные этнические группы хоронили своих умерших (Петренко, 1988:43). В могильниках северо- и северо-западного направления обнаружены остатки черепов лошади. В районе деревни Ахмылово первоначально располагалось население приказанской культуры в XI - IX вв. до н.э. Когда оно прекратило свое существование, на его месте окрестное раннеананьинское население стало хоронить умерших. И на этом месте за два тысячелетия образовался огромный могильник. В грунтовых захоронениях зафиксированы ритуальные комплексы, в виде плечевых, разрушенных временем костей коней. Так же отмечен и ритуал поминок, когда хоронили черепа коней в возрасте 6-7 лет (Petrenko, 1997: 527).

В захоронениях Тетюши и Ново-Мордово так же находили сильно раздробленные черепа лошадей у головы захороненного. В захоронениях Измери и Морквашино, напротив, находили кости домашних свиней. Остеологические материалы из Тетюшского, Новомордовского немногочисленны, но крайне важны (ИИ АН РТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4). Зафиксированы плечевые кости лошадей в погребениях. Проведенные исследования позволяют говорить о том, что стада лошадей древних ананьинцев были относительно неоднородны по видовому составу. В Тетюшском могильнике представлены экземпляры, соответствующие категории «средних» по росту лошадей, а тонкокость соответствовала степным животным. В Новомордовском могильнике, согласно схеме В.О. Витта и А.А. Браунера, видна другая картина – их лошади «низкорослые» и крайне «тонконогие» (Петренко, 2000: 23).

Основная масса погребений с остатками животных Мурзихинского могильника отнесена к ананьинской культуре. Редко в могилах встречаются кости свиньи. Иногда плечевые кости лошади у головы человека. Еще реже (в детских могилах) – игральные кости, представленные астрагалами свиньи, фалангами лошади, либо резцами бобра и сурка. Ритуальные кости зафиксированы не только в погребениях, но и в насыпях могильника. Это остатки поминального ритуала. Здесь встречаются кости – черепов лошадей, медведя, коров, реже свиней (Petrenko, 1997: 527).

На рубеже I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. раскопан Охлебенинский могильник. В нем впервые зафиксированы многочисленные находки в погребениях людей остатков частей ног домашних свиней. Кроме этих костей обнаружены кости овец, лошади, зайцев. Кости лошади (остатки от черепа) встречены только в двух погребениях. В остальных 152 могилах – кости свиней и овец. Анатомический состав костей свиней и овец одинаков – это берцовая, пяточная, таранная, плюсны, фаланги. Как выяснилось, захоронение с человеком частей животного в Охлебенинском могильнике не было обязательным. Еще анализы показали, что независимо от возраста и пола захороненного, погребальные части животных встречались всегда одного вида – либо свиньи, либо овцы. Реже встречалось сочетание двух видов, а именно свиньи и овцы, овцы и зайца. Имелись находки астрагалов овец (ИИ АН РТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4).

В захоронениях Охлебенинского могильника найдены 4 вида домашних животных. Причем, в более древних слоях преобладают лошадь и свинья, а в более ранних лошадь и овца. Ритуал захоронения частей животных в Охлебенинском могильнике отражает факт смешения оседлого и кочевого населения. Морфологические исследования дают анализ о содержании в хозяйстве Охлебенинского могильника овец с высотой в холке 68,0-73,0 см и свиней – 43,0 см (Петренко, 2000: 81).

Таким образом, исследованный остеологический материал А.Г. Петренко, по данным Хвалынского могильника и поселения Виловатое, дает неоспоримые сведения о том, что древнейшее население эпохи бронзы на территории Среднего Поволжья активно занималось разведением крупного и мелкого рогатого скота, а лошадь же в их быт, видимо, вошла несколько позднее. Погребальный же ритуал всегда был связан с жертвоприношением коровы, овцы или козы. Стоит отметить небольшое преобладание численности особей диких охотничье-промысловых видов (лось, бобр) над домашними, что указывает на важность охоты в жизни населения.

Эпоха раннего железа на примере Ахмыловского могильника и Охлебенинского указывает на прочное место свиньи и овцы в быту населения, кости лошади так же встречаются крайне редко. Данные по Охлебенинскому могильнику отражают факт смешения оседлого и кочевого населения. Погребальный обряд принадлежит к числу наиболее существенных и устойчивых этнографических признаков, так как обряд погребения сохраняется на протяжении многих столетий, несмотря на внешние религиозные изменения. Их изучение наиболее интересно для выяснения этнической

принадлежности и сельскохозяйственной жизни населения археологического памятника.

Список источников и литературы

Андреева Е.Г, Петренко А.Г Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья// Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976. – С.137-189.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. - М., Наука, 1984 – 174с.

Петренко А.Г. Ритуальные остатки животных в погребениях Охлебинского могильника // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1988. – 230 с.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. – Казань, 2000. – 155с.

Институт истории АН РТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4.

Petrenko A.G. Reste von haustieren in grabern des Mittleren Wolgagebietes // Anthropozologica, № 25 – 25, Paris, Annee 1997.

Г.Н. Поплевко

Россия, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Abstract

An integrated approach to the study of stone tools should include typological, technological and tracological analysis. Each of these methods substantially contributes to a holistic picture which suggests a complete reconstruction of the ancient economy. Planographic analysis analysis and tracology helps to pin-point manufacturing sites if they have not been registered during the course of excavations. Because data typologies and tracology often do not match, such a comprehensive approach is needed for the reconstruction of an ancient way of life and economic activities at a monument. The example of site Old Voykovichi 1 demonstrates the application of these methods. In Neolithic monuments one can trace the development of ancient pottery technologies. The holistic study of ceramics includes tracological, experimental, technological, petrographic, geochemical, typological and statistical analyzes. The example of the Neolithic settlement Rakushechnyi Yar shows the use of data from all seven methods. Each of the above methods of supplementing the information about the technique and technology of stone tools and ceramics, and all together help to more accurately both technical and historical reconstruction.

Археологические исследования все больше привлекают данные разных методов естественных наук для исследования материалов древних памятников. Рассматривая материалы эпохи камня (от мезолита до энеолита) и ранней бронзы следует использовать триаду методов: *типологический* или морфологический анализ каменных орудий; *технологический* анализ использованных техник сколов и приемов расщепления; *трасологический* анализ всех изделий из камня для наиболее полного выявления хозяйственного комплекса орудий, сохранившихся на древнем памятнике, и последующего проведения реконструкции видов хозяйственной деятельности (Коробкова, 1987); *планиграфический* анализ всех трасологически выделенных орудий с целью выявления производственных площадок или жилищ на исследуемом памятнике (Поплевко, 2007). В качестве примера можно привести данные по исследованию кремневых орудий торфяниковой стоянки Старые Войковичи 1 в Беларуси (Поплевко, 2012а). Вся коллекция из кремня насчитывает более 5 тыс. ед., в

ней всего несколько десятков морфологически оформленных орудий и изделий с намеренной ретушью. *Типологическое* исследование материалов стоянки показало, что ее надо отнести к мастерским. После *технологического* анализа было определено, что на стоянке для расщепления кремня использовали ударную технику скола и каменные отбойники (Поплевко, 2003). Редко использовали роговые отбойники и ручной отжим. В этой многотысячной коллекции было выделено более трехсот пластин и их фрагментов. Часть из них можно связать с ручным отжимом, и примерно столько же пластин было получено техникой удара по роговому посреднику. *Трасологическое* исследование всего комплекса пластин и отщепов с ретушью в количестве 449 экз. показало, что на стоянке было 4 хозяйственных комплекса орудий, связанных с обработкой продуктов охоты, с обработкой кости (рога), с обработкой дерева и камня. Наибольшее количество орудий было связано с обработкой кости, рога – 43,1% и переработкой продуктов охоты – 40,4%. Обработка дерева и камня играли вспомогательную роль (Табл. 1). Такой хозяйственный комплекс характерен для мезолитических памятников, для неолитических памятников характерен большой комплекс деревообрабатывающих орудий. Поэтому результаты трасологического исследования помогают более точно определить хронологическую позицию стоянки, которую следует относить к финальному мезолиту и началу перехода к неолиту, когда еще сохраняется мезолитический комплекс орудий и хозяйственная деятельность на стоянке направлена на переработку продуктов охоты и изготовление изделий из кости

Таблица 1

Распределение трасологически выделенных орудий по хозяйственным комплексам торфяниковой стоянки Старые Войковичи 1

П./п.	Трасологически выделенные орудия	Обработка продуктов охоты	Обработка кости, рога	Обработка дерева	Обработка камня
1.	наконечники стрел	5			
2.	ножи для мяса	126			
3.	вкладыши гарпуна	27			
4.	проколки	5			
5.	скребки	4	43	17	
6.	скобели		77	15	2
7.	сверла		20	6	1
8.	вкладыши строгального ножа		22	13	
9.	резчики		13	2	
10.	резцы		2		
11.	долота		1	9	
12.	ретушеры				3
	ИТОГО:	167	178	62	6
	%	40,4%	43,1%	15%	1,5%

Таблица 2

Соотношение данных типологического и трасологического анализа

Категории орудий	Данные типологического анализа	Данные трасологического анализа
наконечники	6	5
рубящие	3	
миниатюрный топорик	1	
тесла и тесловидные изделия	9	
резцы	14	2
скребки	12	64
сколы	2	
ланцеты	3	

проколки	13	5
провертки	1	
скобели	7	94
вкладыши	12	
ножи для мяса		126
вкладыши гарпуна		27
сверла		27
вкладыши строгальные ножа		35
резчики		15
долото		10
ретушер		3
Итого:	83	413

и рога, которые не сохранились. На стоянке также обнаружено несколько микролитов характерных для мезолита данного региона. Соотношение данных, полученных при типологическом и трасологическом анализе, показывает, что во всей коллекции морфологически было выделено 83 экз. разных орудий, а после трасологического анализа их количество возросло до 413 рабочих лезвий орудий разных функций (Табл. 2). Трасологический анализ позволил выделить в 5 раз больше орудий. Это наиболее наглядный пример необходимости творческого сотрудничества археологов-практиков и археологов-трасологов. Более того, типологически выделенные орудия не нашли трасологического подтверждения их функции, а часть трасологически выделенных орудий нельзя определить морфологически, так как они практически не имеют намеренной ретуши, а только ретушь утилизации. В основном были выделены две группы орудий: скобящие и режущие орудия, что характерно для мезолитических и позднемезолитических памятников, так как в эпоху неолита набор орудий более разнообразный и содержит рубящие и деревообрабатывающие орудия, появляются полированные и шлифованные орудия. Таким образом, можно констатировать, что данные трасологического анализа помогают реконструировать не только хозяйственный уклад жизни древних обитателей памятника, но и помочь в установлении хронологической позиции самого памятника.

Данные трасологического анализа были использованы для проведения *планиграфического* анализа. На план раскопа были нанесены все выделенные орудия с целью определения производственных мест на стоянке. Концентрация орудий по квадратам на стоянке позволяет с уверенностью предполагать, что в них находились производственные места. По аналогии с данными планиграфического анализа материалов других памятников, можно высказать гипотезу о том, что в местах скопления орудий по соседним квадратам были не только производственные места для разной хозяйственной деятельности, но и жилая площадка на стоянке. Жилая площадка ассоциируется с большим скоплением орудий в квадратах раскопа 2004 г., а два других скопления можно связать с производственными площадками на площади стоянки. Таким образом, можно сделать вывод, о том, что только комплексный анализ материалов стоянки Старые Войковичи 1 позволил зафиксировать большой набор орудий, распределить его по видам обрабатываемого сырья и по всей площади раскопов. Распределение вкладышей ножей и гарпунов на площади стоянки показало, что эти изделия часто распределяются по несколько экз. в одном месте, возможно, это было одно орудие у которого истлела рукоять. На стоянке фиксируется обширное вытянутое пятно, на нем сконцентрировано большая часть находок, оно предварительно может быть определено как жилое пространство. Два других скопления можно связать с производственными площадками, расположенными на стоянке.

Для памятников неолита необходимо проводить комплексное исследование керамики. Комплексный подход к исследованию должен опираться на итоги исследований, полученные не только с помощью типологического и морфологического анализов керамики, но и на данные трасологического, технологического, петрографического, геохимического, экспериментального и статистического методов. Возможности каждого метода ограничены, но все вместе они дают наиболее полную информацию по технике лепки и технологии изготовления сосудов.

Методический подход к комплексному исследованию древней керамики состоит в использовании данных нескольких методов исследования, каждый из которых дает новую дополнительную информацию о технике лепки сосудов и о технологии приготовления глиняной массы, структуре глиняного теста, характере примесей и технике обработки внутренней и внешней поверхностей, свойствах глин и отощителей. Комплексное исследование керамики раннего неолита поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону позволило определить структуру глиняной массы, ее примеси и технику лепки с помощью трасологического метода (Белановская, 1995; Поплевко, 2011б, в, 2012б). Изучение древней керамики с помощью *трасологического* анализа помогло сделать наблюдения для проведения *экспериментального* изучения и моделирования керамики (Поплевко, 2011а). Были проведены серии экспериментов по реконструкции приемов лепки, технологии изготовления сосудов и приготовления глиняной массы, формовки сосудов, их сушки и обжига. Наблюдения, сделанные с помощью трасологического метода исследования керамики, помогли провести *технологический анализ* и смоделировать весь цикл изготовления сосудов, начиная от поиска источников глины вблизи памятника, до подготовки ее к применению и моделированию всего цикла изготовления сосудов, включая приемы их орнаментации. Результаты исследований с помощью *петрографического* и *геохимического* анализов археологических образцов керамики помогают наиболее точно приблизиться к моделированию древней рецептуры глиняного теста и сделать наблюдения по технике лепки и технологии изготовления сосудов, характере и свойствах использованных глин (Поплевко, Кулькова, 2011). В частности, было отмечено использование разных рецептур глиняного теста для лепки и последующего покрытия стенок сосудов тонким слоем отмученной глины другого состава, чем теста. Определены состав и типы глин, размер частиц, характер использованных примесей, температура обжига. *Типологический* анализ помогает проводить культурно-хронологические построения в исследовании древних памятников и археологических культур, выделять типы сосудов и орнаментов для сравнения керамических комплексов как внутри одной культуры, так и с целым рядом других культур, часть из которых могла служить источником или импульсом для распространения традиции изготовления или подражания как в изготовлении целых форм, так и приемов орнаментации сосудов. Морфологический анализ керамики позволяет группировать сосуды для проведения их классификации. На поселении Ракушечный Яр широко распространена керамика с плоским донцем, фрагментов с орнаментом немного. В основном это несложный орнамент с разной техникой нанесения. Здесь есть наколы в 1-3 ряда под венчиком, глубоко прочерченные линии под венчиком и тонкие царапины на стенках, отпечатки и расчески внутренней поверхности сосудов гребенчатым штампом. Комплексный подход к исследованию керамики позволил сделать наблюдение о том, что вначале орнамент появился как необходимый технологический прием, позволяющий избежать растрескивания поверхности венчика в процессе сушки влажных сосудов. В более позднее время композиции и мотивы орнаментов усложняются, они становятся более насыщенными и сложными и распространяются на две трети верхней части сосудов. *Статистический* анализ материалов позволяет определить насыщенность разных слоев поселения

А.А.Сирина¹, В.Н. Давыдов²

Россия, ¹Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, ²Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

ПРОЕКТ ПЕРЕВОДА КНИГИ С.М. ШИРОКОГОРОВА «SOCIAL ORGANIZATION OF THE NORTHERN TUNGUS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИЗДАНИЯ В СЕРИИ «ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»³

Abstract

Sergei Mikhailovich Shirokogorov (1887-1939) is a famous ethnologist of the twentieth century. He immigrated to China and spent a half of his life there. His most outstanding works were written in English. Although the monograph «Social Organization of the Northern Tungus» had been translated into Japanese and Chinese and is obviously significant for Russian ethnology, it is striking that that monograph has not been translated into Russian. The monograph contains rich ethnographic data on Evenki clan and kinship relations, family organization, property relations, and various customs regulating social life. Furthermore, it is believed to contribute to the theoretical discourse of contemporary socio-humanitarian disciplines. This project aims to fill that gap and targets to make this data available in the form of well-edited and professionally commented monograph for Russian-speaking specialists in the field of ethnology, ethnography, social and cultural anthropology and all interested in Evenki culture and history.

Институт этнологии и антропологии РАН и Издательская фирма «Восточная литература» выпускает серию «Этнографическая библиотека», которая в 2013 г. отмечает свое тридцатилетие. В серии публикуются лучшие труды отечественных и зарубежных ученых, оказавшие большое влияние на развитие этнологической науки. В ней публикуются работы как теоретического характера, так и работы, содержащие достоверный и детальный фактический материал и представляющие интерес благодаря уникальности содержащихся в них сведений. С 1983 г. по настоящее время в серии опубликованы 17 книг, в т.ч. труд В.В. Радлова «Из Сибири», Д.К. Зеленина «Востонославянская этнография», М. Мосса «Общества, обмен, личность», Э. Эванс-Причарда «История антропологической мысли» и другие. Книги серии рассчитаны на широкий круг специалистов в области общественных наук, а также на преподавателей и студентов высших учебных заведений.

В ближайшие годы в данной серии планируется издать монографию С.М. Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов», написанную на английском языке и вышедшую в 1929 г. в Китае. Она насыщена полевыми материалами по социальной организации эвенков, собранными в комплексных антрополого – археолого – лингвистическо – этнографических долговременных экспедициях в Забайкалье и Маньчжурию в первой четверти XX в., а также их осмыслением в русле родовой, этнической, социальной истории и этнологии.

Книга С.М. Широкогорова, содержащая свод уникальных материалов по социальной организации тунгусов и оказавшая влияние на несколько поколений ученых-тунгусоведов в разных странах мира, на его родине известна меньше, чем за рубежом по причине библиографической редкости данного издания и отсутствия русского перевода. Проект был задуман таким образом, чтобы в нем приняли участие два основных ведущих научных учреждения в области этнологических исследований в России – Институт этнологии и антропологии РАН и Кунсткамера–МАЭ РАН. Проект направлен на подготовку этого уникального труда С.М. Широкогорова к изданию в

упомянутой серии с целью сделать его доступным ученым, студентам, преподавателям, широкому кругу людей, читающих по-русски.

Главная цель состоит в подготовке профессионально выполненного перевода и введение в научный оборот труда Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов», снабженного критическими комментариями, фотографиями и статьями о жизни и научном творчестве Широкогорова.

Проекты переводов книг Широкогорова с английского на русский язык для их последующего издания сопровождало феноменальное невезение. Перевод данной работы Широкогорова на русский язык был осуществлен еще в 1930-е годы А.Н. Горлиным (1878–1939), однако так и не был опубликован, а переводчик погиб в заключении. Судя по пометкам и исправлениям в тексте машинописи, перевод вновь готовился к изданию в 1960-е годы. К настоящему времени им смогли воспользоваться не более 30 этнологов и историков. Перевод, находящийся в архиве МАЭ РАН, был сделан неспециалистом в области этнографии эвенков, содержит множество правок и неточностей, а порой ошибок. И все же было бы неправильно совсем от него отказываться, именно из-за его исторической ценности и из уважения к труду предшественников. Кроме того, важно, что весь текст переведен одним человеком.

В нынешнем проекте, который финансирует фонд РГНФ, принимают участие А.А. Сирина (ИЭА РАН), В.Н. Давыдов (Кунсткамера-МАЭ), О.А. Поворознюк (ИЭА РАН, Москва), В.В. Симонова (Казанский федеральный университет, Казань). Не исключено, что в процессе перевода к работе будут привлечены и другие заинтересованные лица.

Наша задача состоит в том, чтобы сделать профессиональный доработанный перевод, учитывающий контекст написания данной работы. Следует заметить, что Широкогородов писал свой труд на не родном для себя английском языке, что также создает определенные сложности при переводе. Мы будем стремиться обеспечить максимально точный перевод; сохранить стиль Широкогорова, а также стилистику и научные термины времени написания научной работы, не модернизируя и не архаизируя ее.

Книга С.М. Широкогорова «Social Organization of the Northern Tungus. With introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups» насчитывает 427 страниц современного формата А-4. Она состоит из: предисловия, введения, 8 глав, словаря специальных слов (глоссария), библиографии, указателей – тематического, именного, географического, 5 иллюстраций, 7 карт, 25 таблиц и схем.

Изучение социальной организации народов изначально было и остается одним из наиболее интересных и актуальных направлений этнологической науки. Здесь сходятся множество фундаментальных проблем, в основе которых лежит дихотомия биологическое–социальное. Перевод и публикация данной работы позволит актуализировать исследования социальной организации тунгусо-маньчжурских народов.

Труд Широкогорова содержит материалы об этнической «номенклатуре» Забайкалья и Северной Маньчжурии, характеристику тунгусских родов, их взаимоотношений друг с другом и с соседями – даурами, маньчжурами, китайцами, русскими. В ней представлены уникальные этнографические данные по брачным отношениям, организации и функциям семьи, отношениям собственности и обычаям, регулирующим социальные отношения эвенков. Перевод книги на русский язык и его последующее издание в серии «Этнографическая библиотека» позволит: расширить наши представления о жизни традиционного тунгусского общества, углубить понимание закономерностей его развития, вписать тунгусский материал, в частности, о

социальной организации, в более широкий североазиатский и центральноазиатский контексты, а также понять, как этнографическое знание перерождается в теорию.

Есть надежда, что в процессе этой работы будут выявлены новые материалы, хранящиеся как в российских, так и зарубежных архивах, о жизни и научном творчестве Широкогорова (1884–1935) – крупного исследователя в области теоретической и тунгусской этнологии. Окончив университет Сорбонны во Франции в 1910 г., он поступил на учебу в Петербургский университет и одновременно на службу в МАЭ им. Петра Великого. Судьба ученого после революционных событий 1917 г. в России сложилась так, что вместе с женой, англичанкой по происхождению, он был вынужден остаться сначала во Владивостоке, а затем осел в Китае, где продолжил занятия этнографией и антропологией. Под именем Ши Луго в Китае он известен как один из основоположников китайской этнологии. Из-за эмигрантского прошлого имя и труды Широкогорова не переиздавались в СССР, исключая их упоминание в узкоспециальной научной литературе. Перечислим только некоторых ученых, интересовавшихся С.М. Широкогором. С конца 1980–начала 1990-х годов А.М. Решетов неоднократно обращался к анализу его научного творчества; вместе с Е.В. Ревуненковой он стал автором обширной обзорной статьи о его жизни и научной деятельности, с акцентом на исследования шаманства и теории этноса. Владивостокский период жизни ученого и оценка его вклада в теорию этноса стали известны благодаря изысканиям дальневосточных ученых; много сделал для восстановления забытого имени А.М. Кузнецов. Были переизданы некоторые труды С.М. Широкогорова, написанные на русском языке.

Работа над фотоматериалами Широкогорова будет проводиться в архиве Кунсткамеры-МАЭ, где хранится почти 1 000 негативов и фотографий из его экспедиций в Забайкалье, большинство которых никогда не публиковались; в последнее время некоторые из них можно найти на сайте Кунсткамеры-МАЭ. В фондах МАЭ хранятся этнографические коллекции, привезенные из Забайкалья в первой четверти XX в. Возможно, что отдельные экспонаты будут, наряду с фотографиями, иллюстрировать текст будущей книги.

Осенью 2013 г. в Санкт-Петербурге в рамках конференции «Сибирские чтения» планируется проведение первого круглого стола «Проблемы изучения научного наследия С.М. Широкогорова». Символично, что круглый стол пройдет на базе Кунсткамеры-МАЭ, где сто лет назад работал ученый.

Примечания

³Статья написана при поддержке фонда РГНФ, проект №13-01-00117.

Н.А. Томилов

*Россия, Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Сибирский филиал Российского института культурологии*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ОМСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Abstract

This article examines the way that ethnology and a number of its subdisciplines sets its object of study. The article surveys ethnography, ethnic history, ethnic ecology, ethnographical museums studies, as well as some related humanitarian disciplines – culture studies, museum studies, and folklore. The article in particular examines the theoretical work of Omsk-based scholars such as that of integrated economic-cultural types, ethnographo-archeological complexes, social functions of the historical-cultural heritage, formation and

development of diasporas, regional and ethnic identity, culturology of traditional communities, traditional knowledge, traditional cultural travel, necrosphere space, things and ritual, folk Islam, etc.

Изучение становления и развития этнографических (этнологических) научных центров, научных школ и коллективов актуально, прежде всего, в историографическом плане. В докладе будет рассмотрен и затронут ряд аспектов формирования и развития этнографического научного центра в Омске, в том числе основные периоды и этапы истории омской этнографии, разработки омских этнографов в области теории этнографии (этнологии) и ее некоторых субдисциплин.

В последние два десятилетия меня и некоторых моих коллег все больше стали занимать проблемы историографического плана - история отдельных этнографических центров Сибири (дальневосточного, новосибирского, омского, томского и др.), периодизация этнографического сибиреведения и общая периодизация истории российской этнографической науки, периодизация истории российских археолого-этнографических исследований, в том числе этноархеологического научного направления.

Этнографические исследования омских ученых берут свое начало с работ Ч.Ч. Валиханова. Первый период охватывает 1854 – 1875 гг. – это становление и первые шаги омской этнографии. Второй период приходится на 1876 – 1920 гг. и связан в основном с исследованиями ученых Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Третий период – 1921 – 1973 гг. характеризуется этнографическими работами музеев Омска. А вот четвертый период, начавшийся в 1974 г. и продолжающийся до сих пор, – это и есть время складывания и развития омского этнографического центра. В каждом периоде выделяются этапы, но к их характеристикам мы отсылаем читателей к уже опубликованным результатам по изучению истории омской этнографии.

Только о современном периоде скажем, что в нем просматриваются два этапа: 1) 1974 – 1984 гг. – годы накопления этнографического потенциала в стенах Омского государственного университета – ОмГУ (организация ежегодных экспедиций, Музея археологии и этнографии ОмГУ, первых научных конференций, выход на монографические исследования этнической истории народов Сибири); 2) с 1985 г. по настоящее время. Основная черта четвертого периода - резкая интенсификация этнографических исследований, в основном в рамках Омского государственного университета (ОмГУ создан в 1974 г.) и позднее в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (создан в 1991 г., в 2006 г. преобразован в Омский филиала Института археологии и этнографии СО РАН) и Сибирском филиале Российского института культурологии Минкультуры РФ т РАН (создан в 1993 г.). В ОмГУ этнографические исследования проводятся на кафедре этнографии и музееведения (образована в 1985 г.) и на кафедре музеологии (выделилась из кафедры этнографии и музееведения ОмГУ в 2000 г.), а также в четырех научно-исследовательских лабораториях ОмГУ.

Самостоятельный этнографический научный центр, наверное, должен иметь свои концепции и теоретические наработки. Мои личные разработки в теоретической (в том числе и в методологической) области этнологии достаточно полно опубликованы как многочисленными статьями, так и в виде монографий и учебных пособий. Эти исследования охватывают вопросы объектно-предметных областей, дефиниций и проблематики, прежде всего, этнологии и ряда ее субдисциплин (этноархеологии, этнической истории, этнической экологии, этнографического музееведения и др.), но и некоторых других гуманитарных наук – культурологии, музееведения, фольклористики, а также общих вопросов классификации наук в целом и происходящих в научной сфере процессов. Были сформулированы и разрабатываются

теоретические положения об интегрированных хозяйственно-культурных типах, этнографо-археологических социокультурных комплексах, социальных функциях историко-культурного наследия и др.

Теоретическими аспектами этнической истории на протяжении двух с половиной десятков лет занимается С.Н. Корусенко. Существенные результаты получены ею в изучении этнической генеалогии как научной субдисциплины, сформировавшейся путем интеграции генеалогических и этнографических знаний. Сегодня в области этнической генеалогии существенные наработки получены омичами - помимо работ С.Н. Корусенко это труды Н.В. Кулешовой, М.Л. Бережновой и других ученых. Объектная сфера исследований была расширена за счет включения в изучение населения полиэтнических и с многокомпонентным в этническом отношении населением сельских поселений. В объект этногенеалогических исследований вошло и население, структура которого изучается по архивным материалам (прежде всего по первичным документам переписей населения) и по соединению (сопряжению) этих материалов с современными родословными.

В сферу научных интересов Т.Б. Смирновой, защитившей недавно докторскую диссертацию, входят современные этнические процессы, вопросы этнической демографии и этнических миграций, проблемы этнической истории, в том числе проблемы формирования и развития диаспор. Ею дано определение диаспорной группы, под которой понимается часть диаспоры, сформировавшейся на определенной территории и обладающей выраженными особенностями в культуре, языке и идентичности, выявлены влияющие на формирование и развитие диаспорных групп факторы, определены и изучены особенности культурного воспроизводства в диаспорной группе и др.

М.А. Жигунова активно занимается историографией изучения культуры русских Сибири, проблемами самосознания и идентичности, изучением современных этнических процессов и традиционно-бытовой культуры, проблемами этнографического музееведения и сохранения этнокультурного наследия. Интересны результаты, полученные М.А. Жигуновой при изучении региональной идентичности. Она выделяет пять основных подходов к определению «сибиряки» (топонимической, историко-хронологический, антропологический, природно-географический, психологический) и приходит к выводу, что при определении сибирской идентичности существенную роль играют личностно-психологические характеристики.

А.Г. Селезнев на протяжении многих лет успешно разрабатывает концепцию традиционной культуры (включая региональные языковые диалекты), как самостоятельной сферы культуры вообще, *принципиально отличной и несопоставимой с этнической (национальной) культурой*, включающей в себя, в качестве составной части, литературный язык. Исследуются специфические социальные объекты – локальные культурные комплексы, культурные диалекты (в научной литературе есть и другие термины для их обозначения), являющиеся способом существования традиционной культуры.

Докторант кафедры этнографии и музееведения ОмГУ И.И. Назаров (работает в Алтайском государственном университете) проводит работу по корректировке имеющихся в отечественной науке подходов к изучению природопользования, необходимость которой вызвана появлением новых теоретических и практических положений, сформулированных в документах международных организаций (например, в Концепции о биологическом разнообразии). Разрабатывает он и теорию традиционных знаний и использования их в современной культурной деятельности.

Молодой исследователь Д.А. Мягков, занимаясь изучением традиционного хозяйства барабинских татар, выявил факторы развития хозяйственного комплекса этой

группы – это экологические факторы (абиотические – усыхание озер и болот), биотические (сокращение фауны Барабы), антропогенные (вырубка лесов, истребление животных) и социальные – демографические (иммиграция поволжско-приуральских татар), экономические (развитие товарно-денежных отношений), технологические (модернизация орудийной базы), политические (коллективизация хозяйства).

Обоснованием и изучением феномена традиционной культуры путешествия в Омске занимается А.В. Матвеев. Под этим феноменом он предлагает понимать комплекс народных знаний и представлений, вещественных атрибутов, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека в конкретных природно-географических условиях в рамках сложившейся системы восприятия мифологического пространства. А.В. Матвеев смоделировал систему мифологических сюжетов культуры путешествия и поэтапную структуру самого путешествия, рассмотрел элементный состав системы дорог, историю ее сложения и развития, определил двухуровневую систему дорог (элементарный уровень – включает материальные элементы дорог и путешествующих; уровень моделей маршрутов путешествий), изучил вопросы происхождения и развития системы дорог и т.д.

М.А. Корусенко, занимаясь изучением погребальных комплексов разных групп тюркоязычного населения Западной Сибири, объединенного позднее этнонимом «сибирские татары», осуществляет методологические поиски по теме своего исследования. Так, совместно с А.В. Полеводовым им даны определения дефиниций «сооружение», «конструкция», «элемент» и выстроены их связи со следами погребальных практик XVII –XX вв. В рамках работ по совершенствованию теоретического инструментария М.А. Корусенко и А.В. Полеводов начали разработку понятия «некротфера» и его структуры, включающей некротферы пространства, вещи и ритуала.

И.А. Селезневой разрабатываются проблемы этнографического изучения ислама, тех его реальных проявлений, которые сложились в конкретных исторических условиях в жизни разных народов (особенно сибирских татар). Это проявляется в форме религиозного синкретизма, который, как считает исследовательница, почти всегда представляет собой результат смешения различных верований и культов и функционирует в рамках «народной», фольклорной, локальной версии мировой религии.

Т.Н. Золотова, занимаясь изучением традиционных календарных праздников белорусов, русских и украинцев Западной Сибири, выявила и обосновала факторы, существенно влиявшие на развитие и трансформацию праздников и обрядов, – это социально-экономический, политический, нравственно-психологический, этнический и религиозный факторы. Кроме того, ею разработана классификация праздничной культуры, основанная на выделении целевой направленности праздничных действий и типов социальных общностей и субъектов праздника.

Не останавливаясь даже на кратком изложении теоретических разработок других омских этнографов, этноархеологов и этносоциологов, отмечу все же разработки В.Б. Богомолова в орнаментоведении, реалогии, костюмоведении, Ш.К. Ахметовой и И.В. Толпеко в этноархеологическом изучении памятников истории и культуры казахов, Ф.М. Буреевой в сопряжении археологических и этнографических материалов по орнаменту, А.В. Жука, С.Ф. Татаурова и Л.В. Татауровой в этноархеологии, И.В. Лосеевой и Д.М. Лукмановой по выделению принципов и особенностей использования фольклорных источников в этнографических исследованиях, М.Л. Бережновой и Е.Ю. Смирновой в костюмоведении, А.Н. Блиновой в этнографии детства, Н.Н. Везнер и Н.А. Левочкиной в этнохореологии, И.Н. Черновой в области изучения народных знаний, М.Н. Тихомировой в изучении системы питания и места в ней национальной

пищи, О.Н. Артемьевой в изучении представлений о человеческом теле в традиционном мировоззрении русских, Д.Г. Коровушкина (сейчас работает в Новосибирске) в области понятийного аппарата в изучении диаспор, В.П. Кривоногова (работает в Красноярске) в систематизации компонентов и временной протяженности понятия «этнические процессы», А.А. Ильиной в подходах к изучению деятельности национально-культурных организаций и движений, Г.М. Патрушевой в области этнографического музееведения (прежде всего в обосновании теоретических положений по научной каталогизации музейных предметов) и др.

В заключение подчеркну, что все названные выше разработки проводились в сопряженности с теоретическими исследованиями ученых других этнографических центров России (прежде всего ведущих московского и Санкт-Петербургского центров) и ряда ученых зарубежных стран.

H. Härke

Germany, University of Tübingen

**POST-SOVIET MATERIAL CULTURE CHANGE IN RUSSIA:
AN ETHNOARCHAEOLOGICAL CASE STUDY OF ‘EMPIRE COLLAPSE’?**

Аннотация

Начиная с начала 1990-х, Россия претерпела за каких-нибудь 10 лет резкие изменения в своей материальной культуре вследствие распада СССР. За удивительно короткое время товары отечественного производства были заменены товарами западного или подражающего западному стилю производства. Уже к концу 1990-х большинство потребительских товаров, которые смогли бы быть в будущем зафиксированы археологически, уже не были российского производства, а в большинстве своем западноевропейскими, американскими, турецкими или же китайского и вьетнамского производства. Кроме того, изменения особенно заметны, если принять во внимание модель расселения городского населения в этот период, что ярче всего проявляется в появлении в пригородах частных больших домов с постоянным типом проживания. Появившаяся новая материальная культура вызвала к жизни новые лингвистические и символические изменения, выразившиеся в том, что определенные тексты, имена марок (бренды), названия магазинов пишутся на латинице. «Культурный слой», сформировавшийся в это время для будущих археологических исследований, еще больше усиливает это впечатление масштабных изменений: товары западного производства, как правило, основательно упакованы, что производит гораздо большее количество упаковочного мусора (отходов), в отличие от российских товаров. В этом «культурном слое» будущего сохраняются свидетельства и других последствий политического и социального катаклизма, особенно таких, как миграция и ухудшение демографической ситуации (явное уменьшение населения)

В рамках этого процесса различаются региональные и хронологические особенности. Через несколько тысячелетий результаты всеобщей глобализации вытеснят последствия других изменений материальной культуры. Наблюдения, на базе которых можно сделать предварительные заключения, проводились автором в городском и сельском контексте Северного Кавказа и в Москве. Безусловно, ситуация в пост-советской России дает археологам пищу для размышлений и анализа механизма изменений, происходящих в материальной культуре по той или иной причине. Важно то, что в этот доступный и современный нам пример позволяет проверить наши методы исследования и интерпретацию аналогичных случаев «краха систем» в прошлом, особенно в период раннего средневековья

Processes of culture change and their causal factors have been a major area of debate in Anglo-American prehistory since the 1960s (Clark, 1966; Renfrew, 1973), and in West European early medieval archaeology since the 1980s (Arnold, 1984; James, 1979). It is suggested here that the case of post-Soviet Russia may help us to understand profound material culture change in the wake of ‘systems collapse’ (Renfrew, 1979). The following observations were made after 1993 in Russia, and compared with observations made in the

Soviet Union around 1980. In both periods, this included Moscow as well as provincial towns and rural areas in the Ukraine and the North Caucasus.

Since the collapse of the Soviet Union in 1991, there has been a rapid and dramatic change in material culture in Russia (Härke, 2004). After 1991, native goods and clothes were replaced by western imports and copies in a surprisingly short time. Shell suits and sneakers by western manufacturers (and their numerous counterfeits by Asian producers) have become as typical as they are in western countries. Dress shows up the most obvious age and gender differentiation in the process, with youths and younger adults being the most 'westernised', and old women and young girls the most 'traditional'. There is also an interesting seasonal element involved: in winter, Russians revert to 'native' styles of warm clothing.

By the end of the 1990s, most consumer goods that might survive in the archaeological record were no longer Soviet or Russian, but of West European, American, Japanese, Chinese or Turkish origin: plastic bags, chocolate wrappers, beer bottles, coffee tins, soap containers, telephones, photocopiers, computers, toys, and above all, cars. By 1998, foreign-made cars accounted for about 40 per cent of the rolling traffic in Moscow, although this proportion was below 10 per cent in rural areas. Should future archaeologists look for an interpretation of this dramatic change, the suggestion of a population change involving massive immigration from the west, south and east, combined with native survival on the periphery, might be an arguable hypothesis.

Such an interpretation would appear to be corroborated by the observation of an extensive change in settlement patterns. Soon after 1991, the regulations concerning the limitation of sizes and uses of dachas were repealed. This started an unregulated boom in dacha building on garden plots and greenfield areas outside Russian towns, leading to the emergence of immense suburbs with permanently occupied family homes.

Fig. 1. Household rubbish container in the suburb of Yugo-Zapadnoe, Stavropol (North Caucasus), early 1998

Later, these developments were regularized, and they now continue under the supervision of local planning authorities. This settlement type was a new feature in Russia, and the new suburbs also contained new types of amateur-designed houses. The designs of some houses appear to have been inspired initially by western TV programmes (hence the nickname of 'Santa Barbara' for such suburbs), although later new 'native' designs and the designs of professional architects became apparent.

The refurbishment or construction of religious buildings has been another building boom. Again, this introduced new types of construction, such as the use of corrugated iron for entire churches and mosques in the North Caucasus (and probably elsewhere). The contrast to the previous phase of neglect and profane use of religious buildings may lead future archaeologists to infer (correctly) a sudden ideological change on a massive scale.

The collapse of the Soviet heavy industry has produced a horizon of deserted factories and other industrial sites which is a powerful indicator of economic change. But in what way would the extensive use of US dollars (particularly in the 1990s) for savings and transactions

impinge on the archaeological record? The result might be an extensive horizon of 'hoards' in dollars, not in roubles.

On top of this, the post-Soviet material culture appears to signal a linguistic and symbolic change. Western-style (or purportedly western) shop names have appeared throughout Russia: *Supermarket, Shop, Fast Food, Video & Audio*, and so on. These names are in Latin script, and while not all Russians are able to read them, they still get the symbolic message of the availability of western goods. At one point, this process became so endemic that such names were banned in 1997 in the capital by the mayor of Moscow, leading to the use of western-style names in Cyrillic transcription (not Russian translation).

Within a few years of the Soviet collapse, logos and slogans on clothing, bags and containers were almost exclusively in western style and Latin script. In 1993, a mere two years after the political change, I saw in Moscow only one dress item with a clearly Soviet symbol (an anorak with a hammer-and-sickle badge), and only one bag with lettering in native script (the small Cyrillic logo ЦИОПТ), over a period of two days during which I looked out specifically for such evidence. At that time, rural areas were still insufficiently supplied with foreign consumer goods, and I noted a number of locally made products imitating western style in native interpretation, including errors and misspellings in English-language logos. A typical case was a jumper with the prominent logo ADVANTAGE COLLECЧЕН seen in a small town in the North Caucasus. By the late 1990s, such copies had been largely replaced by imported originals or mass-produced counterfeits. Since 1997, Russian logos in Cyrillic script have reappeared, initially slowly and with some signs of hybridization (e.g. Russian logos in Latin script).

If material culture items were the only evidence to go by, it might be difficult for future archaeologists to distinguish this change in the symbolic system from real language change. Archaeologists investigating this period would be faced with other problems. A really difficult one, with implications for interpretation, would be recognizing the chronological overlap of old and new material. Typological dating of 'native' artefacts and 'old' settlements would probably assign them to the Soviet period, in contrast to the 'intrusive' styles of the post-Soviet period. The formation of the archaeological record would also reinforce the impression of the massive scale of change: foreign goods tend to be heavily packaged, producing a lot of rubbish, whereas Russian goods of the 1990s and later were predominantly foodstuffs sold without branded packaging or in re-usable containers (such as glass jars, clear plastic bags etc.).

Apart from material culture change, the Soviet case also provides evidence for other consequences of cataclysmic political and social change. One of these has been increased mobility, with late- and post-Soviet emigration to Germany and Israel totalling almost three million¹. Population decline is another aspect that has often been suggested, or speculated on, in connection with empire collapse (Renfrew, 1979; see Härke 2002 with references). The most notable observation is the steep decline in the birth rate right across Eastern Europe after 1990, even in East Germany during and after its comparatively well-cushioned collapse. Thus, psychology may play as big a role as violence, health and nutrition; in Russia, all of these factors seem to have combined to produce a dramatic effect. By 1997, the Russian birth rate had plummeted to 8.9 children per year and thousand of population while the death rate had risen to 14.3, leading to an annual population loss of 800,000².

There are two questions of methodological relevance that need to be considered. The first is if the observation of this process through the eyes of a foreign archaeologist constitutes 'ethnoarchaeology'. It arguably is because the focus on material culture is essentially archaeological, and the situation of the foreigner in Russian society would have been close to that of an ethnographer in any society, combining the advantages of direct observation and contact with the risks of cultural and linguistic misunderstandings.

The second question is if the collapse of the Soviet Union and its attendant processes can be a useful analogy for the end of pre-modern empires, and in particular for the end of the Western Roman Empire and the subsequent Migration Period. In the 1990s, modern communications and bulk transport provided conditions for the rapid dissemination of ideas and goods which are totally different from the fifth-century situation in which the spread of ideas relied largely on direct contact, and the spread of material culture on ox carts and large rowing boats. In other words: the dissemination of cultural role models and consumer goods which in post-Soviet Russia was achieved by modern media and aggressive marketing, would in the post-Roman period have required rather more time, and the mobility of many more people. Also, the hard economic motives behind the large-scale export of foreign-made goods to Russia and other parts of Eastern Europe cannot be assumed to have been the key factor behind the spread of Germanic material culture to some of the former provinces of the Western Roman Empire, again supporting the case for a much greater role of mobility of people in the post-Roman period.

The reasons for the acceptance of the intrusive, new material culture are, however, an entirely different matter. While there are sound economic reasons for Russians to buy foreign goods, psychological factors (such as the loss of cultural self-confidence after the collapse of old certainties) appear to have played an important role in the westernisation, and later globalisation, of Russian material culture.

Whatever the similarities or differences, the Soviet Union is the most accessible case of empire collapse for archaeologists to test their approaches to, and interpretations of, past cases of 'systems collapse' and its attendant material culture change.

Remarks

¹In the second half of the 1980s and the first half of the 1990s, Germany accepted more than 2 million immigrants of ethnic German stock from Eastern Europe, the majority of them coming from the Soviet Union, and later from Russia (figure supplied by the Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, Germany). Israel accepted some 650,000 immigrants from the former Soviet Union (Daily Telegraph, 10 May 1999).

²Daily Telegraph, 15 May 1997, quoting from the new report of President Yeltsin's Commission on Women, the Family and Demography

References

Clark, G. The invasion hypothesis in British archaeology // *Antiquity* 40, 2006. – P. 172-189.

Härke, H. Kings and warriors: population and landscape from post-Roman to Norman Britain // *The peopling of Britain: the shaping of a human landscape. The Linacre Lectures 1999* (eds. P. Slack and R. Ward). - Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 145-175.

Härke, H. Material culture in post-Soviet Russia: an archaeological perspective // *Археолог: детектив и мыслитель/The archaeologist: detective and thinker. Klejn Festschrift* (eds. L.B. Vishnyatskij, A.A. Kovalev and O.A. Shcheglova). - St. Petersburg: University of St. Petersburg, 2004. – P. 226-236.

Renfrew, C. (ed.). *The explanation of culture change: Models in prehistory*. - London: Duckworth, 1973.

Renfrew, C. Systems collapse as social transformation: Catastrophe and anastrophe in early state societies // *Transformations: Mathematical approaches to culture change* (eds. C. Renfrew and L. Cooke). - New York: Academic Press, 1979. – P. 481-506. [Reprinted in: Renfrew, C. *Approaches to social archaeology*. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 1984].

Е.В. Шелепова

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет

**АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР
МОНГОЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹**

Abstract

This article examines the main qualities of the scientific study of nomadic cultures in Mongolia from the second half of XIX to the beginning of the XX century. The article surveys archaeological discoveries, written sources, and ethnographic work which links concrete monuments and to specific ethnic groups. The article compares the features of ancient and modern nomadic societies.

Изучение памятников кочевников на территории Монголии открывает широкие перспективы для выявления этно- и культурогенеза в Центральной Азии в древности и средневековье.

Основные проблемы кочевниковедения были обозначены в российской науке в XIX – начале XX в. Они обсуждались в ходе проведения IX Археологического съезда в Казани (1877 г.) и стали решаться в работе сибирских и монгольских экспедиций (Лебедев, 1992: 174). Территория Центральной и Средней Азии была тогда изучена слабо, практически полностью отсутствовали сравнительные данные.

Но в последней трети XIX в. в зарубежной и российской науке только были поставлены и стали наполняться конкретным содержанием сложные проблемы археологии и этнографии: о понятии археологическая культура, о соотношении культуры и этноса и др. (Там же: 123). Во второй половине XIX в. в арсенал востоковедения прочно вошли письменные источники. С помощью китайских хроник в переводе Н.Я. Бичурина на качественно ином уровне стали изучаться вопросы этногенеза народов Центральной Азии.

Задача монгольских экспедиций состояла в сборе максимального количества разнообразных сведений о стране, для чего стал использоваться комплексный подход. Одним из первых его стал применять В.В. Радлов. После открытий тюркских рунических памятников на севере Монголии российские исследователи сконцентрировались на изучении ранее неизвестного феномена. В.В. Радлов впервые поставил вопрос о выделении тюркской культуры, наметив формирование отдельной отрасли – тюркологии (Кляшторный, 2006: 43). Правда, представление о тюркских древностях было ограничено объектами, «на которых находятся рунообразные письмена» и «тукюэскими могилами» с реалистичными изваяниями (Радлов, 1892: Табл. I–IV, V–XXVI). В ряде работ изваяния с изображением человеческого лица В.В. Радлов (1896: 23, 30–31) ошибочно относил к бронзовому периоду. Однако, почитание некоторых «каменных баб» современным населением и их хорошая выделка наводили на мысль более позднего происхождения скульптур (Радлов, 1989: 436).

Сведения китайских источников о народах Центральной Азии В.В. Радлов считал неверными, т.к. они не находили подтверждения в археологических материалах (1896: 31, 50). Но именно письменные свидетельства о «тукю» якобы указывают на то, что народы железного периода на Алтае и в Хакасии были кочующими (Там же: 58).

Во второй половине XIX в. в России приобрела популярность историко-географическая концепция К. Риттера (Вайнштейн, 1989: 641). Она состояла в утверждении о сильном влиянии географической среды на культурный облик народа и его историческое развитие. В.В. Радлов ее также разделял. Он считал, что в природных условиях степи возможен только кочевой образ жизни, обусловленная им система хозяйствования и общественного устройства. Но подчеркивал, что она также формируется под влиянием других факторов. В капитальном сочинении «Из Сибири» есть глава под названием «Тюркские степные кочевники», в которой дан

этнографический очерк киргизов. В.В. Радлов писал, что эта группа отличается, например, от тюрков-кочевников Алтая тем, что исповедует ислам. Благодаря этому киргизов отличает большой порядок и совершенство этических принципов (1989: 302).

Поездка в Западную Монголию в 1870 г. позволила В.В. Радлову рассуждать об археологическом своеобразии отдельных районов страны. Формы каменных надгробных сооружений из Западной Монголии (особенно херексуров) не похожи на алтайские, енисейские, хакасские варианты (Радлов, 1989: 414–415). При этом ученый затруднялся отнести херексуры к какому-то конкретному периоду истории, т.к. их еще никто не раскапывал (Там же: 420). В дальнейшем по вопросу типологии херексуров В.В. Радлов (1896: 28–29) всецело полагался на выводы Г.Н. Потанина.

Более ясное представление об истории и культуре Монголии оформилось благодаря исследованиям Н.М. Ядринцева. Его занимала не только археологическая фиксация древностей, но и вопросы исторической географии, связи Монголии с пограничными районами Южной Сибири. В ходе археологических экспедиций ученому удалось установить границы распространения ряда погребальных сооружений (Ядринцев, 1883: 198–199). Большой интерес вызывала культура «каменных баб» и херексуров (Там же: 200, 204). Н.М. Ядринцев (1901) считал, что народ, оставивший херексуры, населял в основном горные места. Современное население Монголии не считает их могильниками своих предков (Ядринцев, 1901: 2). В целом данные памятники, по мнению ученого, распространены в Забайкалье, по Селенге, Орхону, Толе, а также Южному Хангаю и Монгольскому Алтаю.

Согласно Н.М. Ядринцеву (1883: 200) каменные изваяния известны по всей Сибири, но происхождение их следует искать в Монголии, «...у племен сохранивших обычай ставить на могилах фигуры». Население, оставившее изваяния, якобы обладало высоким уровнем развития культуры. Такой подход вполне согласовывался с общественно-историческими взглядами известного сибирского ученого.

Имеющаяся информация позволила Н.М. Ядринцеву (1890: 260–261) более четко установить историко-географическую локализацию таких племен как тюрки, уйгуры, монголы. Ученый придерживался теории К. Риттера и подобно В.В. Радлову отмечал значительное влияние географических условий на формирование кочевой культуры (Ядринцев, 2000: 263). Он считал, что в Монголии для кочевания наиболее пригодны долины Орхона, Толы и Хангай. Можно согласиться с выводом, что до сих пор эти места привлекают людей (Ядринцев, 1890: 262–263). Другое утверждение исследователя выглядит следующим образом: новые кочевые государства в Монголии возникали за счет захвата скота и пастбищ, но при этом развитие кочевников оставалось на прежнем уровне (Ядринцев, 2000: 263). Учитывая результаты современных исследований, вероятно, можно согласиться только с первой частью этого заключения.

Об определяющем влиянии природно-географических факторов говорил Г.Н. Потанин. Правда, он изучал локальные культуры, а его «историческая концепция» значительно отступала от сравнительно-исторического метода, популярного во второй половине XIX в. (Пелих, 2006: 82). Кроме полевых исследований, включавших сбор обширного этнографического материала, ученый пытался осмыслить разные проблемы археологии. Из открытых и зарегистрированных в Монголии древних объектов достойное место заняли «оленные камни». Г.Н. Потанин старался дать оценку их культурно-исторической принадлежности, а также обосновал классификацию вертикально установленных камней. В этой схеме тюркские изваяния и «оленные» камни отнесены к «отесанным» монументам (со следами обработки) (Потанин, 1881: 64). Г.Н. Потанин совершенно верно заметил, что «оленные» камни связаны с различными курганами, установлены на специальных площадках (сейчас они называются «жертвенниками»), но иногда встречаются отдельно.

В Западной Монголии ученому пришлось видеть большое количество херексуров² (Потанин, 1881: 65, 175). В настоящее время они в основном датируются периодом поздней бронзы и раннескифским временем. Ученый по сути дела впервые определил круг вопросов, касающихся изучения этих интересных объектов. При выделении типов курганов он учел все значимые параметры: размеры, расположение на местности (находятся у подножия гор и в степных районах, нередко рядом с зимниками монголов, одиночно или в группах), конструктивные элементы (ограда, насыпь, «дополнительные» сооружения – выкладки и др.) (Потанин, 1881: 51–64). В альбоме ко второму выпуску «Очерки Северо-Западной Монголии» представлены почти все из известных сейчас типов херексуров (Там же: фиг. 1–24).

Продолжателем школы В.В. Радлова и Г.Н. Потанина в 1890-е гг. стал Д.А. Клеменц. Период с 1891 по 1896 гг. он посвятил изучению археологии и этнографии Монголии. Богатое историко-культурное наследие, по мнению Д.А. Клеменца, в перспективе могло стать поводом к созданию археологической карты страны (Решетов, 1998: 62–63). Сделанные ученым фотографии памятников (сейчас хранятся в архиве МАЭ РАН), их описания, географические карты Монголии действительно могли способствовать реализации этой задачи.

Д.А. Клеменцу, как и другим исследователям, приходилось неоднократно фиксировать свидетельства использования археологических объектов современным населением Монголии. Херексуры, например, превращались в обо (Клеменц, 1894: 125об). Ученый считал, что строители херексуров в небольшом количестве расселялись в Гобийском Алтае, а центр культуры находился в Хангае (Клеменц, 1895: 271). Она существовала долго, о чем свидетельствует фиксируемое разнообразие в оформлении сооружений.

Д.А. Клеменца интересовал также вопрос генезиса тюркской культуры. Он писал, что он связан с севером Сибири, где-то между истоками Черного Иртыша и системой Енисея (Клеменц, 1895: 272). Исконная территория проживания тюркских племен соотносилась с Большим Алтаем (Клеменц, 1896: 41). Сейчас эти предположения в ходе археологических раскопок на Алтае подтверждаются и конкретизируются (Тишкин, 2007: 192–194). Происхождение некоторых типов каменных могил предлагалось также связать с областями к северу от Монголии (Клеменц 1895: 272). Совершенно верно отмечалась этно-культурная и природно-географическая близость Западной Монголии и Алтая, Восточной Монголии и Забайкалья (Клеменц, 1896: 41).

Обследовав остатки городищ на Хойту-Тамире (Центральная Монголия) Д.А. Клеменц (1895: 263) пришел к выводу, что между Орхоном и Тамиром с давних пор проживали народы и кочевые, и полукочевые; у некоторых из них существовала развитая городская культура. Обилие могил на восточном Хангае являлось явным свидетельством присутствия здесь в древности значительного населения (Клеменц, 1895: 265). Интересно, что одним из ориентиров при поиске древних сооружений для Д.А. Клеменца (1895: 269) являлись монгольские стойбища. Удивительным ученым считал расположение могил вдали от рек и озер, правда, херексуры часто встречались вблизи ручьев (Клеменц, 1895: 268).

Историко-географическое описание Монголии оставил известный востоковед А.М. Позднеев. Опираясь на сведения из китайских летописей³, он провел обширные археологические и этнографические изыскания. Исследователь писал, что политическая жизнь Монголии развивалась преимущественно в северо-западных областях, по южным и восточным окраинам. По всем этим местам «скитались орды кочевников». Этнографические реалии заставили задуматься над историческим прошлым Монголии. Некоторые могилы по своему внешнему виду А.М. Позднеев (1879: 19) сравнивал с монгольскими обо.

Отдельный вклад в изучение культур Монголии внесли финские исследователи, например, И.Г. Гранэ. В начале XX в. он предпринял несколько поездок в Западную Монголию, где столкнулся с высокой концентрацией древних сооружений. И.Г. Гранэ объяснял увиденное тем, что данная территория благоприятна для проживания кочевых народов; с древних времен их образ жизни существенно не изменился (Gräno, 1910б: 2–4). Ученый зафиксировал множество херексуров, «оленных» камней и тюркских изваяний, ритуальных комплексов и жертвенников. Довольно четко было обозначено сходство сооружений из Западной Монголии и Алтая, которые рассматривались как единый историко-культурный ареал. Древние памятники И.Г. Гранэ классифицировал и привязал к конкретным территориям (Gräno, 1910а: I–IX; 1910б).

В начале XX в. кочевнические древности Монголии изучались также В.Л. Котвичем, Б.Я. Владимирцовым, Д. Каррутерсом и др. В итоге во второй половине XIX в. и начале XX в. была заложена основа для целостной характеристики древних и средневековых кочевых культур Монголии. Изучая этнографию и географию страны, ученые попытались понять специфику распространения и назначение археологических памятников в отдельных районах «археологического Эльдорадо», их этническую принадлежность.

Примечания

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Изучение историко-культурного наследия Западной Монголии в XIX – начале XX вв.» (№12-31-01222а/2).

² Благодаря Г.Н. Потанину название определенного типа курганов монгольским словом «херексуры» прочно утвердилось в науке.

³ Позднеев А.М. Монголия // Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 54, 78.

Список источников и литературы

Вайнштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В.В. Из Сибири. – М.: Наука, 1989. – С. 640–682.

Клеменц Д.А. Краткий отчет о путешествии Д. Клеменца по Монголии за 1894 г. // Изв. Императорской Академии Наук. – СПб: Б.и., 1895. – Т. III. – С. 261–274.

Клеменц Д.А. Письма с дороги // Восточное обозрение. – Иркутск, 1896. – №6. – С. 2-3.

Клеменц Д.А. Путевые дневники за 1894 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 88.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб: Наука, 2006. – 591 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. – 464 с.

Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 166 с.

Позднеев А.В. Путевые заметки и другие разнохарактерные записи. 1879 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 37. 36 л.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества): В 3-х вып. – СПб, 1881. – Вып. II. – 280 с.

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. В 3-х вып. – СПб: Типография ИАН, 1892. – Вып. I. – 78 с.

Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). – М.: Наука, 1989. – 718 с.

Радлов В.В. Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1896. – 70 с.

Решетов А.М. Д.А. Клеменц и музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). – СПб: Изд-во «Лань», 1998. – С. 59–94.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей // Древности: Тр. Императорского московского археологического общества. – М.: Б.и., 1883. – Т. 9. – Вып. II и III. – С. 181–205.

Ядринцев Н.М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и Южный Хангай в 1891 г. – СПб: Типография ИАН, 1901. – 54 с.

Ядринцев Н.М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // Известия ИРГО. – СПб: Б.и., 1890. – Т. XXVI. – Вып. 4. – С. 257–271.

Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 333 с.

Gräno J.G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Journal dela Societe Finno-Ougrienne. XXVIII. –Helsinki, 1910a. XXVIII. – P. 1–59.

Gräno J.G. Über die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nordwestmongolei. - Helsingfors: Drückerei der finnischen Literaturgesellschaft, 1910b. - 56 p.

АРХЕОЛОГИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ENVIRONMENTAL ARCHAEOLOGY

С.В. Батаршев

*Россия, Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ

Abstract

This article analyses the settlement parts of societies with a complex hunting and gathering economy in the period of Middle Neolith in Primorye (Southern part of the Russian Far East). The article develops a typology of settlements and discusses the mobility of people defined by a settled lifestyle with season migrations.

Период среднего неолита в Приморье занимает промежуток времени протяженностью около 3500 лет между первой половиной VII тыс. до н.э. и началом IV тыс. до н.э. В это время на территории Приморья распространяются памятники трех археологических культур: руднинской (первая половина VII – середина V тыс. до н.э.), бойсманской (конец VI – начало IV тыс. до н.э.) и веткинской (начало VI – конец V тыс. до н.э.). Территориально памятники этих культур локализуются в Южном Приморье и Восточной Маньчжурии, кроме того, южный ареал бойсманской культуры занимает северную часть Корейского полуострова. Хозяйство культур среднего неолита Приморья характеризуется исследователями как комплексное присваивающее (охота, рыболовство, собирательство), включавшее активную эксплуатацию наземных и водных (морских, речных, озерных) биоресурсов. Долгое время из-за малочисленности известных памятников периода среднего неолита Приморья, а также необходимости разработки таких первоочередных задач, как хронология, периодизация, культурная типология археологических комплексов, проблема пространственного освоения территории человеком не входила в поле зрения приморских археологов. Общепринятым являлось мнение, что люди среднего неолита региона жили оседло в долговременных поселениях, на местах промыслов обустроивались временные стоянки. В то же время, интенсивные полевые исследования, проведенные на протяжении последних 10-15 лет, позволили выявить определенные закономерности в пространственном расположении и планировочной структуре средненеолитических поселений региона, изучить в общих чертах систему расселения и формы мобильности людей (Батаршев, 2011; Батаршев, Ключев, 2009). В предлагаемой работе характеризуется стратегия освоения территории носителями средненеолитических культур Приморья.

Все известные к настоящему времени поселения периода среднего неолита Приморья относятся к трем типам.

I тип – кратковременные стоянки (КС), образовавшиеся в результате непродолжительной остановки группы людей для дневки, ночевки или выполнения каких-либо незначительных по трудозатратам операций (ремонт или изготовление охотничьего вооружения, приготовление пищи). На КС отсутствуют жилые, хозяйственные и производственно-бытовые сооружения, предполагающие функциональную организацию пространства (наземные жилища, очаги, хозяйственные ямы). При раскопках следы пребывания людей проявляются в лучшем случае в виде

кострища, а также немногочисленных находок (от нескольких десятков до нескольких сотен). Археологический материал КС представлен продуктами расщепления камня (результаты подработки, ремонта или изготовления орудий), единичными изношенными, сломанными или потерянными каменными орудиями, фрагментами одного, реже нескольких керамических сосудов. Следует отметить, что на таких памятниках сохранность археологических комплексов плохая, так как скопления находок и кострища легко размываются дождевыми, тальными водами. Кроме того, из-за многократности заселения одних и тех же мест в разные периоды, материалы КС, как правило, оказываются включенными в более ранние или поздние культуросодержащие отложения и смешаны с находками других комплексов. Как типичные КС можно охарактеризовать памятники Зайсановка-1 (бойсманская культура), Лузанова Сопка-5 (руднинская культура), Осиновка (руднинская культура) и некоторые др.

II тип – сезонные промысловые стоянки (СПС), предназначенные для продолжительного проживания людей, занятых целенаправленной промысловой деятельностью и переработкой полученной добычи. Длительность существования СПС можно оценить от нескольких дней до одного-двух месяцев в пределах одного сезона. Функциональная организация пространства данного типа поселений обусловлена характером деятельности людей и длительностью промыслового сезона. На СПС присутствуют остатки жилых сооружений (временные, как правило, наземные жилища, навесы, ветровые заслоны), очаги (в ямах, с каменной обкладкой), кострища, хозяйственные постройки, ямы, крупные скопления инвентаря и т.д. Археологический материал представлен многочисленными коллекциями каменного инвентаря, керамической посуды, а на тех памятниках, на которых сохраняется органика – изделиями из кости, рога, остатками промысловой фауны (кости животных, птиц, рыб, створки моллюсков) и т.д. К настоящему времени изучено несколько памятников периода среднего неолита Приморья, которые мы можем охарактеризовать как СПС: Гладкая-4, Бойсмана-1, Бойсмана-2 (все три памятника относятся к разным этапам бойсманской культуры), Лузанова Сопка-2 (руднинская, веткинская культура), ЛЗП-3-6 (руднинская культура) и др. Структура культуросодержащих отложений, характер комплексов и особенности состава археологического материала большинства СПС свидетельствуют об их многократном функционировании на протяжении многих сезонов с перерывами разной продолжительности.

III тип – долговременные поселения (ДП) с остатками углубленных в грунт зимних жилищ. Структура ДП обнаруживает интересные особенности: поселения располагаются по бортам речных долин, на оконечностях увалов или вершинах сопек, выдвинутых в сторону русла рек; все поселения образованы остатками одного жилища, в тех случаях, когда на памятнике селились несколько раз, новые жилища сооружались поверх предыдущих; жилища представляют собой долговременные постройки, предназначенные для проживания человека в холодный период (осень-зима-весна), что подтверждается конструктивными особенностями построек (углубленные в землю основания-котлованы, специально оборудованные очаги, хозяйственные ямы, ниши) и составом археологического инвентаря (обилие керамики, в том числе развалов сосудов на полу жилищ) (Батаршев, Ключев, 2009). Очевидно, что места для поселений выбирались с учетом возможности обзора окружающей местности, необходимого для быстрой реакции на передвижения наземных животных. Основным занятием людей, оставивших эти поселения, была охота. В заполнении и на полу жилищ самой массовой категорией изделий из камня является шлифованные и ретушированные наконечники стрел, на некоторых памятниках сохранился остеологический материал, позволяющий представить состав охотничьей добычи: медведь, кабан, изюбр, косуля и др.

Поселения третьего типа наиболее многочисленны – к настоящему времени

раскопано 10 таких памятников, относящихся к трем средненеолитическим культурам Приморья. Для руднинской культуры это – Дворянка-1, Катериновка-1, Новотроицкое-2, Рудная Пристань, Сергеевка-1, Чертовы Ворота, Шекляево-7, бойсманской культуры – Гвоздево-3, веткинской культуры – Ветка-2 и Орлиный Ключ.

Особый интерес вызывает наличие на поселениях среднего неолита только одного долговременного жилища. Учитывая небольшие размеры жилищ (70-20 м²) на одном таком поселении могло проживать лишь несколько парных (малых) семей, объединенных родственными связями и представляющих самостоятельную социальную ячейку – хозяйственный и социально-бытовой коллектив (большую семью). Каждый такой коллектив людей контролировал огромные по своей территории охотничьи угодья, так как плотность расположения памятников очень низкая – 1-2 памятника на одну речную долину. Даже если количество известных ДП в рамках одной речной долины увеличить в несколько раз (с учетом еще необнаруженных памятников), то полученная таким образом модель системы размещения поселений не будет противоречить имеющимся оценкам предельной плотности населения с присваивающим хозяйством, ведущим компонентом которого является охота. Демографическая емкость для зоны хвойно-широколиственных лесов составляет 7,4 чел/100 км², для лесостепи – 17,3 чел/100 км² (Долуханов, 1979: 16). Известные примеры из жизни современных обществ охотников-рыболовов демонстрируют еще более низкую плотность населения. Так, у северных атапасков в 1970-е гг. в период зимней охоты демографическая емкость на занимаемой территории составляла 1,3 чел/100 км² (Андрианов, 1985: 201).

Несмотря на сделанный вывод, мы не исключаем возможность существования поселений с несколькими долговременными жилищами, функционирующими одновременно. Одно такое поселение известно на многослойном памятнике Рудная Пристань – это ранний горизонт заселения руднинской культуры. Уникальность этого поселка состоит в том, что жилища руднинской культуры (не менее 10) концентрировались вокруг «центра», представленного округлой, вымощенной камнями, «площадью», чьи «производственные функции вторичны по отношению к социальным» (Дьяков, 1992: 63). Все это позволяет рассматривать ранний горизонт Рудной Пристань не просто как крупный поселок, а как поселение, имевшее особый социальный статус (например, племенного центра). Д.Л. Бродянский высказал предположение, что размеры поселения Рудная Пристань, наличие там социального «центра» («площади»), обусловлены «его расположением в нижнем течении нерестовой реки, ловом лососей» (Бродянский, 2012: 23), а не особым социальным статусом. Однако необходимо отметить, что другие ДП среднего неолита, расположенные в схожих ландшафтных условиях (например, Гвоздево-4, Ветка-2), не имеют такой сложной планировочной структуры.

Суммируя вышесказанное, форму мобильности археологических культур среднего неолита Приморья мы можем определить, как *оседлую с сезонной миграцией*. Этот тип мобильности предполагал оседлость основной части населения в холодное время года (осень-зима-весна), обустройство в этот период долговременных поселений с зимними жилищами. Для охоты и рыболовства из долговременных поселений периодически совершались выходы промысловых партий, в этом случае на разном удалении от ДП возникали КС и СПС. С началом весеннего оттаивания почв обитатели долговременных поселений переселялись на СПС с временными жилищами, так как поздней весной, летом и ранней осенью проживание в полуподземных жилищах ДП было нефункционально (отсутствовала необходимость в защите от холода) и затруднительно (котлованы жилищ легко затапливались грунтовыми водами, помещения сырели). В последнем случае большая семья, проживавшая в зимнем

жилище ДП, могла разделиться на несколько малых семей. С приближением зимы члены большесемейной общины вновь собирались вместе, строили новое зимнее жилище или перестраивали старое. Специально отметим, что предложенную систему расселения необходимо рассматривать лишь как элементарную модель, в реальности она могла быть гораздо сложнее и динамичнее. Этнографически подобная модель системы расселения хорошо известна на примере ительменов Камчатки XVII – XVIII вв. (Народы..., 2010: 178-179).

Список источников и литературы

- Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
- Батаршев С.В. Система размещения и структура древних поселений в среднем – позднем неолите Приморья // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб; М.; Великий Новгород: Ин-т истории материальной культуры, 2011. – Т. I. – С. 102–104.
- Батаршев С.В., Ключев Н.А. Человек и ландшафт в неолите Приморья: система размещения и структура древних поселений // Россия и АТР. – 2009. – №1. – С. 76–85.
- Бродянский Д.Л. Типология древних поселений Приморья // Дальневосточно-сибирские древности. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – С. 21–25.
- Долуханов П.М. География каменного века. – М.: Наука, 1979. – 152 с.
- Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 140 с.
- Народы Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 2010. – 773 с.

И.И. Бахшиев¹, Р.И. Бахшиев²

Россия, Уфа, ¹Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, ²государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»

ИЗУЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ И МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Abstract

This article presents paleodemographic analysis of a set of ancient settlement complexes in the eastern foothills of the Ural-Tau Range in the Southern Trans-Urals. The article constructs a hierarchical taxonomy of monuments. The structure of development of the territory is estimated. The top and bottom thresholds of population of the region during a bronze era are estimated.

Введение. При изучении моделей и механизмов организации жизненного пространства древнего населения материалам поселений отводится весьма важная роль. Археологические данные с поселенческих памятников отражают повседневный быт людей и характеризуются большей открытостью для внешних воздействий, будь то приход нового населения или же какие-либо внутренние социальные изменения. В этом отношении характеристика поселенческих памятников в пределах Башкирского Зауралья позволит реконструировать модель жизнедеятельности насельников региона в позднебронзовом веке.

Пространственные связи и проблема взаимодействия поселенческих памятников. Одной из актуальных задач археологической науки на современном этапе развития является создание моделей/схем пространственной археологии,

ориентированных на получение информации о связях между археологическими объектами. При анализе пространственно-временных связей поселений бронзового века Башкирского Зауралья применен методический прием, использованный в работах О.В.Сергеевой (Сергеева, 1997; 2001; 2005; 2007). Правило «ранг-размера», позволяет построить в пределах отдельной территории определенную иерархическую цепь поселений на основе их размерных показателей и определить рассматриваемые объекты в рамки соответствующих поселенческих комплексов, именуемые в литературе микрорегионами или кустами. Очевидно, что изучая систему населенных пунктов региона, необходимо установить ее одновременность. Исходя из этого, отметим, что доминирующим культурным фоном основной массы анализируемых поселений является алакульский, срубный и срубно-алакульский компонент, существовавший в один хронологический период. В то же время определить синхронность функционирования поселений весьма проблематично (см. например: Епимахов, 2009: 98-100).

Исходя из того, что главенствующим элементом метода выступает определение размера порядка поселений (Сергеева, 2005: 42), построена типологическая колонка, основу которой составили данные по площади памятников. Распределение площади памятников на графике рангов позволило выделить четыре типа: I – более 20 тыс. кв. м (9 поселений / 15,3%); II – от 20-19 тыс. кв. м до 12-11 тыс. кв. м (13 поселений / 22%); III – от 11-10 кв. м до 4-3 тыс. кв. м (18 поселений / 30,5%); IV – менее 3-2 тыс. кв. м (19 поселений / 32,2%).

Определение степени взаимодействия между типами поселений и в последующем их группировка, базирующаяся на связях определенной силы, позволила выделить на изучаемой территории 12 участков концентрации поселений (кустов), 6 бинарных комплексов и 8 одиночных памятников. Используя правило «ранг-размер» разработана возможная структурная иерархия поселений, позволяющая считать поселения I-II типов центральными памятниками региона, характеризующиеся сильными и очень сильными граф гравитационными связями с памятниками определенного микрорегиона. О.В.Сергеева полагает, что центральные поселения в силу своего высокого положения, по-видимому, обладали максимально широким набором административных функций (Сергеева, 2005: 54), что подтверждает мысль об иерархическом подчинении одновременных позднебронзовых поселений различной величины. Выделенные возможные центры микрорегионов/кустов Башкирского Зауралья – Муллакаевское селище, поселения Лаимберды, Бузавлык-3, Таналык, Олаир, Улак-2 и др., вероятно, можно также интерпретировать как хозяйственно-культурные центры В.С.Горбунова, который поселения такого рода определяет как региональные «столицы» неурбанизированной модели обществ континентальной периферии степной и лесостепной Евразии (Горбунов, 1992: 81-83).

Территориально-археологическое районирование поселений региона. Используя предложенную В.И.Матющенко типологическую вертикаль археологических комплексов (Матющенко, 2001: 28), построена трехступенчатая система распределения археологических территориальных объединений в пределах изучаемого региона. Данное распределение предполагает выделение пространственных групп археологических микрорайонов по степени их рассеянности в пределах определенных регионов на основе трехступенчатой системы распределения (археологические микрорайоны 1-ой, 2-ой и 3-й степеней) и принципа «матрешки», включающего их друг в друга (Матющенко, 2001: 28). Данный метод классификации группы археологических объектов активно использовался при исследованиях Нижнетарского археологического комплекса (Матющенко, 2001) и территории Ингальской долины (Волков, 2003; 2007).

В Башкирском Зауралье наиболее мелкие поселенческие группы («кусты») следует рассматривать как археологические микрорайоны 1-ой степени рассеянности и соотносить их с термином «археологический микрорайон». Территориально-археологические объединения, включающие в себе определенное количество поселенческих групп, т.е. археологических микрорайонов, рассматривались нами как археологические микрорайоны 2-ой степени рассеянности и соотносились с термином «археологический район», предложенный Е.Н.Волковым (Волков, 2003: 15; 2007: 116-117). Территориальная локализация поселенческих комплексов (археологических микрорайонов) позволила построить и выделить схему размещения археологических районов на территории Башкирского Зауралья, – «сакмарский» археологический район (бассейн р. Сакмара), «бузавлыкско-таналыкский» район (бассейн рек Бузавлык и Таналык) и «уртазымский» археологический район (бассейн р. Ургаза (Бол.Уртазымка).

Тем самым Башкирское Зауралье как территориальное пространство в эпоху поздней бронзы характеризовалось системами поселенческих археологических районов, состоящих из компактных групп поселений (микрорайон 3-й степени рассеянности).

Палеодемографическая оценка численности населения региона в эпоху бронзы. На первой стадии подсчет численности населения производился на основе определения количества жителей каждого жилищного сооружения. Процесс расчетных вычислений основывался на определении общей жилой площади жилищ и размеров жилищных впадин, далее, на основе коэффициентов усредненной нормы жилой площади пола жилища на человека в 4 кв.м. (Корякова, 1988; Матвеева, 1993; Ражев, Ковригин, 1999; Сергеева, 2006) подсчитывалось количество обитателей жилища. Общая численность населения, заселявшего отдельно взятое поселение, производилось на основе суммирования количества жителей жилищных построек (впадин), зафиксированных на территории поселения.

Анализ размерных показателей жилищных строений и впадин показал, что основной процент жилищных объектов характеризуется размерными показателями от 50 до 150 кв.м. Планиграфический анализ жилищ и жилищных впадин свидетельствует о расположении 1-6 жилищных объектов на территории памятника (ок.75%). Взяв за основу среднюю численность жителей одной постройки в 20 человек (в большинстве жилищ могло проживать от 10 до 35 человек), а также 3 жилищных объекта за среднее количество жилищ на поселениях, приходим к выводу о возможном проживании в пределах одного поселка около 60 человек.

Совокупный анализ признаков генеральной выборки указывает на общее количество населения Башкирского Зауралья, составляющее, по нашим подсчетам, около 4,1 тыс. человек.

На второй стадии, для подсчета количественных параметров населения региона применена формула, предложенная Н.Н. Крадиным:

$$\begin{aligned} \text{Числ.}_{\min} &= (K_c * Y * P_{\text{зим}}) / (K * D); \\ \text{Числ.}_{\max} &= K_{\max} * (K_c * Y * P_{\text{зим}}) / (K * D), \end{aligned}$$

использованная в исследованиях О.В.Сергеевой по палеодемографической оценке Саратовского Поволжья в эпоху поздней бронзы (Сергеева, 2006). В данной формуле показатель K_c характеризуется как коэффициент поправки на социальное расслоение (устойчивый показатель в 0,0202), Y – урожайность в килограммах кормовых единиц на 1 гектар (га), $P_{\text{зим}}$ – площадь зимних пастбищ, K – суточная потребность в кормах, имеющее неизменное значение 0,91 к.е., D – количество зимних дней (90), K_{\max} – коэффициент максимального изъятия корма (Сергеева, 2006: 134).

Применяя полученные цифровые данные для Башкирского Зауралья получаем, что количественные параметры населения региона, при 30% доле зимников составляет около 7766 человек:

$$\text{Числ.}_{\min} = (0,0202 * 53,12 * 592740) / (0,91 * 90) \approx 7766.$$

При 50% доле зимников численность населения достигает цифры в 12943 человека:

$$\text{Числ.}_{\max} = (0,0202 * 53,12 * 987900) / (0,91 * 90) \approx 12943.$$

Приведенные данные указывают, что на территории Башкирского Зауралья в эпоху поздней бронзы проживало население с общей численностью в 7,8-12,9 тыс. (\approx 8-13 тыс.) человек.

На третьей стадии подсчета численности населения применялась статистическая формула:

$$K = LDT/P,$$

где показатель L – среднее единовременное население одного археологического памятника, D – плотность обнаруженных археологических памятников на 100 лет данного хронологического периода, T – длительность существования одного памятника, P – вероятность обнаружения памятников (Луковская, Иванов, Васильев, 1996: 37-42; Сергеева, 2006: 136).

Вводя соответствующие показатели в вышеприведенную формулу

$$K = 60 * 6,9 * 30 / 1 = 12420,$$

получаем данные о возможном проживании в позднебронзовом веке в пределах изучаемого региона 12,4 тыс. человек.

Итак, на основании полученных результатов, можно с определенной степенью достоверности утверждать, что численность населения Башкирского Зауралья в эпоху поздней бронзы могла колебаться в пределах «вилки» – 4100-13000 человек.

Заключение. Полученные предварительные результаты свидетельствуют о достаточно организованной структуре освоения пространства населением позднебронзового века восточных предгорий хребта Урал-тау. Представления об иерархическом соподчинении поселенческих комплексов в перспективе позволяют выйти на проблемы реконструкции специфики социальной организации и хозяйствования общин. Предложенная схема археологическое районирование указывает на «локальность» освоения пространства в древности (схема освоения «модулями»). Полученные результаты, конечно, не более чем первичная оценка, поскольку основаны на имеющихся сведениях о поселениях. Дальнейшее комплексное исследование бытовых памятников бронзового века региона позволит подготовить более развернутую модель их пространственного распределения и граф гравитационных связей. Перспективность этих разработок, связано, в первую очередь, с использованием современных ГИС-технологий.

Список источников и литературы

Волков Е.Н. Общая характеристика Ингальской долины // Древности Ингальской долины: Новые памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск: Наука, – 2003. – Вып. 1. – С. 8–25.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 224 с.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. – Уфа: БГПУ, 1992. – 223 с.

Епимахов А.В. Модели освоения территории по данным сплошного археологического обследования (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Этнос. Общество.

Цивилизация: II Кузеевские чтения: матер. международной науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию Р.Г.Кузеева. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. – С. 98–100.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: УрГУ, 1988. – 239 с.

Луковская Т.С., Иванов И.В., Васильев И.Б. Методы оценки параметров экосистем, численности населения в различные археологические эпохи (на примере Рын-песков) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: сб. науч. тр. – Самара: Самар. ун-т, 1996. – С. 37–40.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 172 с.

Матющенко В.И. Опыт осмысления идеи археологического микрорайона // Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 20–44.

Ражев Д.И., Ковригин А.А. Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ: тез. докл. конф. – Тюмень: Изд-во ИПОС, 1999. – С. 171–175.

Сергеева О.В. Пространственный анализ поселений эпохи поздней бронзы Саратовского Правобережья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: матер. международной науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д.Рау. – Саратов: СГПИ, 1997. – С. 88–91.

Сергеева О.В. Пространственные связи срубных поселений бассейна реки Малый Ирғиз // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. международной науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: ООО «НПЦ», 2001. – С. 352–354.

Сергеева О.В. Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья // Поволжский край: сб. науч. тр. – Саратов: СГУ, 2005. – Вып. 12. – С. 38–57.

Сергеева О.В. Палеодемографические оценки численности населения эпохи поздней бронзы Саратовского Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи: Сб. науч. тр. – Саратов: СГУ, 2006. – С. 132–140.

Сергеева О.В. Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2007.

E. Bezrukova^{1,2}, P. Letunova^{1,2}, N. Kulagina³, O.G. Sharova^{1,2}

Russia, Irkutsk, ¹laboratory, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, ²Institute of Geochemistry SB RAS, ³Institute of the Earth Crust SB RAS

VEGETATION AND CLIMATE DYNAMICS AROUND LAKE BAIKAL SINCE THE MIDDLE HOLOCENE AND ITS POSSIBLE IMPACT ON ANCIENT SOCIETIES

Аннотация

Обобщена информация об изменениях растительности в лесных и лесостепных районах Байкальского региона (БР) за последние 7 тысяч лет. Высказано предположение о том, что влияние природных изменений на человеческие сообщества было сильнее на западном, аридном, побережье. Для проверки гипотезы нужны новые, аккуратно датированные записи природной среды.

A better understanding of the regional climate and vegetation dynamics and their driving mechanisms is important for improving climate predictability and properly attributing ongoing climate changes to human-induced and/or natural forcing (e.g. Kleinen et al., 2011:

724). So far, most studies on climate and vegetation dynamics in the Lake Baikal Region (LBR) have been focused on the late Pleistocene and Holocene intervals with special attention to the late glacial-early Holocene transition and early-mid-Holocene climatic optimum (e.g. Bezrukova et al., 2010: 194; Tarasov et al., 2009: 290). The majority of pollen and other proxy records used to interpret past climate and environments have been obtained from lake sedimentary archives. However, the LBR is also rich in peatlands, which are considered as high potential natural archives providing sensitive records of vegetation and climate changes with decadal to centennial precision. To date, however, the potential of peat sediments as environmental and climate archives has been poorly exploited in the LBR. Available studies on the regional peat sediments demonstrate that peat records may cover the whole Holocene (e.g. Shichi et al., 2009: 106), but mainly represent the last 7000 years (Bezrukova et al., 2008: 413), the time interval which reveals prominent changes in climate and in archeological records at both regional and global scales. Multidisciplinary research conducted under the framework of the Baikal Archaeology Project (BAP) provide rich material on archeological and cultural changes among the middle and late Holocene hunter-gatherers of the LBR (Weber et al., 2010: 492 and references therein). Available paleoenvironmental data and climate modeling results demonstrate that climatic conditions during the Holocene varied significantly in the LBR and likely affected subsistence strategies and lifestyle of the local populations. However, despite the relatively few study sites and resolution of data available, the results from climate and environmental studies have been largely neglected by archeologists of the LBR. To generate records of the Holocene climate and environments with better spatio-temporal resolution and to bring together archeological data and environmental reconstructions supported by mathematical modeling is an important task of regional palaeoenvironmental studies.

The current paper presents results of the pollen and botanical composition analyses of peat sediments from several locations representing different climatic conditions and environments within the LBR during the ca. last 7000 years. The paper aims to reconstruct local and regional changes in vegetation and their causal mechanisms. The following discussion focuses on the sensitivity of different areas to environmental changes, comparison of the vegetation and environmental history of the study sites with other records, and possible influence of climate dynamics on early societies.

The longest vegetation record with the most reliable age model is from Cheremushka. This site is located in the area with moderately humid climate, where *P. sylvestris* played the most prominent role in the forest cover around the site during the last ca. 7 cal ka BP. The pollen record from Ochkovoe, spanning the last 4.5 cal ka BP, demonstrates equally high percentages of *P. sylvestris* and *P. sibirica*-type pollen. Siberian pine played and continues playing an important role in the vegetation cover around Ochkovoe, which is located in the most humid area of the LBR. In the pollen record from Kuchelga, *P. sylvestris* again becomes a dominant taxon, though arboreal pollen percentages are never as high as in the other two records, in line with the generally low summer and winter precipitation and low tree coverage around the study site.

Comparison of the Kuchela record with the two pollen records available from the Ol'khon Region reveals some differences in *P. sylvestris* pollen curves, which can be related to the accuracy of dating and reliability of the individual age models or/and to the local differences between the sites. Unfortunately, there are very few data from the western coast of Lake Baikal which help to evaluate different hypotheses. The Kuchelga record reveals more pronounced changes in vegetation, suggesting greater sensitivity of the region to middle and late Holocene climate changes, in comparison to Cheremushka and particularly to Ochkovoe. It could be expected that environmental impact on early human societies was strongest in the more arid region to the west of Lake Baikal. To test these hypotheses, however, accurately

dated multi-proxy records of Holocene climate and environments from this so far poorly studied region are absolutely necessary. Across the central Asian mid-latitudes the published sedimentary, pollen and isotope records demonstrate spatially and temporally different Holocene vegetation and climate histories. It has been suggested that the northern region including Lake Baikal displays two main precipitation maxima during the Holocene. The early Holocene maximum is more pronounced in the eastern part of the region, while the late Holocene precipitation maximum is better seen in the western part. The data presented in the current study seem to support this interpretation.

The comparison of these results with published environmental records and climate model simulations confirms the earlier interpretations that the middle and late Holocene vegetation dynamics in the LBR was primarily driven by natural forcing and likely was associated with large-scale circulation processes controlling the regional water balance rather than with human activities. Some synchronous changes in environmental and archeological data likely point to a possible causal link between past climate changes and cultural history of the region.

The research presented here was financially supported via research grants from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR N 12-05-00476) and the German Research Foundation (DFG TA 540/1, TA 540/5, MU 3181/1).

References

Bezrukova E.V., Belov A.V., Letunova P.P., Abzaeva A.A., Kulagina N.V., Orlova L.A., Sheifer E.V., Voronin V.I. Peat biostratigraphy and Holocene climate in the northwestern mountain periphery of Lake Baikal // *Russian Geology and Geophysics*. – 2008. – V. 49. - N 6. – P. 413-421.

Bezrukova E.V., Tarasov P.E., Solovieva N., Krivonogov S.K., Riedel F. Last glacialeglacial vegetation and environmental dynamics in southern Siberia: chronology, forcing and feedbacks // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 2010. – V. 296. – P. 185-198.

Kleinen T., Tarasov P., Brovkin V., Andreev A., Stebich M. Comparison of modeled and reconstructed changes in forest cover through the past 8000 years: Eurasian perspective // *The Holocene*. – 2011. – V. 21. – P. 723-734.

Shichi K., Takahara H., Krivonogov S.K., Bezrukova E.V., Kashiwaya K., Takehara A., Nakamura T. Late Pleistocene and Holocene vegetation and climate records from Lake Kotokel, central Baikal region // *Quaternary International*. – 2009. – V. 205. – P. 98-110.

Tarasov P.E., Bezrukova E.V., Krivonogov S.K.. Late Glacial and Holocene changes in vegetation cover and climate in southern Siberia derived from a 15 kyr long pollen record from Lake Kotokel // *Climate of the Past*. – 2009. – V. 5. – P. 285-295.

Weber A.W., Bettinger R.L. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia: an overview for the new century // *Journal of Anthropological Archaeology*. - 2010.-V. 29. – P. 491-506.

Н.Е. Бердникова¹, Г.И. Воробьева²

Россия, Иркутск, ^{1,2}государственный университет, ¹Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН

**ДИНАМИКА ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК И КУЛЬТУРНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ В ФИНАЛЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА
НА ЮГЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ³**

Abstract

This article is devoted to the interrelations of environmental dynamics and cultural transformations during the MIS 2 period at the South of Baikal Siberia. Global and regional-local features of natural environments changes are discussed. The peculiarity of cultures of the Final Paleolithic is identified as N adaptive response to the uncommon natural events.

В развитии социума финал плейстоцена или последнее ледниковье (МИС 2) можно определить как эпоху кардинальных перемен. Этот временной интервал характеризуется неустойчивой природно-климатической обстановкой, а культурная ситуация на территории Байкальской Сибири характеризуется определенной лакунарностью.

Многолетнее изучение верхнеплейстоценовых и голоценовых полигенетических отложений Байкальской Сибири позволили создать региональную климатостратиграфическую схему (Стратиграфия..., 1990) и сформировать событийно-педолитологическую традицию исследований (Воробьева, 2010; Бердникова, Воробьева, 2012). Применение последней в изучении рыхлых отложений позволило выделить ряд ординарных и неординарных событий, определить закономерности и виды их проявления в отложениях.

К ординарным событиям относятся сигналы повторяющихся климатогенно обусловленных изменений: седиментогенные и другие литологические особенности отложений, характер почвообразования, следы активности биоты, следы развития эоловых процессов и криогенеза. Неординарные события спровоцированы довольно редкими, как правило, стремительными процессами. Это природные катаклизмы, такие как землетрясения, наводнения, крупные оползни, селевые потоки и т.п., следы которых обнаруживаются «запечатанными» в рыхлых толщах верхнеплейстоцено-голоценовых отложений в определенных стратиграфических позициях, что дает возможность их датировки.

Ординарные события позволили проследить динамику палеоклиматических обстановок в интервале МИС 2 на территории Байкальской Сибири, который обозначается как сартанский горизонт (sr). Он имеет четырехчленное деление на подгоризонты: раннесартанский - sr¹ (24-18 тыс.л.н.) (здесь и далее возраст радиоуглеродный), среднесартанские: sr² (18-16 тыс.л.н.) + sr³(16-14 (14,5) тыс.л.н.) поздне-сартанский - sr⁴ (14 (14,5)-10,3 тыс.л. н.). Главными климатическими событиями в это время являлись: а) значительное похолодание климата на фоне гумидных (24-21 тыс.л.н), а затем аридных обстановок (21-18 тыс.л.н.); б) некоторое потепление климата с активизацией почвообразования (18-16 тыс.л.н.); в) аридизация климата примерно 16-14,5 тыс.л.н., происходившая на фоне довольно холодной климатической обстановки с отдельными фазами незначительных потеплений; г) чередование волн похолоданий и потеплений 14,5-10,3 тыс.л.н. на фоне умеренной, в конце фазы глубоко аридной обстановки; д) глубокое и резкое похолодание, которое можно сопоставлять с норильской стадией сартанского оледенения на севере Сибири и с поздним дриасом Европы (11-10,3 тыс.л.н.). Похолодание сопровождалось мощным криогенным трещинообразованием, не имеющим аналогов на территории Байкальской Сибири на

протяжении всего плейстоцена. Выявленные палеоклиматические ситуации являются выражением глобальных и субглобальных климатических трендов.

В числе неординарных отмечаются следы сеймотектонических и импактогенных событий на рубеже плейстоцен/голоцен. К ним относятся палеосейсмодислокации различного вида, скрытая тектоническая трещиноватость отложений (Аржанников и др., 2004; Чипизубов и др., 2001); глинки трения, блоки обрушения, зоны дробления; мощные коллювиальные шлейфы, размывы следы спуска подпрудных озер, резкая смена карбонатных отложений сартанских отложений бескарбонатными голоценовыми и др. К этому же ряду событий относится и образование Ангарской прорези и связанной с ней современной речной системы, о возрасте которых нет единого мнения. Одни считают, что Ангарский сток образовался в среднем плейстоцене (Нагорья..., 1974); другие – не древнее 70-80 тыс.л.н. (Кононов, 2005; Кононов, Мац, 1986; Щетников, Уфимцев, Филинов, 2010) или около 60 тыс.л.н. (Мац, Уфимцев, Мандельбаум и др., 2001), или 5 – 7 тыс.л.н. (Бухаров, Фиалков, 1996). Наши исследования следов сейсмогенных событий в долине Ангары и устьях ее притоков (Иркут, Белая) дают основания предполагать, что в течение сартанского времени происходили существенные сеймотектонические события в истоке Ангары, т.е. в районе так называемой Ангарской прорези. Неординарные события отражают региональные и локальные особенности палеоприродных обстановок.

В оценке развития завершающей стадии позднепалеолитических культур Байкальской Сибири существовал и, можно сказать, существует исследовательский феномен или стереотип перерыва, т.е. (Бердникова, 2012а; 2012б). Отмечается определенная дискретность в развитии культур конца позднего палеолита Байкальской Сибири в виде условных «культурных лакун»: в интервалах 18-16 (15,5) тыс.л.н.; 14,5-12,5 (12,8) тыс. л.н.; 11,8 (11,5) -10,3 тыс.л.н. Археологические объекты в пределах этих «лакун» немногочисленны. Археологически не обеспеченным является период 14,5-12,8 (12,5) тыс. л.н., поскольку отсутствуют объекты с таким возрастом. Наиболее репрезентативно представлены интервалы 16 (15,5)-14,5 тыс. л.н. и 12,8 (12,5)–11,8 (11,5) тыс. л.н.

Для заключительной стадии позднего палеолита отмечается две морфотехнологические традиции: одна связана с использованием пластин в качестве заготовок орудий, вторая - с использованием различных сколов для тех же целей. В комплексе первой традиции клиновидные нуклеусы сочетаются с плоскофронтальными нуклеусами со скошенной площадкой для снятия крупных и средних пластин. Здесь отмечается представительная серия изделий с шипами и выемками, овальные бифасы. Для второй традиции характерно большое разнообразие форм нуклевидной обработки – призматические, кареноидные и клиновидные; присутствие характерных бифасов полулунной формы. Особенно ярко различия морфотехнологических традиций проявляется в материалах хроногруппы 16 (15,5)-14,5 тыс. л.н.

Но, в то же время между комплексами с разными традициями существуют и общие черты: использование каменного моносырья, сочетание призматической техники и техники клиновидного нуклеуса; наличие крупных ретушированных пластин; трансверсальных резцов; овальных бифасов; чопперов, иногда чоппингов; рубящих орудий. Изделия из кости и украшения присутствуют в комплексах всех хроногрупп заключительной стадии позднего палеолита. Для каждой хроногруппы характерно определенное размещение стоянок на местности, связанное с особенностями стратегий освоения пространства. Имеются вариации в организации мест обитания.

В течение сартанского времени на территории Байкальской Сибири отмечается высокая интенсивность геодинамических процессов и серия катаклизмов, в результате которых происходили серьезные перестройки рельефа. К ним можно отнести и

формирование основных магистральных водотоков Ангары и Верхней Лены. Ярко выраженная активизация тектонических процессов отмечается 20-19, 14,5-14, 11,8-11,5 тыс. л.н.

С этими событиями синхронизируются культурные лакуны в развитии финальнопалеолитических культур Байкальской Сибири, которые вряд можно связать с исходом древнего населения и в дальнейшем необитаемостью этих территорий. Быстрые перестройки природных, прежде всего, водных систем, оказывали сильное влияние на стратегии освоения территорий – изменялись географическое положение мест обитания на разных хроносрезах завершающей стадии позднего палеолита; и лишь в конце наблюдается некоторая устойчивость выбора места обитания, выраженная в мультислойчатости некоторых археологических объектов.

Таким образом, отсутствие или малочисленность археологических объектов в определенных временных интервалах сартана на юге Байкальской Сибири обусловлено природными катаклизмами на территории Байкальской Сибири, приведшим к изменениям стратегий жизнеобеспечения. И эту ситуацию можно интерпретировать как культурный адаптационный отклик на резкие, катастрофические перестройки природных обстановок.

Примечания

³Работа выполнена при поддержке Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 77.

Список источников и литературы

Аржанников С.Г., Гладков А.С., Аржанникова А.В., Лунина О.В., Чипизубов А.В. Следы импульсных тектонических движений на юге Иркутского амфитеатра // Современная геодинамика и опасные природные процессы в Центральной Азии. – Иркутск: ИЗК СО РАН-ИрГТУ, 2004. – С. 153-162.

Бердникова Н.Е. Заключительная стадия позднего палеолита юга Байкальской Сибири. Геоархеологические сюжеты // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012б. - С. 103 – 122.

Бердникова Н.Е. Ситуации «перерывов» в археологии. Возможности интерпретаций (Байкальская Сибирь) // Изв. Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2012а -№ 1 (1). - С. 178-202.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Проблемы определения возраста культурных комплексов заключительной фазы позднего палеолита юга Байкальской Сибири (на примере долины р. Белой // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: матер. междунар. конф. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – С.10-23.

Бухаров А.А., Фиалков А.А. Геологическое строение дна Байкала: Взгляд из «Пайсиса». – Новосибирск: Наука, 1996. - 118 с.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 205 с.

Кононов Е.Е. Байкал. Аспекты палеогеографической истории. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – 128 с.

Кононов Е.Е., Мац В.Д. История формирования стока вод Байкала // Изв. ВУЗов. Геология и разведка. – 1986. - № 6. - С. 91 - 98.

Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М. и др. Кайнозой Байкальской рифтовой впадины: Строение и геологическая история. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001. – 252с.

Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. - М.: Наука, 1974. - 359с.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1990. – 165 с.

Чипизубов А.В., Аржанникова А.В., Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Погребенные палеосейсмодислокации на юге Сибирской платформы // Доклады РАН. – 2001. – Т.379. – №1. – С. 101-103.

Щетников А.А., Уфимцев, Г.Ф., Филинов И.А. История Байкальского стока // Теория геоморфологии и ее приложение в региональных и глобальных исследованиях: матер. Иркутского геоморфологического семинара. – Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2010. – С. 233- 235.

Е.А. Бессонова, Ю.А. Оптева

*Россия, Владивосток, Тихоокеанский океанологический институт
им. В.И. Ильичева ДВО РАН*

ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ПЛАНА ГОРОДИЩА КОКШАРОВКА-1 В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОТЕПЛЕНИЯ

Abstract

On the basis of geoarchaeological researches of the Koksharovka-1 hillfort, this paper assesses the engineering-geological and hydro-geological features of the territory during its construction and an ancient settlement at the site. The internal arrangement of the settlement is described. It's changes are tracked and it is shown that some significant stages of the existence of Koksharovka-1 hillfort are inseparably linked with the environment changes which we call natural disasters.

Введение. Историческая реконструкция прошлого – основная цель археологических исследований древних поселений - невозможна без выявления взаимосвязей человека и природного окружения. Для решения таких задач на качественно высоком уровне, наряду с археологическими исследованиями раскопками для исследования одного из крупнейших городищ государства Бохай (698 – 926 гг. н.э.) в Приморском крае России применен комплекс геолого-геофизических методов, позволивший реконструировать природные условия, существовавшие на момент образования культурного слоя, определить его структуру и установить связи культурно-исторического развития этой территории с изменениями природной среды.

Современный ландшафт, геометрические особенности крепостных укреплений и литологическое строение верхней части геологического разреза. Городище Кокшаровка-1 площадью 16 Га расположено на расстоянии более 100 км от морского побережья в пойменной долине р. Уссури, ограниченной по бортам среднегорным рельефом с абсолютными отметками до 532 м. Высота городища относительно уровня моря составляет 160 м.

Городище выражено в рельефе возвышенностью, ограниченной валом высотой от 4 до 6,2 м. В широтном и меридиональном направлениях протягиваются западный, северный и северо-восточный участки вала. Причем, северо-восточное замыкание сегментов вала представляет собой прямой угол. Округлая форма северо-западного участка вала, скорее всего, определяется ландшафтными особенностями территории - естественным понижением рельефа на этом участке. На расстоянии 220 м от северо-восточного замыкания вала в восточной стене сделан проём, обеспечивающий свободный проход к старице, являющейся частью городского рва. От южного края этого проёма начинается юго-восточный участок вала, который простирается по

азимуту 37°. Юго-западный участок вала характеризуется длиной 210 м и азимутом простирания 307°, причем на юге крепостные стены смыкаются под прямым углом.

В пойменной долине за пределами городского вала сохранились частично затопленные и сейчас остатки рва, для наполнения которого, скорее всего, использовался естественный водоток – р. Кокшаровка. Укрепленные ворота расположены на севере и на западе поселения. Рельеф внутренней части городища слабо расчлененный. В центральной части и на юге две трети площади городища занимает возвышенный участок с линейными границами, причем наиболее высокие отметки (2- 2,33 м) характерны для юга. Перепад высот на границах участка достигает 1 м. Здесь выделены две прямоугольные возвышенности с выровненной поверхностью (платформы) и границами широтного и меридионального простирания: «западная» размерами 70x70 м и «северная» размерами 100x60 м. В центре и на юге участка просматриваются еще две платформы с нечеткими границами.

Северо-запад поселения характеризуется подковообразным понижением рельефа, во внутренней части которого расположен возвышенный участок с выровненной поверхностью. На западе это понижение, затапливаемое водой, простирается узкой полосой вдоль крепостного вала к северу от западных ворот. А на востоке – представляет собой неглубокий водоём площадью около 7500 м² с илистым и вязким дном, пересыхающий в холодное время года. Восточная граница водоема длиной 170 м, вплотную прилегающая к выровненной площади в северо-восточной части городища характеризуется меридиональным простиранием.

По результатам геоэлектрических исследований установлено, что городище расположено на пойменной возвышенности, сформированной в результате накопления паводковых отложений. Об этом свидетельствует состав заполнителя галечникового слоя, расположенного на глубине 0,43-6,8 м: за пределами городища – глинистый, во внутренней части - в основном, песчаный. Культурный слой, обогащенный скоплениями обломков горных пород, мощностью 68-95 см, сформирован в песчаных отложениях обогащенных глиной, содержащих рассеянную гальку, гравий и другие грубообломочные породы. Естественной основой для формирования пойменной возвышенности является останец коренных пород, верхняя кромка которого расположена на глубине 30- 40 м. В подпочвенных рыхлых отложениях культурного слоя на северо-востоке археологического памятника преобладает мелкопесчаный, алевритовый и пелитовый материал с примесью более крупных частиц. Степень изменения угловатых и угловато-окатанных зерен, большое количество гидроокислов железа и глинистого вещества позволяют предполагать, что этот материал привнесен человеком непосредственно из коры выветривания.

Строители городища Кокшаровка-1 учитывали ландшафтные особенности территории: основой являлась возвышенность, ограниченная с юга, запада и севера палеоруслом р. Кокшаровка, которое в современном ландшафте выражено цепочкой старичных озер.

Особенности внутренней застройки городища. Реконструкция внутренней застройки городища Кокшаровка-1 выполнена на основании интерпретации карт аномального магнитного поля М 1: 100 и его трансформант с учетом особенностей рельефа, натурных наблюдений дневной поверхности в апреле-мае, когда на участке исследования отсутствовала трава и распределения по площади городища подъемного археологического материала, а также результатов исследований раскопками.

Выделены два преобладающих типа архитектурной планировки: «прямоугольный» и «диагональный».

Высокая плотность «прямоугольной» застройки (азимут простирания (0°-90°)) отмечается на севере и на западе городища. В центральной части городища таких

объектов выявлено немного. На юге выделены два узких взаимно пересекающихся линейных элемента широтного и меридионального простирания длиной 200 и 100 м соответственно с пересечением на меридиональной оси городища. Однако, в целом, для юго-востока характерен диагональный тип застройки с азимутом простирания $(16^{\circ}-20^{\circ})+90^{\circ}$.

Магнитные аномалии диагонального простирания всегда являются секущими по отношению к широтным и меридиональным магнитным аномалиям - нарушают их целостность. Это позволяет сделать вывод о хронологической последовательности формирования антропогенных источников магнитных масс. Первоначально существовала прямоугольная застройка, позднее были созданы источники диагональных магнитных аномалий.

В северо-восточной части городища выделен участок прямоугольной формы, размерами 240x190 м, ограниченный с востока и с севера крепостным валом, южная и западная границы выражены в рельефе и в магнитном поле. С юга граница участка обозначена отрицательным перепадом высот, а на западе перепад высот положительный. В магнитном поле эти границы выделены по простиранию сопряженных линейных магнитных аномалий разного знака. Расположение участка в северной части поселения, его размеры и форма позволяют сделать предположение, что обособленная таким образом территория могла быть внутренним городом, центром которого является расположенная с соблюдением мер безопасности - на значительном удалении от крепостного вала (100 м) – прямоугольная «северная» платформа, площадью 5600 м² с выровненной поверхностью и пологими бортами высотой около 1 м. Расположение в плане строений вокруг «северной платформы» соответствует общей схеме её внутренней планировки. В 30 м южнее западных ворот и на расстоянии около 30 м от крепостного вала в рельефе выражены северная и западная границы «западной» платформы. Относительная высота которых составляет около 1 -1,2 м.

В северо-западной части городища, ограниченной с востока понижением рельефа, выявлена жилая застройка прямоугольного типа.

Напротив западных ворот и почти вплотную к ним расположена площадь плотной застройки размерами 50x70 м. По результатам геомагнитного картирования на этом участке выявлена высокая плотность упорядоченно расположенных фундаментов строительных конструкций. Здесь можно выделить жилой квартал размерами 25x32 м, включающий 6 строений, расстояние между стенами которых составляет 1-2 м. Ориентация стен широтно-меридиональная. Признаки подобной застройки прослеживаются также вблизи юго-западного участка крепостного вала в полосе шириной около 70 м. В юго-западном замыкании городища также сохранились следы широтно-меридиональной застройки. Размеры отдельных зданий здесь были невелики, около 6 м в поперечнике.

Основными элементами структурного плана «диагональной» застройки являются две «платформы», расположенные на центральной оси городища, размерами 70x70 м и 65x65 м соответственно. В современном рельефе просматривается только выступ северо-западного угла платформы большего размера, внутренняя застройка которой отличается от подобных сооружений, расположенных на северо-востоке и на западе городища. Размеры зданий, планировка и строительные материалы такие же, как на платформах «прямоугольного» типа застройки. На поздних этапах существования городища платформа перестраивалась.

Высокая плотность застройки отмечена на юго-востоке городища, здесь можно выделить жилые кварталы шириной около 15 м. Характерной особенностью является расположение отдельных зданий размером 10x15 м вплотную друг к другу в направлении запад-восток. Скорее всего, здания отапливались.

Последствия средневекового потепления. По результатам крупномасштабной магнитной съёмки в центральной части городища на возвышенном участке выделена площадь в форме прямоугольника с границами широтно-меридионального простирания размерами 260x450м, юго-восточный угол которой выходит за границы крепостного вала. Во внутренней части площади, главным образом на севере, выделены элементы структурного плана прямоугольного типа застройки. Это согласуется с особенностями внутренней топографии городища. Сделано предположение, что на более раннем этапе существования поселения южный сегмент крепостного вала имел широтное простирание, а само городище форму прямоугольника. Вал перестраивался, что, скорее всего, было связано с изменением положения русла естественных водотоков, следы которых можно наблюдать и сейчас.

Разделение прямоугольной и диагональной застройки показывает, что во внутренней части крепостного вала городища существовали два поселения. Одно (прямоугольное) занимало всю сегодняшнюю площадь городища и даже выходило за его пределы на юге. Второе (диагональное) компактно располагалось в центральной части и на юге. Следует отметить, что второе поселение по занимаемой площади было на 40-30 % меньше.

По результатам анализа разномасштабных карт АМП и рельефа, натуральных наблюдений установлено, что диагональное простирание элементов внутренней застройки южной части городища Кокшаровка-1, также как и диагональное простирание южного и юго-восточного сегментов крепостного вала связано с последним этапом его существования. Когда же был этот этап и почему в это время люди жили только в центре и на юге городища? Возможно, нам удалось ответить на этот вопрос, используя элементы ландшафтного моделирования и результаты микропалеонтологических исследований грунта.

В северо-восточной части городища, на уровне 60-55 см от поверхности почвы были обнаружены створки диатомовых водорослей, относящихся к родам *Amphora* и *Navicula*. Наличие этих диатомей свидетельствует о вероятном повышении солёности грунта вследствие застоя влаги. Артефакты, обнаруженные в этой части археологического памятника отнесены к IX–началу X в. Накопление культурных отложений городища Кокшаровка-1 по времени совпадает с позднеголоценовой трансгрессией, в максимальную фазу которой, по мнению А.М. Короткого, уровень Японского моря на метр превышал современный (Короткий, 1976). Климат был более влажным и теплым чем сейчас (Koizumi, 1986). Если «подтопить» городище Кокшаровка-1 с учетом положения уровня засоленного слоя грунта, то свободной от воды останутся только центральная и южная части городища, для которых характерна «диагональная застройка». Пойменная долина вблизи городища заболочена, изрезана старицами и современная форма южного участка крепостного вала городища может определяться его перестройкой после размыва речным потоком первоначальной крепостной стены широтной ориентации. Сейчас южный участок крепостного вала по форме напоминает стрелку, которая могла быть использована для разделения речного русла на два рукава. Это весьма вероятно, если учесть тот факт, что городище расположено на левом берегу р. Кокшаровка, а правый берег выше по течению ограничен естественным барьером - скальными выходами и находится на расстоянии 500-700 м от южного замыкания крепостного вала.

Закключение. Конец первого тысячелетия н.э. соотносится рядом исследователей с фазой потепления климата и увеличением объёма речного стока (Сизиков, 1987). Для крупнейших бохайских городищ на территории Приморского края России эти природные изменения имели катастрофические последствия.

Городище Кокшаровка-1, расположенное в континентальной части Приморья, несмотря на удаленность от морского побережья испытало агрессивное воздействие морской трансгрессии и климатических изменений. На начальном этапе существования поселения особенности внутренней застройки были пространственно и функционально связаны с геометрически правильной формой его границ и их ориентацией по сторонам света. Позднее, в результате регулярного подтопления наиболее низкой северной части городища Кокшаровка-1, были изменены не только форма и положение вала на юге поселения, но внутренняя застройка на этом участке.

Список источников и литературы

Короткий А.М. Следы позднечетвертичных трансгрессий в рельефе береговой зоны Приморья. // Рельеф и рыхлые отложения Приморья и Приамурья: сб. науч. тр. - Владивосток, 1976. - С. 63-75.

Сизиков А. М. Долгопериодические изменения гидрологического режима рек Прибайкалья в голоцене // Моделирование и прогнозирование геофизических процессов. - Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. - С. 36-39.

Koizumi I. Holocene pulses of diatom growths in the warm Tsushima current in the Japan Sea. // Diatom research. -1989. -Vol. 4. - № 1. - P. 55-68.

А.А. Бурханов¹, А.Х. Тухватуллин², И.Р. Нигаматзянов³

Россия, Казань, ^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет,

³Институт Татарской энциклопедии академии наук Республики Татарстан

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ТАТАРСТАНЕ⁴

Abstract

This article examines the history and architecture of sites in South-Eastern Tatarstan in the Volga-Ural region. During recent excavations, new archaeological and epigraphical objects were discovered, including ones belonging to the periods of Golden and Nogay Hordes, as well as ones existing from the time that the region first became part of Russia. In most of the settlements and villages one can find 2-3 ancient cemeteries with Tatar-Muslim gravestones that are indicative of large population of the river Ik's basin at the period of the Middle Ages and 16-18 centuries.

Слабоисследованным в историко-археологическом отношении регионом Волго-Уралья являются районы Юго-Восточного Татарстана. В ходе исследований последних лет были выявлены новые археологические и эпиграфические объекты, в том числе периодов Золотой Орды и Ногайской Орды, а также первых веков вхождения региона в состав Российского государства. В большинстве сел и деревень региона сохранились 2-3 старинных кладбищ с татаро-мусульманскими надгробными плитами, что свидетельствует о многочисленности населения бассейна реки Ик в эпоху средневековья и XVI-XVIII вв.

Юго-восточные районы Республики Татарстан, расположенные в пределах Восточного Закамья, занимают значительную часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности и левобережную часть реки Ик (Ык). В административном отношении в эту часть республики входят Азнакаевский, Ютазинский, Бавлинский, Бугульминский, Лениногорский и Альметьевский районы РТ. Природно-географические условия в бассейнах рек Ик, Зай, Ютаза и их притоков создавали благоприятные условия для поселения и жизнедеятельности первобытных –

коллективов скотоводов, охотников, рыболовов и собирателей. Эти прибрежные земли были богаты кормами для скота, охотничьими угодьями, рыбой дичью. Бесконечные пойменные кустарниковые заросли служили постоянным источником для собирательства. Поэтому вполне естественно, что практически на всех, выдвинутом к руслам незатопляемых песчаных дюнах, сохранились остатки древних поселений.

В последние годы в Татарстане сделано немало для изучения истории и культуры татарского и других народов Волго-Уральского региона. Однако еще немало «белых пятен» в изучении древнейших, древних и средневековых этапов нашей истории. Совершенно мало сделано для изучения территории восточных районов РТ, которые до сих пор остаются белым пятном на историко-археологической карте Волго-Уралья. Особенно это касается Азнакаевского, Ютазинского, Бугульминского, Бавлинского и Лениногорского районов РТ. Исключением является Альметьевский район, где в 1990-е – начале 2000-х гг., в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Альметьевская энциклопедия», были проведены широкомасштабные исследования (Альметьевск..., 2003: 36-66; Ахметзянов, 2000; Бурханов, 1999: 51-55; 2001: 22-25; 2004: 119-124; 2007: 85-108; 2011; Измайлов, 1999: 46-51; Казаков, 2000: 39-47).

Территории Азнакаевского и Ютазинского районов, как и земли сопредельных районов, примыкающих непосредственно к бассейну реки Ик, практически не изучены с точки зрения исследований объектов археологии, эпиграфики, культуры и архитектуры, и планомерных стационарных исследований региона не производилось. Исключением являются рекогносцировочные поездки по бассейну р. Ик в 1955-1960 гг. краеведа, основателя историко-краеведческого музея г. Октябрьский Республики Башкортостан А.П. Шокурова.

Начиная с 1974 года по 1990-е годы (с перерывами) в восточных районах РТ работал археологический отряд ИЯЛИ КФАН СССР (ныне Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ) под руководством Е.П. Казакова. Важным моментом стали выявленные в 1972 г. местным жителем Ф.Ш. Гимадеевым остатков золотоордынского могильника (XIII-XIV вв.) на окраине села Байряки-Тамак, находки из него были опубликованы Е.П. Казаковым (1978: 93-96; Археологические памятники..., 1987: 105). Ряд памятников долины р. Ик были отмечены в ходе поездки в 1981 г. уфимских археологов М.Ф. Обыденова и Г.Т. Обыденовой.

В 1987 и 1998 гг. в Азнакаевском, Бугульминском и Ютазинском районах в рамках программы паспортизации памятников истории и культуры РТ работала Научная группа Института истории АН РТ (Е.П. Казаков, А.В. Чижевский), которая уточнила места расположения археологических памятников. Однако все вышеназванные исследования носили ограниченный и рекогносцировочный характер, крупномасштабных и планомерных работ пока не проводилось. До сих пор археологически изучена лишь прилегающая к р. Ик часть Азнакаевского и Ютазинского районов, где выявлены памятники эпохи бронзы, т.е. сер. II тыс. до н.э. В частности, средневековые памятники зафиксированы лишь в нескольких местностях: Байряки-Тамакский могильник, а также остатки поселений «чияликского типа» в северной части Азнакаевского района и Новозерикское селище с находками керамики «чияликского типа» (XIII-XIV вв.) в Ютазинском.

С учетом всего этого, Восточно-Татарстанский отряд Золотоордынской комплексной историко-археологической экспедиции (ВТОЗКИАЭ) Института истории АН РТ и КФУ (А.А. Бурханов) приступил к широкомасштабным рекогносцировочным исследованиям в районах Юго-Восточного Татарстана с перспективой проведения стационарных раскопок на территории наиболее важных и базовых памятников. В 2009-2012 гг. были проведены работы в Азнакаевском, Ютазинском и Бугульминском районах.

Остановимся на краткой характеристике исследованных объектов и территорий.

К моменту исследований 2010 г. на территории Азнакаевского района были отмечены 36 разновременных археологических памятника. Однако многие из них уничтожены в ходе сельскохозяйственного освоения, строительства производственных и жилых сооружений. В ходе наших работ были уточнены современное состояние известных и выявлены новые памятники, в том числе периодов бронзы (срубная культура), Золотой Орды и Ногайской Орды. Нами в Азнакаевском районе зафиксированы остатки и следы 47 памятников: 27 стоянок, 3 могильника и 3 кургана, 8 селищ, 1 клад и 6 местонахождений.

К памятникам эпохи камня относятся Урсаевское I (палеолит) и Митряевское (неолит) местонахождения. Основная часть памятников (33) относятся к эпохе бронзы: 16 – срубной и 3 – черкаскульской культурам, а остальные требуют уточнения. Среди них назовем Татарско-Шуганский клад, Урсаевский комплекс памятников срубной культуры (6), Куктякинская, Тумутукская, Саськульские I и II, Нижне-Стярлинские I, II и III, Урманаевская I и II, Константиновская I и II и Чеканская стоянки, Урсаевский и Урсаевско-Азнакаевский, Побединский курганы, Союндукский, Побединский и Нижне-Стярлинский могильники.

В ходе работ выявлены следы 11 средневековых памятников. Среди них отметим остатки поселений Татарский Шуган, Сарлы, Суондук, Нижне-Стярлинское, Константиновское, Урсайское, Старо-Урсайское, Митряевское и Асеевское, а также Тумутукское и Старо-Урсайское местонахождения.

В ходе наших поездок на территории с. Татарский Шуган, в оврагах и в огородах, зафиксирован культурный слой 30-55 см. Среди находок фрагменты гончарной красноглиняной посуды: горшков, кувшин и чаш, характерных для золотоордынской керамической традиции. Встречены также сосуды покрытые глазурью. Интерес представляет острый наконечник железного копья (длина 29,3 см, рабочая часть 19 см, толщина 2,2x0,7-1,0x1,5 см, место прикрепления древка в виде кольца – 2,9 см).

На правом берегу р. Ик, в 4 км к востоку от с. Урсаево, в 200 м к северо-востоку от старинного кладбища (Иске Зират) с надгробными плитами, неподалеку от берега одного из старых русел на платформе занятой торфяником, на площади 0,6 га, выявлены остатки Старо-Урсайского поселения. Культурный слой – 40-50 см. Находки выявлены в верхней части 5-25 см в глубину. Среди них стенки и венчики высококачественной красноглиняной посуды, изготовленной на гончарном круге. Среди железных изделий – фрагмент бракованного ножа и часть конской узды, а также крицы и шлаки. Интерес представляет каменное точило. Среди находок кости крупного и мелкого рогатого скота, представляющие кухонные остатки.

С учетом того, что территория Ютазинского района практически не изучалась в историко-культурном отношении, необходимо было начать работу по уточнению местоположения, типологии и количества имеющихся объектов прошлого, прежде всего памятников археологии и эпиграфики, а также архитектуры. Кроме того, имеющиеся в сельских музеях отдельные экспонаты позволяют нам дополнить имеющиеся данные о памятниках прошлого рассматриваемой территории.

В ходе работ 2011 года нами были зафиксированы остатки и следы 26 разновременных археологических памятников. Среди них отметим 12 стоянок, 1 могильник, 1 балбал, 4 селищ и 6 местонахождений.

На территории района зафиксированы 4 объекта эпохи камня: Байрякинское и Каракашлыньское местонахождения, скорее всего, относящиеся ко времени мезолита. 2 местонахождения периода неолита отмечены у сел Кара-Зерик, Старое Уруссу. Еще в 1999 г. в ходе рекогносцировочной поездки по Восточному Татарстану Бурханову А.А. местными жителями была передана находка, выявленная в огородах с. Старое Уруссу.

Это костяное изделие – палка-копалка, относящееся к эпохе неолита. Оно изготовлено из трубчатой кости и напоминает палку, заостренную с двух концов. Размеры: 25x3,2-3,5x2 см.

Основная часть известных памятников относится к эпохе бронзы: срубной (11) и абашевской (1) культурам. Среди них отметим Новокаразерикское I, II и III, Вятскую I и II, Урусинскую I, II, III, IV и V, Абсалямскую, Дым-Тамакскую и Ишмуратовскую стоянки.

Объекты средневековья в Ютазинском районе, за исключением Байряки-Тамакского могильника (XIII-XIV вв.), до наших работ, исследователями не изучались. В связи с этим отметим, что наряду с памятниками эпохи бронзы, археологические и эпиграфические объекты периодов средневековья представляют собой основную часть сохранившихся объектов прошлого в зоне р. Ик и ее притоков в пределах Западного Башкортостана и юго-восточных районов Татарстана, в том числе Ютазинского. Изучение археологических объектов эпохи средневековья – дело первостепенное и результаты предполагаемых исследований могут быть новые и ранее неизвестные материалы, которые могут резко изменить представления об историко-культурном развитии региона.

Среди объектов средневековой археологии необходимо назвать Байряки-Тамакский могильник (XIII-XIV вв.), где в 1972 г. были выявлены 3 бронзовые зеркала с изображением людей, драконов, животных, пластинчатая серебряная накладка, 2 керамических напярсла и железная ножница (Казиков, 1978: 93-96; Археологические памятники..., 1987: 105; Бурханов, Мухаметшин, 2012: 15-18). Этот объект требует срочного стационарного изучения, так как находится в стадии разрушения.

На территории современного села Байряка, в 23 км от райцентра Уруссу, выявлены остатки поселения XVI-XVII вв. На территории села расположено кладбище с надмогильными плитами XVII-XIX вв.

Древность села подтверждается следами культурного освоения и находками изделий из керамики и железа (XVI-XVIII вв.). Кроме Байрякинского поселения к средневековым объектам относятся Новокаразерикское, Абсалямское, Дым-Тамакское селища, Старокаразерикское и Каракашлинское местонахождения и балбал («Хатын-Таш») у с. Старое Уруссу.

В Бугульминском районе в 2009 г. нами были обследованы окрестности поселка Карабаш, на правом берегу р. Зай. В окрестностях поселка зафиксированы останки курганной группы, относящейся к срубной культуре.

Археологические работы проводились в старой части поселка, где находилось старинное село Карабаш. Были заложены 7 шурфов и раскопов. Культурный слой составил от 1 до 2,10 м. В раскопе (4x2 м), расположенном в поле, неподалеку от моста через р. Степной Зай, выявлены остатки каменного фундамента здания и хозяйственная яма. Основными находками являются фрагменты керамической посуды и кости животных.

В шурфе 2 (2x2 м) были выявлены фрагменты круговой посуды, изготовленной по золотоордынско-казанскоханской традиции гончарного производства (XV-XVI вв.). Основная часть находок (керамика и изделия из железа) относятся к XVII-XIX вв.

Одним из важных источников для воссоздания средневековой и новой истории районов Юго-Восточного Татарстана и Западного Башкортостана являются эпиграфические памятники, оставленные нашими предками в виде надмогильных каменных плит с татаро-мусульманскими надписями арабской графикой (на арабском и старотатарском языке), т.н. ташбилге (кабер ташлары).

Начало изучения этих памятников истории и культуры татарского народа заложил Г.В. Юсупов, который в рамках сбора данных о памятниках эпиграфики и археологии

неоднократно посещал юго-восточный Татарстан и Западный Башкортостан в конце 1950-1960-е годы (Юсупов, 1960).

В 1980-е – начале 2000-х гг. в рамках выполнения проекта «Альметьевская энциклопедия» Археографическая экспедиция ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (М.И. Ахметзянов) провела детальное изучение эпитафических памятников в сельских кладбищах на территории Восточного Татарстана (Ахметзянов, 2000).

Вклад в изучение эпитафических памятников региона внес также Д.Г. Мухаметшин, который изучил архивные материалы Г.В. Юсупова по Урсайским эпитафиям и осмотрел надгробные плиты в Азнакаевском районе в 2010 г. (Бурханов, Мухаметшин, 2012).

В ходе историко-археологических разведок 2000-2001 гг. в юго-восточных районах РТ, в рамках проекта «Альметьевская энциклопедия», а также в 2009-2011 гг. ВТО ЗКИАЭ АН РТ и КФУ (А.А. Бурханов) были проведены работы по детальной фиксации и изучению археологических и эпитафических объектов в Бугульминском (пгт. Карабаш), в Восточной части Азнакаевского и по всей территории Ютазинского районов (Бурханов, 1999: 51-55; 2001: 22-25; 2004: 119-124; 2007; 2009; 2011; Бурханов, Мухаметшин, 2012).

Нами были зафиксированы и изучены около 170 надгробных плит в 14 кладбищах (их намного больше) в восточной части Азнакаевского района. Наиболее интересные камни встречены в Старо-Урсаевском (15), Урсаевском I (33) и II (15), Сарлинском I (35) и II (7), Старо-Чалпынском, Татарско-Шуганском, Азнакаевском (18), Сапеевском, Митряевском (2), Урманаевском (12) и других кладбищах.

Главная отличительная черта надгробных плит на Старо-Урсаевском кладбище и на «Кладбище святых» - эти памятники сохранили уникальное явление культуры, присущей тюркским народам – это знаки-тамги. Вполне можно считать, что эти тамги на камнях рядом с арабскими буквами, сохранившиеся в регионе Восточного Татарстана, являются точкой соприкосновения двух традиций – древнетюркской и мусульманской, одну из которых привнесли в край кыпчаки и ногайцы, а другую мусульманизированные татары.

Соединившись, эти культурные пласты участвовали в процессе этногенеза народа населяющего регион Восточного Татарстана и Западного Башкортостана и поныне.

В Ютазинском районе в 2011 г. нами детально изучены надгробные плиты в сельских кладбищах: Байряка (23), Старый Каразерик (19), Кряш-Буляк (6), Старое Уруссу (14), Абсалямово (8), Акбаш I (5) и II (более 30) и Каракашлы (33).

В ходе работ в Бугульминском районе, только в пос. Карабаш отмечено 8 кладбищ. В двух из них отмечены старые надгробные камни. В частности, в старой части села Карабаш, у подножия горы Караул-тау, на старинном кладбище, нами зафиксированы 9 надгробий XVII-XIX вв., в некоторых из них хорошо сохранились надписи на арабском и старотатарском языках.

Таким образом, подводя некоторые итоги изучения эпитафических памятников в районах Юго-Восточного Татарстана, можно сделать вывод, что эпитафийный материал служит историческим источником, достоверность которого подтверждается письменными свидетельствами, и способствует раскрытию сущности процессов, протекающих в рассматриваемом регионе. Указанные на надгробиях даты кончины людей позволяет внести ясность в хронологические рамки основания тех или иных населенных пунктов. Они красноречиво говорят о том, что селение образовано не позже времени установления первых надгробий на его кладбище.

Сохранность надгробных стел облегчает исследователям работу по выявлению возраста села (деревни). Значит, дополняя известные рукописные материалы, эпитафии служат ценным источником информации, позволяющим выяснить ход истории.

Эпитафии являются хорошими свидетелями далекого прошлого, подтверждая гипотезу о том, что они – хранилище исторической информации, подлинные исторические документы. Через них можно проследить ступени этнической истории (в том числе этногенеза татар юго-восточных районов РТ), историю рассматриваемого региона, отдельных его сел и деревень, жизни и общественной деятельности легендарных личностей края.

Примечания

⁴Работа выполняется в рамках проекта РГНФ – 2013 №13-11-16017 «Юго-Восточный Татарстан в системе цивилизаций Волго-Уральского региона и Евразии (древность, средневековье, и новое время)».

Список источников и литературы

- Альметьевск. Элмэт. – Казань: Альметьевская энциклопедия, 2003. – С. 36-66.
- Археологические памятники Татарской АССР. – Казань, 1987.
- Ахметзянов М.И. Эпиграфика Альметьевского региона. – Казань, 2000.
- Бурханов А.А. Некоторые итоги археологических исследований средневековых памятников в Поволжье и перспективы по их изучению в юго-восточном Татарстане // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. – Альметьевск, 1999. – С. 51-55.
- Бурханов А.А. Изучение средневековых памятников в Восточном Татарстане // Материалы итоговой научно-практической конференции ТГГИ. – Казань, 2001. – С. 22-25.
- Бурханов А.А. Изучение золотоордынских памятников в Среднем и Нижнем Поволжье (некоторые итоги, проблемы и перспективы изучения, сохранения и использования) // Культурные традиции Евразии. Серия «Восток – Запад: диалог культур Евразии». – Казань: Фэн, 2004. – С. 119-124.
- Бурханов А.А. Золотоордынские памятники Поволжья: итоги и перспективы изучения, сохранения и использования // История и современность.– М.: Учитель. - 2007. - №1. – С. 85-108.
- Бурханов А.А. Очерки истории села Карабаш и Бугульминского региона. – Казань, 2009. – 82 с.
- Бурханов А.А. Научный отчет по итогам проведения научно-исследовательских работ по теме: «Комплексное разведочное изучение археологических памятников и населенных пунктов в Азнакаевском районе РТ в 2010 г.»– Казань: Азнакаево, 2011. – 327 с. (рукопись).
- Бурханов А.А., Мухаметшин Д.Г. Очерки истории Ютазинского региона. – Казань: КФУ, 2012. – 150 с.
- Измайлов И.Л. Проблемы историко-археологической периодизации истории Восточного Закамья в эпоху средневековья // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. – Альметьевск, 1999. – С. 46-51.
- Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978.
- Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.; Л., 1960. – 322 с.

Т.А.Васильева

*Россия, Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

СЛЕДЫ НАВОДНЕНИЙ И ПОЖАРОВ В ЖИЗНИ ЧЖУРЧЖЭНСКОГО ГОРОДА (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ)

Abstract

Primorsky Region is located in the east of Eurasia on the banks of the Pacific Ocean. The climate in southeast of Primorye is monsoonal. Such climate also existed in the 13th century. The residents of all Jurchen sites suffered problems connected with seasonal flooding and protected their dwellings.

Приморский край расположен на восточной оконечности Евразии и омывается водами морей Тихого океана. Этим фактором определяются муссонные климатические условия в юго-восточной части данного региона. Из-за господствующих холодных воздушных масс с континента зима здесь ветреная, малоснежная, умеренно холодная. Весна достаточно прохладная, без избытка талой воды. В первую половину лета влажные тихоокеанские муссоны приносят мелкие морозящие дожди. Зато вторая половина лета характеризуется интенсивными продолжительными ливневыми дождями (Приморский край, 1958: 3-63). Довольно часто к ним присоединяются субтропические, а иногда и тропические циклоны (тайфуны). Огромные массы воды, не найдя беспрепятственного стока, заливают низменные места. Поэтому половодье на всех приморских реках бывает не весной из-за малого количества влаги после таяния снега, а во второй половине лета или даже осенью (Приморский край, 1958: 16). Часто летне-осеннее половодье сопровождается наводнениями.

Климатические условия в дальневосточном регионе с момента существования государства чжурчжэней (XIII в.) до наших дней практически не изменились. Поэтому все проблемы, связанные с сезонными переизбытками влаги и наводнениями были знакомы и древнему населению Приморского края, тем более, что люди предпочитали селиться в плодородных долинах рек, ведь занятие земледелием было одной из основных отраслей хозяйственной деятельности в средние века.

Место для возведения горных городищ чжурчжэнского времени тщательно подбиралось, поскольку они должны были стать серьезной преградой, способной противостоять натиску как внешнего врага, так и соседей. Этим условиям соответствовали отдельно стоящие сопки или оконечности мысовидных отрогов, выступающих в долины рек. Расположение города на возвышенности обеспечивало выгодную в стратегическом плане позицию.

Екатериновское городище (XIII в.) было возведено в Партизанском районе Приморского края в бассейне р. Партизанской (р. Сучан – одна из полноводных рек Приморского края) в предгорьях Ливадийского хребта, в 0,6 км к северо-западу от железнодорожной станции Боец Кузнецов. Занимает оно чашевидный склон сопки, разделенный распадком на две части, который спускается к широкой и плодородной долине р. Сучан. Мощный оборонительный вал из утрамбованных слоев гумуса и суглинка, насыпанных послойно, протяженностью более 2,2 км возведен по гребню сопки. Он огораживает участок площадью 27 га. Высота вала в разных местах различна. В восточной части, где вал проходит по пологому склону сопки, его высота более 4 м. И в случае непогоды, когда масса вода скатывается по склонам сопки, мощный оборонительный вал служит серьезным препятствием для стока воды из городища. Поэтому во время возведения крепостной стены древние строители в местах, где наблюдаются неглубокие ложбины, в валу сделали два разрыва, которые служили для сброса воды из городища во время таяния снега и сильных

ливней. Мощные потоки воды стекают по древней дороге, ведущей в долину и из центральных ворот, которые также находятся с восточной стороны.

Все склоны сопки внутри городища были покрыты искусственными террасовидными площадками разной величины. На них возводились все жилые, хозяйственные и административные постройки. При строительстве площадку врезали в склон сопки, внешний край подсыпали грунтом, взятым с внутренней части и укрепляли каменной опорной стенкой, чтобы укрепить край платформы от оползания (Рис. 1).

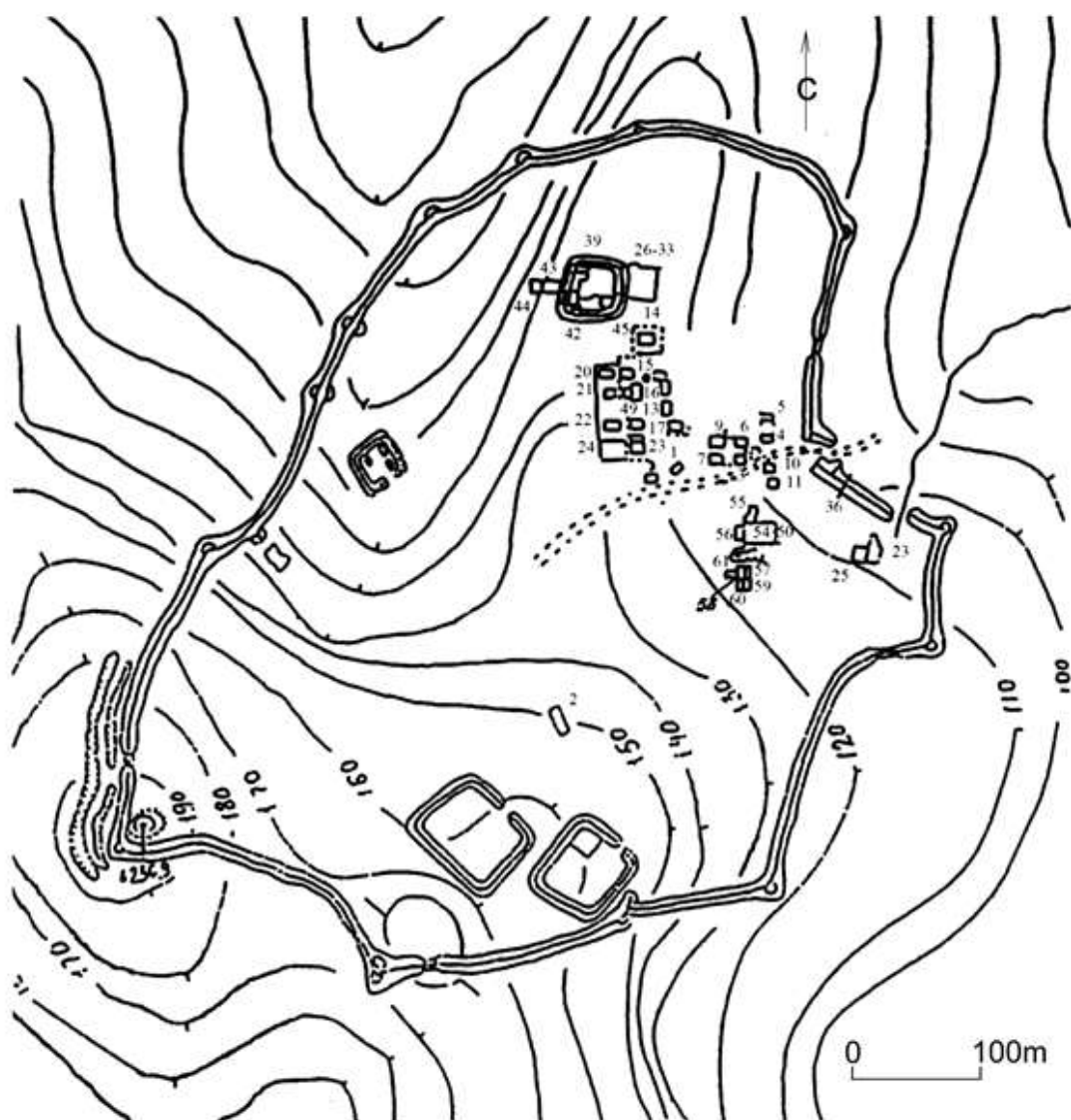

Рис. 1. План Екатериновского городища

Строились чжурчжэньские города по строго определенному плану с соблюдением принятых канонов градостроительства, когда город воплощал земной и космический порядок – вечный и незыблемый (Крюков, Малявин, Софронов, 1984: 87). По возможности соблюдалась ориентировка улиц и жилищ по оси север – юг (Стужина, 1979: 106), если это позволял сделать рельеф местности. Поэтому внутренняя планиграфия чжурчжэньского города четко прослеживается на всех памятниках империи чжурчжэней.

В чжурчжэньских городах не было четко обозначенного единственного центра, вокруг которого объединялась бы городская застройка. Таких мест могло быть несколько. Они выделяются не только своими объемами и формами, но и сопутствующим окружением и, прежде всего, функциями. Такими традиционными элементами застройки для горных городищ чжурчжэньского времени были Внутренние города.

В Екатерининском городище было три Внутренних города. Северо-восточный служил административным центром, где располагались административные учреждения с государственными чиновниками, которые были наделены соответствующей властью. Они должны были не только выполнять императорские указы, но и осуществлять надзор за работами, связанными с организацией повседневной жизни города, его благоустройством, снабжением (Стужина, 1979: 98).

Северо-восточный Внутренний город был огражден невысоким земляным валом (высотой от 0,5 до 1 м). Вход находился с восточной (разрыв в вале) и южной сторон. Напротив восточного входа был сооружен мостик из крупных камней, перекрывающий дренажный ровик-ливневку. Дренажная канавка шла вдоль склона сопки и параллельно гребню вала Внутреннего города. За ней находилась насыпная платформа, которая занимала всю центральную часть Внутреннего города. Внутренняя стенка рва, выложенная дикими рваными камнями, укрепляла край насыпной платформы и не давала обваливаться дренажной канаве. Таким способом отводилась вода, стекавшая по склонам сопки из огороженного участка. А центральное пространство Внутреннего города, служившее, скорее всего, для сбора горожан, оставалось сухим даже во время сильной непогоды, когда вода не впитывается в почву и потоком скатывается вниз. Такие же дренажные каналы проложены рядом с остатками жилищ, раскопанными на этом объекте. Жилые помещения площадью по 80 кв. м. служили, вероятно, казармами или постоянными дворами, так как площадь обычного жилища не превышала 45-50 кв. м. Каменная кладка, которой выложены дренажные сооружения и подпорные стенки, сохранилась до наших дней, искусственные террасы оплыли незначительно.

Интересны материалы, полученные в восточной части города рядом с центральным входом. Здесь находится один из родников, водой которого пользовались горожане 800 лет назад. Место это было густонаселенное, посещаемое. Вдоль русла ручья, вытекающего из родника, были прослежены остатки насыпной дамбы из суглинка и камней, защищающей расположенные рядом жилые кварталы от разлива воды в половодье. За дамбой на искусственных террасах находились остатки жилых построек с расположенными рядом хозяйственными амбарами-летниками. На ближних к дамбе террасах среди культурных напластований прослеживаются следы тонко отмученных глинистых затеков мощностью до 5 см, то есть вода могла проникать за дамбу и заливать близлежащие жилища и амбары.

Конструкция жилищ, построенных у родника, не отличается от жилищ, возведенных в других районах города. Но выше по склону располагался заболоченный участок и внешние стороны жилищ были защищены от избытка влаги во время дождя плотной каменной с суглинком насыпью – дамбой. Окончательное назначение этого сооружения стало ясно после первого дождя, когда стало видно, что насыпь защищает жилища от воды, которая скатывала со склонов сопки. Одновременно она, видимо, служила завалинкой, вплотную примыкая к стенам жилищ. На Екатерининском городище многие жилища окружены обваловками-завалинками для сохранения тепла в зимнее время года. Для того, чтобы вода не скапливалась за жилищем, с боковой стороны была прорыта дренажная канава, выложенная диким рваным камнем, которая отводит воду и в наши дни.

Подобных дренажных канав, выложенных камнями не наблюдается ни на одном из чжурчжэньских городищ в Приморье (Артемьева, 1998: 150-259), хотя водоотводные канавки, выкопанные в грунте, рядом с жилищами встречаются достаточно часто и на Ананьевском, и на Шайгинском и на Горнохуторском городищах.

Следующей бедой для населения чжурчжэньских городищ были пожары. Следы сгоревших жилищ на Екатериновском городище прослеживаются во всех районах города, но соседние постройки страдали редко. Нет выгоревших кварталов. Прокаленный слой может проявиться сразу под дерном и толщина его колеблется от 0,05 до 0,1- 0,3 м при сравнительно небольшой мощности культурного слоя. Иногда сгоревшие жилища подвергались разрушению, разбиралось каменное перекрытие дымоходных каналов кана, засыпались камнями очаги и хозяйственные ямы, практически отсутствует вещевой и керамический материал. Но есть остатки жилищ (особенно жилища № 30, раскоп 49 2006 г. и № 35, раскоп 62 2012 г.) с сохранившимся плотным, хорошо подогнанным из известняковых галек и плитняка каменным покрытием кана. Здесь присутствует не только вещевой материал, но и большое количество углей и обуглившихся кусков древесины, обгоревшая солома. В жилище № 35 обнаружено скопление обгоревшего зерна (два вида проса), рассыпанного, скорее всего, для просушки. Это может свидетельствовать о том, что жилище погибло осенью.

Следы пожаров достаточно часто встречаются при раскопках горных городищ чжурчжэньского времени в Приморском крае. Иногда бытовые пожары уничтожали целые улицы с жилыми и хозяйственными постройками, что удалось проследить исследователям на Ананьевском городище в Приморском крае (Хорев, 2012: 20, 99). На месте сгоревших жилищ на Ананьевском городище в некоторых случаях возводились жилища второго строительного горизонта или амбары-летники. На Екатериновском городище следов перестройки на пожарищах пока проследить не удалось.

Екатериновское городище существовало непродолжительный период, несмотря на существенные вложения и усилия затраченные при строительстве этого города, впрочем, как и всех остальных чжурчжэньских городищ. И в этот промежуток времени необходимо было принимать дополнительные меры для обеспечения нормальной жизни города, защиты его от пожаров и наводнений, чем должна была заниматься администрация.

Список источников и литературы

Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII – XIII вв.). – Владивосток: Дальпресс, 1998. - 302 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-VIII вв.). – М.: Наука, 1984. - 336 с.

Приморский край. – Владивосток: Приморское книжное изд-во. 1958. - 474 с.

Стужина Э.П. Китайский город XI-XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. – М.: Наука, 1979. - 408 с.

Хорев В.А. Ананьевское городище. – Владивосток: Дальнаука, 2012. - 340 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII-XIII вв.).

С.Б. Верещагин

Россия, Чита, Забайкальский государственный университет

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ СТАРАЯ ЧИТА В 2011 г.

Abstract

The article presents new data received during excavations on the Russian settlement «Old Chita» in 2011. The settlement is situated on the territory of modern Chita (Zabaikalsky Krai). The research yielded the remains of two wooden structures, one paling, three household pits with diverse archaeological material belonging to the XVII - early XX century.

В 2011 г. Чикойской археологической экспедицией ЗабГГПУ и ООО «Эдис» проводилось дополнительное изучение поселения «Старая Чита» на участке объекта по адресу Селенгинская 20.

Первые масштабные работы на этом участке поселения производились в 2009 году. Раскопки носили спасательный характер. Были обнаружены остатки 2 деревянных строений, частокола, хозяйственные ямы. Они отнесены ко времени существования каземата (1827-30 гг.), где содержались декабристы. (Верещагин, 2009; Верещагин, Тимофеева, 2010).

В 2011 г работы были направлены на дальнейшее изучение и сохранение объекта. Существующий раскоп, площадью 396 м², по средством прирезок к нему со всех сторон, был расширен до 648 м².

В ходе работ были обнаружены остатки деревянных строений, частокола, хозяйственные ямы. Данные объекты условно разделены нами на два комплекса.

Комплекс 1 представлен остатками деревянного строения, частокола, 2 хозяйственными ямами. Комплекс предварительно датируется концом XVIII - XIX в.

Остатки деревянного строения были обнаружены в западной прирезке к раскопу 2009 г. Оно представлено срубом из трёх рядов брёвен, сложенных в лапу. Западная часть сруба была повреждена при прокладке городских теплосетей. Размеры строения 3,4 x 2,5 м, ориентация по длинной оси север-юг. Брёвна сруба неудовлетворительной сохранности, 0,2 - 0,3 см в диаметре. Нижний венец расположен на глубине 1,5 м от современной поверхности.

Пространство внутри сруба имело засыпку, мощностью 0,6 - 1 м, представляющей собой спрессованную массу полусгнившей щепы, древесной коры, обломков низкокачественного кирпича, большого количества костей животных. В засыпке также зафиксирован представительный археологический материал.

Обнаружена круговая (чернолощёная, светлолощёная, поливная) и лепная керамика. Чернолощённая керамика представлена: плоскодонной чашей открытой формы, венчик сосуда прямой, верх овальный, диаметр сосуда - 20,5 см; фрагментами венчиков 2 крупных сосудов, открытой формы, горшковидных, венчик первого прямой гладкосрезанный, слегка отогнут наружу, второго прямой гладкосрезанный, отогнут наружу под отношению к тулову под углом 90°.

К светлолощёной керамике относятся фрагменты 3-х сосудов коричневого цвета, плоскодонных, горшковидной формы, венчики: прямой, верх округлый, прямой гладкосрезанный, слегка отогнут наружу.

Лепная керамика представлена фрагментами венчика толстостенного сосуда (толщ. до 1,5 см), коричневого цвета, венчик прямой, верх округлый.

Поливная керамика немногочисленна это фрагменты тулов различного цвета и фрагмент грибовидного венчика.

Обнаружена посуда из фаянса, представленная фрагментами 3 тарелок покрытых эмалью кремового и светло-зелёного цвета.

К предметам быта также относятся латунная крышка, возможно от чернильницы, полусферической формы (диаметр – 4,5 см), кусочек тесьмы из медной нити, небольшие железные ножницы, фрагмент оловянной ложечки, костяная пуговица, костяное шило.

В медиальной части засыпки обнаружена также прямоугольная галька, (9,5 x 9 см) клиновидная в профиль, с ретушированной выемкой. Там же обнаружен отличительный знак из латуни, овальной формы, размером (8,4 x 6,3 см), в центре стилизованный вензель Александра I. Вероятно, являлся нашивкой на пагон.

Интересный материал зафиксирован в основании строения, в зоне контакта засыпки и подстилающей её материка (разнозернистый песок жёлтого цвета). Находки располагались на площади 1,5 м², в северной части строения, среди фрагментов фаянсовой пиалы. Диаметр пиалы 11,5 см, толщина профиля стенок 0,5 см. Она покрыта поливой жёлтого цвета с двух сторон. Медиальная зона тулова орнаментирована рядом прочерченных линий, идущих перпендикулярно срезу венчика. Обнаружена коллекция медных монет. Монеты сибирские: 3 экз. номиналом 10 копеек (1778, 2 экз., год не просматривается), 5 копеек (1767), 3 экз. номиналом 2 копейки (1772, 1774, на 3-й год не просматривается), 2 копейки (1772 г). Также найдены 2 монеты номиналом 2 копейки (1811, 1812 г), 5 копеек с вензелем Екатерины II (1794 г) и 2 копейки 1764 г.

Вместе с монетами обнаружены 2 изделия из цветного кремня, первое выполнено на отщепе прямоугольной формы (4x3,1x0,9 см) все края покрыты дорсальной регулярной ретушью, второе, фрагмент подобного первому изделию (3,5x2,7x0,9 см).

Рядом со строением обнаружены 2 хозяйственные ямы. Заполнение ям представлено щепой, корой, колотыми костями животных, археологическим материалом.

Первая яма, округлой формы, диаметр 1,2 м, мощность заполнения 0,75 м. Находки представлены: медной полушкой 1862 г; развалом крупного толстостенного лепного сосуда, с прямым венчиком, верх которого овальный, сосуд покрыт нагаром (диаметр по срезу венчика 25 см), фрагменты лепной толстостенной керамической миски.

Габариты второй ямы: 1,5x1,4x1 м, форма подквадратная. Материалы представлены: фрагментами поливной, чернолощённой керамики, стеклянных сосудов, остатками кожаной обуви. Наиболее примечателен толстостенный сосуд цилиндрической формы, диаметром 20 см. Венчик внешне ассиметричен, грибовидный. Привенчиковая зона украшена поясом из параллельных друг другу 5 прочерченных линий, 3 из которых зигзагообразные. Ширина борозды 0,3 см. Поверхности изделия лощеные, цвет стенок чёрно-серый.

В яме также обнаружена железная бирка миндалевидной формы (17x11,5 см). В центре рельефное изображение животного, предположительно тигра. Над изображением дугообразная надпись: W. PILKINGTCN&SON, внизу GREATBRITAIN. По краям надписи 70\72 %.

К данному комплексу также можно отнести фрагмент частокола (тыновой стены), протяжённостью 8 м. Частокол обнаружен в юго-восточном углу раскопа. Ориентация по линии запад-восток. Представлен брёвнами от 0,8 - 1 метра длиной и 25 – 30 см в диаметре. При сооружении частокола брёвна вертикально помещались в ров глубиной 1 – 1,2 метра и шириной 0,4 – 0,5 метра. В засыпке рва обнаружена перегнившая кора, береста.

К комплексу №2 нами отнесены остатки деревянного строения и хозяйственная яма, относящиеся к началу XX в.

Остатки строения представлены: крашенными досками деревянного пола и элементами засыпки (заваленки). Размеры: 2,5х2,8 м, длиной осью ориентировано север-юг.

При зачистке досок пола обнаружена монета (2 коп, 1956 г), фрагменталюминиевой ложки, связка из 3 замочный ключей, подверженных сильной коррозии.

Под досками пола зафиксировано углубление, размером 1х1х0,3 м. В заполнении, представленного гумусированной супесью, опилками и корой, обнаружены монеты и детская игрушка (куколка) из лёгкого синтетического сплава (7,3х3,4 см). Коллекция монет включает в себя: 1 копейку 1920 г; 15 копеек (1916 г, серебро); 5 копеек (1912 г, серебро); три медных монеты, номиналом 1 копейка (1903, 1915, 1916 г, медь); 4 медных монеты (диаметром 1,5; 1,6; 1,7; 2 см, аверс и реверс не читаем).

Хозяйственная яма комплекса прямоугольной формы, размером 1,7х0,6х0,6 м, борта были обшиты досками. В яме обнаружены фрагменты керамической, фарфоровой, фаянсовой, стеклянной посуды, колотые кости домашних животных, кости рыб, фрагменты предметов быта (обувь, фурнитура от самовара, керосиновой лампы, прихватка для сковороды, железный нож, абразив, гвозди, подкова, пуговицы, пряжки, кожаный ремешок), украшения, боеприпасы (пули, гильзы, патроны), а также медная монета 2 копейки 1905 г.

Наиболее многочисленными находками являются фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды (около 400 экземпляров). Большинство из них имеют клейма заводов производителей. В основном это марки фабрик М.С. Кузнецова и его наследников. Предварительно определяются изделия с заводов в Риге, Рыбинске, Дулеве. В коллекции имеются также штампы марок фабрик М.Куринова (Московская губерния) и фабрично-торгового товарищества Перевалова, Щелкунова, Метелевых из г.Иркутск.

Керамические изделия представлены фрагментами круговых чернолощеных, поливных сосудов. Полностью восстановлен сосуд цилиндрической формы, со слегка выпуклым туловом и отогнутым наружу венчиком (диаметр 16,5 см, высота 17,5 см, толщина стенок 0,6 см). Поверхности сосуда покрыты поливой жёлто-зелёного цвета. Ниже среза венчика нанесён орнамент в виде 2 прямых и 2 зигзагообразных спаренных линий. Линии прочерчены, ширина борозды – 0,3 см.

В коллекции присутствует аптечная посуда, представленная серией мерных трёхгранных бутылочек с надписями: «МЪРА НА 1^{НУ}БУТЫЛКУ», «МОСКОВ. АКЦИОН. О-ВО К.ЭРМАНСЪ и К⁰ МОСКВА.«МЪР.МЪРА НА 5 БУТЫЛОКЪ»,

Особый интерес представляют украшения из меди и латуни. Среди них: медальон в виде 6-ти конечной звезды с надписями, текст не читаем из-за патины; тыквовидная подвеска (диаметр 2 см); подковообразная подвеска со следами позолоты; круглая подвеска (диаметр 1,7 см) со стилизованным изображением солнца.

Работы 2011 г, в очередной раз дали представительный материал, отражающий особенности материальной культуры населения г.Читы XIX вв. – начала XX в. В результате проведённых исследований была изучена вся свободная от современной застройки и асфальтированного полотна площадь культуросодержащих отложений участка поселения «Старая Чита».

Список источников и литературы

Верещагин С.Б. Археологические работы в исторической части г. Чита // Древнее Забайкалье: культура и природа. – Чита: ЗабГГПУ, 2009. - С. 126-133.

Верещагин С.Б., Тимофеева О.Л. Результаты изучения декабристского каземата в г. Чита // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. – Иркутск, 2010. - С. 359 -360.

Е.А. Волжанина

Россия, Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН

ТРАДИЦИОННЫЕ КОЧЕВЫЕ МАРШРУТЫ НЕНЦЕВ НА ЯМАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.¹

Abstract

This paper presents a cartographic reconstruction and analysis of the traditional nomadic movements of Yamal Nenetses families based on the data from the Polar Census 1926-1927, district censuses of 1932-1933 and 1934, and land management expeditions.

Выявление и характеристика кочевых маршрутов ненцев тесно связано с изучением земельных отношений, практиковавшихся в оленеводческом обществе. Исследования показывают наличие одинаковых черт в традиционном землепользовании европейских и азиатских ненцев, сложившемся в процессе становления крупностадного оленеводства в XVII-XIX вв. и основанном на последовательном чередовании сезонно-используемых пастбищ. Это существование общинной собственности на пастбищные угодья с разделением и закреплением за отдельными хозяйствами территорий расположения летних и зимних мест выпаса, весеннего отела и осеннего забоя оленей, совместное использование проходных путей весной и осенью, определение кочевых маршрутов на основе общественного договора, запрет пересечения намеченного маршрута (Гулевский, 1993:132-134; Крупник, 1989:89-90).

Большинство сведений о направлениях передвижения оленеводов Ямала относится к периоду, когда система землепользования на полуострове уже окончательно сложилась и устойчиво функционировала. Среди объективных факторов, обуславливающих их формирование, можно назвать естественно-географические (характер местности и наличие кормов, поделочной древесины и топлива, уровень снега, присутствие кровососущих насекомых), экономические (хозяйственное значение оленеводства для населения, возможность заниматься промыслом во время перекочевков), политические (практика сбора ясака в административных центрах) и торговые (необходимость посещения ярмарочных центров, расположенных на юге ареала расселения ненцев). Для основной массы кочевников, являющихся владельцами мелких и средних стад до 200 оленей (Оленеводство..., 1930:5; Волжанина, 2011:233), амплитуда и направление сезонных кочевий определялись прежде всего характером русла рек, береговой линией морского побережья, расположением крупных озер, имеющих не существенное значение для крупных оленеводов (Головнев, 1993:81). Не случайно протяженность кочевых маршрутов определялась шириной тундровой зоны, представляющей расстояние между берегом моря и границей леса (Крупник, 1989:90). С увеличением размера стада расширялись возможности хозяйства в удлинении кочевого пути с торгово-экономическими целями в осенне-зимний период (ГАРФ. А-374.Оп.26.Д.46. Л.211об.). Анализ земельных отношений внутри ненецкого оленеводческого общества показывает, что маршруты легко корректировались с изменением социально-политической, экономической, этнической и погодной ситуации с целью достижения максимальной эффективности выпаса и сохранения домашних оленьих стад.

Для ямальских ненцев характерно меридиональное направление основных сезонных перекочевков два раза в год осенью и весной: с севера на юг и обратно с переходом через Обской губы на Хэнскую сторону с установлением ледяного покрова. Помимо их хозяйство кочует на небольшие расстояния в радиусе нескольких километров от стойбища в течение летнего и зимнего периодов. В отличие от М.М.Большакова, считающего, что главным стимулом, побуждающим оленеводов к сезонным миграциям, является необходимость товарообменных операций с оседлым населением, а именно сдача пушнины (уплата ясака), закупка продовольствия и промыслового оборудования (1936:16), на наш взгляд, изначально они диктовались прежде всего условиями рационального содержания оленей и ведения кочевого хозяйства, требующего смены летних пастбищ на зимние в течение года, а затем уже кочевники признали важную роль торговли в их жизнедеятельности. Не исключено, что процесс налаживания взаимовыгодных отношений между кочевым и оседлым населением происходил одновременно с наращиванием оленного поголовья, появлением крупных стад и формированием кочевых маршрутов у ненцев. С конца XVI до начала XX в. единственным пунктом притяжения большей части ямальских и приуральских кочевников был Обдорск, который они посещали в течение зимы три раза (Дунин-Горкавич, 1904:21).

Исторически на Ямале к началу XX в. сложились три направления перекочевков. Главная дорога оленеводов, проходящая с севера по водоразделу рек Обской и Карской систем полуострова («Ямал-хой» или «турманская») у озер Ярро-то разделялась на западный поток, идущий со стороны Карского моря, средний – между озер, и восточный – вдоль Обской губы (Евладов, 1992:255; Большаков, 1936:16). Первая группа оленеводов переваливала Обь у Мыса Жертв (*Хэбидя сале*), вторая – в местности около Кутопьюгана, и третья – около Хэ (Дунин-Горкавич, 1904:20). При этом движением не были охвачены крайние стороны Ямальского полуострова. Особенности рельефа (высокие и крутые склоны водоразделов рек) восточного побережья и отсутствие лишайниковых кормов на западе заставляли кочевников обходить их стороной, (Евладов, 1992:255).

Заметное нарушение практики традиционного землепользования на Ямальском полуострове происходит уже в конце 20-х гг. XX в. При этом происходит оно в меридиональном направлении: с юга на север и затронуло вотчинное землевладение, протяженность и направления кочевых маршрутов (Броднев, 1959; Вербов, 1939:45; Большаков, 1936). Основание на полуострове факторий, организация новых видов деятельности, коллективизация способствовало заметному сознательному сокращению ненцами сезонных перекочевков и смене их меридионального направления на широтное. Если по данным Приполярной переписи у 82% ямальских кочевников длина маршрутов касланий достигала от 500 до 2000 км в год, то, по переписи 1932-1933 г., только 68,7% из них кочевали на дальнейшее расстояние (Большаков, 1936:16, 18). Доля хозяйств, чьи сезонные перемещения не превышали 250 км, выросла за тот же период с 5 до 21,3% (Там же).

В докладе представлены результаты картографической реконструкции и анализа описаний кочевых путей ненецких хозяйств на основании данных Приполярной переписи 1926-1927 гг., районной переписи 1932-1933 гг., переписи Управления народозыятственного учета 1934 г. и землеустроительных экспедиций. Характеристика передвижений кочевников в течение года являлось неотъемлемой частью статистико-экономических и землеустроительных обследований 20-х – 30-х годов XX в. Со времени проведения Приполярной переписи оно включалось в адресный раздел заполняемых похозяйственных бланков, где требовалось указать места расположения стойбищ весной, летом, осенью и зимой и перечислялись все водные объекты, через

которые проходит оленевод, перемещаясь между ними в течение года. В пробной переписи Управления Народохозяйственного учета РСФСР, проводившейся в Ямальском районе в 1934-1935 гг., кочевые передвижения хозяйства описывались в специальном разделе, предусматривающем получение разносторонних сведений: сезоны кочевания, общая протяженность маршрутов кочевания в течение года и отдельно по каждому сезону, названия основных стоянок, количество хозяйств в кочевой группе, местонахождение основных стоянок, характер местности, время прихода на ту или иную стоянку, количество дней в пути, состав кочевой группы. Программа для составления актов выявления угодепользования, прав и пожеланий земледоустройстваемого населения, предполагала подробное описание летних, зимних и переходных пастбищ и путей кочевков между ними, в том числе заброшенных с нанесением на карту, указание их длины, существующих препятствий.

Примечания

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.»), проект № 12-31-01236.

Список источников и литература

Большаков М.М. Проблема оседания кочевого населения // Советская Арктика. – 1936. – №5. – С.14-24.

Броднев М.М. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев // СЭ. – 1959. – №6. – С. 68-76.

Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. - 1939. - № 2. - С. 43-66.

Волжанина Е.А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932-1933 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. - Вып.15. – С. 225-235.

ГАРФ. А-374. Оп. 26. Д. 46.

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – 204 с.

Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (конец XIX – XX век). Этнографические очерки. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 302 с.

Дунин-Горкавич Географический очерк Тобольского Севера // Изв. ИРГО. – СПб, 1904. – Т.XL. – Вып. 1.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. – 281 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.

Оленеводство Тобольского Севера в цифрах. По материалам Приполярной переписи 1926-1927 гг. – Тобольск: Издание Комитета Севера, Общества изучения местного края, Интегралсоюза и Конторы Госторга, 1930. – 16 с.

A. Henry¹, S. Beyries²

France, ¹Paris, Muséum d'Histoire Naturelle, ²Nice, Université Nice Sophia Antipolis

**FIRE, HEARTH AND FIREWOOD: ETHNOARCHAEOLOGY AND
EXPERIMENTAL ARCHAEOLOGY FOR UNDERSTANDING PASTHUMAN
LINKED TO FIRE: THE CONTRIBUTION OF CHARCOAL ANALYSIS**

Аннотация

Этноархеология и экспериментирование- это два взаимодополняющих подхода, которые чрезвычайно плодотворны для археолога, изучающего доисторическую эпоху. Понимание жестов и деятельности человека в прошлом опирается на системный подход, за который не только мотивация ремесленников должна быть проанализирована, но и использованные материалы и их возможности. В этой статье мы будем обсуждать вопрос о взаимосвязи между функциями очага и дров: по каким критериям были выбраны дрова с этно-архео-ботанической точки зрения? Какие характеристики влияют на развитие пожара, и как это может быть подтверждено археологически?

Через ряд этнографических примеров, приобретенных в различных регионах Сибири и Северной Америки, мы покажем, как взаимодействуют такие параметры, как вид, калибр и состояние древесины определить стратегию приобретения древесины и как они меняются в зависимости от конечного пункта назначения (тип очага и деятельность, связанная с огнем).

Наконец, мы покажем, как экспериментальная археология привела к новым достижениям в области анализа древесного угля. Новые инструменты для изучения калибра и состояние древесины, опираясь на систематические наблюдения за микроскопическими особенностями угля в настоящее время разрабатываются. Они открывают новые перспективы по вопросу о доисторической функции очага, который всегда был трудным для расшифровки.

Ethnoarchaeology and experimentation are two highly complementary approaches, which are extremely fruitful for the prehistorian studying the archaeology of techniques. The understanding of past human gestures and activities relies on a systemic approach, for which not only the motivations of the craftsmen are to be analyzed, but also the employed materials and their potentialities. In this paper, we will discuss the question of the relationship between hearth functions and firewood from an ethnoarchaeobotanical perspective: according to which criteria is firewood selected? Which characteristics influence the behavior of the fire and how can this be evidenced archaeologically?

Through a series of ethnographic examples acquired in different regions of Siberia and North America, we will show how interacting parameters such as the species, the calibre and the state of the wood determine the wood acquisition strategies and how they vary according to its final destination (type of hearth and activities linked to fire).

Finally, we will present how experimental archaeology has led to new advances in the field of charcoal analysis. New tools for studying the calibre and state of the wood relying on the systematic observation of the microscopic features of charcoal are currently being developed. They open new perspectives on the issue of prehistoric hearth functions, which have always been difficult to decrypt.

О.В.Дьякова

*Россия, Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ
(МОХЭ-БОХАЙСКОЕ ВРЕМЯ)¹**

Abstract

The paper examines the burial Mokhe Bokhai burial mounds of the Early and Developed Mediaeval periods.

Средневековые курганы – проблема, редко поднимаемая в археологии Приморья. В настоящее время отсутствует информационная сводка курганных памятников. Хотя данная категория археологических объектов имеет принципиальное значение для изучения истории первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай (698-926). Поэтому в своей статье автор предлагает краткий анализ курганных некрополей мохэ-бохайского периода, т.е. I тыс. н.э. Согласно архивным материалам в Приморье выявлено семь курганных некрополей: Копытинский, Абрикосовский, Монастырка-3, Чернятино-5, Соколовский, Рудниковский, Михайловский.

Копытинские курганы (Уссурийский район). Впервые обнаружены в 1956 году Дальневосточной археологической экспедицией, руководимой А.П.Окладниковым. Детальному обследованию подверглись в 1958 году Э.В.Шавкуновым. Курганы расположены в 3–4 км к югу от села Кроуновка, на правом берегу реки Кроуновки, рядом с храмом на сопке Копыто. Раскопано одно захоронение у восточного подножья сопки Копыто, представлявшего собой курганный насыпь диаметром 12 м, высотой 1.4 м. Захоронение разграблено. В насыпи найдены обломки лепной посуды, железный наконечник стрелы, пряжка, обломок втульчатого тесла или кельта, выпрямитель стрел из крупнозернистого песчаника и много костяной крошки (Шавкунов, 1968: 21). Памятник отнесён Э.В.Шавкуновым к бохайской культуре.

Абрикосовские курганы (Уссурийский район). Обнаружены в 1959 г. Э.В. Шавкуновым. Расположены на гребне западного склона сопки Абрикосовой в долине р. Кроуновки. (Шавкунов, 1959). Согласно полевому отчету исследователя, курганы являлись частью единого поселенческого комплекса бохайской культуры, куда, кроме погребальных памятников, входили поселения и храмовые сооружения. Вскрыто четыре кургана. Насыпи выполнены из базальтового плитняка со следами подтески. Захоронения совершены без могильных ям, на горизонте, по обряду кремации. Находки обнаружены в двух курганах. В одном – несколько фрагментов лепной керамики, в том числе мохэской, 16 каменных цилиндрических и сечковидных бусин и костяная крошка. Во втором кургане найден железный нож и костяная крошка. Надо сказать, что Э.В. Шавкунову крупно повезло при его первых самостоятельных шагах в приморской археологии. Он открыл все типы археологических памятников первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай (698-926), сосредоточенных в одном месте и взаимосвязанных между собой. Более того, на основании храмовых и поселенческих материалов, полученных при раскопках, ему удалось определить культурную и временную привязку этих курганов. Однако, к сожалению, дальнейших раскопок курганов не последовало. В скором времени по разным обстоятельствам у исследователя сменились научные приоритеты и он сосредоточился на изучении чжурчжэньских городищ Приморья. Но то, что было Э.В.Шавкуновым сделано в первые годы его пребывания во Владивостоке, до сих пор не потеряло научную ценность, хотя требует нового и более подробного анализа.

Некрополь Монастырка-3 (Дальнегорский район). Открыт и стационарно исследован в 1986 г. В.И.Дьяковым, в 1989-2006 гг. исследовался О.В.Дьяковой. Расположен на 14-18 метровом мысу в 1.8 км к юго-западу от пос. Рудная Пристань. На площади 2351 кв. м обнаружено 88 грунтовых погребений и 4 каменно-земляных кургана. Грунтовые могилы сгруппированы в ряды. Умерших хоронили тремя способами: кремации; ингумации, кенотафы. Прослежены кремации трёх типов: 1) в могильной яме; 2) на стороне с последующим захоронением в могильной яме; 3) на месте с последующим возведением насыпи. Курганы локализованы в северо-западной и юго-восточной частях могильника. В погребениях обнаружены традиционные для мохэской культуры вещи: лепные сосуды с налепным валиком под венчиком, комбинированные серьги, пояса амурского и тюркского типов, железные ножи и

наконечники стрел, а так же бохайские горшки когурёского происхождения и круговая керамика танских традиций. В материалах и погребальном обряде прослежены тюркские традиции, а так же каменный круг и каменные оградки. Памятник отнесен к найфельдской группе мохэской культуры. Датируется VI-IX вв., т.е. мохэ-бохайским временем (Дьякова, 1998: 245).

Могильник Черятино-5 (Октябрьский район). Открыт в 1997 г. Ю.Г.Никитиным. Расположен в 3,3 км к юго-западу от с. Черятино на террасе Орловского Ключа. В 1998-2006 гг. проводились стационарные исследования. Вскрыто около 500 кв.м. Зафиксировано 160 могил. Зафиксированы грунтовые и курганные погребения. Грунтовые погребения образуют ряды, ориентированные юго-запад - северо-восток. Сами погребения ориентированы юго-восток – северо-запад. Каменные склепы и могилы с каменными выкладками локализованы в южной и юго-восточной зоне памятника. Основным погребальным материалом является лепная керамика мохэского типа, круговая керамика, изделия из цветных металлов и железа. Памятник отнесён к мохэ-бохайскому времени (Никитин, Чжун Сук Бэ, Пискарёва, 2007: 132).

Соколовские курганы (Лазовский район). Обнаружены в начале 1990-х Ю.Н. Горюшиным. В 1999, 2001, 2006 гг. обследования проводил И.Ю. Слепцов. Курганная группа состоит из 70 объектов. Курганы располагаются в 2,5 км к северо-востоку от пос. Преображение, у западного подножия сопки Круглой на левом берегу р. Соколовки. Занимают участок надпойменной террасы и пологую часть западного склона сопки Круглой. Часть памятника с юго-западной стороны разрушена карьером. Курганы продолговато-овальные, размером 2x1 м, высотой 0,3-0,5 м. « Располагаются в четыре ряда и опоясывают крайний южный склон мыса сопки. Расстояние между рядами до 10 м, между курганами – 5-6 метров. На вершинах некоторых курганов встречаются углубления» (Слепцов, 2001). Собран подъемный материал, содержащий лепную мохэскую керамику, доработанные на круге бохайские горшки когурёского происхождения, круговую керамику со штампованным декором, бронзовые бубенчики в виде головы дракончика, железный черешковый наконечник стрелы с треугольным пером, а так же каменные украшения в виде цилиндрических бус и дисков, позволяет отнести некрополь к бохайской культуре с мохэской основой.

Михайловские курганы (Ольгинский район). Впервые обследованы в 1986 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Хорев, 1986). Курганы расположены в 3 км к северо-западу от с. Михайловка. Насчитывается 15 объектов. Курганы сооружены из камня, их высота 0,5-1м, диаметр основания 5-8м. В верхней части каждого кургана отмечено углубление. При прокладке дороги часть курганов уничтожена. Раскопок не производилось. Собранный подъемный материал позволил отнести курганы к эпохе средневековья. В 2011г. курганы переобследованы Амуро-Приморской археологической экспедицией (Дьякова, 2011), снят план. Курганы овальной формы, размерами 5x8 м. Высота не превышает 0,7 м. Установлено, что курганы находятся через реку от Михайловского городища, возведенного носителями смольнинской культуры, датируемой X-XI вв. Собранная круговая керамика с мелкими вафельными оттисками позволяет предполагать, что курганы принадлежат этой же культуре.

Рудниковские курганы (Уссурийский район). В 2004г. открыты Ю.В. Кривулей. Расположены в 7 км северо-западнее с. Раковки в 0,8 км к юго-западу от оз. Рудниково, на левом берегу р. Раковки, в приустьевой части безымянного ручья – притока реки. Сооружены на северо-восточной оконечности 3-4 метрового выступа первой надпойменной террасы, окружённой с востока и северо-востока заболоченной поймой реки. Зафиксировано два земляных кургана овальной формы размерами 14x20м и 6x9 м. Высота насыпи от 1 м до 2,2м. Ориентированы северо-запад-юго-восток. «На вершине

каждого кургана в горизонтальном положении расположено по овальному плоскому камню из желто-серого гранита. По четыре камня из этого же материала отмечены по сторонам света, с незначительным смещением на северо-запад, вокруг подножия кургана. Размеры камней от 0,7 до 2 м. Вокруг курганов имеется ограда из камней желто-серого гранита прямоугольной формы (размеры ограды 40-45 на 60-70 м). Камни в ограде расположены в среднем в 10-12 м друг от друга. Часть из них зафиксирована в вертикальном положении. Размеры камней в ограде составляют от 0,5 до 1,5 м» (Клюев, Ким Дон Хун, Гарковик, Дорофеева, Кривуля, Морева, Слепцов, 2010: 123). Предварительно курганы датированы эпохой средневековья и предположительно отнесены к бохайскому времени.

Таким образом, мы можем констатировать, что в мохэ-бохайское время, т.е. в I тыс. н.э., на территории Приморья появляются курганные некрополи в трех археологических культурах – мохэской, бохайской, смольнинской. Они представлены земляными, каменно-земляными и каменными курганами круглой и овальной форм, высота которых варьирует от 0,5 до 2,2 метра. Размеры насыпей разные. Зафиксированы курганы без могильных ям; с подкурганной ямой, поминальным каменным кругом и стелой, а так же каменные насыпи с каменными ящиками и поминальными каменными оградками. По своим традициям эти сооружения, по мнению автора статьи, явно восходят к курганам тюркского времени Центральной Азии и Южной Сибири.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-31-09008.

Список источников и литературы

Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья - Владивосток: Дальнаука, 1998.- 318 с.

Дьякова О.В. Отчет о разведывательных работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в Ольгинском, Чугуевском, Кавалеровском, Дальнегорском районах Приморского края в 2011 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 549.

Клюев Н.А., Ким Дон Хун, Гарковик А.В., Дорофеева Н.А., Кривуля Ю.В., Морева О.Л., Слепцов И.Ю. Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья по материалам исследований 2008–2009 гг. – Сеул: Изд-во Тэджон, 2010. –198с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук Бэ, Пискарева Я.Е. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 году. - Б/м, 2007.- 397с.

Слепцов И.Ю. Отчет об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 2001 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 482.

Хорев В.А. Отчет об археологической разведке в Лазовском, Ольгинском, Михайловском и Октябрьском районах Приморского края в 1986 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5738.

Шавкунов Э.В. Отчет о результатах археологических исследований в 1959 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1877.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. -Л.: Наука, 1968.- 128 с.

А.В. Епимахов

Россия, Челябинск, Институт истории и археологии УрО РАН

СИНТАШТИНСКОЕ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО УРАЛА)¹

Abstract

The remains of the large-scale copper production for the South Urals are dated to the beginning of the second millennium BC. Evidence has been obtained for synchronous settlement and cemetery Kamennyi Ambar. Numerous evidence of metallurgical activities were obtained. There were burials with metal working attributes in the synchronic cemetery. The attributes of metal working were present in 1/4 of the graves.

Начало эпохи для Приуралья приходится на рубеж IV-III тыс. до н.э. В это время в южной степной зоне утверждаются традиции животноводства и металлургии. Нет сомнений в том, что Южный Урал функционировал как центр добычи руды и производства меди. Однако ранний период представлен в основном погребальными памятниками (Богданов, 2004; Моргунова, Кравцов, 1994), среди которых имеются единичные атрибуты производственной специализации (литейные формы, руда) (Каргалы, 2004). Значительно более емкая и информативная картина связана с первыми веками II тыс. до н.э., точнее, с абашевскими и синташтинскими древностями, поскольку памятники этого периода более разнообразны и дают возможность сравнительного анализа.

Памятники данного периода хорошо известны специалистам благодаря открытиям 1970-1980-х гг. (Генинг и др., 1992; Зданович, Батанина, 2007 и др.). На сегодняшний день синташтинская культура является одной из наиболее изученных в регионе. Накопленный объем материалов и большой спектр примененных методов позволяют ставить и решать очень разные задачи. В данном случае я намерен ориентироваться в основном на синхронный комплекс поселения и могильника Каменный Амбар (Карталинский район Челябинской области, Южное Зауралье). Исследования в микрорайоне в настоящее время ведутся в рамках российско-германского проекта «Interdisciplinary Study of the Bronze Age Sites in the Southern Urals». Могильник исследовался ранее (Епимахов, 2005).

Моя цель на примере конкретного комплекса рассмотреть варианты отражения металлургической специализации в материалах поселения и некрополя. Традиция отражения производственной специализации в погребальном ритуале является сравнительно редким явлением для евразийского бронзового века. В этой связи особенно интересно проследить особенности отображения металлургической специализации на массовом материале

Синхронные поселение и могильник расположены на противоположных берегах небольшой степной речки Карагайлы-Аят. Их синхронность подтверждена не только сходством материальной культуры (в первую очередь, керамики), но серией радиоуглеродных дат. Ранний этап застройки поселения относится к 2010–1770 (2040–1680) cal BC (17 образцов). Датировки могильника дают очень сходный интервал – 1960–1770 (2020–1750) cal BC (7 образцов).

Структура поселения надежно установлена благодаря дешифрированию аэрофотосъемки, геофизическим работам и раскопкам (Корякова и др., 2011). Ранний период характеризуется наличием системы фортификации, оконтуривающую подпрямоугольную площадку, которая разделялась промежуточной линией обороны на практически равные части. Судя по лучше сохранившейся северной половине, внутренне пространство было практически полностью занято строениями, организованными в четыре линии с двумя улицами. Слабо углубленные в грунт постройки имели каркасно-столбовую конструкцию. Значительная часть материалов

этого хронологического горизонта была переотложена в результате многократного обживания площадки в разные периоды бронзового века.

Следы металлопроизводства в пределах исследованной площади не образовывали четких зон концентрации. Достоверные металлургические печи к настоящему времени выделить не удалось. Возможно, это результат упомянутого частичного разрушения синташтинского слоя. Тем не менее, на основании находок можно утверждать, что население занималось выплавкой металла из руды и изготовлением орудий. Первая часть иллюстрируется многочисленными фрагментами шлака (более 100 экз.) и руды (более 30), а также каменными плитами и пестами. Вторая отражена в сериях каменных плавильных чаш (Епимахов, Молчанов, 2013), молотков и металлических артефактах. Полноценных изделий обнаружено сравнительно немного (серп, ножи, тесло, шилья, два наконечника стрел), основная часть коллекции – заготовки, металлический лом, капли и пр. (более 100 экз.). Непосредственно с процессом производства связаны также сопло и фрагменты литейных форм. Находки в целом тяготеют к заполнению построек и рва.

Таким образом, поселение, несомненно, было местом выплавки и обработки металла. Но оценить его масштабы невозможно, т.к. большая часть следов производства утилизировалась. Кроме того, следует предполагать, что первичное обогащение руды и часть операций по выплавке меди могли производиться близ горных разработок. Ближайшие следы древних выработок расположены в 30-50 км от памятника.

Могильник содержит 4 кургана, три из которых исследованы. 97 погребенных обнаружены в 35 могильных ямах. Коллективный характер захоронений затрудняет сопоставление целого ряда находок с индивидами, тем более что более половины могил оказались потревожены. Среди покойных количественно преобладают дети, есть диспропорция мужчин и женщин, особенно при раздельном изучении курганов. Практически все захоронения сопровождалось инвентарем. Вещевой комплекс 2/3 могил включал изделия из металла, в том числе и массивные предметы: наконечник копья, тесла, ножи и пр. Украшения единичны. Отметим сразу, что эта картина типична для синташтинских некрополей, но резко отличается от других периодов местного бронзового века.

Следы производства и обработки металла не слишком обильны. Они выявлены примерно в каждом четвертом погребении. Из 9 захоронений с атрибутами металлопроизводства только три были индивидуальными. Во всех случаях речь идет о погребениях женщин от 18 до 23 лет, среди инвентаря которых обнаружены кусочки руды и капли металла. Еще в одном случае руда обнаружена на костях ног женщины 25-30 лет из коллективного погребения. Руда, конечно, могла использоваться как краситель, но капли металла – вряд ли. Остальная часть коллекции – каменные орудия для обработки металла. Одно из них найдено в индивидуальном детском погребении, остальные в коллективных потревоженных могилах. В одном случае можно ассоциировать каменные изделия со скелетом мужчины 30-35 лет.

Формально из этих наблюдений следует вывод о разделении труда в сфере металлопроизводства по гендерному принципу. Однако, сравнительный материал из других могильников (который, увы, не всегда содержит информацию о поле и возрасте погребенных) позволяет констатировать, что шлак и руда были найдены и в мужских захоронениях, и в женских. Единичные находки сопел и литейной формы также, видимо, связаны с мужскими погребениями (Калиева, Логвин, 2009). Однако, нужно отметить, что атрибуты металлопроизводства часто сочетаются с другими категориями инвентаря, включая знаки престижа. Примером такого захоронения с некоторыми оговорками можно считать и погребение 9 в могильнике Каменный Амбар-5 с

колесничной атрибутикой и каменным пестом. Другие некрополи имеет еще более яркие иллюстрации (Стефанов, Епимахов, 2006).

При сопоставлении следов металлургической деятельности поселения и могильника очевидна разница в составе коллекций. Предсказуемо коллекция поселения масштабнее и разнообразнее, она иллюстрирует все основные фазы металлопроизводства. Исключением является отсутствие полноценных литейных форм, которых, впрочем, нет и в синхронном могильнике. Столь же естественным выглядит гораздо большее число готовых изделий в погребениях в сравнении с поселением. Причина такой разницы лежит в самом характере формирования памятников. Коллекция некрополя – выборка, сформированная носителями традиции преднамеренно. Правда, основания отбора нам не вполне ясны. Коллекция же поселения в нашем случае – негативная выборка выброшенных и потерянных вещей.

Металлургическая специализация населения или его части хорошо документирована результатами исследования поселения, но нашла очень ограниченное отражение в погребальной обрядности. Атрибуты металлопроизводства обнаружены в погребениях женщин могильника Каменный Амбар-5, однако другие некрополи строгой взаимосвязи не подтверждают. Скорее всего, эти атрибуты не могут быть использованы в качестве маркеров гендерной принадлежности. Часть находок выявлена в могилах, инвентарь которых включал маркеры социального статуса (булава, колесничный комплекс, оружие). Это может трактоваться как отражение высокой престижности сферы металлопроизводства в глазах социума.

Приложение

¹Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта УрО РАН «Природа и общество Южного Зауралья в эпоху бронзы: междисциплинарный анализ» и при финансовой поддержке РФФИ (проект 12-06-91330-ННИО-а).

Список источников и литературы

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 287 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. – Кн. 1. – 192 с.

Епимахов А.В., Молчанов И.В. Свидетельства металлопроизводства бронзового века укрепленного поселения Каменный Амбар: каменные плавильные чаши // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1 (в печати).

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). – Челябинск: Изд-во Крокос; Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. – 260 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – Вып. 9. – С. 32–58.

Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. – 240 с.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. – 2011. – № 4. – С. 61–74.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: Наука, 1994. – 153 с.

Стефанов В.И., Епимахов А.В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья.– Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – Вып. 4. – С. 263–272.

Е.Д. Жамбалгарова

Россия, Улан-Удэ, Музей Бурятского научного центра СО РАН

**МИМ-АДАПТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ
ФОФОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)¹**

Abstract

The publication represents the attempt to reconstruct of the MIM-adaptation at the ancient population of Southeastern Pribaikalye. The research examines the behavioural and subject levels on the archaeological materials of the Fofonovsky cemetery.

В последние десятилетия непрерывно растет актуальность исследований, посвященных проблеме адаптации человека к окружающей среде. Основные теоретические положения, высказанные в трудах отечественных исследователей проблемы адаптации, сводятся к тому, что адаптация - это целостный, системный процесс, характеризующий взаимодействие человека с природной и социальной средой. Актуальны аспекты исследуемой проблемы, связанные с реконструкцией древних адаптивных стратегий, в том числе мим-адаптивных, отраженных в археологически фиксируемых признаках. Под мим-адаптацией понимается приспособление к среде и заимствование человеком схем природы (Головнев, 2009: 123). В настоящей работе предпринята попытка реконструкции проявлений мим-адаптации у древнего населения Юго-Восточного Прибайкалья на поведенческом и предметном уровнях по археологическим материалам Фофоновского могильника.

Фофоновский могильник является одним из крупнейших и древнейших погребальных комплексов Байкальского региона, включающим в себя три разновременные группы погребений (ранний неолит, бронзовый век, средневековье) (Герасимов, Черных, 1975: 47). Могильник расположен на субширотном участке нижнего течения р. Селенги, в 0,5-1 км выше с. Фофоново на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фофоновской горы, на высоте 26-40 м над уровнем реки. Предметом исследования настоящей работы является ритуальный объект № 2/2008 г. с черепом медведя и скульптурка головы лося из погребения № 11/1991 г. Фофоновского могильника.

Ритуальный объект № 2 обнаружен на юго-восточной экспозиции Фофоновской горы на высоте 40-41 м над уровнем реки. На глубине 70 см от современной поверхности в плотном супесчаном субстрате светло-коричневого цвета зафиксирована яма вытянутой формы охристого цвета с угольными примазками (0,4-1 × 1,4 м), рядом с которой наблюдались два сажистых пятна (65 × 20 и 20 × 20 см). Глубина ямы составляет около 70 см. В ее верхней части следы огня фиксировались наиболее интенсивно. На глубине 113 см от современной поверхности в 5 см от ямы на Ю был

зафиксирован камень (размерами 15 × 10 см), в 30-50 см на СЗ от пятна найдены мелкие раздробленные кости.

Под ямой со следами огня была зафиксирована небольшая яма подпрямоугольной формы со скругленными углами (60 × 90 см), ориентированная по оси ЮЮЗ-ССВ. На ее дне на глубине 160 см от современной поверхности был обнаружен фрагментированный череп бурого медведя (*Ursus arctos* L.) годовалого возраста (Жамбалтарова, Клементьев, 2011). Череп лежал на боку, носовой частью был ориентирован на ЮВ. В 20 см на ЮЗ от черепа наблюдалась ямка с охрой (25 × 15 см) с глубиной 25 см (Рис. 1).

По таким признакам, как отсутствие внешних и внутренних сооружений, ориентировка черепом на ЮВ, засыпка охрой ритуальный объект № 2 соотнесен с ранненеолитическими погребениями Фофоновского могильника.

Особый интерес также представляет *скульптурка головы лося*, единственная на сегодняшний день в археологических материалах Юго-Восточного Прибайкалья. Скульптура относилась к инвентарю взрослого погребенного из тройного погребения № 11/1991 г. Фофоновского могильника. По образцу кости из погребения получена радиоуглеродная дата - 6660±100 (лабораторный № ГИН - 7113) (Мамонова, Сулержицкий, 2008: 135).

В фофоновской скульптуре головы лося из рога (кости?) с мастерством переданы общие пропорции лосиной головы, ее удлиненная и тяжелая морда с наиболее важными деталями. В скульптурном изображении «сохатого» метко схвачен характерный выступ на узком лбу зверя и плавно очерчены выступы его челюстей. Глаза лося переданы кружочками (диаметр - 0,55 см) с точкой внутри (диаметр - 0,15 см) на округлых выпуклостях скульптуры. Древний резчик придал изделию законченный вид, оформив удлинение кости (длина - 4-4,5 см; ширина - 1-1,3 см), в которое постепенно переходит голова лося, тремя выступами-зубцами. Отметим, что кончик одного бокового зубца обломан. Особенностью исследуемого скульптурного изображения лося является отсутствие ушей (Рис. 1). Размеры изделия: длина - 9,1 см; ширина 0,9-1,8 см.

В ритуальном объекте с черепом медведя и в скульптурке головы лося, вероятно, отражается особое отношение древних людей к голове как вместилищу «души».

Предполагаем, что ритуальный объект с черепом медведя является свидетельством существования медвежьего праздника у древнего населения Юго-Восточного Прибайкалья в эпоху раннего неолита. Как известно, кульминацией медвежьего праздника являются «проводы - захоронение головы» медведя на специальном помосте или на дереве (Туров, 2002: 132), в земле или в озере (Соколова, 1972: 72). Подчеркнем, что по отношению к умершему человеку и к медведю древние люди выполняли примерно одинаковый комплекс действий (отчленение черепа/головы, ориентировка на ЮВ, помещение в яму на территории могильника, засыпка охрой и разведение огня). Прочитываемый по археологическим материалам код «человек = медведь» подчеркивает кровное родство с ним и выступает способом установления коммуникации людей с природой. Так, в нивхском медвежьем празднике Ч.М. Таксами видит приуроченный к Новому году сезонный обряд кормления хозяина земли, леса и гор, который «имел целью обеспечить удачные промыслы в лесу, хороший урожай съедобных трав, ягод и орехов, а также благополучие людей в течение года. Медведь, убитый нивхами и торжественно съеденный, выступал как бы посредником между людьми и „коллективом хозяина тайги“» (Таксами, 1977: 106-107).

«Выдавая свою дочь за медведя» мифический предок эвенков тем самым совершает первый шаг в завоевании нового для него жизненного пространства - устанавливает равные с медведем (великаном, лидером тайги среднего мира) права на совладение территорией. Побеждая в поединке со старшим братом - медведем (борьба

мальчика с Чуки), младший брат - человек тем самым завоевывает право преимущественного освоения территории (Туров, 2000: 57). Возможно, рассматриваемый ритуальный объект с черепом медведя дублирует маркирование родовой территории, усиливая тем самым маркирование территории через погребения Фофановского могильника.

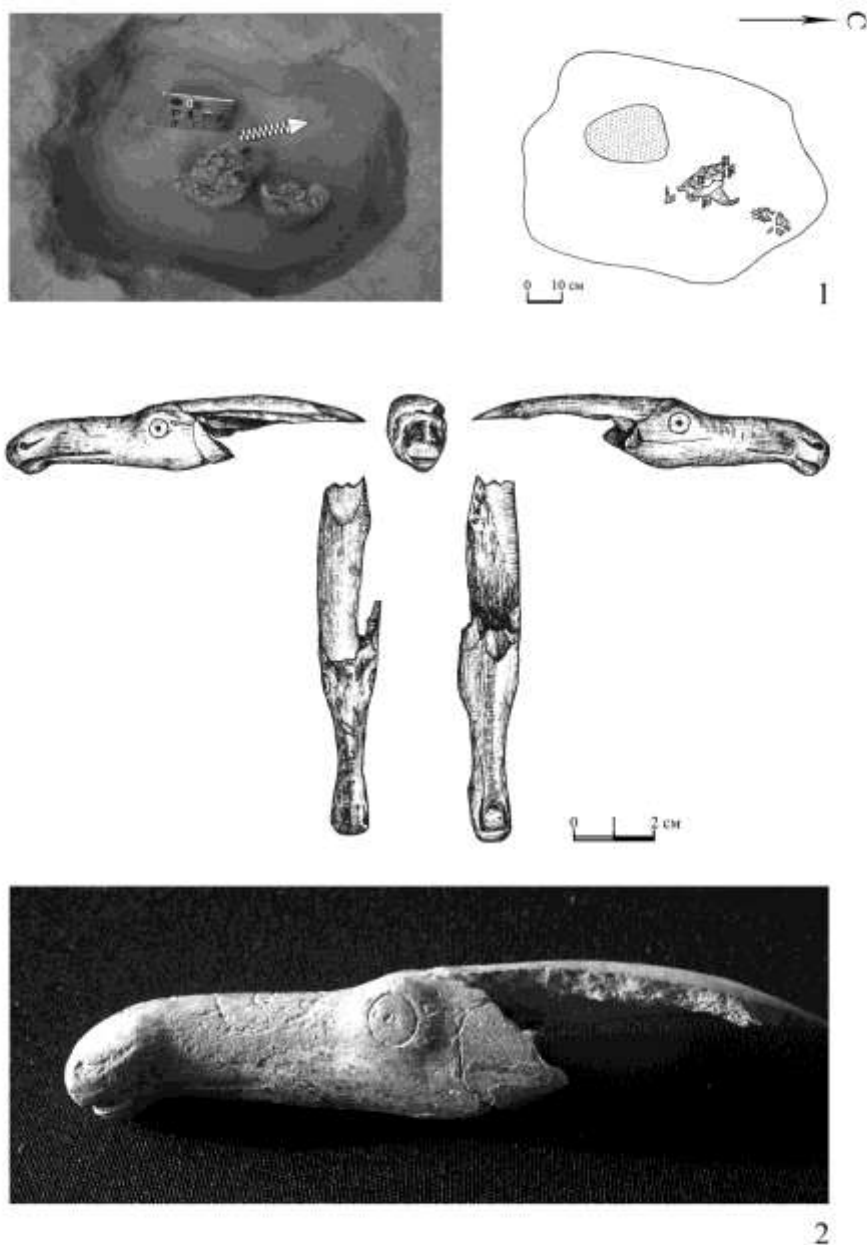

Рис. 1. Археологические материалы Фофановского могильника:
 1 - ритуальный объект № 2/2008 г. с черепом медведя; 2 - скульптурка головы лося из погребения № 11/1991 г.

Интересна интерпретация Д.К. Зелениным деревянной скульптуры лося из Горбуновского торфяника на Урале как онгона, который мог иметь охотничьи и медицинские функции (Зеленин, 1936: 104). При этом он пишет, что онгоном могла служить обыкновенная палка со звериной головой на конце (Там же: 117). Исследователь предполагает, что зооморфные онгоны охотников Сибири первоначально предназначались для возрождения и оживления дичи (Там же: 83). Амурские охотники носили на себе малые изображения охотничьих зооморфных онгонов в качестве амулетов и талисманов (Там же: 43), которые в отличие от онгонов носились с собой и не преподносились духам. Если человек носит при себе такой амулет или талисман, который считается вместилищем души животного, то зверь сочтет его «своим» и не убежит от него (Там же: 90-91).

В подобном поведении людей можно рассмотреть проявления мим-адаптации. Во взаимодействии с природными видами люди успешно примеряли на себя образцы их поведения (вместе со шкурами, черепами и голосами) (Головнев, 2009: 15), путем адаптивного подражания (мим-адаптаций) человек присваивал чужие модели и тем самым расширял свое деятельностное поле (Там же: 47). Мим-адаптацией высокого уровня А.В. Головнев определяет искусство, в процессе изображения объектов действительности человек присваивает реальность и ставит на ней печать своей руки. Рисунок или мелодия - не столько отражение, сколько овладение (Там же: 63-64). Исследование с этих позиций фофоновской скульптурки позволяет реконструировать несколько уровней адаптации древних к природному и социальному окружению. На предметном уровне путем изображения лосиной головы, как основного вместилища «души», человек овладевал реальным зверем. На поведенческом уровне человек носил с собой скульптурку головы лося, уподобляясь зверю, с целью воздействия на промысловых животных. Кроме того, на поведенческом уровне можно выявить и проявление социальной адаптации, направленной на регулирование отношений в коллективе, так как, вероятно, исследуемая скульптурка головы лося являлась маркером особого социального статуса ее владельца. Вероятно, фофоновская скульптурка головы лося являлась индивидуальным охотничьим амулетом, выступавшим «вещественным» знаком коммуникации человека с другими людьми и с природным окружением, маркировавшим его роль и место в мире.

Таким образом, анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что ритуальные действия, совершенные с головой медведя на Фофоновском могильнике, изготовление и практическое применение скульптурки головы лося из погребения № 11/1991 г. определены стратегией мим-адаптации, одной из основных адаптивных стратегий древних людей. Применение мим-адаптивной стратегии выражалось в уподоблении человека зверю (медведю, лосю) и было направлено на усиление связи с природным окружением и на регулирование социальных отношений.

Примечания

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00178а.

Список источников и литературы

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофоновского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. - Л.: Изд-во «Наука», 1975. - С. 23-48.

Головнев А.В. Антропология движения (древности северной Евразии). - Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; «Волот», 2009. - 496 с.

Жамбалтарова Е.Д., Клементьев А.М. Ранненеолитический объект с черепом медведя в структуре Фофоновского могильника // Вестник Новосибирского

государственного университета. Серия: История, филология. - 2011. - Т. 10. - Вып. 5: Археология и этнография. - С. 162-167.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - 436 с. (ТИААЭ; т. XIV. - Этнографическая серия; вып. 3).

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология голоценовых погребений Прибайкалья и Забайкалья по остеологическому материалу из могильников // Человек, адаптация, культура. - М.: Изд-во ИА РАН, 2008. - С. 127-138.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. - М.: Наука, 1972. - 216 с.

Таксами Ч.М. Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). - Л.: Наука, 1977. - С. 90-116. - (Сб. МАЭ; т. 33).

Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. - С. 48-59.

Туров М.Г. Эвенкийский обряд «проводов медведя» как форма организации пространства // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2002. - № 3(11). - С. 132-140.

М.Ю. Здор, М.А. Корусенко

*Россия, Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

**ОТОПИТЕЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ТАРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ АЛЕКСЕЕВКА-51 И ЧЕРТАЛЫ-1)**

Abstract

The latest research on the settlements of late middle age settlements of the indigenous population of the Tara river have allowed us to obtain unique data about the material culture. We investigated 5 heating constructions of different types and applications. The article analyses the heating systems.

В 2008-2011 гг. археологическим отрядом Барабинско-Тарской археолого-этнографической экспедиции Омского филиала ИЭАТ СО РАН проводилось археологическое исследование поселений Алексеевка-51 и Черталы-1, расположенных в Муромцевском районе Омской области, на правом берегу р. Тара. На поселении Алексеевка-51 были исследованы остатки одного стационарного наземного каркасного жилища и прилегающая к нему территория, сезонное наземное каркасное жилище и два жилища, тип которых достоверно установить не удалось. На поселении Черталы-1 было полностью исследовано одно наземное стационарное каркасное жилище. Относительная датировка обоих памятников XVII-XVIII вв. н.э. При этом следует отметить, что поселение Черталы-1, вероятно, является более поздним и функционировало до начала, возможно, до середины XIX в. н.э. Об этом свидетельствуют и этнографические материалы – в современной д. Черталы (по карте Тарского округа Тобольской губернии 1864 г. – Юрты Чертамлинские) зафиксирована информация о расположении «старой деревни» на другом берегу р. Тара (совпадает с расположением поселения Черталы-1), о поселении Алексеевка-51 такой информации в близлежащей деревне Чеплярово собрать не удалось.

На этих поселениях были выявлены и исследованы 5 объектов, отнесенных нами к отопительным и отопительно-варочным устройствам. На памятнике Алексеевка-51

были исследованы два объекта - №1 (раскоп 2008 г.) и №4 (раскоп 2010 г.), расположенные внутри жилищ и два - внешних №2-3 (раскоп 2008 г.). Объект №5 исследован при раскопках жилища на поселении Четралы-1 (2011 г.).

Сначала опишем объекты, исследованные в 2008 г. Объект №1, был исследован частично, так как над его ЮВ половиной росла сосна. Остатки сооружения представляли собой возвышение пирамидальной формы размерами 2x2,2x0,5 м. Конструкция располагалась в СВ углу жилища (слева от входа), на песчаной, слегка утрамбованной, подсыпке. Разбор доступной для исследования западной части показал, что сразу под дерном залегает слой обожженной обмазки мощностью 10-15 см в центральной части возвышения, слой уменьшается к краям сооружения. Размеры фрагментов до 7x7 см. Под обмазкой залегает слой черной (с примесью сажи и углей) супеси толщиной в центральной части до 10 см. Ниже – серая супесь, возможно, подсыпка под конструкцию мощностью до 15 см, материк – светло-желтая супесь. На разрезе, в центральной части возвышения, фиксируется вертикальный разрыв слоев шириной 60 см, заполненный серой супесью. По его краям зафиксирован тонкий вертикальный слой прокаленной обмазки мощностью до 3 см. При разборе объекта было обнаружено несколько фрагментов обмазки со следами каркаса (внутренняя часть фрагментов была скруглена, внешняя – плоская, на внутренней стороне отпечатались следы прутьев каркаса(?)), других же следов несущей конструкции обнаружить не удалось. Материал, который использовали для обмазки – речная глина с примесью ила и следами ракушечника.

В 2008 году так же были исследованы еще два объекта (№2 и №3), расположенные за пределами упомянутого жилища, на расстоянии 5 м к З от его СЗ стенки, у обрыва берега р. Тара. Выявленные сооружения располагались на одном фундаменте, представлявшем собой песчаную подсыпку, которая выделялась большей плотностью на фоне окружающей супеси. Размеры сохранившейся части – 2x1 м. Мощность подсыпки – 10-12 см.

Объект №2 прослежен в виде возвышения, при разборке которого выявлена г-образная в разрезе конструкция, по стратиграфии напоминающая объект №1. Основание (под) конструкции представлял собой обмазанную глиной подпрямоугольную площадку размерами 60x80 см, (толщина обмазки до 7 см). Стенки топочной камеры сохранились в виде невысоких бортов (высота 5-7 см, толщина до 7 см) и в виде слоя обмазки на поде. Между упомянутым слоем и собственно подом прослежен слой пепла. В восточной (тыльной?) части объекта были прослежены остатки вытяжной конструкции, в виде полого купола. На разрезе данная конструкция выглядела как вертикальный подпрямоугольный разрыв слоя прокаленной обмазки размерами 15x25 см, заполненный серой золистой супесью, с сажистой окантовкой по краям. Следов каркаса выявлено не было. Сверху очаг был обмазан илом. Поскольку в процессе археологизации верхняя часть конструкции сместилась к югу, вполне вероятным представляется, что обнаруженные остатки вытяжной конструкции могли первоначально размещаться в центральной части устройства.

Объект №3 прослежен в виде возвышения, при разборке которого оказалось, что это остатки топочного устройства. Сооружение состояло из подквадратного в плане основания, на котором была устроена бескаркасная купольная конструкция. Основание ориентировано по сторонам света. В процессе археологизации верхняя часть объекта сместилась к югу на 0,4 м. Размеры сохранившихся частей: основания – 60x75 см, верхней – 1x0,55 м.

В 2010 г. было исследовано легкое наземное жилище в СВ части поселения Алексеевка-51, в котором выявлен объект №4, представлявший собой подквадратное в плане возвышение размерами 4x4 м, высотой до 20 см, на котором, как и в случае с

объектом №1, исследованном в 2008 году, росла сосна. При разборке объекта стало ясно, что он представляет собой остатки топочного устройства, которое представляло собой чашеобразную конструкцию, размещавшуюся в фундаменте (вмазанную в фундамент) из плотной (возможно утрамбованной) гумусированной супеси. Размеры ее доступной для исследования части – 40х20 см. С северо-западной стороны (предположительно, обращенной к жилой части) объекта были обнаружены следы двойного ряда колева диаметром 1-2 см, вбитых на глубину 20-25 см, расстояние между кольями 10-12 см. Вероятно первоначально, колья окаймляли эту сторону устройства. То есть, таким образом формировалось основание (под) топочного устройства. Для оформления стенок сооружения использовался речной ил и глина, его внутреннее заполнение - прокаленный песок и мелкие фрагменты обмазки. Между сохранившимися стенками и основанием зафиксирован слой пепла, мощностью до 1,5 мм. В южной части сооружения на уровне основания прослежено прямоугольное в плане скопление обмазки, уходящее за пределы жилого пространства, видимые размеры объекта – длина 40 см, ширина – 10 см. Данное скопление, как и основание топочного устройства, прослежено на фундаменте из плотной гумусированной супеси с включениями костей животных. Вдоль видимого контура этой части объекта прослежен ряд вертикально забитых на глубину 0,17-0,2 м колева диаметром 0,02-0,03 м. Судя по расположению, это фрагмент вытяжной конструкции (трубы?) топочного устройства.

Объект №5 выявлен при исследовании жилища на поселении Черталы-1 в 2011 г. При разборе данного объекта оказалось, что это фрагменты топочного устройства. Сооружение состояло из площадки и остатков собственно устройства. Площадка аморфных очертаний размером 83х78 см была размещена вместе с жилищем на выравнивающей подсыпке из супеси, вытянута по направлению юго-восток – северо-запад, оконтурена с северной и восточной сторон остатками 11 деревянных колева диаметром до 1 см (на уровне расчищаемого объекта), вбитых вертикально в грунт. Расчищенные остатки колева образуют в плане полукольцо, которое оконтуривает эту площадку дугой по направлению юг – восток – север – северо-запад. Остатки топочной конструкции прослежены в виде двух частей – юго-восточной и северо-западной. Юго-восточная, имеет Г-образные в плане очертания и размеры 57х50 см, ориентирована продольной осью по линии запад-восток. Строительный материал – смесь глины и ила, толщиной до 5 см. Северо-западная часть, расположена в 20 см к СЗ от первой. Она имеет овальные очертания в плане и размеры 30х15 см, ориентирована продольной осью по линии северо-восток – юго-запад, на ней расчищены несколько крупных фрагментов обмазки.

Таким образом, на двух поселениях было исследовано 5 объектов, отнесенных нами после исследования к топочным устройствам. Три из них располагались внутри жилищ, два – за пределами.

Объект №1, исследованный в 2008 г. на поселении Алексеевка-51, можно с большой долей уверенности реконструировать как пристенный очаг каминного типа. Вертикальный разрыв в слоях нами интерпретирован как остатки прямоточной вытяжной конструкции. Судя по расположению его в интерьере жилища и имеющимся этнографическим аналогиям – это мог быть чувал¹ (Валеев, 1980: 116; Томилов, 1980: 97; Татары среднего Поволжья и Приуралья, 1967: 103; Мухаметшин, 2002: 101; Шитова, 1984: 150-151; Зенько, 1997: 160, рис. 3).

Два других объекта из раскопа 2008 года располагались на небольшом отдалении от жилища. Судя по выявленным элементам конструкции – это были бескаркасные устройства закрытого типа. Объект №3, вероятно, представлял собой остатки хлебной печи². В пользу этого свидетельствует серия фактов. Во-первых, конфигурация

остатков этого устройства (подквадратная пирамида со скругленным верхом), во-вторых, отсутствие следов пепла внутри, а из этнографических материалов известно, что хлебные печи после протопки тщательно очищались (Шитова, 1984: 180-181). Так же, в пользу этой версии свидетельствуют и относительно небольшие размеры устройства, и планиграфия объекта – расположение на небольшом удалении от дома. Судя по степени обожженности глины, в процессе эксплуатации этот очаг был не долго.

Реконструировать устройство, которое было выявлено при изучении объекта №2, возможно пока только приблизительно. Исходя из имеющихся в нашем расположении фактов, можно с уверенностью говорить, что оно было бескаркасным, имело закрытую топку, вмazanную (заглубленную) в фундамент. И здесь нужно высказать одно важное замечание - судя по размерам устройства и толщине стенок, оно не было предназначено для обустройства в нем котла (например, современный казан на 12 л имеет максимальный диаметр 44 см и вес 18 кг). Вполне вероятно, что котел или другая посуда могли устанавливаться на металлической треноге прямо в топку. Как явствует из полученных материалов, в восточной (тыльной) части была оборудована вытяжная конструкция в виде небольшого купола. Она, как нам кажется, была сооружена путем налепа вокруг отверстия в своде устройства слоя обмазки, так, чтобы создать тягу, но не обрушить свод. Такого рода печи имеют этнографические аналогии³ (см. например: Томилов, 1980: 130; Шитова, 1984: 182, рис. 58).

Наличие двух устройств различных по конструкции, но размещенных на одном фундаменте, позволяет предположить, что данный комплекс объектов является остатками летней кухни. Современные варианты летних кухонь, бытовавшие или бытующие у западно-сибирских татар и народов поволжско-уральского региона подробно описаны в этнографической литературе (Мухаметшин, 2002: 102; Валеев, 1980: 116; Томилов, 1980: 130). Комплекс из объектов №2-3 можно с уверенностью связать с такими топочно-варочными устройствами.

Объект №4, исследованный в 2010 г., как и предыдущие конструкции, располагался на предварительно подготовленном фундаменте и был частично заглублен в него. К сожалению, его геометрические размеры полностью восстановить не удалось, т.к. большая его часть оказалась под корнями сосны (такая ситуация не является уникальной для поселения Алексеевка-51). Тем не менее, некоторые заключения мы все же можем сделать. Основанием устройства служила глинобитная площадка, оконтуренная вбитыми в фундамент кольшками, такого рода элементы зафиксированы на этнографических материалах (Мухаметшин, 2002: 101). Вытяжная конструкция выявлена в нижней тыловой части сооружения. Этот факт подтверждают остатки кольев, которым она была оконтурена и, вероятно, укреплена. Обращаясь к известным аналогиям, отметим, что данный элемент топочной конструкции был схож с современными устройствами боровного типа, предназначенными для обогрева оранжерей и теплиц (печь с нижним прогревом)⁴. В этом случае вытяжное устройство (боров) идет по земле и на некотором расстоянии этот элемент стыкуется с вертикальной трубой. У современных печей такого типа боров может быть длиной до 10-12 м, в зависимости от высоты трубы. Продолжая поиск аналогий вытяжной конструкции, расчищенной в объекте №4, укажем, что, для изготовления трубы, могли использоваться различные материалы, например, хворост (Радде, 1856: 330). Таким образом, можно высказать предположение, что вытяжная конструкция в исследованном жилище состояла из горизонтального участка, который «стыковался» за пределами жилища (?) с вертикальным участком. Что касается интерьера жилища – можно лишь говорить о том, что отопительная конструкция располагалась в его ЮЗ углу. Так же на основании полученных археологических данных и данных этнографии (Шитова, 1984:

138-140) можно предположить, что исследованное в 2010 г. жилище представляет собой каркасное сезонное жилище со стационарным отопительным устройством.

Объект №5, исследованный в жилище на поселении Черталы-1, содержал остатки отопительного устройства, дошедшего до нашего времени в сильно фрагментированном виде. Сохранилась только часть пода топки и, вероятно, часть кольев, которые оформляли его край, поэтому достоверно реконструировать ее на основании полученных при разборке объекта №5 возможным не представляется. В то же время, выявленные элементы сооружения, а так же способ ее изготовления позволяют проводить уверенные аналогии с другими полученными нами материалами. Сооружение выполнено из обмазки (смесь глины и ила), располагалось в В углу жилища, ряд кольев, вбитых в подсыпку на глубину 10-12 см, оконтуривал его полукругом (толщина кольев в подсыпке (на разрезе) 3-5 см). Необходимо также отметить, сооружение располагалась на выравнивающей подсыпке и не было в нее заглублено. Опираясь на полученные данные, мы можем с определенной долей уверенности говорить о нем как об остатках очага с прямоточной вытяжной конструкцией (чувал) (Мухаметшин, 2002: 101), сходного с объектом №1, обнаруженным на поселении Алексеевка 51.

Подводя итог, заметим, что исследованные остатки отопительных устройств, позволяют говорить, что эти сооружения были просты и технологичны в изготовлении, их постройка может осуществляться за небольшой отрезок времени. Наличие их на типологически разных поселениях (Алексеевка-51 – поселение переходного от сезонного к стационарному типа, а Черталы-1 – стационарное) указывает на консервативный характер этого элемента интерьера, который, в силу своей консервативности, можно использовать в качестве социокультурного, а в комплексе с другими признаками и этнокультурного маркера в указанном хронологическом диапазоне.

Примечания

¹ См. например, информацию о жилых постройках народов Сибири на электронных ресурсах: Жилище [Электронный ресурс] // Историко-этнографический атлас Сибири [сайт] URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=10> (дата обращения 24.03.2013); фото чувала на сайте ИПОС СО РАН (рисунок к статье М.А. Зенько) см. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a1/images/chuval.jpg> (дата обращения 24.03.2013).

² Фото этнографических объектов – хлебных печей см.: Экспедиция в Уватский район Тюменской области в августе 2006 г. [Электронный ресурс] // ИПОС СО РАН [сайт] URL: <http://www.ipdn.ru/fotogalereja/ekspedicija-2/> (дата обращения 24.03.2013).; хлебная печь северных хантов [Электронный ресурс] // Geolocation [сайт] URL: <http://www.geolocation.ws/v/P/42188627/sag/en> (дата обращения 24.03.2013); Татарская печь? [Электронный ресурс] Geolocation [сайт] URL: <http://www.geolocation.ws/v/P/71535822/-/en> (дата обращения 24.03.2013).

³ Фото этнографических объектов - дворовая печь сибирских татар: Кирпичи сибирских татар [Электронный ресурс] // Рынок Южный [сайт] URL: <http://www.ofdom.ru/articles.php?id=58> (дата обращения 24.03.2013).

⁴ Ковалевский И.И. Печные работы. М., «Высшая школа», 1977. Рис. 46. [Электронный ресурс] // Ремонт помещений и отделка зданий [сайт] URL: <http://remont.townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st010.shtml> (дата обращения 24.03.2013).

Список источников и литературы

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Историко-этнографические очерки. – Казань: Татарск.кн.изд-во, 1980. – 232 с.

Зенько М.А. Полевые исследования лаборатории этнологии ИПОС СО РАН в 1995–1996 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. - Вып. 1. – С. 159-162 [Электронный ресурс] // Институт проблем освоения Севера СО РАН [сайт].URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a1/5-zen.htm> (дата обращения: 24.03.2013 г.).

Кирпичи сибирских татар [Электронный ресурс] // Рынок Южный [сайт].URL: <http://www.ofdom.ru/articles.php?id=58> (дата обращения: 24.03.2013 г.).

Ковалевский И.И. Печные работы. М., «Высшая школа», 1977 [Электронный ресурс] // Ремонт помещений и отделка зданий [сайт].URL: <http://remont.townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st010.shtml> (дата обращения: 24.03.2013 г.).

Корусенко М.А., Михалев В.В. Поселение Алексеевка XLV в южной зоне распространения усть-ишимской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 153-155.

Мухаметшин Ю.Г. Этнографическое своеобразие традиционных сельских жилищ татар Западной Сибири // Сибирские татары. – Казань, 2002. – С. 86-113.

Радде Г.И. Крымские татары // Вестник ИРГО. – 1856. - Кн. VI -С. 290-330 [Электронный ресурс] // Крым и крымские татары [сайт].URL: <http://www.kirimtatar.com/Story/Radde/radde.html> (дата обращения: 24.03.2013 г.).

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: Наука, 1998. 284 с.

Татарская печь? [Электронный ресурс] Geolocation [сайт].URL: <http://www.geolocation.ws/v/P/71535822/-/en> (дата обращения: 24.03.2013 г.).

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. - М.: Наука, 1967. – 538 с.

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. – 201 с.

Щербаков А. Хлебная печь Северных хантов [Электронный ресурс] // Geolocation [сайт].URL: <http://www.geolocation.ws/v/P/42188627/sag/en> (дата обращения: 24.03.2013 г.).

Экспедиция в Уватский район Тюменской области в августе 2006 г. [Электронный ресурс] // ИПОС СО РАН [сайт].URL: <http://www.ipdn.ru/fotogalereja/ekspedicija-2/> (дата обращения: 24.03.2013 г.).

П.В. Мандрыка, П.О. Сенторусова

Россия, Красноярск, Сибирский федеральный университет

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА СТОЯНКИ ИТОМИУРА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Abstract

The article describes a production site for ball iron at the headwaters of a small taiga river Moura – a tributary of the Angara. The authors consider the planigraphy of the site; define its peculiarities, and datings. They also examine medieval traditions of building catalon furnaces in the taiga.

Вопросы получения кричного железа в древности и средневековье Северного Приангарья неоднократно поднимались отечественными исследователями. Уже в ходе

первой разведки по долине Ангары, в низовьях реки А.П. Окладниковым в 1937 г. были отмечены следы металлургии, которые встречались со средневековой керамикой, украшенной оригинальным тонким гребенчатым орнаментом. Были изучены и миниатюрные железные печи, не превышающие высоту 40 см, а по диаметру достигающими не более 25-30 см (Окладников, 1937: 16). Масштабные раскопки металлургических комплексов были проведены исследователем только в верховьях Ангары на островах Сосновом и Лесном (Окладников, 1952; 1953). В 1980-2000 гг. остатки железоплавильного дела были обнаружены на многих памятниках Северного Приангарья, но достаточно полно опубликованы лишь материалы со стоянок в устье р. Чадобец, Усть-Кова и Пашина (Гладилин, 1985; Леонтьев, Дроздов, 2005).

С началом широкомасштабных работ по изучению археологического наследия в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС, в 2009-2012 гг. были обнаружены многочисленные новые данные, свидетельствующие о производстве железа на берегах Ангары. Освещены они в информационных статьях А.А. Адамова и П.Г. Данилова (2010), П.Б. Амзаракова и О.В. Ковалевой (2010), Ю.А. Гревцова, Д.Н. Лысенко и Л.Л. Галухина (2010), А.В. Постнова (2010); Е.П. Рыбина, А.А. Кубан, М.Н. Мещерина и Я.В. Фролова (2010), Ю.Н. Гаркуши, А.Е. Гришина, Ж.В. Марченко, Е.А. Казаковой и А.А. Дудко (2012) и других исследователей. Вместе с этими публикациями начинают появляться аналитические статьи о производственных площадках и кричных горнах, изученных в ходе этих работ (Кондратов, 2011; Мандрыка и др., 2012). Представленными работами приводится информация и систематизация сведений о металлургических печах, которые расположены на берегах и островах Ангары. В глубинных таежных районах, в верховьях ангарских притоков подобные объекты до последнего времени были неизвестны. Поэтому находки металлургических печей в стороне от «речных дорог» представляют определенное значение для реконструкции производств таежных народов.

В статье публикуются материалы, которые были получены археологической экспедицией ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» в ходе спасательных раскопок в верховьях р. Муры – левобережного притока Ангары. Стоянка находится на правом берегу р. Муры, в 36 км выше ее устья, в 8,8 км северо-восточнее с. Ирба Кежемского района Красноярского края, в 1,5 км восточнее (выше) устья р. Итомпура. В ходе работ 2012 г. двумя спасательными раскопами на стоянке вскрыто 12800 кв. м. Производственная металлургическая площадка была полностью изучена раскопом № 1, который размещался на краю первой надпойменной 6-7-метровой террасы р. Муры (Рис. 1).

Комплекс выделяется планиграфически и стратиграфически. Находки по плану слоя сосредоточены вокруг кричного горна, залегали в дерне и под дерном, т.е. на глубине 3-15 см. Отдельные куски железных шлаков фиксировались и глубже, до 25 см от современной поверхности. Под металлургической площадкой на глубине 15-25 см залегали материалы раннего железного века и отдельные вещи неолитического облика.

Металлургический объект (горн № 1) обнаружен в центральной части площадки, размещался на поверхности террасы в 1,5 м от ее края. Сохранилась углубленная в землю нижняя часть камеры горна, которая была устроена в яме округлой формы диаметром 50 см, глубиной не менее 35 см. На дно ямы был положен плоский камень размерами 30x24x5,5 см, который служил дном кричного горна. В центральной части плоскости камня фиксируется пятно прикипевшего металла. С юго-западной стороны ямы вдоль стенки был зафиксирован лоскут бересты размерами 30x15 см. Стенки ямы вокруг камня забивались суглинистой почвой так, что образовывалась кубовидная полость, которая служила камерой горна. Стенки камеры вертикальные, ровные, углы ориентированы по сторонам света. Сохранившаяся высота стенок 20-22 см. Размеры

ровного горизонтального дна 24x24 см. С внутренней стороны камеры стенки прокалены, частично ошлакованы. Толщина прожога стенок от 1-1,5, до 3-3,5 см. К краям ямы цвет глиняной забутовки постепенно изменяется с красно-оранжевого на темно-серый и черный. В двух противоположных стенках камеры с северной и южной стороны (т. е. со стороны края террасы и ее тыла) в 8 см выше дна имелись отверстия диаметром до 6 см. Это фурмовые проходы, через которые мехами нагнетался в камеру воздух. К фурмовым проходам в стенках ямы сделаны специальные углубления. С восточной стороны горна отмечена яма размерами 0,7 x 0,8 м и глубиной до 24 см с неровным дном, заполненная красной прокаленной почвой с фрагментами древесного угля и мелкими кусками железного шлака. Почва вокруг печи за исключением западной стороны прокалена до красно-оранжевого цвета. Также вокруг горна по уровню древней поверхности зафиксированы крупные куски железных шлаков и обломки камней со следами термического воздействия.

Верхняя часть печи была обнаружена в 5 м к западу от горна также на краю террасы. При зачистке слоя здесь зафиксировано округлое пятно прокаленной почвы диаметром 40 см. Разбор пятна выявил незначительное углубление древней поверхности (до 6 см), на дне которой зафиксирован кусок глиняной стенки с углом камеры горна. Размеры куска 20x22 см и толщиной 1-1,5 см. Здесь же вдоль южного края ямы отмечены еще два подобных куска. Они имеют две плоскости, сходящиеся под углом 90 градусов. Сопоставление полученных данных, позволяет предположить, что верхняя (наземная) часть печи имела квадратную в плане форму, то есть такую же как и основание горна. Высота же стенок камеры в наземной части печи могла составлять не менее 20 см.

На площадке в 1-2 м западнее горна отмечено два пятна прокаленной почвы мощностью до 2 см. Одно из них овальной формы вытянуто в направлении северо-запад – юго-восток, размерами 150x90 см. Второе пятно также имело овальную форму размерами 40x40 см.

Вокруг горна и пятен прокаленной почвы, было обнаружено 1377 кусков железного шлака размерами от 1,0x1,3x0,7 см до 7,1x9,0x3,3 см. Часть кусков шлака рассеяна, часть залегала скоплениями. Большое скопление шлака отмечено с восточной стороны от горна, возле ямы. Меньшее скопление шлака зафиксировано в 2 м к северу от горна. Здесь же в этой куче размещались куски обожженной глины, расколотые термическим воздействием камни. Еще одно скопление кусков шлака и обломков глиняной стенки печи отмечено в 15 м к западу от горна.

С производственной площадкой связан обломок железной пластины прямоугольной формы со следами ударов отковки. Один край изделия обломан, другой закруглен. Изделие найдено в 7 м восточнее горна и может интерпретироваться как утерянная кузнечная заготовка. Другие предметы, отмеченные на уровне слоя (железные наконечник стрелы, целый и обломанный ножи) в раскопе, связывать с металлургической площадкой нет оснований.

Итак, производственная площадка устраивалась вокруг одного горна, в котором получали кричное железо из руды. Размеры площадки условно устанавливаются по разбросу кусков шлаков от печи, что составляет в западном направлении 15 м, в северном – 5 м, а в восточном – 12 м. С южной стороны площадка была ограничена склоном террасы. Протяженность площадки вдоль края террасы около 27 м, вглубь террасы – не более 7 м. Размещение материала вдоль края террасы можно объяснить его перемещением по направлению охотничьей и звериной троп, которые проходят по краю речной террасы. В таком же направлении тропа проходила и в древности, на что указывает «разнос» вдоль края террасы фрагментов керамической посуды раннего

железного века. Фрагменты от одного горшка, залежавшие небольшими скоплениями, были отмечены возле края террасы на расстоянии 36 м друг от друга.

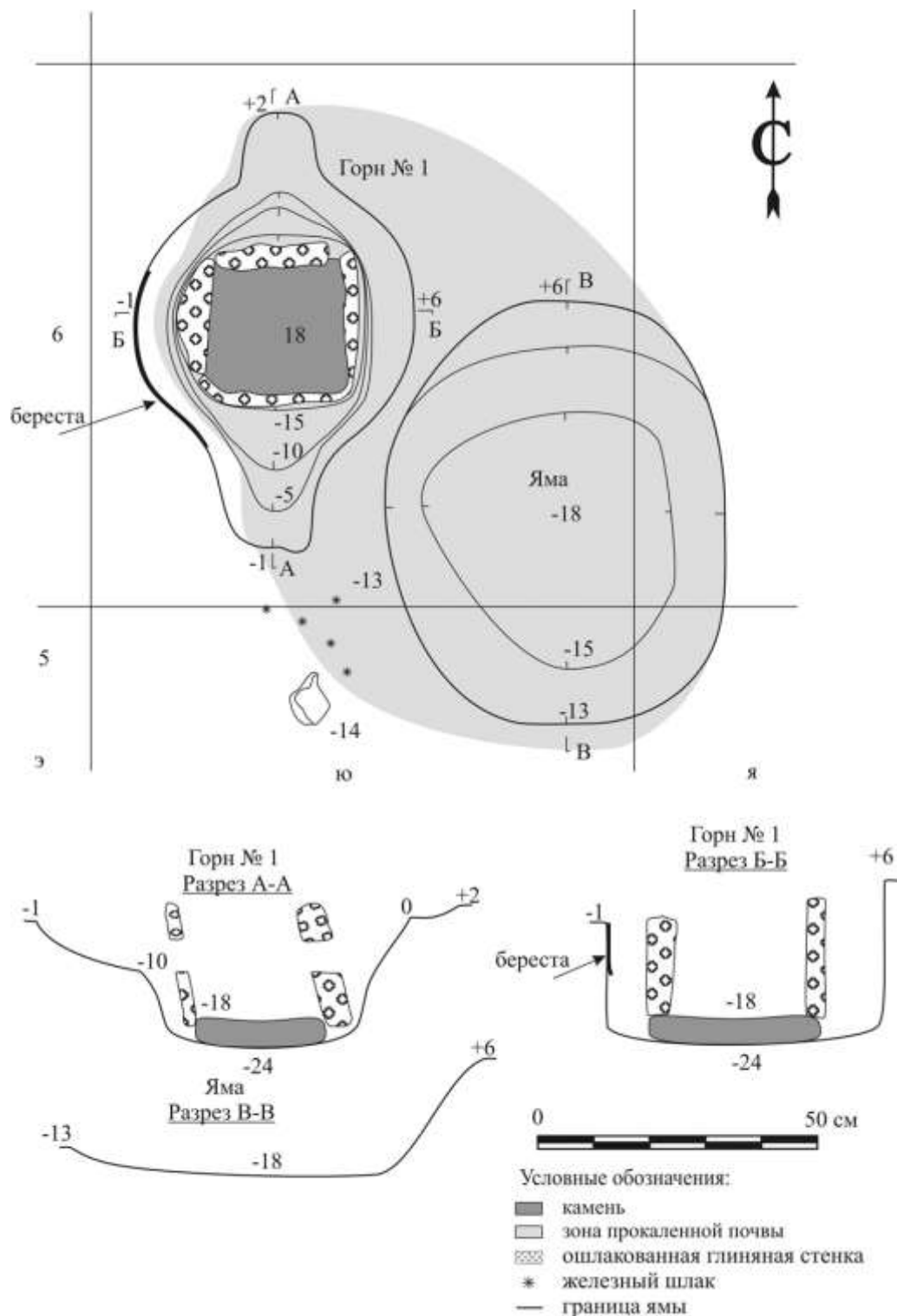

Рис. 1. План и разрезы металлургического горна стоянки Итомиура

Сколько раз «работал» горн? Это можно установить исходя из объема имеющихся шлаков, сопоставив его с объемом камеры горна. Однако при расчетах необходимо вводить поправку на неполные количественные данные и неточные параметры. В частности, высоту рабочей камеры горна и общий объем шлаков. Высоту камеры можно установить гипотетически, сложив к сохранившимся в яме стенкам камеры (20-22 см), куски от наземной разрушенной части (20 см). Этот параметр составит не менее 40 см. Отсюда можно условно определить рабочий объем горна (камеры в форме параллелепипеда), перемножив площадь основания на высоту: 24х24х40. Объем камеры горна, условно, составляет 23040 куб. см, т. е. 23,04 куб. дм или 0,02304 куб. м.

Объем шлаков. Здесь следует иметь в виду, что не все шлаки могли быть выброшены на поверхность террасы, которая изучена археологически. Часть его могла быть выброшена или перемещена («разнесена») в сторону обрыва берега. Собранный же на поверхности террасы шлак по объему составляет 24000 куб. см (помещается в коробку размерами 20х30х40 см). В целом объем имеющегося шлака сопоставляется с объемом камеры горна, даже с учетом вынутой в древности крицы. Отсюда можно предположить, что в печи проводилась одна плавка.

Горн был пустой, без шлака внутри. Это может указывать на то, что печь была приготовлена для повторного использования. Обращает внимание отсутствие на площадке каменных молотов и наковален, которые часто находят возле средневековых печей на ангарских берегах (Мандрыка, Князева, 2011). Можно предположить, что эти орудия были перенесены на другие производственные площадки, устроенные на краю террасы за пределами раскопа.

Полученная после плавки крица и шлак вынимались сверху, после разбора верхней части горна. На это указывают отсутствие следов «выпуска» шлаков из печи (нет предгорновой ямы и шлаков, застывших в «стекающей» форме) и округло-угловатая форма кусков шлаков. Среди шлака был отмечен кусок спекшейся твердой массы, состоящий из металла, шлака, древесного угля, зерен песка и других вплавленных твердых частиц. Кусок имел форму линзы, как будто застыл в нижней части горшка с округлым дном. Возможно, этот кусок свидетельствует о приеме цементации в сосуде, где материалом для науглероживания стали служил древесный уголь. Такие куски достаточно часто попадают на металлургических площадках и требуют специального исследования.

Датировка итимиурской производственной площадки основывается на данных стратиграфии. Материалы, залегающие в дерне и под дерном, могут относиться к этнографической современности и позднему средневековью. Косвенным подтверждением такой даты выступают форма и конструкция горна. В известных опубликованных материалах, относящихся к раннему железному веку, раннему и развитому средневековью, металлургических горнов подобных представленному не отмечено. Печь с камерой в форме параллелепипеда из глины и без каменной обкладки несомненно продолжает традиции средневековых ангарских металлургов, которые строили свои горны в яме, обмазанной глиной и/или из камней, поставленных вдоль стен ямы и замазанных глиной. Мы допускаем, что представленный горн и металлургическая площадка может относиться к этнографическому времени, когда долина р. Муры была заселена тунгусами.

Список источников и литературы

Адамов А.А., Данилов П.Г. Археологические исследования стоянки Сержкино в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 471-474.

Амзараков П.Б., Ковалева О.В. Предварительные результаты исследования памятников стоянка Рожково и остров Сосновый в Кежемском районе Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 483-488.

Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Казакова Е.А., Дудко А.А. Исследование разновременной стоянки и неолитического могильника Усть-Зелинда-1 (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Т. XVIII. - Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2012. - С. 435-439.

Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 167-180.

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 506-509.

Кондратов Н.М. Железоплавильные горны комплекса Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: матер. LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археол. экспедиции(22-25 марта 2011 г.). – Красноярск, 2011. – С. 163-164.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. К вопросу о развитии металлургии железа у племен Северного Приангарья по материалам стоянки Пашина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. 1. – С. 390-393.

Мандрыка П.В., Князева Е.В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трасологический анализ // Вестник НГУ. - 2011. - Серия: История, филология. - Т. 10. - Вып. 3: Археология и этнография. – С. 155-162.

Мандрыка П.В., Титова Ю.А., Князева Е.В. Сенотрусова П.О. Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 31-42.

Окладников А.П. Отчет о раскопках, осуществленных Ангарской археологической экспедицией на Лесном острове. 1953 г. // Архив ИИФиФ. – 125 с.

Окладников А.П. Отчет об исследованиях на Сосновом и Лесных островах на Ангаре летом 1952 г. // Архив ИИФиФ. – 147 с.

Окладников А.П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ИИМК.Ф. 2.Оп. 1937.Д. 222 – 32 л.

Постнов А.В. Результаты полевых исследований стоянки Большая Пеленда // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 565-569.

Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мещерин М.Н., Фролов Я.В. Археологические работы на стоянках Игренькина Шивера и Колпаков ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.
– Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 575-582.

Д.А. Миягашев

Россия, Улан-Удэ, автономное учреждение «НПЦ охраны памятников»

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Abstract

The article presents research on migration processes in Central Asia during the paleometal-Hunnu period. Analysis of data on climate change and socio-economical processes concludes that these processes were the causes of migrations of people during the era of the origin of cattle-breeding and addition of the early nomadic states in Central Asia.

Проблема миграций всегда остается актуальной в исторической науке, так как перемещения больших масс людей затрагивали политические и экономические основы многих государств. В современной российской историографии термин «миграция» прочно вошел в профессиональную лексику археологов, однако в 1930-е гг. в условиях идеологической борьбы, в советской исторической науке ведущим направлением являлась теория стадиальности и автохтонизма, роль миграций в историческом процессе полностью отвергалась. Дальнейшее развитие исторической науки и методические разработки позволили перейти к изучению миграций наряду с другими процессами первобытной истории. Уже с конца 1950-х гг. миграции рассматриваются как сложное закономерное явление развития древних обществ (Формозов, 1959; Авербух, 1967).

Первые попытки теоретического осмысления миграций в первобытной археологии были предприняты Л.С. Клейном. Он определил миграции, наряду с обитанием, хранением и созданием, как один из четырех основных видов человеческой деятельности (Клейн, 1973; Клейн, 1978). Н.Я. Мерперт, исходя из уровня развития общества, охарактеризовал миграционные процессы, вызванные природными, экономическими и социально-экономическими причинами (1978). В.С. Титов больше внимания уделил проявлению смены антропологических типов, внешних свидетельств инвазии (пожары, клады и пр.) и выделил три модели миграций по взаимодействию пришлой и местной культур (1982). Е.Е. Кузьмина рассмотрела вопрос об отражении в археологическом материале миграций в различных хозяйственно-культурных зонах (1994). П.А. Косинцев также заложил в основу своей классификации территориальный принцип (1994). В современном археологическом словаре основным критерием классификации миграций является ее продолжительность во времени – длительные (заселение) и быстрые (собственно миграции) (Матюшин, 1994).

Значительные успехи были получены в ходе исследований, направленных на выявление причин миграций древнего населения. К.Н. Тихомиров, анализируя процессы переселения людей, разделил эти причины на две группы:

1. Естественного происхождения – природно-географические катаклизмы и климатические колебания.

2. Вызванные деятельностью человека – воздействие на природу, в том числе истощение природных ресурсов, воздействие человека на человека, в том числе в виде конфликта, в результате внутренних процессов (Тихомиров, 2007).

Изучение миграций эпохи бронзы на территории Южной Сибири, показали, что причинами миграций на этой территории были следующие факторы:

1. Экологический – климатические колебания.

2. Экономический – переход к скотоводческому хозяйству, главным образом, овцеводческой направленности, привел к подвижности древнего общества, которая была обусловлена необходимостью расширения пастбищных угодий. Освоение степных просторов способствовало оперативности культурных обменов и интеграционных процессов, став, таким образом, закономерностью развития древнего общества.

3. Демографический рост, эта причина вытекает из второй – развитие скотоводства, и выработка новых его форм приводит к росту населения, и в итоге, наступает момент, когда численность населения превышает естественную демографическую емкость ландшафта и вызывает необходимость расселения разрозненных групп.

4. Конфликты – миграции населения вызывают новые передвижки местного населения той территории, куда была направлена миграция (Миягашев, 2011).

Изучение культур эпохи бронзы Хакасско-Минусинской котловины показало, что здесь особо ярко прослеживаются несколько волн масштабных миграций населения. Афанасьевскую культуру сменяет окуневская, вслед за окуневской здесь распространяются памятники андроновской культуры, андроновское население сменяется карасукскими племенами. Все эти процессы происходили без каких либо переходных этапов, одна культура последовательно менялась другой, между ними не прослеживаются генетические связи.

Установлено, что смены культур эпохи бронзы Хакасско-Минусинской котловины происходили на фоне увлажнения и ариадизации климата. В среднем голоцене на этой территории отмечается аридизация климата на фоне общего похолодания, с чем и связана малочисленность неолитических памятников. В середине IV тысячелетия климат был жаркий и влажный (Боковенко, Килуновская, Красниенко и др., 2010) сюда активно проникает афанасьевское население, местное население было относительно малочисленным и не могло активно препятствовать вторжению афанасьевцев. Поэтому первичный контакт проходил мирно и фиксируется в появлении памятников типа Карасук VIII, где в едином комплексе была найдена керамика обеих культур (Соколова, 2007). К первой трети III тысячелетия проявляется фаза увлажнения на фоне выраженного похолодания. Увеличивается доля хвойных лесов и луговой растительности. Это приводит к расцвету древних обществ, ориентированных на скотоводческо-охотничий хозяйственный цикл. Л.А. Соколова связывает этот период с активизацией афанасьевско-окуневских контактов и расцветом культуры окуневцев (Там же). В последующий период (середина 3-го тысячелетия до н. э.) наступила аридизация климата. Сухой период подорвал основу окуневского продовольственного цикла. В этот период отмечается проникновение андроновцев в Минусинские (Там же).

Вероятно, миграции в бронзовом веке, регулировались не только экологическими и экономическими факторами, но и зависели от уровня развития общества. У населения скотоводческих племен бронзового века – афанасьевцев, андроновцев, карасукцев, отмечаются процессы расслоения общества по имущественному и социальному признаку, отражением чего является появление особо значимых курганов с захоронениями богатых, с высоким статусом людей (Киселев, 1951; Вадецкая, 1980; 1986; Цыб, 1984; Цыбиктаров, 2002). Климатические особенности Хакасско-Минусинской котловины напрямую оказывали влияние на их экономическое состояние, в благоприятные периоды возрастает мощь скотоводческих племен, увеличивается население, активизируются процессы социальной дифференциации. С усложнением общественной структуры, социум способен оказать сопротивление

пришлому населению – изгнать или ассимилировать. В то же время экономическая слабость, малочисленность и разобщенность населения приводят к тому, что их земли будут заняты более организованными соседями. Этот фактор и стал решающим в последующий период истории Центральноазиатского региона.

По данным климатологов примерно 2,8 тысяч лет назад устанавливается более влажный и относительно теплый климат, и в этот период отмечается высокая степень биопродуктивности степных и лесостепных экосистем региона, что способствовало расцвету кочевых обществ скифского типа. Глобальное увлажнение степей в начале 1-го тысячелетия до н. э. могло стимулировать переход к новым формам скотоводства в этом регионе и началу миграций древних кочевников на большие расстояния (Боковенко, Килуновская, Красниенко и др., 2010). Появление крупных курганов, таких как Аржан в Тыве, салбыкский курган в Хакасии, пазырыкские некрополи на Алтае, свидетельствует о сложной организации ранних кочевников, что позволило поставить вопрос о глубоко зашедших социальных процессах, в результате которых создавались государственные или протогосударственные образования (Мартынов, 1989).

Миграции в таких ситуациях, скорее всего, происходили по принципу инфильтрации, когда небольшое количество мигрантов начинало влиять на местную культуру, привнося изменения в материальную культуру, погребальную обрядность, до тех пор, пока увеличивающееся количество нового населения не изменяло качества прежнего культурного образования и не приводило к смене археологических культур.

В VII-V веках до н.э. на территории северного Китая и Внутренней Монголии отмечается отделение скотоводства от земледелия, что привело к сложению здесь кочевых скотоводческих племен. Результатом этого процесса стала консолидация этих племен в племенные союзы – юэчжей, усуней, канцзюй (кангюев), дунху, динлинов, цзянькунь (керкиров, кыргызов?), сэ (саков) и особенно сюнну, ставших олицетворением эпохального события во всемирной истории – «Великого переселения народов» (Кадырбаев, 2009). Миграции этого периода значительно отличаются от переселений бронзового века, в первую очередь тем, что факторами миграций начинают выступать политические события и сам процесс переселений имеет другой характер. Изучение климатических особенностей этого периода показало, что с начала 1 тысячелетия здесь сложились условия близкие к современным (VanGeel, Bokovenko, Vugova и др., 2005), а в китайских летописях отмечается, что с III в. до н.э. климат Северного Китая и Монголии существенно не менялся (Волков, 1967). То есть, климатические изменения уже не влияли на начало миграций.

Основным фактором миграций этого периода стало углубление процессов социальной дифференциации. В письменных источниках, отмечается глубокая имущественная и социальная дифференциация хуннского общества. Это также фиксируется на археологическом материале – иерархия погребений, различающихся по размерам надмогильных и внутримогильных конструкций, богатству погребального инвентаря элитных курганов (Царам, Гол-Мод, Ноин-Ул) (Данилов, 2008). Усиление хунну и начало завоевательных походов неизбежно привело к началу «Великого переселения народов».

Сыма Цянь в «Исторических записках» указал, что хуннский шаньюй Маодунь покорил на севере владения хуньюев, цюйшу, динлинов, гэгуней и синьли (Таскин, 1968). В 201 г. до н.э. хунну оттеснили динлинов Южной Сибири (археологические «тагарцы») в лесостепную зону, а на их земле хунну поселили тюркоязычную народность – гяньгуней с территории котловины Больших озер Центральной Азии (оз. Хиргис) (Кызласов, 2001).

На восточных рубежах хунну вели длительную борьбу с юэчжами, которых, в итоге они окончательно победили их в период между 174-165 годами до н.э., а в 160 и

158 годах до н.э. происходит переселение юэчжей в Семиречье и далее в Среднюю Азию, которое было вызвано наступлением усуней. Юэчжи, оттесненные на запад Центральной Азии, завладели землями в верховьях Аму-Дарьи и среднем течении Сыр-Дарьи (Кадырбаев, 2009). По другой версии, юэчжи вытесненные с Восточного Туркестана войсками хунну в 164 г. вынуждены были уйти на запад, они разгромили саков, часть которых ушла в Капису (долина Кабула), а другая осела на землях Дрангианы (бассейн реки Хильменд) (Там же).

Наконец, показательны события после распада Империи хунну и разделения их на северных и южных хунну. Северные хунну, гонимые объединенными войсками южных хунну и ханьцев, переселились в земли царя Канцзюя (Канга, Кангхи), располагавшиеся на берегах Средней Сыр-Дарьи (Там же).

Таким образом, миграции периода «Великого переселения», в отличие от миграций эпохи бронзы, можно классифицировать как вынужденные миграции, факторами таких миграций являлись военные давления, приводившие либо к насильственному переселению на другие территории, либо уходу населения от военной угрозы. Чаще всего они происходили стремительно, так что археологически они не прослеживаются. Этот тип миграций был характерен и в последующие периоды и отражены во многих письменных источниках.

Список источников и литературы

Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций – М.: Наука, 1967. – 208 с.

Боковенко Н.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В. и др. Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 114-122.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 177 с.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский курган у с. Восточного на Енисее // КСИА. – 1980. – № 161. – С. 101-107.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор, 1967. – 148 с.

Данилов С.В. Археологические культуры и кочевые империи Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир: матер. международной конф.– Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. - Кн. 3. – С. 252-270.

Кадырбаев К.Ш. «Великие переселения» с востока в Центр Азии: юэчжи, сюнну, канцзюй, усунь и их государства. III век до н.э. – V век н.э.(по материалам китайских династийных историй) // Иран-Наме. – 2009. - № 1(9). – С. 35-57.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.

Клейн Л.С. Археологические источники. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 120 с.

Клейн Л.С. Археологические признаки миграций // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973 г.): докл. советской делегации.– М., 1973.

Косинцев П.А. Миграции в древности: типология и классификация // Палеодемография и миграционные процессы на территории Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 9-13.

- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 176 с.
- Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации Итысячелетия до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 284-292.
- Матюшин Г.Н. Археологический словарь – М.: Просвещение; АО «Учеб.лит.», 1996. – 304 с.
- Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. – 1978. – № 3. – С. 9-28.
- Миягашев Д.А. Миграции в древней истории Хакасии: историография исследований: автореф. дис. ...канд.ист.наук. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 25 с.
- Соколова Л.А. Закономерности и характер миграций в Минусинской котловине // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культуругенез. – СПб, 2007. – С. 128-139.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М.: Наука, 1968. – 177 с.
- Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. – М.: Наука, 1982. – С. 89-145.
- Тихомиров К.Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири (эпоха бронзы – средневековье): Трансформации культуры и социокультурная адаптация населения. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – 148 с.
- Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 129 с.
- Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис.... канд. ист. наук – Кемерово, 1984. – 19 с.
- Цыбиктаров А.Д. Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. – С. 56-64.
- В. Van Geel, N.A. Vokovenko, N.D. Burova et. al. Climate change and sudden expansion on the scythian culture after 850 b.c. // Археология южной Сибири: идеи, методы, открытия. К 100-летию С.В. Киселева. – Красноярск: КГПУ, 2005. – С. 67-68.

П.В. Мороз¹, Г.А. Юргенсон²

Россия, Чита, ¹Забайкальский государственный университет,

²Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

ПАЛЕОВУЛКАНЫ КАК ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Abstract

It is well known that the study of raw materials have yielded new information on interrelations between Paleolithic human communities and surrounding paleoenvironments in the last 30 years. In the former Soviet Union, such mineralogical and petrographic studies have been organized much less extensively than in Europe and the U.S. At present time, some successful Paleolithic raw material studies have been already performed for some European Russian Paleolithic materials and Paleolithic materials in the Altai region. Some very special raw material studies have been also been done on Ural mountain region flint and jasper materials and on Far East obsidian data. This article focuses on the relationship between raw materials are applied by the ancient inhabitants of Transbaikalia and paleovolcanoes - as his sources.

Состояние проблемы

Свойства каменного сырья, использованного древним человеком для производства орудий, интересуют археологов уже длительное время. Этот интерес связан с тем, что они во многом являются основой понимания технологии расщепления камня. Но лишь к концу XX века более тесная интеграция палеолитоведения с естественными науками привела к появлению отдельного направления – петроархеологии.

В рамках археологических исследований вопросам, связанным с характером сырья, применявшегося для производства каменных орудий, стали уделять особое внимание с 70-х годов XX века. С углублённого типологического изучения каменных артефактов акценты были смещены на изучение взаимодействия между древними коллективами и окружающей средой. Особенностью сырьевой базы Европы является наличие значительных запасов кремней различного генезиса – сырья, обладающего высокими петрофизическими характеристиками. Поэтому большинство палеолитических коллекций с памятников Западной и Центральной Европы представлено именно кремневыми артефактами, а понятия кремль и артефакт в описаниях каменного инвентаря являются синонимичными (Миллер). В европейской части Евразийского континента, где широко развиты стяжения кремней в верхнемезозойских мелководных карбонатных породах, наибольшим потреблением пользовался, безусловно, кремль. Наряду с ним применялся и халцедон, развитый в вулканогенных образованиях на территории современной Германии (например, Идар-Оберштейн), Богемии, Румынии. Сравнительный анализ состава и свойств кремней Русской равнины и Украины, проведенный авторами (Юргенсон, Гирия, Мороз, 2012), выявил типохимические свойства кремней таких памятников как, Костёнки, Валуйки и других, и позволил высказать обоснованные предположения об их источниках. Известно, что источниками сырья для индустрий древних поселений Кавказа были вулканические постройки. Здесь использовались высокотехнологичные обсидианы, халцедоны и фельзиты.

В Азии наблюдается несколько иная картина. Помимо кремня для производства каменных орудий в различных по возрасту индустриях применялось большое количество минералов и горных пород, но предпочтения, безусловно, отдавались материалам с высоким содержанием кремнезёма.

Ответы на вопросы о количественном и качественном составе сырья в коллекции памятника, а также о координатах источников его происхождения выводят археологов на принципиально новый уровень исследований, так как связывают и цементируют основные археологические методы воедино. Роль сырья чрезвычайно велика, так как именно оно во многом определяет: а) выбор и характер технологии расщепления; б) морфологические характеристики и размеры орудий и заготовок, в) выбор видов минерального сырья для производства конкретных типов орудий. Это ориентирует исследования на важную параллель: сырьё–технология–орудие (Мороз, 2008), что не было доступно традиционным археологическим методикам. Кроме того, картирование источников сырья позволяет поднимать вопрос о мобильности и вариантах адаптации древнего населения. В сочетании с традиционными археологическими методами это дало важные результаты, которые были представлены в многочисленных исследованиях по данной тематике (Demars, 1982; Miller, 2001; Sieveking, Newcomer, 1983; Dibble, 1985, 1991).

Несмотря на то, что в последнее время наблюдается существенный рост интереса к проблемам взаимосвязи сырья и облика каменных индустрий, комплексные работы по данному направлению в России, по сравнению с зарубежными странами, остаются пока не столь многочисленными. Одним из первых кто высказал идеи о необходимости

совместной работы археологов и геологов в России в вопросе изучения каменного сырья был академик А.Е. Ферсман, но они, к сожалению, не получили широкого отклика среди археологов. В отечественной археологии разработка «сырьевой» проблематики в середине и конце XX в., как правило, сводилась к визуальным определениям ограниченной выборки предметов из коллекции. Отдельные исследования, проводившиеся на территории Европейской части страны (Петрунь, 1961, 1971) не могли существенно исправить ситуацию ввиду отсутствия системного характера, в то время как археологам не хватало естественнонаучного образования для ведения работ по определению минералов и горных пород самостоятельно.

В Сибири и на Дальнем Востоке системные работы в этом направлении стали проводиться лишь в конце XX века. Одним из первых комплексных «сырьевых» проектов в отечественной археологии палеолита стала работа новосибирских археологов на территории Алтая в бассейнах рр. Ануй и Каракол (Постнов и др., 2000). Остальные исследования в основном посвящены отдельным видам сырья, таким как обсидиан (Крупянка, Табарев, 1996; Кузьмин, Попов, 2000; Crossingthestrains..., 2010), кремню и яшме (Мосин, Никольский, 2008), а также нефриту и экзотическим горным породам, применявшимся человеком для расщепления (Ветров и др., 2000).

В Забайкалье изучение сырьевой составляющей каменных индустрий проводятся с 2005 года (Юргенсон, Мороз, 2006; Мороз, Юргенсон, 2011). В результате применения данного методологического подхода к финальнопалеолитическим индустриям Усть-Мензинского археологического комплекса удалось получить результаты, существенно скорректировавшие видение развития каменных индустрий финала палеолита на территории региона. Важнейшим материалом для индустрий палеолита в Забайкалье являлись три наиболее распространенные разновидности скрытокристаллических и тонокозернистых разновидностей агрегатов индивидов кварца: халцедон, кремль и яшма.

Факторы размещения мастерских на территории Забайкалья

Наиболее известные мастерские каменного века в Забайкальском крае расположены непосредственно в черте г. Чита на склонах палеовулкана, больше известного как Титовская сопка. Они связаны с именем академика А.П. Окладникова. 19 сентября 1950 года он прочитал лекцию в стенах исторического факультета Читинского педагогического института и, осмотрев склоны Титовской сопки, открыл стоянку с подъемным материалом (М.В. Константинов, устное сообщение), а в 1952 - первую мастерскую. В 1958 и 1965 годах на этом объекте производились раскопки, в том числе с участием известного петербургского археолога, С.Н. Астахова. К исследованию этого уникального объекта имеют отношение и забайкальские археологи, прежде всего И. И. Кириллов, проводивший раскопки на мастерской в 1969 году. Всего на Титовской сопке известны 3 мастерские каменного века (Окладников, Кириллов, 1980), последняя из которых открыта в 1977 году А.И. Лыцусем.

Примечательно место расположения мастерских. Традиционно подобные памятники располагаются вблизи или непосредственно на выходах того или иного каменного сырья, которое обладает необходимым набором петрофизических свойств, необходимых для расщепления с целью изготовления каменных орудий.

Особенностью вулканических горных пород, слагающих Титовскую сопку, является полное отсутствие их миндалекаменных разновидностей, являющихся источниками упомянутых выше трёх наиболее важных видов сырья: халцедона, кремней и яшм. Это обусловлено специфическим петрохимическим составом лав, сформировавших палеовулкан. Лавы явно недосыщены кремнеземом, главным компонентом этих трех камней. Титовский палеовулкан сложен переслаивающимися лавами, пересыщенными

щелочными элементами (калием и натрием): андезибазальтами, андезитами, андезитацитами, дацитами и трахитами. Вулкан достаточно сильно эродирован и его верхние части, в которых, судя по находкам среди галек аллювиальных отложений р. Ингода окатанных фрагментов халцедоновых миндалин и яшм, содержали их.

Об интенсивной эродированности широко распространенных в окрестностях Читы миндалекаменных пород однозначно свидетельствуют также находки фрагментов халцедоновых миндалин на поверхности Батарейной сопки, сложенной гранитами.

Ко времени появления человека на террасе Ингоды и склонах палеовулкана верхние его части были уже сэродированы. Поэтому, частью, довольствуясь тем сырьем, которое ему удавалось найти среди аллювия, он вынужден был искать его на склонах вулкана среди слагающих его горных пород. Массивные, плотные андезидациты оказались достаточно технологичными и на их выходах были основаны мастерские для его добычи и обработки.

Но, вероятно, причиной длительного пребывания человека на живописных склонах Титовского палеовулкана было не только вполне пригодное, и в достаточном количестве, минеральное сырье. Не менее важным фактором была рыбная горная река с прекрасной чистой водой. Роль водного фактора для прогноза и поисков стоянок древнего человека специально рассмотрена в работе Ф.И. Еникеева (Еникеев, 2007), который выявил его в процессе гидрогеологической съемки территории Южной Якутии и Восточного Забайкалья.

В пределах Забайкалья наиболее перспективными источниками каменного сырья, вероятно, являлись: а) россыпи халцедона и яшм на выходах миндалекаменных вулканогенных горных пород, б) речные галечники, которые предоставляли собою сырьё в отпрепарированном виде, в) сами палеовулканы. Именно с последними и связаны наиболее показательные мастерские.

Учитывая специфическую сырьевую ориентацию обитателей каменного века Забайкалья (Мороз, 2008; Мороз, Юргенсон, 2010), со времени 18-20 тыс. л. н. для человека, как сказано выше, наибольший интерес представляли халцедон, кремль и яшма, генетически связанные с мезозойским вулканизмом.

Территории распространения палеовулканов имеют чёткие связи с зонами проявления рифтогенного вулканизма, сопровождавшего формирование протяженных впадин забайкальского типа, являющихся главными вместилищами долин крупнейших речных артерий региона. Ингода, Онон, Нерча, Аргунь трассируют соответствующие зоны тектонической активности и со своими притоками создают верхнюю часть бассейна Амура. Хилок, Чикой и Уда, являясь правыми притоками Селенги, питают Байкал. Мезозойский вулканизм проявлен везде, но он наиболее интенсивен и четко проявлен в формах рельефа в приразломных ареалах вулканической деятельности в зонах заложения водных артерий Верхнего Приамурья (Юргенсон, 2001).

В процессе геолого-съёмочных работ геологами обнаружено довольно большое число подъемного материала в полях развития вулканических построек в долинах Онона, Ингоды, Аргуни и их притоков, а также по берегам Торейских озер и прилегающих территорий. Из этих фактов закономерно вытекает возможность поиска археологических памятников, и, прежде всего, мастерских, каменного века (Рис. 1).

Анализ минералого-петрографического состава артефактов, показывает, что человек каменного века прекрасно ориентировался в пространстве и легко обнаруживал палеовулканы, дававшие ему каменное сырье, находившееся по соседству с водой и другими природными ресурсами. Здесь он и устраивал мастерские для его переработки. Следовательно, в Забайкалье мезозойские палеовулканы являются потенциальным репером для поиска мастерских и стоянок поздней поры верхнего – финального палеолита.

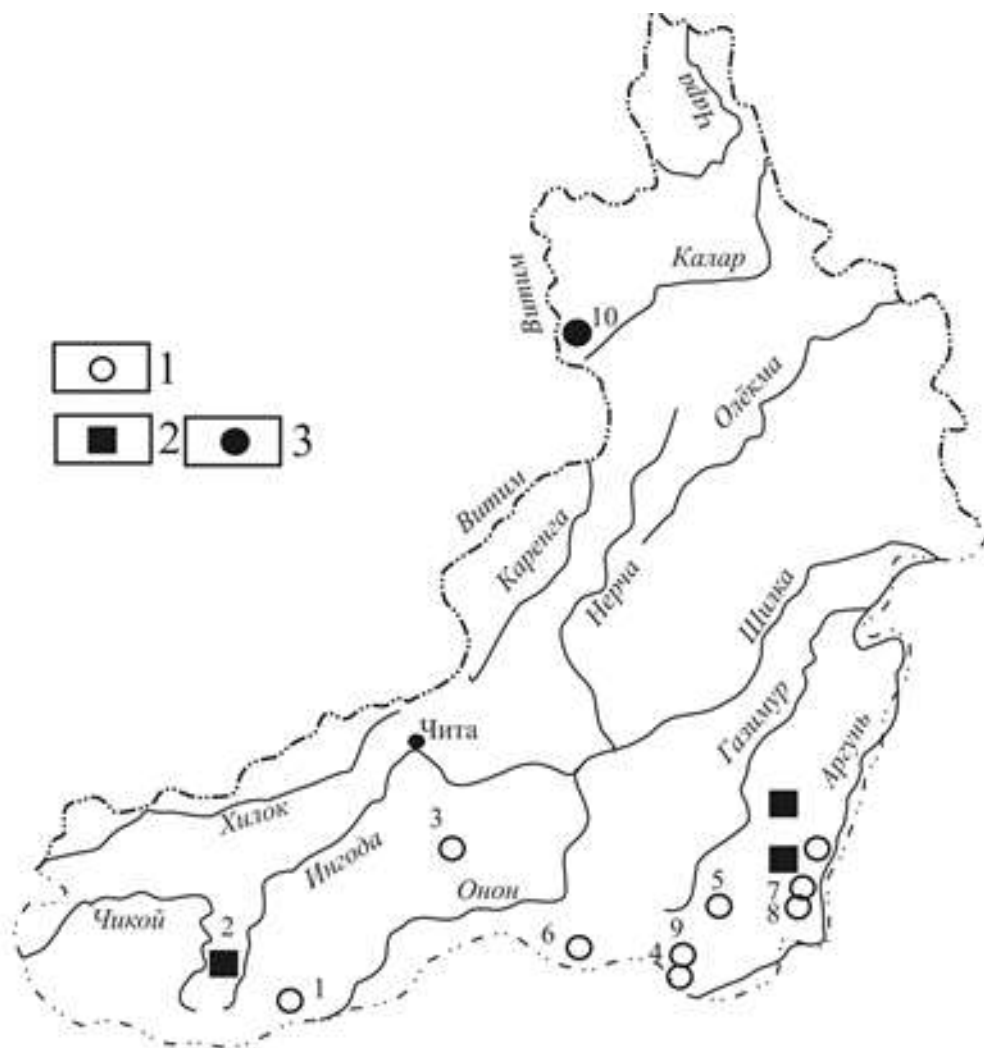

Рис.1. Расположение известных и предполагаемых мастерских

Условные обозначения: 1 - агат, 2 - яшма, 3 - огненный опал. Цифрами на карте обозначены месторождения и проявления: 1 - Шивыченское; 2 - Верхне-Ингодинское; 3 - проявления бассейна Хойто-Аги; 4 - Нагаданское; 5 - Мулина Гора; 6 - Торейские озёра; 7 - Агатная Сопка; 8 - Зарголское; 9 - Билютуйское; 10 – Витимское

Список источников и литературы

Ветров В.М., Инешин, Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского бассейна // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. – Иркутск, 2000. - Вып. 2. – Ч. 1. – С. 98-116.

Еникеев Ф.И. Палеоэкология и прогноз пространственного размещения стоянок каменного века в Южной Якутии и Забайкалье // Северная Азия в антропогенез: Человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М.М. Герасимова. – Иркутск, 2007. - Т.1. – С. 52-53.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Сырьевая база каменной индустрии: комплекс археологических и геологических данных // Поздний палеолит - ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. - Владивосток: Дальпресс, 1996. - С.149-154.

Кузьмин Я.В., Попов В.К., Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты.- Владивосток: ДВГИ ДВО РАН, 2000. – 168 с.

Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района):автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2008. – 22 с.

Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Минералы и горные породы – материал орудий в каменном веке Забайкалья // Минералогия техногенеза – 2010. – Миасс: УрО РАН, 2010. – С. 182-196.

Мосин, В.С., Никольский, В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 196 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Петрунь В.Ф. Полезные ископаемые дометаллического периода развития человеческого общества // Сб. науч. тр.– Кривой рог: Криворожский горно-руд. ин-т. - 1961. - Вып. XI. – С. 66-80.

Петрунь, В.Ф. К петрографической характеристике материала каменных орудий палеолита // Палеолит и неолит СССР. – Л., 1971. – С. 282-297.- (МИА. – Вып. 173; т.6.).

Постнов, А. В., Анойкин, А. А. Кулик, Н.А. Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 18 – 30.

Юргенсон Г.А. Ювелирные и поделочные камни Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 390 с.

Юргенсон Г.А., Гиря Е.Ю., Мороз П.В. Кремнёвое сырьё Костёнок и кремни Русской равнины (опыт сравнения) // Stratoplus.– 2012. - №1. - С.179 – 192.

Юргенсон Г.А., Мороз П.В. Технологическая археоминерация как методический подход к изучению каменных индустрий (на примере Усть-Мензинского археологического комплекса) // Вестник ЧитГУ. – 2011.- № 5(72). – С. 109-115.

Юргенсон, Г.А., Мороз, П.В. О технологической археоминерации // Теория, история, философия и практика минералогии: матер. международного минералогического семинара (Сыктывкар, Республика Коми, 17-20 мая 2006 г.). – Сыктывкар: Изд-во Геопринт, 2006. – С.89-90.

Crossing the straits: prehistoric obsidian source exploitation in the North Pacific Rim. - Oxford: Archaeopress, 2010. – 227 p.

Demars P.Y. L`utilization du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation // Cahiers du Quaternaire. - N 5. – 1982. – 253 p.

Dibble H.L. Local raw material exploitation and its effects on Lower and Middle Palaeolithic assemblage variability // Raw Material Economies Among Prehistoric Hunter-Gatherers. – Lawrence: University of Kansas Publications in Anthropology, 1991. – N 19. – P. 33–46.

Dibble H.L. Raw material variation in Levallois flake manufacture // Current Anthropology. – 1985. – N 26 – P. 391–393.

Miller R. Lithic resource management during the Belgian Early Upper Paleolithic: effects of variable raw material context on lithic economy.–Liège: ERAUL, 2001. – 220 p.

Sieveking G. Newcomer, M.H. The human uses of flint and chert // Proceedings of the Fourth International Flint Symposium, held at Brighton Polytechnic(10-15 April 1983). Cambridge: CambridgeUniversityPress. – 1983. - 263 p.

U. Odgaard

Denmark, Sila – Arctic Centre, National Museum of Denmark

REINDEER – RIGHTS AND ETHICS IN GREENLAND

Аннотация

Данная статья, основанная на данных полевых археологических работ во внутренней части западной Гренландии, посвящена законодательству в сфере охоты, этике охоты и восприятию пейзажа. Предмет дискуссии составляют модели расселения, анализ костей, этноархеологические наблюдения и интервью с современными охотниками.

Most of Greenland is covered by inland ice with a rather narrow strip of ice-free land around it. There are, however, a few areas in Greenland where it is possible to travel a couple of hundred kilometers 'inland'. In these areas, close to the inland ice, the reindeer prefer to calve and to stay during the summer. The Greenland reindeer (*Rangifer tarandus groenlandicus*) is also called «caribou» and belongs to the North American stock of the species. It was never domesticated, and is generally slightly bigger than the Eurasian reindeer.

Archaeological surveys in West Greenland's inland, in areas which at a first glance look like wilderness, have revealed that these are truly cultural landscapes with many traces of previous caribou hunting. During millennia people have been reindeer hunting in this area, and the archaeological structures – due to excellent natural conservation conditions – are in many cases still visible on the surface (Odgaard 2007a; 2007b). The oldest finds date back to the first people in Greenland, the Paleo-Eskimos, who was a Stone Age people, rooted in the Neolithic cultures of North-Eastern Siberia, entering Greenland around 2500 BC. The remaining traces are tent-rings, reflecting a truly nomadic hunting lifestyle, including reindeer hunting. The Paleo-Eskimos were not genetically, directly related to the later Inuit culture, and it seems that they had left Greenland, except for the Thule-area in Northern Greenland, when the people of the Thule culture arrived.

The direct ancestors of the modern Greenlanders – the Thule culture - was an Inuit hunting culture that had its origin in Alaska from where it spread eastwards and reached Northern Greenland around 1200 AD. During the following three centuries this expansive culture, using big skin boats, kayaks and dog sledges, colonized most of Greenland, which was then occupied only by the Norse in the south-westernmost part of the country. From the Thule culture sod-house fundamentals and tent-rings are the archaeological traces of the winter and summer dwellings, reflecting the annual cycle (Prehistory of Greenland).

The archaeological surveys can be supplemented with historical sources from the 18th, 19th and 20th centuries. The people of the historical Thule culture lived at different settlements on the coast for most of the year, but used to make an annual journey into the fjords in kayaks and umiaks (skinboats) and by foot to get to the inland areas to spend the summer hunting reindeer. They dried most of the meat for storing, and the skins were used for clothes such as coats, trousers, stockings and kamiks (boots) and for bed skins. From the antlers arrowheads, harpoon heads and foreshafts of lances and harpoons were made (Grønnow et al. 1983; Grønnow 1986). Among the historical sources are water colors and descriptions of how families from all over West Greenland would travel great distances by skin boats and walk many kilometers (sometimes around 100) to reach their camps and stay there for the summer. At these family camps we find traces of dwelling structures from the Thule culture as low walls of turf and/or rocks – the so called tent-houses. On top of these were tent covers of skin, which were in historical times often substituted with lighter covers of canvas.

Hunting rights

At the ancient camp sites there are often many (up to 20) tent houses at one site, and they exhibit great variation in size and shape. Some are small (less than 2 x 2 m) and have a rounded outline, while others are bigger (up to 4 x 4 m) and some have a square form. Inside the tent house is usually only one room with a low “sleeping platform” at the rear end, and usually also an indoor or outdoor niche for the fireplace. The basic question is, whether these houses were all in use at the same time – for example by people from different places, with different tent traditions - or whether the different houses were used at different ages. Or in other words: were there many people using the same site at the same time, exploring the same hunting grounds, or were they only a few? We only have very few 14C datings from the houses, and the questions about their age and duration of use could only be answered through extensive archaeological excavations, which is not possible at the moment.

However, the ethno-archaeological and anthropological studies in a camp of modern hunters at Angujaartorfik in the Søndre Strømfjord has been crucial for understanding aspects of former hunting strategies, including settlement and landscape organization.

In Greenland there is and was no ownership of land, and according to modern law everybody can hunt where they wish. There is however another – probably ancient – principle of family privilege. In Angujaartorfik, there is a long and well-known tradition for caribou hunting. The modern hunters, whose families have been coming here through generations; have a form of prescriptive rights to specific tent-houses. Further, to the use of specific tent-houses is connected the right to specific hunting grounds.

This new insight has provided a tool for understanding how territorial organisation was practised in prehistory. In the ancient camp sites, the tent houses at each site are usually of several different types. But often two of each type is found at the same site. This pattern, in combination with inspiration from studies in the camp of modern caribou hunters, suggests that usually only one family of two generations/households was living in each camp (Odgaard 2009). This pattern reflects a territorial system, build on the prescriptive rights. Within this old system, you cannot inherit the rights to a hunting ground, but you can “earn” it by participation (Petersen 1963). The young generation had to participate in the hunt, and when they grew up and created their own household, they would build their own tent house. The low walls of the tent houses are permanent constructions that do not disappear as easily as for example a tent ring of only loose rocks and it is today – as probably also earlier – a kind of territorial marker of the camp and the hunting grounds. Other hunters will understand that the owners of the tent houses have first right to the hunt.

Contemporary Greenlandic hunting regulations are very inclusive and according to them, you can go hunting everywhere, except from in protected areas. Today many people, who do not participate in the traditional caribou hunting, take a weekend off and go hunting for an animal or two for the freezer, and many are not even aware of the ancient prescriptive rights. But despite the fact that today hunters of both “views” go hunting in the same areas, and it is becoming still more difficult to find the animals, it does not seem to create conflicts. To understand this apparent contradiction it is important to realize that these views are not necessarily opposing, when it comes to the basic perceptions. Even though only very few modern Greenlandic reindeer hunters today are full time hunters, they live in a hunting tradition, corresponding to Barnard’s “recent foragers” (Barnard 2002:6) and according to his theory they succumb to an ideology of “sharing” as opposed to “accumulation” (ibid). Further, foragers and recent foragers have “universal” systems of kin classification and they do not distinguish between kin and non-kin (ibid. 11). This could explain, why – as in the example of Angujaartorfik – even though prescriptive rights to camp sites are also today

reaffirmed - the main ideology of sharing is so basic to the hunters that also new and foreign hunters are generally accepted within “the society”.

Hunting ethics

Another apparent contradiction is about hunting ethics. Greenlandic hunters have been accused of overhunting and destroying nature (Hansen 2001). We, however, got a totally different impression in the modern hunting camp in Angujaartorfik. Here an elderly woman demonstrated the so called traditional «nothing is wasted» ideal, where every piece of the animal is used. This practice requires knowledge and expertise and leaves only clean, splintered bones. Studies of reindeer bone waste at some of the ancient sites suggest that the game was treated in an equivalent way. We believe that this practise of treating the animal is an original, traditional skill, handed down through generations.

On the other hand – again following Barnard’s (2002) model of foragers’ mode of thought - the backgrounds for using it now and in the past, are probably based on totally different perceptions of the environment.

Although today only few hunters actually use every part of the animal, like demonstrated by the elderly woman, the ideal of nothing is wasted is an expression of modern hunting ethics. The idea that nothing should be wasted is very much in accordance with the Western

Fig. 1. In the camp in Angujaartorfik, August 2012

regulation and conservation perspective on nature, as also expressed in modern Greenlandic hunting regulations.

But this view is opposed to the forager perspective of “the giving environment” (Barnard 2001) as a parent or ancestor (Bird-David 1990), which, following this theory, also prehistoric and historic reindeer hunters of Greenland shared. This perspective implies a trust that needs will be provided for. Recurring ups and downs in the provision are expected, and in some situations it is necessary to invest care, respect and ritual attention to keep the relationship close and binding. Therefore, they feel free to use whatever resources are afforded by the natural environment (Bird-David 1990:39).

This would explain the apparent contradiction between the “nothing is wasted” bone pattern at most of the ancient sites and a totally different pattern with piles of untreated bones at other sites (Pasda & Odgaard 2011). Further “bone-cashes” can be the result of special ritual treatment. Probably different needs and strategies lie behind these different patterns at the ancient sites, but they are at the same time, expressions of a perception of the environment as «giving».

At the modern camp, however, the «nothing is wasted» pattern is an ideal and hunting ethic in line with a Western view of human conservation and regulation of nature, and it seems that there is a real contradiction between this ethics and “overhunting” at the same time. On the other hand, following Barnard (2002), since the older representatives still

remember the foraging lifestyle, the society share values of recent foragers. Therefore the contradiction is between the hunting regulations and the hunting tradition in Greenland. Today the modern hunters seem to be performing the difficult – if not impossible - task of balancing the two perceptions.

References

Barnard, A. The Foraging Mode of Thought // Steward, H., Barnard, A. and Omura K. Self and Other-Images of Hunter-Gatherers. *Senri Ethnological Studies*.- Osaka, 2002. - No. 60. - P. 1-24.

Bird-David, N. The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-Hunters // *Current Anthropology*. - 1990. - Vol. 31. - No. 2.- P. 189-196.

Grønnow, B. Archaeological investigations of West Greenland caribou hunting // *Arctic Anthropology*.- 1986. - Vol. 23. - Nos. 1 & 2. - P. 57-80.

Grønnow, B., Meldgaard, M. and Nielsen, J. B. Aasivissuit: The Great Summer Camp. Archaeological, Ethnographical and Zooarchaeological Studies of a Caribou-Hunting Site in West Greenland. *Meddelelser om Grønland, Man and Society* 5, 1983. - 96 p.

Odgaard, U. Tent houses, Territories and Two Generations // Grønnow, B. (ed.) On the Track of the Thule Culture from Bering Strait to East Greenland. Proceedings of the SILA Conference «The Thule Culture – New Perspectives in Inuit Prehistory» Copenhagen, Oct. 26th-28th, 2006. Papers in Honour of Hans Christian Gulløv. 2009. – P. 185–199.

Odgaard, U. On the trail of the Caribou hunters: archaeological surveys in Western Greenland. In: Cummings, V and Johnston R. (eds) *Prehistoric Journeys*, Oxbow, 2007a. - P. 21-32.

Odgaard, U. Historic and Prehistoric Caribou Hunters in West Greenland //

Beyries, S. and Vaté, V. (eds.) Les civilisations du renne d’hier et d’aujourd’hui. Approches ethnohistoriques, archéologiques et anthropologiques, XXVIe Rencontres internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. 2007b. - P. 89-109.

Pasda, K. and Odgaard, U. Nothing is Wasted - The ideal «Nothing is wasted» and its divergence in past and present among caribou hunters in Greenland // *Quaternary International*. - 2011. -Vol. – 238. - Issues 1-2. - P. 35-43, Humans and Reindeer.

Petersen, R. Family Ownership in West Greenland. – *Folk* 5, 1963. - P. 269-281.

Prehistory of Greenland, available at: <http://natmus.dk/forskning-og-formidlingsafdelingen/etnografisk-samling/sila-arctic-centre/prehistory-of-greenland/> (entered 22.01.2013).

И.Ю. Понкратова

Россия, Магадан, Северо-восточный государственный университет

ТРАДИЦИОННАЯ ПОСУДА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Abstract

The peculiarities of the fauna and flora of Kamchatka had a strong influence on traditional dishes and ways of its manufacturing, functional diversity. In the stern climatic conditions of Kamchatka, containers for cooking and food storage, transportation had to be firm, light and hermetic.

Любой археологический или этнографический комплекс - это результат производственной деятельности определенного человеческого коллектива в конкретных временных и пространственных рамках. Посуда, изготовленная из

различных материалов, является наиболее представительной частью этого комплекса и отражает временной уровень, территориальное своеобразие, культурные традиции того общества, в котором производилась (Понкратова, 2005).

П-ов Камчатка от эпохи палеолита до палеометалла был территорией обитания носителей ряда археологических культур – предков сложившихся позднее этносов ительменов, коряков, эвенов, а затем – камчадалов. Изучение их истории началось с приходом первооткрывателей в 17 веке и продолжается по настоящий день. Основными источниками по изучению традиционной посуды населения Камчатки стали археологические и этнографические коллекции из фондов Северо-восточного государственного университета, Северо-восточного комплексного научно-исследовательского института, Камчатского объединенного краеведческого музея, Быстринского краеведческого музея (п.Эссо), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера), этнографические описания, оставленные нам В. И. Иохельсоном, С.П. Крашенинниковым, Г.В. Стеллером, Е.П. Орловой, С.Н. Стебницким и др., а также опубликованные данные Н.Н. Дикова, Т.М. Диковой, А.К.Пономаренко, И.Ю. Понкратовой.

Функционально всю посуду населения Камчатки можно разделить на кухонную, тарную, столовую, техническую.

Кухонная посуда. Известно, что и коряки, и ительмены особое предпочтение отдавали сырой пище - мороженому мясу и рыбе, костному мозгу, «сухой» (вяленой) рыбе и пр. (Иохельсон, 1997; Стеллер, 1999). Возможно, эта особенность явилась следствием того, что изготовление сосудов из глины хоть и имело место, но по ряду причин не было широко распространено на п-ове (Ponkratova, 2006). Для дробления костей, мороженого мяса служил «каменный прибор», состоявший из большой каменной плиты с гладкой ровной поверхностью и каменного пестика или молотка продолговатой формы (Иохельсон, 1997). Для термической обработки пищи использовались глиняные сосуды для приготовления пищи на огне и деревянные емкости, варка в которые происходила при помощи раскаленных камней (Крашенинников, 1994; Стеллер, 1999).

Наиболее древней глиняной посудой в регионе, вероятно, можно считать фрагменты керамики со стоянки Ушки-5 (Центральная Камчатка), найденными в 2009 году и датируемые около 3000 л.н. О древнем происхождении гончарства на Камчатке свидетельствуют и мифы коряков. Так, в одном из мифов рассказывается о девочке, которая ребенком была брошена в подземном царстве своим отцом Великим Вороном. Там она росла одна, ловила птиц и варила их в глиняном горшке, который нашла за очагом (Богораз, 1991).

На северо-восточном побережье Камчатки коряки в эпоху палеометалла пользовались глиняной посудой. При лепке сосудов использовали местные источники сырья, в основном органический отощитель в виде крупнорубленой травы в формовочной массе (Пономаренко, Понкратова, 2009).

На северо-западном побережье Камчатки обнаружены фрагменты керамических сосудов и целый сосуд. Их изготовление относится к VIII-XI векам, когда на Камчатке функционируют укрепленные поселения (городища) с большими жилищами (Кренке, 2002).

В центральной и южной части Камчатки с II тыс. н.э. до XVII века развивалась древнеительменная культура, в которой выделены среднекамчатский и южнокамчатский локальные варианты (Диков, 1979). В хозяйственно-бытовом комплексе среднекамчатской культуры нет глиняной посуды. В этнографических источниках также нет свидетельства гончарства у племен, проживавших в долине реки Камчатка. Отмечается, что камчатская посуда состояла из корыт, чаш, берестяных

корзин, в такой посуде варили мясо и рыбу при помощи раскаленных камней (Крашенинников, 1994). Археологически эти данные подтверждаются (Пономаренко, 2000).

На памятниках южнокамчатского (нальчевского) варианта обнаружены фрагменты глиняной посуды с внутренними ушками (Диков, 1979; Дикова, 1983; фонды СВКНИИ). Керамические сосуды типа «нейдзи» Т.М. Дикова считала одним из датирующих признаков археологических комплексов юга Камчатки (1983), верхняя граница которой относится к XVII веку. Появление на юге Камчатки сосудов с внутренними ушками считается результатом заимствований у айнов с соседних островов. Н.Н. Диков предполагал, что ительменам Южной Камчатки было нетрудно ввести изготовление айнской керамики, потому что до этого, судя по археологическим материалам, традиция изготовления посуды из глины у них вообще отсутствовала. Причем, удобная айнская посуда распространилась довольно быстро к северу по полуострову за Авачинскую губу, где по историческим свидетельствам еще в XVII веке обитали авачинские ительмены (Диков, 1979).

Т.М. Диковой были выделены морфологические и орнаментальные особенности керамики южнокамчатской культуры: крупный и средний размеры, открытое устье, плоское основание, внутренние ушки для подвешивания. Редко встречались сосуды с закрытым устьем, округлыми стенками и доньшком. У сосудов с плоским дном делались наклепные широкие дву-, трехзубые или полукруглые языки над каждым ушком (Дикова, 1983).

В целом, мы видим, что эпоха палеометалла – это время относительно широкого использования глиняной посуды в хозяйственно-бытовых комплексах п-ова Камчатка. Значительно увеличивается количество производимой посуды на прибрежных поселениях. Она становится более разнообразной по технико-технологическим позициям, по форме, функциональному назначению. Большую роль в этом сыграли природно-климатические условия, рост населения, культурные заимствования. Но в то же время, достигнув определенного – относительного расцвета, керамическое производство очень быстро исчезает на заключительном этапе эпохи палеометалла.

Особой популярностью у населения Камчатки пользовались деревянные емкости. Так, В.Г. Стеллер писал об ительменах, что «прежде, когда у них не было ни котлов, ни другой посуды, они клали рыбу в деревянное корыто, совершенно такое, из какого кормят свиней, заливали ее водою и варили при помощи раскаленных камней; после людей из того же корыта они кормили собак (1999).

Использовались специальные деревянные емкости в виде ступок, в которых «толкли одновременно сарану, кедровые орехи, кипрей, сладкую траву, ..., ягоды морошку, шикшу и бруснику и вообще все, что им нравилось, составляя из этой массы одно целое, варили ее затем в тюленьем, китовом или рыбьем жиру и полагали, что это варево превосходнейшее из всех угощений» (Там же; фонды БКМ).

Отдельную категорию кухонной посуды представляют ножи для разделки мяса и рыбы. В.И. Иохельсон упоминает о «древнем» костяном ноже, сделанном из челюсти белухи. Подобные ножи использовались только для разделки сельди, тогда как другая рыба разделывалась каменными ножами, а затем железными, которые появились на Камчатке с приходом русского населения.

Таким образом, анализ источников свидетельствует, что население Камчатки с древнейших времен использовало специальную посуду для приготовления пищи. Это были емкости - глиняные и деревянные котлы, специальные «каменные приборы» для дробления костей, каменные, костяные и в более поздний период – железные ножи. С приходом русских в XVII веке в обиход входит металлическая посуда. Хотя известно, что корякские кузнецы пытались изготавливать чайники из привозного листового

железа, которые не были прочными, быстро прогорали, проедались ржавчиной в течение одного сырого лета (Иохельсон, 1997).

Тарная посуда была необходима для упаковки, хранения и транспортировки продуктов питания и воды. Бадьи и ведра делали из крепкой нерпичьей кожи или дерева - осины или тополя. Бадьи были цилиндрической формы, к ним крепили петли, с широкой лямкой из тюленьей кожи, которая надевалась на лоб, и бадья поднималась на спину (Иохельсон, 1997; Орлова, 1999; фонды КОКМ, БКМ). Бадью использовали в разных целях: для переноски жидкости, на охоте за морским зверем она служила футляром для гарпунных наконечников, дома в ней держали тюлений жир. В деревянных или кожаных бадьях хранили ягоды. В них же выносили корм собакам. Небольшие деревянные ведра с крышкой для сбора ягод выдалбливали из дерева, как и большие бадьи для воды, но у них было два ольховых обода, крышка и ремень вместо ручки.

Для хранения и переноски сыпучих и жидких продуктов использовали плетеные сумки и мешки-корзинки (Иохельсон, 1997; Орлова, 1999; Стеллер, 1999). Материалом для их изготовления служили корни различных видов ивы, колосняк (или дикая рожь), трава кипрея, крапива, нитки из оленьих сухожилий, а позже привозной шпагат. Ивовые корни вымачивали в теплой воде для получения гибких белых прутьев. Крапиву и колосняк осенью срезали ножами и снопами приносили домой, потом сплетали косами и хранили в подвешенном виде в балаганах. Зимой из них делали нитки. Корячки зубами отделяли мягкие волокна от жестких стеблей крапивы, расколачивали их палкой, а затем скручивали. Плетение было 2-х видов – кольцевое и витое. Для орнаментации использовали окрашенные в красный и черный цвет нити (Иохельсон, 1997). Плетеные емкости часто были водонепроницаемыми и могли использоваться для переноски жидкостей. У индейцев Калифорнии известен способ приготовления горячей пищи при помощи раскаленных камней именно в плетеных корзинах (Фонды МАЭ).

Есть упоминание об использовании ительменами китового уса в качестве сырья для изготовления ведер. Круглое деревянное днище плотно огибалось китовым усом, который затем сшивался и образовывал стенки сосудов (Вдовин, 1973; Стеллер, 1999).

Для хранения мелких предметов коряки и ительмены использовали деревянные и берестяные коробочки (Иохельсон, 1997; Орлова, 1999; фонды КОКМ, БКМ). Это были большие прямоугольные коробки, в которых хранили ягоды, туески, чуманы и чукочи для сбора ягод, сараны, кемчиги и др. У камчадалов была такая берестяная посуда и большие прямоугольные коробки для хранения ягод и клубков ниток (Орлова, 1999).

Столовая посуда представлена деревянными тарелками и блюдами, подносами, деревянными и костяными ковшами, чашками из рога оленя и горного барана. Иохельсон писал, что коряки «похлебку едят глубокими большими черпаками, густую кашу – плоскими ложками». Костяные чайные ложки делают похожими на привозные металлические (Иохельсон, 1997). В.С. Вдовин считал, что «употребление ложек корякам в прежнее время было неизвестно». Для употребления жидкого бульона они пользовались чашками различных видов. Густое содержимое доставалось пальцами или маленькими, специально приспособленными для этой цели лопаточками. Затем появились ложки, изготовленные из дерева, рога дикого барана, кости, моржовых бивней; также куски подходящего металла обрабатывались в желательную форму молотком или сгибались зубами.

Крепкая ветвь оленьего рога с лопатообразным концом и несколькими отростками рога, загнутыми кверху, использовалась для вынимания из котла вареного мяса. Приспособление для вынимания рыбы делалось из дерева (Вдовин, 1973).

Чашки, изготовленные из рога горного барана, считались предметом роскоши. Такие кубки даже в позднейшее время ценились выше привозных железных и медных изделий. Известно использование питьевой трубки, сделанной из голенной части лебединой ноги, но такая трубка употреблялась исключительно в качестве меры предосторожности против заразной болезни (Там же: 122).

Техническую категорию посуды древнего населения Камчатки составляют светильники (или жирники), служившие в основном для освещения жилища (Иохельсон, 1997; Орлова, 1999). Жирники позволяли с максимумом экономии топлива (что чрезвычайно важно в долгие, снежные и холодные зимы) обогревать и освещать внутреннее пространство жилищ.

Таким образом, очевидно, что особое влияние на материальную культуру и в частности традиционную посуду народов Камчатки оказали природные условия. Суровая продолжительная зима, резкие изменения погоды – штормовые ветры, сильные снегопады и дожди, перепады давления и температуры оказали влияние на всю материальную культуру населения. В таких условиях для приготовления пищи необходима была специальная посуда. Животный мир Камчатки обеспечивал население самой разнообразной пищей, и для этого требовалась посуда, в которой можно было бы ее приготовить, хранить, транспортировать. Шкуры, кости, внутренности некоторых животных (морж, нерпа, олень и др.) служили сырьем и для изготовления посуды. Растительный мир Камчатки изобилует съедобными растениями (ягода, орехи, травы), для сбора, приготовления и хранения которых нужны были специальные емкости. В тоже время различные виды растений находили применение при изготовлении посуды (некоторые виды деревьев, кустарников, береста березы, травы типа осоковых, крапива и пр.).

Список источников и литературы

- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 222 с.
- Вдовин В.С. Очерки этнической истории коряков. – Л., 1973. – 303 с.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л., 1965. – 403 с.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 232 с.
- Иохельсон В.И. Коряки: Материальная культура и социальная организация. – СПб, 1997. – 238 с.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: в 2 т. – СПб, 1994. - Т. 1. – 439 с.
- Кренке Н.А. Археологические древности Коврана // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. – Петропавловск-Камчатский, 2002. – Вып. №12. – С.68-134.
- Орлова Е.П. Ительмены: Историко-этнографический очерк. – СПб, 1999. – 199 с.
- Понкротова И.Ю. Посуда в быту и хозяйстве древнего населения Чукотки // Вестник Северо-восточного научного центра Дальневосточного отделения РАН. – 2005. – №1. – С.85-95.
- Пономаренко А.П. Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 2000. – 312 с.
- Пономаренко А.К., Понкротова И.Ю. Керамика Северной Камчатки // Колымский гуманитарный альманах. – 2009. – Вып. 4. – С.3-13.
- Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. – СПб, 2000. – 236 с.
- Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. - Петропавловск-Камчатский, 1999. – 286 с.

Ponkratova I.Y. Pottery Industries in the North of the Russian Far East // Archaeology in Northeast Asia.- Eugene, Oregon: University of Oregon Anthropological Papers, 2006. – P. 129-158.

С.Д. Прокопец

*Россия, Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА НИКОЛАЕВСКОЕ I КАК МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА

Abstract

The paper presents new results of research of the settlement Nikolaevskoe I. An archaeological site is considered not only as a medieval settlement, but as a multi-layered archaeological site, which shows the various archaeological cultures from the Stone Age to the Middle Ages.

Николаевское I городище, находится недалеко от деревни Николаевка Михайловского района Приморского края. Оно датируется временем существования государства Бохай и относится к прямоугольным долинным городищам с одним оборонительным валом и рвом.

Первые археологические работы на городище были проведены в 70х годах прошлого века В.И. Болдиным. У юго-восточных ворот был заложен небольшой раскоп и одновременно проведена его инструментальная съемка. Археологический материал, собранный в ходе раскопок позволил исследователям датировать этот памятник VIII-X вв.

С 2010 года начался новый этап изучения памятника. Первоначально был снят его тахеометрический план (Рис. 1), который показал, что городище ориентировано на северо-запад, юго-восток имеет внутреннюю площадь 60785 кв. м, площадь по внешней стороне вала 74959 кв. м, продолжительность вала 1010 м. Внутренняя ширина варьируется от 177 до 223 м, внутренняя длина варьируется от 240 до 280 м. Средние размеры вала составляют: ширина по подножью 15 м; ширина по вершине 3 м; высота 3 м. На данный момент сохранилось трое ворот. По описанию предыдущих исследователей их было четверо, причем южные ворота имели Г-образный захаб. Сейчас на этом месте наблюдается только два небольших останца. По центру городища, по линии северо-запад юго-восток памятник разрушен проходящей через него дорогой «Николаевка-Отрадное». Общая площадь разрушения дорогой составляет 11640 кв. м. На территории городища долгое время находились огороды, что привело к довольно сильной запашки. Кроме того, в 40х годах прошлого века на нем находилась ферма. От фермы, на данный момент, остались большие камни – базы под деревянные строения. На западном углу вала находится несколько больших ям. По сообщению местных «старожил», во время гражданской войны на этом месте находился небольшой наблюдательный пост. При подходе к Николаевке вооруженных отрядов, дозорные, заметив их с этого поста, поджигали мост через р. Чука давая ее жителям знак и задерживая подход к деревне этих самых отрядов. Мост через реку среди местных жителей до сих пор зовется «горелым».

Сам памятник находится на небольшой естественной возвышенности, относительно р. Чука не более 5-8 м. Визуально она практически не видна, но при больших наводнениях является практически единственным местом в долине между р. Чука и р. Илистая, которое не затопляется водой. Относительно самого городища, вершина возвышенности приходится на южную сторону. Она представляет площадку,

площадью примерно 2,5 га, которая полностью занимает всю южную часть городища относительно периметра вала.

Именно на этой площадке были заложены два раскопа по единой оси запад-восток, на расстоянии друг от друга 140 м. Раскопы были расположены так, чтобы северная стенка раскопа 1 была на одной линии с бровкой раскопа 2.

Раскоп 1 (5x5 м) был заложен в нескольких метрах от вала городища. В ходе работ, несмотря на долгую перепашку городища, удалось зафиксировать четыре культурных слоя, первые два из которых несут следы нескольких перестроек. Обработка керамического материала показала наличие керамики пяти археологических культур: гос-во Бохай (698-926 гг.), мохэ (раннее средневековье), кроуновская (железный век), польцевская (ольгинская) (железный век) и зайсановская (неолит), что говорит о довольно частом использовании в древности этого места для проживания, от времен неолита до создания городища в средневековье. В самом раннем слое был зафиксирован небольшой котлован. Возможно угол жилища, на полу которого были обнаружены несколько развалов сосудов имеющих орнамент, характерный для зайсановской культуры. Выше котлована, на материке был найден фрагмент стенки горшка, относящегося к польцевской историко-культурной общности, а также небольшое количество обломков красноглиняной керамики. Этому слою предшествовал слой, гумусированного суглинка, на зачистке которого четко «читались» борозды – следы древней запашки. В одной из борозд был найден небольшой чугунный обломок сельскохозяйственного инструмента (лемеха?). При разборке этого слоя были найдены фрагменты лепной керамики, среди которой находилась ручка – пенек, характерная для кроуновского времени, а так же небольшое количество фрагментов сероглиняной керамики. Выше находился слой погребенного гумуса, на зачистке которого было обнаружено большое количество ям – следов древних строителей и перестроек. Этот слой можно отнести периоду, предшествующему времени создания городища, т.е. времени до появления вала. Слой был довольно насыщенным, что говорит о довольно продолжительном времени проживания и его наполнения. В нем было найдено большое количество сероглиняной керамики, морских и пресноводных ракушек, костей диких и домашних животных, среди которых большой процент занимают кости домашней свиньи. Также там присутствуют кости лошади, собаки, кабана, косули, оленя благородного, медведя гималайского и барсука. Несколько костей принадлежит птицам. Кроме того, были найдены: железное шило, костяное шило, костяная заготовка (шила?), железный вток, пять железных и один костяной наконечников стрелы, а так же заготовка костяного наконечника стрелы. Еще один костяной и два железных наконечника были найдены в слое мощной платформой, которая появилась на этом месте в период создания городища (т.е. постройки вала).

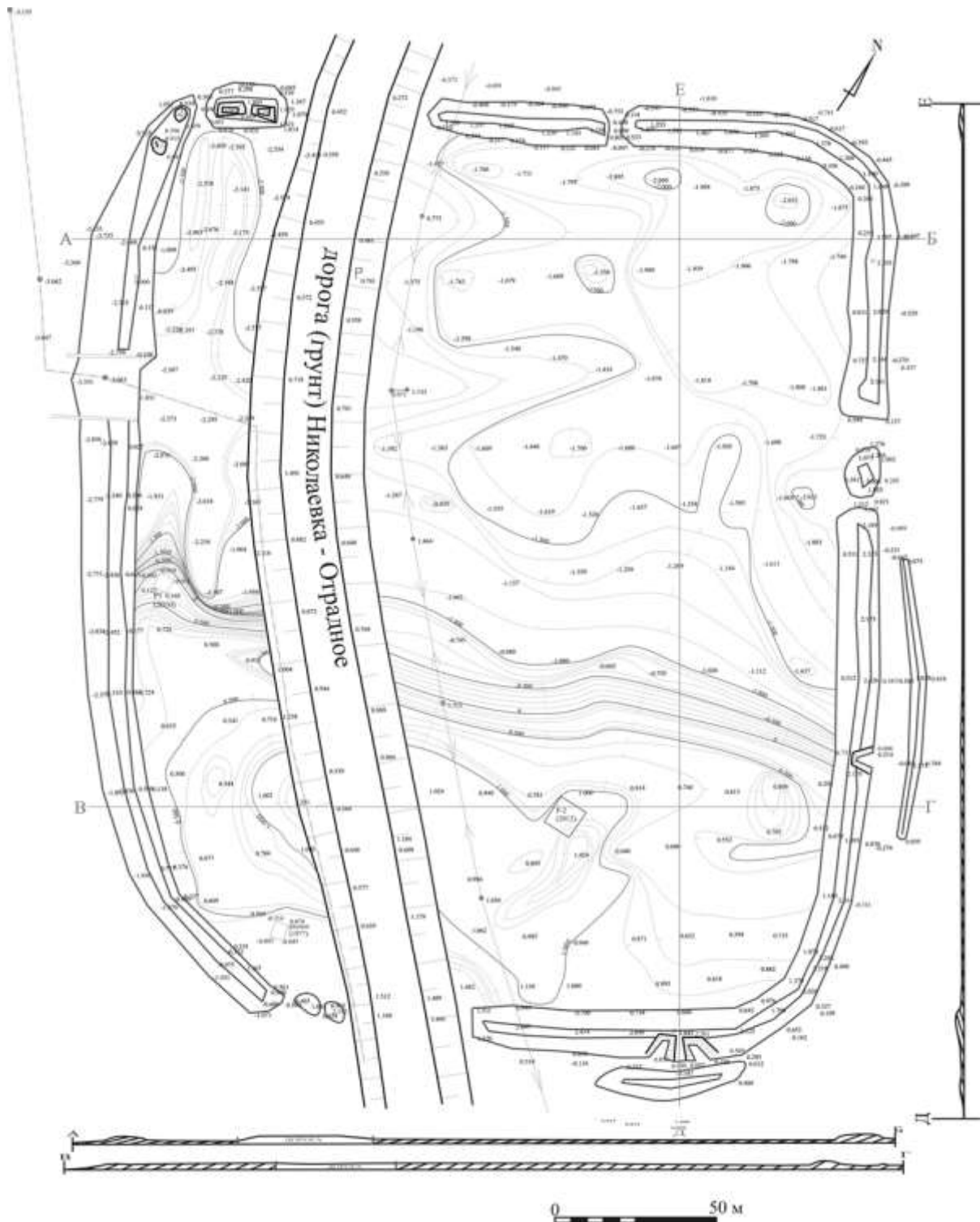

Рис. 1. Тахеометрический план Николаевского I городища.

По нашему предположению, эта каменная платформа, скорее всего, относится к фортификационной системе городища, и является одним из его элементов. В ходе создания такой мощной площадки, строители стремились забутовать наиболее крупными камнями все ямы предыдущих построек, что фиксируется археологически. В этом слое, среди камней постройки так же фиксируется большое количество костей животных и керамики.

Раскоп 2 (10x10 м). К настоящему времени на раскопе снято 4 пласта, в которых было найдено большое количество сероглиняной керамики и костей домашних

животных. На месте раскопа находились современные огороды, что сильно нарушило культурный слой. Но, все же, удалось установить, что основная масса костей и керамики находится в серой запесоченной супеси. Складывается впечатление, что во время существования городища, эта супесь служила своеобразным подсыпчным материалом, а битая керамика и кости домашних животных просто в нее подсыпались. Таким своеобразным способом происходила утилизация бытовых отходов. На раскопе I, ввиду того что он находился вблизи от вала, где требовался более мощный материал для подсыпки, а именно камни, то кости с битой керамикой подкидывались в них.

В северный и южный борта раскопа уходят каменные кладки, на одной из которых остался развал керамического сосуда. На данный момент сказать трудно, фрагментами какой конструкции являются эти каменные кладки. По предварительному предположению, эти кладки, а также некоторые ямы на зачистке 4го пласта, принадлежат времени существования городища.

Во время выборки пластов были найдены фрагменты сосудов бохайского облика (основное большинство), несколько фрагментов станковых сероглиняных сосудов со штамповым «вафельным» орнаментом (известна как «культура «вафельной» керамики» или «смольнинская культура». Относительно датируется постбохайским периодом). При выборке нижних слоев, а также некоторых ям, попадались фрагменты мохэских сосудов с прямым венчиком и налипным валиком под ним. Кроме того, были найдены некоторые элементы керамики не относящиеся к мохэ-бохайскому периоду, которым датируется городище – это керамика кроуновской культуры и польцевской историко-культурной общности («ольгинский» вариант).

Также, во время выборки пластов, были найдены: нефритовая бусина, железное долото, железный ключ, железный серп, гвозди, втульчатая стамеска, множество наконечников стрел, железные ножи, каменные оселки, костяной бочонок, костяная свистулька для наконечника стрелы, костяной инструмент типа шильца, множество фрагментов чугунного котла, а также фрагментов костяных заготовок и т.д. Среди индивидуальных керамических изделий стоит отметить кубик и игральную фишку, сделанную из обломка керамического сосуда. В этом месте также прослежено несколько культурных слоев. Так, например яма 2, принадлежащая слою с каменными кладками, «врезается» в более ранний – ольгинский слой. При его подчистке, во время выборки ямы, был найден развал характерного для этой культуры сосуда, а также каменное шлифованное тесло.

Как показали предварительные исследования, благодаря естественной возвышенности, не затапливаемой водой при наводнениях, на памятнике помимо самого городища находится еще несколько культур, относящихся к неолиту, железному веку и средневековью.

Николаевское I представляет огромный интерес, как для специалистов средневековой истории Дальнего Востока, так и более ранних эпох. В дальнейшем планируется изучать его не только как средневековое городище, но и как многослойный памятник.

A.M. Rautio

Sweden, Umeå, Swedish University of Agricultural Sciences.

UNDERSTANDING HISTORICAL SAMI LAND-USE PATTERNS BY STUDYING THE USE OF SCOTSPINE INNER-BARK AND ANGELICA ARCHANGELICA

Sami people in northern Fennoscandia have developed complex subsistence strategies to overcome a sharply seasonal climate. This includes a profound knowledge on available resources, storage practices and seasonal movements. The traditional Sami diet was primarily

meat and fish oriented, but wild plants also made an important contribution. In this talk I will focus on two of the most commonly used plant resources; inner bark from Scots pine (*Pinus sylvestris* L.) and wild Angelica (*Angelica archangelica*) to address past land-use practices.

The cambium of pine trees, also called inner bark, sap layer or cambial zone is a thin white layer just beneath the coarse outer bark. In spring-time the sap runs in the pine trees and the inner-bark peels off fairly easy and is said to be sweet tasting and to be of high nutritional value. The Samis harvested inner bark in a sustainable way, allowing the trees to survive. Today, several hundred years later, these cultural traces can still be observed in old pine trees in northernmost Sweden. By using dendrochronological techniques the bark-peeling scars can be dated and thereby function as a biological archive of past plant use.

Angelica archangelica, is a very large (more than 2 meters high in its fertile stage) biannual plant, naturally occurring in the entire Scandinavian mountain range on moist soils. It has an interesting two year life-cycle and the Samis used different parts of the plant as both food and medicine.

By presenting results from a large scale inventory of bark-peeled trees from northern Sweden I will discuss harvest strategies and mobility patterns of the local Sami community over a long time-period. Harvest experiments in the field of *Angelica archangelica* will further add dimensions of quantities harvested as well as implications for the plant community as a result of these practices.

Figure 1. A bark-peeled Scots pine tree, Västerbotten county northern Sweden.

The bark-peeling scar can be seen as a window in the tree trunk. The tree has tried to heal it's damage by producing large "healing lobes" around the scar. This bark-peeling is dated to the year 1802 using dendrochronological techniques.

Н.А. Рудая¹, Л.Б. Назарова², Д.К. Нургалиев³, О.В. Палагушкина⁴, Д.В. Папин⁵,
Л.А. Фролова⁶

¹Россия, Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, ^{3,4,6}Казань,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, ⁵Барнаул, Алтайский
государственный университет, ²Germany, Potsdam, Alfred Wegener Institute for Polar and
Marine Research, Research Unit Potsdam

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ КУЛУНДЫ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ: РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, КЛИМАТ И ЧЕЛОВЕК

Abstract

An environmental reconstruction of mid-late Holocene vegetation, climate and lake dynamics was inferred from pollen and diatom records of Lake Big Yarovoe in Kulunda, southern West Siberia.

Кулундинская депрессия, расположенная в южной части Западной Сибири, является важнейшим регионом, связывающим степи Центральной и лесостепи Северной Азии. Это отражается в многообразии памятников, принадлежащих различным археологическим культурам бронзового, железного и средних веков. Несмотря на актуальность палеоэкологических исследований Кулундинской степи и соседней Барабинской лесостепи существует только несколько датированных палеозаписей озерных и торфяных отложений (Левина и др., 1987; Климанов и др., 1987; Ненашева и др., 2006 и др.).

В статье предложена палеоэкологическая реконструкция природы Кулунды за последние 4.4 тыс. л., основанная на изучении донных отложений озера Большое Яровое палинологическим и диатомовым методами.

В 2008 г. в южной части оз. Б. Яровое (52°51.156' с.ш., 78°37.601' в.д.) с глубины 8 м получена 404-см колонка донных отложений. Малое содержание органики явилось серьезной проблемой для хронологии осадка, которая была решена с применением геомагнитных методов (см.: Rudaya et al., 2012).

На палинологический и диатомовый анализы отобрали 23 образца с интервалом 20 см. Для реконструкции типов растительности применяли метод биомизации (Prentice et al., 1996).

Результаты исследования представлены на рис. 1 и детально описаны в Rudaya et al. (2012). Интерпретация результатов предполагает доминирование степных сообществ на западе Кулунды в течение последних 4.4 ка ВР. Аридный и теплый климат реконструируется в интервале 3.75-4.4 ка ВР, когда полупустынные степи с *Artemisia*, *Chenopodiaceae* и *Ephedra* распространились в западной части региона. Высокий процент пыльцы маревых указывает на развитие солонцов и солончаков вокруг озера. Распространение сосны обыкновенной ограничивалось речными долинами, хотя березовые колки были широко развиты в регионе. Таксономический состав диатомей в интервале 4.4-3.96 ка ВР свидетельствует, что озеро было мелководным с более низкой минерализацией, чем сейчас (Рис. 1В). Резкое сокращение пыльцы маревых и увеличение доли хвойных отмечается после 3.75 ка ВР. Как структура палинологических спектров, так и биомизация отражают распространение хвойных на западе Кулунды вплоть до ~1860 г. Между 3.96 и 1.92 ка ВР озеро было мелководным или даже высыхало, т. к. диатомовая флора практически исчезает.

Начало позднего голоцена (после 2.60 ка ВР) характеризуется господством степей с развитием березовых и сосновых лесов по долинам рек и понижениям. Постоянное присутствие спор сфагнома относится к периоду около 2.8-1.4 ка ВР, что свидетельствует о заболачивании территории.

Биомизация демонстрирует сокращение веса степного биома между 1000 и 1860 гг. и увеличение веса тайги около 1720-1860 гг. (Рис.1Б). Это может быть соотнесено с окончанием МЛП. В это же время озеро было близко к высыханию. Начиная с 1860 г. в западной Кулунде распространились открытые степные ландшафты с участием полупустынной растительности и фрагментарными березовыми колками параллельно с резким сокращением хвойных лесов.

Палеоэкологические данные, полученные с юга Западной Сибири, а также прилегающих территорий Монгольского Алтая и Казахстана (Rudayaetal., 2009; Tarasovetal., 1997) показали пространственную и временную вариабельность голоценовых изменений растительности и климата. Это определяется важной ролью Алтайских гор, которые являются водоразделом, разделяющим крупный регион на три географические части. Реконструкции предполагают разные механизмы постгляциальной динамики природных условий территории. Палинологические данные, полученные из Северного Казахстана, показывают, что первая половина голоцена была более аридная, чем сейчас. Поворот к более влажному климату состоялся здесь только во второй половине голоцена, когда вся территория от Балтийского моря до Северного Казахстана и Южной Сибири находилась под контролем атлантических воздушных масс. Палеозаписи, полученные из Российского Алтая, предполагают наличие двух максимумов увлажнения в течение последних 12 тыс. л. При этом, если раннеголоценовый максимум, связанный с летним муссоном, больше проявился в восточной части региона, то позднеголоценовый максимум, обусловленный западным воздушным переносом, более выражен в западной части Российского Алтая, что попадает в общую схему развития природы Северного Казахстана, Барабы и Кулунды.

Кулунда богата археологическими памятниками эпохи бронзы, железного и средних веков (Тишкин, 2007; Кирюшин и др., 2010; Редников, 2010). Вторая половина бронзового века соотносится с палинозоной PZI (~2440–1795 гг. до н.э.; рис 1А). Население Кулунды состояло в то время из культур местного происхождения или мигрантов из северного Казахстана (Редников, 2010). Наиболее существенным образованием Обь-Иртышского междуречья того времени была елунинская археологическая культура, хозяйственная деятельность которой носила животноводческий характер при доминировании м.р.с. (Косинцев, 2005).

Нижняя часть PZII (~1795-710 гг. до н.э.) коррелирует с концом ранней бронзы, а верхняя часть - с началом железного века. Около 18 в. до н.э. на Алтай отмечается значительный приток мигрантов (андроновская культура) с территории центрального Казахстана. Хозяйство андроновцев было связано с животноводством при выраженном преобладании к.р.с. В эпоху поздней бронзы в регионе начинает формироваться хозяйство кочевнического типа. Фиксируется изменение состава стада, где увеличивается доля м.р.с. и лошади (Кирюшин, Косинцев, Папин и др., 2010). Этот тренд хорошо соотносится с увеличением влажности климата и развитием снежного покрова. Лошади и небольшие животные, такие как овцы и козы, способны добывать подножный корм из-под снега передними конечностями (тебеневание). Новый хозяйственно-культурный тип окончательно оформился в раннем железном веке и практически в неизменном виде существовал в регионе вплоть до начала активного экономического освоения региона русскими переселенцами в 19 веке (Кирюшин и др., 2010).

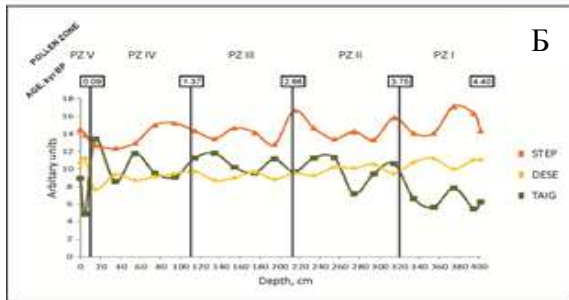
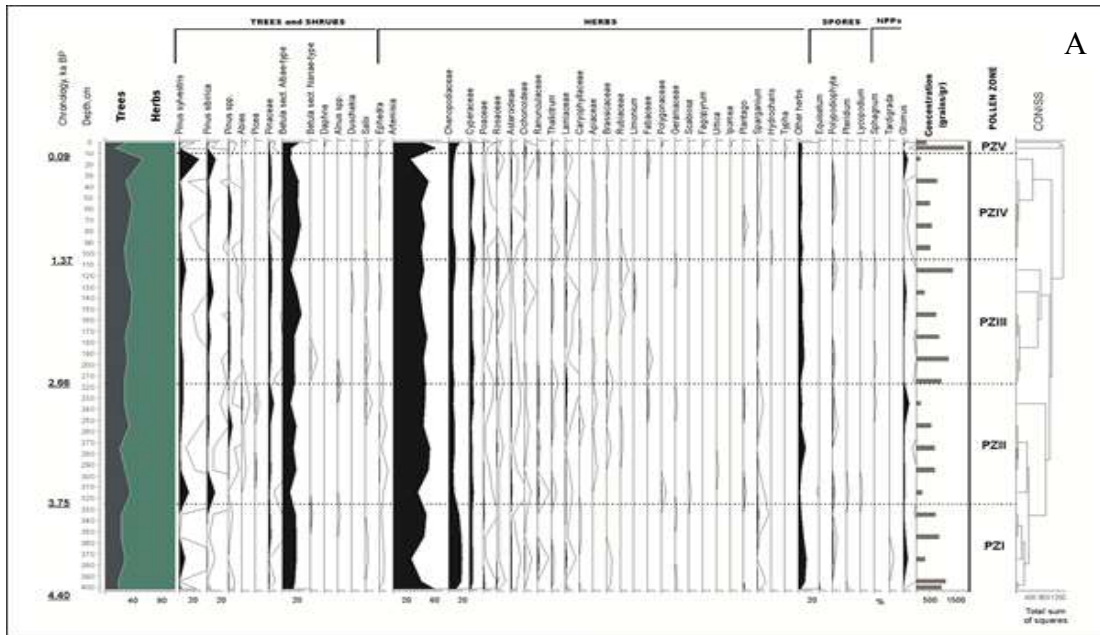
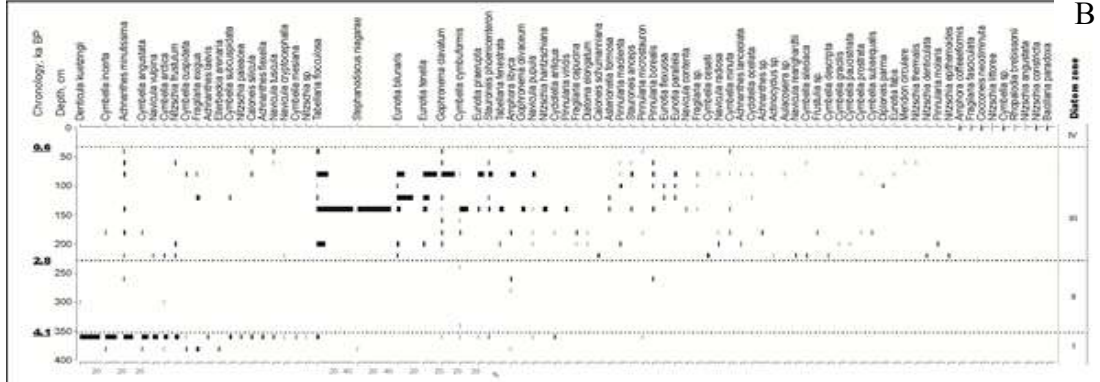

Рис. 1.А. Спорово-пыльцевая диаграмма донных отложений озера Большое Яровое (по Rudaya et al., 2012); **Б.** Реконструкция типов растительности (биомов). STEP – степь, DESE – пустыня, TAIG – тайга; **В.** Диаграмма таксономического разнообразия диатомовых водорослей озера Большое Яровое за последние 4,4 тыс. л.

Облесение Кулунды началось в средних веках (PZIV) и совпало со значительной миграцией населения. Вторая половина I тыс. тесно связана с тюркской культурой. С первой половины 13 в. Алтай втягивается в орбиту монгольского влияния. Период 15-16 вв. является белым пятном, для этого времени археологические памятники неизвестны, нет упоминания и в письменных источниках (Тишкин, 2007). Причиной этого вполне может быть похолодание МЛП, которое вызвало переселение людей на юг. В конце 17 - начале 18 вв. территория Кулунды стала местом кочевки племен монголоязычных телеутов. В середине 18 в. степные пространства Алтая оказались свободными и активно колонизировались русскими переселенцами. Основной поток шел в Рудный Алтай и только с рубежа 19 и 20 вв. значительные массы крестьян начинали селиться в степной Кулунде (Булыгин, 1967). Развитие индустрии и сельского

хозяйства могло стать причиной современного обезлесения и деградации земель Кулунды.

Список источников и литературы

Булыгин Ю.С. Первые русские поселения на Алтае // Алтайский сборник. – Барнаул, 1991. - Вып. 14. - С. 10-23.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. – Барнаул: Слово, 2010. - С. 122-128.

Климанов В.А., Левина Т.П., Орлова Л.А., Паньчев В.А. Изменение климата на территории Барабинской равнины в субатлантическом периоде голоцена по данным изучения торфяника Суминского займища // Региональная геохронология Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 143-149.

Косинцев П.А. Животноводство и население Березовой луки // Кирюшин Ю.Ф., А.М. Малолетко, А.А. Тишкин Березовая Лука –поселение эпохи бронз в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. - Т. 1. - С. 150-164.

Левина Т.П., Орлова Л.А., Паньчев В.А., Пономарёва Е.А. Радиохронметрия и пыльцевая стратиграфия голоценового торфяника Каякского займища (Барабинская лесостепь) // Региональная геохронология Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 136-143.

Ненашева Г.Н., Силантьева М.М., Михайлов Н.Н. Палинологические исследования голоценовых отложений оз. Рублево (Михайловский район Алтайского края) и их ботаническая интерпретация // Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии: матер. V международной науч.-практ. конф. – Барнаул: АзБука, 2006. - С. 58–75.

Редников А.А. Ранний бронзовый век на территории Кулундинской равнины Алтайского края // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. – Барнаул: Слово, 2010. - С.38-49.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая: монография.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. - 356 с.

Prentice, I.C., Guiot, J., Huntley, B., Jolly, D., Cheddadi, R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // *Climate Dynamics*. –1996. – Vol. 12. - P. 185-194.

Rudaya, N., Tarasov, P., Dorofeyuk, N., Solovieva, N., Kalugin, I., Andreev, A., Daryin, A., Diekmann, B., Riedel, F., Tserendash, N., Wagner, M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records: a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia // *Quaternary Science Reviews*. –2009. – Vol. 28. - P.540-554.

Tarasov, P., Jolly, D., Kaplan, J. A continuous Late Glacial and Holocene record of vegetation changes in Kazakhstan // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – Vol. 136, 1997. – P. 281-292.

Г.Х. Самигулов

Россия, Челябинск, Южно Уральский государственный университет

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ГОРОД: ОТНОШЕНИЕ К «ВМЕЩАЮЩЕМУ ЛАНДШАФТУ» ЖИТЕЛЕЙ ЗАУРАЛЬСКИХ ГОРОДОВ XVIII-XIX ВЕКОВ

Abstract

The article is about the attitude of city-dwellers' to their surroundings in the 18th – 19th centuries. People tended to be guided by the idea of comfort. They didn't try to bear in mind any long-term perspectives. Preserving the environment and sanitary standards were not given any priority.

Прошлое далеко не всегда оказывается таким, каким мы себе его представляем. В ходе изучения истории иногда выявляются детали, события, которые «портят имидж» предков, сложившийся в наших головах. Вдруг оказывается, что жизни города XVIII в. были присущи элементы, которые вызывают у человека сегодняшнего недоумение. Но прошлое было таким, каким «получилось» и предпочтительнее все же, пытаться его лучше узнать и понять, а не недоумевать по поводу несоответствия поведения жителей XVIII-XIX в. нашим стереотипам. В рамках предлагаемой статьи будут рассмотрены несколько таких моментов, которые были характерны для городов Южного Зауралья (и, наверное, не только для них) того времени и относятся к тому, что можно обозначить как отношение к «вмещающему ландшафту», учитывая, что город и был таким ландшафтом – частью природным, в значительной степени рукотворным.

Одной из проблем крепости, затем города была чистота улиц. Если сейчас основной проблемой являются обертки, пластиковые бутылки, пакеты и окурки, то в те давние времена на улицах скапливался навоз. Особенно это касалось центра города, где располагался Гостиный двор и торговая площадь – народ приезжал на рынок на возах, запряженных лошадьми, которые оставляли зримые следы своего присутствия. Первые указы о соблюдении чистоты появились в первое десятилетие существования крепостей Исетской линии. В 1744 г. появилась наставление или инструкция комиссарам крепостей, видимо, составленная по итогам инспекции и исходя из «злобы дня». Текст такой инструкции сохранился в материалах Миасской крепости. Инструкция предписывала: «чтоб никакие люди не ходили по сыпи и рву не обивали и навозу и всякого сору в городе и в остроге у стен а у ворот и во рвы никто не метал, также приказать чтоб на улицах никакого помета или мертвечины не было и для того каждому жителю против своего двора також де и в рядах и в рынках и в протчих местах иметь чистоту и сор чистить по вся субботы и возить в пристойные места в ямы и бояраки (буераки – Г.С.) которые б от жила были в отдалении[куда подалее] и для того показат место, а в воду никакого помету бросать не велеть и около реки навоз не класть». Там же содержались и требования к организации мясной торговли: «мясные ряды были б не в жиле (не внутри жилой застройки – Г.С.), а паче в летние времена продавали б мяса и скотину били за городом и для того показать мясникам удобное место». (Лингвистическое краеведение..., 2001: 51–52). Спустя 18 лет, прибыв к исправлению воеводской должности в Челябинск, подполковник И. Лазарев, похоже, был несколько ошеломлен царившей в городе простотой нравов. Текст документа красноречивее любых комментариев: «С крайним сожалением усмотрел я что в здешнем городе жители в содержании по должному порядку чистоты так ослабли что понудили меня тем строжие с собою поступить... Сим всем тем здешним жителям накрепко подтверждаю дабы в городе во всем доброе урядство и чистота была и для того отнюдь никому не дерзать по улицам помету и навозу бросать, а оное все за городу с версту отвозить и в удобных местах и в логах слагать и особливо в здешнюю реку ничего того не бросать. Сверх же того как в здешнем городе внутри жительства казаки отваживаются уголь жечь то как себе и всему здешнему обществу от пожару

опасность наводят и ямами те самые места где б надлежало тын строить повреждают... впредь ежели кто чинить дерзнет то те яко нарушитель здешняго благо состояния какого б звания он ни был без всякой пощады наказан быть имеет чего ради каждому месту по своей команде о сем накрепко под(т) вердить и ямы кем оные вырыты тот сам темиж людми заровнял а ласково принудя и если в нетерпеливость и в строгость войтить ибо все сие служит не к моему удовольствию а в чистоту и порядок здешнего общества» (ОГАЧО. Ф. И-6, Оп. 1. Д. 4. Л. 33.). Остается лишь добавить, что указ датирован 17 апреля, очевидно, воевода узрел все «великолепие» накопившегося за зиму навоза, обнажившееся, когда стоял снег. Одно из мест, куда челябинцы в XVIII в., а возможно и в XIX в. тоже свозили навоз – берег реки Миасс в районе нового здания Областного краеведческого музея и Сада камней по ул. Труда. Этот участок берега был низким, скорее высокая пойма, чем береговая терраса, высокая часть берега начиналась возле здания бывшего Геологического музея со стороны реки. Естественно, жившие рядом с Миассом люди были не прочь расширить свои участки, что и было сделано с использованием самого дешевого, в прямом смысле слова «бросового» материала – навоза. Естественно, что «осушение» поймы происходило постепенно, на протяжении долгого времени. Скорее всего, необходимость очередного поднятия уровня суши возникала после крупных половодий, когда уже отвоевана у воды территория вновь оказывалась залита водой и превращалась в болото. Для того, чтобы отсыпанные слои не размывало и не уносило рекой, берег был укреплен своеобразной опалубкой – по краю берега был установлен крепкий бревенчатый заплот. При раскопках на котловане строительства музея зафиксированы слои отсыпки общей мощностью до 2 м. В начале XIX в. была организована уборка мусора (в первую очередь навоза) с улиц города, по крайней мере, сезонная.

Навоз, видимо, был проблемой довольно существенной. Даже вывоз его за город не всегда являлся решением проблемы. Весной 1817 г. городничий г. Троицка написал Троицкому же городовому старосте, чтобы тот организовал от каждого купеческого и мещанского двора по одному человеку с лопатой. Трудовой десант городничий пытался организовать «для уравнивания за городом наваленнаго во многом количестве навоза»? (ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 1533. Л. 1). Навоз сваливали, естественно, сами жители города. Далеко возить, видимо было лень, и кучи росли прямо рядом с городом. Вот городничий и попытался решить проблему. Поскольку магистрата в Троицке в ту пору не было, городской староста обратился в челябинский магистрат за разъяснением. Примечателен ответ, полученный им: «Троицкое городническое правление приказывает старосте Котову наряжать купцов и мещан с лопатками с каждаго дому по одному человеку сравнивать за городом навоз; но такового наряду гражданам по мнению магистрата делать не можно, ибо по точному смыслу онаго может быть им сие в тягость, а по 7-й статье городского положения тягость на город никто не налагает кроме Императорскаго Величества. По узаконениям, на сей предмет состоявшимся, чистота опрятность и тому подобное в улицах и предместиях поручена и поставлена в самую должность и обязанность полиции, и ежели б сие было соблюдаемо в точности, то бы не было бы и надобности наряжать к тому граждан, и для того о сем господина городничего уведомить сообщением, с тем вместе, что случай сей хотя к распоряжению магистрата и не относится, но по той необходимости как староста Котов просит на сей предмет разрешения, то применяясь Высочайшим Его Императорскаго Величества правилам, данным господину Главнокомандующему в Санкт-Петербурге генералу от инфантерии и кавалеру Сергею Козмичу Вязмитинову, не можно ли будет уравнивать навоз арестантами, в тюрьме содержащимися?» (ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 1533. Л. 1-2). Для выполнения некоторых работ использовали арестантов, т.е. заключенных местной тюрьмы. Именно поэтому челябинский магистрат и предлагал троицкому

городничему «уравнивать навоз арестантами». Но сил местной полиции обычно не хватало для выполнения конвойных функций, если на работу выводили сразу большую группу арестантов.

Вообще, санитарные требования, которые постепенно вырабатывались в России к организации городского пространства, в Челябинске зачастую игнорировались с замечательной легкостью. Особенно это касалось выноса за пределы города «вредных производств» – кожевен, мыловарен, кузниц... Основная масса подобных заведений размещалась прямо во дворах челябинцев. Перемещение их за пределы города произошло лишь во второй половине XIX в. Однако, что касается размещения мясных лавок подальше от жилья, это условие в Челябинске было выполнено, правда по своему. Местные власти (а это не только ратуша, но и то самое провинциальное правление) нашли способ решить вопрос ко всеобщему удовлетворению. Лавки и бойня были поставлены действительно «не в жиле», а на острове (тогда, видимо, еще полуострове) р. Миасс, который в ту пору был не застроен. Когда они были там поставлены, сказать сложно, в 1766 г. уже существовали (ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 25). В 1773 г. всю часть острова к востоку от моста отдали под усадьбу купцу Ивану Боровинскому (ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 209. Л. 7–8 об.). В 1779 г., во время половодья, бойню смыло и ее вместе с лавками перенесли на новое место: «...Иван Боровинской ... согласился пустить на удобно отведенное ему место позади вновь строящегося ево двора идучи по дороге подле обнесенного заплотом огорода и поставил внис к старице в самую линию огорода выняв заплоты настолко места сколко всеми шестью лавками занять может» (ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 13. Л. 14). Лавки эти показаны на плане Челябинска, датированном, примерно, 1819 г. (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 843. Л. 1). Впрочем, на плане 1784 г. они тоже показаны (ЧГКМ. НВ. № 621). Более полувека бойня и мясные лавки простояли на некотором удалении от жилых домов (если не считать усадьбу Боровинских), но... в самом центре города, у дороги, соединявшей ту часть Челябинска, которая именовалась «городом», с Заречьем.

Помимо реки Миасс, на которой была поставлена Челябинска крепость, вскоре ставшая городом, имелось еще несколько небольших речек и ручьев. Речка Челябинка, по которой, собственно и был назван город, – несколько выше Челябинска XVIII–XIX вв., в северо-восточной части ручей, который на картах обычно отмечен как «Безыманный», хотя встречается название Осиновка, и еще один маленький ручей, пересекавший улицу Сибирскую. В конце 1810-х гг. маленький ручей пересох. В конце 1821 г., при починке моста через речку за пределами города было решено «потребный на то камень употребить от состоящего в городе по Сибирской улице, против домов Петра Стрекалева и Ивана Беляевского чрез суходол моста, равно мерно и самой сей мост, так как надобность в нем ныне не предвидится, разобрать, а лес свезти к общественному дому» (ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 95. Л. 155). После разборки моста русло ручья, естественно, засыпали – дорога была одна из самых используемых. Затем засыпали и остальную часть русла, которая приходилась на огороды, поскольку незачем пропадать площадям потенциально полезным. А потом вода появилась снова. Но русло никто расчищать не стал. Уровень грунтовых вод поднялся – это и сейчас хорошо заметно в той части города, не закладывают глубину фундамента больше двух метров и полноценные подвальные этажи. А в 1880-х гг. в ходе спора между двумя владельцами дворов, прилегавших к участку где проходило русло бывшего ручья, один обвинял другого в том, что он «не прокапывает канавы для пропуску воды по накоплению, к реке Миясу, чрез это у него, Беляевского потопляет водою устроенную в смежности с местом Соловьева лавку, а также и другие строения...» (ОГАЧО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 358. Л. 1).

В этой статье я коснулся лишь некоторых эпизодов, касающихся проблемы отношения городских жителей к среде обитания. Эти эпизоды не столь уж неожиданны, в свете работ последнего времени, но, все же, довольно показательны. По крайней мере, в XVIII–XIX вв. население городов Южного Зауралья не было склонно особо беспокоиться об «экологичности» своих действий, исходя, в первую очередь, из соображений удобства и выгоды «здесь» и «сейчас».

Список источников и литературы

Лингвистическое краеведение на Южном Урале. - Ч. II: Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. – 242 с.

ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 209.

ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 95.

ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 1533.

ОГАЧО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 358.

ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 4.

ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 13.

ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 4.

РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 843.

ЧГКМ. НВ. № 621.

Л.Р. Сафарова¹, А.С. Якимов²

^{1,2}Россия, Тюмень, Институт криосферы Земли СО РАН

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА «ЗАВОДОУКОВСКОЕ 11»

Abstract

The paper documents geochemical soil research on several archaeological monuments in the the taiga of Western Siberia. Soil and geochemical analysis of Zavodoukovskoe XI was carried out in 2010 on the border of the northern steppe and southern taiga subzone. The monument itself is within the taiga, 2.2 km south-west of the city Zavodoukovsk. During researches of 2010 two soil profiles were studied: within the habitation site and in its surroundings. The special attention is given to phosphorus, potassium signatures as well as those of magnesium and calcium.

Важность геохимических и палеопочвенных исследований на археологических памятниках в настоящее время полностью оправдана. Это объясняется тем, что данные, полученные в результате таких исследований позволяют, в первую очередь, установить точные границы древних поселений (Андерсон и др., 2009: 24), определить тип хозяйствования, а также производить реконструкцию природных условий и пищевого рациона древнего населения (Демкин, 1997; Демкин, Лукашов и др., 1988; Якимов, 2010: 210). Основным маркером интенсивности антропогенной деятельности являются подвижные соединения фосфора, концентрация которого в культурном слое археологического памятника может изменяться в зависимости от длительности и характера деятельности древнего населения, от климатических условий и от некоторых других факторов (Валдайских, Зданович и др., 2011:17). Кроме того немаловажно учитывать содержание биогенных и биофильных элементов таких как кальций, калий, магний, постоянно присутствующих в тканях растений и животных, а также необходимых для поддержания жизнедеятельности живых организмов.

Необходимо отметить, что почвенно-археологические исследования, включающие также геохимический анализ современных и древних условий почвообразования проводятся с 90х годов XX века (Демкин, 1997). Объектами данных исследований являются погребальные комплексы, а также культурные слои на местах обитания древнего населения (Демкин, Демкина, 2003: 30).

Район наших исследований расположен на границе северной лесостепи и подзоны южной тайги. Сам памятник находится в пределах тайги, в 2,2 км к юго-западу от города Заводоуковск. Растительные ассоциации представлены кустарничковыми и разнотравными сообществами на дерново-подзолистых почвах. В основном преобладает смешанный сосново-березовый тип леса. Как административно-территориальная единица исследуемый регион относится к Заводоуковскому району Тюменской области. Городище относится к поздней бронзе (XV-XII вв. до н.э.), пахомовской культуре.

В ходе изучения почв на археологическом памятнике был использован метод рентгенфлуоресцентной спектроскопии с применением Спектрскана МАКС- GV и последующей интерпретацией данных. Также реконструкция природных условий производилась на основании почвенно-археологического метода, который подразумевает морфологический сравнительный анализ древних и современных почв. Таким образом, объектами нашего исследования являлись современные дерново-подзолистые почвы (Рис. 1) и древние почвы эпохи поздней бронзы (Рис. 2).

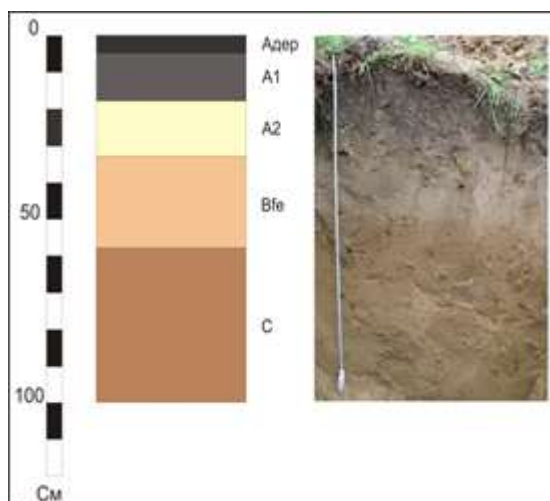

Рис. 1. Фоновый разрез 25 м к юго-востоку от стенки жилища

Рис. 2. Почвенно-археологический разрез археологического раскопа (жилище)

Почвенно-археологический метод включает в себя описание морфологического строения почвенного профиля и его генетических горизонтов (индекс горизонта, глубина залегания, мощность, цвет, гранулометрический состав, структура, текстура, влажность, плотность, новообразования, включения, особенность границ). Затем производится отбор образцов из каждого генетического горизонта. Необходимо дополнить, что методика отбора образцов за последние годы исследований изменилась. В настоящее время образцы отбираются по вертикальной колонке через 3 см.

В ходе исследований были заложены разрез в жилище городища «Заводоуковское 11» и современной ненарушенной почве.

На Рис. 2 отчетливо выделяется два периода заполнения жилища и перекрывающий жилище культурный слой. Между заполнениями двух периодов

обитания видна четкая граница по цвету (нижний –коричнево-серый, верхний –темно-серый).

С помощью метода рентгенфлуоресцентной спектроскопии были получены данные по 38 химическим элементам, основными из которых являются P_2O_5 , K_2O , CaO , MgO , Fe_2O_3 , TiO_2 .

Рассмотрим распределение подвижных форм фосфора. На Рис. 3 видно, что пик концентрации фосфора зафиксирован на глубине 65 см (1,6%), что соответствует темному гумусированному слою, представленному на Рис. 2. Резкое снижение показателей фосфора наблюдается на глубине 75 см, что может говорить о том, что на глубине 65 см образовался геохимический барьер. С глубиной концентрация фосфора снижается. В фоновом разрезе (Рис. 3) наивысшее содержание фосфора отмечено в иллювиальном железистом горизонте на глубине 45 см (0,17%). По графику видно, что значения фосфора в почвенных образцах, взятых в жилище археологического памятника превышают фоновые значения в несколько раз.

Содержание калия в почвах городища «Заводоуковское 11» не превышает фоновых значений (Рис. 4).

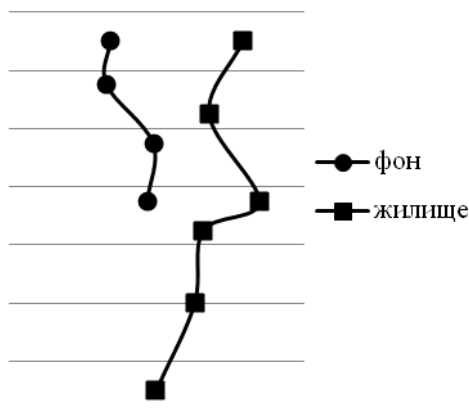

Рис. 5. Распределение CaO

Проанализировав график на Рис. 5, можно отметить наивысшее содержание кальция также на глубине 65 см (1,69%). С глубиной концентрация кальция снижается. В фоновых почвах основное содержание кальция зафиксировано на той же глубине, что и в древних почвах (45-65 см). Значения кальция в образцах древних почв превышают фоновые показатели.

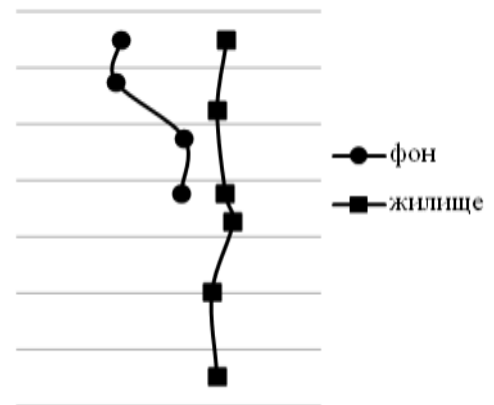

Рис. 6. Распределение MgO

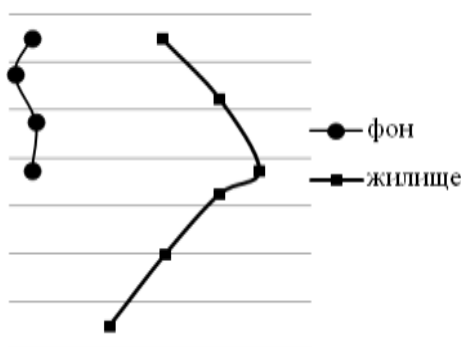

Рис. 3. Распределение P_2O_5

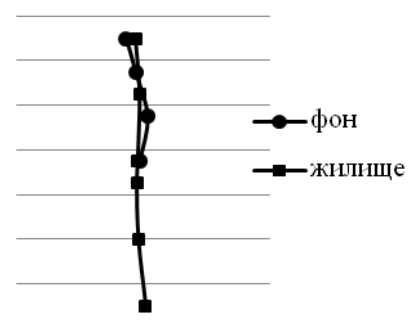

Рис. 4. Распределение K_2O

Показатели магния в древних почвах (Рис. 6) незначительно изменяются с глубиной, в целом распределение магния по профилю равномерное. На глубине 75 см отмечен пик концентрации данного элемента (0,71%). В фоновых почвах с глубиной содержание магния увеличивается.

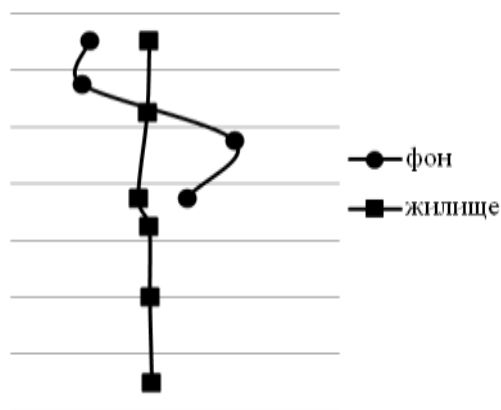

Рис. 7. Распределение Fe₂O₃

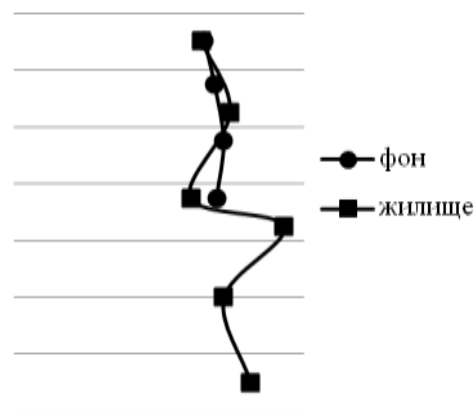

Рис. 8. Распределение TiO₂

В наземном жилище (Рис. 7) содержание железа незначительно снижается до глубины 65 см (2,32%). Вглубь профиля концентрация данного элемента увеличивается до 2,56%. В вышележащих горизонтах фоновых почв отмечаются низкие показатели железа. Резкое увеличение содержания железа наблюдается в иллювиально-железистом горизонте на глубине 45 см (4,0%), затем концентрация снижается с глубиной. В целом фоновые значения превышают показатели железа на археологическом памятнике.

В распределении титана по профилю можно выделить три пика концентрации на глубинах равных 35, 75, 130 см. На глубине 75 см содержание элемента достигает наивысшей отметки (0,93%). Если провести сравнительный анализ с фоновыми значениями, следует отметить, что до глубины 65 см разница в значениях концентрации титана в современных и древних почвах незначительна.

Основная концентрация данного элемента зафиксирована в иллювиальном горизонте в связи с вымыванием титана в почвообразующую породу.

Следует отметить, что аккумуляция биогенных элементов (P₂O₅, CaO) в почвах на археологическом памятнике зафиксирована на глубине 65 см, что соответствует расположению темного гумусированного слоя на данном участке (Рис. 2). В фоновых почвах наблюдается вымывание химических элементов из вышележащих горизонтов.

Необходимо отметить, что геохимическое изучение почв на археологических памятниках юга Западной Сибири проводилось эпизодически и данные исследования приобретают особую актуальность в районах с плохой сохранностью материала для реконструкции природных условий и среды обитания человека.

Список источников и литературы

Андерсон Д.Дж., Харинский А.В., Стерхова И.В., Шпейзер Г.М. Возможности фосфатного метода при определении структуры животноводческих поселений // Изв. Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. - Вып.7 - С. 24-38.

Валдайских В.В., Зданович Д.Г., Хэнкс Б. Опыт применения фосфатного метода в рамках почвенно-археологических исследований на укрепленном поселении Степное // Экология древних сообществ. – Тюмень, 2011. – Вып. 4. – С.17.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. - Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 213 с.

Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение на пороге третьего Тысячелетия // Проблемы эволюции почв: матер. IV Всерос. конф. - Пушино, 2003. - С. 29-34.

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская В.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. - 1992. - № 4. - С. 43-49.

Демкин В.А., Лукашов А.В. Ковалевская В.С., Скрипниченко И.И. О возможности проведения историко-социологических реконструкций при почвенно-археологических исследованиях. - Предпринт. – Пушино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1988. – 20с.

Якимов А.С. Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганного могильника «Озёрное-1» (по данным рентгенфлуоресцентной спектроскопии). // Окружающая среда и менеджмент природных ресурсов: тезисы докл. межд. конф.– Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. – С. 210-212.

Л.В. Татаурова

*Россия, Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В XVII-XVIII ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ: АДАПТАЦИЯ И РАЗВИТИЕ¹

Abstract

This paper examines the dwellings, utensils, food, economic employment, and adaptation of Russian village dwellers in the Omsk region in the 17th and 18th Centuries.

XVII век стал началом формирования новой политической и экономической карты Сибири, что было связано с активным освоением региона русским населением. В это время строятся города и остроги, призванные быть опорными пунктами в ходе заселения и колонизации края, почти одновременно вслед за ними начинается хозяйственное освоение территорий, строительство сел и деревень.

Система жизнеобеспечения сибирской деревни в XVII-XVIII вв. до недавнего времени рассматривалась, в основном, по письменным источникам и этнографическим материалам. Эти исследования позволили выявить системы расселения русских, процессы их оседания на землю и заведение пашни, демографические аспекты и структуру сельского населения (Бахрушин, 1955; Аполлова, 1976, Будицкий, 1999; Колесников, 1973 и др.). Этнографическое изучение сельской жизни этого периода отразило такие части системы жизнеобеспечения, как жилищный комплекс, костюм, пища, (Этнография русского крестьянства Сибири..., 1981; Шелегина, 2001, и др.). Однако, что касается этнографических работ, то для описания сельской жизни XVII-XVIII вв. авторы используют все те - же письменные источники, а собственно этнографические материалы относятся к концу XIX, началу XX века.

К большому сожалению, без внимания исследователей традиционной культуры остаются археологические источники этого периода, хотя за более чем полувековую историю археологического исследования русских памятников в Сибири накоплен и опубликован представительный материал.

В этой работе представлен опыт реконструкции элементов системы жизнеобеспечения (жилищный комплекс, костюм, пища) русского населения Омского Прииртышья на основе комплексного использования архивных и этнографических источников, а также археологического материала сельских памятников: Ананьино-I, Бергамак-I, Изюк-I (Большереченский, Муромцевский, Тарский районы Омской области).

Центральное место в жилищном комплексе занимает жилой дом. Он является сравнительно устойчивым компонентом материальной культуры. Конструктивные черты сибирского жилища аналогичны, сложившимся на основной территории расселения русских и генетически с ними связаны. Археологические материалы Омского Прииртышья представляют такие типы жилищ: избу, избу-связь, пятистенник, пятистенник с прирубом. Вероятно, на первом этапе заселения региона преобладали одноstopные избы. Строили дома из хвойных пород дерева. В строительстве применяли разные приемы: венцы стен соединяли в угол, в «набирку», используя пазы в чашу, в лапу, в «обло». Есть примеры комбинирования разных приемов в строительстве одного жилища (Культура населения XVI-XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири, 2005:178-190). В XVII-XVIII вв. в Омском Прииртышье были известны все способы разделки бревен (характеристику их см.: Майничева, 2002:70).

В меньшей степени, в связи с сохранностью, в археологических материалах представлена информация по костюмным комплексам. Реконструировать их можно анализируя весь известный западносибирский археологический материал (Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., Кравец Е.В., в печати). Ткани сельских памятников Омского Прииртышья преимущественно получены при раскопках могильников Изюк-I и Ананьино-I. Сырьем для большинства тканей служило растительное волокно, реже шерсть, из которых получали холст и шерстяное полотно. Почти все ткани местного производства. В одном случае встречена тафта, скорее всего, - китайская или среднеазиатская (Глушкова, 2008: 326-332). Более представительный материал получен по обуви. Её отличает высокий технологический уровень изготовления, что позволяет сделать вывод об отсутствии различий между городом и деревней, между европейской Россией и Сибирью.

Интересно, что исключительно на поселенческих памятниках встречаются образцы мужской (туфли рантового соединения) и женской (туфли mules) западноевропейской обуви первой половины XVIII века. Кроме того, раскопки поселений Омского Прииртышья и связанных с ними могильников позволили выделить особый тип обуви, видимо, возникший на рубеже XVII и XVIII вв. - чирки. Этот тип обуви, появившийся, вероятно, в ходе адаптации русского населения к местным условиям становится одним из основных типов обуви крестьян Сибири в XIX в.

Традиции в приготовлении пищи и структуре питания можно проследить по хозяйственным занятиям населения и керамической посуде.

Исследования показали значительную гибкость хозяйственной системы сельского населения. О занятии земледелием свидетельствуют семенные комплексы, полученные из культурных слоев памятников. Их анализ показал, что русское население выращивало рожь, овес, ячмень, просо. Из диких растительных комплексов использовали ягоды, лекарственные растения (Корона, Татаурова, 2011: 323-332).

Анализ изученного остеологического материала из археологических памятников позволяет судить о том, что животноводство имело большое значение в жизни русского населения, и заметную роль, наряду с мясным, играло молочное направление. Разводили и домашнюю птицу.

Охота, как хозяйственная отрасль, в большей степени была развита на Ананьино. Однако население всех указанных деревень охотилось на «бороную птицу» (глухарь, тетерев), и крупных копытных: лося, косулю (Явшева, Некрасов, Татаурова, 2008: 356–367). Рыболовство было развито повсеместно и являлось одним из выжних источников питания людей.

Хозяйственные занятия и культурные традиции сформировали структуру питания русского населения (Татаурова, 2003:122-125).

Определенным маркером в этой системе можно считать посуду. Являясь наиболее распространенной археологической находкой на поселениях, она характеризует приемы приготовления, употребления и хранения пищи. Это видно из ее назначения и применения (Татаурова, 1998: 88-123).

Главное место в структуре питания русского населения Омского Прииртышья, как и в других регионах, занимали, конечно же, хлеб, мучные и крупяные блюда. На первом этапе существования населенных пунктов мука, вероятно, была привозной. Однако к началу XVIII века сельские жители Омского Прииртышья уже выращивали свой хлеб. Из материалов раскопок (находки жерновов) видно, что муку мололи на мельнице, и на небольших ручных крупорушках. Водяная мельница на Пятой речке близ деревни Ананьино известна по архивным документам (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 187).

В глиняных горшках в русской печи из различной муки готовили кулагу, саламату, из пшена, гречки, ячневой крупы варили каши. В горшках парили овощи «паренки», варили щи, борщ, мучные, рыбные и овощные супы – «хлебово», «уху» (Шелегина, 2001:25-49, МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 104-1.Карт. 1-30; Словарь русских старожильческих говоров.,1992, Т.1: 124).

Пироги, пирожки, курники (пирог с курицей), блины, блинчики пекли в сковородах, использовали как глиняные, так и чугунные. Сковороды, кроме выпечки, использовали для приготовления мясных и рыбных блюд (МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 104-1: Карт. 1-30; Словарь русских старожильческих говоров.,1992,Т.2: 84). Разнообразили начинку пирогов и пирожков различные ягоды и грибы. Их заготавливали впрок и хранили в латках, квашенках, корчагах, жбанах; в кувшинах - ягодное варенье (МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 93-6: карт.3; 104-1: Карт. 12).

Хлеб заводили в квашенках – глиняных сосудах баночной формы, обычно больших размеров (5-10 литров), пекли на поду русской печи или в латках.

На поселениях, кроме посуды, имеются другие археологические свидетельства, например, о приготовлении рыбной ухи – кости рыбы часто находятся вместе со скоплением посуды. Рыбу использовали и в пирогах – стерлядь, язя, карася. Пирог с рыбой был одним из распространенных блюд у русских сибиряков (Шелегина, 2001: 25).

Распространена была выпечка калачей, о чем свидетельствуют находки глиняных блюдца, которые так и назывались калачными, или «коробасными». Этот вид выпечки до сих пор сохранился в русских деревнях (МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 93-6: Карт.3; 104-1: Карт.10; Словарь русских старожильческих говоров.,1992, Т.2: 47).

Значительное место в рационе питания русских Омского Прииртышья занимала мясная пища. Мясо варили, запекали и тушили, сушили, вялили, из него готовили студень (холодец), делали пельмени, блюдо, «пришедшее в русскую кухню с конца XIV – начала XV в. с Урала и особенно после начала русской колонизации Зауралья...» «от народов северо-востока европейской части России – пермяков, коми, удмуртов, а также сибирских татар, как древнейшее ритуальное блюдо» (Похлебкин,1997. Т.4: 321).

Готовили мясные блюда в горшках («хлебово» - супы), латках (тушили), сковородах (запекали птицу, поросят). На поселении Изюк I найдено несколько

железных сковородников, с помощью которых сковороды доставали или ставили в печь.

Определенную роль в структуре питания играли молоко и молочные продукты. На это указывают кринки, в них хранили молоко, отстаивали, делали варенец путем томления молока в печи, которое потом заквашивали. Для хранения молочных продуктов, особенно масла, использовали жбаны, латки, квашенки. В квашенках масло, кроме этого, сбивали и перетапливали, из-за чего они имели еще название колотуха, топушка, топник, топлиник (Словарь русских говоров...,1979: 231, 271, 372, 538; Словарь русских старожильческих говоров...,1992. Т.2: 33; МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 104-1: Карт.26,29,30).

Важнейшее место в структуре питания русского населения занимали квас и пиво – древнейшие национальные напитки, известные на Руси с IX века (Похлебкин, 1997. Т. 2: 52, 53). По археологическим материалам употребление этих напитков фиксируется по сосудам – корчагам - предназначенным для их приготовления и хранения, а так же по наличию злаков и хмеля. Вероятно, уже в это время населению Омского Прииртышья был знаком чай, на это указывает использование заварников и сливочников.

Таким образом, структура питания русских в XVII-XVIII вв. сохранила свою традиционную основу, принесенную из европейской России. Это прослеживается по хозяйственным занятиям и основным пищевым продуктам. Приспособившись к новой среде обитания, население Омского Прииртышья к XVIII веку восстановило и дополнило свой рацион, который сохранился вплоть до XX века.

Подводя итог можно сказать, что комплексное изучение археологических коллекций: палеозоологические, палеокарпологические определения, анализ керамики, других бытовых и хозяйственных предметов, тканей, кожи, деревообработки и технологии строительства позволяет получить качественный источник для исследования системы жизнеобеспечения русского населения XVII-XVIII вв. В совокупности с письменными и этнографическими материалами он позволяет моделировать изменения в этой системе, наполняя ее конкретным «вещным» материалом.

Примечания

¹Работа подготовлена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» Проект «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках».

Список источников и литературы

Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI - первой половине XIX в. - М.: Наука, 1976. - 371 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - Т.3. - Ч.1.

Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., Кравец Е.В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII-XVIII вв. (в печати).

Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. - Т.1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. - 328 с.

Глушкова Т.Н. Ткани XVII в. из русских могильников Изюк I и Ананьино I //Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Издательство «Апельсин», 2008.- С. 326-332.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск: Зап.Сиб.книж. изд-во Омское отделение, 1973. – 440 с.

Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным //Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии – Омск: Изд-во Омский филиал (институт) РГТЭУ, 2011 – С. 323-332.

Культура населения XVI-XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири /Томилов Н.А., Тихонов С.С., Татаурова Л.В. и др. - Омск: «Издательский дом Наука», 2005. -268 с.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX - начало XX в.). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 144 с.

МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 104-1.

МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 93-6.

Похлебкин В.В. История важнейших пищевых продуктов. - М.: Центрполиграф, 1997. - Т.2. - 496 с.

Похлебкин В.В. Кулинарный словарь. - М.: Центрполиграф, 1997. - Т. 4. - 512 с.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 185-187.

Словарь русских говоров Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1979.- 605 с.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. - Т.1(356 с.) - Т.2 (243 с.).

Татаурова Л.В. Реконструкция структуры питания русских Среднего Прииртышья в XVII-XVIII веках по археологическим материалам //Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Наука-Омск, 2003. - С. 122-125.

Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) //Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. - Новосибирск, Наука, 1998. - Т.3. - С.88-123.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII-XX вв.): Учебное пособие– М.: Логос, 2001. Вып.1(184 с) - Вып. 2 (160 с.).

Этнография русского крестьянства Сибири XVII- середина XIX века. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. - Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. - С. 356–367.

В.И. Терентьев

Россия, Кемерово, государственный университет

**РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ТРАДИЦИОННО–БЫТОВОЙ
КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)¹**

Abstract

The paper examines the contemporary use of archaeological monuments among western Mongols. The fieldwork documented examples of using the stones from barrow embankment for economic purposes, and prayers or offering made to Turkic sculptures (Naadam, Tsagaan-sar).

Проблема использования археологических объектов представителями аборигенного населения территории, на которой эти памятники расположены, неоднократно поднималась в литературе. Древние артефакты могут быть инструментом этнополитики (Селезнев, 2011; Фрибус, Юматов, 2011; Шнирельман, 2003; и мн. др.) либо, как составная часть этнокультурного наследия, археологические памятники могут стать ресурсом развития региона через организацию музейно-экскурсионной и туристско-рекреационной деятельности; также возможно переосмысление древностей и использование их в качестве одной из основ конструирования этнической идентичности как на местном, так и на региональном уровнях. Интересным остается специфика повседневного использования археологического наследия современным населением, проживающим вблизи него. В этой связи возникает вопрос: насколько современное использование памятника археологии может указывать на его назначение в древности? Это касается, в первую очередь, тех объектов, чьи функции до сих пор порождают дискуссии.

Проводимые с 2008 г. экспедиционные этнографические обследования территории Западной Монголии в 2011–2012 гг. дополнились археологическими изысканиями. Работы проводились в Увс аймаке, в местностях, которые в дальнейшем планируется включить в состав проектируемых экомузеев. В основном это котловина и окрестности оз. Уурэг-нуур и урочище Дэлгэрмурэн.

В плане археологии Увс аймак изучен мало. Раскопки здесь практически непроизводились, за исключением работ на Улангомском могильнике (Волков, 1978). Из современных работ выделяются маршрутные разведки отряда Ю.И. Ожередова (Ожередов, 2007; 2009), работы Д. Цэвээндоржа (Институт археологии Академии наук Монголии) в районе озера Уурэг-нуур, попытка Т. Бямбадоржа составления единого свода памятников аймака (Бямбадорж, 1999) и обследования некоторых петроглифов (Кубарев, Цэвээндорж, 2007). Данная ситуация малоизученности характерна для всей Западной Монголии, возможно поэтому к началу наших работ в аймаке стояло научете всего лишь около 200 археологических памятников. За два сезона был собран материал по уже выявленным объектам и зафиксировано свыше 200 новых. Одним из основных недостатков перечней памятников, подобных своду Т. Бямбадоржа, является схематизм информации и слабая адресная привязка объектов (Кимеев и др., 2012: 36,48). В процессе работ нами было зафиксировано несколько способов современного использования памятников, не встречаемых ранее в литературе.

Ландшафт Западной Монголии как минимум за последние два-три тысячелетия существенно не изменился, поэтому территории, пригодные для жизни в древности, населены и сегодня. Наиболее массовой категорией памятников выступают погребально-поминальные сооружения, в бесчисленном количестве сооруженные практически в каждой долине, здесь же установлены юрты монголов.

О происхождении и назначении памятников археологии местные жители почти ничего не знают. Каменные кладки курганов нередко разбираются и используются в хозяйственных нуждах, например, для сооружения загонов *хашаа* или для благоустройства спортивного стадиона. Иногда камень берут для выкладывания финишных дорожек для конных скачек.

В 1998-1999 гг. на перевале Байрамын-даваа совместной монгольско-американской экспедицией Института археологии Академии наук Монголии и группы из Центра исследований Евразии Калифорнийского университета под руководством Дженин Дэвис-Кимбалл был раскопан крупный херексур. Впоследствии из разобранный насыпи местные жители соорудили обо (по монг. – овоо), которое стало одним из четырех наиболее важных мест поклонения для жителей окрестных долин (по

обе стороны от перевала). Нам не удалось выяснить, кто был инициатором его создания: сами жители или представители власти.

По поводу скопления курганных могильников по всей котловине озера Уурэг-нуура в 4-м баге³ сумона Сагил один из наших экспертов сообщил следующее: *«Давно казахи откочевывали сюда с запада, но, попадая в неблагоприятные условия и не зная местности, они в большом количестве умирали, и их хоронили здесь, засыпая сверху камнями»*. Опрошенные нами казахи Дэлуун и Толбо сумонов аймака Баян-Улгий никак не связывают погребальные сооружения со своим прошлым.

Другой эпизод связан с почитанием тюркской каменной бабы, расположенной неподалеку от места проведения ежегодного состязания Наадам в Дэлгэрмэрэне (координаты объекта – СШ 49°57.120', ВД 91°23.190', высота над уровнем моря 1688 м). Наадам (монг. Эрийн гурван наадам – «три игрища мужей») – ежегодный общегосударственный праздник, проводимый летом и включающий в себя соревнования по трём основным национальным видам спорта монголов: борьбе, стрельбе из лука и скачкам. Рассматриваемое изваяние наиболее крупное, тщательнее других проработано и сохранившееся практически без повреждений. Местные жители «с давних пор» считают, что эта каменная баба приносит удачу лошадям. Вокруг изваяния выложено кольцо из камней, на шею повязаны хадаги с впутанными в них денежными купюрами, у подножия размещены хадаги, чаша с чаем. Для обеспечения наилучшего выступления необходимо перед началом скачек вокруг изваяния объехать верхом или обвести за поводья коня. Этот памятник покровительствует скакунам исключительно из этой местности. Пока мы не знаем, каким временем датируется начало распространения описанной обрядовой практики, также не известны причины, побудившие местных использовать именно это изваяние. К настоящему времени данное явление, по словам жителей Дэлгэрмурэна, «уже стало традицией».

Для обращения к другой широко известной в народе каменной бабе, именуемой «Цагаан Хушуу» («Белый памятник»), выбрано время Цагаан-сара («Белого месяца») – Нового года по лунному календарю. Изваяние расположено на северной окраине г. Улаангом (СШ 50°00.554', ВД 92°02.772', высота над уровнем моря 911 м.), обращено на северо-восток, на небольшом возвышении на ровном поле. Перед фигурой наброшены камни. На шею повязаны хадаги, у основания размещены деньги и современные игрушки в виде лошадок, что опять свидетельствует о некоей связи между лошадьми и каменными изваяниями.

Причины частичного повреждения либо разрушения некоторых статуй Монголии различны. Больше всего страдают объекты, расположенные возле оживлённых маршрутов. Местное население по большей части считает, что их разбивают молнии. Почти все из зафиксированных нами статуй используются населением Увс аймака в современных обрядах. Это хорошо видно не только по следам жирных пятен от «кормления» на головах каменных фигур, но и по приношениям в виде повязанных на шею и пояс статуй хадагов, чаш с напитками, денег и т.п. Традиция устанавливает круг специальных поводов обращения к определённым статуям (Кимеев и др., 2012: 48, 50–51).

Продолжение сбора информации о современном использовании древних памятников в сочетании с уже известными случаями позволит систематизировать подобную деятельность и определить, насколько это использование благоприятствует сохранности памятника.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала ВШ» Министерства образования и науки РФ по теме «Изучение тюркско-монгольского

(ойратского) этнокультурного наследия и систем традиционного природопользования этносов российской и западномонгольской части Алтае-Саянского экорегиона).

² То есть эти объекты были внесены в список историко-культурных памятников, хранящийся в Администрации аймака и «Музее Увс аймака им. маршала Ю. Цеденбала» и составленный директором музея Б. Лхагвасурэном. Большая часть памятников была им же обследована и зафиксирована.

³ Баг – наименьшая административная единица, бывшие сельскохозяйственные бригады.

Список источников и литературы

Волков В.В. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб отдие, 1978. – С. 101–107.

Кимеев В.М., Терентьев В.И., Акулова А.С., Ширин Ю.В., Батсуурь Лхагвасурэн. Очерки Западной Монголии. – Кемерово: Примула, 2012. – Т. 1: Традиции и современность.– 206 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.О происхождении и эволюции скотоводства в древней Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: матер. VIII международной конф.– Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. – Т. I. – С. 56–59.

Ожередов Ю.И. Предварительные исследования монументальной скульптуры в сомоне Умнэ-Говь Убсунурского аймака Западной Монголии // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 18–22.

Ожередов Ю.И. Новые находки археологических памятников в северных сомонах Ховдского аймака Западной Монголии / Ю.И. Ожередов, Ч. Мунхбаяр, А.Ю. Ожередова // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: матер. IX международной конф. (г. Ховд, 16-20 сентября 2009 г.). – Ховд, 2009. – Т. II. – С. 89–96.

Селезнев А.Г. Старые и новые иеротопии Сибири: технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. – Омск: Полиграфический центр КАМ, 2011. – С. 123 – 136.

Фрибус А.В., Юматов К.В. Политическая археология (объекты археологического наследия, национализм и этничность) // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера.– Кемерово: РИО КемГУ, 2011. - Вып. 25. – С. 185–191.

Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ Академкнига, 2003. – 592 с.

Бямбадорж Т. Увс аймгийн туух соёлын дурсгалууд. – Улаанбаатар, 1999. – 301 тал.

А.В. Тетенькин

Россия, Иркутск, государственный технический университет

ПЛАНИГРАФИЯ 1-2 КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КОВРИЖКА III НА НИЖНЕМ ВИТИМЕ

Abstract

The report is devoted to the planigraphy of cultural horizons 1, 1A, 2 of site Kovrizhka III in lower part of Vitim Valley. The noncalibrated radiocarbon age of horizons 1, 1A is about 8,1-8,2 kyr BP. The dates for

horizons 2 is about 10,4-11,0 kyr BP. The most complex construction is from horizon 2. It is unique because of the set of technical features such as digging in, stone supports, dapping, and the construction of extensions. The building materials were crafted. At horizon 1A an extension was added to the dwelling. We estimate the existence of specific cultural tradition lasting at least 2 thousand years. These results shed the light on to the problem of cultural variability of the assemblages of Final Pleistocene – Early Holocene of Lower Vitim because of the horizons 2 and 1A contain the remains of Duktai and Sumnagin types correspondingly.

Местонахождение Коврижка III расположено в центральной части Байкало-Патомского нагорья, в нижнем течении Витима его, в 2 км ниже по течению от известного памятника Большой Якорь I (Бодайбинский район Иркутской области) (Инешин, Тетенькин, 2010). Стоянка открыта и изучается с 1996 г. (Тетенькин, 2009, 2010). Общая вскрытая площадь составляет 46 кв.м. Одной из выразительных особенностей объекта являются остатки пространственных стояночных структур обитания, которой посвящен настоящий доклад.

На данном этапе изучения памятника выделено несколько уровней залегания культурных остатков: 0-вой 1, 1А, 2-верхний, 2-нижний и 3 культурный горизонты. Культуросодержащие отложения представляют собой пачку желто-бурых и зеленоватых алевритов склоново-делювиального генезиса, мощностью до 1,0 м, наложенную на аллювиальные алеврито-песчано-галечные седименты мощностью около 1,5 м. Алеврит подошвы субэдральных отложений, к которому приурочены 2 и 3 к.г., сформирован с участием паводковых аллювиальных процессов. По углю из 1-го к.г. получена дата 8095 ± 120 л.н. (СОАН-8262). 1А к.г. имеет ^{14}C даты 8135 ± 120 л.н. (СОАН-7027), 8180 ± 130 л.н. (СОАН-5277). На части раскопанной площади он отделен от нижележащего 2 к.г. паводковой прослойкой мощностью до 1,5 см. Раскопки показали, что 2-й культурный горизонт имеет некоторую степень компрессии. В нем выявлены и датированы по ^{14}C очаги, отбивающие кровлю и подошву 2 к.г.: верхний уровень (очаг 5) - 10400 ± 200 л.н. (СОАН-7964), нижний уровень – (очаг 1) - 10940 ± 150 л.н. (СОАН-7029) и (очаг 3) - 11050 ± 210 л.н. (СОАН-7966). На этом основании в рамках 10,4 – 11,0 т.л.н. были выделены 2-верхний и 2-нижний к.г. По углю из 3 культурного горизонта получена радиоуглеродная дата 11390 ± 230 л.н. (СОАН-8261). Наиболее представительным, массовым и имеющим ярко выраженный планиграфический рисунок является 2-й культурный горизонт.

Наличие разновозрастных очагов верхнего и нижнего уровня 2-го культурного горизонта говорит о наложении стояночных структур если не на всей площади раскопа, то, по крайней мере, в его восточной части. Выявлено пять очажных комплексов. Три очага отнесены к 2-му нижнему к.г., три очага – к 2-му верхнему к.г. Отдельные детали планиграфического рисунка – локализация культурных остатков относительно позитивных элементов стояночного пространства (очагов, наковален), остатки конструкций из плит, участки скоплений специализированных орудий – говорят о сохранении каких-то участков стояночной структуры в относительной инситу.

Сохранность узких плиток из слюдянистого сланца плохая, что связано, по-видимому, с вертикальным положением плиток и попаданием воды в структуру камня. Горизонтально лежавшие плитки имеют относительно лучшую сохранность. Кость на Коврижке III сохранилась только в виде мелких жженных фрагментов.

Особенностью планиграфии Коврижки III является организация пространства каменными плитами. Четыре очага оборудованы. Во всех случаях это единичные (1-3) плиты, лежащие на периферии или в центре кострища. В одном очаге плита была установлена на ребро. В остальных – плашмя. Выявлены одиночно экспонированные плоские плиты с прилегающими рядом культурными остатками, интерпретируемые как столики-наковальни, организующие индивидуальные рабочие площадки. Наиболее сложными и интересными являются конструкции из плит. Центральное место в них

занимают узкие плоские сланцевые пластины, установленные на продольное ребро. На ребре же одной из них был обнаружен стоящий вертикально микронуклеус. В западной части раскопа был найден еще один вертикально стоящий микронуклеус у торца горизонтально лежащей широкой плиты. Общей особенностью узких, стоящих на ребре и линейно установленных плашмя нескольких горизонтальных плит является единая для всех ориентация с СЗ на ЮВ. Такова же ориентация овално вытянутых кострищ очагов в слое.

У юго-восточного окончания длинной массивной пластины из 2 к.г. (восточная часть раскопа), над ней, словно в ее продолжение, раскопана сланцевая длинная пластина, стоящая на ребре, в том же направлении, но уже не во 2-м, а в 1-м культурном горизонте. Прослежено подстилание под нее 1А культурного горизонта. Длина пластины составила около 200 см, высота 14 см. При ее разборке выявлен подпирающий короткий, широкий (40x20 см) сланцевый обломок, противостоящий наклону пластины. По сути, в этом случае мы имеем дело с крепидой искусственной конструкции.

В сезон 2012 г. была раскопана наиболее сложная искусственная конструкция из плит, принадлежащая 2 культурному горизонту (Рис. 1). В работе принимала участие аспирантка Центра по изучению первых американцев Техасского А&М университета (г. Колледж-Стэйшн) Хизер Л. Смит. Сооружение состоит из 5-6 установленных на ребро плит из слюдянистого сланца в виде составной стрелчатой конструкции из двух линий, сходящихся к одной сланцевой пластине, с двумя горизонтально вложенными овальными плитками, по-видимому, выполняющими замковую соединительную роль в поддержке стыков и вертикального положения плит-пластин. Кроме того, выявлен прием вкапывания-углубления стоящей на ребре плиты-пластины и подпорки ее обломком валунчика. В заполнении под горизонтальными плитками и в подошве под ребром плиты были найдены отщепы, чешуйки, сегменты микропластин, в том числе сегмент, снятый с найденного ранее во 2-м к.г. клиновидного микронуклеуса (Тетенькин, 2010: Рис. 23-1). Общая длина конструкции – около 1,8 м, максимальная высота около 14-15 см. Длина отдельных плит-пластин, установленных на ребро, от 20 см до 1,0 м, ширина до 15 см, толщина около 1,5–3 см. Размеры плашмя лежащих плиток – 13,7x13,0x2,0 см и 18,5x13,6x2,5 см. Если сохранность первых крайне плохая, то состояние горизонтально установленных плиток удовлетворительное. Оно позволяет наблюдать и сделать вывод об искусственном их оформлении. Последнее указывает на то, что существовала определенная сфера деятельности по производству-обработке сланцевых плитчатых отдельностей с целью получения строительных конструктивных материалов. Для археологии каменного века нижнего Витима этот вывод сделан впервые.

В сооружении данной конструкции был применен целый ряд технологических приемов: вертикальная поддержка «дощатых» плит-пластин способами вкапывания-заглубления, подпора камнями, а также составление в стыковые (пазовые?) соединения. Впервые в регионе археологические остатки позволяют характеризовать в таком объеме строительные навыки и традиции древних обитателей рубежа плейстоцен-голоцена.

Этот очевидно искусственный и наиболее сложный характер конструкции, подтверждает и предыдущие наши выводы об искусственном сооружении стоящих на ребре плит-пластин. Датировка конструкции опирается на ¹⁴C дату, полученную по углю из кострища-очага верхнего уровня 2 культурного горизонта, в 1,6 м от описываемой конструкции - 10400±200 л.н. (СОАН-7964).

Следующий сюжет связан с обстоятельством неполного, частичного перекрытия конструкции паводковой прослойкой. В результате юго-восточная часть ее, плита-пластина, была экспонирована к моменту обитания людей, сформировавших культурные остатки 1А горизонта. Многократно зафиксировано прилегание его артефактов к стенке плиты, из чего следует, что обитатели, ощущая присутствие, не

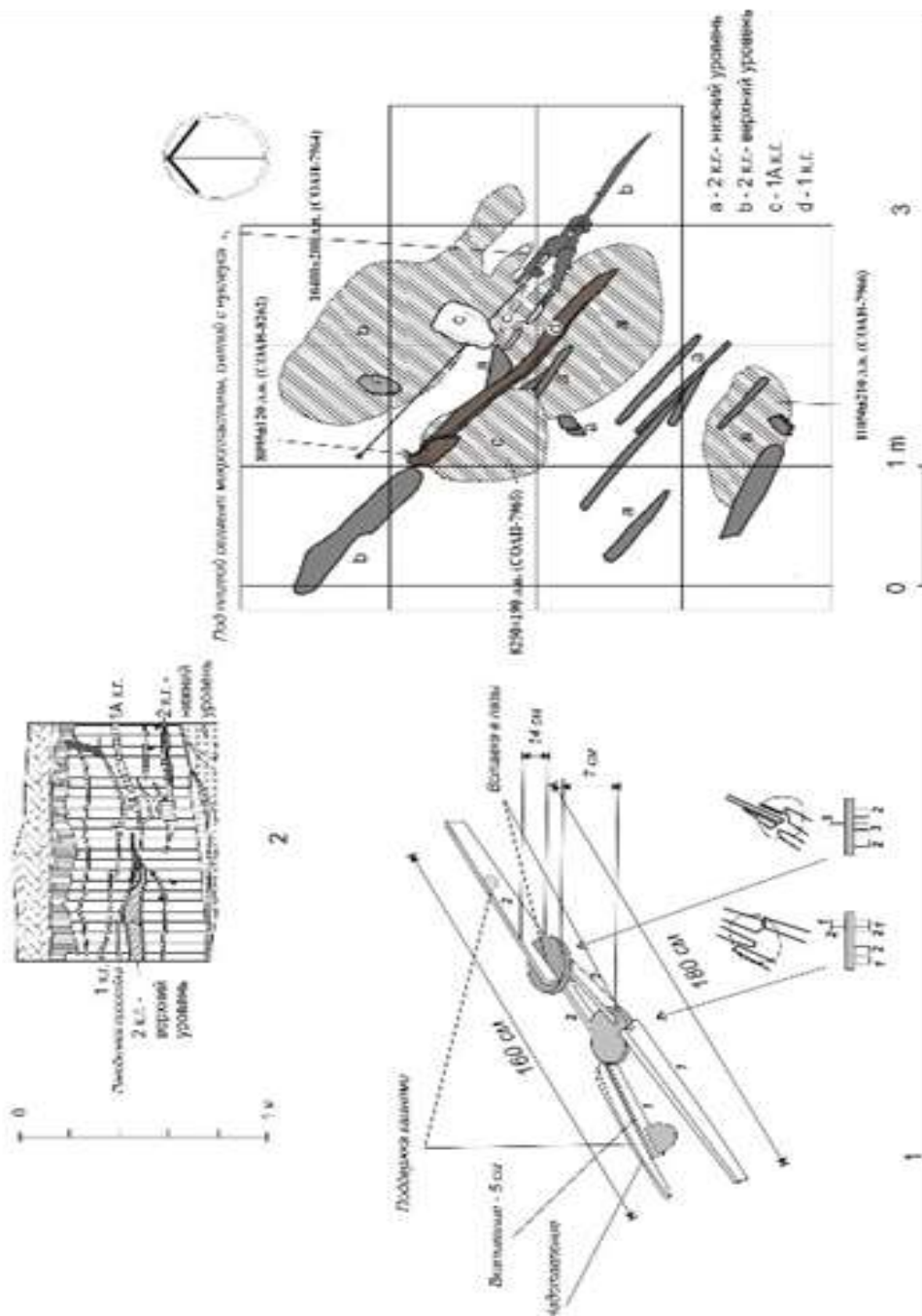

Рис. 1. Цифрами обозначены: 1 – реконструкция сооружения из сланцевых плиток из 2 культурного горизонта (верхний уровень); 2 – схема стратиграфии культуровмещающих отложений Коврижки III в восточной части раскопа; 3 - «палимпсест» кострищ очагов и сооружений из камня в восточной части раскопа, из 2 к.г. – нижнего и верхнего уровней и из 1А и 1 к.г.

нарушили и сохранили ее. Кроме того, в продолжение линии конструкции выше паводковой прослойки, в 1А к.г. найдены две плохо сохранившиеся сланцевые плитки-пластины. В этой связи следует отметить, и что раскопанная в 1-м культурном горизонте вышеотмеченная плита на ребре, подпертая каменным обломком (Тетькин, 2010: Рис. 20-1), расположена в той же ориентации и в непосредственной близости (менее 0,5 м) от описываемой конструкции. Обе эти ситуации могут быть интерпретированы как эпизоды подновления (1А к.г.) или возобновления (1 к.г.) сооружения. По имеющимся сегодня ^{14}C датам время этих эпизодов – около 8,2-8,1

т.л.н. Высказанный нами ранее тезис о длительном существовании транслируемой свыше 2 тысяч лет культурной традиции специфической линейной организации пространства стоянки (Тетенькин, 2010: 106), таким образом, получает дополнительное подтверждение.

Беря во внимание проблему объяснения культурной вариабельности ансамблей нижнего Витима конца плейстоцена – раннего голоцена (Инешин, Тетенькин, 2005; Тетенькин, 2010, 2011), следует подчеркнуть типологически существенное отличие друг от друга комплексов 1А (типа Большой Северной) и 2 (типа Авдеихи) культурных горизонтов. В Якутии, например, этому обстоятельству придан характер смены населения новой волной мигрантов (Мочанов, 1977). Если правы мы в своих выводах о наследовании традиции обитания на прежнем месте, воспроизводства существующей организации локального пространства стоянки вкупе с трансляцией семантики линейных сооружений, то более валидной выглядит гипотеза сохранения культурной и популяционной преемственности населения на фоне существенных изменений в технологии расщепления, в освоении новых ресурсов поделочного камня и возрастания за этот счет технологической мобильности населения в адаптации к ситуациям различным по сезонности, продолжительности и хозяйственной функции.

Вопрос о назначении конструкции остается нерешенным. Очевидно, что изначально она была больше в размерах и, вероятно, более сложна. Наблюдаемые остатки плит на ребре сохранились очень плохо. Следует принять во внимание, что эта и другие линейные конструкции найдены в контексте стоянки. Как правило, рядом встречены пятна кострищ, в соприкосновении с плитами отмечены артефакты. В этом смысле нет выделенных сакральной и профанной зон. С другой стороны стоит наблюдение ориентированности всех конструкций на скальный уступ на гребне противоположного борта Витима, имеющий сегодня в ракурсе со стоянки антропоморфный «носатый» профиль. Не ясно, правда, как выглядел этот контур в исследуемое время.

Подводя предварительные итоги выявленного сооружения из 2 культурного горизонта, следует, во-первых, указать, что свидетельства конструктивно столь сложной организации плит и **производства каменных строительных элементов** в ансамблях каменного века и рубежа плейстоцен-голоцена, в частности, на нижнем Витиме встречены впервые. В этом, безусловная уникальность объекта. До этого известны были каменные вымостки, очаги с кольцевой обкладкой и с установленными на ребро приочажными плитами (вероятно, для устройства тагана) из 3А-9 культурных горизонтов Большого Якоря I (Инешин, Тетенькин, 2010). На Коврижке II в 5 культурном горизонте возрастом около 11,3 тыс.л.н. выявлен очаг с одной плиткой на поверхности, организованный вплотную к стенке скального останца-укрытия (Тетенькин, 2010). Во-вторых, уникальна ситуация сохранения постройки в эпизоде более позднего обитания (1А к.г.). Она дает дополнительные и уникальные возможности к характеристике вариабельности культурных ансамблей возраста 11-8 тысяч лет.

Список источников и литературы

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч.1. – С.96-104.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995-2009 гг.) // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып.8. – С. 64-134.

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 94-95.

Тетенькин А.В. Развитие археологии Нижнего Витима в контексте исследований группы местонахождений Коврижка I-IV // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 322-332.

К.Н. Тихомиров

Россия, Омск, филиал института археологии и этнографии СО РАН

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ИРТЫШСКИХ ТАТАР В XVII — XIX ВВ.¹

Abstract

The article analyses some elements of a life support system of ancestors of Kourdaksky Tatars in the 17th-19th centuries.

Одной из важнейших составляющих культуры является система жизнеобеспечения. Её формирование обусловлено природно-географическими условиями в которых жили люди, историческими и этнокультурными процессами, происходивших среди населения той территории. Сочетание этих факторов и степень их воздействия была различной. Вследствие этого формировались системы в целом похожие друг на друга, но своеобразные в мелочах, появление которых было обусловлено указанными выше факторами. В отдельных случаях некоторые из этих особенностей можно зафиксировать археологическими способами и исследовать их используя данные других наук. Возможность их исследования и их оригинальность делают их пригодными для использования в качестве маркеров этнокультурных групп.

Достаточно трудно в полной мере выявить систему жизнеобеспечения какой-либо группы на основе этнографических данных и даже письменных источников (хотя такие работы известны (Головнёв, 1993; Адаев, 2007; Гололобов, 2009 и т.д.). Ещё более трудной задачей является получение представления о системе жизнеобеспечения дописьменных социумов. Тем не менее, используя археологические материалы можно выявить некоторые её элементы.

Археологические работы, дополненные личными наблюдениями, проведенные в течение ряда лет на территории Знаменского, Тарского и Муромцевского районов Омской области позволяют выявить некоторые элементы системы жизнеобеспечения.

В частности было замечено, что расположение памятников населения эпохи позднего средневековья в указанных районах имеет свои закономерности (Тихомиров, 2012а). Так, замечено, что комплексы поздних памятников образовывали микрорегионы, с особой историей и природными условиями. Размещение этих

микрорегионов также имело свои закономерности и было продиктовано природными условиями.

Прежде всего, отмечается, что все поселенческие комплексы указанного времени никогда не выходили за пределы узкой прибрежной полосы правого берега р. Иртыш, ограниченной бровкой террасы правого берега. Подобная закономерность прослеживается и в соседних Тарском и Тевризском районах (судя по картографическим данным). Наблюдается определенная закономерность в превалярующем расположении поселений в разные эпохи. Так, в период раннего средневековья, представленного здесь древностями потчевашской археологической культуры, превалярующим местом расположения поселений являлась бровка правобережной террасы р. Иртыш или на останцах обтекания. Лишь в одном случае зафиксировано поселение на невысокой сильно сглаженной дюне в пойме р. Иртыш на берегу оз. Кавырдак.

В XVII – XVIII вв. фиксируется система освоения жизненноважных ресурсов путём создания сети сезонных поселений (летников и зимников). Эти системы, дополненные погребальными комплексами, сосредоточены в крупных меандрах разного вида (синусовидные, сегментовидные, заваленные и т.д.) правого берега р. Иртыш. Возможно, важной причиной размещения их на правой стороне, было и наличие тайги, как дополнительного мощного ресурса обеспечения жизнеобеспечения. Связь с тайгой может свидетельствовать о традиционности такого хозяйствования и служить доказательством длительного проживания в этих условиях. Например, в жизнеобеспечении пришлого населения из европейской части России, таёжный ресурсы не играли столь значительной роли и они могли себе позволить проживать на левом берегу р. Иртыш, менее облесенном.

Важным стимулом в выборе расположения таких микрорегионов было наличие благоприятных условий для ведения хозяйства. Так, занятие скотоводством требовало наличия обширных пастбищ, которые и располагались в пойме р. Иртыш, а наличие естественных их границ в виде реки, окружавшей их с трех сторон, что давало возможность выпаса без присмотра, служило дополнительной гарантией успешного скотоводства.

Следует отметить определённые закономерности в микроусловиях расположения поселений. Зимние поселения практически всегда располагались у выхода из нижнего крыла излучины на бровках высоких террас или останцов. В некоторых случаях здесь находились городища (Усть-Тамак II, Качуково V). Можно предположить, что они сторожили границы освоения. Возможно такая ситуация зафиксирована в письменных источниках. Так на картах С.У. Ремезова фиксируется несколько группировок названий «Тепкашцы», «Ташетканцы», «Туралы», «Качаковы», «Аялы» и др. (Хорографическая чертежная книга... 2011: л. 90-92), вероятно отражающие реально существовавшие группы населения. Судя по картам, составленным С.У. Ремезовым, эти группы также располагались в меандрах р. Иртыш в основании, которой были расположены волосные центры. По данным Г.Ф.Миллера существующие в его время или недавно действующие остроги служили населению окрестных деревень для укрытия от опасностей и зимовки. Такая ситуация была с Ишимским, Тебендинским, Тавинским, Кулларским и Курдакскими острогами, и окрестными поселениями (Сибирь XVIII века..., 1996: 82-85). Можно предположить, что их было больше. Так, известно, что в этом районе существовал и Ташетканский городок. Возможно, большинство зимних поселений выполняло эту роль, но в меньшем объёме. Летние поселения находились у входа, верхнего крыла, в привершинном участке меандров в пойме на невысоких дюнах и сильно размытых останцах обтекания.

Мазараты располагались на бровках террас и часто были связаны с поселениями, расстояние между ними не превышало 1-2 км. Пункты добычи продуктов питания. Рыболовство — пойменные речки и озёра, зимовальные ямы на р. Иртыш. Указанные ямы располагались в основном в вершинах, у входа или выхода меандров. Наблюдается взаимосвязь в расположении летних поселений и зимовальных ям (Тихомиров, 2012б). Пастбища как правило располагались в пойменных сегментах (или «шпорах излучины»). Места добычи кедрового ореха располагались в местах строго определено особенностями дерева, в частности требованиям к почвам, их дренированию, влажности и затенённости мест произрастания и др. факторами. Поэтому кедрячи расположены в одних и тех же местах на протяжении значительного времени (наиболее урожайный период в возрасте 140-260 лет), которые до сих пор известны и традиционно используются. Можно предположить, что лес, росший на террасе, использовался для нужд обеспечения проживания в условиях зимы (строительный материал, дрова, части орудий – дровяки, посуда (берестяные изделия), обувь (берестяные подпятки и запятки), еда (ягоды, кедровые орехи, дичь, различные животные и др.). Вся система была связана сетью дорог. Таким образом, мы создавались самодостаточные в экономическом плане микрорегионы, расположенные в крупных меандрах правого берега р. Иртыш. Однако существовала и другая важная сторона жизнеобеспечения — социально-политическая.

Важнейшим фактором формирования локально-исторического микрорегиона стали социально-политический и исторические факторы. Так, можно предположить, что данные образования-результат социальных процессов, происходивших в обществе. В нашем случае мы можем предположить распад родовых связей и больших семей и превращение их в малые семьи и возможно формирование соседских (территориальных) общин. О факте существования таких общин у западносибирского населения накануне и в первые периоды российского освоения Сибири, говорят ряд исследователей (Долгих, 1960: 11; Емельянов, 1980: 48; Бояршинова, 1960: 113). Процесс распада родовых общин сопровождался закреплением за выделившимися территориальными общинами определенных территорий. Результатом этого стало формирование микрорегионов в которых в определенных природно-географических условиях проживало моноэтническое население, со своими культурными особенностями сформировавшихся в ходе их адаптации к меняющимся природно-географическим и историческим факторам.

В целом картина приспособления складывается такая. Вся область расселения предков коурдакских, туралинских и аялыньских татар находится на правом берегу р. Иртыша и р. Тара, в границах речной долины. Все поселения сосредоточены в пределах долины правого берега р. Иртыш. Все они образуют локально-исторические микрорегионы. Такая ситуация была вызвана определенными природными условиями в которых существовали данные социумы. Эти условия обусловили и определенные способы получения продуктов питания в данном случае это охота и рыболовство, впоследствии дополненное скотоводством. Социальной составляющей системы жизнеобеспечения стала система распределения территорий получения продуктов питания в виде соседской (территориальной общины).

Таким образом, в процессе своего проживания в конкретных природно-географических условиях и тесно взаимодействуя с ним для своего выживания, население некоторых районов южнотаёжного Прииртышья выработало определенную систему выживания, состоящую из двух основных компонентов — системы взаимодействия с природной средой и системой социальных и политических отношений, направленной на выживание человеком. Данная система имеет свои особенности и свои маркеры, по которым её можно выявить и исследовать

археологическими (с привлечением других источников — письменных и этнографических) методами. Это, прежде всего, историко-культурные образования, в основном расположенные на правом берегу р. Иртыш, каждое из таких образований имеет строгую структуру (летние и зимние поселения, пастбища, места добычи рыбы) расположенную в схожих природно-географических условиях. Оригинальность этой системы жизнеобеспечения на фоне, появившегося из-за Уральских гор, может служить одним из маркером для выделения местной культуры по археологическим материалам.

Примечания

¹ Работа подготовлена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» Проект «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках».

Список источников и литературы

Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. - Тюмень: Вектор Бук, 2007. - 240 с.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1960. – 155 с.

Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. - 204 с.

Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917-1930): исторические корни современных экологических проблем. - Ханты-Мансийск: Редакционно-издательский отдел БУ «Институт развития образования», 2009. - 222 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. - М., 1960. – 622 с.- (ТИЭ. Новая серия; т. 55).

Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). – Томск: Изд-во Томск гос. ун-та, 1980. – 238 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев (на основе данных специальной разработки материалов переписи 1897 г). - СПб, 1911.- Т. 2: Тобольская, Томская, Енисейская губернии. – 432 с. - (Зап. ИРГО по отд-нию статистики; вып. 2; т. 11).

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Милера. - Новосибирск, 1996. – 310 с. - (История Сибири. Первоисточники; вып.6).

Тихомиров К.Н. Локально-исторические микрорегионы в Знаменском районе Омской области // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. - Омск, 2012а.- Ч.III.- С. 234-237.

Тихомиров К.Н. О локально-исторических микрорегионах (по материалам исследований в Знаменском районе Омской области) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сб. науч. тр. - Омск: «Амфора», 2012б. - С. 204-210.

Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова. – Тобольск, 2011. - 629 с.

А.А. Тишкин

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕНТРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ БУЯНТА (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ) КАК ОДИН
ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТАЦИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЛЕМЕН
К ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ РЕГИОНА¹**

Abstract

Field research, which has been carried out regularly in the territory of a valley of Buyant river in the Novd aimak of Mongolia, has created a picture of different periods of history based on the arrangement of archaeological objects. These data partially reflect processes of adaptation of people to changing landscape-climatic conditions of the region.

Начиная с 2006 г. ежегодно осуществляются экспедиционные работы Алтайского государственного университета в Западной Монголии. Они проводятся совместно с монгольскими коллегами из Улаанбаатара и Ховда. Территорией регулярных изысканий и постоянных исследований археологических объектов стала долина Буянта (правый приток Ховда). К настоящему времени наиболее изученным является участок среднего течения указанной реки (высота над уровнем моря – немного более 1500 м и ниже). Там зафиксировано значительное количество памятников, датируемых от эпохи камня до позднего средневековья. Часть комплексов раскопана, производились и сборы подъемных материалов. Обнаруженные находки хранятся в музее Ховдского университета. Следует указать, что не все объекты на обозначенной территории еще выявлены и документированы. Такую работу необходимо продолжить, используя метод сплошного обследования намеченных участков.

Накопленные к настоящему времени археологические данные дают возможность сформулировать ряд наблюдений, которые отражают влияние природно-климатических условий на древние и средневековые социумы. Эти сведения соотносятся с формирующейся культурно-хронологической схемой истории Монгольского Алтая, в основу которой пока положены показатели калиброванных радиоуглеродных датировок, а также немногочисленные вещественные материалы, полученные в ходе раскопок и разведок.

Прежде чем охарактеризовать наиболее изученные периоды, есть смысл кратко остановиться на обнаруженных свидетельствах каменного века. Все зафиксированные места древнейших стоянок не стратифицированы. Разрозненные каменные изделия и отходы от их производства обнаруживаются практически везде на террасах Буянта и у подножий гор. Иногда наблюдается концентрация находок, что, по всей видимости, связано с наличием небольших стоячих водоемов и местами изготовления орудий. Целенаправленные исследования данных объектов автором не проводились, а сборы каменных артефактов осуществлялись не системно. Тем не менее, уже сейчас имеется несколько коллекций, которые переданы в музей Ховдского университета. Часть их опубликована (Кунгуров, Тишкин, 2008). Среди подъемного материала есть орудия труда, определяемые от конца среднего палеолита до неолита. На основе полученных данных следует заключить, что средний участок долины Буянта был обитаем начиная от позднемустьерского времени. Можно также отметить зафиксированные факты переиспользования (реутилизации) каменных артефактов.

Изделия древнейшей эпохи попадались и в верховьях Буянта, где высота над уровнем моря составляет более 2000 м. Обследованные там места, скорее всего, были удобными для обитания в самом конце плейстоцена и в раннем голоцене. Об этом свидетельствуют находки верхнепалеолитического и мезолитического облика.

Памятников, достоверно относящихся к энеолиту, в рассматриваемой долине пока не зафиксировано. Что касается следующего периода (ранней бронзы), то к настоящему времени его можно считать одним из изученных. Это связано со специально проведенными поисками и целенаправленными раскопками. В результате все зафиксированные объекты найдены на левобережье Буянта, в его среднем течении. Они выделяются специфическими каменными сооружениями, которые в культурном отношении определяются как свидетельства чемурчекского феномена, более известного на территории западных отрогов Монгольского Алтая, в Джунгарии (Ковалев, 2005, 20012 и др.; Тишкин, Грушин, Ковалев, Мунхбаяр, Эрдэнэбаатар, 2012).

Впервые исследованные в долине Буянта памятники ранней бронзы (Шарсум-I, Полигон-I, Халзан узуур-II, Улаан худаг-I и II) датируются 2-й половиной III – 1-й третью II тыс. до н.э. на основании полученных радиоуглеродных датировок, а также на анализе всего зафиксированного археологического материала (Тишкин, Мунхбаяр, Грушин, 2009; Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2010; Тишкин, Мунхбаяр, Грушин, Эрдэнэбаатар, 2011; и др.). Имеющиеся данные свидетельствуют о наличие своеобразной группы погребальных и ритуальных объектов, которые оставили скотоводческие социумы. Антропологические определения указывают на доминирование европеоидов и наличие метисных форм. Вопросы их происхождения в настоящее время решаются с помощью молекулярно-генетических анализов.

В 2010 г. с целью обнаружения чемурчекских памятников автором специально обследовались верховья Буянта. Судя по топографическим картам и по доступным космическим снимкам, эта река сформировала своеобразный коридор, который определяет путь из западных отрогов к восточным территориям Монгольского Алтая, а также указывает выход к истокам Иртыша. Однако характерные чемурчекские сооружения не были зафиксированы. Зато в значительном количестве обнаружены погребальные комплексы, визуально определяемые и относимые к поздней бронзе. Такие каменные объекты там представляют целые курганные поля. Среди них много крупных сооружений. Хорошо фиксируемый феномен отражает существование определенных природных условий, которые сложились в регионе в конце II– начале I тыс. до н.э. Это связано с потеплением. По данным палеогеографических исследований, на территории российского Алтая приблизительно в период с 1200 по 1000 гг. до н.э. средние летние температуры воздуха были выше, а ледники, следовательно, стали меньше современных. В результате высотные растительные пояса переместились и отличались от нынешних. Данное обстоятельство способствовало переселению значительного количества скотоводческих групп в более удобные пространства среднегорья. Одним из таких районов стали верховья Буянта. Позднее природно-климатическая ситуация изменилась в сторону похолодания, что, вероятнее всего, и вызвало существенные подвижки населения в аржано-майэмирское время. Следует указать, что так называемых херексоров с лучами в верховьях Буянта зафиксировано мало. При этом они встречаются отдельно либо присутствуют на окраинах указанных могильных полей. «Оленные» камни на обследованных многочисленных памятниках там не обнаружены.

Херексуры, в том числе очень крупных размеров и с «лучами», находятся в среднем течении Буянта. Особое место среди них занимает памятник Баян булаг-I, где проведены неоднократные обследования и выявлена серия ранее неизвестных «оленных» камней. На археологическом комплексе Улаан худаг-I, который располагается неподалеку от него и в той же экологической зоне долины Буянта, предприняты раскопки одного херексура диаметром около 36 м, но работы там еще не закончены. Упомянутые и другие подобные объекты, по-видимому, свидетельствуют о

своеобразном племенном центре, который существовал в начале I тыс. до н.э. на рассматриваемой территории. Характерные примерно для того же времени памятники монгун-тайгинского типа также широко встречаются в среднем течении Буянта. Но они дистанцированы от херексуров с «лучами» и «оленными» камнями.

Следующий хорошо фиксируемый конгломерат памятников соотносится с ранним средневековьем. В верховьях Буянта такие объекты имеются. Визуально они представлены тюркскими оградками, среди которых наиболее известен комплекс на окраине современного поселка Дэлун (Төрбат и др., 2009). В среднем течении Буянта и немного ниже таких памятников значительно больше. Именно там исследована серия тюркских оградок (Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008; и др.).

Следует отметить факты существенных скоплений древних и средневековых памятников. В этом отношении урочище Баян булаг представляет показательный пример. Кроме упомянутых «царских» херексуров с «оленными» камнями, зафиксированы многочисленные погребальные комплексы поздней бронзы, а также тюркские оградки и связанные с ними изваяния. При дальнейшем проведении работ могут быть выявлены объекты других периодов. В урочище Улаан худаг, находящемся ниже по течению Буянта, уже представленную картину дополняют памятники чумурской общности. Можно добавить еще несколько примеров компактного расположения разновременных памятников на ограниченной территории, которые отражают своеобразные археологические микрорайоны.

За время работ в Монголии удалось изучить определенное количество случайных находок. Часть их уже введена в научный оборот. Другие готовятся к публикации. Систематизации накопленных материалов позволит наполнить содержанием отдельные периоды истории. Однако информационный потенциал находок был бы значительно выше, если бы изделия происходили из конкретных археологических объектов.

В заключение необходимо указать, что сделанные наблюдения носят предварительный характер. Работы будут продолжены во всех намеченных направлениях. Особенно перспективным выглядит проведение обследований на территории нижнего течения Буянта, а также привлечение для анализа изобразительных источников в виде скоплений петроглифов.

Примечания

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект № 13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

Список источников и литературы

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 92–102.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 62–68.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // *Западная и Южная Сибирь в древности*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 178–184.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека м прилегающих территорий. – СПб: ЛД-ПРИНТ, 2012. – 158 с.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Местонахождение каменных артефактов около г. Ховда // *Теория и практика археологических исследования*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 73–85.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Радиоуглеродное датирование курганов эпохи бронзы, исследованных в долине Буянта (Западная Монголия) // *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний*. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 434–436.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Пристройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // *Методика исследования культовых комплексов*. – Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012. – С. 104–114.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч., Грушин С.П. Исследование кургана эпохи бронзы на памятнике Улаан худаг-II в долине р. Буянт (Западная Монголия) // *Туухийн товчоон*. – Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2009. – Т. IV. – С. 79–84. (на рус. яз.).

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С. П., Эрдэнэбаатар Д. Памятники ранней бронзы в долине Буянта (Монгольский Алтай) // *Известия Алтайского государственного университета*. – 2011. – Вып. 4/1. – С. 200–208.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвэндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн Дурсгалууд-I Баян-өлгий аймаг. – Улаанбаатар: Өнгөт хэлэл, 2009. – 424 т. (на монг. яз.).

N.I. Bykov¹, A.A. Tishkin²

Russia, Barnaul,^{1,2}Altai State University

CLIMATIC CHANGES IN ALTAI AND MODERN CULTURAL- CHRONOLOGICAL CONCEPT OF STUDYING OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY³

Аннотация

Детальная периодизация исторического процесса дает основания для рассмотрения взаимодействия древних и средневековых народов с окружающей средой. Установлено, что в смене археологических культур Алтая и изменении климата наблюдается синхронность. Исчезновение существовавших обществ отмечается в периоды глубокого понижения температуры воздуха и увеличения снежности зим. Такие условия приводили к резкому сокращению зимних пастбищ, падежу скота и, как следствие, к сокращению населения или миграции. Последующее потепление создавало возможности для формирования и развития новой культуры.

Archaeological evidences promote expansion of knowledge about a condition of the surrounding environment of last eras, and also about interaction of people and the nature. The buried soils, the remained wood and other materials are used for this purpose. Some conclusions can be received by a correlation of historical and climatic processes. It demands not only detailed reconstruction of a natural component, but also establishment of more exact chronological framework of certain stages of history.

During long-term archaeological researches in Altai the following scheme of stage-by-stage development of the recorded cattle breeding cultures was created (Tishkin, 2007: 236):
The Late Antiquity

(The Early Iron Age; VIII century B.C. – V century A.D.)

- Arzhan-Mayemir time: **Biike culture** and its stages:
 - 1) kurtus (end of IX – first half of VIII centuries B.C.);
 - 2) semisart (second half of VIII – first half of VII centuries B.C.);
 - 3) boitygem (second half of VII – second and third quarter of VI centuries B.C.);
- Pazyryk time: **Pazyryk culture** and its stages:
 - 1) bashadar (second half of VI – first half of V centuries B.C.);
 - 2) kyzyl-dzhar (second half of V – third quarter of IV centuries B.C.);
 - 3) shibe (last quarter of IV – III centuries B.C.);
- Khunnu-Syanbi-Zhuzhan time: **Bulan-Koby culture** and its stages:
 - 1) ust-edigan (II century B.C. – I century A.D.);
 - 2) belo-bom (II – I half of IV century A.D.);
 - 3) verkh-uimon (second half of IV – first half of V centuries A.D.).

The Early and Developed Middle Ages

(The Late Iron Age; VI–XIV centuries A.D.)

- Turk time: **Turk culture** and its stages:
 - 1) kyzyl-tash (second half of V – first half of VI centuries);
 - 2) kudyrgе (second half of VI – first half of VII centuries);
 - 3) katanda (second half of VII – first half of VIII centuries);
 - 4) tuekta (second half of VII – first half of IX centuries);
 - 5) kurai (second half of IX – first half of X century);
 - 6) baltargan (second half of X – XI centuries);
- Kyrgyz time: **Kyrgyzculture** and its stages:
 - 1) yakonur (second half of IX – first half of X centuries);
 - 2) ak-tash (second half of X – XI centuries);
- Mongol time: **Mongoliantimeculture** and its stages:
 - 1) verkh-elanda (XII century A.D.);
 - 2) ust-biike (XII – XIV centuries).

The designated stages are allocated on the basis of systematization and typology of inventory from the funeral complexes containing the most mass and representative material. The received chronological pieces are supported with the calibrated radio-carbon datings. Studying of features of a funeral ceremony allowed to reveal ethnocultural components at the population living in the specified territory in designated time. All allocated chronological groups are correlated to known historical events which occurred in Eurasia and reflected in various written sources. As a result the ethnocultural history of the people of Altai from Arzhan-Mayemir till the Mongolian time is stated in general view.

Specification of paleo-climate history of Altai was promoted by dendrochronological researches of archaeological wood and trees of the upper bound of the wood. Dendrochronological data were added with the materials received from written sources (Bykov, Bykova, 2006: 27).

Before to the beginning of the period investigated by us the climate of Altai is characterized as warm (the last warming subboreal). In Altai this warming was observed approximately during 1200–1000 BC. Middle-summer air temperature were higher, and glaciers were less than modern. High-rise vegetable belts settled down slightly above, than today. However about 3000 years ago the trend of a long-term course of middle-summer air temperatures changes. The cold snap which is accompanied by approach of glaciers begins and is carried out by several waves. The beginning of this process is the share of a transition period from a bronze era to the early Iron Age. For Southern Siberia and East Kazakhstan it can be conditionally designated as Arzhan-Mayemir time. During this period the population already owned skills of riding on a horse, the nomadic and semi-nomadic cattle breeding was

issued. Such type of economy and mobile way of life created a certain life (food, clothes, dwellings), a peculiar complex of things, norms and behavior rules, types of occupations, skills, the work organization, world outlook representations. Reflection of all this was shown in realization of the funeral ceremony which has partially reached us in the form of funeral constructions, remains of the died people and inventory. Carriers of an Arzhan-Mayemir community (Biike, Mayemir, Tasmol, Tagar, Aldy-bel cultures) laid the foundation for formation of a nomadic civilization of Southern Siberia and adjacent territories. Unfortunately, direct written evidences on them aren't present. Only indirect data allow to plan definitely the reasons of ethnocultural changes, migrations and contacts.

In the middle of the VI century BC there is a sharp short-term fall of air temperatures which was shown in other territories of Siberia too. At the same time, synchronously there are also changes in society. The culture of the population of Altai essentially changes. It is connected with penetration of Saks tribes, and also with arrival of the strong nomadic horde which has subordinated the local people. As a result there was the new community which has received in archeology the name «Pazyryk culture». It is possible to connect formation with its development in Altai of the breeding union or the prestate formation. At this time in upper stream of Ob river there was not less powerful association called by Kamen culture. Other cultural and historical environment of a Pazyryk community (Sak, Bystryan, Tagar, Sagly cultures) is revealed also. Contacts with civilizations of the Middle East and China are noted.

The analysis of the wood-ring chronologies received on objects of the Central and South East Altai, testifies that Skifo-Saks time in Altai was colder, especially at the end of it (III century BC). Temperatures during this period were on 2-2.2zs below modern. To such climate there corresponded more long frosty period. Values of thickness of snow cover, water content of the rivers of not glacial valleys, became higher than a icing of the territory. The balance of weight of glaciers probably was positive. The vegetable cover responded to change of a hydrothermal mode of the territory increase in a share of mezofites in a vegetable cover of a mountain-steppe belt, decrease in the upper bound of the wood. Climatic changes as a whole created adverse conditions for nomadic animal husbandry and probably were one and the reasons of decrease in the importance of carriers of Pazyryk culture in the economic and demographic relation.

The new wave of heat in the II century BC also coincides with essential changes in society. In 201 BC during military expansion of the power to Khunnu there was a final weakening of «pazyrykers». In the II century BC the new population which played a leading role in formation of Bulan-Koby culture went to Altai. For development of this community strong influence of such well-known nomadic empires, as Khunnu (209 BC – 93 AD), Syanbi (93–235 AD) and Zhuzhan (359–552 AD) is characteristic. In structure of the specified states the territory of Altai was included into the different periods. Continuous inflow of new groups of the population was thus carried out, the evidences of that are changes fixed by archeologists in material culture. At the beginning of I thousand AD the Bulan-Koby culture was surrounded by other communities in adjacent territories (Kulay, Mayma, Tashtyk, Kokel).

In 460 AD Zhuan-Zhuani moved from East Turkestan to Altai the Ashina tribe who managed to consolidate round itself Bulan-Koby tribes. As a result there was a community known in the history under the self-name «Turk» (Turkic peoples). The middle of the VI century AD was marked by a sharp short-term cold snap that was noted in other parts of Siberia too. This climatic fluctuation coincided with the beginning of prompt distribution of this culture out of borders of Altai. Development of Turk culture led to formation of the power of nomads – the Great (I) Turkic khaganate (552–604). The further history of the population of Altai is connected with existence of such states, as the I East Turkic (604–650), the II East Turkic (682–744), Uigur (745–840) and Kyrgyz (840 – XI century AD)

khaganates. During the period since the end of a late antiquity and before the developed Middle Ages in the upper stream of Ob river and in other adjacent territories actively there were processes of ethnocultural interaction. The second half of Turkic time as a whole is characterized as warm that promoted an aridization of steppe landscapes and improvement of conditions for pasturable animal husbandry with a year-round tebenevka.

At a boundary of XI and XII centuries on the lands of Altai tribes of Nayman, got of Mongolia, and Kipchak are settled. In 1207 they are won by Mongols. From that period of time cultures, closely connected on the shape at first with the state culture of the Mongolian empire, and then the Yuan empire and the Golden Horde are formed.

The period since the end of XIV – the beginnings of the XV centuries and before arrival of Russians is further less all studied and while it is difficult to speak about processes of cultural genesis. Only accumulation of necessary data will allow to fill an existing lacuna. Considerably this period coincided with Small ice age.

Thus, the comparative analysis of the climatic and historical periods in Altai showed their high synchronism. Changes of cultures, as a rule, happened after passing of a temperature minimum: in the middle of the VI century BC the Biike culture in Altai was replaced by Pazyryk culture, and the last at a boundary of III and II centuries BC – Bulan-Koby. The Turk culture pressed Bulan-Koby after a cold snap, though superficial, in the middle of the V century. By the same way the last culture was replaced by culture of the Mongolian time. The postmongolian time in Altai, especially the XV–XVI centuries, is characterized or insignificant number of archaeological monuments, or their total absence. During this period the second wave of cold after an optimum of the Middle Ages and a motion of many glaciers of Altai is observed.

More detailed consideration of historical process in connection with climate showed that change of stages of cultures also coincides with climatic changes, however, less considerable, than at change of cultures.

Fall of temperatures was accompanied by deterioration of conditions for pasturable animal husbandry – bases of economy of the studied cultures. The cold snap caused increase in a winter precipitation in steppe and semidesertic landscapes, reduction of the vegetative period on summer pastures and reduction of the area of winter pastures. It, in turn, reduced the demographic capacity of Altai and, as a result, led to decrease in population of this territory.

Remarks

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 11-06-00242-а) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», 2012-1.1-12-000-3001-017).

List of sources and literature

Bykov N.I., Bykova V.A. About synchronism of the climatic and historical periods // Ecology-geographical, archaeological and socio-ethnographic researches in Southern Siberia and the Western Mongolia: Russian-Mongolian collection of scientific works. – Barnaul: Publishing house of the Altai State University, 2006. – P. 24–35.

Tishkin A.A. Creation of periodization and cultural-chronological schemes: historical experience and modern concept of studying of the ancient and medieval people of Altai: monograph. – Barnaul: Publishing house of the Altai State University, 2007. – 356 p.

А.В.Харинский¹, Дж. Зайкер²

¹Россия, Иркутск, технический университет, ²США, Бойси, университет

**ПАСТБИЩНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ДОМАШНЕГО ОЛЕНЯ И ЕЁ
ИСКУССТВЕННЫЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ МАРКЕРЫ: НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ
«УЛУКИ» (СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИЙ РАЙОН БУРЯТИИ)³**

Abstract

In the early 1990s a number of Evenki living in the North Baikal Uplands renewed their traditions of reindeer herding. The territory of the reindeer herding and hunting community "Uluki", serving as our example, is located along the upper Kholodnaia and Chaia rivers. In order to influence the movement of reindeer and to defend herds against predators, the Uluki herders/hunters have built corals, summer mustering grounds, seasonal and wintering bases, as well as beartraps and other features. As a result of these activities and the movements of the reindeer, the herders have created a territorial complex which includes natural (mountains, rivers, and pastures) and built markers that are necessary to identify, fix, and secure pasture territory. The traces of historic, as well as recently built, deserted features, are also visible in the landscape known to these Evenki herders/hunters, providing continuity to their activities.

В начале 1990-х гг. в Северном Прибайкалье начинает возрождаться оленеводство. В районе было создано четыре оленеводческо-охотничьих хозяйства: общины «Улуки» и «Орон» в с. Холодное, община «Биракан» и ООО «Возрождение» в пос. Нижнеангарск. Общину «Улуки» организовал в начале 1993 г. Юрий Иванович Черноев (1947 г.р.). На полученный кредит он закупил в с.Чара Читинской области оленей, и выпустили их на р.Намома (в Северобайкальском районе Бурятии), ставшей базой общины «Улуки». Община арендовала оленьи пастбища площадью 206,236 га сроком на 25 лет. Раньше они использовались Холодненским отделением коопзверопромхоза (КЗПХ). До коллективизации 30-х гг. XX в. их осваивала семья эвенка Тулбуконова. Основу общины составляет семья Черноевых, также работают 3-4 эвенка из с.Холодное (Сирина, Фондад, 2006: 16).

Территория оленьих пастбищ общины «Улуки» располагается на Северобайкальском нагорье между верховьями рек Холодная и Чая (Рис. 1). Она включает всепогодную базу у восточной протоки Номамы (левый приток Чаи), дымокур, расположенный на левом берегу северной протоки Номамы (левый приток Асектамура), зимовья «Банька» и Булдушкит (называемое оленеводами «Аэропорт» или «Фазенда») на левом берегу Чаи и зимнюю базу в оставленном геологами поселке Чае. Дымокур находится в 1,4 км к западу от базы. С 2003 г. он не менял местоположения. Местность, где он располагается, также называют «Дымокуром». Первые годы оленеводы жили на «Дымокуре» в палатке, затем в 2006 г. построили юрту, а в 2009 г. рядом с ней возвели зимовье. На базах стоят по два деревянных дома и различные хозяйственные постройки. Количество постоянно проживающих на Номаме оленеводов различно. Обычно на «Дымокуре» живут два человека и два человека на базе. Руководит всеми один из представителей семьи Черноевых. В июле 2010 г. на базе жил Яков Черноев. Ему помогал Владимир Агдыреев (Барэ). На «Дымокуре» жили Алексей Тулбуконов (Русский) и Валера Тулбуконов.

В июле 2010 г., по словам Я.Ю.Черноева, в общине «Улуки» насчитывалось около 1000 голов оленей, а в 2008 г. было 750 голов. Специально животных никто не считал, сведения о них, которые подавались в Администрацию МО СП «Холодное эвенкийское», были приблизительными. Проверить оленье поголовье очень сложно. Владельцы, зная это, как правило, завышали количество животных, чтобы получить как можно больше дотаций. Администрация района ежегодно производила выплату денег за матку в размере 300 руб., а за быка 200 руб. Исходя из официальной статистики в 2007 г. в «Улуках» было 723 оленя, в 2008 г. 820 оленей и в 2009 г. 863 оленя. В 2010 г.

в стаде было 8 кастрированных оленей. Кастрированные животные вырастали более крупными и спокойными, поэтому их запрягали в нарту. Последнее время необходимости кастрировать животных нет, так как большую часть грузов оленеводы завозят на снегоходах. В 2010 г. в стаде родилось около 70 оленят. Три олененка погибли еще на весенней стоянке на Чае от сильных морозов. Трех оленят уже на Намоме загрыз медведь.

Пастбищная территория оленей общины «Улуки» охватывает окрестности «Дымокура», где они проводят большую часть времени летом, а также районы, где проходит гон, отел и место зимних пастбища. С 1992 г., когда олени впервые были выпущены в районе Намомы, шел постепенный рост их популяции, достигший к 2010 г. своего максимального количества. За эти годы олени освоили ближайшие пастбищные угодья и выработали маршрут сезонных передвижений. Олени общины «Улуки», как и другие северные олени, из года в год движутся одним и тем же маршрутом, используя те же самые сезонные пастбища (Баскин, 2009: 27).

Обычно олени общины «Улуки» телятся в окрестностях зимовья в Булдушките («Аэропорт»), на правом берегу Чаи. В 2010 г. отел проходил возле зимней базы Черновых на Чае, в долине реки. Когда оленята появляются на свет, их ловят и привязывают, чтобы важенки от них далеко не уходили. Молодняк подкармливают солью, веточками березы, мхом. Так они постепенно привыкают к людям. Когда стадо перекочевывает к «Дымокуру», оленят уже не привязывают, возле дымокура их могут затоптать. На месте отела олени находятся до появления паута (овода), а затем перекочевывают к «Дымокуру». Но в некоторые годы стадо еще до наступления тепла начинает двигаться вниз по Чае, а затем подниматься вверх по Асектамуру. В этом случае оленей сопровождают люди, ночуя недалеко от них в палатке.

Весной 2006 г. отел оленей контролировали Яков Черноев и Владимир Агдыреев. С февраля по апрель они жили на всесезонной базе на Номаме, в апреле перебрались в зимовье Банька, на левом высоком берегу Чаи. С мая олени начали спускаться вниз по р. Чае. Для того чтобы защитить их от нападения хищников, за ними следовали оленеводы. В начале мая они поселились в палатке на правом берегу Чаи, напротив Баньки, а к середине мая вместе с оленями поднялись вверх по Асектамуру. Вначале они поставили палатку на холме, расположенном на правом берегу реки, а к концу мая перекочевали выше по реке на левый берег, в 780 м к северу от предыдущего места. В это время еще лежал снег. Вскоре после того как он сошел, появились пауты. Олени, скрываясь от них, стали приходить на дымокур в устье Номамы. Протяженность маршрута весенней перекочевки составила 9,5 км.

В течение лета олени держатся ближе к «Дымокуру». Территория их передвижения охватывает нижнее течение Асектамура и низовья Номамы. В солнечный день они скрываются от паутов у дымокура, а ночью идут пастись, поднимаясь по Номаме. До конца лета наледи в нижнем течении Асектамура не растают, и олени любят лежать на них, спасаясь от жары. Некоторые из них переохладившись, заболевают пневмонией. Как правило, такие олени уже не выздоравливают и их забивают на мясо. Во время дождя паутов нет, и олени практически не выходят к дымокуру, разбредаясь по пастбищам.

24 июля 2010 г. мы проследили, как проходит перемещение оленей в течение одного дня. Ночью олени паслись в долине Номамы. В 7.30 утра они пересекли восточную протоку Номамы в 300 м к северо-востоку от базы и спустились к Асектамуру. В 8.00 утра А. Тулбуконов развел три дымокура, и олени стали выходить к ним. Вскоре небо затянуло тучами, и подул ветерок, паутов стало меньше. К 14.00 большинство оленей лежало у дымокуров и только 20 из них стояло. Поодиночке они подходили лизать соль. В 14.05 пошел дождь, в 14.15 он усилился. Олени начали

расходиться от дымокура. Треть оленей ушла пастись на холм в 300 м к западу от дымокура, а две трети спустились к устью Номамы. В 14.45 дождь прекратился. Около 15.00 А. Тулбуконов пошел разводить дымокуры. Примерно половина стада (194 оленя) подошла к дымокурам, а другая часть оставалась на берегу Номамы. В 15.25 А. Тулбуконов пошел подкинуть дров в дымокуры. Минут через 10 к ним стала подходить вторая часть стада, которое в целом насчитывало около 400 оленей. В 16.00 опять пошел дождь. Олени легли. В 16.20 дождь усилился и почти все животные ушли от дымокуров на западный холм. В 16.35 у дымокуров осталось лежать 6 оленей, в 16.40 осталось два оленя, в 16.50 ушли все. До вечера шел дождь, и олени в этот день уже не вернулись к дымокурам.

Летними ночами олени иногда передвигаются очень далеко. В начале июля 2010 г. они ушли в район Балдушкита (Аэропорт) и пробыли там около недели, пока их не пригнали к дымокуру на Номаме. Стадо обычно гонят три человека. Один идет сзади и два по бокам, чтобы олени не разбрелись. Иногда, после того как их напугает хищник, олени могут далеко убежать. Больше всего неприятностей летом доставляют медведи, которые задирают молодых оленят. Поэтому вокруг базы на них ставят петли и капканы.

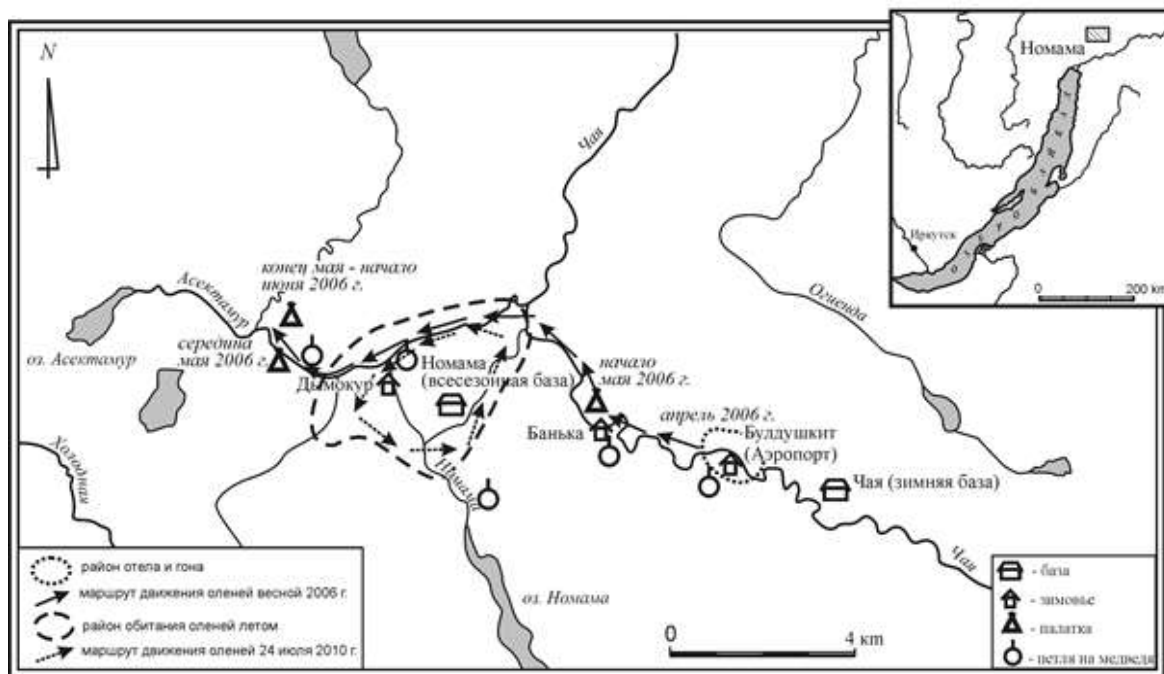

Рис. 1. Пастбищная территория оленей общины «Улуки»

Обычно гон оленей проходит на Чае в районе Аэропорта. Чтобы олени не разбежались, оленят привязывают к вбитым в землю кольям. Матки их не бросают и олени далеко не уходят от стойбища. В 2009 г. гон был возле дымокура на Номаме. Он начался в середине сентября и продолжался две недели. Примерно через неделю к стаду начали подходить дикие быки. Оленеводы старались их отстреливать. Обычно во время гона дикий олень подпускает к себе достаточно близко. К нему подходят метров на сто и стреляют. Иногда можно подобраться и на 30 м. Диких оленей отличают от домашних по повадкам. Они более крупные, чем домашние и у них не спилены рога. До того как олень не покроет самку его не отстреливают, потому что его мясо имеет запах семени.

Специально оленей на зимники не перегоняют. Олени сами выбирают, где им пастись. Поэтому оленеводы зимой живут на базе у восточной протоки Номамы,

иногда присматривая за животными. Первые годы олени общины «Улуки» уходили на зиму пастись на озеро Номама. С 2000 г. их начали перегонять на Чаю. Два года оленей сопровождали люди. Впереди вели 5-6 самцов-кастратов, чтобы их видели другие олени, которые шли за ними. Затем олени самостоятельно стали ходить на зимние пастбища на Чаю.

Олени общины «Улуки» были привезены в междуречье Холодной и Чаи из Читинской области и поэтому первоначально не были знакомы с новой территорией обитания. В течение нескольких лет оленеводы знакомили их с новым местом жительства, постепенно расширяя ареал обитания животных и ослабевая контроль над ними. К середине 2000 г. окончательно оформилась пастбищная территория популяции домашних оленей общины «Улуки», которая составила около 17 кв.км. (Рис. 1). Она охватывает кормовые угодья оленей расположенные в долинах рек Номама, Асектамуру и Чаи. Для контроля над оленями и защиты их от хищников люди установили на её границах петли на медведя, построили на ней базы и зимовья. Вследствие этого сложился территориальный комплекс, включающий как естественные (горы, реки, пастбища), так и искусственные маркеры, необходимые для обозначения, закрепления и охраны пастбищной территории.

Примечания

³ Полевые работы выполнены при поддержке Национального Научного Фонда (США) (ОРР 0631970).

Список источников и литературы

Баскин Л.М. Северный олень. Управление поведением и популяциями. Оленеводство. Охота. - М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009.- 284 с.

Сирина А.А., Фондад Г.А. Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».- М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006. – 38 с. - (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; док. № 186).

П.И. Шульга

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В III ТЫС. ДОН. Э. – II ТЫС. Н.Э.¹

Abstract

The article deals with the question of how the environment influenced the economy and culture of the Mountain Altai population in the 3d millenium B.C. - 2nd millenium A.D. The author has come to the conclusion that natural and climatic conditions of the steppe zone determined not only the occupation of the population as herders but also many characteristic features of material and spiritual culture that have prevailed through the millenia.

Природно-климатические условия Горного Алтая, Тувы и Монголии отличаются более суровым климатом, нежели на расположенных к западу обширных пространствах степного пояса, где имелись равные возможности для занятий скотоводством и земледелием. В долинах Горного Алтая такого выбора, зачастую, не было. Более того, малоснежные зимы позволяли скоту добывать корм и в это трудное время. Поэтому с возникновением скотоводства, данный вид хозяйствования стал здесь основным вплоть

до наших дней. Разница в снабжении осадками привела к формированию в Горном Алтае двух обширных зон (Рис. 1) - 1) остепненной скотоводческой, включающей пастбища с малым количеством осадков в зимнее время; 2) увлажненной зоны, включающей западные и северо-западные низкогорья Горного Алтая от границы с Казахстаном до Катуня, где климат более благоприятен для земледелия, а высокий снежный покров в зимнее время существенно ограничивает занятия скотоводством. Именно эти природно-климатические особенности определяли специфику хозяйства в Горном Алтае в течение последних пяти тысяч лет. На протяжении всего этого периода основное население проживало в остепнённой зоне, занимаясь скотоводством, охотой, а в наиболее благоприятных местах – ещё и земледелием.

Эпоха энеолита. В III тыс. до н. э. население Горного Алтая резко увеличивается, на что однозначно указывает не только большое количество подкурганых захоронений афанасьевской культуры, но и появление многочисленных поселений. Памятники афанасьевской культуры располагаются только в скотоводческой зоне. Согласно данным по поселениям Балыктыюль, Кара-Тенеш, Партизанская Катущка, Малый Дуган и Нижняя Соору (см.: Шульга, 1998а; Косинцев, Степанова, 2010), кости мелкого рогатого скота (МРС) в среднем составляли 72% от общего количества костей животных, крупного рогатого скота (КРС) – 12%, лошади – 5%. Из диких животных значительно преобладали кости косули – 9,4%. В Денисовой пещере и Кучерле-1 также обнаружены кости КРС и лошади (Деревянко, Молодин, 1994; Молодин, Ефремова, 2010). Как видим, на первом месте в рационе питания и в стаде афанасьевцев был мелкий рогатый скот (овца, коза). Костей крупнорогатого скота и лошади значительно меньше, но они представлены на всех указанных памятниках. Особый интерес представляет обнаружение афанасьевских погребений на плато Укок выше границы леса (высота около 2300 м над уровнем моря), где земледелие невозможно, а охота и собирательство малопродуктивны. Это также указывает на скотоводческую направленность хозяйства афанасьевцев (Древние культуры..., 1994: 130). Земледелия у афанасьевцев Горного Алтая, по-видимому, не было. Обнаруженные на насыпях трёх афанасьевских курганов (оград) по р. Чарыш зернотёрки типа «паспах» могли использоваться для переработки продуктов собирательства (Шульга, 2012).

В эпоху бронзы (II – начало I тыс. до н. э.) население Горного Алтая было крайне редким. Эта эпоха пока представлена всего несколькими небольшими могильниками каракольской культуры, случайными находками бронзовых изделий и незначительным количеством керамики на речных террасах, где скотоводческие поселения не располагались. О типе хозяйства этих групп населения говорить трудно, но оно, видимо, не предполагало сезонных вертикальных перекочёвок. Каракольцы же, в бассейне Урсула, по всей видимости, проживали в этих местах относительно длительное время и были традиционными скотоводами.

Ранний железный век. Скотоводческая направленность хозяйства населения бийкенской (VIII-VI вв. до н. э.) и пазырыкской (VI-III вв. до н. э.) культур сомнений не вызывает. Курганы и поселения раннего железного века также в основном располагаются в скотоводческой зоне Горного Алтая. Судя по большому количеству поселений с керамикой раннего железа (133 поселения из 226), это была эпоха максимального заселения Горного Алтая, когда осваивались ранее пустовавшие районы и урочища. По-видимому, благодаря особо благоприятным климату и политической обстановке, во второй половине IV – первой половине III вв. до н. э. происходит резкое увеличение населения пазырыкской культуры, распространившейся на короткий период как в предгорья Горного Алтая по Катуня, Чарышу и Бухтарме, так и в Синьцзян, Чуйскую котловину и примыкающие районы Монголии.

Согласно имеющимся данным, перекочёвки пазырыкцев носили сезонный

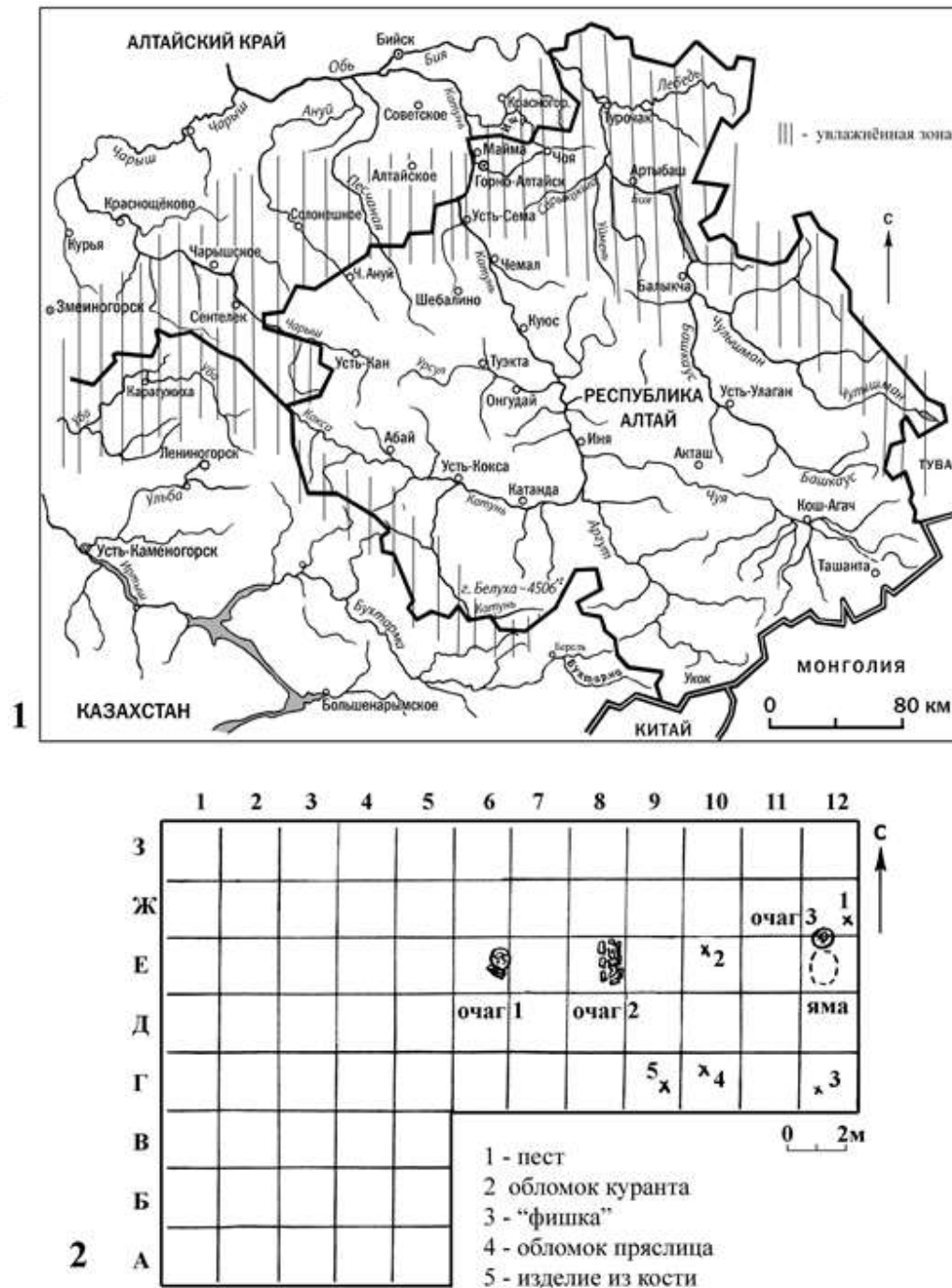

Рис. 1. 1 - карта Горного Алтая с заштрихованной увлажнённой зоной, окружающей остепнённую скотоводческую зону;
2 - план-схема раскопа на поселении Партизанская Катушка (очаги 1, 2, 3 – соответственно: энеолит, скифское время, средневековье)

характер на расстояние всего в несколько десятков километров. Зимники располагались в долинах с доступной травой неподалёку от могильников, а летники – в высокогорье и прилегающих территориях, где в зимнее время глубокий снег препятствует выпасу скота. На зимниках, несомненно, были долговременные рубленые жилища, возле

которых в центральной и западной частях Горного Алтая занимались земледелием. Значительную роль играла охота. Доля лошадей среди домашних животных (по количеству костей) на поселениях раннего железного века колеблется от 34% до 50-61%, овец – от 20-25% до 30%, коз – от 8 до 16%, крупнорогатого скота – от 15% до 27%. Эти данные очень близки соотношению видов животных в стаде у алтайцев, зафиксированному в XIX в. Из диких животных на поселениях преобладает косуля – от 5% до 15%, а во втором слое поселения Кастахты-3 доля этого животного достигает 26,3% (Шульга, 1994).

Имеются веские основания предполагать наличие земледелия. На это указывают находки в курганах и на поселениях зернотёрок, а также проса и пшеницы. Предположительно, качественный скачок в развитии земледельческого хозяйства был связан с пазырыкской культурой (Молодин, 2003: 155-156), но основы его, видимо, были заложены в раннескифское время. В раннескифских курганах обнаружено значительное количество зернотёрок (Суразаков, Тишкин, 2007; Шульга, 2008б). Зернотёрки имеются и на некоторых поселениях, ранние слои которых относятся к VII в. до н. э. Помимо простейших зернотёрок типа «паспах» в пазырыкских курганах и на поселениях раннего железного века встречены жернова (Молодин, Бородовский, 1994; Шульга, 2012). Это позволяет предполагать их использование не только в средневековье, но и в скифское время.

Эпоха средневековья. Основными направлениями хозяйственной деятельности населения Горного Алтая по-прежнему оставались скотоводство и охота. Большинство известных памятников этого времени находятся в остепнённой скотоводческой зоне, в том числе почти все выявленные 46 поселений и городищ. Средневековые погребальные и поминальные сооружения, как правило, тяготеют к могильникам раннего железного века. Семейные группы продолжали проживать в тех же логах у подножий гор, а потому под слоями со средневековой керамикой почти всегда находятся слои с керамикой раннего железного века (22 поселения), а ещё на 17 поселениях под ними залегают и слои с афанасьевской керамикой. Судя по материалам из многослойных поселений Тыткескень-3 (Кунгуров, 1994) и Партизанская Катушка (Шульга, 1998а) видовой состав стада соответствовал предшествующей эпохе. Соотношение животных в стаде также было близким, но несколько увеличилась доля лошадей.

Вопрос о характере земледелия в средневековье остаётся открытым. По мнению некоторых исследователей, многочисленные оросительные каналы (сувахи) на остепнённых террасах Катуня, Чуи, Чулышмана и других рек являются показателем расцвета земледелия в средневековую эпоху (см.: Соёнов, 2003: 172). На это, как будто, указывают и случаи нахождения на курганных насыпях в Чуйской степи двух лемехов и отвала эпохи Тан (VII-X вв. до н. э.) (Кубарев, 1997). На наш взгляд, очень крупные размеры некоторых сувахов (длина до нескольких километров) не предполагали в древности столь же больших по площади обрабатываемых полей, сопоставимых с современными распашками. Думается, крупные сувахи на остепнённых и тем более высокогорных речных террасах предназначались, прежде всего, для орошения жизненно важных зимних пастбищ. Благодаря орошению в засушливые годы, урожай трав там мог быть увеличен в несколько раз. Фактически, поливные зимние пастбища можно считать своеобразным вариантом заготовки кормов на зиму без их скашивания. Полив обеспечивал гарантированное получение максимального урожая трав, доступных в многоснежные зимы даже не тебенюющему крупнорогатому скоту, поскольку травостой продолжал возвышаться над уровнем наста или ледяной корки. Освоив сложную систему ирригации, кочевники Горного Алтая перешли на новый уровень хозяйствования.

Таким образом, хозяйственная деятельность и расселение человека в Горном Алтае с III тыс. до н. э. до позднего средневековья определялись природно-климатическими условиями. Земледелие здесь не могло получить должного развития даже в увлажнённой зоне низкогорий, а потому вплоть до XIX в. основная масса населения занималась скотоводством, и проживала в остепнённых горно-долинных ландшафтах скотоводческой зоны. Сложившийся в III тыс. до н. э. образ жизни скотоводов претерпевал определённые изменения, но его основные характерные черты сохранялись. Начиная с афанасьевского времени кочевники продолжали селиться в одних и тех же наиболее удобных местах, где можно было укрыть скот и жилища от непогоды. Поселения располагались по логовам у склонов гор, зачастую, на значительном удалении от воды. По этой причине большинство поселений многослойные, из них 17 содержали слои всех трёх эпох (Рис. 1). Особенно много поселений раннего железного века (133), в 20 случаях перекрывавших афанасьевские слои, и в 22 случаях перекрывавшихся средневековыми слоями. В этих же местах, зачастую, находятся и современные стоянки чабанов. Поселения имели небольшую площадь и одновременно там проживали родственники в 2-3 жилищах. За отдельными исключениями скотоводы практиковали вертикальный способ кочевания, устраивая зимники в долинах, а летники выше в горах. Воспроизводились и верования, связанные с погребением умерших. Могильники находились неподалёку на речных террасах, при этом планировка их и многие конструктивные элементы продолжали сохраняться, не смотря на смены культур. Не менее показательной является уникальная устойчивость обряда подхоронения лошади, появившегося в Горном Алтае в VIII в. до н. э. и непрерывно существовавшего до XIX в. включительно.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (Проект «Формирование, развитие и преемственность археологических культур Верхней Оби и Горного Алтая с эпохи поздней бронзы до средневековья по керамическим материалам»).

Список источников и литературы

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. - Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. - Ч. 1. - 262 с.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. - Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1994. - 224 с.

Косинцев П.А., Степанова Н.Ф. Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник. – Барнаул: АзБука, 2010. - С. 121-129.

Молодин В.И., Бородавский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. - Новосибирск, 1994 – Вып. 4. - С. 72-79.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Соёнов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье. Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 169-172.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. - Барнаул: АзБука, 2007. - 232 с.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. - Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1994. - С. 48-60.

Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. - Т. IV. - С. 379–385.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катунь // Древние поселения Алтая. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1998а. - С.146-164.

Шульга П.И. О древнем земледелии в Горном Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. - СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. - Кн. 2. - С. 242-248.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ BIOSOCIALITY: NEW CONCEPTIONS OF HUMAN AND OR ANIMAL AGENCY AS DOCUMENTED BY ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH

D.G. Anderson

Department of Anthropology, University of Aberdeen, Scotland

ARCTIC DOMESTICATION AND THE MEANING OF ‘WILD’ AND ‘TAME’

Abstract

Theories of domestication, and with them, of cultural evolution, are calibrated by a dualistic contrast between the extremes of ‘wild’ and ‘tame’ behaviour. These two categories have played an enormous role in defining the disciplines of anthropology and archaeology, and of guiding interpretation in fieldwork in both disciplines. In this paper, I will review and analyse statements that the Arctic communities host ‘not-entirely-tame’ populations of animals – often associated with placing societies on a lower level of culture or of evolution. Through examples from fieldwork primarily in Arctic Canada and with caribou and dogs, the paper will show how Dene peoples cultivate relationships with species thought to be primarily wild, and thus creating a complex social dynamic which questions this dualistic divide. The paper will demonstrate that the question of ‘tameness’ is one that is culturally constructed and represents often the expectations that fieldworkers have of normal social relationships with the environment. By expanding the variety of tameness, the paper will show how the dualistic opposition between ‘wild’ and ‘tame’, and thereby ‘nature’ and ‘culture’, cannot hold in the Canadian Arctic, and by extension to other parts of the circumpolar North. In its stead the paper will develop models of respectful practice which can be used to organize field materials in both anthropology and archaeology.

Д.В. Арзютов

*Россия, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН*

**«ЦЕРКОВНЫЕ ОЛЕНИ»: ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО В
РАННЕЙ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ СРЕДИ НЕНЦЕВ
БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ¹**

Abstract

The paper is dedicated to analysis of human-reindeer relations in the early history of religious conversion of Nenetses. The archive of Soviet ethnographer Grigorii D. Verbov at the MAE (Kunstkamera) has a folder with contracts (1850-1900) between government officials and Nenetses to pasture of “Church Reindeers”. These reindeers were classified in the document. One of the categories is the “trained stag” (‘uchenii byk’). This rare

sort of reindeer classification implies a relation to the Orthodox missionary order of knowledge. The logic of this order is the main focus of the paper.

Предисловие

В анализе истории религиозного обращения самых различных обществ присутствует, как правило, два или три фактора: некое общество-реципиент, миссионеры порой совместно с государством. В целом история обращения описывается именно через диалог между этими факторами. Некоторое время назад я завершил статью, где постарался рассмотреть, каким образом миссионерами конструировался ландшафт в горной тайге у шорцев и северных алтайцев. В этой работе я постарался показать, что мы можем описывать религиозное обращение через культурную (христианскую) модификацию ландшафта, и следующее за ним изменение дискурса (Арзютов, 2013).

Схожую ситуацию можно наблюдать и у ненцев. Работая с архивом Григория Давыдовича Вербова (1909-1942) (Хомич, 2004), я наткнулся на папку документов, привезенных им из экспедиции. Это были договора между церковью и ненцами на выпас последними т.н. «церковных оленей» (АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп.1. Ед. хр. 173). Здесь особый интерес вызывает не только локальная ненецкая экономика (1860-х), но и формирование христианского дискурса об оленях, оленеводстве и оленеводах, создаваемого христианскими миссионерами.

Особенно интересным становится еще и мост между миссионерами XIX в. и современными протестантскими, который заслуживает отдельного сюжета. В истории, которой посвящено моё выступление, мы видим именно описание миссионерами оленей – попытка определить их навыки, задать тон знанию о них. Более того, будучи включенными в миссионерскую экономику они предстают не с негативной стороны, а скорее с позитивной. С другой стороны, мы видим намеренное вытеснение современными миссионерами оленя из того круга ритуального круга, с которым он крепко связан и рассмотрение этих ритуалов как «язычества» (Ваграменко, 2008).

Однако вернемся к договорам. Все они имели типовой характер. Первая часть текста определяет дату заключения договора, а также определение наемного работника, как например: «я нижеподписавшийся Большеземельской тундры Ижемского ведомства рода Ванюты Самоедин Сандыр Зотов Александр» (АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп.1. Ед. хр. 173. Л.3). Экономически, этот договор не был совсем арендой, а скорее выступал формой найма ненцев для пастьбы скота с денежной оплатой.

Документ

Первым пунктом в договоре проговаривалась классификация оленей, выглядящая следующим образом: «учёные быки», «неученые хор: третьяки», «лончаки», «важенки с сырицами», «телята».

Исходя из каждой из этих категорий, выстраивалась схема оплаты труда нанятого ненца. Оплата составляла 10 копеек серебром в год² (все договора заключались на год) за каждого оленя, за исключением родившихся весной «телят».

Далее указывались условия пастьбы оленей. Я приведу эту часть документа полностью: «а) по окончании года отдать им священнослужителям в оленях отчет; б) при утрате оленей от падежа и зверя представить мне кожи тех оленей, с особенной бережливостью ушей, и с показанием в какое время года, какой олень пал; в) о плоде оленей объяснит, сколько, было телят в рождении и сколько из числа оных в какое время утратилось, с представлением кож их; г) быков неученых кроме нужных для плода, сколько признано будет нужным учить без всяких отговорок, и ни под каким условием ни кому для поддержки оных не давать, если же дознано будет, что я кому либо давал оленей для поддержки или для выездов, в том случае подвергаюсь вычету из моего жалования, смотря потому, на сколько времени они были даваны; д) оленей

мне для своего употребления немучить и стараться, чтобы они всегда были сытыми и тельными; е) оленей для своего употребления не бить, но не надежных для держки убивать, чтобы непали, и мясо оных, если то будет на тундре, далеко от церкви, продавать, и денег за оное вырученные, представить вместе с кожами оных священнослужителям, а себе без денежно не брать, если то будет на Колве, то кожи и мясо привозить к церкви; ж) телят вновь родиться имеющих, клеймить неупустительно» (АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 3-3 об.). В 1880-е гг. появляется еще одно уточнение: «молодых быков, лоншаков, кроме нужных для плода скопить без отговорок, в противном случае платы за них не полагается» (АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 125 об.).

Этот фрагмент крайне важен в двух обстоятельствах. Здесь мы можем наблюдать процесс создания монетарной экономики и участия церкви в создании экономических отношений в регионе. Вместе с этим, эти отношения коррелируются с государственной политикой, т.к. в договоре прописывается, что наемный рабочий будет продолжать платить ясак (АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 3 об.). Однако заключение такого договора влечет за собой и формирование новой социальности: «во время пастьбы церковных оленей мне не пьянствовать и не воровать от стада, на долгое время никогда не отлучаться и у себя в чуму посторонних людей оленей и (жен)³ не держать» (АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп.1. Ед. хр. 173. Л. 3 об.). В договоре за 1860 г. уже появится пункт о том, что «всякую значительную утрату я должен принять на свой счет, а потому и обязуюсь иметь у себя работников самых благонадежных людей или ближайших родственников» (АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 18 об.). Эти дополнения дают понимание логики социального взаимодействия с церковью. Все эти обстоятельства имели письменное оформление, что создавало локальную бюрократическую модель.

Обратимся теперь к процессу, который можно охарактеризовать как отношения человека и оленя.

Классификации оленей и «учёный бык»

Сначала обратимся к классификации оленей, которая отличается от классификации приводимой Л.В. Хомич (1966: 56) или Ю.Н. Квашниным (2009: 21). Причина этого, прежде всего в том, что в церковных договорах происходило как бы совмещение локального ненецкого знания об олене с категориями описания, предлагаемыми миссионерами. Очевидно, что в основу классификации были положены возраст и пол оленя. Так, точно можно понять, что «лончак» происходит от древнерусского слова «лони» в значении «в прошлом году» (Фасмер, 1967), т.е. в нашем случае имеется ввиду годовалый-полуторогодовалый олень. В эту же категорию попадают и «сырица», под которой, как правило, понимается также годовалая-полуторогодовалая самка. «Важенка» – отелившаяся самка. «Третьяк» – трехгодовалый олень. Пожалуй, самым важным для нашего анализа является «ученый бык». Увы, это сочетание в определении типа оленя встречается довольно редко. Одно из таких замечаний было дано Б.О. Долгих в его книге «Бытовые рассказы энцев» (1962) в рассказе о энецком шамане, записанном в 1948 г. Приведу фрагмент из этого рассказа:

«Теперь, когда бубен стал класть, говорит:

– Если поправится на третий день, то так сделаем. Я вижу среди оленей одного оленя, быка, кажется, учёный бык. Вижу, что у него намято на лбу, видна кровь. Олень белоносый, лоб белый, копыта все четыре белые. Сам черный. Есть такой олень?

Каритуа схватил палочку и по бубну бьет:

– Есть такой олень. Ты наших оленей не знаешь, однако узнаешь какие у нас олени. Этому я радуюсь. Ты, значит, поправишь нашего парня, раз незнакомых оленей сразу угадываешь.

Теперь говорит шаман:

– Если поправится парень, этого оленя я унесу. Жалко тебе будет? Бог говорит мне, что когда умрешь, то этого оленя с собой возьмешь; так жалеешь его, что запрягать не даешь, только сами иногда едешь на нем. Название его Тонакатэо («передовой бык»). Этого оленя жалко тебе?

Каритуа бьет палкой по бубну и говорит:

– Мне оленя не жалко, только сына жалею я» (Долгих, 1962: 155-156)

Из этой заметки явствует, что под «ученым быком» вряд ли мог пониматься ездовой олень. Некоторые свет проливают И.Н. Гемуев и Г.И. Пелих, указывая на систему селькупского оленеводства, где под «ученым оленем» понимается олень, выступающий в роли обучающего молодого: «справа — ученый олень, слева — молоденький» (Гемуев, Пелих, 1974: 85). Однако в миссионерской классификации приведено противопоставление «учености» и «неучености» исходя не из возраста. Подобного рода исключения дает основания сказать, что видимо под «ученым быком» скорее всего, понимался олень-манщик важный при охоте на дикого оленя. И здесь открывается логика еще одна логика договора, который, видимо, заключался не только на выпас, но и на технику обучения при охоте на дикого оленя. Надо сказать, что из структуры документа явствует, что церковь была довольно сильно озабочена «обучением оленя» (см. выше в тексте договора пункт г).

Заключение

Опыт идентификации «ученого быка» не только позволяет определить что имеется ввиду за данной категорией, но и показывает процесс домостикации, за которым стояла в том числе и православная миссия, стремившаяся к сохранению «ученых оленей» и особой ответственности за их поголовье. В этой связи идея оседания как важного фактора религиозного обращения позволяет перенести этот концепт на проблему одомашнивания и представления о «диком» и «домашнем», где домашний олень способный к обучению фигурирует как «ученый». В этой же связи нужно отметить и еще одно обстоятельство. Возможно, что именно благодаря миссионерскому порядку знания не только о Другом в человеческом измерении, но и о Другом с точки зрения отношений человека и животного была вообще создана категория «ученого оленя», которая сегодня имеет хождение и внутри локального сообщества.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке проекта ArcticDomus (ERC Advanced Grant 295458).

² Сумма выросла с 10 копеек в 1850 г. до 25 копеек в 1900 г.

³ В других договорах указано: «людей».

Список источников и литературы

АМАЭ РАН. Ф. К-7. Оп.1. Ед. хр. 173. Договоры с самоедами на пастьбу церковных оленей с 1850 г. 135 л.

Арзютов Д.В. Христианство в горной тайге: о порядке пространства и дискурса в религиозном обращении шорцев и северных алтайцев (в печати).

Долгих Б.О. Бытовые рассказы энцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 244 с. - (ТИЭ. – Нов. серия; т. LXXV).

Ваграменко Т.А. Традиционная культура ненцев Ямала в представлении христианских миссионеров: язычество или «Ветхий Завет»? // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб: МАЭ РАН, 2008. – С. 257-263.

Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство // СЭ. - 1974. - № 3.- С.83-95.
Квашнин Ю.Н. Ненецкое оленеводство в XX-начале XXI века. – Салехард; Тюмень, 2009. – 168 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1967. – Т. 2. – 671 с.

Хомич Л.В. Г.Д. Вербов – исследователь традиционной культуры и языка ненцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: матер. Пятых Сибирских чтений, Санкт-Петербург (17–19 октября 2001 г.). – СПб: МАЭ РАН, 2004. - Ч. 1. – С. 75–82.

Хомич Л.В. Ненцы: историко-этнографические очерки. – М.; Л.: Наука, 1966. – 340 с.

Ivar Bjorklund

Norway, University of Tromsø, Tromsø Museum

**ON DOMESTICATION, TRANSFORMATION AND THE CONCEPT OF
TRADITION RE. SAMI REINDEERHERDING IN FINNMARK,
NORTHERN NORWAY**

Prevailing literature treats Sami reindeer pastoralism as a rather uniform adaption through time. The general view states that pastoral reindeerherding came into existence because of economic differentiation among Sami hunters and gatherers sometime around 15-1600 AC (Vorren, 1980). The underlying assumption is that the transition was rather swift and was due to increased taxation, new markets and a reduction of the wild reindeer population. It has also been argued that such a change implied a transition from collective to private ownership of reindeer., which must have had profound consequences for the Sami society at the time (Olsen, Hansen, 2004; Ingold, 1980).

The scholarly understanding of the history of reindeer pastoralism has been presented in terms of being a rather static «traditional» kind of adaption through the centuries, characterized by common access to pasture and private access to animals¹. In other words, it is the material footprints in terms of technology, dwellings and herding routes which have been documented and presented as a «traditional» lifestyle in a rather common unchanging pastoral world (Vorren-Manker, Niemi etc.). Furthermore, such an approach is today strengthened by the general ethno-political discourse regarding Sami land claims.

The problem however, is that we have much less knowledge regarding internal dynamics and transitional processes within the Sami society through time. To what extent and for what purposes did domestication take place and in which ways were herding combined with other activities? Was there actually an abrupt change from collective to private ownership or is possible that domestication took place in such a way that domesticated (private) reindeer could be kept all along within a hunting/fishing economy with common access to the resources?² If so, what kind of management practice and rules facilitated such a regime? Such questions addresses topics like social organisation, demography and economy, not to speak of biology and animal behaviour. Historical and current data from different parts of Fenno-Scandia present quite a variation regarding domesticated reindeer as an economic adaption and it would be rather hazardous to categorize it all as «traditional Sami pastoralism». Ethnographic descriptions from Nordland (Kalstad, mimeo), Northern Sweden (Jernsletten, 2007) and Northern Finland/Kola (Tanner, 1929, Nyysönen, 2003) tell of quite different management regimes when it comes to domesticated reindeer in different areas of Fenno-Scandia. The material from Nordland, for instance, illustrates vividly the relation between domestication and ecological variation.

Furthermore, comparative insight could be made by looking into changing degrees of domestication practised by the reindeer owners in Finnmark up til today. Here domestication has been a rather fluctating practice, at any time reflecting contextual changes in terms of new technology, legislative rules, labour available and market situations. The Sami inhabitants of Inner Finnmark have been regarded as hard-core pastoralists (e.g. Paine, 1994, 2009), but the current realities presents a very complex picture re. domestication and resource control. Management strategies of today are probably not only governed by cultural values and ecological considerations but more and more by administrative rules and market opportunities.

Remarks

¹ The only variation being the two typologies of *extensive* and *intensive* herding (e.g. Beach, 1981), categories which actually only reflects contextual changes and not different kinds of "traditions".

²Lingvistic evidence dates some of the pastoral vocabulary at least two thousand years back in time.

Gro B. Ween

Scotland, Aberdeen, University of Aberdeen

CLEVER FISH? EXPLORING SALMON AGENCY IN THE TANA RIVER IN ARCTIC NORWAY

This paper explores different kinds of salmon agency displayed in three kinds of salmon fisheries, undertaken along the banks of the River Tana in Arctic Norway. River Tana/Deanu/Teno is the third largest Atlantic salmon river in the Northern Hemisphere, and as thenaming of the river indicates, the river and its salmon are shared by many peoples and kindsof fishermen.

This paper takes into account three different kinds of human-salmon relations that occurs on the river: Sea salmon fishing, river fishing with driftnet and weirs, and touristangling. I am intrigued that these three fisheries entail different human-salmon relations. The salmon emerging in these relations have diverse characteristics, they involve several kindsof agency, and some salmon are cleverer than others. A comparison between these fisheries will demonstrate the differences in salmoness, and how these come about. It will bear witness to that all three fishermen value salmon as a long-term companion. To all, the significance of salmon is made evident by the rules detailing the killing. However, while the angler's considers death as the end point of the relation, local net fishermen's relation to the fish does not stop when fish becomes flesh; it is ongoing and cyclical. To local net fishermen, salmon ethics include rules detailing the treatment of the kill, as well as the rules regarding eating and sharing. In this relation, how salmon as flesh is treated is vital, as it will influence the fishermen's ability to kill again.

В.Н. Давыдов

*Россия, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ОЛЕНЕВОДОВ И БОРЬБА С ХИЩНИКАМИ: ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ

Abstract

This article describes human-reindeer relations in the northern Baikal as emplaced in the local landscape. Even though domestication of reindeer was perceived as a historical fact, it can be approached as an ongoing process which involves particular relations between people, reindeer and predators.

Изучение отношений человека и животных (human-animalrelations) находится в центре внимания зарубежной социальной антропологии, но является мало разработанной проблемой в отечественной науке. В российской этнографии одомашнивание рассматривалось как свершившийся факт, который имел место в далеком прошлом. Ученых интересовала точная датировка приручения животных, однако мало кто обращал внимание на то, что одомашнивание являлось длительным процессом, который не является чем-то завершенным, а происходит также в данный момент в рамках продолжительного взаимодействия человека и животных. Многие исследователи воспроизводили парадигму человеческого доминирования, где животные рассматривались не как «личности» и «партнеры» (Vitebsky, 2005), а как объекты и «инструменты» (Кишкинцев, 1929: 17).

Полевая работа летом 2012 года проводилась в Северобайкальском районе республики Бурятия в рамках проекта Arctic Domus (Грант Европейского Научного Совета ADG 295458). Целью экспедиционных работ являлся сбор материалов по системе социальных отношений, возникающих в контексте взаимодействия людей и животных. Особое внимание уделялось проблеме взаимоотношений человека и оленей: способам управления стадом, стратегиям охраны домашних животных от хищников, стратегиям «одомашнивания», использованию кличек, практикам лечения и локальным интерпретациям «дикого» и «домашнего». В ходе исследования собирались биографии животных – знания оленеводов о конкретных оленях и истории их жизни (animallifehistory).

Оленеводство предполагает сезонные миграция, однако данная стратегия местного населения не всегда вписывалась в идеальную бюрократическую модель, создаваемую в кабинетах, а не в рамках повседневных практик. Иными словами, возникало противоречие между тем, что, используя феноменологический подход, британский антрополог Тим Инголд вслед за Мартином Хайдеггером (Heidegger, 1971) обозначил как «building» и «dwelling» перспективы, которые можно перевести как «перспектива проекта» и «перспектива обитателя» (Ingold, 2000: 186). С точки зрения администраторов («buildingperspective»), в рамках их кабинетных схем и проектов люди были отделены от животных, оленеводы рассматривались в отрыве от своих стад, хотя с точки зрения местных жителей («dwellingperspective»), животные всегда присутствовали рядом с людьми и совместно перемещались с ними по ландшафту.

В советский период оленеводство, требующее постоянных перемещений, продолжало сосуществовать с «проектом перехода к оседлому образу жизни», в рамках которого и был создан «тунгусский поселок» Холодная. Данный проект базировался на антропоцентрической парадигме, где люди должны были жить в одном месте, контролируя перемещения животных. Наличие инфраструктуры в поселке, а также необходимость интенсивных перемещений стад в тайге повлияли на трансформации

паттернов мобильности местного населения. Часть населения должна была оставаться в деревне, а охотники и оленеводы должны были перемещаться по тайге.

Несмотря на то, что администрация разделяла иерархический взгляд, который базировался на «индустриальной логике, где были важны, прежде всего, количественные характеристики, а стадо оленей рассматривалось как гомогенная масса, местные оленеводы воспринимали стадо как состоящее из животных, каждое из которых имело особенный характер и привычки. Находясь с животными длительное время, оленеводы подмечали, какое животное обладает лидерскими чертами и является вожаком, какой олень «дикий», а какой «смирный». Иными словами, местные оленеводы воспринимали оленей как личностей, способных мыслить и взаимодействовать с человеком.

Граница между «дикими» и «домашними» животными не является четко очерченной. Информанты из деревни Холодное по-разному определяли «диких» и «домашних» животных. Например, Любовь Башкирова считает, что олень не является домашним животным. По ее мнению домашними животными являются коровы, которые живут в деревне, олень же сам знает куда идти и свободно перемещается по ландшафту. К тому же есть категории оленей, которые не попадают под дуальную классификацию: оленят, рожденных от «домашней» важеньки и «дикого» быка оленеводы называют *баюнчуканами*. Местные жители определяют их как по поведению, так и по внешним признакам: это «дикий» характер, а также длинные тонкие ноги и нос с горбинкой. Одну из важенок «баюнчей породы» в общине «Орон» называли Горбоносой, что указывало на ее «родственные отношения» с диким оленем.

Приручение животных следует рассматривать как процесс. Для того чтобы олени не боялись людей местные жители применяют следующие стратегии: подкармливают оленей солью, поочередно привязывают оленят и важенок к колышкам или столбам, используют дымокуры. Здесь самым важным является приучение оленей возвращаться в одну и ту же точку. Большую роль в этом процессе играет знание ландшафта. Оленеводам известны места, куда олени постоянно возвращаются в летний период для того, чтобы спастись от укусов мошки: это *амнунды* (эвенк.) – наледи, *иманданы* (эвенк.) – снежники в гольцах, а также открытые и хорошо продуваемые места. Например, летняя стоянка оленеводов общины «Улуки» расположена неподалеку от *амнунды* у места

Рис. 1. Павел Атолайнен обрабатывает оленю нанесенную волком рану. Стоянка на р. Номама.
Фото автора. Июль 2012 г.

впадения реки Номама в реку Асиктамур в открытом месте, которое с разных сторон продувается ветром.

В данный момент на Северном Байкале существует три оленеводческих хозяйства. Это общины «Улуки» и «Орон» из Холодной, а также семейная община братьев Плотниковых из Старого Уояна. Современная ситуация характеризуется стремительным уменьшением поголовья оленей. В 2011-2012 годах для оленеводов Северобайкальского района наиболее актуальной являлась проблема борьбы с хищниками. Наибольший урон стаду наносили волки. Оленеводы комментировали сложившуюся ситуацию тем, что в 1990-е годы было запрещено использование отравляющих веществ, что являлось самым эффективным средством борьбы с волками. По словам местных жителей, запасы отравляющих веществ, сохранившиеся с советского времени, были быстро израсходованы, а для отстрела хищников охотники должны обладать специальными навыками и умениями.

У местных оленеводов существует представление, что волки соревнуются с людьми: «Волк не успокоится, пока все стадо не перережет!». По их словам не голод, а особое отношение с человеком заставляет волков убивать оленей: «Волк давит оленей и не ест. Потом опять давит и бросает». Волки воспринимаются как разумные личности, которые способны мстить и соревноваться с человеком. Оленеводы из общины «Улуки» постоянно рефлексировали конкретные направления миграции волков, которых они определяли по следам как «волков пришедших с Чаи», «волков из Иркутской области» или «волчицу с Выселок».

Урон стаду наносят также медведи. Охотники и оленеводы считают, что они конкурируют с людьми за территорию. Для того чтобы «пометить свою территорию», медведь когтями оставляет зачесы на деревьях. Охотники способны определить присутствие медведя не только по зачесам и следам, но и по специфическому запаху. Летний лагерь окружается сетью ловушек на медведей, в которых маскируются петли. В качестве привады на медведя использовалось протухшее мясо зарезанных волками оленей, которое обычно хранилось неподалеку от лагеря в холодном ручье, придавленное камнями: «Медведь любит испорченное мясо, приходит на запах». Следует заметить, что сами оленеводы общины «Улуки» мясо зарезанных волками оленей в пищу не употребляли, а использовали в качестве привады или отваривали и кормили им собак.

Летом 2012 года многие олени возвращались к дымокурам с ранами, нанесенными хищниками. Поскольку лекарств не хватало, местные жители использовали стратегию «бриколажа», то есть применяли для лечения оленей те средства, которые имелись под рукой. Сначала раны оленям смазывали раствором марганцовки, дегтем, а также специальными мазями, а после того как эти средства закончились стали применять керосин, солярку и солидол (см. рис.).

В данный момент можно сказать, что оленеводство в Северобайкальском районе находится на грани исчезновения, ключевой является проблема сохранения стада: в 2012 году оленеводы понесли сильные потери от волков, а для борьбы с хищниками нужны опытные охотники. Павел Черноев сказал: «Потерять оленей для нас – значит потерять все». Чтобы этого не произошло, необходимо усовершенствование методов борьбы с волками. Ситуация на Северном Байкале усугубляется тем, что у местной молодежи отсутствует мотивация работать оленеводами, так данное занятие ассоциируется с материальной неустроенностью, длительным пребыванием за пределами поселка. В данный момент оленеводы, которые работают в общинах, не получают зарплаты в виде денег, а работают за продукты и одежду. Во многих официальных документах оленеводство предстает как набор цифр. Однако эти цифры не отражают реального положения вещей и не раскрывают эмоциональной

составляющей отношений человека и животного. В данном контексте потеря оленей для местных жителей означает не потерю некоторого имущества или источника дохода, а разрушение эмоциональных связей.

Список источников и литературы

- Кишкинцев В. Олень в Чумиканском районе // Охотник. - 1929. - № 8. – С. 17.
Heidegger M. Building, Dwelling, Thinking // Poetry, Language, Thought. – New York: Harper and Row, 1971. – P. 143-162.
Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. – London: Routledge. 2000. – 465 p.
Vitebsky P. Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia. – London: Harper Perennial, 2005. – 464 p.

К.Б. Клоков

Россия, Санкт-Петербург, государственный университет

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ТИПАМИ ОЛЕНЕВОДСТВА, ПОРОДАМИ ДОМАШНЕГО И ПОДВИДАМИ ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ

Abstract

In Eurasia there are several ecological forms, subspecies, and breeds of reindeer. Areas of domesticated reindeer breeds do not correspond to areas of subspecies but are closely connected with types of reindeer herding. The most sustainable herding is associated with central zones of each breed area.

Взаимоотношения между популяциями северного оленя и сообществами коренных жителей тайги и тундры можно рассматривать как процесс взаимной адаптации и коэволюции. Влияние северного оленя на сообщества оленеводов и охотников носит опосредованный характер и осуществляется через традиционное природопользование, в процессе которого люди не только воздействуют на популяции оленей, но и сами к ним адаптируются. В результате этой адаптации формируются различные хозяйственные типы и комплексы, что нашло отражение, например, в учении о хозяйственно-культурных типах (Левин, Чебоксаров, 1955), а также в типологии северного оленеводства (Василевич, Левин, 1951). Указанные типологии не совпадают друг с другом, поскольку первая опирается, главным образом, на связи населения с ландшафтом, а вторая на этнокультурные различия. Напомним, что Г.М. Василевич и М.Г. Левин (1951) выделили 5 типов оленеводства: лопарский, самоедский, саянский, тунгусский и чукотско-корякский. Связанных с северным оленем хозяйственно-культурных типов – с учетом дополнения И. И. Крупника (1976) – выделяется три: оленеводы тундры, охотники-олeneводы тайги и охотники-олeneводы тундры.

Влияние человека на северного оленя также имеет сложный характер. В естественной среде эволюция вида происходит путем естественного отбора под воздействием природных факторов. Результатом этого стало образование подвидов вида *Rangifertarandus*, а также его экологических форм. Охота, при которой из года в год происходит неравномерное промысловое изъятие части популяции диких оленей, стала антропогенным эволюционным фактором, действующим наряду с естественным отбором. Эволюция домашних оленей шла под воздействием целенаправленного искусственного отбора, в результате которого сформировались породы оленей.

Перечислим основные классификационные единицы, применяемые к северному оленю.

Подвиды. В Евразии их выделяют, как минимум, семь (Флеров, 1952): *R.t. tarandus*L. (европейский или лапландский), *R.t. pearsoni* (новоземельский), *R.t. sibiricus* (сибирский тундряной), *R.t. valintinae* (сибирский лесной), *R.t. phylarchus* (охотский), *R. t. angustirostris* (баргузинский), *R.t. platyrhynchus* (шпицбергенский). Спорными являются попытки разделить европейский подвид на два: *R.t. tarandus*L. (тундряной) и *R.t. fennicus*Miller (лесной), которые В.Г. Гептнер (1961) счел несостоятельными.

Экологические формы (их также называют расами). Общепризнанным является выделение двух форм: тундровой и таежной, некоторые авторы выделяют, кроме того, еще и горную.

По поведению в отношении человека оленей делят на домашних и диких. Между этими двумя формами имеется ряд фенотипических и морфобиологических различий (Мухачев, 1969). Вместе с тем, имеющиеся данные генетического анализа показывают обособленность домашних оленей, имеющих происхождение от лесных и от тундровых оленей (Давыдов, 2003: 53).

Породы домашних оленей. Официально признанных пород четыре: *ненецкая, эвенская, эвенкийская и чукотская.* Они имеют стандарт, утвержденный приказом приказом МСХ СССР № 212 от 23.08.1985 г. (Мухачев, Лайшев, 2002: 229). Однако очевидно, что саамские олени Норвегии, Швеции и Финляндии, распространенные за пределами России, образуют еще одну, а, возможно, и несколько пород. Таким образом – пород, как минимум, пять. Внутри каждой породы могут выделяться более дробные единицы (отродья, породные группы, локальные экотипы). Пример – тофаларские олени в эвенкийской породе.

Как и у других видов, географическая изменчивость северного оленя имеет адаптивный характер и может быть в большей или меньшей степени закреплена в его генетическом коде. Однако такое закрепление происходит лишь в условиях изоляции. Различия между тундровой и таежной формами в условиях материка не «дотягивают» до подвидового статуса, который получили только две островные популяции тундровой формы: *R.t. platyrhynchus* и *R.t.pearsoni*.

Хотя в каждом конкретном районе оленеводы и охотники хорошо различают диких и домашних оленей, адаптивные признаки домашнего оленя слабо передаются по наследству. Причина этого, по-видимому, в том, что в большинстве регионов между популяциями диких и домашних оленей продолжается постоянный обмен особями. Дикие олени часто уводят с собой домашних, а в стада домашних во время гона нередко приходят самцы диких. В большинстве мест оленеводы сохраняют рожденных от них телят, полагая, что прилитие «дикой» крови полезно для поддержания здоровья домашней популяции.

Практически все евразийские материковые популяции дикого и домашнего северного оленя сообщаются между собой, что препятствует формированию между ними устойчивых генетических различий. Нельзя исключить, что в связи со слабой изученностью, такие различия еще не выявлены.

Учитывая вышесказанное, логично было бы предположить, что в географическом отношении ареалы подвидов и пород северного оленя взаимосвязаны. Однако, этого не наблюдается. В пределах ареала сибирского тундряного подвида встречаются все четыре породы домашних оленей, так же и в ареале сибирского лесного подвида. Лишь в ареале европейского оленя в пределах России распространена только одна порода домашних оленей – *ненецкая.*

Вместе с тем, ареалы пород домашнего оленя и ареалы этнокультурных типов оленеводства хорошо соответствуют друг другу, т.е. географическое распределение

пород определяется в первую очередь этнохозяйственными, а не зоогеографическими причинами. Особенности современного состояния оленеводства и динамики поголовья домашних оленей за последние десятилетия также обнаруживают связь с географическими ареалами пород северного оленя. Так, в пределах ареала каждой из четырех пород, выделяется центральная зона, в которой оленеводство лучше всего сохранилось, и где снижение поголовья оленей в период постсоветского кризиса было в наименьшей степени выражено. По мере удаления от центральной зоны к краям ареала, устойчивость оленеводческого хозяйства снижается, в динамике поголовья оленей за последние десятилетия прослеживаются спады и депрессии.

Если принять как рабочую гипотезу, что каждая порода сформировалась в рамках определенного типа оленеводства, то центральную зону в ареале каждой из пород можно рассматривать как своего рода «ядро» оленеводческого хозяйства соответствующего этнокультурного типа. Для ненецкой породы и, соответственно, для оленеводства самоедского типа – это тундры Ямала и Гыдана. Для чукотской породы и чукотско-корякского оленеводства – центральная часть Чукотского автономного округа: тундры в среднем течении Анадыря, Белой и вокруг озера Эльгыгытгын.

В ареале тунгусского типа оленеводства обнаруживается две центральные зоны. Одна из них связана с эвенской породой, это – горная местность, включающая южную часть Верхоянского хребта и Эльгинское плоскогорье (Томпонский и Кобяйский районы Республики Саха-Якутия). Вторая связана с эвенкийской породой (и эвенкийским оленеводством) и расположена на крайнем юге Якутии, в Нерюнгринском районе и на прилегающих территориях.

В рамках рассматриваемой гипотезы актуален вопрос о различиях между оленеводством эвенов и эвенков, которые в настоящее время относятся к одному типу – тунгусскому. Другой актуальный в этой связи вопрос: о статусе исчезнувшего оленеводства нганасанов. С этнокультурной точки зрения, оно рассматривается как самодийское с рядом тунгусских заимствований, а нганасанские олени, по словам А.А. Попова (1948: 56), принадлежали «к особой северной породе».

Не меньший интерес представляет и статус северного оленя Кольского полуострова – территории, представляющей собой зону контакта лопарского и самоедского оленеводства. Этот олень включен в состав ненецкой породы, но по происхождению он является продуктом смешения аборигенных саамских оленей с ненецкими, которые были перегнаны на полуостров из Архангельской области в конце XIX века (Сегаль, 1962; Давыдов, 2003: 47). К настоящему времени на Кольском полуострове сформировалась своеобразная система оленеводства, основанная путем наложения друг на друга самодийских и саамских традиций.

Список источников и литературы

Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. - 1951. - № 1. - С. 63-87.

Гептнер В.Г. Северный олень. Географическое распространение // Млекопитающие Советского Союза. – М.: Высшая школа, 1961. - Т. 1: Парнокопытные и непарнокопытные. - С. 320-324.

Давыдов А.В. Внутривидовая дифференциация северного оленя Евразии по морфологическим признакам и генотипу // Северный олень в России. 1982-2002. – М.: Триада-фарм, 2003. - С. 34-55.

Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. - 1976. - № 2. - С. 57-69.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и исторические области // СЭ. - 1955. - № 4. - С. 3-17.

Мухачев А.Д. Некоторые вопросы сравнительной морфобиологической характеристики домашних и диких северных оленей // Дикий северный олень в СССР. – М.: Советская Россия, 1975. - С. 89-98.

Мухачев А.Д., Лайшев К.А. Мир оленевода. – Новосибирск: НИИСХ КС СО РАСХН. - С. 229-232.

Сегаль А.Н. История северного оленя и оленеводства // Северный олень в Карельской АССР. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. - С. 41-57.

Попов А.А. Нганасаны. - М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. - 124 с.

Флеров К.К. Фауна СССР.– М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 55: Млекопитающие. Кабарги и олени. - С. 239-244.

Mari Kuoppamaa

Finland, Rovaniemi, University of Lapland, Arctic Centre

PALAEOECOLOGY AND RESILIENCE OF GRAZING ECOSYSTEMS IN NORTHWEST EURASIA, A PALYNOLOGICAL PERSPECTIVE

Resilience refers to the overall capacity to adapt to change within a social-ecological system. Social-ecological systems or SESs can be described as complex adaptive systems where social and biophysical agents interact at multiple temporal and spatial scales. The concept of humans in nature is emphasized and the delineation between social and ecological systems is considered artificial and arbitrary (Chapin et al., 2006).

During the recent decades many regions at northern high latitudes have experienced a significant and rapid climate warming. This presents challenges to different SESs when they are facing the need to adapt to short- and long-term systemic changes. In Northern Fennoscandia and the Yamal-Nenets Autonomous Okrug (YNAO), Western Siberia, air temperatures have increased ca. 2°C over the past 35 years, with warming taking place year round (NASA-GISS, 2011). During the same time period the North American Arctic has warmed to a similarly high level. The predicted and observed ecosystem responses in different reports include the advance of treeline to the higher latitudes/elevations and an increase in shrub abundance within the existing tundra zones (ACIA, 2005; IPCC, 2007; SWIPA, 2011). Since the early 1980's it has been possible to detect the 'greening' of the Arctic from satellite images, which itself indicates an increase in biological productivity and changes in land cover on a biome level (Raynolds et al., 2008; Forbes et al., 2010). Despite the recent warming, the late Holocene and especially the last millennium have had some clear and rapid climate changes, which have been recorded in different archives and well documented (the Medieval Warm Period and the Little Ice Age) (ACIA, 2005; IPCC, 2007; SWIPA, 2011).

The ecosystem structure and function may take decades or centuries to fully respond to anthropogenic disturbance or environmental change. This is even more accurate in the high Arctic where the growing season is short. Still the ecological studies almost exclusively examine ecosystem dynamics over intervals of only a few days to a few years (Redman, 2005; Fisher et al., 2009). Palynological data provides information about the changes in local and regional vegetation over centuries and millennia. The data can also be used to interpret possible grazing pressure and local herbivore densities when the non-pollen palynomorphs such as coprophilous fungal spores are counted alongside pollen. If the aim is to detect the

short term anthropogenic disturbance or environmental change as a whole from the palynological record, the high temporal resolution of the record and a contiguous sampling without gaps in the record are imperative. The temporal resolution of a pollen record is affected by the thickness of the sample, the rate of sediment accumulation, and the accuracy of the age-depth model used to produce the chronology. In the Arctic the use of peat rather than lake sediment is advised since the former accumulates much more rapidly than the latter and so offers a higher temporal resolution (Hicks and Hyvärinen, 1999). A robust age-depth chronology and precise measurement of the sample volume allow the calculation of pollen accumulation rates (PAR, grains cm⁻² year⁻¹) which generally provide a better record of vegetation changes than the more traditional percentage representation since the representation of each taxon is unaffected by the changes in the abundance of other taxa (Davis and Deevey, 1964).

It is important to understand the spatial resolution that the pollen assemblages represent. Also, the separation of the local pollen from the regional elements is crucial when making vegetation reconstructions. One way to quantify the spatial scale of pollen representation of vegetation is to assess the 'relevant source area of pollen' (RSAP: Sugita, 1994). It has been shown that as much as 60% of the total pollen loading at a site can come from outside the radius of the RSAP and can be considered as a background component (Sugita, 1994; Von Stedingk et al., 2008). PARs are also influenced by the spatial resolution of the pollen record but cannot, in themselves, quantify it. However, some assessment of local (within-site) events can be distinguished from more regional ones on the basis of the stratigraphy (macrofossil record) and through the contribution to the pollen record of the local plants. Moreover, local hydrological events are often preserved in the peat stratigraphy and recorded by other microfossils present in the peat such as testate amoebae (Borgmark and Schoning, 2006), just as an increase in the amount of mineral matter can indicate wind erosion of exposed mineral soil around the site (Kuoppamaa et al., 2009).

There has been an ongoing discussion about overgrazing by reindeer in Fennoscandia for years (Mysterud, 2006). Partly as a byproduct of this discussion, different groups have established ecological experiments, which have demonstrated the speed with which graminoid-dominated 'lawns' can replace shrub-dominated vegetation when reindeer activities (grazing, trampling, faeces deposition) are concentrated in tundra areas (van der Wal et al., 2004; Olofsson, 2006). Such graminoid-dominated swards can develop under both anthropogenic and zoogenic disturbance regimes and may persist after decades or even centuries of disuse, effectively functioning as alternative stable states (Forbes, 1996; Forbes et al., 2001; Potthoff, 2007). Key questions are 1) to what extent have reindeer and people been responsible for managing these transitions, and 2) how stable have the so-called 'stable states' actually been through periods of significant climate change that have simultaneously driven, for example, regional shifts in treeline. Palynological and other evidence from sites in Fennoscandia suggests that humans and herbivores, such as reindeer, can override the effects of climate change, at least locally, and prevent the advance of shrubs and trees in periods of favourable climate (Emanuelsson, 1987; Karlsson et al., 2007; Olofsson et al., 2009; Potthoff, 2009).

There are very few integrative ecological studies of anthropogenic/zoogenic changes in land cover at time scales that are longer than a century (Redman, 2005; Fisher et al., 2009). This research aims also to link archaeological materials and cultural residues to contemporary oral histories and palaeoecology to construct more complete narratives that encompass both the social and environmental drivers of change over the long term and at the regional scale. A key aim is, therefore, to understand how resilient the SESs of the western Eurasian North actually have been throughout the well-known periods of dramatic climate change that characterize the late Holocene and to produce quantitative reconstructions of regional and

local environmental change for the last ~1200 years, comprising the Medieval Warm Period, Little Ice Age, and the late 20th century warming. In order to study the long-term interactions between tundra ecosystems, herbivory and climate, the study presents a spatiotemporal evaluation of climate-reindeer-vegetation dynamics in Northwestern Eurasia, taking into account local (temperature, snowfall, rainfall, wind) and regional-to-global (Arctic/North Atlantic Oscillation) climate processes. Reconstructions will focus on 1) land cover, 2) ancient plant and animal community composition, 3) grazing intensity, and 4) past reindeer diet. Palynological investigations will be based on pollen and coprophilous fungal spores which will be used to investigate the intensity of contemporary and historical reindeer herding in Fennoscandia and Yamal. One aim is also to produce relative pollen productivity estimates and fall speed of pollen grains for the key taxa in the area, that are needed for the purpose of estimating the past vegetation cover with Landscape Reconstruction Algorithm (LRA; Sugita, 2007 a,b). This information is not available for tundra species and needs to be obtained during the course of this study by collecting a representative set of moss surface pollen samples from a range of locations with varying degrees of land use. Fossil reindeer faeces will be used to investigate reindeer diet and analyse the adaptability of reindeer herds to changing plant communities.

References

- ACIA. Arctic Climate Impact Assessment. - Cambridge: Cambridge University Press, - 2005. - 1042 p.
- Borgmark A., Schoning K. A comparative study of peat proxies from two eastern central Swedish bogs and their relation to meteorological data // *Journal of Quaternary Science*. -2006. -Vol. 21. -P. 109–114.
- Chapin F. S. III, Hoel M., Carpenter S. R., Lubchenco J., Walker B., Callaghan T. V., Folke C., Levin S. A., Mäler K.-G., Nilsson C., Barrett S., Berkes F., Crépin A.-S., Danell K., Rosswall T., Starrett D., Xepapadeas A., Zimov S. A. Building resilience & adaptation to manage arctic change // *Ambio*. -2006. -Vol. 35 -P. 198–202.
- Davis M. B., Deevey E. S. Jr Pollen accumulation rates: estimates from late-glacial sediment of Roger Lake // *Science*. -1964. -Vol. 145. -P. 1293–1295.
- Emanuelsson U. Human influence on vegetation in the Torneträsk area during the last three centuries // *Ecological Bulletins*. -1987. -Vol. 38. -P. 95-111.
- Fisher C. T., Hill J. B., Feinman G. M. (eds) *The archaeology of environmental change: socionatural legacies of degradation and resilience*. Tuscon, University of Arizona Press. - 2009. - 328 p.
- Forbes B. C. Plant communities of archaeological sites, abandoned dwellings, and trampled tundra in the eastern Canadian Arctic // *Arctic*. -1996. -Vol. 49. -P. 141-154.
- Forbes B.C., Ebersole J., Strandberg B. Anthropogenic disturbance and patch dynamics in circumpolar Arctic ecosystems // *Conservation Biology*. -2001. -Vol. 15. -P. 954–969.
- Forbes B.C., Macias Fauria M., Zetterberg P. Russian Arctic warming and ‘greening’ are closely tracked by tundra shrub willows // *Global Change Biology*. -2010. -Vol. 16. -P. 1542–1554.
- Hicks S., Hyvarinen H. Pollen influx values measured in different sedimentary environments and their palaeoecological implications // *Grana*. -1999. -Vol. 38. -P. 228–242.
- IPCC Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Karlsson H., Hörnberg G., Hannon G., Nordström E.-M. Long-term vegetation changes in the northern Scandinavian // *Holocene*. -2007. -Vol. 17. -P. 37-49.
- Kuoppamaa M., Goslar T., Hicks S. pollen accumulation rates as a tool for detecting

land-use changes in a sparsely settled boreal forest // *Vegetation history and Archaeobotany*. - 2009. -Vol. 18. -P. 205-217.

Mysterud A The concept of overgrazing and its role in management of large herbivores // *Wildlife Biology* -2006. -Vol. 12. -P. 129–141.

NASA-GISS. GISS Surface Temperature Analysis. URL: <http://data.giss.nasa.gov/gistemp/maps/> (date of the address 30.10.2012)

Olofsson J. Short- and long-term effects of changes in reindeer grazing pressure on tundra heath vegetation // *Journal of Ecology*. -2006. -Vol. 94. -P. 431-440.

Olofsson J., Oksanen L., Callaghan T., Hulme P. E., Oksanen T., Suominen O. Herbivores inhibit climate-driven shrub expansion on the tundra // *Global Change Biology*. - 2009. -Vol.15. -P. 2681–2693.

Potthoff K. Persistence of alpine grass-dominated vegetation on abandoned mountain summer farms in Western Norway // *Norwegian Journal of Geography*. -2007. -Vol. 61. -P. 192-206.

Potthoff K. Grazing history affects the tree-line ecotone: a case study from Hardanger, Western Norway // *Fennia*. -2009. -Vol. 187. -P. 81-98.

Raynolds M. K., Comiso J. C., Walker D. A., Verbyla D. Relationship between satellite-derived land surface temperatures, arctic vegetation types, and NDVI // *Remote Sensing of Environment*. -2008. -Vol. 112- -P. 1884–1894.

Redman C. L. Resilience theory in archaeology // *American Anthropologist*. -2005. - Vol. 107. -P. 70–77.

Räsänen S., Froyd C., Goslar T. Impact of tourism & reindeer herding on forest vegetation// *Holocene*. -2007. -Vol. 17. -P. 447-456.

Sugita S. Pollen representation of vegetation in Quaternary sediments: theory and method in patchy vegetation // *Journal of Ecology*. -1994. -Vol. 82. -P. 881–897.

Sugita S. Theory of quantitative reconstruction of vegetation. I: Pollen from large lakes REVEALS regional vegetation composition // *Holocene*. -2007a. -Vol. 17. -P. 229-241.

Sugita S. Theory of quantitative reconstruction of vegetation II: all you need is LOVE // *Holocene*. -2007b. -Vol. 17. -p. 243-257.

SWIPA Snow, water, ice and permafrost in the Arctic – Executive Summary. Oslo, AMAP. -2011. - 16 p.

Van der Wal R., Bardgett R. D., Harrison K. A., Stien A. Vertebrate herbivores and ecosystem control: cascading effects of faeces on tundra ecosystems // *Ecography*. -2004. - Vol. 27. -P. 242-252.

Von Stedingk H., Fyfe R. M., Allard A. Pollen productivity estimates from the forest-tundra ecotone in mid-central Sweden: implications for vegetation reconstruction at the limits of the boreal forest // *Holocene*. -2008. -Vol. 18. -P. 323–332.

Р.Д. Лозей¹, В.И. Базалийский², С. Гарвье-Лок¹, М. Жермонпре³
¹Канада, Эдмонтон, Университет Альберта Эдмонтон, ²Россия, Иркутск, государственный университет, ³Бельгия, Брюссель, Королевский бельгийский институт естественных наук

ОСТЕОБИОГРАФИЯ СОБАКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ШАМАНКА II

Abstract

The article contains a detailed analysis of a burial of a dog and humans in the Early Neolithic burial complex #26 of the Shamanka II cemetery. The newest methods of natural and other sciences provide us with a deeper understanding of life stories of humans and animals. Reconstruction of those individual life stories is becoming a key element in explanation of, for instance, why some of Canidae had been buried purposely, while

others had not got such a special treatment after their own deaths. A study on a life story of the dog from Shamanka II cemetery is based on morphological and chemical analysis of this animal's skeletal remains.

В данной работе детально рассматривается захоронение собаки вместе с людьми, зафиксированное в раннеолитическом погребальном комплексе № 26 могильника Шаманка II. Имеющиеся сейчас естественнонаучные и другие методы позволяют глубже исследовать историю жизни людей и животных. Построение таких индивидуальных историй жизни становится ключевым элементом в объяснении того, почему, например, некоторые собаки были специально захоронены, а другие нет. Изучение истории жизни собаки из могильника Шаманка II основано на морфологическом и химическом анализе скелетных останков животного.

Древний некрополь Шаманка II располагается на ЮЮЗ побережье оз. Байкал, в устье речки Талой, на юго-западной экспозиции склона второго холма Шаманского мыса. В седловине между вторым и третьим холмами и на юго-западной экспозиции склона второго Шаманского мыса (могильное поле Шаманка II) исследовано 115 погребальных и ритуальных комплексов. На отмеченных участках в 1962-1966 гг. и в 1998-2008 гг. выявлено и раскопано 97 погребальных комплексов, 1 кенотаф, 3 ритуальных комплекса, относящихся к раннему неолиту, 11 могил, датирующихся эпохой ранней бронзы, 2 могилы поздней бронзы и 1 ритуальный комплекс раннего железного века (Базалийский, Вебер, 2008).

По костным материалам из раскопок раннеолитических могил в радиоуглеродной лаборатории г. Торонто и лаборатории ГИН г. Москва получено 51 дат ^{14}C , определяющих хронологический период функционирования могильника 7000-6000 л.н. (радиоуглеродный возраст, без учёта эффекта старого углерода) (Weberetal., 2006).

Захоронение собаки было найдено в могиле № 26, продольной осью ориентированной по линии СВ-ЮЗ ($A_3=62^\circ$). В разрушенной в древности могиле зафиксированы на разных уровнях перемешанные неполные костные останки пяти человек и полный скелет собаки, за исключением левой ветви нижней челюсти. Костные останки принадлежали предположительно взрослому мужчине, предположительно взрослой женщине, а также подростку 14-18 лет и детям 7-9 и 6-8 лет. Могила в древности вскрывалась неоднократно (Рис. 1-1, 2). При нарушениях могилы наименее пострадали костные останки собаки, частично сохранявшие анатомический порядок. Судя по их расположению, собака находилась на дне, поперёк ямы, на правом боку (Рис. 1-3). Положение костных останков указывает на то, что животное головой было ориентировано на ССЗ ($A_3=297^\circ$). Череп собаки, правая ветвь нижней челюсти, отдельные кости лап и часть шейного отдела позвоночника находились отдельно, в верхней части могилы на одном уровне с некоторыми человеческими останками и артефактами (Рис. 1-1). Очевидно, эти элементы были отделены от остального скелета во время повторного вскрытия могилы. Найденный *os penis* животного свидетельствует, что это был самец.

Исследование остеологии собаки. На начальной стадии исследований проведены замеры костей согласно методики, разработанной Von den Driesch (1976) и Morey (1992). Для измерения черепа и длинных костей использовался электронный штангенциркуль и остеометрическая доска. Для определения травм и патологий, кости скелета были осмотрены макроскопически, детально описаны и фотофиксированы.

Костяк Canidae представлен полностью сросшимся скелетом и зубной системой взрослой особи. Зубы левый I1 и правые I1 и I2 из верхней челюсти были потеряны и их альвеолы заросли костной тканью. Оба клыка верхней челюсти интенсивно стёрты и сохранились лишь остатки коронок. Некоторый износ зафиксирован на остальных зубах верхней челюсти. На правой ветви нижней челюсти также прослеживается общий

износ зубов. Резец P1 был потерян, о чем свидетельствует заросшая альвеола. Краниальные швы, особенно в лицевой части черепа, полностью не заросли (Рис. 1–5), исходя из чего, можно констатировать, что костные останки принадлежали достаточно взрослой половозрелой особи с полностью сформировавшимся посткраниальным скелетом.

Кости конечностей и таза находятся в нормальном состоянии без проявления травм и патологических повреждений. Для определения высоты *Canidae* до плеча, проведены максимальные замеры длинных костей по формуле, предложенной Hargcourt (1974). Согласно измерениям, скелет принадлежал животному высотой 59,1–62,4 см. На позвоночном столбе и ребрах прослеживаются некоторые отклонения и присутствуют следы травм. Правые 10 и 11 ребра содержат следы заросших повреждений ниже головок. Грудной позвонок 8 или 9 также поврежден. На этом позвонке отмечена шероховатость и костное разрастание на поврежденных дорсальной стороне дуги и на вентральной стороне колючего отростка. Данные изменения рассматриваются как результат предсмертного повреждения и образования костной мозоли, связанной с застарением переломов.

Этиология подобных повреждений позвонков и ребер неизвестна, но травмы скелета часто встречаются в процессе исследований ископаемых собак (Teegan, 2002), что предполагает их симптоматичность в виде получения ударов от людей, конфликтов с другими животными или использования собак для перемещения тяжестей (Morey, 2010: 93-7). Все поясничные позвонки изучаемого скелета содержат слабую и среднюю степени асимметрии позвоночных дуг, включая суставные поверхности, а также слабую и среднюю степени искривления колючих отростков. Вероятно, такие повреждения были получены в результате использования животного для перемещения тяжестей. Warren (2000) проследил подобные повреждения на позвонках собак на юго-востоке США и предположил, что они появились в результате использования собак для переноса тяжестей. В дополнение следует отметить, что два поясничных позвонка содержат относительно небольшое количество перисуставного (межпозвоночного) формирования кости (спондилез) на краниальной и хвостовой стороне скелета (Рис. 1–4). Спондилез часто встречается у собак пожилого возраста (Morgan, 1967) и также выделялся в нескольких исследованиях по использованию собак для перевозки тяжестей (Morey, 2010: 93-7).

Череп *Canidae* с могильника Шаманка сравнивался по краниометрическим измерениям с семью рецентными группами волков и собак: дикий волк, палеолитическая собака, архаичная собака, современная архаическая собака, современная собака с мордой, как у волка, современная собака с коротким зубным рядом и современная собака с узкой мордой. Детали по каждой группе описаны Germonpré и др. (2009). Плейстоценовые волки были включены в группу диких волков.

В процессе исследования 54 черепа современных волков, почти все с северной части провинции Альберта, были добавлены в группу диких волков. Современная архаическая группа собак расширилась дополнением трех черепов - два от ласки и один от самоедской собаки.

В связи с тем, что мультивариантные статистические анализы не предусматривают наличие отсутствующих показателей, выбор замеров по черепам был направлен на то, чтобы по возможности работать с древними черепами, сохранившимися фрагментарно. Для этого по VonDenDriesch (1976) были использованы следующие замеры: абсолютная длина черепа (TL, 1), висцерокраниальная длина (VL, 8), длина альвеол P1-M2 (ALP1-M2, 15), длина коронки P4 (P4CL, 18), максимальная ширина мозговой коробки (GWbrc, 29), максимальная ширина небной кости (GWpal, 34) и минимальная ширина небной кости (MWpal, 35).

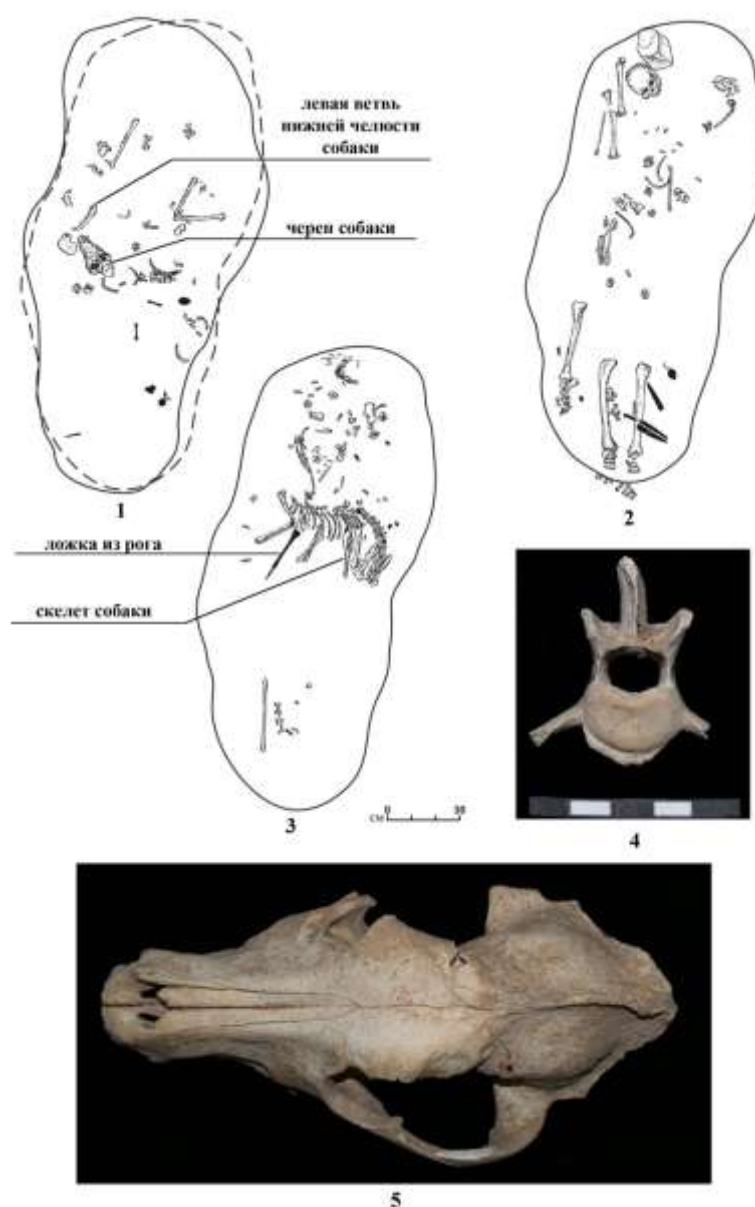

Рис. 1. Могильник Шаманка II, могила № 26. 1. План верхнего уровня, включающий череп и отдельные кости собаки. 2. План среднего уровня, включающий человеческие останки над скелетом собаки. 3. План дна могильной ямы и локализация скелета собаки. 4. Поясничный позвонок собаки, на котором прослеживается деформация колючего отростка и спондилёз. 5. Череп собаки

Унивариантные и мультивариантные статистические анализы проводились с использованием программы JMP (версия 5.1.2) с установленной значимостью <0.05 . Линейная дискриминантная функция анализа (ЛДФ) выводилась для всех образцов между различными группами. Она применялась к семи логарифмически выведенным по длине скорректированным переменным, используемых Germonpré и др. (2009). Череп с Шаманки был добавлен как несгруппированный образец для определения его принадлежности к определенной рецентной группе Canidae.

Принадлежность определялась с помощью анализа ЛДФ и очень низкой лямбда Wilk, предполагающей высокий случай предсказуемости ($\lambda = 0.055$, $P < 0.0001$). В целом, анализ ЛДФ позволил провести следующее разделение групп Canidae: в 88% всех

случаев установлена правильная классификация черепов и 20 черепов были классифицированы неправильно. По рецентным группам в целом, черепа были правильно соотнесены между 70.6% и 100% случаях. Наибольший процент неправильно соотнесенных образцов (29.4%) принадлежит группе современных собак с мордой, как у волка. Эпиграветтский череп со стоянки Елисеевичи (№447) был отнесен к группе современной архаичной собаки, тем самым поднимая частоту неправильно отнесенных палеолитических собак до 20%. В группе дикий волк один череп был неправильно классифицирован как современная собака с узкой мордой (1%) и 10 как современная собака с мордой, как у волка (9.6%). Два черепа современной архаичной собаки были неправильно отнесены к палеолитическим собакам (9.5%). Один череп в группе современные собаки с коротким зубным рядом отнесен к современным собакам с мордой, как у волка (9.1%).

Череп Canidae с Шаманки попадает в диапазон современных архаичных собак, состоящих из таких пород как сибирская лайка, самоедская собака и чау-чау с вероятностью принадлежности к данной группе на уровне 0.64.

Анализ стабильных изотопов по остаткам собак часто свидетельствует о том, что их питание в целом соответствует питанию людей, с которыми они живут (Katzenberg, 1989). Для того, чтобы определить рацион питания исследуемой собаки, были проведены исследования по стабильным изотопам $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ с образцов кости Canidae.

Для анализа использовались небольшие фрагменты кости весом $\sim 0,5$ г. Их внешняя поверхность была удалена с использованием инструмента с полирующей режущей кромкой. В дальнейшем образцы очищались ультразвуком в дистиллированной воде и деминерализовывались посредством замачивания в постоянно заменяющихся растворах 1% HCl (Sealy, 1986) и в растворе 0.125M NaOH в течение 20 часов для удаления контаментов гуминовых кислот (Katzenberg, Weber, 1999).

Подготовленные образцы коллагена проанализированы в биогеохимической аналитической Лаборатории университета Альберта, с использованием элементарного анализатора EuroVector (Модель: EuroEA3028-НТ), соединенного с инструментами GV (Isoprime) масс-спектрометра для изотопного анализа. Точность инструмента: $\pm 0.1\%$ для $\delta^{13}\text{C}$ и $\pm 0.2\%$ для $\delta^{15}\text{N}$. Сохранность археологических образцов оценивалась через соотношение уровня атомов C/N, %C, %N и содержания коллагена с использованием общепринятых предельных показателей (Ambrose, 1990). Результаты анализов показали, что образцы костей имели удовлетворительную сохранность. Для собаки с Шаманки уровни изотопов ($\delta^{13}\text{C} = -16.1\%$, $\delta^{15}\text{N} = 13.0\%$) расположены близко к уровню изотопов людей по уровням $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ с могильника Шаманка II и других раннеолитических могильников Байкальской Сибири. Диета собаки с Шаманки схожа с питанием людей, погребенных на этом же могильнике, и кроме этого, может свидетельствовать о похожем рационе питания, отмечаемом в других археологических культурах (Katzenberg, 1989; Cannon et al, 1999).

Заключение. Рассмотренное погребение собаки в одной могиле с людьми не является исключительным случаем. В 1973 г. на могильнике Шаманский Мыс (остров Ольхон), в раннеолитической могиле № 3, раскопанной в 1972 г., были зафиксированы полные скелеты двух собак, располагавшиеся в заполнении ямы над погребением человека. Обе собаки находились на правом боку и головами были ориентированы на восток, так же, как и человек. Палеонтолог Н.Д. Оводов определил, что собаки близки сибирским лайкам (Конопацкий, 1982: 44). К сожалению, анализы костных останков этих собак, аналогичные описанным выше, не проводились и взаимодействие их с людьми неизвестно.

Таким образом, скелет самца из Шаманки (лайка, чау-чау, самоедская собака) был полностью сформированным, а её зубы – средне стёртыми, что говорит о зрелом возрасте животного. Будучи взрослой, эта собака перенесла несколько травм позвоночника и рёбер, возможно, в результате ударов человека или вследствие использования её как вьючного животного. Эти травмы частично зажили до смерти. Показатели стабильных изотопов углерода и азота говорят о том, что её диета была похожа на диету современных ей людей, погребённых в Шаманке. В целом, эти данные позволяют предположить, что собака из Шаманки жила в тесном контакте с людьми, деля с ними пищу и, возможно, помогая в делах, таких как охота и перемещение грузов. Вероятно, что такой тесный контакт сохранялся в течение нескольких лет, так как собака была совсем взрослой на момент смерти. Эти обстоятельства представляются идеальными для того, чтобы она смогла стать почти человекоподобным существом и была удостоена захоронения вместе с людьми.

Изучение Canidae из Шаманки позволило приоткрыть смысл этого погребения. Наряду с обобщённым представлением о том, как волки, собаки и другие животные по-разному воспринимались на севере, данные остеобиографии сделали возможной тщательную интерпретацию смысла подобных захоронений. Для продолжения данной темы необходимо проведение подобных исследований собачьих из других регионов Восточной Сибири. Подобные исследования должны включать останки собачьих из любых археологических контекстов, а не только из захоронений, так как это поможет ответить на вопрос, почему только некоторые собачьи останки были особым образом захоронены. Социальная и эмоциональная привязанность к собакам, по-видимому, действительно, играла важную роль в специальном захоронении отдельных особей. Но одними эмоциями невозможно объяснить, почему с ними обращались, как с человеческими братьями. Уже ясно, что собаки и волки являются единственными среди многих видов животных приполярного севера, которые подвергались отчётливым посмертным ритуалам, включая погребение в могилах (Grøn, 2005; Hallowell, 1926; Jordan, 2003; Paulson, 1968). На погребальные практики воздействуют также онтологические, космологические, политические, социальные и другие культурные и исторические факторы. Представленный в статье остеобиографический подход может послужить удобной отправной точкой для исследователей, изучающих отношения людей и животных в традиционных сообществах.

Список источников и литература

Базалийский В.И. Вебер А.В. Могильник Шаманка II в контексте погребальных ритуалов раннего неолита Байкальской Сибири // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 1. - С. 182-186.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). – Новосибирск: Наука, 1982. - 176 с.

Cannon A., Schwarcz H.P., Knyf. H. Marine-based subsistence trends and the stable isotope analysis of dog bones from Namu, British Columbia // Journal of Archaeological Science. - 1999. - №26.

Germonpré M., Sablin M.V., Stevens R.E., Hedges R.E.M, Hofreiter M., Stiller, M., Després, V.R. Fossil dogs and wolves from Palaeolithic sites in Belgium, the Ukraine and Russia: osteometry, ancient DNA and stable isotopes // Journal of Archaeological Science. - 2009. - №36 (2).

Crøn O. A Siberian perspective on the north European Hamburgian culture: a study in applied hunter-gatherer ethnoarchaeology. - Before Farming, 2005. - №1.

Harcourt R.A. The dog in prehistoric and early historic Britain // Journal of Archaeological Science. – 1974. - №1.

Jordan P. Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khanty. - AltaMira Press, Walnut Creek, 2003.

Katzenberg M.A. Stable isotope analysis of archaeological faunal remains from Southern Ontario // Journal of Archaeological Science. – 1989. - №16.

Katzenberg M. A., Weber A. W. Stable isotope ecology and paleodiet in the Lake Baikal Region of Siberia // Journal of Archaeological Science. – 1999. - Vol. 26. - № 6.

Morgan, J.P. Spondylosis Deformans in the Dog. Acta Orthopaedica Scandinavia Supplementum. - Munksgaard, Copenhagen, 1967. - No. 96.

Morey D.F. Shape and development in the evolution of the domestic dog // Journal of Archaeological Science, 1992. - 19.

Paulson, I. The preservation of animal bones in the hunting rites of some North-Eurasian peoples. In V. Dioszegi (Ed.), Popular Beliefs and Folklore Traditions in Siberia. Mouton and Co., The Hague, 1968. - PP. 451-448.

Teegan W. Rib and vertebral fractures in midieval dogs from Haithabu, Starigard, and Schleswig. In J. Davies, M. Fabis, I. Mainland, M. Richard, R. Thomas (Eds.), Diet and Health in Past Animal Populations. - Oxbow Books, Oxford, 2002. - PP. 34-348.

Von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, 1976. - 1.

Warren, D.M. Paleopathology of Archaic dogs from the North American Southeast. In S.J. Crockford (Ed.), Dogs Through Time: An Archaeological Perspective. Archeapress, Oxford, 2000, pp. 105-114.

Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian. Radiocarbon. – 2006. – Vol. 48. - № 1. - P. 127-166.

**Т.Ю. Номоконова¹, Р.Дж. Лозей², В.Н. Якунаева³,
Ю.А., Емельянова⁴, М.В. Пастухов⁵**

¹Канада, Ванкувер, Университет Британской Колумбии, ²Едмонтон, Университет Альберта, ³Россия, Еланцы, МОУ Дом Детского Творчества,

⁴Иркутск, Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии НИ ИргТУ, ⁵Институт Геохимии СО РАН

**ЭТНОЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ОХОТЕ НА НЕРПУ НА БАЙКАЛЕ⁶**

Abstract

This paper provides an overview of ethnozoarchaeology as an approach used in our studies of the Trans-Holocene seal hunting on Lake Baikal in Eastern Siberia. This research is based on the integration of the osteological and zoological methods with ethnohistorical research, including interviews, observations, and experimental studies.

Образ сибирского озера Байкал для многих ассоциируется с его млекопитающим - байкальской нерпой (*Phoca sibirica*), символическим животным данного региона. Нерпа уникальна по нескольким причинам. Во-первых, она является единственной представительницей водных млекопитающих, которая обитает в пресноводном озере Байкал и отделена от других подобного рода популяций животных на более чем 1000 км. Во-вторых, несмотря на эту изолированность, нерпа являлась важным источником питания для байкальского населения на протяжении голоцена. Исходя из

археологических данных, охота на байкальскую нерпу считается одной из самых древних в мире охот на тюленей. Это животное также употреблялось не только многими байкальскими охотниками-рыболовами начиная с 10000 лет назад, но и скотоводами, мигрировавшими на побережья Байкала в течение позднего голоцена. Охота на нерпу с XVII по XX вв. переросла в промышленную добычу этих животных. Весенняя охота частично практикуется и в настоящее время несколькими охотниками в этом регионе.

Кости нерп достаточно часто встречаются при раскопках поселений на побережье Байкала, и вопросы о значении нерпы в питании древних людей не раз поднимались исследователями. Интерпретации о роли этого животного в рационе питания местного населения основывались на находках костей нерп на стоянках, анализах стабильных изотопов костей людей среднего голоцена и анализах дентина клыков нерп (например: Горюнова и др., 2007; Конопацкий, 1982; Katzenberg и др., 2010; Weber и др., 1998). В течение последних нескольких лет в байкальском регионе также интенсивно проводятся зооархеологические исследования (Лозей, Номоконова, 2010), направленные на анализ фаунистических остатков, включая реконструкцию возраста, пола и сезонов поимки животных, в том числе нерп. Несмотря на то, что имеется достаточно данных о важном значении нерпы в питании байкальского населения, многие нюансы до сих пор остаются не изученными и нуждаются в дальнейших исследованиях, например, места и способы охоты на этот вид животных, процессы разделки и потребления. Кроме того, представляется актуальным построение обобщенных пространственно-хронологических схем о восприятии этого уникального животного байкальским населением.

Для более полного понимания роли нерпы для жителей Байкала в прошлом необходимо иметь представление о том, что данное животное значит в настоящем и недавнем прошлом. Для этого нужны этноисторические материалы, которых, к сожалению, немного, и в них основной акцент сделан на промышленную нерповку (например: Левин, 1897). К тому же некоторые исследователи занимались изучением аспектов охоты только на примере бурятского населения (например: Афанасьева-Медведева, 2002; Жамбалова, 1984), но в тоже время почти отсутствуют материалы по охоте на нерпу у эвенков. Несмотря на то, что эти единичные работы достаточно интересны сами по себе, многие аспекты данных исследований не предоставляют возможности для их использования при создании реконструкций охоты на нерпу в древности. В связи с этим, в настоящее время мы применяем этнозооархеологический подход, описание основных направлений которого и является целью данной работы, проводимой в Байкальском регионе с 2009 по 2013 гг.

Этнозооархеологический подход основан на междисциплинарном применении археологических, зоологических и этноисторических методов. В данном подходе, на основании археологических остатков производится анализ фаунистических материалов, который интегрируется в этноисторический контекст для общего понимания процессов поимки, использования, потребления и восприятия животных в прошлом. Этнозооархеология как дисциплина сформировалась недавно (Albarella, Trentacoste, 2011), но этнографические и экспериментальные методы в археологии уже давно применяются. Эта практика успешна во многих изысканиях и показала, что зооархеология сама по себе не может предоставить полную картину взаимодействий людей и животных в прошлом и нуждается в междисциплинарных исследованиях.

В рамках этого подхода используется несколько методов, начиная с макро- и микроскопических анализов костей и зубов нерп. Они позволяют сделать видовое определение по костям из археологических комплексов, провести количественные анализы и реконструкции демографических характеристик, сезонов поимки, процессов

разделки и потребления добытых животных. Подобные исследования уже были успешно применены на нескольких археологических комплексах Прибайкалья (Лозей, Номоконова, 2010). В нашем подходе, данные анализы проводятся параллельно с работой с современными коллекциями скелетов нерп для разработки улучшенного способа определения возраста и пола животных по их костным останкам. Второе направление - это интеграция биологических и экологических характеристик нерп в наших исследованиях, включая данные по распределению нерп на Байкале в зависимости от времени года и данные о состоянии животных в периоды их важных биологических циклов, как, например, размножение и линька.

В дальнейшем мы применяем этноисторические методы исследования, основанные на работе с архивными, фольклорными, видеоисторическими и другими, в том числе печатными материалами по байкальской нерпе; а также базирующиеся на сборе и анализе материалов, полученных непосредственно от охотников на нерп и членов их семей, проживающих в поселениях Приольхонья, северного и восточного побережий Байкала. В этой работе мы используем этнографические методы: формальные интервью с сформулированными вопросами о выборе мест для охоты; о процессах и нюансах охоты в разные сезоны; о разделке животных; о предпочтениях охотников касательно возраста и пола нерп в зависимости от состояния качества мяса, жира и шкуры. Мы также просим охотников категоризировать их предпочтения при выборе животных и анатомических частей туши нерпы по градированной шкале, для попытки применить количественный подход к интерпретации наличия тех или иных элементов скелетов нерп на археологических комплексах.

Наша работа с охотниками фиксируется на аудио-, фото- и видеоаппаратуру. Эти материалы представлены не только в виде рассказов охотников, но и в виде фотографий их орудий охоты и одежды. Мы также ведем непосредственные наблюдения на льду озера за самими процессами охоты и разделки животных, посещаем места на Байкале, которые использовались охотниками ранее для нерповки. Еще одним запланированным аспектом исследования является экспериментальная работа по разделке туши нерпы охотником и анализу костей на предмет следов в виде порезов, оставшихся в результате отделения частей туши или при интерпретации таких же следов, найденных на древних костях.

При применении и интеграции этнографических методов в нашей работе мы не основываемся на принципах аналогии, но концентрируемся на понимании концептуальной системы охотников, складывающейся на основе их индивидуального опыта охоты, восприятия нерп и степени знания этих животных. В данном подходе, этнографические исследования проводятся для осмысления зооархеологических аспектов и попыток понимания и интерпретации данных, полученных из анализа костей животных с археологических объектов. Этот подход несомненно сложен, как и любые попытки применения этнографических данных к археологическим реконструкциям, и усложняется тем, что охота на нерпу практически больше не практикуется в регионе. Тем не менее, предварительные результаты, полученные нами за последние три года, уже продемонстрировали хорошие перспективы применения этнозооархеологического подхода к исследованиям по древней охоте на байкальскую нерпу и позволят по-новому рассмотреть роль этого животного в формировании мировоззрения древнего населения.

Примечания

⁶Работа выполняется при поддержке гранта SSHRC 430-2012-0099.

Список источников и литературы

- Афанасьева-Медведева Г.В. Традиционная охота на байкальскую нерпу в Приольхонье // Журнал о Сибири: Тайга. – 2002. – № 1. – С. 34.
- Горюнова О.И., Оводов Н.Д., Новиков А.Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкине III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология, и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – № 1. – С. 168–174.
- Жамбалова С.Г. Охота на нерпу у Ольхонских бурят // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Уде: АН СССР, 1984. – С. 97–107.
- Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). - Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.
- Левин Н.П. Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхоне // Изв. ВСОИРГО. – 1897. – № 28. – С. 44–81.
- Лозей Р., Номоконова Т. Зооархеологические исследования в Байкальской Сибири: направления, методики и перспективы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – № 4. – С. 235–238.
- Albarella U., Trentacoste A. (Eds.). Ethnozooarchaeology: the Present and Past of Human-Animal Relationships. – Oxford: Oxbow Books, 2011. – 174 с.
- Katzenberg M.A., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A., Weber A.W. Diet reconstruction of prehistoric hunter-gatherers in the Lake Baikal region // Prehistoric Hunter-gatherers of the Baikal Region, Siberia. - Philadelphia: UP MAA Press, 2010. – С. 175–192.
- Weber A., Link D.W., Goriunova O.I. Konopatskii A.K. Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: a zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia // Journal of Archaeological Science. – 1998. – № 25. – С. 215–227.

Я.Е. Лукерина

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЛОШАДЕЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ

Abstract

Recently, the study of the archaeological material by using the methods of the natural sciences has become more widespread. A great scientific potential is hidden in the bones of horses. This article focuses on methodological issues of analysis and interpretation of bone materials from the Altai.

Изучение и реконструкция хозяйственной деятельности древнего населения по данным остеологических материалов является одним из приоритетных направлений в палеозоологии. Систематические исследования костных материалов из археологических памятников Алтая практикуются сравнительно недавно, но постепенно расширяются в географическом и хронологическом плане (Витт, 1952; Цалкин, 1952, Васильев, Гребнев, 1994, Гальченко, Васильев, 2000; Косинцев, Самашев, 2003; Косинцев, 2004; Макарова, 2007 и др.). Поэтому вопросы методики таких комплексных исследований является основополагающим элементом в получении научной информации.

Реконструкция лошадей по элементам скелета

Элемент скелета	Пол	Возраст	Высота в холке	Тип лошади
Череп	+	+	+	+
Нижняя челюсть	+	+	-	-
Плечевая кость	-	+	+	-
Лучевая кость	-	+	+	-
Локтевая кость	-	+	-	-
Лопатка	-	+	-	-
Бедренная кость	-	+	+	-
Берцовая кость	-	+	+	-
Пяточная кость	-	+	-	-
Метаподии	-	+	+	+
Фаланги	-	+	-	-

В археозоологии изучение остеологического материала направлено на восстановление внешнего вида животного. При этом каждому элементу скелета соответствует свой диапазон реконструирующей способности (Табл. 1).

Наиболее информативным в этом смысле являются череп и нижняя челюсть, а наименее – фаланги (Богаткина, 1995: 141). Тем не менее, ширина копыта лошади являются индикаторами ландшафтно-климатических обстановок. Например, узкое копыто говорит о теплом и сухом климате (Форонова, 1990: 26).

Остеологические исследования проводятся в определенном порядке. Во-первых, отбираются пригодные краниальные и посткраниальные элементы скелета, принадлежащие взрослым лошадям, у которых завершен процесс срастания эпифизов с диафизом и все молочные зубы заменены постоянными.

Во-вторых, снимаются основные промеры на черепах и костях конечностей. Измерения проводятся штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Единой методики измерения субфосильных костных остатков пока нет. Существует ряд работ, в которых по мере изложения результатов исследования остеологического материала в определенной степени освещены вопросы методического характера, но зачастую они рассматриваются попутно или касаются лишь конкретных разделов. К тому же некоторые авторы имеют различный подход к методике обработки костей животных.

Так, А.А. Браунер в конце своей работы «Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии», датированной 1916 г., указывает основные способы снятия промеров. Он использует 96 промеров на черепе и 22 на нижней челюсти (Браунер, 1916: 52). Ученым введены такие важные показатели, как анатомическая ось, анатомическая длина лицевой части. Необходимо отметить, что большой акцент уделялся основной длине черепа, именно этот промер является базовым для подсчета ряда индексов. Таким образом, уже с 1916 г. перед учеными стоит проблема отсутствия единого способа снятия промеров. Но уже тогда заложена прочная методическая основа, которая продолжает совершенствоваться.

В дальнейшем В.И. Громова в 1949 г. предложила снимать на черепе 39 промеров, на нижней челюсти – 19. Принципиально новым у нее является измерение угла между мозговым и лицевым отделами черепа, длины лицевого гребня и ряд других промеров (Громова, 1949: 21).

Более полную схему промеров предложила в 1976 г. Э. Дриш – 55 измерений черепа и 35 на нижней челюсти (Driesh, 1976: 21). Существенным недостатком этого метода является малоинформативность многих промеров, которые не используются для вычисления различных индексов.

В 1988 г. В. Айзенман разработала свой метод. Она предлагает использовать 38 значений на черепе и 15 на нижней челюсти (Eisenmann, Karchound, 1988: 9). Именно эта методика получила широкое применение. К недостаткам относятся отсутствие

важного промера – теменной длины черепа (измеряется от середины между срединными резцами до задних краев затылочных гребней), которая используется для вычисления относительной ширины лба.

В 1997 г. Е.Е. Кузьмина предлагает использовать методику снятия промеров, предложенную У. Дюрстом, с уменьшением количества промеров. Итого 19 измерений на черепае и 10 на нижней челюсти (Кузьмина, 1997: 6).

Таким образом, отсутствие единой методики снятия промеров на черепае и нижней челюсти у лошадей затрудняет работу исследователей.

Относительно недавно в палеозоологии появилось методика В. Айзенман, позволяющая идентифицировать различные формы *Eguus*, исходя из особенностей строения метаподиальных костей. Суть метода заключается в графическом выражении промеров, что позволяет выявить степень сходства и различия между сравниваемыми формами, так как у родственных форм кривые схожи, а у представителей разных подвидов существенно отличаются (Форонова, 1990: 10).

На каждой пястной и плюсневой кости были сделаны соответствующие промеры, значение каждого промера соотнесено с аналогичным промером кулана (*Eguus hemionus onager*), взят десятичный логарифм этого отношения и его значения нанесены на координатное поле и соединены в ломаную линию (Форонова, 1990: 7). В качестве примера приведем график средних пропорций пястных костей лошадей из разновременных памятников булан-кобинской культуры (Рис. 1).

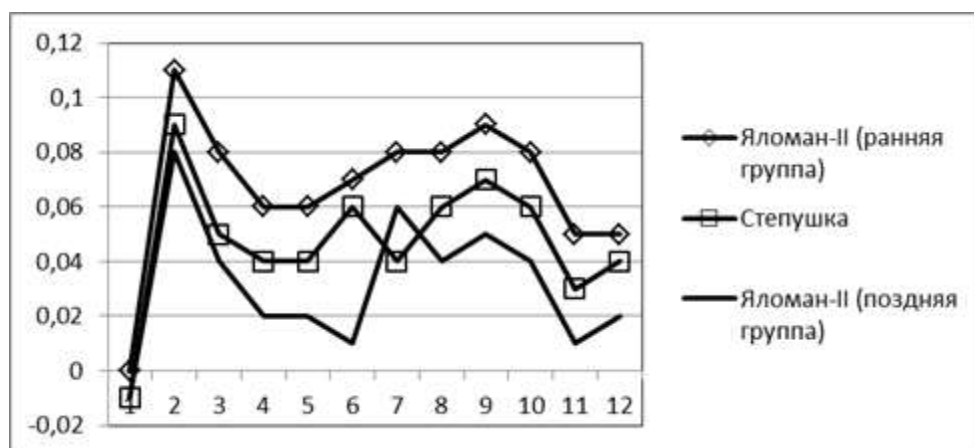

Рис. 1. Графики средних пропорций пястных костей лошадей из памятников Яломан-II и Степушка

Промеры, снятые с костей конечностей, отличаются своей многочисленностью, поэтому необходима их статистическая обработка. Результаты такой обработки представлены в таблице 2¹.

Таблица 2

Промеры пястных костей из курганов ранней группы памятника Яломан-II

Промер	n	min	max	X	S	V
1	12	126,2	230,7	214,90	28,55	13,28
3	12	29,5	35,7	33,16	1,96	5,91
4	12	23,7	28,5	25,39	1,50	5,94
5	11	45,5	53,1	49,33	2,44	4,94
6	11	28,1	32,6	30,86	1,22	3,95
7	11	37,4	43,9	40,51	2,15	5,32
8	12	13,9	18,0	15,62	1,29	8,30
10	12	43,9	50,5	46,80	1,80	3,84
11	12	46,2	51,7	48,20	1,52	3,16
12	11	33,4	37,9	35,58	1,32	3,72

13	11	25,5	28,5	27,30	1,04	3,81
14	11	27,3	31,8	29,65	1,47	4,98
3:1	12	23,3	15,4	15,43	0,06	0,44
5:1	11	30,0	23,0	22,95	0,08	0,37
14:12	11	81,7	83,9	83,33	1,11	1,33

На третьем этапе палеозоологического исследования изучаются морфологические показатели костей скелета, позволяющие выявить видовые, половозрастные и породные особенности лошадей.

Возрастная структура лошадей включает четыре категории – животные до года, молодняк 1,5–3 лет, половозрелые, наиболее работоспособные особи 4–10 лет и лошади старше 10 лет. Эти градации хорошо отражают морфологическую, физиологическую и половую зрелость животных и в соответствии с этим возможности их использования в хозяйственной жизни древних людей (Асылгараева, 2003: 125). Существует несколько способов определения относительного возраста лошадей. Наиболее активно используемый из них – метод определения возраста по зубам. При этом руководствуются сроками прорезывания молочных и постоянных зубов, стиранием чашечки на резцах с одновременным изменением их формы и направления (Корневен, Лесбр, 1929). Определение возраста становится приблизительным после 8 лет, поскольку в зависимости от твердости зубов и способов кормления лошади, стирание идет быстрее или медленнее (Фрид, 1928: 4).

Возраст животных, от скелетов которых сохранились только кости конечностей определяется по степени срастания эпифизов с диафизами. Метод основан на изменениях в ростовых зонах (метэпифизарных хрящевых пластинках), находящихся между диафизом кости и ее дистальным и проксимальным эпифизами. С возрастом эта зона становится уже и окостеневает, а эпифиз сливается с диафизом. Например, дистальный эпифиз лучевой кости прирастает к диафизу в возрасте лошади около 3,5 лет, у берцовой кости дистальный эпифиз прирастает в возрасте двух лет.

Также определение возраста и сезона забоя производят по регистрирующим структурам (ткани кости или зуба). Метод основан на формировании различных слоев (годовых, сезонных, внутрисезонных и суточных) в тканях зубов и кости (Бачура, 2008: 120). Этот метод довольно трудоемок, поэтому чаще всего используют шлифы (или срезы) в проходящем свете или аншлифы (зашлифованная поверхность сечения половинки зуба) в отраженном свете (Клевезаль, Клейненберг, 1967: 40). Таким способом О.П. Бачурой был проанализировано 20 образцов из шести разновременных памятников Алтая. (Бачура, 2008: 120).

Пол животных определялся по наличию клыков, которые встречаются только у жеребцов (Дюрст, 1936: 234).

Важными экстерьерными показателями, обуславливающим, в частности, породные отличия являются высота в холке, индекс ширины лба и тонконогости. В 1889 г. Л. Кизельвальтер предложил коэффициенты, выражающие отношение высоты тела в холке к длине отдельных костей (Громова, 1949: 14). Наиболее пригодные для этих целей пястные (коэффициент 6,41) и плюсневые кости (коэффициент 5,33).

В настоящее время чаще используется схема деления лошадей В.О. Витта (1952: 172–173). Ипполог разделил лошадей по росту на шесть основных категорий: очень мелкие, мелкие, малорослые, средние, рослые и крупные. Для каждой из этих групп В.О. Витт привел характерные размеры основной длины черепа и костей конечностей.

Основная классификация черепов лошадей по относительной ширине лба соответствует принятой В.И. Громовой. Исследовательница устанавливает три градации черепов: узколобые (индекс ширины лба не более 42, 5%), среднелобые (42,6–45,0%) и широколобые (более 45,0%). Индекс ширины лба – соотношение между

основной длиной черепа и наибольшей шириной лба, принятой за 100% (Цалкин, 1952: 148).

Степень широколобости также можно определить по форме орбит. У среднелобых особей глазница более округлая, а у узколобых несколько удлинённая (Цалкин, 1952: 150).

Показатели тонконогости определялись по А.А. Браунеру, согласно индексу ширины диафиза пясти (отношение ширины кости к основной длине, принятой за 100%). Ученый выделяет следующие категории: крайнетонконогии (до 1,35%), тонконогие (13,5–14,5 %), полутонконогие (14,5–15,5%), средненогие (15,5–16,5 %), полутолстоногие (16,5–17,5%) и толстоногие (17,5%) (Браунер, 1916: 132).

На четвертом этапе выявляются патологические изменения на костях лошади. В скелете выделяются две основные зоны, максимально подверженным этим изменениям: позвоночник и кости ступни (пяточный бугор, метаподии и грифельные кости, фаланги). Но иногда встречаются и другие зоны локализации (ребра, таз, трубчатые кости).

К основным нарушениям позвоночника относится спондилит и трещины эпифиза (Левин, 2000: 246). В ветеринарии под спондилитом понимают воспаление и последующее образование новой костной ткани в грудном и поясничном отделах.

По поводу образования трещин на позвонках были высказаны две гипотезы. Мюллер видит причину этой патологии в том, что лошадь под седлом заставляют прыгать. Бенекке считает, что это образуется вследствие длительной и быстрой езды (Левин, 2000: 246).

В.И. Цалкин в своей работе «К изучению лошадей из курганов Алтая» обращает внимание на патологию копыт (деформация), путовой и венечной (разрастание костной ткани) костей скелета. Ученый видит причину этих нарушений в интенсивной эксплуатации лошади (Цалкин, 1952: 157).

Методы, используемые в археозоологии при изучении остеологического материала, позволяют восстановить внешний облик древних лошадей и их особенности. По полученным данным можно проводить различные реконструкции. Например, знание точного возраста и сезона забоя копытных, обеспечивает воссоздание элементов годового жизненного цикла кочевников. Патологические изменения на костях выявляют способы эксплуатации. Полученные данные необходимы для уяснения принципов отбора лошадей для ритуала. Анализ следов от орудий на костях дает возможность реконструировать отдельные элементы погребального обряда (Тишкин, Косинцев, 2008: 219). Таким образом, в изучении остеологического материала кроется большой научный потенциал.

Примечания

¹n – число образцов; min, max – крайние значения промеров; X – среднее значение; S – среднеквадратическое отклонение; V – коэффициент вариации.

Наименование промеров, по В. Айзенманн: 1 – наибольшая длина; 3 – ширина диафиза посередине кости; 4 – поперечник кости там же; 5 – наибольшая ширина проксимального конца; 6 – поперечник верхней суставной поверхности там же; 7 – диаметр фасетки для *oscarpale* (*tarpace*III); 8 – диаметр фасетки для *oscarpale* (*tarpace*III); 10 – ширина дистального конца в надсуставных буграх; 11 – тоже в суставе; 12 – поперечник сагиттального гребня; 13 – наименьший поперечник медиального мышцелка; 14 – наибольший поперечник медиального мышцелка.

Список источников и литературы

Асылгараева Г.Ш. К вопросу о формах животноводческой деятельности булгаро-татарского населения (на примере древней Казани) // Новейшие археозоологические исследований в России. – М., 2003. – С. 116–138.

Бачура О.П. Результаты определения возраста и сезона забоя лошадей по регистрирующим структурам из памятников поздней древности Алтая // Древние и средневековые кочевники центральной Азии. – Барнаул: АЗбука, 2008. – С. 120–122.

Богаткина О.Г. Археозоологические исследования материалов городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX – XIII вв. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. – С. 141–159.

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. – Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Зап. общества сельского хозяйства Южной России. – Одесса, 1916. – Т. 86. – Кн.1. – С. 49–85.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. – Вып. XVI. – С. 163–205.

Громова В.И., История лошадей (Equus) в Старом Свете // Тр. палеонтологического ин-та. – М., 1949. – Т. XVII. – 373 с.

Дюрст У. Экстерьер лошади. – М.; Л.: Сельхозгиз, 1936. – 351 с.

Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кожи. – М.: Наука, 1967. – 144 с.

Корневен, Лесбр. Распознавание возраста по зубам и другим производным кожи. – М.: Новая деревня, 1929. – 383 с.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности // Тр. Зоологического института РАН. – СПб, 1997. – Т.273. – 221 с.

Левин М. Особенности палеопатологий лошадей эпохи раннего железа // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 243–249.

Тишкин А.А. Косинцев П.А. Древние и средневековые лошади Алтая: результаты и перспективы исследований // Культуры и народы Северной Евразии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного исследования. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – С. 216–221.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. – Новосибирск: Наука, 1990. – 132 с.

Фрид С.Л. Определение возраста по зубам. – Л., 1928. – 11 с.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // МИА. – 1952. – № 24. – С. 147–156.

Driesch A.A. Guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody museum Bulletin 1. – Cambridge: Harvard University, 1976. – 137 p.

Eisenmann V., Karchoud A. Analyses multidimensionnelles des metapodes d'Equus // Bull. Mus. natn. Hist. nat. P., 1982. – Т. 4 (1–2).

Н.В. Мартынович

Россия, Красноярск, краевой краеведческий музей

ПТИЦЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 (НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ)

Abstract

This article summarizes the results of a study of 587 bone remains of birds from the Neolithic site Mergen 6 (West Siberia, Ishim River). 30 taxons (28 species and 2 – genera-levels) avifaunistic complex,

characteristic now for lake biotopes of forest-steppe part of the South of Western Siberia were defined. Bones of a swan (35,5%) and ducks (33,8%) prevailed. Several tools from bones of wings of birds are found.

Мергель 6 – известный многослойный голоценовый археологический памятник в Нижнем Приишье, связанный с кошкинским этапом боборькинской культуры. Поселение находится в Ишимском р-не Тюменской обл. в 4 км к юго-западу от г. Ишима. Памятник расположен на северо-восточном берегу оз. Мергель, на мысовидном участке озерной террасы высотой 1,5 м, у истока р. Мергельки, на ее правом берегу (Зах, 1999: 52-55; Зах, Скочина, 2003: 12-17; 2009: 17-30).

Археозоологические исследования поселений Мергель 5 и Мергель 6 выявили широкий фаунистический набор промысловых млекопитающих, рыб и птиц юга таежной зоны (Косинцев, Некрасов, 1999: 100-104, наши данные).

С долей условности материал из горизонтов I-III – может быть отнесен к переходу от бронзового времени к железному веку, III-V – к энеолиту, VI-VIII – неолиту. Кости неолитического и энеолитического времени – хорошей сохранности, хуже сохранились остеологические материалы более позднего, переходного периода (персональное сообщение В.А. Заха и С.Н. Скочиной).

Таблица 1

Птицы поселения Мергель 6

Таксон - количество костей - горизонты	I-II	III-V	I-V	V-VI	VI-VIII	SUM
1	2	3	4	5	6	7
<i>Gavia arctica</i>	10	3	1	1	3	18
<i>Podiceps cristatus</i>	3	7	-	-	2	12
<i>Podiceps griseigena</i>	1	8	-	-	2	11
<i>Podiceps cristatus/griseigena</i>	1		-	1	2	4
<i>Podiceps cf auritus</i>	2	1	1	-	-	4
<i>Podiceps auritus/nigricollis</i>	-	-	1	-	-	1
<i>Botaurus stellaris</i>	1	1	-	-	-	2
<i>Cygnus cygnus</i>	28	19	21	24	37	129
<i>Cygnus sp. ?</i>	3	13	25	4	23	68
<i>Anser cf. anser</i>	14	11	9	5	13	52
<i>Anser sp.</i>	17	13	1	1	2	34
<i>Branta sp. /Anser erythropus</i>	-	1	-	-	-	1
<i>Anas platyrhynchos</i>	7	6	1	-	2	16
<i>A. clypeata</i>	6	4	2	1	2	15
<i>A. querquedula</i>	2	2	1	-	-	5
<i>A. acuta</i>	3	2	-	-	-	5
<i>A. penelope</i>	3	-	-	1	-	4
<i>A. acuta/penelope</i>	-	4	-	1	-	5
<i>A. crecca</i>	2	-	-	-	-	2
<i>Anas. sp</i>	1	-	-	-	-	1
1	2	3	4	5	6	7
<i>Aythya ferina</i>	6	8	1	12		27
<i>A. fuligula</i>	2	-	-	1	-	3
<i>Aythya sp.</i>	2	-	-	-	-	2
<i>Bucephala clangula</i>	2	1	-	-	-	3

<i>Mergus albellus</i>	1	-	-	-	-	1
<i>Mergus sp.</i>	1	-	-	-	-	1
<i>Anatidae gen indet</i>	18	10	4	1	3	36
<i>Circus aeruginosus</i>	1	-	-	-	-	1
<i>Accipiter gentilis</i>	-	-	1	-	2	3
<i>Haliaeetus albicilla</i>	-	-	-	3	-	3
<i>Tetrao tetrix</i>	13	13	2	1	17	46
<i>Grus grus</i>	1	1	3	-	-	5
<i>Fulica atra</i>	3	3	2	1	4	13
<i>Porzana porzana</i>	-	-	-	-	1	1
<i>Vanellus vanellus</i>	-	-	-	-	2	2
<i>Larus cf. argentatus</i>	-	-	-	-	1	1
<i>Corvus cornix</i>	-	-	-	1	-	1
<i>Pica pica</i>	-	-	-	1	3	4
<i>Aves fam gen indet</i>	21	12	-	5	7	45
SUM	175	143	76	65	128	587

Изучена коллекция из 587 костных остатков птиц, определены до вида 28, до рода – 2 таксона авифаунистического сообщества, характерного в настоящее время для озерно-равнинных биотопов лесостепной части юга Западной Сибири (Рябицев, 2001). На долю утиных (*Anatidae*) пришлось 14 таксонов, поганок (*Podicepsidae*) - 3 (4), дневных хищных (*Accipitridae*) – 3, пастушковых (*Rallidae*) – 2, врановых (*Corvidae*) – 2; по одному - на гагар (*Gaviidae*), цаплевых (*Ardeidae*), тетеревиных (*Tetraonidae*), журавлей (*Gruidae*), куликов (*Charadriidae*) и чаек (*Lariidae*) (Табл. 1).

Преобладают кости промысловых видов - лебедя-кликуна (35%), речных и нырковых уток (33,8%) (в основном – кряквы (*Anas platyrhynchos*), широконоски (*Anas clypeata*) и красноголового нырка (*Aythya ferina*)), серого гуся (*Anser cf. anser*) (13,4%), а также тетерева (*Tetrao tetrix*) (7,9%).

Заметный процент (8,6 %) составляют кости чернозобой гагары (*Gavia arctica*) и поганок (чомги (*Podiceps cristatus*), серощекой (*Podiceps griseigena*) и красношейной (*Podiceps auritus*)). Из дневных хищных птиц найдены единичные кости орлана белохвоста (*Haliaeetus albicilla*) (обнаружен в яме с охрой), тетеревятника (*Accipiter gentilis*) и болотного луня (*Circus aeruginosus*). Отмечены характерные в экологическом отношении пастушковые птицы - лысуха (*Fulica atra*) и погоньш (*Porzana porzana*). Остатки этих птиц наряду с находкой большой выпи (*Botaurus stellarius*), поганок и болотного луня (*Circus aeruginosus*) свидетельствует о наличии тростникового озерного бордюра в прошлом.

Найдены кости серой вороны (*Corvus cornix*) и сороки (*Pica pica*) – возможных синантропов, тяготеющих к человеку.

Для выявления характера распределения элементов скелета птиц весь массив костей (*aves indet* не учитывались) был разбит на две группы – крупные птицы (А - гагары, лебеди, гуси, серый журавль) и птицы среднего размера (Б - поганки, утки, тетерев, лысуха). В таблице 2 приведен количественный состав скелетных элементов групп птиц (А и Б) в процентах.

По обеим группам преобладают кости плечевого пояса и крыльев. Для лебедей и гусей максимального значения достигает количество фрагментов плечевых и предплечья (лучевая и локтевая), что возможно связано с утилитарной ценностью этих элементов скелета.

Обнаружены обработанные фрагменты трубчатых костей птиц (в основном лебедя - кликуна), использовавшиеся в качестве орудий – проколов, заготовок для игольников, а также «заполированные» фрагменты трубчатых, свидетельствующие о возможной водно-термической обработке.

Таблица 2

Количественный состав скелетных элементов групп птиц в процентах:
I – грудина, II – таз, III – лопатка, IV – коракоид, V – плечевая, VI – локтевая и лучевая, VII – карпометакарпус, VIII- бедренная, IX – тибитарсус, X – тарзометатарсус

группы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	100%
А	0,3	0,3	1,3	3,9	23,8	19,2	0,2	0,7	4,6	1,6	307
Б	5,9	2,3	2,3	15,5	21,5	21,5	5,5	3,2	11,4	5,0	219

Сходный в видовом и экологическом отношении комплекс птиц указан для мезолитического озерно-речного поселения Ивановское 7 в Верхнем Поволжье в Центральной России, для которого указаны 34 вида (изучена коллекция в 921 фрагмент). В отличие от Мергени 6 преобладали кости мелкой красношейной поганки (*Podicepsauritus*), был найден глухарь (*Tetraourogallus*) (3,9%) и совсем не обнаружены кости лебедей (Zhilin&Karhu 2002: 109-116).

Авифаунистические комплексы Мергени 5 (определения А.Е Некрасова) и Мергени 6 в настоящее время наиболее полно отражают население птиц озерных местообитаний в эпоху энеолита - неолита на юге Западной Сибири и могут в этом отношении быть опорными. Основное отличие между этими комплексами – преобладание в Мергени 5 костей поганок, которые составили основу субфоссиальной коллекции (Коснецев, Некрасов, 1999: 100-104)

Автор благодарит В.А. Заха, С.Н. Скочину и П.А. Косинцева за доверие и помощь, Н.В. Зеленкова (ПИН РАН) за консультацию при определении костей серого журавля (*Grusgrus*).

Список источников и литературы

Зах В.А. Новые данные о палеоладшафтах оз. Мергень // Экология древних и современных обществ. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. - С. 52–55.

Зах В.А., Скочина С.Н. Неолитический комплекс поселения Мергень 6 (по итогам работ 2002 года) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. - Вып. 4. - С. 12–17.

Зах В.А., Скочина С.Н. Ранний комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 годов) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. - 2009. - Вып. 11. - С. 17-30.

Косинцев П.А., Некрасов А.Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу озера Мергень (Мергень 5 и 6) в неолите и энеолите // Экология древних и современных обществ. - Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. - С. 100–104.

Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. - 608 с.

Zhilin M.G. & Karhu A.A. Exploitation of birds in early Mesolithic of Central Russia // Acta zoologica cracoviensia. – Krakow, 2002. - 45 (special issue). - 109-116 P.

А.А. Тишкин¹, Я.Е. Лукерина²

Россия, Барнаул, ^{1,2}Алтайский государственный университет

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАНКИ СОБАК В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АЛТАЯ И ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Abstract

The article summarises archaeological discoveries in the Altai and the upper Ob river where partial and entire skeletons of dogs and wolves have been found. Most of these materials, which are curated by Altai State University (Barnaul), are from the Bronze Age.

В настоящее время нет крупных публикаций, в которых бы специально рассматривались остеологические находки из археологических памятников Алтая и юга Западной Сибири таких животных, как собаки, игравших важную роль в системе жизнеобеспечения человеческих обществ с конца эпохи камня и на всем протяжении древней и средневековой истории. Поэтому первоначальная задача нашей работы заключается в сборе необходимой информации и выявлении имеющихся исходных материалов в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия). Это в перспективе позволит осуществить комплексную программу современного изучения костных останков собак с помощью естественнонаучных и других методов, что обеспечит дальнейшие объективные реконструкции.

В настоящее время в Алтайском государственном университете (АлтГУ) сформировалось крупное собрание остеологических находок, насчитывающих сотни тысяч единиц хранения, которые получены в основном в ходе раскопок разновременных археологических объектов. Такие изыскания систематически стали проводиться сотрудниками АлтГУ с середины 1970-х гг.

Самые ранние находки костей собак в рассматриваемом регионе связываются с энеолитом (Кирюшин, 2002: 95–98). Они, в частности, обнаружены на поселении Костенкова Избушка в нижних горизонтах, относящихся к большемысской культуре. Существенное количество остеологического материала зафиксировано на юге Западной Сибири в объектах периода ранней бронзы. Следует отметить, что такие находки, в том числе и целый скелет собаки, происходят из соответствующих слоев поселения Коровья Пристань-III (Кирюшин, 2002: 100). Имеются сведения и по другим памятникам. Из всех известных археологических комплексов указанного времени особое место занимает поселение Березовая Лука, которое относится к елунинской культуре и датируется концом III – 1-й третью II тыс. до н.э. В ходе исследований там найдены кости собак и волков. Изучение памятника было предпринято одним из авторов настоящей публикации. Сначала там проводились обследования, а с 1997 по 2001 гг. регулярно организовывались раскопки. С 2002 по 2008 гг. плановые работы продолжены С.П. Грушиным. Все перечисленные мероприятия осуществлялись под научным руководством Ю.Ф. Кирюшина. Часть полученных материалов уже подробно опубликована в двух монографиях (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011), а также в многочисленных статьях и сообщениях. Оставшийся объем данных еще не введен в научный оборот. Существенные по количеству остеологические останки, обнаруженные на поселении Березовая Лука, сначала определял сотрудник АлтГУ А.В. Гальченко, потом изучение массовых находок костей животных продолжил специалист из Института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцев (Косинцев, 2005; Косинцев, Явшева, Девяшин, 2011).

Исследованные памятники елунинской культуры, которые располагаются в междуречье Оби и Иртыша, свидетельствуют о том, что древние племена занимались экстенсивным скотоводством. Это подтверждают следующие зафиксированные на

поселении Березовая Лука остеологические свидетельства: почти 99% определимых костей принадлежат домашним животным (лошадь, мелкий и крупный рогатый скот). Обнаруженные отдельные кости и части скелетов крупных собак указывают на их использование в хозяйственной деятельности. Поселение Березовая Лука находится в Алейском районе Алтайского края. Эта территория ныне представляет собой степную зону между горами Алтая и крупным ленточным бором, сформировавшимся в русле древнейшей реки.

Другой памятник, где также обнаружены кости собак, называется Телеутский Взвоз-I. Большая часть изученных на нем погребальных и ритуальных объектов связывается с елунинской культурой, хотя раскопаны захоронения и более поздних периодов. Полученные материалы опубликованы в монографиях, обобщающих результаты исследований до 2003 г. (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003). Представленный археологический комплекс находится в Павловском районе Алтайского края, на левом высоком берегу Оби, в лесостепной зоне.

Еще один комплекс остеологических находок относится к хорошо изученной андроновской культуре периода развитой бронзы, памятники которой исследованы сотрудниками АлтГУ на территории Верхнего Приобья. Кости собак обнаружены на поселениях Фирсово-XV, Большой Лог, Переезд (Кирюшин, Грушин, 2010) и на других памятниках.

Периодом поздней бронзы датируется поселение Рублево-VI. Оно исследовалось длительное время и соотносится с кругом памятников саргаринско-алексеевской культуры. Памятник располагается в бору на территории Михайловского района Алтайского края. Кости собак обнаружены главным образом в заполнениях исследованных жилищ. Население саргаринско-алексеевской культуры занималось отгонным скотоводством. Другое поселение, датируемое периодом поздней бронзы, называется Жарково-3. Оно находится в Баевском районе Алтайского края (территория Кулундинской степи). Исследования памятников Рублево-VI и Жарково-3 осуществлялись сотрудниками АлтГУ А.Б. Шамшиным, Д.В. Папиным, А.С. Федорук. Данные по обнаруженным костям животных, в том числе собак и волков, частично опубликованы в обобщающей статье (Кирюшин, Косинцев, Папин, Федорук, 2010).

Следующий исторический этап (ранний железный век) отражают многочисленные памятники нескольких археологических культур, зафиксированных в горах Алтая и в лесостепной зоне Верхнего Приобья. Кости собаки встречались на исследованных поселениях пазырыкского времени, а также найдены при раскопках курганов (Шульга, 1994: 54–55). Значительный объем сравнительных сведений выявлен по захоронениям рассматриваемых животных на Среднем Енисее (Кузнецов, 1998). Важными находками являются скелеты двух собак, обнаруженных на памятнике кулайской культуры Обские Плеса-II (Горбунов, 1996: 156–157, 166).

Курганная группа Иня-1, которую необходимо отметить в рамках представляемой темы, исследовалась на протяжении нескольких десятилетий. В 1950-е гг. работы там проводил А.П. Уманский. Имеющаяся в АлтГУ коллекция костей собак происходит из раскопок, осуществленных позже под руководством С.В. Неверова и В.В. Горбунова. Скелеты этих животных были обнаружены в курганах, где находились погребения воинов. Указанный памятник относится к раннему этапу сросткинской археологической культуры (2-я половина VIII в. – 1-я половина IX в.) и расположен в Шелаболихинском районе Алтайского края, на правом (пойменном) берегу Оби. Полученные материалы до сих пор полностью не опубликованы, остеологические останки животных специалистами подробно пока не изучались.

Курганная группа Успеновка-II, относящаяся также к сrostкинской культуре раннего средневековья, зафиксирована в Алейском районе Алтайского края. На памятнике раскопан один курган. Полученные археологические находки позволили определить хронологические рамки сооружения объекта 2-й половиной IX в. – 1-й половиной XI в. Среди них имеется скелет собаки. Исследования осуществлялись Алейской археологической экспедицией АлтГУ. Результаты работ кратко опубликованы (Тишкин, Горбунов 2002).

Археологический комплекс Кармацкий, где обнаружены собачьи кости, представляет собой поселение, грунтовый и курганный могильники. Он находится в бору, на правом берегу Оби, напротив г. Барнаула (территория Первомайского района Алтайского края). Материалы монгольского времени (XIII–XIV вв.) частично введены в научный оборот (Тишкин, 2009: 79–96). На памятнике исследованы объекты эпохи бронзы и раннего железного века.

Основная часть перечисленных находок костей собак и волков хранится в фондах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Наибольшее количество материалов относится к эпохе бронзы. При этом имеются возможности для расширения источниковой базы за счет изучения остеологических коллекций, еще не разобранных и не введенных в научный оборот. Представленная ситуация обеспечивает основу для реализации специальных многоплановых исследований.

Список источников и литературы

Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 156–166.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Хозяйство андроновских племен Верхней Оби // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 86–94.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. II. – 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Т. I. – 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 112–127.

Косинцев П.А. Животноводство и охота населения Березовой Луки // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Т. I. – С. 150–164.

Косинцев П.А., Явшева Д.А., Девяшин М.М. Комплекс костных остатков животных из раскопа №2 поселения Березовая Лука // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. II. – С. 139–148.

Кузнецов Н.А. Погребения собак на Среднем Енисее как археологический источник: Автореф. дис. ...канд. ист. наук / Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1998. – 22 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 278 с.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 48–60.

Е.Г. Федорова

*Россия, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

ВСЛЕД ЗА ОЛЕНЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНЫХ МАНСИ)¹

Abstract

This article analyses northern Mansi reindeer herding from its origins to recent times. It is focused on how lifeways change in step with the needs of reindeer breeding and analyses the specific features of the material and spiritual culture of reindeer herders. Finally, it elaborates on the symbolic role of reindeer herding today.

Северные манси принадлежат к числу тех народов Западной Сибири, образ жизни которых на протяжении нескольких веков был обусловлен наличием в их хозяйственном комплексе оленеводства. С появлением оленя расширились миграционные возможности населения, отразившиеся на его исторических судьбах, изменился культурный облик, что было вызвано потребностями оленеводства, использованием его продукции.

Традиционное оленеводство северных манси называют отгонным (Козьмин, 1986: 53), горно-таежным отгонным (Головнев, 1993: 86-87). Его характерные черты – небольшой размер личного стада (до 100 голов), вертикальное кочевание при амплитуде в 300-500 км, летний выпас объединенных (до 300-400 голов) стад, использование для окарауливания стада собак, транспортное применение оленей в зимний период, большая доля ездовых оленей в стаде (Козьмин, 1986: 53-54; Головнев, 1993: 86-87).

В вопросе о происхождении обско-угорского оленеводства основной является точка зрения о заимствовании этого занятия у северных самодийцев (В.Н. Чернецов, З.П. Соколова, В.А. Козьмин, А.В. Головнев, Е.Г. Федорова и др.). По мнению А.В. Головнева, в северной части тайги Западной Сибири до XIV–XV вв. преобладал тип стационарного оленеводства на базе которого в XV – XVI вв. в северном Предуралье и притундровой полосе складывается тип отгонного оленеводства, на территории обитания северных манси трансформировавшийся в горно-таежное отгонное (1993: 102). Рассматривая вопрос о заимствовании обскими уграми оленеводства от ненцев, этот автор высказывает предположение, что оленеводство первоначально могло

заимствоваться для военно-оборонительных, а не для хозяйственных нужд (Там же: 99). Манси (вогулы) могли столкнуться с таежно-ненецким оленеводством еще на стадии существования отгонного оленеводства, поскольку есть данные о присутствии в это время самодийцев на Среднем Урале. Манси продвигались на север, уже заимствовав этот вид занятий (Там же: 96).

По мнению В.А. Козьмина, до XVIII в. олень как средство передвижения вряд ли был широко известен обским уграм, хотя существуют летописные (конец XVII в.) упоминания езды на оленях у вогулов Тагила, Туры и Тобола (1980: 167-171). Относительно же оленеводства северных манси В.А. Козьмин предполагает, что они заимствовали его непосредственно от ляпинских ненцев, которые в XVII-XVIII вв. кочевали в пределах Ляпинской волости (1986: 52-53; 2003: 71-72). Вместе с оленеводством как занятием манси заимствовали и комплекс сопутствующих ему предметов: детали одежды, жилище, транспорт, а также пищу.

По мнению большинства исследователей, северные манси являются достаточно поздним образованием. Но существует предположение, что процесс расселения зауральских манси в верхнем и среднем течении Северной Сосьвы начался еще в XI-XIII вв. Он проходил в несколько этапов и был особенно активным в XVII-XVIII вв. из-за вытеснения манси из лесной зоны Зауралья в связи с освоением его русскими (см. например: Пика, 1982: 10).

В этот же период происходят изменения в хозяйственном комплексе. Развивается пушной промысел, требующий подвижности населения, что привело и к дальнейшему развитию оленеводства, именно в транспортных целях. Завершение формирования отгонного горно-таежного оленеводства относят к XIX в. (Головнев, 1993: 96-97).

Несмотря на благоприятные для развития оленеводства условия горных тундр, манси не перешли полностью к кочевому образу жизни. Этому препятствовали стойкие традиции дооленеvodческой культуры и, возможно, проблема с угодьями. На оленьи стада манси нападали коми и русские и угоняли оленей (Источники..., 1987: 18). Большие оленьи стада коми вытаптывали ягельники на мансийских пастбищах.

К XIX в. вогулы-оленеводы на Северном Урале сосредоточились в верховьях р. Лозьвы. На западных склонах Урала осталась лишь небольшая группа (3 семьи). За переселившимися на Лозьву чердынскими вогулами особой грамотой Екатерины II была закреплена занятая ими территория (Малиев, 1872: 13). Первоначально же здесь обитали выходцы с верховьев Северной Сосьвы, вернувшиеся на свою исконную территорию в конце XVIII в. В это время граница между чердынскими и кочующими в ведомстве г. Березова югринскими вогулами проходила по верховьям Лозьвы и правым притокам Пельма (Любарских, 1792: 59). Таким образом, в верховьях Лозьвы и Пельма постоянно шло смешение двух групп угорского населения: переселенцев с верховьев Вишеры и с верховьев Северной Сосьвы.

Обозначенный район оставался той территорией, где и в последующие века проживали манси, хозяйство которых включало в себя оленеводство, хотя постоянно кочевали лишь отдельные семьи.

В середине 1930-х гг. в границах Ивдельского района из 23 хозяйств манси только два были безоленными. На остальных приходилось 974 оленя (всего по району – 1854) (Федорова, 2002: 117).

В середине 1980-х гг. в Свердловской области манси, ведущих традиционный образ жизни, проживало 92 чел. в 32 хозяйствах (Там же: 115). По словам информантов, у верхнелозьвинских манси в это время насчитывалось около 1500 личных оленей. Каждая семья имела свои постоянные пастбища. Зимой олени паслись около жилища. В апреле владельцы индивидуальных стад подгоняли своих животных для летнего выпаса в объединенном стаде. Забой оленей приурочен к Ильину дню. Он сопровождался

праздником, во время которого совершалось жертвоприношение, испрашивалась удача в оленеводстве, благополучие для семьи (Там же: 118).

Профессия оленевода-пастуха у манси Северного Урала в этот период котировалась достаточно высоко. Сквозь ее призму оценивались и другие качества. По словам одного из информантов, тот, кто работал оленеводом в течение 6-7 лет, может быть настоящим охотником. Таким образом, оленеводство и в этом случае не смогло вытеснить охоту. В свободное время пастухи занимались еще и рыболовством. Для того, чтобы они смогли все это осуществить, практиковали сменяемость пастухов. Если позволял состав семьи, замена проводилась ежегодно (Там же: 118-119).

По имеющимся сведениям, в настоящее время оленеводства в верховьях Лозьвы и Пелыма уже не существует.

Как показывают источники, у других территориальных групп северных манси на протяжении всего времени существования оленеводства картина имела определенные отличия.

По данным на 40-е гг. XIX в., домашние олени были известны по всей Северной Сосьве и Ляпину (Головнев, 1993: 100). А.А. Дунин-Горкавич, проанализировав собранные им данные по оленеводству, пришел к выводу, что оно у вогулов и остяков «не блестяще и с трудом удовлетворяет передвижениям населения», число оленей на хозяйство в среднем не более 23, число безоленных хозяйств местами достигало 40 % (1996: 108-109). Кроме того, он указывал на то, что статистические данные по оленеводству XIX в. не соответствуют действительности (Там же: 109). Нужно сказать, что такая ситуация имела место, видимо, и позднее. Так, по сообщениям информантов, во второй половине XX в. число оленей, находящихся в личном пользовании, учитывалось «со слов».

В XX в. в результате коллективизации на территории, занимаемой сосьвинско-ляпинскими манси, были созданы колхозы и совхозы. Но оленеводство в 1930-е гг. было ведущим лишь в сельскохозяйственной артели им. К. Маркса (д. Щекурья) и колхозе им. Сталина (с. Саранпауль). В этих населенных пунктах проживали коми, манси, ненцы. Значительная часть поголовья оленей была обобществлена. В однонациональных селениях, где проживали только манси, олени в основном использовались как транспортное средство, большая их часть находилась в личном пользовании хозяев (подробнее см.: Пивнева, 1995: 87-98).

В результате социально-экономических реформ, проведенных в последующие годы, оленеводство на территории сосьвинских и ляпинских манси оказалось сосредоточенным в совхозе «Саранпаульский» (верховья Ляпина) и Няксимвольском промыслово-охотничьем отделении.

В середине 1970-х гг. в стадах совхоза насчитывалось около 20 000 оленей. В государственных стадах паслись и олени, находившиеся в личном пользовании. У манси их насчитывалось 2-10 голов, у некоторых – 20-40. Из общего числа занятых в оленеводстве (111 чел.) манси составляли 25 %. Одна бригада полностью состояла из манси. В Няксимволе в это время пастухами работали только коми. Несмотря на все преобразования советского периода, оленеводство продолжало сохранять многие традиционные черты (подробнее см.: Федорова, 1986: 140, 155).

К началу 2000-х гг. ситуация с оленеводством ухудшилась. Его продукция почти не пользовалась спросом. Совхоз «Саранпаульский» был преобразован в унитарное оленеводческое предприятие. Поголовье оленей сократилось до 14 000. Было ликвидировано несколько бригад, в том числе и мансийская – как самая затратная. По оценке информантов, манси нет смысла заниматься оленеводством, они больше тяготеют к охоте и рыболовству. Еще одно объяснение: оленеводы-пастухи не могут

создать семьи, поскольку женщины уже не хотят работать в чуме. Там слишком тяжелые условия.

Таким образом, мансийское оленеводство как занятие в исторических масштабах просуществовало не так уж и долго. Причины его угасания, как представляется, кроются не только в реформах советского и постсоветского периодов, разрушивших традиционный жизненный уклад. Олень утратил свою основную функцию – транспортного животного. Сейчас акцент приходится на его символическое значение. Оленеводческая культура требовала большего сохранения традиционных черт, они к рубежу XX – XXI веков оказались более заметны и стали отражать культуру северных манси. Во время крупных праздников ставят чумы, в качестве праздничной сохраняется традиционная зимняя одежда из оленьего меха, с богатым орнаментом. Сам орнамент украшает многие официальные здания. Большим событием является и праздник «День оленевода» (с. Саранпауль) с соревнованиями по национальным видам спорта. Олень остается жертвенным животным, в первую очередь, богу-покровителю оленеводов Нёр-ойке. Возможно, поэтому в стадах оленеводческого предприятия выпасаются частные олени, хотя их у манси сегодня совсем немного.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Этнические традиции как ресурс современного социокультурного развития коренных народов Севера».

Список источников и литературы

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1993. – 204 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. – М.: Изд-во «Либерия», 1996. – Т.3. – 208 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. – 284 с.

Козьмин В.А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 163-171.

Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – 236 с.

Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. – Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1986. – С. 42-57.

Любарских П. Краткое известие о Пермских Чердынских вогуличах // Российский магазин. – СПб, 1792. – Ч.1. – С. 58-88.

Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции // Тр. Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. – Казань, 1872. – Т. III. - № 2. – 27 с.

Пивнева Е.А. Из истории колхозного строительства в Березовском районе Тюменской области // Народы Сибири. – М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1995. – С. 82-109. - (Сибирский этнографический сборник. 7; кн. 2).

Пика А.И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII – XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982. – 21 с.

Федорова Е.Г. Манси-олeneводы Урала // Языки и культура народов ханты и манси: матер. Международной конф., посвящ. 10-летию НИИ обско-угорских народов.

– Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. - Ч.1: Этнология, социология, экономика. – С. 113-119.

Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. – Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1986. – С. 139-156.

Bruce C. Forbes

Finland, Rovaniemi, University of Lapland, Arctic Centre

**RESILIENCE IN SOCIAL-ECOLOGICAL SYSTEMS OF NORTHWEST EURASIA
(RISES)**

Аннотация

RISES проект рассчитан на 4 года и координируется Арктическим центром (Финляндия). В ходе данного проекта мы пытаемся понять особенность устойчивости социально-экологических систем северо-западной Евразии на протяжении разных периодов резкого изменения климата: в позднем голоцене (например, средневековый теплый период, малый ледниковый период) и изменений в конце 20-го века.

RISES is a four-year project funded by the Academy of Finland 2012-2016 and coordinated by the Arctic Centre, University of Lapland. It involves scientists from Finland, Russia, Sweden and Denmark. In Northern Fennoscandia and Northwest Siberia, temperatures have increased 2°C over the past 30 years. RISES aims to understand how resilient the social-ecological systems (SESs) of northwest Eurasia have been throughout periods of dramatic climate change of the late Holocene e.g. the Medieval Warm Period, Little Ice Age and late 20th century. Robust answers to such a complex question require: (i) an interdisciplinary approach to research framing, execution and dissemination; (ii) time scales ranging from decades to centuries; and (iii) state-of-the-art methods for field/lab sampling and analyses. Our general objective is to analyze the long-term resilience of integrated SESs that have been characterized by both climate change and the agency and constant adaptation of, respectively, the Yamal Nenets and the Sámi and their huge reindeer herds. The absence of fenced reindeer pastures in Yamal affords a rare opportunity to test key assumptions concerning long-term resilience in comparison with northern Fennoscandia. Intensive participant observation and interviews for developing oral histories will take place at all times of year. Standardized experiments in both regions will address contemporary flora/fauna/soils in a quantitative manner to mesh with the more qualitative and descriptive palaeoecological and oral history narratives. Multiple palaeoecological lines of evidence will be investigated via: (i) fossil/subfossil pollen and coprophilous fungus data from high-resolution peat cores; (ii) ancient DNA extracted from plant fragments in frozen soils at campsites for which the period of occupation is known; and (iii) fossil/subfossil wood/charcoal/insect fauna from indigenous campsites/environs. Fieldwork on Yamal Peninsula and northern Fennoscandia will begin in 2013.

A. Oehler

Great Britain, Scotland, University of Aberdeen

**FROM SINGLE TO MULTI-SPECIES: ETHNOGRAPHIC AND
ARCHAEOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE SAIANS**

Abstract

Archaeological and ethnographic literature on human animal relations in southern Siberia is marked by an emphasis on the origin of reindeer domestication and the development of the Saian style of husbandry. Explorers of the early 20th century, such as Alexander Carruthers (1914) and Ørjan Olsen (1915 a; 1915 b), were among the first to draw attention to southern Siberia as a place of origins. This way of representation perhaps finds its hiatus in the work of Soviet archaeologist and ethnographer Sevia Vainshtein (1972). Although the focus of the debate on the origins of reindeer domestication has since shifted to genetics (e.g. Kol and Lazebny 2006), the ethnography of southern Siberia remains influential in non-indigenous representations of the lives of indigenous peoples residing within the Saian region. In this paper I attempt to outline three connected themes from the ethnographic literature of the Saian region: place as 'original homeland', the representation of multispecies, and cosmology in the context of human-animal relations. My aim is to call for a critical study of regional cosmology over the past 200 years, especially as regards human animal relations, and to move toward a more inclusive focus on multispecies in contemporary ethnography of the region. I conclude with a note on regional representations and the importance of multivocality in south Siberian ethnography.

СОДЕРЖАНИЕ

IN MEMORIAM

ПОЧУВСТВОВАТЬ ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ, ДЫХАНИЕ НАРОДОВ.....	3
РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ: ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСПОМИНАНИЯХ.....	10
И.Г. Петров	
РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БАШКОРТОСТАНЕ	16
Ф.Г. Сафин, А.И. Фатхутдинова	
Р.Г. КУЗЕЕВ ОБ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ.....	24
Н.А. Томилов	
РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ	27
Г.А. Аксянова	
НЕЗАРАСТАЮЩИЕ МАРШРУТЫ М.А. КАСТРЕНА: АНТРОПОЛОГИЯ САМОДИЙСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	34
А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ М.А. КАСТРЕНА ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ	39
А.В. Жук	
М.-А. КАСТРЕН В РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	42
Ф.Г. Галиева	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	46
Л.А. Чвырь	
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ТУРКЕСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Б.А. ЛИТВИНСКОГО: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ	49
М.В. Константинов, Т.А. Константинова	
СИБИРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИВАНА ПОЛЯКОВА	53
Seija A. Niemi	
SOME EARLY OBSERVATIONS ON THE CHUKCHI PEOPLE MADE BY ADOLF ERIK NORDENSKIÖLD IN 1878-1879.....	56
Е.Ш. Соломон	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЗОСТРУКТУРЫ ЭТНОСОВ В ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИИ СИБИРИ ИГУ	59

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH: THEORY, TECHNIQUES, HISTORIOGRAPHY, SOURCES

М.Л. Бережнова, К.Ю. Гизиева	
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В РУССКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ	63
Н.А. Берсенева	
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ КАК СИМВОЛ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ЗАУРАЛЯ).....	68
А.Ю. Борисенко	
НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И СТЕЛЫ С ТАМГАМИ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИЕЙ И.Г. ГРАНЭ В 1909 г.	71
Д.Л. Бродянский	
ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ ПРИМОРЬЯ	75
П.К. Дашковский, Н.С. Гончарова	
ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА	76
В.А. Демкин, Т.С. Демкина, С.Н. Удальцов, Т.Э. Хомутова	
ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ	81

Г.Л. Иванов СЕНОГДИНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАЙОНА СЕЛА ОЕК (ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРОВ П.П. ХОРОШИХ В ИРКУТСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ).....	87
С.А. Ковалевский ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	91
Е.В. Ковычев, А.А. Номоконов МОГИЛЬНИК УНДУГУН: ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.....	95
М.А. Корусенко, А.В. Полеводов НЕКРОСФЕРА РИТУАЛА: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ	100
М.А. Корусенко, С.С. Тихонов СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ	106
С.Н. Корусенко ИЗ ИСТОРИИ РОДА ШИХОВЫХ: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	111
Н.В. Лещенко БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА	115
А.В.Матвеев, С.Ф.Татауров «РАННИЕ ТАТАРЫ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. НАЧАЛО ДИСКУССИИ	122
А.В.Матвеев, С.Ф.Татауров «ТАТАРСКАЯ КЕРАМИКА» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПОЯВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА.....	127
И.Р. Нигаматзянов ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА	134
А.В. Овчинников СООТНОШЕНИЕ ЭТНОСА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ (СОВЕТСКИЙ ЭТАП КОНСТРУИРОВАНИЯ МИФА)	138
Н.Л. Погодина РИТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ А. Г. ПЕТРЕНКО (ПО ДАННЫМ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	141
Г.Н. Поплевко КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	145
А.А.Сирина, В.Н. Давыдов ПРОЕКТ ПЕРЕВОДА КНИГИ С.М. ШИРОКОГорова «SOCIAL ORGANIZATION OF THE NORTHERN TUNGUS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИЗДАНИЯ В СЕРИИ «ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»	150
Н.А. Томилов ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ОМСКИХ ЭТНОГРАФОВ.....	152
Н. Härke POST-SOVIET MATERIAL CULTURE CHANGE IN RUSSIA: AN ETHNOARCHAEOLOGICAL CASE STUDY OF 'EMPIRE COLLAPSE'?	156
Е.В. Шелепова АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР МОНГОЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.....	160

АРХЕОЛОГИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ENVIRONMENTAL ARCHAEOLOGY

С.В. Батаршев СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ	165
И.И. Бахшиев, Р.И.Бахшиев ИЗУЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ И МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	168
Е. Bezrukova, P. Letunova, N. Kulagina, O.G. Sharova VEGETATION AND CLIMATE DYNAMICS AROUND LAKE BAIKAL SINCE THE MIDDLE HOLOCENE AND ITS POSSIBLE IMPACT ON ANCIENT SOCIETIES	172
Н.Е. Бердникова, Г.И. Воробьева ДИНАМИКА ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ	

В ФИНАЛЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА НА ЮГЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ	175
Е.А. Бессонова, Ю.А. Оптева	
ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ПЛАНА ГОРОДИЩА КОКШАРОВКА-1 В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОТЕПЛЕНИЯ	178
А.А. Бурханов, А.Х. Тухватуллин, И.Р. Нигаматзянов	
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ТАТАРСТАНЕ	182
Т.А. Васильева	
СЛЕДЫ НАВОДНЕНИЙ И ПОЖАРОВ В ЖИЗНИ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ГОРОДА (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ).....	188
С.Б. Верещагин	
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ СТАРАЯ ЧИТА В 2011 г.	192
Е.А. Волжанина	
ТРАДИЦИОННЫЕ КОЧЕВЫЕ МАРШРУТЫ НЕНЦЕВ НА ЯМАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.	195
А. Henry, S. Beyries	
FIRE, HEARTHS AND FIREWOOD: ETHNOARCHAEOLOGY AND EXPERIMENTAL ARCHAEOLOGY FOR UNDERSTANDING PASTHUMAN LINKED TO FIRE: THE CONTRIBUTION OF CHARCOAL ANALYSIS	198
О.В. Дьякова	
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ	198
(МОХЭ-БОХАЙСКОЕВРЕМЯ).....	
А.В. Епимахов	
СИНТАШТИНСКОЕ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО УРАЛА)	202
Е.Д. Жамбалтарова	
МИМ-АДАПТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ФОФОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА).....	205
М.Ю. Здор, М.А. Корусенко	
ОТОПИТЕЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ТАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ АЛЕКСЕЕВКА-51 И ЧЕРТАЛЫ-1)	209
П.В. Мандрыка, П.О. Сенторусова	
ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА СТОЯНКИ ИТОМИУРА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ	214
Д.А. Миягашев	
ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	220
П.В. Мороз, Г.А. Юргенсон	
ПАЛЕОВУЛКАНЫ КАК ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ.....	224
U. Odgaard	
REINDEER – RIGHTS AND ETHICS IN GREENLAND.....	230
И.Ю. Понкратова	
ТРАДИЦИОННАЯ ПОСУДА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ	233
С.Д. Прокопец	
ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА НИКОЛАЕВСКОЕ I КАК МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА	238
А.М. Rautio	
UNDERSTANDING HISTORICAL SAMI LAND-USE PATTERNS BY STUDYING THE USE OF SCOTSPINE INNER-BARK AND ANGELICA ARCHANGELICA.....	241
Н.А. Рудая, Л.Б. Назарова, Д.К. Нургалиев, О.В. Палагушкина, Д.В. Папин, Л.А. Фролова	
ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ КУЛУНДЫ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ: РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, КЛИМАТ И ЧЕЛОВЕК	243
Г.Х. Самигулов	
ЧЕЛОВЕК И ЕГО ГОРОД: ОТНОШЕНИЕ К «ВМЕЩАЮЩЕМУ ЛАНДШАФТУ» ЖИТЕЛЕЙ ЗАУРАЛЬСКИХ ГОРОДОВ XVIII-XIX ВЕКОВ	247
Л.Р. Сафарова, А.С. Якимов	
ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА «ЗАВОДОУКОВСКОЕ 11».....	250

Л.В. Татаурова	
СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИВ XVII-XVIII ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ: АДАПТАЦИЯ И РАЗВИТИЕ	254
В.И. Терентьев	
РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ).....	258
А.В. Тетенькин	
ПЛАНИГРАФИЯ 1-2 КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КОВРИЖКА III НА НИЖНЕМ ВИТИМЕ.....	261
К.Н. Тихомиров	
НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ИРТЫШСКИХ ТАТАР В XVII — XIX ВВ.....	266
А.А. Тишкин	
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕНТРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ БУЯНТА (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ) КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТАЦИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЛЕМЕН К ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ РЕГИОНА.....	270
N.I.Bykov, A.A.Tishkin	
CLIMATIC CHANGES IN ALTAI AND MODERN CULTURAL-CHRONOLOGICAL CONCEPT OF STUDYING OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY	273
А.В.Харинский, Дж. Зайкер	
ПАСТБИЩНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ДОМАШНЕГО ОЛЕНЯ И ЕЁ ИСКУССТВЕННЫЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ МАРКЕРЫ: НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ «УЛУКИ» (СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИЙ РАЙОН БУРЯТИИ)	277
П.И. Шульга	
ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В III ТЫС. ДОН. Э. – II ТЫС. Н.Э.....	280

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ
BIOSOCIALITY: NEW CONCEPTIONS OF HUMAN
AND OR ANIMAL AGENCY AS DOCUMENTED
BY ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH**

D.G. Anderson	
ARCTIC DOMESTICATION AND THE MEANING OF ‘WILD’ AND ‘TAME’	286
Д.В. Арзютов	
«ЦЕРКОВНЫЕ ОЛЕНИ»: ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО В РАННЕЙ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ СРЕДИ НЕНЦЕВ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ.....	286
Ivar Bjorklund	
ON DOMESTICATION, TRANSFORMATION AND THE CONCEPT OF TRADITION RE. SAMI REINDEERHERDING IN FINNMARK, NORTHERN NORWAY	290
Gro V. Ween	
CLEVER FISH? EXPLORING SALMON AGENCY IN THE TANA RIVER IN ARCTIC NORWAY	291
В.Н. Давыдов	
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ОЛЕНЕВОДОВ И БОРЬБА С ХИЩНИКАМИ: ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ	292
К.Б. Клоков	
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ТИПАМИ ОЛЕНЕВОДСТВА, ПОРОДАМИ ДОМАШНЕГО И ПОДВИДАМИ ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ	295
Mari Kuorppa	
PALAEOECOLOGY AND RESILIENCE OF GRAZING ECOSYSTEMS IN NORTHWEST EURASIA, A PALYNOLOGICAL PERSPECTIVE	298
Р.Д. Лозей, В.И. Базалийский, С. Гарвье-Лок, М. Жермонпре	
ОСТЕОБИОГРАФИЯ СОБАКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ШАМАНКА II	301
Т.Ю. Номоконова, Р.Дж. Лозей, В.Н. Якунаева, Ю.А., Емельянова, М.В. Пастухов	
ЭТНОЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОХОТЕ НА НЕРПУ НА БАЙКАЛЕ	307
Я.Е. Лукерина	
ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЛОШАДЕЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ	310
Н.В. Мартынович	
ПТИЦЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 (НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ).....	315

А.А. Тишкин, Я.Е. Лукерина	
ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАНКИ СОБАК В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АЛТАЯ И ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ.....	319
Е.Г. Федорова	
ВСЛЕД ЗА ОЛЕНЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНЫХ МАНСИ).....	322
Bruce C. Forbes	
RESILIENCE IN SOCIAL-ECOLOGICAL SYSTEMS OF NORTHWEST EURASIA (RISES)	326
A. Oehler	
FROM SINGLE TO MULTI-SPECIES: ETHNOGRAPHIC AND ARCHAEOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE SAIANS	3267

Интеграция археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

Подготовлено к печати Л.Н. Кургузовой
Печатается с файлов, предоставленных авторами